Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and Social Educational Ideas

ТОМ 8 № 6 Часть 1 2016

Электронная версия: **http://www.hist-edu.ru**

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 26/15 от 17 июня 2011 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

В 2015 году журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» стал членом международной ассоциации PILA (Publishers International Linking Association). Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г. присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом АССОЦИАЦИИ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ (АНРИ)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-37035
от 4.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Главный редактор
Е.В. Штурба
д. и. н., профессор

Научный редактор
д. и. н., профессор
В.А. Штурба

Заведующий редакцией
Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии
А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов
Т.А. Халилов

Корректор
А.Ф. Мишина

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.
Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»
Тел/факс: 8 861 237-62-19
E-mail: **akademus07@rambler.ru**

Учредители:

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт

Historical and Social Educational Ideas

VOLUME 8 # 6 Part 1 2016

Web version address**: http://www.hist-edu.ru**

The Academic Journal «Historical and Social-educational idea's» has entered into the list of academic periodicals under review (those intended to publish the summaries on the study' outcomes, upon the theses nominated for Doctoral Degrees or the Candidate' standing), with the Resolution No 26/15 by the Supreme Attesting Commission Panel under the Russian Federation' Ministry of Education and Science, issued on June 17th, 2011.

The journal «*Historical and Social-Educational I*deas» is member of the International Association PILA (Publishers International Linking Association). Unique alphabetic-digital identifiers DOI (*Digital Object Identifier*) are assigned to the articles of the journal *Historical and Social-Educational Ideas*, starting from its issue N 6, 2014.

Editorial Board member of the ASSOCIATION OF SCIENCE EDITORS AND PUBLISHERS (ASEP)

Certificate of Incorporation:
ПИ No ФС77 - 37035
of August 4th, 2009

ISSN 2075-9908 (Hard Copies)
ISSN 2219-6048 (Web Online Version)

Editor-in-Chief:
E.V. Shturba,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Research Supervisor:
V.A. Shturba,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Head of Editorial Board:
N.V. Vavilkina

Web layout Designer:
A.M. Litvinov

Editor for the English Wording:
T.A. Khalilov

Proofreader:
A.F. Mishina

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Federation Academic Citation Index operated by the Russian Research E-Library.
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the Publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

OFFICE ADDRESS:

32 Zavodskaya Str., Apt.301, Pashkovsky micro-distr.,
Krasnodar city, 350080 RUSSIA
Journal «Historical and Social educational idea's» Editorial Office
Phone/fax: 8 861 237-62-19
E-mail: **akademus07@rambler.ru**

Incorporators:

Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
Northern Kuban Region Institute for the Humanities and Technologies

Редакционный Совет

Председатель Редакционного Совета

Волков Юрий Григорьевич, заслуженный деятель науки РФ, действительный член академии социальных наук России, доктор философских наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет

Ростов на Дону. Россия

Абрамов Валерий Петрович, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Российской академии естественных наук, член правления президиума РОПРЯЛ, декан филологического факультета, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, Кубанский государственный университет

Краснодар. Россия

Астанина Лариса Викторовна, доктор исторических наук, профессор, ректор, Московский Институт Современного Академического Образования

Москва. Россия

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет

Ереван. Армения

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса

Москва. Россия

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет

Тель-Авив. Израиль

Ващенко Александр Николаевич, доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и управления, Волгоградский институт бизнеса, главный редактор научного журнала «Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса»

Волгоград. Россия

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет

Краснодар. Россия

Editorial Council

Editorial Board Chairman

Yuriy G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

Rostov-on-Don. Russia

Valeriy P. Abramov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philological Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Board of Presidium of Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature, Dean of Philological Faculty, Head of Department of Russian as Foreign Language, Kuban State University

Krasnodar. Russia

Larisa V. Astanina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of Moscow Institute of Modern Academic Education

Moscow. Russia

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University

Yerevan. Armenia

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III

Moscow. Russia

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitskaya, Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University

Tel-Aviv. Israel

Aleksandr N. Vashchenko, Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Economic Sciences and Management, Volgograd Institute of Business, Editor-in-Chief of Scientific Journal «Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Institute of Business»

Volgograd. Russia

Veronika M. Grebennikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University

Krasnodar. Russia

Гомулка Кристина, доктор философии, профессор истории, Гданьский политехнический университет

Гданьск. Польша

Krystyna Gomolka, Doctor of Philosophy, Professor of History, Gdansk Polytechnic University

Gdansk. Poland

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Sergey P. Grushevsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University

Krasnodar. Russia

Догнал Йосеф, доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика)

Брно. Чешская Республика

Josef Dohnal, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic), Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University (Brno, Czech Republic)

Brno. Czech Republic

Икэда Ёсиро Доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет.

Токио, Япония

Yoshiro Ikeda, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo,

Tokyo, Japan

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Ростов-на-Дону. Россия.

Sergey A. Kislitsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Rostov-on-Don. Russia

Козодой Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, президент и учредитель, Сибирская академия управления и массовых коммуникаций

Новосибирск. Россия.

Viktor I. Kozodoi, Doctor of Historical Sciences, Professor, President and Founder, Siberian Academy of Management and Mass Communications

Novosibirsk. Russia

Ратушняк Валерий Николаевич, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель науки Кубани, действительный член Академии социальных наук, член-корреспондент Международной Академии высшей школы, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Кубанский государственный университет

Краснодар. Россия

Valery N. Ratushnyak, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Scientist of Kuban, Member of Academy of Social Sciences, Corresponding Member of International Academy of Higher School, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Kuban State University

Krasnodar. Russia

Spulber Diana, доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме
Генуя. Италия

Diana Spulber, Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome
Genoa. Italy

Токтосунова Адаш Искандеровна, доктор политических наук, профессор, Восточный университет им. Махмуда Кашгари, консультант-эксперт, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ от Кыргызской Республики
Бишкек. Кыргызстан

Adash I. Toktosunova, Doctor of Political Sciences, Professor, Mahmud Kashgari Eastern University, Expert-Consultant, Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of CIS Member States from the Kyrgyz Republic

Bishkek. Kyrgyzstan

Figus Alessandro – доктор философии, профессор истории, международных отношений и европейского права, председатель отделения Эразмус, Link Campus University, приглашенный профессор, Университет Париж I Пантеон-Сорбонна

Генуя. Италия

Alessandro Figus, Doctor of Philosophy, Professor of History, International Relations and EU Law, Chairman of Erasmus Department, Link Campus University, Visiting Professor, Paris I Sorbonne-Pantheon University

Genova. Italy

Цыганков Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук, университет Сан-Франциско

Сан-Франциско. США

Шанин Теодор, доктор философии, профессор социологии, Манчестерский университет (г. Манчестер, Великобритания), президент, Московская высшая школа социальных и экономических наук (г. Москва, Россия), почётный член Российской академии сельскохозяйственных наук

Москва. Россия.

Штурба Виктор Александрович, член-корреспондент Российской академии естественных наук, член Ассоциации научных редакторов и издателей, Отличник Народного Просвещения РСФСР, Отличник Образования Высшей Школы, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет

Краснодар. Россия

Чепель Татьяна Леонидовна, действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет

Новосибирск. Россия

Andrei P. Tsygankov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University

San Francisco, USA

Teodor Shanin - Doctor of Philosophy, Professor of Sociology, University of Manchester (Manchester, UK), President, Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia), Honorary Member of Russian Academy of Agricultural Sciences

Moscow. Russia.

Viktor A. Sturba, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Member of Association of Science Editors and Publishers, Excellent Specialist of Public Education of RSFSR, Excellent Specialist of Graduate School Education, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University

Krasnodar. Russia

Tatyana L. Chepel, Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University

Novosibirsk. Russia

Редакционная коллегия

Главный редактор

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Бедерханова Вера Петровна, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, доктор педагогических наук, профессор, кафедра социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону. Россия

Зотов Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор, кафедра литературы, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
Таганрог. Россия

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Микерова Галина Жоршовна, заслуженный учитель РФ, член-корреспондент Российской академии естествознания, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и методики начального образования, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
Москва. Россия

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, кафедра философии и социологии, Краснодарский университет МВД России
Краснодар. Россия

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Editorial board

Editor-in-Chief

Evgeny V. Sturba, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Vera P. Bederkhanova, Corresponding Member of International Academy of Akmeological Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogy, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Anna V. Vereshchagina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, South Federal University
Rostov-on-Don. Russia

Sergei N. Zotov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Literature, Chekhov Taganrog Institute (Rostov State University of Economics Branch)
Taganrog. Russia

Valeriy V. Kasyanov, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Galina Zh. Mikerova, Honored Teacher of the Russian Federation, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Primary School, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Sergei A. Nevskiy, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, National Research Institute of Russian Ministry of Internal Affairs
Moscow. Russia

Mikhail Yu. Popov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of Russian Ministry of Internal Affairs
Krasnodar. Russia

Alexander L. Faktorovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University
Krasnodar. Russia

СОДЕРЖАНИЕ		CONTENTS
Международная конференция		***International conference***
АФОНИНА Н. И., г. Великий Новгород, Россия ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА РАННЕГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР	15	AFONINA N. I., Veliky Novgorod, Russia, ORGANIZATION OF PEDAGOGICAL SUPPORT OF DEVELOPMENT OF EARLY AGE THE CHILD IN CONDITIONS IN THE INTERACTION OF NATIONAL CULTURES
БАРАНОВ А. В. г. Краснодар, Россия ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ ШАХТЕРОВ В СССР (1988-1991 гг.) КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ: ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	19	BARANOV A. V. Krasnodar, Russia MINERS' STRIKE MOVEMENT IN THE USSR (1988–1991) AS THE EXPRESSION OF SOCIAL SELF-ORGANIZATION: STAGES OF HISTORICAL DEVELOPMENT
БУБЛИЧЕНКО В.Н. г. Ухта, Россия ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ЧЕРЕЗ РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДЕТСКИХ ТРУДОВЫХ КОЛОНИЯХ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ (1935-1956 гг.)	26	BUBLICHENKO V. N. Ukhta, Russia ENSURING THE SAFETY OF THE SOVIET STATE THROUGH THE DEVELOPMENT OF SCHOOL EDUCATION IN CHILDREN'S LABOR COLONIES IN EUROPEAN NORTH OF RUSSIA (1935 - 1956)
ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА Е.В. г. Ростов-на-Дону, Россия ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ	31	E. V. ZOLOTUKHINA-ABOLINA, Rostov-on-Don, Russia EXISTENTIAL-PSYCHOLOGICAL AND CULTURAL-IDEOLOGICAL ASPECTS OF RELATIONS BETWEEN THE GENERATIONS
ЮРЧЕНКО И. В., ДОНЦОВА М. В., г. Ростов-на-Дону, Россия КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НОВОМ ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ЦИКЛЕ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)	38	YURCHENKO I.V., DONTSOVA M. V., Rostov-on-Don, Russia CONFLICTOLOGICAL EXPERTISE OF THE REGIONAL SECURITY PROBLEMS IN THE NEW ELECTORAL CYCLE (IN THE CONTEXT OF KRASNODAR TERRITORY)
Исторические науки		***Historical Sciences***
АФОНАСЬЕВА О. В., г. Ишим, Россия ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИШИМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОМСКОГО ЖАНДАРМСКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В 1914-1917 ГГ. (ПО ДОКУМЕНТАМ ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА)	47	AFONASEVA O. V., Ishim, Russia, ACTIVITIES OF ISHIM OFFICE OF THE OMSK GENDARME POLICE ADMINISTRATION OF THE RAILWAYS IN THE 1914-1917 YEARS (ACCORDING TO THE TYUMEN STATE ARCHIVE DOCUMENTS)
БУРУХИНА Е. Н., КОВАЛЕВСКАЯ Н. В., г.Санкт-Петербург, Россия ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ ФИНЛЯНДИИ В ОТНОШЕНИИ ЕС, НАТО, ПРМ И СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В XXI ВЕКЕ	51	BURUKHINA E. N., KOVALEVSKAYA N. V., Saint Petersburg, Russia SECURITY AND DEFENSE POLICY OF FINLAND TO THE EU, NATO, PFP AND THE NORDIC COUNTRIES IN THE XXI CENTURY
ГЕРГИЛЕВ Д. Н., г. Красноярск, Россия СИБИРЬ КАК ПРИМЕР ПОИСКОВ ОПТИМАЛЬНОГО АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ	56	GERGILEV D. N. Krasnoyarsk, Russia SIBERIA AS AN EXAMPLE OF OPTIMAL RUSSIAN ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL STRUCTURE SEARCHING
КОКОРИНА Л. Б., г. Кемерово, Россия ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1925-1985 ГГ.	62	KOKORINA L. B., Kemerovo, Russia FEATURES OF SOCIAL DEVELOPMENT OF THE CITIES OF WESTERN SIBERIA IN 1925-1985
КОКОРХОЕВА Д.С., г. Назрань, Россия СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИОГРАФИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА 1920-1930-х гг. В АВТОНОМИЯХ РСФСР НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	68	KOKORKHOEVA . D.S., Nazran, Russia CURRENT TRENDS OF NATION-BUILDING HISTORIOGRAPHY OF 1920-1930S IN RSFSR AUTONOMIES IN THE NORTH CAUCASUS
КТИТОРОВ С.Н., г. Армавир, Россия ЗАСТРОЙКА И АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК АРМАВИРА В КОНТЕКСТЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX в.	74	KTITOROV S. N., Armavir, Russia CONSTRUCTION AND ARCHITECTURAL APPEARANCE OF ARMAVIR IN THE CONTEXT OF ETHNIC-DEMOGRAPHIC PROCESSES OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

МАКЕДОНСКИЙ А. В., г. Москва, Россия КУЛЬТУРНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РККА ВО ВРЕМЯ ПОЛЬСКОЙ КАМПАНИИ 1939 ГОДА.	83	MAKEDONSKY A.V., Moscow, Russia CULTURAL PROVISION OF WORKERS AND PEASANTS OF RED ARMY SERVING SOLDIERS DURING POLISH CAMPAIGN OF 1939
ПЕЧЕРСКИЙ В. А., г. Абакан, Россия СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945-1953 гг.)	88	PECHERSKIJ V.A., Abakan, Russia JUDICIAL AUTHORITIES OF THE KHAKASS AUTONOMOUS REGION IN THE POSTWAR YEARS (1945-1953)
ПОЛЕТАЕВ В. Э. г. Москва, Россия ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ БАЗЫ БАНКОВСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ТРАНЗИТА НА РУБЕЖЕ XX-XXI вв.	95	POLETAEV V. E., Moscow, Russia FORMATION OF LEGAL BASE OF RUSSIAN BANK POLICY IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION TRANSIT AT A BOUNDARY OF THE XX-XXI CENTURIES
СУСЛОВ М.Г., г. Пермь, Россия ЧТО МЕШАЛО РАЗВИТИЮ СЕРВИСА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ?	100	SUSLOV M. G., Perm, Russia WHAT PREVENTED THE DEVELOPMENT OF SERVICES IN RUSSIA AT THE TURN OF 19-20 CENTURIES?
ХАРИНА Н. С. г. Ханты-Мансийск. Россия НАЧАЛО ХРИСТИАНИЗАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ОБСКОГО СЕВЕРА	105	KHARINA N. S., Khanty-Mansiysk, Russia BEGINNING OF CHRISTIANIZATION OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE OB NORTH
ЧЕРНЕНКО Д. А., г. Москва, Россия ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЧВ В КНИГАХ ВАЛОВОГО ПИСЬМА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В. (НА ПРИМЕРЕ СУЗДАЛЬСКОГО УЕЗДА)	111	CHERNENKO D. A., Moscow, Russia CHARACTERISTICS OF SOIL IN THE CADASTER OF THE FIRST THIRD OF THE XVII CENT. (SUZDAL DISTRICT)
ШАВЛОХОВА Е. С., г. Краснодар, Россия ХРИСТИАНИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КАК ЭТАП ВКЛЮЧЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИИ	118	SHAVLOKHOVA . S., Krasnodar, Russia CHRISTIANIZATION OF THE POPULATION OF THE NORTH CAUCASIAN PEOPLES AS THE STAGE OF INCLUDING IN THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL SYSTEM OF RUSSIA
ЮМАШЕВА Ю. Ю. г. Москва, Россия ИСТОРИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ АРХИВНОГО ДЕЛА (2005−2015 гг.)	123	YUMASHEVA J. Yu., Moscow, Russia HISTORIOGRAPHY OF RESEARCHES IN THE FIELD OF THE INFORMATISATION OF RUSSIAN ARCHIVES (2005−2015)
Социологические и гуманитарные науки		***Sociological and Humanities Sciences***
АФОНЬКИНА Ю.А., г. Мурманск. Россия КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ИНКЛЮЗИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ»	129	AFONKINA Yulia A., Murmansk, Russia CATEGORIZATION OF THE "INCLUSIVE POTENTIAL" CONCEPT
ЕРАХТИН А. В., г. Иваново, Россия ИСТИНА В ФИЛОСОФИИ И НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ	133	ERAKHTIN A. V., Ivanovo, Russia TRUTH IN PHILOSOPHY AND SCIENTIFIC COGNITION
ЗАЙКО Т. М., ПЕТУХОВ Е. Н., г. Екатеринбург, Россия К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА: СОЦИОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	137	ZAYKO T.M., PETUKHOV, E. N., Ekaterinburg, Russia TO THE QUESTION ABOUT THE STUDY OF THE PERSONALITY OF JUVENILE OFFENDERS: SOCIO-LEGAL ASPECT
КАРДАНОВ Р.Р., ШХАГАПСОЕВА М. Х., г. Нальчик, Россия ПОНИМАНИЕ НОРМЫ ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ	142	KARDANOV R. R., SHKHAGAPSOEVA M. Kh., Nalchik, Russia UNDERSTANDING OF RULE OF LAW IN NATIONAL LEGISLATION AND INTERNATIONAL LAW
КУРОЧКИНА В. Е., БОНДАРЕВ П. Б., г. Краснодар, Россия ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНОГО РЕАГИРОВАНИЯ ЮНОШЕЙ РУССКОЙ, УКРАИНСКОЙ И АРМЯНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ	146	KUROCHKINA V. E., BONDAREV P. B., Krasnodar, Russia FEATURES OF CONFLICT RESPONSE OF YOUTH RUSSIAN, UKRAINIAN AND ARMENIAN NATIONALITIES LIVING IN KRASNODAR REGION

ПЕТКОВА С. М. КАЛИНИНА Г. К. ЮНОСОВА А.А. г. Ростов-на-Дону, Россия К АНАЛИЗУ ИНСТИТУТА ПИРА В ОБЩЕСТВАХ ТРАДИЦИОННОГО ТИПА: ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ И ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ	150	PETKOVA S. M., KALININA G. K., UNOSOVA A. A., Rostov-na-Donu, Russia TO ANALYSIS THE INSTITUTE THE FEAST IN TRADITIONAL SOCIETIES: THE EVOLUTION OF FORMS AND BASIC FUNCTIONS
ТРОНЕВСКАЯ М. А., г. Ставрополь, Россия СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОГО НАСЕЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ КАК ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ ИНТЕРНЕТ	155	TRONEVSKAYA M. A., Stavropol, Russia SOCIOLOGICAL PORTRAIT OF ECONOMICALLY ACTIVE POPULATION AS INTERNET-USERS: STAVROPOL TERRITORY CASE
ЧАРЫШЕВА С.Р., г. Москва, Россия ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ И ПРОДУКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ	160	CHARYSHEVA S. R. Moscow, Russia TRANSFORMATION OF PERSONALITY AND MANAGEMENT PRODUCTIVITY
Образование и педагогические науки		***Education and Pedagogical Sciences***
АБДУРАЗАКОВ М. М., ЦВЕТКОВА О.Н., МИРОНОВА И.В., г. Москва, Россия ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ	167	ABDURAZAKOV M.M. TSVETKOVA O.N., MIRONOVA I.V. Moscow, Russia PRESENTATION OF INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN THE EDUCATIONAL CYBERSPACE
АНДРАФАНОВА Н. В., г. Краснодар, Россия О ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДМЕТНОЙ ИКТ-КОМПЕТЕНТНОСТИ БАКАЛАВРОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» (ПРОФИЛЬ МАТЕМАТИКА И ИНФОРМАТИКА)	173	ANDRAFANOVA N. V., Krasnodar, Russia FORMATION OF THE SUBJECT BACHELORS ICT-COMPETENCE DIRECTION “PEDAGOGICAL EDUCATION” (MATHEMATICS AND COMPUTER SCIENCE PROFILE)
АРХИПОВА М. В., ЖЕРНОВАЯ О. Р., г. Нижний Новгород, Россия ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	177	ARKHIPOVA M. V., ZHERNOVAYA O. R., Nizhniy Novgorod, Russia EXPERIMENTAL RESEARCH OF STUDENTS’ MOTIVATION WHILE LEARNING A FOREIGN LANGUAGE AT SCHOOL
ВОЛОДИНА Е. Н., г. Тюмень, Россия МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	180	VOLODINA E. N., Tyumen, Russia MODEL OF LINGUISTIC PERSONALITY DEVELOPMENT IN THE SYSTEM OF GENERAL EDUCATION
ВЕТХОВА Е. Р., АРХИПОВА М.В., г. Нижний Новгород, Россия ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: ВЗАИМОСВЯЗЬ ВОЗРАСТНОГО ФАКТОРА И ВЛИЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РОСТ МОТИВАЦИИ ОБУЧАЕМЫХ	186	VETKHOVA E. R., ARKHIPOVA M.V., Nizhniy Novgorod, Russia FOREIGN LANGUAGE STUDY: THE RELATIONSHIP BETWEEN AGE FACTOR AND ITS IMPACT ON MOTIVATION
ЛОБЖАНИДЗЕ Г. И., г. Хабаровск, Россия ТЕРМИНЫ «КОМПЕТЕНТНОСТЬ» И «КОМПЕТЕНЦИЯ» В НОРМАТИВНОЙ БАЗЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ И ИХ СВЯЗЬ С ПЕРЕГОВОРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТЬЮ	189	LOBZHANIDZE G. I. Khabarovsk, Russia VARIOUS APPROACHES TO THE TERM “COMPETENCE” IN FEDERAL LEGAL DOCUMENTS AND THEIR CONNECTION WITH THE NEGOTIATION COMPETENCE
МАКАРОВА К.В., г. Москва, Россия ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА КАК СОВРЕМЕННЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН	195	MAKAROVA K.V., Moscow, Russia E-BOOK AS A MODERN CULTURAL PHENOMENON
МИРОНЕНКОВА Н. Н., г. Новочеркасск, Россия АССОЦИАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ВЫБОР УЧАЩИХСЯ .	201	MIRONENKOVA N. N., Novocherkassk, Russia ASSOCIATIONS AND THEIR INFLUENCE ON THE VALUE-SENSE SELECTION OF STUDENTS
МИХАЙЛОВА А. Г., г. Севастополь, Россия КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТВОРЧЕСКИХ УМЕНИЙ У БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ НА ОСНОВЕ АКМЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА	206	MIKHAYLOVA A. G., Sevastopol, Russia CONCEPT OF FORMATION OF PROFESSIONALLY-CREATIVE SKILLS OF FUTURE ENGINEERS ON THE BASIS OF ACMEOLOGICAL APPROACH

ОЧУР Н. М., г. Кызыл, Россия МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ОСНАЩЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ШКОЛ ТУВЫ В 1990-е - НАЧАЛЕ 2000-х ГОДОВ	212	OCHUR N. M., Kyzyl, Russia MATERIAL AND TECHNICAL SUPPLY AND PROCUREMENT OF EDICATIONAL PROCESS OF THE SCHOOLS OF TUVA IN 1990S AND EARLY 2000S
ПОПОВА Т. П., НЕНАШЕВА Т. А., г. Нижний Новгород, Россия ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ (МОДЕЛЬ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ)	218	POPOVA T. P., NENASHEVA T. A., Nizhny Novgorod, Russia INFORMATION TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN A HIGHER SCHOOL (BLENDED LEARNING MODEL)
САДОВНИКОВА В. Н., г. Тула, Россия ПОДГОТОВКА АКТЕРА: МЕТОД М.А. ЧЕХОВА	227	SADOVNIKOVA V. N., Tula, Russia ACTOR'S TRAINING: M.A. CHEKHOV'S METHOD
СОСНИН А. В., г. Нижний Новгород, Россия К ВОПРОСУ О СТОХАСТИЧНОМ ХАРАКТЕРЕ КОНЦЕПТА И ЕГО ВХОЖДЕНИИ В КОГНИТИВНЫЕ ПАРАДИГМЫ	231	SOSNIN A. V., Nizhny Novgorod, Russia TOWARD THE STOCHASTIC NATURE OF THE CONCEPT AND ITS EMBEDDEDNESS IN COGNITIVE PARADIGMS
ТИТОРЕНКО М. Ф., г. Краснодар, Россия К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ВОИНСКИХ ТРАДИЦИЙ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ	239	TITORENKO M. F., Krasnodar, Russia ISSUES OF THE RISING OF MILITARY TRADITIONS OF THE KUBAN COSSACKS
УТКИНА Т.И., МИШЛАНОВА С. Л., г. Пермь, Россия ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	244	UTKINA T. I., MISHLANOVA S. L., Perm, Russia STUDYING METAPHORIC COMPETENCE OF STUDENTS OF ECONOMICS IN TEACHING ENGLISH FOR SPECIFIC PURPOSES
УШКАНОВА Р. Д., г. Якутск, Россия МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛОДОТВОРНОСТЬ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ ФИЛОСОФИИ	255	USHKANOVA R. D., Yakutsk, Russia METHODOLOGICAL PROFITABLE OF CULTUROLOGICAL MODELS IN STUDYING OF HISTORICAL TYPES OF PHILOSOPHY
Информация	259	***Informat ion***

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих принять участие в работе Международной заочной научно - практической конференции.

Тема конференции – «Национальная безопасность России: история, современность и перспективы».

Конференция проводится в течение 2016 года.

К участию в конференции приглашаются соискатели, аспиранты, преподаватели вузов, научная общественность.

Редакция журнала обязуется бесплатно публиковать материалы конференции на страницах своего журнала и разослать его авторам.

Редакция журнала будет благодарна Вам за распространение данной информации среди представителей научной общественности.

С уважением, главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук, профессор Е.В. Штурба

Dear Colleagues!

The editorial board of Science Journal "Historical and Social-Educational Ideas" invites everyone to participate in the International Distant Conference of the Academic People and Professionals.

The theme of the Conference - "RUSSIAN NATIONAL SECURITY: History, Modernity and Perspectives".

The Conference is held during 2016.

To participate in the Conference are invited candidates, graduate students, university professors, scientific community.

The editorial board is committed to free publish conference materials in the pages of its science journal and to send it to the authors.

The editorial staff will be grateful if you would circulate this information among the scientific community.

Sincerely,
Chief editor of the Science Journal
"Historical and Social-Educational Ideas",
Doctor of Historical Sciences, Professor E.V. Shturba

Международная заочная
научно-практическая конференция:

«НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

International Distant Conference of the Academic People and Professionals

"RUSSIAN NATIONAL SECURITY: History, Modernity and Perspectives"

УДК 372.32 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-15-18

АФОНИНА Наталья Ивановна
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
г. Великий Новгород, Россия
n.i.afonina@mail.ru

AFONINA Natalia Ivanovna
Novgorod State University
Veliky Novgorod, Russia
n.i.afonina@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА РАННЕГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

ORGANIZATION OF PEDAGOGICAL SUPPORT OF DEVELOPMENT OF EARLY AGE THE CHILD IN CONDITIONS IN THE INTERACTION OF NATIONAL CULTURES

В статье рассматривается актуальная тема организации воспитания детей в условиях кросскультурного взаимодействия. Особенностью предложенного материала является ориентация на развитие ребенка в годы раннего детства. Представлена модель педагогического сопровождения развития ребенка раннего возраста из национально-смешанной семьи, раскрыты особенности каждого компонента. Целью реализации модели является оптимальное развитие ребенка в условиях взаимодействия культур, успешная адаптация его в социуме, развитие умения принимать свою национальную культуру и, в то же время, терпимо относиться к национальной культуре других людей.

Ключевые слова: педагогическое сопровождение, развитие ребенка раннего возраста, национально-смешанная семья, национальная культура, кросскультурное взаимодействие, национальная безопасность, межнациональное согласие.

The article considers the actual topic of organization of upbringing of children in conditions of cross-cultural interaction. The peculiarity of the offered material is the orientation toward the child's development during early childhood. Is presented the model of pedagogical support of development of early age the child of a national-mixed family and are disclosed peculiarities of each component. The purpose of the implementation of the model is the optimal development of the child in conditions of interaction of cultures, successful adaptation in society, the development of the ability to make their national culture and, at the same time, tolerate the national culture of other people.

Keywords: pedagogical support, the development of the young child, national-mixed family, national culture, cross-cultural interaction, national safety, interethnic consent.

В настоящее время в нашей стране, как и во всем мире, отмечается рост интенсивности миграционных процессов. Данное явление закономерно приводит к росту национально-смешанных семей. С учетом данной тенденции, а также в связи с пониманием наличия особенностей в воспитании детей в поликультурных семьях и с учетом важности периода раннего детства цель нашего исследования была определена как разработка модели педагогического сопровождения развития ребенка раннего возраста из национально-смешанной семьи. Целью реализации модели является оптимальное развитие ребенка в условиях взаимодействия культур, успешная адаптация его в социуме, развитие умения принимать свою национальную культуру и в то же время терпимо относиться к национальной культуре других людей. Результатом подобного воспитания станет формирование толерантной личности, что будет способствовать укреплению национальной безопасности нашей страны, стремящейся к межнациональному согласию. «Межнациональное согласие является безусловным приоритетом, важнейшим условием самого существования государства», - так обозначил актуальность данной темы Президент РФ В.В. Путин на заседании Совета по межнациональным отношениям [3].

З.М. Магомедова определяет *национально-смешанную семью* как маленькую ячейку, в которой «гармонично сочетаются различные виды культур, традиций, языков, где в итоге формируется единое поликультурное воспитание с изменением различных внутрисемейных ценностных ориентаций, где на развитие адаптации и коммуникации субъектов семейных отношений оказывают влияние и условия поликультурной среды» [5]. В национально-смешанной семье осуществляется *кросскультурное взаимодействие*, базирующееся на «пересечении разных культур, требует понимания и уважения самобытной культуры народов, жизненных ценностей, осознания необходимости взаимопонимания между людьми, осознания не только прав, но и обязанностей в отношении общественных и социальных контактов, готовности участвовать в решении проблем представителей любого этноса, что способствует взаимообогащению культур разных народов» [1, с. 114]. Мы говорим о развитии ребенка в условиях взаимодействия национальных культур. Этнопсихологический словарь трактует *национальную культуру* как «совокупность материальных и духовных ценностей нации, а также практикуемых данной этнической общностью основных способов взаимодействия с природой и социальным окружением» [6].

Н.П. Боташева рассматривает поликультурную среду как социально-культурный феномен в контексте понимания влияния среды на развитие личности и отмечает важность такой задачи, как подготовка личности к успешному функционированию в различных сферах жизнедеятельности, в том числе и в семейной. При этом особо подчеркивается «социальность» среды, сила

воздействующей на личность среды. Учитывается важность компонентов взаимодействия среды и индивидуума [2]. Исследователи (С.В.Алиева, Л.В. Ножичкина и др.) подчеркивают, что необходима специально организованная работа специалистов с семьями, которые живут в условиях взаимодействия культур.

Опираясь на постулаты о ценности ранних лет жизни ребенка, наше исследование призвано показать необходимость начала специально организованной работы с национально-смешанными семьями, воспитывающими детей раннего возраста. В раннем возрасте закладываются основы личности ребенка. П.Ф. Каптерев отмечал, что «линии, намеченные в первые годы, свойства, приобретенные в раннем детстве, никогда не стираются, никогда не исчезают, дальнейшее развитие будет лишь наполнением, отделкой, дополнительными черточками той фигуры, которая нарисована на заре человеческой жизни» [4].

На основе данных, полученных в ходе изучения литературы по вопросам развития детей раннего возраста, воспитания детей в национально-смешанных семьях, а также в результате анализа сведений, выявленных в ходе проведения экспериментальной работы, была разработана модель педагогического сопровождения развития ребенка раннего возраста из национально-смешанной семьи (рис. 1).

Структурными компонентами модели являются теоретико-методологический, нормативно-правовой, целевой, содержательный, организационно-деятельностный, оценочно-аналитический, результативный и прогностический компоненты. *Теоретико-методологический компонент* включает методологические основания разработанной модели: системный, аксиологический, личностно-ориентированный, деятельностный, диалогический, культурологический, этнопедагогический, антропологический, средовой, аккультурационный, социально-психологический подходы.

Нормативно-правовой компонент представляет собой перечень нормативных актов, лежащих в основе предложенной модели. Составляющими данного компонента являются следующие документы: Конституция РФ, Семейный кодекс РФ, Конвенция о правах ребенка, Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, Национальная доктрина образования в РФ, Федеральный закон РФ «Об образовании», Концепция развития поликультурного образования в РФ, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Стратегия национальной безопасности РФ, Концепция государственной национальной политики РФ, Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года, федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)», Государственная программа Российской Федерации «Региональная политика и федеративные отношения», Федеральный закон Российской Федерации «О государственном языке РФ», Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования, Закон РФ «Основы законодательства РФ о культуре», Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России.

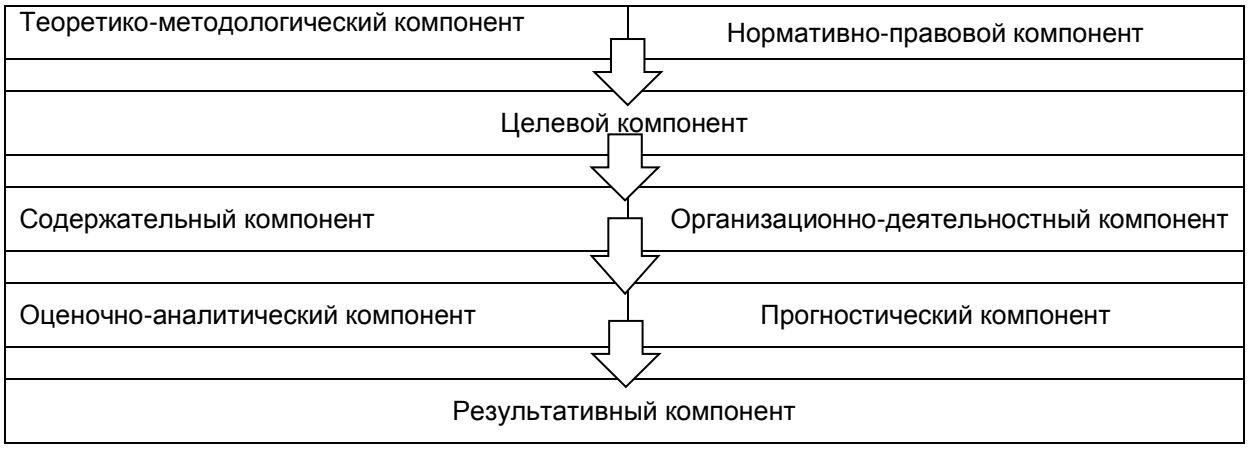


Рисунок 1. Модель педагогического сопровождения развития детей раннего возраста из национально-смешанных семей

Figure 1. The model of pedagogical support of development of children early age of the national-mixed families

Целевой компонент определяет основной замысел реализации модели, ее цель, состоящую в организации педагогического сопровождения воспитания ребенка раннего возраста из

национально-смешанной семьи. Ожидаемые результаты использования предложенного вида сопровождения - это оптимальное развитие ребенка и успешная адаптация его в социуме. *Содержательный компонент* предусматривает организацию работы по формированию системы взаимодействия педагогов и других специалистов с национально-смешанными семьями, воспитывающими детей раннего возраста.

Организационно-деятельностный компонент раскрывает механизм реализации содержательного компонента. Данный механизм представляет систему взаимодействия субъектов «семья - ребенок», «специалист - семья», «специалист - ребенок», «специалист - специалист». В рамках данных систем предлагаются различные формы взаимодействия участников сопровождения: поисковое, ознакомительное, диагностическое, развивающее, этнокультурное, обучающее, информационное, коммуникационное, просветительское, организационное.

Оценочно-аналитический компонент предложенной модели сопровождения предусматривал анализ результатов педагогического обследования детей раннего возраста из национально-смешанных семей. Обследование проводилось с помощью специально разработанного диагностического инструментария для данного контингента детей и родителей. Работа по изучению и сравнению результатов обследования позволила выяснить результативность внедрения средств, призванных помочь в реализации основных направлений, обозначенных в модели.

Результативный компонент модели отражает полученные результаты реализации модели. Предложенный вид сопровождения призван помочь оптимальному развитию ребенка и последующей успешной адаптации его в социуме. *Прогностический компонент* показывает возможные пути и перспективы реализации модели, в том числе обобщение и распространение методик и моделей работы с национально-смешанными семьями, воспитывающими детей раннего возраста.

Ожидаемыми результатами реализации предложенной модели являются следующие изменения: рост внимания специалистов к вопросам воспитания детей раннего возраста из поликультурных семей; рост количества исследований, посвященных проблемам воспитания детей в условиях взаимодействия культур; повышение уровня педагогической грамотности родителей, представляющих национально-смешанные семьи; стремление родителей к повышению уровня своих знаний языка государства проживания семьи; ориентация родителей, представляющих поликультурные семьи, на выбор успешной для последующего развития ребенка языковой стратегии.

Итак, осознание родителями, педагогами, специалистами необходимости начинать специально организованную педагогическую работу с детьми, воспитывающимися в национально-смешанных семьях, начиная с ранних лет жизни, поможет в будущем вырастить граждан, знающих, уважающих национальную культуру свою и своих родителей и проявляющих уважение к представителям других национальностей, что, безусловно, является одним из важных шагов в деле укрепления национальной безопасности нашей страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бережнова Л.Н. Этнопедагогика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л.Н. Бережнова, И.Л. Набок, В.И. Щеглов. - М.: Академия, 2007. - 240 с.
2. Боташева Н.П. Поликультурная среда как социально-культурный феномен / Н.П. Боташева // Научные проблемы гуманитарных исследований. - 2010. - № 3. - С. 145-150.
3. Заседание Совета по межнациональным отношениям 31 октября 2016 г., Астрахань [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/53173 (дата обращения: 04.12.2016).
4. Каптерев П.Ф. Первоначальное воспитание (гл. XXVII из книги «История русской педагогики, 1915 г.») [Электронный ресурс] / П.Ф. Каптерев. - Режим доступа: http//www.rustrana.ru/print.php?nid=6309 (дата обращения 12.02.2014).
5. Магомедова З.М. Проблемы поликультурного воспитания в межнациональной семье // Интернет-журнал «Мир науки». - 2016. - Том 4. - № 1. [Электронный ресурс] - Режим доступа: http: //mir-nauki.com/PDF/23PDMN116.pdf (дата обращения: 30.10.2016).
6. Национальная культура. Этнопсихологический словарь. [Электронный ресурс] - Режим доступа: http:// ethnopsychology.academic.ru/230/национальная_культура (дата обращения: 30.10.2016).

REFERENCES:

1. Berezhnova, L.N. Ethnopedagogics: tutorial for university students. L.N. Berezhnova, I.L. Nabokov, V.I. Scheglov. Moscow: Publishing Center "Academy", 2007. p. 240 (in Russian)
2. Botasheva, N.P. The multicultural environment as a socio-cultural phenomenon [Text]. N.P. Botasheva. Scientific problems Humanities Research. 2010. № 3. pp.145-150 (in Russian)

3. A meeting of the Council for interethnic relations October 31, 2016, Astrakhan. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/news/53173 (accessed 04 December 2016)
4. Kapterev, P.F. Initial training (Ch. XXVII of the book "History of Russian pedagogy, 1915") P.F. Kapterev. Available at: http // www.rustrana.ru / print.php nid = 6309 (accessed 2 April 2014) (in Russian)
5. Z.M. Magomedova The problems of multicultural education in ethnic violence. Internet magazine "World of Science" 2016, Volume 4, Number 1 Available at: http://mir-nauki.com/PDF/23PDMN116.pdf (accessed 30 October 2016) (in Russian)
6. National culture. Ethnopsychological Dictionary. Available at: http://ethnopsychology.academic.ru/230/национальная_культура (accessed 30 October 2016) (in Russian)

Информация об авторе

Афонина Наталья Ивановна, соискатель ученой степени кандидата педагогических наук, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород, Россия
n.i.afonina@mail.ru

Получена: 26.10.2016

Для цитирования статьи: Афонина Н. И., Организация педагогического сопровождения развития ребенка раннего возраста в условиях взаимодействия национальных культур. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-15-18.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-15-18.

Information about the author

Natalia I., Afonina Competitor of a Scientific Degree of Candidate of Pedagogical Sciences Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia,

n.i.afonina@mail.ru

Received: 26.10.2016

For article citation: Afonina N. I., Organizacija pedagogicheskogo soprovozhdenija razvitija rebenka rannego vozrasta v uslovijah vzaimodejstvija nacional'nyh kul'tur.
[Organization of pedagogical support of development of early age the child in conditions in the interaction of national cultures] . Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-15-18.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-15-18. (in Russian)

УДК 94 (470) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-19-25

БАРАНОВ Андрей Владимирович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
baranovandrew@mail.ru

Andrew V. BARANOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
baranovandrew@mail.ru

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ ШАХТЕРОВ В СССР (1988-1991 гг.) КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ: ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Автор статьи исследует актуальную тему - ресурсы и проявления самоорганизации рабочего движения в условиях перестройки СССР, а также рыночных реформ. Определены причины начала забастовочного движения в шахтерских регионах СССР (1988-1989 гг.), организационные формы и практики деятельности независимого рабочего движения, его экономико-социальные и политические лозунги. Выяснена системная трансформация забастовочного рабочего движения в условиях распада СССР, в контексте рыночных реформ. Оценивается степень влияния демократической оппозиции на шахтерское движение. Установлены тенденции развития историографии темы в отечественной исторической науке. Сделан вывод о слабой эвристической полезности классового подхода к объяснению целей забастовочного движения в шахтерских регионах СССР, о предпочтительности конфликтологической парадигмы депривации. Спад независимого рабочего движения объясняется переформатированием базовых социальных размежеваний, слабостью ресурсов рабочего движения.

Ключевые слова: забастовочное движение, шахтеры, СССР, общественная самоорганизация, развитие, этапы, 1988-1991 гг.

MINERS' STRIKE MOVEMENT IN THE USSR (1988–1991) AS THE EXPRESSION OF SOCIAL SELF-ORGANIZATION: STAGES OF HISTORICAL DEVELOPMENT

The author explores the actual theme – the resources and manifestations of the labor movement in a "perestroika" years in the USSR. The causes of beginning of the strike movement in the mining regions of the USSR (1988–1989) are studied. Organizational forms and practices of the independent workers' movement, its economic and social and political slogans are established. Elucidated system transformation of the strike the workers' movement in the conditions of disintegration of the USSR, in the context of market-oriented reforms. Assess the low degree of influence on the democratic opposition movement on miners. The tendencies of development of theme's historiography in Russian historical science are discovered. It was concluded that weak heuristic utility of the class approach to explaining the goals of the strike movement in the mining regions of the USSR, a preference of conflict-oriented paradigm and deprivation theory. The decline of the independent labor movement was due to reformatting basic social cleavages, the weakness of the labor movement's resources.

Keywords: strike movement, miners, USSR, social self-organization, development stages, 1988–1991

Актуальность темы проявляется в необходимости раскрыть потенциал самоорганизации независимого рабочего движения в условиях перестройки СССР, а также рыночных реформ. Тема позволяет ставить и более масштабные вопросы: о соотношении сил партийно-государственной системы и нарождавшихся общественных движений в позднесоветский период, о степени выхода рабочего движения за рамки советской организационной и идеологической парадигмы. Периодизация, ресурсы и проявления забастовочного шахтерского движения 1988-1991 гг. остаются дискуссионными. Внимание к теме может возрасти в контексте поисков справедливого общественного устройства, что уже проявилось в республиках Донбасса за 2014-2016 гг.

Цель статьи - определить проявления забастовочного движения шахтеров как формы общественной самоорганизации в периоды перестройки, а также постсоветских рыночных реформ (1988-1991 гг.). Задачи работы таковы: выявить причины начала забастовочного движения в шахтерских регионах СССР (1988-1989 гг.), организационные формы и практики деятельности независимого рабочего движения, его экономико-социальные и политические лозунги. Необходимо также выяснить направленность изменений забастовочного рабочего движения в условиях распада СССР и рыночных реформ.

Хронологические рамки статьи выбраны по критерию масштаба забастовочного движения шахтеров: от образования первых независимых организаций (1988 г.) до качественного спада движения в начале 1990-х гг. Географические рамки исследования включают в себя всю территорию СССР, но в связи с объемом статьи внимание сосредоточено на основных очагах шахтерского движения: Кузбассе, Донбассе, Коми АССР.

Новизна работы проявляется, на наш взгляд, в выборе ее теоретико-методологической основы - концепции депривации Т.Р. Гарра [1] и конфликтологической парадигмы, а также в критическом анализе историографии проблемы. Внимание уделено советской периодической печати и публицистическим изданиям участников и современников событий, каковые подчас не принимаются во внимание аналитиками.

Степень научной разработанности темы неравномерна по этапам развития исследований и основным направлениям анализа. Прежде всего важны статьи современников событий, кото-

рые сочетали в себе признаки научных текстов и источников информации. К ним относились в 1990-х годах работы таких аналитиков, как А.М. Кацва [2], В.Н. Березовский, Н.И. Кротов и В.В. Червяков [3], Л.А. Гордон [4], К.А. Заболотская [5], В.В. Комаровский [6], А.Н. Олейник [7]. Основное внимание их авторы, за исключением А.Н. Олейника, уделяли прикладным аспектам шахтерского движения и рассматривали тему преимущественно на материалах Кузбасса.

Второе направление исследований сформировалось позже, во второй половине 1990-х гг. в русле исторической социологии. Принципиальное значение имеют: монография Б.И. Максимова, основанная на интервью и массовых опросах шахтеров [8], неоинституциональные исследования практик коллективных действий рабочих (С.В. Патрушев, Л.Я. Машезерская) [9], анализ коммуникаций и семантики шахтерского движения (С.П. Поцелуев) [10], применение теории игр в статье Д.А. Левчика [11]. Среди зарубежных авторов уделяют внимание забастовочному движению в СССР и постсоветских странах С. Грин и Г. Робертсон [12], С. Кроули [13], М. Буравой, С. Кларк, П. Фэйрбрадер и др. [14].

Третье направление исследований включает в себя работы о региональных особенностях рабочего движения. Специфика забастовок и иных форм самоорганизации рабочих Донбасса изучена усилиями В.Л. Агапова [15; 16], К.С. Карпенко [17], К. Ткаченко [18], Д. Марплза [19]. Особенности протеста шахтеров Кузбасса на интервале 1989-1991 гг. проанализировал Д.В. Воронин [20], а 1990-е гг. - И.С. Соловенко [21]. Выступления рабочих Воркуты и других районов Коми АССР исследовали В.И. Ильин [22] и В.А. Ковалёв [23, с. 159-163, 166-169]. В целом же интерес историков к теме с начала 2000-х годов начал сокращаться.

Несмотря на многочисленность эмпирических описаний, остаются неясными и спорными такие аспекты темы, как: соотношение причин быстрого роста забастовочного движения в 1989-1991 гг.; взаимодействие рабочего и демократического движений; степень успешности государственной политики в отношении шахтеров и их объединений. Автор рассматривает свою работу как скромную попытку продвинуться вперед в решении этих сложных вопросов.

Источниковая основа статьи включает в себя публицистические обзоры и репортажи [24; 25], интервью лидеров рабочих организаций [26; 27], сборники опубликованных документов [28], материалы социально-экономической статистики.

Выясним причины начала забастовочного движения 1988-1989 гг. в шахтерских регионах СССР (Кузбассе, Донбассе, Коми АССР, Караганде и др.). Прежде всего отметим относительное ухудшение материального благосостояния. Шахтеры и население горняцких регионов в целом имели в СССР повышенную категорию снабжения продовольственными и промышленными товарами, льготные размеры отпусков и пониженный пенсионный возраст. Но в условиях инфляции и роста товарного дефицита эти преимущества обесценились. Как подсчитал А.Н. Олейник, в 1950-х годах горнорудная промышленность занимала первое место в СССР по уровню номинальной среднемесячной заработной платы, а в 1987 г. отрасль опустилась на седьмое место по данному показателю [29, с. 50]. В 1991 г. средняя номинальная зарплата всех работников СССР даже превысила таковую среди шахтеров. Треть шахт РСФСР была технологически устарелой и, вероятно, не могла эффективно использоваться. Непосредственным толчком к забастовкам стали отсутствие на шахтах мыла и рост цен на основные продукты питания, плохое состояние мер техники безопасности, нерешенные проблемы ремонта и предоставления жилья [27]. По словам членов регионального совета рабочих комитетов Кузбасса П. Пятенко и М. Кислюка, число случаев онкологических заболеваний в г. Новокузнецке за 30 лет выросло в 450 раз [2, с. 191]. Как признавал М. Кислюк, уже в 1986-1987 гг. местные инженеры и директора шахт подготовили предложения по переходу на хозяйственный расчет, но поддержки партийных и государственных органов власти не получили [27]. Важной причиной забастовок стала также быстрая демократизация, в том числе - кампания «гласности», которая ослабила лояльность рабочих власти. Партийные и государственные структуры получали от правоохранительных органов сведения о спорадических стихийных забастовках, но не придавали им значения. Среди номенклатуры господствовало устаревшее мнение о том, что рабочий класс абсолютно предан Коммунистической партии и является ее опорой. Таким образом, к лету 1989 г. - времени Первого съезда Советов народных депутатов СССР - созрели предпосылки как конфликта интересов, так и конфликта ценностей между шахтерами и органами управления.

Первые локальные забастовки проводились в конце 1988 г. на шахтах Кузбасса под экономическими лозунгами. Координация между предприятиями еще отсутствовала. Работники шахты им. Л.Д. Шевякова в г. Междуреченске (Кемеровская область) направили письмо передаче Центрального телевидения «Прожектор перестройки» с описанием своих бедствий, но помощи не получили [5, с. 65-66]. Д.А. Левчик полагает, что первая забастовка в масштабе целого предприятия состоялась 4-8 апреля 1989 г. в пос. Талнах (пригород г. Норильска), в ней участвовали 10 тыс. шахтеров на четырех рудниках [11, с. 111]. Но стать катализатором всесоюзного движения было суждено выступлению шахтеров г. Междуреченска. 19 июня 1989 г. они направили открытое письмо Верховному Совету и Совету министров СССР с экономическими требо-

ваниями. Не получив ответа, 10 июля 1989 г. начали стачку 80 чел., на следующий день число бастующих выросло до 280 чел., они избрали забастовочный комитет [5, с. 66]. По подсчетам Д.А. Левчика, к концу июля 1989 г. только в Кузбассе бастовали 225 тыс. чел. на 209 предприятий [11, с. 112]. 17 июля 1989 г. они создали Региональный забастовочный комитет (РЗК), ставший не только органом защиты трудовых прав, но и институтом рабочего самоуправления. И он действовал эффективнее, чем официальные профсоюзы и советы депутатов. Протест охватил и другие горнорудные регионы - Донбасс, Воркуту, Караганду, Кривой Рог, Нарву. В Донбассе количество забастовщиков сравнялось с Кузбассом. Лозунги были одинаковыми по всей стране. По подсчетам В.Н. Березовского, Н.И. Кротова и В.В. Червякова, за июль 1989 г. в СССР бастовало до 800 тыс. шахтеров, на две недели был, по сути, остановлен весь топливно-угольный комплекс страны [3, с. 54]. С начала забастовки только в Кузбассе потери добычи угля составили 2 698 тыс. тонн, отгрузки угля - 1 940 тыс. тонн; страна не получила продукции на сумму 52,9 млн руб. [24, с. 171]. Надо признать, что шахтеры сумели обеспечить общественный порядок во время стачки. Исправно работали остальные предприятия, в том числе шахты Анжеро-Судженского района, поставки которых были жизненно важными для металлургической промышленности. Строго соблюдался сухой закон. В г. Кемерово за время забастовки уровень преступности снизился на 52%, как сообщал председатель областного стачкома Г.А. Михалец [24, с. 171]. Завершилась стачка вследствие подписания «Протокола о согласованных мерах Регионального забастовочного комитета и правительственной комиссии ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС» от 18 июля 1989 г. Нормы протокола распространены автоматически и на другие горнорудные регионы, согласно обращению Председателя Верховного Совета СССР М.С. Горбачёва и Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова к бастующим. Рабочие расценили обещание руководителей государства как запоздалое, но сдержанно приняли его.

Организационные формы и практики рабочего движения быстро стали перерастать первоначальные рамки защиты экономических интересов шахтеров. Забастовочные комитеты не были распущены, а преобразовались в городские и шахтные рабочие комитеты; РЗК переименовал себя в Совет рабочих комитетов Кузбасса. Часто проводились региональные конференции рабочих комитетов, на третьей конференции (сентябрь 1989 г.) создана общественно-политическая организация - Союз рабочих Кузбасса (переименована 19 ноября 1989 г. в Союз трудящихся Кузбасса, СТК). Устав СТК обсуждался на собраниях трудовых коллективов и на городских конференциях рабочих комитетов, и только затем был принят на областной конференции. Переход от профессиональной к общественно-политической организации вызвал острую дискуссию внутри движения. Новый статус одобрили 228 делегатов Четвертой областной конференции СТК (ноябрь 1989 г.), а осудили - 165 [2, с. 193-194]. Характерно, что программа и устав рабочего движения Кузбасса создавались местной гуманитарной интеллигенцией, преподавателями кафедр общественных наук (проф. Ю.М. Чуньков, проф. В.А. Шабашев, зав. кафедрой истории КПСС Кемеровского медицинского института Л. Лопатин и др.). Органы партийно-советской власти пытались противопоставить независимому рабочему движению советы трудовых коллективов, но без особого успеха. 1 декабря 1989 г. создан Союз трудящихся Воркуты, а 10 февраля 1990 г. - Союз трудящихся Донбасса.

Новое рабочее движение развивалось в жестких условиях нарастающего экономического и социально-политического кризиса, назревания распада СССР. События развивались стремительно. Неопытные лидеры шахтеров вовлеклись уже осенью 1989 г. в деятельность Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР, часто контактировали они и с многочисленными демократическими движениями и партиями, ставившими цель смены всей общественной системы. Накануне Второго съезда народных депутатов СССР (ноябрь - декабрь 1989 г.) это привело к принятию лозунгов всесоюзной политической забастовки, вызвав размежевание рабочих организаций. Первый съезд рабочих организаций СССР в г. Новокузнецке (Кемеровская область) 30 апреля - 2 мая 1990 г. создал Конфедерацию труда, включившую в себя свыше 50 организаций, объединений и клубов [5, с. 67]. Вскоре, 11-15 июня 1990 г. первый съезд шахтеров в г. Донецке образовал Независимый профсоюз горняков (НПГ), тоже занявший непримиримо оппозиционные позиции в отношении партийно-советской системы. Однако опыт участия данных организаций в выборах и депутатской деятельности показал их организационную и финансовую слабость. Как доказал на статистическом материале А.Н. Олейник, уже в 1992-1994 гг. рабочие организации испытывали глубокий кризис [7, с. 73-75]. Как доказали дальнейшие события, к концу 1990-х гг. завершилось переформатирование рабочего движения в русле усиления лояльности постсоветскому общественному порядку [8, с. 100-111, 257-265]. Но анализ этого периода выходит за рамки нашей статьи.

Сравним экономико-социальные и политические лозунги шахтерского движения на его различных этапах. Во время всесоюзной стачки (июль 1989 г.) преобладали защитные требова-

ния экономического и социального характера: увеличение отпусков, снижение пенсионного возраста, рост оплаты труда, защита прав женщин и молодежи, освобождение неквалифицированных руководителей низового уровня от должностей и т.д. Например, из 20 требований рабочих шахты им. Л.Д. Шевякова (г. Междуреченск) только два были политическими, причем одно из них - неконкретным: «В ближайшее время… чтобы партком и шахтком были авангардом в перестройке, а не плелись в хвосте»; другое политическое требование заключалось в проведении партийных и профсоюзных собраний только после работы, а не во время нее [24, с. 165-166]. Но, столкнувшись с непримиримой позицией областных комитетов КПСС и советских органов, а также с невыполнением статей протокола от 18 июля 1989 г., шахтеры быстро перешли к требованиям отставки партийно-государственных руководителей. Важнейшим требованием становится «региональный хозрасчет», под которым тогда понимали экономическую самостоятельность регионов и их предприятий, внедрение плюрализма форм собственности: кооперативной, акционерной, аренды и т.д. Таким образом, рабочее движение сочетало непримиримую критику «административно-командной системы» с поддержкой «цивилизованного социального рынка». Сторонники разных вариантов рыночной экономики, судя по выступлениям и социологическим опросам, составляли 90% делегатов I и II съездов шахтеров в 1990-1991 гг. [4, с. 73]. Следует признать, что социал-демократический проект с элементами «рабочего самоуправления» не был научно обоснованным и доказал свою беспомощность в условиях номенклатурной приватизации 1990-х гг. Более того, ряд активистов шахтерского движения (М. Кислюк - глава администрации Кемеровской области в 1990-х гг.) успешно встроился в капиталистическую общественную систему.

Уже в ноябре 1989 г. четвертая областная конференция СТК выдвинула единодушное требование отмены 6-й статьи Конституции СССР об однопартийной системе, передачи народу всей полноты власти и собственности [2, с. 193]. Выдвигались лозунги проведения альтернативных тайных выборов партийных и советских органов. Причем политическая борьба напрямую была названа в решениях первого съезда независимых рабочих движений и организаций (апрель - май 1990, г. Новокузнецк) единственным способом добиться демократии и экономических прав трудящихся [29, с. 52]. Первый съезд шахтеров в г. Донецке (май 1990 г.) принял резолюцию со следующим примечательным пунктом: «Требуя создания правительства, которое обеспечит переход к рынку и гарантированную демократию, мы считаем, что такой переход не должен быть чрезмерно болезненным для большинства народа. В нем необходимо предусмотреть механизмы социальной защиты» [4, с. 71].

Кульминация политико-государственного кризиса СССР привела рабочее движение к расколу. Ряд его фракций перешли на сторону радикально-левых, неокоммунистических группировок (Объединенного фронта трудящихся, Марксистской платформы КПСС и др.) [26, с. 129-132]. Но большинство рабочих организаций и активистов участвовали в общественно-политическом блоке «Демократическая Россия», поддержали его в целом либеральные лозунги во время референдума 17 марта 1991 г. и первых выборов Президента Российской Федерации 12 июня 1991 г. Шахтеры Воркуты, Кузбасса и Донбасса выдвигали практически одинаковые требования отставки Президента СССР М.С. Горбачёва, роспуска Съезда народных депутатов СССР, заключения нового Союзного договора. Именно всесоюзная политическая забастовка шахтеров весной 1991 г. обеспечила выгодные позиции Б.Н. Ельцину для победы на президентских выборах. Впрочем, попытки националистических организаций на Украине, в Молдавии, Эстонии использовать рабочее движение в своих интересах не удались [13, с. 123-131; 16, с. 350-355; 19, с. 188-200].

В итоге исследования сделан вывод о слабой эвристической полезности классового подхода к объяснению целей забастовочного движения 1988-1991 гг. в шахтерских регионах СССР, о предпочтительности конфликтологической парадигмы и концепции депривации (по Т. Гарру).

Причины начала забастовочного движения 1988-1989 гг. в шахтерских регионах СССР таковы: относительное ухудшение материального благосостояния, экологические и технологические бедствия, быстрая демократизация, в том числе - кампания «гласности», которая ослабила лояльность рабочих к власти.

Периодизация этапов шахтерского забастовочного движения по критерию политической направленности и форм включает в себя: зарождение стачечных комитетов (1988 - первая половина 1989 г.); проведение всесоюзной забастовки преимущественно под экономическими лозунгами (июль 1989 г.); политизацию рабочих объединений и их институционализацию (осень 1989 - весна 1990 г.); участие в политической борьбе за власть на стороне демократической коалиции (лето 1990-1991 гг.). Спад независимого рабочего движения в начале 1990-х гг. объяснялся переформатированием базовых социальных размежеваний вследствие рыночных реформ, слабостью самостоятельных ресурсов рабочего движения.

Организационные формы шахтерского забастовочного движения развивались от местных объединений защитно-профессионального типа к политическим движениям социал-

демократической ориентации. Идеологическое позиционирование Конфедерации труда и иных рабочих организаций изменялось за 1990-1991 гг. от критики КПСС «изнутри» к принятию коренной смены политического строя. Но общая слабость партийного строительства в период перестройки и стремительные рыночные реформы по пути номенклатурной приватизации не оставили независимому рабочему движению шансов на значительное влияние в постсоветской политической системе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Гарр* Т.Р. *Почему люди бунтуют*. - СПб.: Питер, 2005. - 462 с.
2. Кацва А.М. От рабочкомов к Союзу трудящихся Кузбасса // Рабочий класс и современный мир. - М., 1990. - № 1. - С. 191-194.
3. Березовский В.Н., Кротов Н.И., Червяков В.В. От движения рабочих к рабочему движению // лог. - М. - 1990. - № 14. - С. 53-58.
4. Гордон Л.А. Против государственного социализма: возможности рабочего движения (Взгляд из лета 1990 г.) // Рабочий класс и современный мир. - М. - 1991. - № 1. - С. 67-79.
5. Заболотская К.А. Новые источники по истории современного рабочего движения (На материалах Кузбасса) // История СССР. - М. - 1991. - № 4. - С. 65-80.
6. Комаровский В.В. Девять тезисов о рабочем и профсоюзном движении в России // Полис. Политические исследования. - М. - 1992. - № 3. - С. 123-128.
7. Олейник А.Н. Есть ли перспектива у социальных движений в России: анализ развития шахтерского движения, 1989-1995 // Полис. Политические исследования. - 1996. - № 3. - С. 70-78.
8. Максимов Б.И. Рабочие в реформируемой России. 1990-е - начало 2000-х годов. - СПб.: Наука, 2004. - 277 с.
9. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. - М.: Институт сравнительной политологии РАН, 2006. - С. 158-217.
10. Поцелуев С.П. Ритуализация конфликта (по материалам рельсовой войны 1998 г.) // Полис. Политические исследования. - 2004. - № 3. - С. 83-94.
11. Левчик Д.А. Забастовочное движение шахтеров 1988-1991 гг. // Социс. Социологические ния. - 2003. - № 10. - С. 111-119.
12. Грин С., Робертсон Г. Новое рабочее движение в России. Россия начинает возвращаться к существующим общемировым схемам отношений между трудом и капиталом // Pro et Contra. - М. - 2008. - № 2-3 (41). - С. 36-58.
13. Crowley S. Hot Coal, Cold Steel: Russian and Ukrainian Workers from the End of the Soviet Union to the Post-Communist Transformations. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1997. - Pp. 123-131.
14. Clarke S., Fairbrother P., Burawoy M., Krotov P. What About the Workers? : Workers and the Transition to Capitalism in Russia. - N.Y.: Verso Press, 1993. - 248 p.
15. Агапов В.Л. Шахтарські колективи в умовах кризи 1976-1991 рр. - Донецьк: Світ книги, 2012. - 663 с.
16. Агапов В.Л. The first miners strikes of Gorbachev's "Perestroika" period in the UkrSSR (1988 - the first half of 1989): historiography of the issue, a modern view // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. - 2014. - № 38. - С. 350-355.
17. Карпенко К.С. Возникновение шахтёрского движения Ростовской области в конце 80 - начале 90-х годов XX века: этапы и содержание // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. - Ростов н/Д. - 2014. - № 4 (182). - С. 34-41.
18. Ткаченко К. «20 років капіталізму в Україні. Історія однієї ілюзії»: передмова // Сайт «Політична ка - Україна». 2015. [Электронный ресурс] - URL: http://ukraine.politicalcritique.org/2015/08/20-rokiv-kapitalizmu-v-ukrayini-istoriya-odniyeyi-ilyuziyi-peredmova/ (дата обращения: 03.12.2016).
19. Marples D. Ukraine under Perestroika: Ecology, Economics and the Worker's Revolt. - N.Y.: St. Martin's Press, 1991. - Pp. 188-200.
20. Воронин Д.В. Шахтерское движение в Кузбассе в 1989-1991 гг. Автореф. дис. … канд. ист. наук. - Барнаул, 2000. - 24 с.
21. Соловенко И.С. Цели и задачи протестного движения шахтеров России во время перехода к рыночным отношениям (1992-1999 гг.) // Вестник Томского государственного университета. - 2015. - № 394. - С. 143-149.
22. Ильин В.И. Шахтеры Воркуты и Кремль: К истории отношений. Превращение Воркуты в политический центр // Трудовые отношения и коллективные действия в современной России: Политические, правовые и социальные аспекты / под ред. А.М. Кацвы, С.В. Патрушева, П.М. Кудюкина. - М.: URSS, 1999. - С. 245-268.
23. Ковалёв В.А. Политическая трансформация в регионе: Республика Коми в контексте российских преобразований. - Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 2001. - 251 с.
24. Апенченко Ю. Кузбасс. Жаркое лето // Знамя. - М. - 1989. - № 10. - С. 164-186.
25. Кудашкин Б.И. Забастовки и забастовщики // Диалог. - М. - 1990. - № 14. - С. 46-52.
26. Новые организации трудящихся: позиции лидеров / интервью подгот. А.М. Кацва, Д.П. Подкосов // Полис. Политические исследования. - 1992. - № 3. - С. 129-132.
27. «Для шахтеров Кузбасса своим Валенсой стал Ельцин». Рабочий вожак и губернатор Кузбасса Михаил Кислюк о роли горняков в развале СССР / беседовал А. Мозжухин // Сайт «Лента.ру». 2015. [Электронный ресурс] -URL: https://lenta.ru/articles/2015/07/28/kislyuk/ (дата обращения: 03.12.2016).
28. Рабочее движение Кузбасса: Сборник документов и материалов (апрель 1989 - март 1992) / сост. Л.Н. Лопатин. - Кемерово: Современная общественная книга, 1993. - 622 с.
29. Олейник А.Н. Даешь стране угля… // Диалог. - М. - 1991. - № 11. - С. 50-55.

30. Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / под ред. Л.А. Гордона, Э.В. Клопова. - М.: Институт проблем занятости РАН; Министерство труда РФ, 1992. Ч. 1. - С. 34-42.

REFERENCES

1. Garr T.R. Why do people rebel. [Pochemu lyudi buntuyut]. Saint Petersburg: Piter Publ., 2005. 462 p.
2. Katsva A.M. From rabochkom to the Union of workers of Kuzbass. [Ot rabochkomov k Soyuzu trudyashihsya Kuzbassa]. Rabochii klass i sovremennyj mir = The working class and contemporary world. Moscow, 1990, № 1, pp. 191-194.
3. Berezovskij V.N., Krotov N.I., Chervyakov V.V. From the workers movement to the labor movement. [Ot dvizheniya rabochih k rabochemu dvizheniyu]. Dialogue. Moscow, 1990. № 14, pp. 53-58.
4. Gordon L.A. Against State Socialism: possibility of the workers' movement (View from the summer of 1990). [Protiv gosudarstvennogo socializma: vozmozhnosti rabochego dvizheniya (Vzglyad iz leta 1990 g.)]. Rabochij klass i sovremennyj mir = The working class and Contemporary World. Moscow, 1991, № 1, pp. 67-79.
5. Zabolotskaya K.A. New sources on the history of the modern labor movement (On materials of Kuzbass). [Novye istochniki po istorii sovremennogo rabochego dvizheniya (Na materialah Kuzbassa)]. Istoriya SSSR = History of the USSR. Moscow, 1991, № 4, pp. 65-80.
6. Komarovskij V.V. Nine theses on labor and trade union movement in Russia. [Devyat' tezisov o rabochem i profsoyuznom dvizhenii v Rossii]. Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political studies. Moscow, 1992, № 3, pp. 123-128.
7. Oleynik A.N. Are there prospects for social movements in Russia: Analysis of miners' movement, 1989-1995. [Est' li perspektiva u social'nyh dvizhenii v Rossii: analiz razvitiya shahterskogo dvizheniya, 1989 - 1995]. Polis. Politicheskie issledovaniya. = Polis. Political studies. Moscow, 1996, № 3, pp. 70-78.
8. Maksimov B.I. Workers in reforming Russia 1990 - early 2000s. [Rabochie v reformiruemoj Rossii 1990-e - nachalo 2000-h godov]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2004. 277 p.
9. Institutional Political Science: contemporary institutionalism and political transformation of Russia. [Institucional'naya politologiya: Sovremennyi institucionalizm i politicheskaya transformatsiya Rossii]. Ed. S.V. Patrushev. Moscow. Institute of Comparative Political Sciences RAS = Institut sravnitel'noi politologii RAN, 2006, pp. 158-217.
10. Potseluev S.P. Ritualization of conflict (based on the Rail War in 1998). [Ritualizaciya konflikta (po materialam rel'sovoi voiny 1998 g.)]. Polis. Politicheskie issledovaniya. = Polis. Political studies. Moscow, 2004. № 3, pp. 83-94.
11. Levchik D.A. Strike movement of miners 1988-1991. [Zabastovochnoe dvizhenie shahterov 1988-1991 gg.]. Socis. Sociologicheskie issledovaniya. = Socis. Sociological studies. Moscow, 2003, № 10, pp. 111-119.
12. Grin S., Robertson G. New working-class movement in Russia. Russia starts to come back to the existing world-wide patterns of relations between labor and capital. [Novoe rabochee dvizhenie v Rossii. Rossiya nachinaet vozvrashat'sya k sushestvuyushim obshemirovym shemam otnoshenij mezhdu trudom i kapitalom]. Pro et Contra. Moscow, 2008. № 2-3 (41), pp. 36-58.
13. Crowley S. Hot Coal, Cold Steel: Russian and Ukrainian Workers from the End of the Soviet Union to the Post-Communist Transformations. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1997. P. 123-131.
14. Clarke S., Fairbrother P., Burawoy M., Krotov P. What About the Workers?: Workers and the Transition to Capitalism in Russia. N.Y.: Verso Press, 1993. 248 p.
15. Agapov V.L. Shahtars'ki kolektivi v umovah krizi 1976-1991 gg. Donets'k: Svit knigi Publ., 2012. 663 p.
16. Agapov V.L. The first miners strikes of Gorbachev's Perestroika period in the UkrSSR (1988 - the first half of 1989): historiography of the issue, a modern view. Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporizh'kogo natsional'nogo universitetu. 2014, № 38, pp. 350-355.
17. Karpenko K.S. The appearance of miners' movement of Rostov Region in the late 80-ies - early 90-ies of XX century: stages and content. [Vozniknovenie shahterskogo dvizheniya Rostovskoi oblasti v kontse 80 - nachale 90-h godov XX veka: etapy i soderzhanie]. Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Seriya: Obshestvennye nauki. = Proceedings of the higher educational institutions. North-Caucasian region. Series: Social Sciences. Rostov-on-Don, 2014. 2014. № 4 (182), pp. 34-41.
18. Tkachenko K. «20 rokiv kapitalizmu v Ukraini. Istoriya odniej Illyuzii»: peredmova // Sait «Politichna kritika - Ukraina». 2015. URL: http://ukraine.politicalcritique.org/2015/08/20-rokiv-kapitalizmu-v-ukrayini-istoriya-odniyeyi-ilyuziyi-peredmova/ (data obrasheniya 03.12.2016).
19. Marples D. Ukraine under Perestroika: Ecology, Economics and the Workers Revolt. N.Y.: St. Martin's'Press, 1991, pp. 188-200.
20. Voronin D.V. Miners Movement in Kuzbass in 1989-1991. [Shahterskoe dvizhenie v Kuzbasse v 1989-1991 gg.] Avtoref. dis. … kand. hist. nauk. Barnaul, 2000. 24 p.
21. Solovenko I.S. Aims and objectives of the protest movement of the miners of Russia during the transition to a market economy (1992-1999 gg.). [Tseli i zadachi protestnogo dvizheniya shahterov Rossii vo vremya perehoda k rynochnym otnosheniyam (1992-1999 gg.)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University. 2015. № 394. pp 143-149.
22. Il'in V.I. Miners in Vorkuta and Kremlin: On the history of relations. Turning to the political center of Vorkuta. [Shahtery Vorkuty i Kreml': K istorii otnoshenii. Prevrashenie Vorkuty v politicheskii centr]. Trudovye otnosheniya i kollektivnye deistviya v sovremennoj Rossii: Politicheskie, pravovye i social'nye aspekty = Labour relations and collective action in modern Russia: the political, legal and social aspects. Ed. by A.M. Katsva, S.V. Patrushev, P.M. Kudyukin. Moscow: URSS Press, 1999, pp. 245-268.
23. Kovalyov V.A. Political transformation in region: Komi Republic in the context of Russian reforms. [Politicheskaya transformatsiya v regione: Respublika Komi v kontekste rossijskih preobrazovanij]. Syktyvkar: Syktyvkar State Univ. Press, 2001. 251 p.

24. Apenchenko Yu. Kuzbass. Hot summer. [Kuzbass. Zharkoe leto]. Znamya = Banner. Moscow, 1989, № 10, pp. 164-186.
25. Kudashkin B.I. Strikes and strikers. [Zabastovki i zabastovshiki]. Dialogue. Moscow, 1990. № 14, pp. 46-52.
26. New workers' organizations: the position of the leaders. [Novye organizatsii trudyashihsya: pozitsii liderov]. Prepare an interview A.M. Katsva, D.P. Podkosov. Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political studies. Moscow, 1992, № 3, pp. 129-132.
27. "Yeltsin became Walesa for miners of Kuzbass". Work leader and governor of Kuzbass Michael Kisluk about the role of miners in the collapse of the Soviet Union. Talking A. Mozzhukhin. ["Dlya shahterov Kuzbassa svoim Valensoi stal El'tsin". Rabochij vozhak i gubernator Kuzbassa Mihail Kislyuk o roli gornyakov v razvale SSSR. Besedoval A. Mozzhuhin]. Sait «Lenta.ru». 2015. URL: https://lenta.ru/articles/2015/07/28/ kislyuk/(data obrasheniya 03.12.2016).
28. The labor movement of Kuzbass: collection of documents and materials (April 1989 - March 1992). [Rabochee dvizhenie Kuzbassa: Sbornik dokumentov i materialov (aprel' 1989 -mart 1992)]. Collect. by L.N. Lopatin. Kemerovo: Sovremennaya obshestvennaya kniga = Modern social book. 1993. 622 p.
29. Oleynik A.N. Give coal to country. [Daesh' strane uglya]. Dialogue. Moscow, 1991, № 11, pp. 50-55.
30. Miners' movement: documentary and analytical materials. [Shahterskoe dvizhenie: dokumental'nye i analiticheskie materially]. Ed. by L.A. Gordon, E.V. Klopov. Moscow: Institut problem zanyatosti RAN = Institute of employment of RAS. Ministerstvo truda Rossii = Russian Ministry of Labor, 1992. Chapter 1, pp. 34-42.

Информация об авторе

Баранов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, кафедра политологии и политического управления, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
baranovandrew@mail.ru

Information about the author

Andrew V. Baranov , Doctor of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Political Science and Political Management Department, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
baranovandrew@mail.ru

Получена: 07.11.2016

Для цитирования статьи: Баранов А. В., Забастовочное движение шахтёров в СССР (1988 – 1991 гг.) как проявление общественной самоорганизации: этапы исторического. Развития, Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-19-25.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-19-25.

Received: 07.11.2016

For article citation: Baranov A. V., Zabastovochnoe dvizhenie shahtjorov v SSSR (1988 – 1991 gg.) kak projavlenie obshhestvennoj samoorganizacii: jetapy istoricheskogo. Razvitija. [Miners' strike movement in the USSR (1988–1991) as the expression of social self-organization: stages of historical development]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-19-25.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-19-25. (in Russian)

УДК 343.34.841:373-053. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-26-30

БУБЛИЧЕНКО Владимир Николаевич
Ухтинский государственный технический университет
г. Ухта, Россия
vbudlichenko@mail.ru

Vladimir N. BUBLICHENKO
Ukhta State Technical University
Ukhta, Russia
vbublichenko@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ЧЕРЕЗ РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДЕТСКИХ ТРУДОВЫХ КОЛОНИЯХ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ (1935-1956 гг.)

Организация обучения в школах детских трудовых колоний НКВД - МВД СССР являлось составной частью деятельности закрытых учреждений для несовершеннолетних. Школьное образование осужденных подростков решало две взаимосвязанные задачи: развивающаяся промышленность получала грамотные кадры, способные осваивать новые профессии; после освобождения из колонии для несовершеннолетних открывались возможности дальнейшей социализации. Необходимость обеспечения всеобщего среднего образования потребовала внедрения во второй половине 1930-х годов в детских трудовых колониях НКВД СССР семилетнего образования. Рост количества детских трудовых колоний в первой половине 1940-х годов затронул Европейский Север России и привел к открытию в данных учреждениях новых школ. В них шло развитие материально-технической базы и совершенствование учебного процесса. Со второй половины 1940-х годов в образовательных учреждениях детских трудовых колоний возросла роль воспитателей, родителей и общественности, школьных коллективов. Приоритетное направление новые формы работы получили в первой половине 1950-х годов. Характерными особенностями школьного образования в детских трудовых колониях являлись приоритет производственной деятельности над учебным процессом, проблемный характер оптимальной организации работы школ, специфический контингент обучающихся.
Развитие школьного образования в детских трудовых колониях НКВД - МВД СССР носило динамичный характер. Оно развивалось в условиях существующей модели общественного развития, сочетая в себе как положительные, так и отрицательные стороны.

Ключевые слова: безопасность советского государства, детские трудовые колонии, школьное образование, Европейский Север.

ENSURING THE SAFETY OF THE SOVIET STATE THROUGH THE DEVELOPMENT OF SCHOOL EDUCATION IN CHILDREN'S LABOR COLONIES IN EUROPEAN NORTH OF RUSSIA (1935 - 1956)

The Organization of learning in schools for children labor colonies of the NKVD – MVD of the USSR was a part of the activities of closed institutions for minors. School education of the condemned adolescents were solving two interrelated tasks. The developing industry has got competent personnel, able to learn new skills. After his release from prison for juveniles opened the possibility of further socialization. The need to ensure universal secondary education has demanded introduction in the second half of the 1930s in the children's labor colonies of the NKVD of the USSR seven-year education. The increase in the number of children's labor colonies in the first half of the 1940s affected the European North of Russia and led to the discovery of these institutions of new schools. In them was the development of material-technical base and improvement of the educational process. Since the second half of the 1940s in educational institutions of children's labor colonies has increased the role of educators, parents and public school groups. Priority new forms of work received in the first half of the 1950s. The salient features of school education in children's labor colonies is the priority of the production activity over the learning process, the problematic nature of the optimal organization of schools, the specific contingent of students. The development of school education in children's labor colonies of the NKVD – MVD USSR has been evolutionary. It was developed in the context of the existing model of social development, combining both positive and negative sides.

Keywords: security of Soviet state, children's labor colonies, schooling, European North

Понимание необходимости ликвидации подростковой преступности для обеспечения безопасности и создания условий динамичного социально-экономического развития государства возникло у руководителей Советского Союза в первые годы после прихода их к власти. Процесс борьбы с преступностью несовершеннолетних развивался в нескольких направлениях. Велось совершенствование профилактической работы с подростками, которые потенциально могли совершить противоправные деяния, в местах заключения к осужденным несовершеннолетним применение педагогических методов сочеталось с карательными. Окончательное оформление советской модели пенитенциарной системы для несовершеннолетних в середине 1930-х годов способствовало доминантному применению к ним карательных методов перевоспитания, что не исключало создания в детских трудовых колониях (ДТК) условий получения осужденными школьного образования в объеме требований для обычных школ и профессиональных навыков.

В отечественной историографии данный аспект не получил широкого освещения, поэтому статья позволяет частично восполнить образовавшуюся лакуну и преследует цель проанализировать развитие школьного образования детских трудовых колоний Европейского Севера России в контексте обеспечения безопасности советского государства.

Основными источниками статьи являются документы, отложившиеся в фондах Национального архива Республики Коми (НАРК), Архиве Информационного центра Управления внутренних дел по Архангельской области (Архив ИЦ УВД АО) и Архиве Управления Внутренних дел по Вологодской области (Архив УВД ВО). Документы, отражающие организацию школьного образования в детских трудовых колониях Европейского Севера России, не имеют принципи-

альных различий с документами обычных школ. К ним относятся протоколы заседаний педсоветов, ведомости учета успеваемости обучающихся, справки о работе с учениками, докладные записки преподавателей и другие документы. Сведения о результатах учебной деятельности школ при детских трудовых колониях заносились в итоговые показатели работы пенитенциарных учреждений [1, с. 61].

Нормативная база для обучения воспитанников ДТК развивалась на основе требований циркуляров и инструкций НКВД СССР, в которых учитывались основные тенденции развития советского школьного образования. Потребность развивающейся промышленности в грамотных кадрах, способных осваивать новые профессии и получать высокую квалификацию, привели к изменению организации учебного процесса в детских пенитенциарных учреждениях. Так, начиная с сентября 1938 г. детские трудовые колонии были обязаны организовать школьное обучение всех воспитанников, в то время как Положение о детколониях 1935 г. предусматривало преподавание общеобразовательных дисциплин только для лучших производственников [2, с. 196, 301]. Занятия в семилетних школах детских колоний велось, как и в обычных школах, по программам Наркомата просвещения. В ходе планомерной работы по выполнению требований всеобуча к началу 1940 г. все ДТК НКВД СССР располагали средними школами, в которых работало 800 педагогов [2, с. 332]. Главным направлением развития образовательного процесса в школах при детских трудовых колониях являлся опыт А.С. Макаренко. «Давая коммунару высокую квалификацию, связанную со средним образованием, - отмечал педагог-новатор, - мы сообщаем ему многие разнообразные качества "хозяина" и "организатора"» (ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 48. Л. 55).

В 1940-е годы школьное образование осужденных подростков получило дальнейшее развитие. В нормативных документах появилось требование к руководителям детских пенитенциарных учреждений создавать условия, «чтобы заинтересовать их [учеников] наукой, добиться от них ответственного отношения к учению, дать им как можно большую общеобразовательную подготовку и обеспечить высокое качество знаний по всем предметам» (НАРК. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 2. Л. 83 об.). Очевидно, в условиях войны, когда нарушение семейных отношений вело к росту беспризорности, безнадзорности и, как следствие, подростковой преступности, обеспечить полное выполнение поставленных задач к уровню школьного образования в ДТК было сложно. Однако факт постановки данной проблемы позволяет сделать вывод о заинтересованности советских органов власти в повышении качества образования у подростков, которые совершили противоправные деяния. Потеря контроля над военным поколением несовершеннолетних могла привести к серьезным проблемам, поскольку речь шла о будущем страны и обеспечении ее безопасности.

Существенное влияние на повышение качества обучения несовершеннолетних в пенитенциарных учебных заведениях оказывали школы Наркомпроса. Несмотря на сложности военного времени, они, по мнению историка И.С. Писаренко, работали «над совершенствованием всех составляющих образовательного процесса, то есть обучающего, развивающего и воспитывающего его начала» [3]. Безусловно, специфика детских трудовых колоний не всегда позволяла в полной мере использовать опыт учебных заведений открытого типа, но методические аспекты их деятельности находили применение в практике педагогов. Например, используя новаторские разработки, учителя детколоний совместно с воспитанниками изготовляли наглядные пособия, проводили выставки учебных экспонатов и тетрадей с работами учащихся. В 1980-е годы такая практика получила название педагогика сотрудничества. На заседаниях методических секций учителя детских колоний Вологодской области, стремясь повысить свое преподавательское мастерство, обращали внимание на изучение теории и практики обучения и воспитания (НАРК. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 2. Л. 83 об.). В течение 1944-1945 учебного года учителя детской трудовой колонии «Конвейер» в Архангельской области провели 15 методических совещаний, 8 открытых уроков, администрация школы посетила 100 учебных занятий, обобщив опыт преподавания и выработав практические рекомендации по исправлению недостатков (Архив ИЦ УВД АО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 4а. Л. 49).

Распределение времени на изучение общеобразовательных дисциплин в школах при пенитенциарных учреждениях зависело от возраста обучающихся. Согласно инструкции НКВД СССР от 29 сентября 1943 г. подростки в возрасте 11-14 лет 4 ч. в день (21 ч. в неделю) изучали учебные предметы общего направления и 3 ч. технические курсы, в соответствии с приобретаемой производственной специальностью. На обучение воспитанников 14-16 лет общеобразовательным дисциплинам отводилось 3 ч. в день (18 ч. в неделю), из которых 2 ч. являлись техническими (НАРК. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 2. Лл. 74, 76).

Организация обучения осужденных несовершеннолетних старше 16 лет вызывала большие проблемы. Они были связаны с привлечением обучающихся к производственной деятельности, продолжительность которой затрудняла обучение в школе. Времени для подготовки к

учебным занятиям и выполнения домашних заданий для данного контингента обучающихся не оставалось, что отражалось на их успеваемости. Выход из сложившейся ситуации руководители детских пенитенциарных учреждений пытались найти через корректировку учебных программ Наркомпроса и детских трудовых колоний. На одном из совещаний Отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью НКВД СССР, которое состоялось в январе 1945 г., подчеркивалась необходимость давать осужденным подросткам возможность получения семилетнего образования. Для этого в школы при ДТК было необходимо внедрить опыт совмещения учебных дисциплин с курсом производственного обучения (ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 40. Л. 17 об., 18).

Низкая межведомственная согласованность не позволила к концу 1940-х годов пенитенциарным учреждениям для несовершеннолетних полностью устранить диспропорции в учебных планах и создать необходимые условия для получения осужденными старшего школьного возраста семилетнего образования в ДТК. В качестве доказательства проведем сравнительный анализ успеваемости по детским трудовым колониям Архангельской области за второе полугодие 1949 г. При почти равных условиях обучения осужденных качество их образования было выше в Емцовской детколонии (83%). Вполне очевидно, что аналогичный показатель в ДТК «Конвейер», который оставлял 75%, был связан с преобладанием в ней 16-летних подростков (Архив ИЦ УВД АО. Ф. 41. Оп. 1.Д. 23. Т.1. Л. 77).

Наиболее оптимальные условия получения воспитанниками школьного образования были созданы в детских трудовых воспитательных колониях, условия содержания осужденных в которых отличались от обычных. Анализ соотношения охвата школьным и производственным обучением в ДТВК СССР за 1944-1946 гг. приводит к выводу о приоритетности общеобразовательной подготовки воспитанников (таблица). Диспропорция составляла в среднем 29%. Однако разрыв между школьным и профессиональным обучением сокращался.

Таблица

Охват школьным и производственным обучением в детских трудовых воспитательных колониях НКВД - МВД СССР в 1944-1946 гг.

Вид обучения	1944 г.	1945 г.	1946 г.
В школе	17 094	15 998	17 858
На производстве	11 447	11 439	13 059
% соотношение	67	72	73

Примечание: Сведения за 1946 г. соответствуют первому полугодию. Итоговое процентное соотношение подсчитано автором.

Источник: ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 17. Л. 1,1 об.

Внедрение социалистического соревнования в образовательный процесс детских трудовых колоний, которое было распространено в производственной практике, не получило развития и было прекращено, как вредно отражающееся на качестве обучения и дисциплины в школе (НАРК. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 2. Л. 35).

Специфика контингента учащихся в школах детских трудовых колоний требовала использования особых методов воспитания, которые не всегда предусматривались ведомственными инструкциями. Начиная с середины 1940-х годов в целях укрепления дисциплины в работе детских трудовых колоний повысилась роль воспитателей. Они наделялись индивидуальными полномочиями, что должно было положительно сказаться на качестве школьного образования несовершеннолетних (ГАРФ. Ф. Р- 9412. Оп. 1. Д.40. Л. 19 об.). Таким образом, руководство детских пенитенциарных учреждений фактически санкционировало разделение единого учебно-воспитательного процесса в детских трудовых колониях. Учителя отвечали за получение осужденными подростками знаний по школьным предметам, на воспитателей возлагались функции обеспечения и поддержания дисциплины, порядка и ответственного отношения к своим обязанностям во время учебного процесса.

Первая половина 1950-х годов связана с существенными изменениями в пенитенциарной системе Советского Союза. Она затронула и детские трудовые колонии, но существенным образом не отразилась на работе образовательных учреждений в них. По данным архивных источников, учебные заведения при ДТК МВД обеспечивали выполнение требований всеобуча. Например, в пенитенциарных учебных заведениях Вологодской области по итогам 1950 учебного года, когда среди заключенных несовершеннолетних было достигнуто «улучшение качества учебно-воспитательной работы», из 516 воспитанников 125 подростков освоили школьную учебную программу на «хорошо» и «отлично». (Архив МВД ВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 25. Л. 59). Аналогичная ситуация сложилась в школе-семилетке Архангельской ДТК, когда в 1953 г. при числен-

ности обучающихся в 229 человек и почти полной посещаемости успеваемость осужденных школьников составила 86,5% (Архив ИЦ УВД АО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 48. Т. 1. Л. 33). Очевидно, с точки зрения критического восприятия имеющихся в распоряжении исследователя данных стоит усомниться в высоких показателях учебного процесса школ при ДТК МВД СССР в начале 1950-х годов. При этом, на наш взгляд, необходимо учитывать требования к уровню образования осужденных подростков в детских трудовых колониях данного периода и их возрастной состав. Например, в 1953 г. подавляющее большинство обучающихся в школе Архангельской ДТК составляли ученики второго-пятого классов, то есть младшего и среднего возраста, обучение которых при правильной постановке учебного процесса не должно было составлять трудностей.

К середине 1950-х годов демократизация в деятельности детских пенитенциарных учреждений отразилась на требованиях к школьному образованию в них. Новое Положение о детских трудовых колониях МВД СССР предусматривало получение всеми осужденными воспитанниками семилетнего или среднего образования. Учебная работа в детских трудовых колониях должна была строиться с учетом нормативных документов и рекомендаций министерств просвещения союзных республик. Ответственность за снабжение необходимой учебной литературой, наглядными пособиями и другим оборудованием для школ трудовых колоний также возлагалось на гражданское ведомство. По окончании учебного заведения при пенитенциарном учреждении осужденные несовершеннолетние получали документ государственного образца, соответствующий школе министерства просвещения [2, с. 538]. Таким образом, на государственном уровне произошло нивелирование между полученным образованием в обычных школах и школах при пенитенциарных учреждениях. Возможно, решение диктовалось складывающейся внутриполитической ситуацией в стране, открывая возможность для дальнейшей социализации осужденных несовершеннолетних. Одновременно с этим повышались требования к организации учебного процесса в школах при детских трудовых колониях.

Итак, динамичное развитие школьного образования осужденных подростков в детских трудовых колониях НКВД - МВД как в целом по стране, так и на Европейском Севере в частности развивалось с учетом требований, выдвигаемых к социально-экономическому развитию советского государства. За свою историю оно прошло этапы становления и развития, в результате которых после проведения государственной корреляции уровень требований к выпускникам школ при детских трудовых колониях сравнялся с требованиями к обучающимся обычных учебных заведений, что, очевидно, должно было положительно сказаться на безопасности страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бубличенко В.Н. Документы Гасархива Российской Федерации и региональных архивов о детских трудовых колониях на Европейском Севере России в 1943-1945 гг. // Отечественные архивы. - 2015. - № 2. - С. 61.
2. Дети ГУЛАГа. 1918-1956: Сб. документов /под ред. А.Н. Яковлева. - М.: МФД, 2002.
3. Писаренко И.С. Советское школьное право во время Великой Отечественной войны // Образование и общество. - 2004. - № 4. [Электронный ресурс] - URL: http://www.jeducation.ru/4_2004/index_4_2004.html.

REFERENCES

1. Bublichenko V.N. Dokumenty Gasarhiva Rossijskoj Federacii i regional'nyh arhivov o detskih trudovyh koloniyah na Evropejskom Severe Rossii v 1943 - 1945 gg.. [The documents of the Russian Federation Gasarhiva and regional archives of children's labor colonies of the European North of Russia in 1943 - 1945 years.]. Otechestvennye arhivy. № 2. 2015. P. 61.
2. Deti GULAGa. 1918 - 1956: sb. Dokumentov. [Children of the Gulag. 1918 - 1956: a collection of documents]. pod red. A.N. Yakovleva. M.: MFD, 2002.
3. Pisarenko I.S. Sovetskoe shkol'noe pravo vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny. [The soviet school right during the great Patriotic war]. Obrazovanie i obshchestvo. № 4. 2004. Available at: http://www.jeducation.ru/4_2004/index_4_2004.html.

Информация об авторе

Бубличенко Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и культуры ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет»,
г. Ухта, Россия
vbudlichenko@mail.ru

Information about the author

Vladimir N. Bublichenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Culture, Ukhta State Technical University,
Ukhta, Russia
vbublichenko@mail.ru

Получена: 27.10.2016

Received: 27.10.2016

Для цитирования статьи: Бубличенко В. Н., Обеспечение безопасности советского государства через развитие школьного образования в детских трудовых колониях на Европейском Севере России (1935-1956 гг.).Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-26-30.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-26-30.

For article citation: Bublichenko V. N., Obespechenie bezopasnosti sovetskogo gosudarstva cherez razvitie shkol'nogo obrazovanija v detskih trudovyh kolonijah
na Evropejskom Severe Rossii (1935 1956 gg.). [Ensuring the safety of the soviet state through the development of school education in children's labor colonies in european north of RUSSIA (1935 - 1956)]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-26-30.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-26-30. (in Russian)

УДК 316.48(477) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-31-37

ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА Елена Всеволодовна
Институт философии и социально-политических наук
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
elena_zolotuhina@mail.ru

Elena V. ZOLOTUKHINA-ABOLINA
Institute of Philosophy and Social-Political Sciences
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
elena_zolotuhina@mail.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ

EXISTENTIAL-PSYCHOLOGICAL AND CULTURAL-IDEOLOGICAL ASPECTS OF RELATIONS BETWEEN THE GENERATIONS

Статья посвящена проблеме взаимоотношения между поколениями. Автор ставит вопросы о характере конфликтов между поколениями, об условиях их взаимопонимания и о культурной специфике современной молодежи. В статье утверждается отсутствие принципиального противостояния между поколениями, рассматриваются экзистенциально-психологические и культурные условия трансляции ценностей и поведенческих реакций от поколения к поколению, описываются современные проблемы молодежи, связанные с техногенно-информационным характером эпохи. Гармония между поколениями, полагает автор, во все времена создается за счет личных отношений в семье, когда родители, адекватно отвечая на запросы ребенка, прививают ему «базисное доверие». Усвоение ценностей и экзистенциальных переживаний происходит при активном участии бессознательного, взгляды родителей транслируются новому поколению через личный пример. Однако в ходе собственной жизни полученные от родителей ценности подвергаются детьми интерпретации и применяются в новых условиях, поскольку каждое поколение обладает своей особой идентичностью, вырастая в конкретной исторической обстановке. Важным механизмом сохранения связи между поколениями, полагает автор, является также культурная память, выступающая в отличие от «писаной истории» живой передачей из уст в уста. Другой аспект культурной памяти - национально-этнический миф, воспроизводящийся в новых поколениях. Автор показывает, что разразившийся в современном мире кризис письменной культуры, так же как увлеченность молодых поколений виртуальными мирами и идеей киборгизации, взывает к старшему поколению, которое способно не дать развеяться культурному наследию прошлого и должно найти возможность вместить гуманистические ценности в новые исторические формы.

The article is devoted to the problem of generation relations. The author asks why the different generations do not understand each other. The result of philosophical and psychological investigation shows that the conflict between the elder and the younger generation hasn't objective causes. The main factor which determines the psychological atmosphere within the family is the basic trust (E. Erikson) between the family members. Main convictions and thought of parents are given to children by means the personal example. Further they are revised in correlation with the current social situation, its changes and challenges. Very important for this process is the so called cultural memory. This is an alive memory of parents and grandparents who tell to new generations about anything from their life. So come true the generation ties. The other aspect of the cultural memory is ethnical myth. In this case the feeling of identity is wider. The man (woman) understands himself (herself) with his (her) people, tribe, nation, state etc. The author points to the growing crisis of writing culture, transhumanist trend and virtual reality as to the menace which could make the communication between generations more difficult. Elder generations in the first place must seek and find ways to save and conserve the social spiritual continuity.

Ключевые слова: поколения, родители, дети, старшие, младшие, конфликтность, ценности, нравственность, родительские сценарии, информационное общество, технократизм.

Keywords: generation, parents, children, seniors, juniors, conflicts, values, morality, parental scripts, information society, technocratism

Постановка проблемы

Тема поколений - одна из вечных тем гуманитарной мысли, воспроизводящаяся без преувеличения с каждым новым поколением. Не являются ли отношения между зрелыми людьми и молодежью, родителями и детьми вечным неразрешимым конфликтом? Способны ли «стар» и «млад» понимать друг друга, находить общий язык? Что является условием гармонии между представителями разных возрастов? Каковы особенности нынешних новых поколений? Все эти вопросы волнуют и обычных людей, и исследователей-гуманитариев.

Во многом ключевой для анализа обозначенных сюжетов является написанная еще в 20-х годах XX в. работа К. Мангейма «Проблема поколений» [4], которая давала как анализ предшествующих взглядов, так и набрасывала формально-социологический подход к теме поколений. Однако в наши дни при всем широком развитии социологии интерес ученых к поколениям выходит далеко за рамки собственно социологического. Заглянув в Интернет, этот современный компендиум разноплановой литературы, мы увидим там кроме социологических штудий, хорошим примером которых является работа Е.И. Ивановой «Социально-демографические поколения современной России» (2013 г.), также психологический анализ темы поколений (например, диссертация Пищик В.И. «Психология трансформации ментальности поколений», 2010 г.) и

размышления о поколениях на базе художественной литературы (Александренко М.В. «Проблема поколений в трагикомедиях У. Шекспира. Отцы и дочери», 2006). Более подробное исследование, несомненно, обнаружит политологические, педагогические, философские и исторические грани темы.

В этой небольшой статье мне хотелось бы, реализуя *философский подход*, коротко коснуться двух граней ракурсов изучения поколений: *экзистенциально-психологического и культурно-мировоззренческого*. При этом разговор о поколениях включит в себя как вопрос об отношениях между «старшими» и «младшими», так и попытку аналитически взглянуть на ныне растущие новые поколения. Выделяя для анализа обозначенные грани, я тем не менее хотела бы подчеркнуть, что любые подходы к поколениям с точки зрения акцентировки субъективного фактора не могут исключить, а, напротив, предполагают всесторонний учет социально-экономической детерминации.

Экзистенциально-психологические аспекты связи поколений

В качестве исходной точки для рассуждений мы возьмем определение поколений, данное Л.Ю. Пушиной: «Несколько близких возрастных когорт, возрастная группа (или даже несколько возрастных групп) *могут* составить поколение. Атрибутивными свойствами поколенной общности, отличающими ее от возрастной группы, являются некое единство («стиль», «энтелехия») и осознание этого единства, т.е. самоидентификация индивидов, составляющих поколение, с этим поколением. Каждое поколение - продукт социально значимых событий и изменений. Качественное своеобразие поколенных общностей, их отличие друг от друга, формирование внутри этих общностей специфического габитуса определяются именно тем, что на раннюю социализацию различных поколений оказывали влияние разные исторические события и процессы» [6, с. 30]. А под экзистенциальными аспектами связи поколений я понимаю причастность разных поколений к единым эмоционально-ценностным ориентирам и способам переживания жизненных ситуаций и реагирования на них.

Самый простой и очевидный ход в разговоре о поколениях (хотя на эту тему ведутся нескончаемые дискуссии) - рассматривать поколение в ракурсе «отцы и дети», то есть, обозначать межпоколенный разрыв примерно в двадцатилетие (+ пять-десять лет). На мой взгляд, идея конфликта отцов и детей, проходившая в свое время через знаменитый роман И. Тургенева, сильно преувеличивает момент противостояния. Конечно, для разных поколений во все времена характерно отношение «старшие - младшие», «независимые - зависимые», «господствующие - подчиненные», но это отношение в ходе жизни меняется. Зависимые дети становятся независимыми взрослыми, а самостоятельные взрослые - слабыми стариками, что ликвидирует ситуацию конфликта первоначальной власти и подчинения. Не являются радикально конфликтогенными и динамические изменения в общественном производстве: старшие члены общества вполне способны овладевать новыми технологиями, прежде всего бытовыми - стиральными машинами, телевизорами, миксерами, планшетами и смартфонами, а порой и принимать «мировоззренческую моду времени», распространяемую через современные СМИ, ибо СМИ обращены ко всем слоям общества и в равной степени воздействуют на умы как младших, так и старших.

Конечно, мировосприятие разных поколений (тем более с разрывом в 30 и 40 лет) неизбежно различается «чувством временной перспективы», так как у молодых в отличие от пожилых «вся жизнь впереди», кроме того явно различна степень сексуальной ангажированности, несомненно угасающей в высоких возрастах. Однако взгляды на добро и зло, на то, «что такое хорошо и что такое плохо», как стоит относиться к миру, а как - не стоит, могут у «потомков» и «предков» быть по сути одинаковыми, ибо они передаются в непосредственном общении старших и младших, не просто в «воспитательном процессе», но в ходе жизни. Таким образом, мы вправе отметить, что «конфликт поколений», о котором нередко принято говорить, не является фатальным, он основан, скорее, на *конфликтных личных отношениях*, нежели на «логике жизненного пути». Прекрасную картину межпоколенной гармонии демонстрирует нам один из лучших романов знаменитого американского фантаста Рэя Бредбери «Вино из одуванчиков». Это автобиографическое реалистическое произведение, где показано дружное совместное бытие четырех поколений от детей до прабабушки: все ценят, любят и поддерживают друг друга. Это вообще произведение прежде всего о детях и стариках, которые нужны друг другу и способны проникнуться уважением и душевно привязаться, несмотря на огромный временной разрыв.

«Конфликт поколений», о котором пишет уже упомянутый нами И.С. Тургенев, это не «конфликт возраста», но социальное противостояние, где «барам и аристократам» противостоит разночинец, безделью - труд, избалованности и утонченности - простота и позитивизм. Тот

же конфликт мы видим в другом знаменитом русском произведении у ровесников Обломова и Штольца, хотя между ними не пролегает возрастной, поколенческий разрыв.

Разумеется, социальные изменения серьезно сказываются на отношениях между поколениями, и прежде всего в семье. Это изменение самой семьи, уход патриархального уклада, первенства в семье отца, которое было отображено в том числе З. Фрейдом в его учении об эдиповом комплексе. В XX веке женщины широко вышли в производство, которое теперь без них немыслимо, и стали активными членами общества, а не просто матерями. Безоговорочный авторитет отца как кормильца семьи и грозного властителя, поставленного над женой и детьми, ушел в прошлое, во всяком случае в среде «европейского человечества», то есть в западной культуре. Этот процесс исчезновения социально-психологического контраста поколений хорошо отражен в книге Луиджи Зойя «Отец. Исторический, психологический и культурный анализ». Автор говорит о том, что и в X1X и в XX веке на семейном портрете отец всегда «изображается… со всей семьей, по возможности, в центре. В обставленной мебелью комнате, которая, как мы полагаем, является центром дома. Отец принадлежит к какой-то профессии и является общественной фигурой: он защищен, хорошо одет, занят своим делом, даже если речь идет о рабочем или крестьянине» [3, с. 278]. Эти портреты, отмечает автор, не менялись веками. Но в наши дни все изменилось: «Образ группы, семейный портрет, теперь почти не существует. Отец, похоже, утратил функцию связующего звена с обществом. Нет больше ни группы, ни контекста. Не видно его общественного и профессионального положения. Появляется ранее неведомая диада: отец с маленьким ребенком… Эти отцы сплошь молодые, красивые, полуголые… В этих более или менее скучных образах отец превратился в тело» [3, с. 280].

Скажем прямо, что стремящийся к вечной молодости отец-хипстер, обретающийся рядом с социально-активной супругой, которая всегда на работе, не походит на «вершителя судеб», а скорее, является для детей старшим товарищем, которому не чуждо ничто детское. Добавим, что многие современные дети в силу ослабления общественных требований к семье растут вообще без отцов, и проблема поколений стоит для них совсем иначе, чем для их ровесников век назад, хотя все эти изменения все равно не стирают целиком границ между поколениями.

Если следовать определению поколений, восходящему к историку искусства К. Пиндеру, который писал об «этелехии поколений», единстве их внутренней цели и мироощущения, то поколения *всегда различны* просто в силу того, что временное расстояние, существующее между ними, создает для каждого из них разный *стиль, самосознание и судьбу*, вырастающие из разных исторических контекстов. Существует единство темпоральной когорты тех, кто рожден и растет в одно время (однокашники, одноклассники), отличающееся от другого аналогичного единства, от тех, кто также входил в жизнь вместе, но много лет назад. Однако между этими единствами нет принципиального контраста и жесткого разрыва. Мы способны понимать, любить и ценить и старшие, и младшие поколения.

Способы передачи экзистенциально-ценностных ориентиров

Как свидетельствуют разнообразные источники, зрелые люди с древних времен сетовали, что «молодежь отбилась от рук», требует свободы нравов и никого не уважает, что она «другая», не такая, как *отцы*. Но на самом деле эмоционально-ценностная эстафета всегда передается от старших к младшим. Другой вопрос, что она передается не только словами, но личным примером, поведением, делом. Так передаются ценности семейные, национальные, социально-политические, коммуникативные. Если отношения внутри семьи не являются холодными и жестокими, саркастическими и язвительными, двойственными и фальшивыми, ребенок, как правило, воспринимает эмоционально-ценностный посыл родителей. Здесь присутствует немалый бессознательный пласт: юные люди, не рефлексируя особо, следуют тому, что видят, усваивают убеждения, которые свойственны родителям, причем даже тогда, когда они внешне им противостоят. Сам по себе «детско-юношеский бунт» может быть лишь проявлением того, что от заданных ценностей «пляшут, как от печки». Наследуются не только ценности, но поистине - сама программа жизни.

Ситуация наследования «жизненного сценария» со всем набором осознанных и бессознательных стремлений и реакций прекрасно описана известным американским психологом Эриком Берном в его книге «Люди, которые играют в игры. Игры, в которые играют люди». Сценарий выступает как «постепенно развертывающийся жизненный план, который формируется… еще в раннем детстве, - пишет Э. Берн, - в основном под влиянием родителей. Этот психологический импульс с большой силой толкает человека вперед, навстречу его судьбе, и очень часто независимо от его сопротивления и свободного выбора» [2, с. 175-176]. Народная мудрость говорит, что «яблочко от яблоньки недалеко катится», и это действительно так. Если в экзистен-

циально-личностном отношении молодое поколение радикально противостоит «отцам», это означает либо протестное поведение, которое в любом случае, как от печки, танцует от убеждений родителей, но со знаком «минус», либо по сути дублирует скрытые родительские интенции, которые прикрыты для внешнего окружения социальной маской. Ребенок впитывает в себя не только родительские поучения, не только усваивает повеления и запреты, но и перенимает эмоциональные способы реагирования, оценки, ориентиры, которые родители нередко бессознательно выражают в своем поведении. Есть поговорка: «Кто в двадцать лет не был левым, у того нет сердца, кто в сорок лет не был правым, у того нет ума». «Перебесившись» в протестном юном возрасте, новые поколения по мере взросления все более возвращаются к ценностям и установкам собственных родителей, их социального и культурного слоя, и, конечно, хорошо, если они не наследуют в полной мере и не усугубляют родительских пороков, разделив негативный «родительский сценарий».

В наиболее сложной экзистенциальной ситуации находятся новые поколения, когда они являются детьми маргиналов, мигрантов, переселенцев, еще не адаптированных в новом обществе и культуре. Здесь возможно серьезное отступление от родительского мировосприятия и мироотношения, и оно осуществляется по причине радикальной смены социокультурной обстановки, когда дети должны буквально «сжигать то, чему поклонялись родители, и поклоняться тому, что они сжигали». Известный психолог Э. Эриксон писал по этому вопросу: «Чтобы ощутить свою цельность, молодой человек должен чувствовать связь между тем, чем он стал за долгие годы детства, и тем, чем он предположительно может стать в будущем; между его собственным представлением о себе и тем, каким его видят, по его мнению, другие и чего они от него ждут. Личность индивида включает в себя, не исчерпываясь этим, сумму всех последовательных идентификаций в тот ранний период, когда ребенок хотел, а часто и вынуждался походить на людей, от которых он зависел. Личность уникальна, ее кризис может разрешиться только путем новых идентификаций со сверстниками и лидерами вне состава семьи» [8, с. 96-97].

Но вернемся к вопросу эмоционально-ценностного единства поколений. Оно создается, во-первых, за счет дружбы и любви в семье, когда родители, адекватно отвечая на запросы ребенка, прививают ему то, что Э. Эриксон называл «базисным доверием». Это, прежде всего, доверие к самим родителям и их установкам и поучениям, уверенность, что они не сделают намеренного зла и верно ответят на запросы растущего ребенка. Именно в семье от старших ее членов ребенок получает представления о добром и дурном, справедливом и несправедливом, свободе и ответственности, благожелательности и надежде. С этим экзистенциальным багажом он вступает в мир, который может быть очень не похож на мир детства и юности родителей, и здесь каждое поколение вносит свои ноты, свои новые мелодии в «родовую песню». Умные родители понимают, что взрослый ребенок не может и не должен копировать их, но должен, опираясь на полученные убеждения, строить свой собственный мир и свою собственную жизнь, которая может сильно отличаться от родительской.

Второй важный момент, служащий основой новых экзистенциальных интерпретаций, - это «культурная память». В отличие от истории, как пишет об этом Я. Ассман [1, с. 44-45], культурная память - это живая память наличных поколений, это биографическая память, которая актуально передается детям «лицом-к-лицу». Эмоциональные рассказы родителей и дедушек и бабушек об их собственном прошлом, о предках укрепляет связь поколений, создает чувство гордости за своих родных и переживание идентичности - «я не один на свете, со мной много поколений предков, я "боец в строю"». Другой аспект культурной памяти - национально-этнический миф, представление о священных истоках рода и народа. Здесь чувство идентичности выходит за пределы семьи, в него вливается переживание единения с жившими ранее земляками, единоверцами, героями, мыслителями, художниками, которые вовсе не отдалены временем от настоящего момента, а, как всякий миф, всегда присутствуют в нем. «Миф, - пишет Ассман, - это история, которую рассказывают для того, чтобы уразуметь свое место в мире, истина высшего порядка, которая не просто соответствует действительности, но еще и притязает на нормативность и обладает формирующей силой… Только *значимое* прошлое вспоминается, и только *вспомненное* становится значимым» [1, с. 81]. «Культурный миф» прочитывается новыми поколениями в новых условиях, и они сохраняют его, переосмысливая и интерпретируя применительно к обстоятельствам сегодняшнего дня.

Экзистенциальные драмы современных молодых россиян в немалой степени связаны с отъединенностью от прошлых поколений, с их тотальной критикой, с разрывом культурной памяти, который произошел в России в начале 90-х годов XX в. О каком единстве с отцами и дедами можно говорить, если видеть в прошлом одни злодеяния и ошибки? Историческая, экзистенциально переживаемая целостность народа может реализоваться только при зна-

нии прошлого и глубоком уважении к нему, при эмоциональной идентификации с ушедшими поколениями.

Культурно-мировоззренческие аспекты связи поколений

Говоря о культурной памяти, мы, по существу, уже перешли к вопросам «культурного взаимодействия отцов и детей». Но я хотела бы выделить сейчас лишь один из культурологических аспектов отношений поколений: вопрос о различных способах приобщения к культуре. Это тема взаимопонимания разных поколений, а, чтобы люди понимали друг друга, они должны говорить на общем языке не только в переносном, но и в прямом смысле слова.

Текущий период истории нередко называют «информационным обществом», и в жизнь старших поколений оно вошло, когда они уже сформировались социально и нравственно. Сторонники теории «глобального информационного общества» старательно подчеркивают, что «информационная революция» несет с собой великие, радикальные изменения в жизни человечества, с явным намеком, что эти изменения прогрессивны и прекрасны, что они обладают огромным гуманистическим потенциалом. Однако на самом деле все оказывается несколько по-другому, что располагает отечественных ученых считать наличное общество квазиинформационным, тем более, что оно выступает современным вариантом капитализма [7]. Это общество, где знание отождествляется с информацией, качество сводится к количеству, растет компьютерная игромания, совершается массовая манипуляция сознанием. Одним из явных минусов «информационной эпохи» является навязывание новым поколениям визуального и клипового способа освоения мира, в корне отличающегося от целостного и знакового способа восприятия культурного наследия, которое было характерно для нескольких прошлых поколений.

Вырастают дети, которые плохо умеют читать, не могут осмыслить прочитанного, их утомляет и раздражает интеллектуальное напряжение, возникающее при работе со словом. Они не в состоянии долго удерживать внимание на целостности рассказа. Такое неумение писать и читать связный текст закрепляется тестовыми формами в школе. Конечно, различие способов не разрушает в корне добрых отношений между любящими отцами и детьми, но серьезно их упрощает, лишает тонкости понимания, как бы создает расстояние между поколениями. Проблема связана с кризисом текстовой культуры, который на самом деле не столько неизбежен, сколько искусственно поддерживается в условиях современного рынка.

Уменьшение доли чтения во времяпровождении молодых поколений и увеличение просмотра фильмов приводит к доминированию пассивного восприятия и снижению способности к фантазии. Молодые люди, приученные исключительно к наглядности кино и фрагментарности дисплея, оказываются неспособны к освоению художественных текстов. «Начитанное» старшее поколение оказывается в ситуации, когда бабушки и дедушки не могут обсудить с младшими членами семьи литературных впечатлений, потому что у тех подобных впечатлений просто нет, они не научены «оживлению вербализованных образов», не в силах вычленить за текстом авторских идей. Поколения оказываются не способны говорить на едином культурном ке - языке изящной словесности.

Вне семейных отношений в образовательной системе это «поколенное разноязычие» тоже дает о себе знать. Нечитающие молодые поколения не обладают лексическим богатством, часто страдают дисграфией, не в силах связно и последовательно выражать собственные мысли, артикулировать эмоциональные состояния, соблюдать логику изложения. К сожалению, некоторые идеи «нового образования» ведут еще дальше по этому пути, когда дописывать слова сплошь поручается автоматизированной программе. Отказ от освоения культурного текстового наследия ведет к тому, что «рвется связь времен», ибо ни сто, ни двести лет назад не было ни Интернета, ни клипов, ни мозаичного расположения информации, зато были глубокие мысли и сильные чувства, значимые, целостные, способные объединять людей благородными целями. И постичь их, вступить с ними в диалог можно только обладая навыками чтения и литературного слова.

Второй важный и опасный момент - это ранняя причастность новых поколений к виртуальной реальности, которая в современных играх начинает скрещиваться с действительностью как в нашумевшей игре о «покемонах», которые, как выяснилось, «прячутся» и в правительственных зданиях, и в музеях, и на кладбище… Спутанность реальности и виртуальных миров не так безобидна, как может показаться на первый взгляд. Собственно, это еще один мощный способ манипуляции, которому подвергаются нынешние молодые в отличие от своих отцов и дедов, которые, конечно, уже смотрели кино и телевизор, но при наличии минимальной культуры не путали их с действительностью. Нарочито созданная информационная смесь, некий «меланж» из реального и выдуманного, замещение жизненной правды ловко смонтированной ин-

тернетно-телевизионной ложью - вызов и испытание для растущих поколений, которые много времени проводят в социальных сетях и на информационных сайтах. Они постоянно встречаются с гремучей смесью из полуправды, лжи и дезинформации, причем не только по политическим и экономическим вопросам, но и в личном общении, поскольку «виртуальные отношения» нередко представляют собой карнавал масок. Нельзя сказать, что люди сорока и даже шестидесяти лет совсем свободны от этих воздействий, но молодежь вырастает в их рамках, считая их нормой и нередко не имея противоядия, не обладая критическими и аналитическими способностями. Очевидно, роль старших поколений, еще не «запутавшихся в мировой паутине», научить новые поколения здраво и с разбором относиться к любого рода информации, поступающей по многим электронным каналам, дабы не быть марионеткой информационных кукловодов.

Говоря о современной эпохе, нельзя не сказать также, что эпоха эта, как ни суди, технократическая. Собственно, характеристика «информационности» относится к постиндустриальному, техногенному и технократическому обществу. Это общество способно резко изменить мировоззрение людей, привить им убеждения, которых не было и не могло быть у старших поколений. Так, отечественный философ А.В. Миронов полагает, что технократизм в наши дни вытесняет и христианство, и светский антропоцентризм. Объявляя себя этически нейтральным, и, являясь по сути своей редкуционизмом, технократизм претендует на роль ведущей идеологии, утверждающей, что морально все, что выполнимо с помощью науки, техники и технологии. «"Общечеловеческими" ценностями, - пишет автор, - становятся ценности, сформированные наукой, техникой и технологиями» [5, с. 17]. Что же это за ценности? Прогресс (независимо от его результатов), объективность, заменяемость, управляемость, полагает А.В. Миронов. И с ним трудно не согласиться. Если добавить, что технократизм тесно связан с либерализмом и пафосом глобализации (по сути - вестернизации), то понятно, что ценности новых поколений могут сильно разниться с ценностями национально-региональных культур, патриотизма и гуманности.

Разумеется, и в старших поколениях были и остаются люди, захваченные технократическими идеями и устремлениями, но новые поколения уже вырастают, считая нормой доминирование технических стандартов и предпочтений. Идея человека-киборга, которая прежде выглядела откровенно фантастической, сегодня рассматривается как вполне реальная. Эта тяга к сверх-человеческому, не-человеческому провоцируется в новых поколениях самой возможностью нового уровня протезирования за счет информационных технологий, выращиванием из стволовых клеток донорских органов, вмешательством в генетический аппарат человека. В сущности, нет ничего плохого в технологических возможностях продлевать и улучшать человеческую жизнь, весь вопрос в том, чтобы сам человек - субъект, обладающий неповторимостью, сознанием, чувствами и волей - не стал рассматриваться как машина, которая всегда заменима, как объект манипуляций - без пола, без родины, без права на свободный выбор. Для старших поколений, приверженных гуманистическом традициям, очень важно сохранить культурно-мировоззренческое единство «дедов и внуков», чтобы любой «киборг», из чего бы ни состояли его органы и части тела, оставался *в полной мере человеком*, был способен на сочувствие и жалость, умел любить и ценить и общность, и личность, уважал чужие достоинства и следовал золотому правилу морали: не делал другим зла. Видимо, в этом случае не только человек будет «технизироваться», но и техника - очеловечиваться…

Смена поколений - вещь естественная и неизбежная. Важно, чтобы все новое сохраняло связь с прежним, с тем лучшим в прошлом, что достойно сохранения и развития.

Краткие выводы

На те вопросы, которые мы сформулировали в начале нашего размышления, мы можем дать короткие ответы. Конфликтность поколений - ситуация, на наш взгляд, поверхностная и преходящая, зависящая от личных взаимоотношений в семье, от отношения родителей к ребенку. Наследование экзистенциально-ценностных ориентиров - это процесс лишь частично сознательный, он во многом протекает на эмоционально-волевом, нерефлексивном уровне, но при этом ориентиры всегда подвергаются ситуативно-исторической интерпретации, когда наследие предыдущих поколений прочитывается по-новому. И, наконец, технократически-информационная эпоха, существенно изменяющая способы восприятия и коммуникации новых поколений, требует от старших поколений особого рода «культуртрегерских» усилий для сохранения на фоне ускоренных социальных изменений общего языка и общих ценностей разных поколений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ассман Я. Культурная память. - М.: Класс, 2004. - 368 с.
2. Берн Э. Люди, которые играют в игры. Игры, в которые играют люди. - М.: Прогресс, 1988. - 400 с.
3. Зойя Л. Отец. Исторический, психологический и культурный анализ. - М.: Класс, 2014. - 352 с.
4. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. - 1998. - № 2. - С. 48-72.
5. Миронов А.В. Технократизм - вектор развития глобализации. - М.: Макс-Пресс, 2009. - 132 с.
6. Пушина Л.Ю. Поколение как социокультурная общность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». - 2011. - № 3. - С. 28-34.
7. Тузовский И.Д. Утопия-XXI: глобальный проект «Информационное общество». - Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусства, 2014. - 389 с.
8. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. - М.: Прогресс,1996. - 344 с.

REFERENCES

1. Assman Y.A. Kul'turnaya pamyat'. [Cultural memory]. Moscow. Nezavisimaya firma «Klass».2004. 368 p.
2. Bern E.H. Lyudi, kotorye igrayut v igry. [Games People Play]. Moscow. Progress. 1988. 400 p.
3. Zojya L. Otec. Istoricheskij, psihologicheskij i kul'turnyj analiz. [The Father: Historical, Psychological and Cultural Perspectives]. Moscow. Nezavisimaya firma «Klass». 2014. 352 p.
4. Mannheim K. Problema pokolenij. [The problem of generations]. Novoe literaturnoe obozrenie. 1998. № 2. Pp.48-72.
5. Mironov A.V. Tekhnokratizm - vektor razvitiya globalizacii. [Technocratism - the vector of development of globalization]. Moscow. Maks-Press. 2009. 132 p.
6. Pushina L.Yu. Pokolenie kak sociokul'turnaya obshchnost'. [Generation as a social and cultural community]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya «Social'nye nauki». 2011. № 3. Pp. 28-34.
7. Tuzovskij I.D. Utopiya -XXI: global'nyj proekt «informacionnoe obshchestvo». [Utopia-XXI: a global project "information society"]. Chelyabinsk. Chelyab.gos.akad. kul'tury i iskusstva. 2014. 389 p.
8. Ehrikson E.H. Identichnost': yunost' i krizis. [Identity: Youth and Crisis]. Moscow. Progress .1996. 344 p.

Информация об авторе

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия
elena_zolotuhina@mail.ru

Получена: 11.11.2016

Для цитирования статьи: Золотухина-Аболина Е. В., Экзистенциально-психологические и культурно-мировоззренческие аспекты отношений между поколениями.
Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-31-37.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-31-37.

Information about the author

Elena V. Zolotukhina-Abolina, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of History of Philosophy,
Institute of Philosophy and Social-Political Sciences, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
elena_zolotuhina@mail.ru

Received: 11.11.2016

For article citation: Zolotukhina-Abolina E. V., Jekzistencial'no-psihologicheskie i kul'turno-mirovozzrencheskie aspekty otnoshenij mezhdu pokolenijami. [Existential-psychological and cultural-ideological aspects of relations between the generations]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-31-37.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-31-37. (in Russian)

УДК: 316.485.6::324/353.2

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-38-43

ЮРЧЕНКО Инна Вадимовна
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр Российской Академии наук
г. Ростов-на-Дону, Россия
polit-sociology@mail.ru

Inna V. YURCHENKO
Institute for Social and Economic Research and Humanities, South Science Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
polit-sociology@mail.ru

ДОНЦОВА Мария Владимировна
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр Российской Академии наук
г. Ростов-на-Дону, Россия
polit-sociology@mail.ru

Maria V. DONTSOVA
Institute for Social and Economic Research and Humanities, South Science Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
polit-sociology@mail.ru

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НОВОМ ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ЦИКЛЕ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

В статье представлены результаты конфликтологического анализа региональной этнополитической ситуации в Краснодарском крае в условиях развития нового электорального цикла. Цель статьи - оценить уровень этнополитической напряженности в регионе и степень влияния нового электорального цикла на этнополитическую ситуацию в крае. В теоретической части статьи представлен анализ потенциальных возможностей научной конфликтологической экспертизы гетерогенного социума, приводятся факторы социально-политической конфликтности в на региональном уровне, высказываются предположения об эффективных средствах снижения напряженности между региональными группами интересов, урегулирования межэтнических противоречий, достижения коммуникативного согласия, внутриполитической стабильности, устойчивости политических интересов, особенно в ситуации развития электорального цикла. В прикладной части статьи раскрываются результаты социологического исследования (метод экспертного опроса), проведенного сотрудниками Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук в апреле - мае 2016 г. с целью исследования этнополитической ситуации в Краснодарском крае. В процессе исследования было установлено, что внешне этнополитическая ситуация в регионе является спокойной, однако присутствует латентная этнополитическая напряженность, которая экспертами напрямую не связывается с электоральным циклом. Основной причиной этнополитической напряженности и одновременно угрозой региональной безопасности называется высокий уровень миграционной активности, снижение уровня жизни и рост безработицы, что способствует увеличению уровня преступности с этнической составляющей и активизации экстремистских сил. Особое внимание при оценке этнополитической ситуации в Краснодарском крае уделяется НКО как арбитру в разрешении межнациональных противоречий в регионе.

Ключевые слова: региональная безопасность, электоральный цикл, этнополитическая напряженность, Краснодарский край.

CONFLICTOLOGICAL EXPERTISE OF THE REGIONAL SECURITY PROBLEMS IN THE NEW ELECTORAL CYCLE (IN THE CONTEXT OF KRASNODAR TERRITORY)

The article gives the results of the conflictological analysis of the regional ethno-political situation in Krasnodar Territory in the conditions of development of a new electoral cycle. The purpose of the article is to assess the level of ethno-political tension in the region and the degree of influence of the new electoral cycle over the ethno-political situation in the territory. The theoretical part of the article presents the analysis of the potentialities of the scientific conflictological assessment of the heterogeneous society, several factors of social and political conflicts in the regional level, there are some assumptions about the effective means of reducing tension between the regional groups of interests, the settlement of the ethnic conflicts, achievement of the communicative agreement, internal stability, stability of the political interests, especially in the situation of development of the electoral cycle. The application part of the article reveals the results of a sociological survey (method of the expert survey) conducted by Institute for Social and Economic Research and Humanities of the South Science Center of the Russian Academy of Sciencies in April - May 2016 in order to study the ethno-political situation in the Krasnodar Territory. The study found that foreign ethno-political situation in the region is calm, however, there is a latent ethno-political tension that experts do not directly link to the electoral cycle. The main reason for the ethno-political tension and both the threat to regional security is called the high level of migration activity, the fall of living standards rise in unemployment, which contributes to an increase of crime rate with an ethnic component and activation of extremist forces. In assessing particular attention of the ethno-political situation in Krasnodar Territory is paid to NGOs as an arbitrator in Krasnodar Territory in settlement of the ethnic contradictions in the region.

Keywords: regional security, electoral cycle, ethno-political tension, Krasnodar Territory.

Благодарность: Публикация выполнена по проекту «Конфликтологические прогнозы и сценарии Юга России» в рамках государственного задания ФАНО России по проведению фундаментальных научных исследований, №0260-2014-005.

Acknowledgement: The article is made under the project "Conflict Management forecasts and scenarios of the South of Russia" in the State Russian job FASO Russia to conduct fundamental research, №0260-2014-005.

Российские политические процессы на федеральном и региональном уровне в период электорального цикла 2016-2018 гг. вызывают пристальный интерес с точки зрения основных акторов, стратегий и технологий, определения политической повестки дня в меняющемся мире. В данных условиях конфликтологическая экспертиза и ситуационный политический анализ - важнейшие научные инструменты проведения комплексного изучения политических процессов на региональном уровне. Юг России, являющийся достаточно сложным конфликтогенным социальным пространством, в котором дестабилизация политических, этнических и конфессиональных взаимодействий время от времени проявляется как серьезная опасность для всего государства, отличается традиционно существующими ценностными рассогласованиями в результате исторически сложившегося наличия различных социокультурных образований.

Любое территориальное пространство, тем более этнически и конфессионально сложносоставное, не может быть абсолютно устойчивым и стабильным. В условиях гетерогенности возникает конфликтный потенциал к автономизации и суверенизации, к воспроизводству этнотерриториальных разногласий вплоть до ожесточенных столкновений. Эти процессы усугубляются напряжением центр-периферийных отношений внутри страны, региона, оказывают существенное влияние на политическую структуру региональных сообществ и конфликты в них. Во внутреннем устройстве любого общества всегда наличествует регионализм (или регионализация как процесс), что довольно часто приводит к социально-политическим напряжениям, связанным с так называемой региональной депривацией, вызываемой неравномерностью пространственно-территориального распределения людских, финансовых, природных, материальных, инфраструктурных и иных ресурсов.

Конфликтологическая экспертиза на региональном уровне показывает, что процесс укрепления государственности и социокультурной целостности России сопровождается попытками антироссийских сил дестабилизировать обстановку внутри страны и на постсоветском пространстве при помощи разжигания межнациональной и межконфессиональной розни, поддержки неправительственных организаций, ориентирующихся на радикальные, противозаконные методы политической борьбы, воздействуя на общественное сознание информационно-пропагандистскими средствами [5, с. 303]. С другой стороны, общая информационная среда, в которой циркулирующие группы интересов не превращают регион в конфликтное пространство, а взаимодействуют как различные ценностно-смысловые системы, дополняющие и обогащающие друг друга, - это важнейший организационно-управленческий аспект обеспечения региональной безопасности конфликтного пространства, которому государство должно уделять должное внимание. В этой связи представляется необходимым разработать специализированную для каждой местности комплексную организационно-управленческую программу развития региона как полиэничного, с ориентацией на формирование общероссийской гражданской идентичности [3, с. 38].

В свою очередь, с помощью соответствующих индикаторов можно исследовать степень конфликтности, сплоченности или разобщенности, социального доверия или недоверия, которые проявляются в ощущении коллективной и индивидуальной опасности или безопасности, терпимости или нетерпимости и готовности принятия в социальном пространстве носителей других субкультур, непосредственно влияющих на характер политических процессов в регионе [4, с. 380-383]. Примером научного конфликтологического исследования проблем региональной безопасности может служить разработка Южным научным центром РАН научной серии «Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России», посвященной специальному анализу причин и обстоятельств роста напряженности и поиску путей стабилизации на Юге России. Обширный объем информации систематизирован и рассмотрен с точки зрения существующих угроз безопасности. Представленная в Атласах специфика политических, этнических и религиозных процессов на Юге России, хроника террористической активности и противодействия незаконным вооруженным формированиям, геополитическая напряженность на южных рубежах России, а также социально-экономическая ситуация в исследуемом регионе [2] позволяют дать аналитические характеристики проблем региональной безопасности на основе научного инструментария конфликтологической парадигмы.

Устойчивость политической системы, внутриполитическая стабильность, как условие региональной и национальной безопасности, могут быть обеспечены поддержанием баланса интересов различных социальных, в том числе этнических и профессиональных групп. Важным инструментом в достижении тех или иных целей в конфликтном противоборстве является фактор геополитического влияния на процессы взаимодействия заинтересованных «игроков» политики. Необходимо также отметить наличие определенных границ рационализации социальности в целом ряде конкретных сообществ, являющихся значимым фактором устойчивости или конфликтности политических систем, их способности или неспособности к адаптации в новых условиях мирового развития.

В новом электоральном цикле, начавшемся с 2016 г., можно выделить ценностные аспекты политического процесса, влияющие на состояние динамического развития внутрироссийских региональных общностей и политической системы в целом: конституционные, экономические, культурные взаимоотношения субъектов политики. В частности, могут проявляться проблемы, получившие название «двойной периферии», в приграничных территориях. Урегулирование межэтнических проблем в стране направлено на формирование общероссийской гражданской идентичности, укрепление единства и целостности российской государственности. В решении этих задач значимым представляется вопрос о механизмах ценностного консенсуса. То есть важно определить, как в современном политическом процессе эффективно генерировать коммуникативное согласие, которое должно быть признано как значимое самими участниками коммуникации. Значительное место в этой проблематике отводится медийному дискурсу, способному влиять на процессы социального доверия, как первичного условия внутренней консолидации общества.

Для оценки этнополитической ситуации в многонациональном Краснодарском крае с точки зрения прогнозирования рисков и угроз региональной безопасности в процессе развития нового электорального цикла 2016-2018 гг., в апреле 2016 г. было проведено социологическое исследование методом экспертного опроса. В опросе приняли участие представители СМИ, НКО, органов региональной власти и научного сообщества. По оценке большинства экспертов, этнополитическая ситуация в регионе является внешне спокойной. В снижении напряженности основную роль играет эффективное регулирование этнических процессов в регионе (национальная политика и деятельность правоохранительных органов). Существенное значение также имеет наметившийся в последнее время подъем национального самосознания и деятельность НКО, причем последним в опросе уделялось особое внимание: эксперты, не выделяя НКО как значимый фактор стабилизации этнополитической ситуации, тем не менее рассматривают их как неотъемлемую сторону разрешения межэтнических конфликтов. «*Некоммерческие организации, в том числе и этнически ориентированные, стабилизируют ситуацию, создавая механизмы для бескровного разрешения возникающих конфликтов»* [экспертное мнение, канд. полит. наук, сотрудник кафедры политологии Кубанского государственного университета]. Особенно ярко взаимодействие НКО и органов власти проявляется в многонациональном г. Сочи, где ведется активная профилактика этнических конфликтов, а в ситуации возникновения конфликта с этнической составляющей в работу включается группа переговорщиков, в которую включены не только правоохранительные органы, но и представители НКО (Совет национальных объединений), которые защищают интересы этнических меньшинств, замешанных в конфликте. «*Слаженная работа органов государственной власти, национально-культурных общественных объединений и правоохранительных органов позволяет работать на опережение и предотвращать конфликтные ситуации»* [экспертное мнение, канд. ист. наук, сотрудник Кубанского государственного университета, специалист в области этнологии и социологии межэтнических отношений]. «*В первую очередь, полиция реагирует на все преступления и конфликты. Все это пресекают быстро и не дают приоритет ни одному из этносов. Ну и политика толерантности*» [экспертное мнение, д-р юрид. наук, профессор, судья Конституционного Суда Адыгеи, член комиссии по помилованию президента Республики Адыгея и комиссии по правам человека при Президенте Республики Адыгея].

Большинство экспертов отметили, что за последние два года в Краснодарском крае не было ни одного конфликта, который можно назвать знаковым (определяющим) для динамики этнополитической напряженности в регионе. Однако один эксперт упомянул о нападении в г. Краснодаре на кафе «Мастер-пицца», произошедшего в ночь с 10 на 11 мая 2014 г., которое стало для края очень резонансным событием. В данном конфликте приняли участие 40 человек. В результате погрома в кафе погиб 25-летний житель Адыгеи. В декабре 2015 г. Советский районный суд Краснодара вынес приговор 22 участникам данного разбойного нападения. Организатор преступления был приговорен к 13 годам заключения в колонии строгого режима. Как было установлено следствием, мотивом совершения преступления явился межличностный конфликт между организатором преступления и собственником кафе на почве его отказа от услуг по охране помещения [1]. Несмотря на широкий резонанс конфликта в СМИ края, его нельзя с уверенностью отнести к категории межэтнических, поскольку мотив носит не экстремистский, а экономический характер, однако его массовость, безусловно, вызывает тревогу.

На основании данных экспертного опроса можно утверждать, что этнополитическая напряженность в крае носит латентный характер, почти не проявляя себя в открытых противостояниях. Рост напряженности, по мнению экспертов, могут спровоцировать социально-экономические факторы: ухудшение социально-экономического положения значительной части населения, рост безработицы, причем данные факторы наиболее опасны применительно к развитию преступности с этнической составляющей. «*Бедность и безработица толкает на преступления чаще мигрантов, нежели титульных жителей края»* [экспертное мнение, активист

общественной организации «Православный союз»]. Также большую роль играет фактор этнической гиперидентичности: углубление культурного дистанцирования проживающих в регионе этносов, сохраняющаяся предубежденность людей одной национальности против другой, подъем национального и религиозного самосознания у народов Северного Кавказа. «*На мой взгляд, одной из ключевых причин возникающих в Краснодарском крае конфликтов является неудачная национальная политика, основанная на основной поддержке представителей одной этнической группы - казачества (представители русских). На фоне этой поддержки другие этнические группы, в особенности армяне и адыги, чувствуют депривацию. Это ведет к культурному дистанцированию этнических групп* [экспертное мнение, канд. полит. наук, сотрудник кафедры политологии Кубанского государственного университета]. Некоторые эксперты также указали на информационный фактор (деятельность СМИ), в котором наибольшую роль играют интернет-ресурсы.

Если сравнивать этническую и конфессиональную составляющую конфликтности, то, по мнению экспертной группы, в эскалации этнополитической напряженности в Краснодарском крае этнический фактор оказывает бóльшее влияние, чем конфессиональный. Что касается соотношения веса внешних и внутренних факторов в развитии этнополитической ситуации, то в конфликтных и консенсуальных составляющих этнополитической ситуации региона преобладают в основном внутренние факторы.

Уровень этнополитической напряженности в Краснодарском крае имеет тренд на повышение к 2018 г. с последующим снижением (см. рис. 1). По оценкам экспертов к эскалации напряженности внутри региона может привести электоральный цикл и увеличение миграционной ситуации. Однако напряженность даже в 2018 г. не достигнет своего пика, так как явных предпосылок к этому нет. «*Вряд ли возможна максимальная напряженность в регионе, предпосылок к этому нет»* [экспертное мнение, канд. ист. наук, сотрудник Кубанского государственного университета, специалист в области этнологии и социологии межэтнических отношений]. «*Увеличение миграционных потоков. Титульное население будет не радо новым соседям. Еще грядут выборы Президента»* [экспертное мнение, корреспондент газеты «Комсомольская правда на Кубани»]. Внутренние факторы преобладают над внешним, влияние которых оценивается показателями ниже среднего. Среди внешних политических сил наибольшее влияние в развитии этнополитической напряженности в регионе, по оценкам экспертов, оказывает Украина, как ближайший сосед и «горячая» зона столкновения интересов крупных политических игроков - США и Евросоюза.

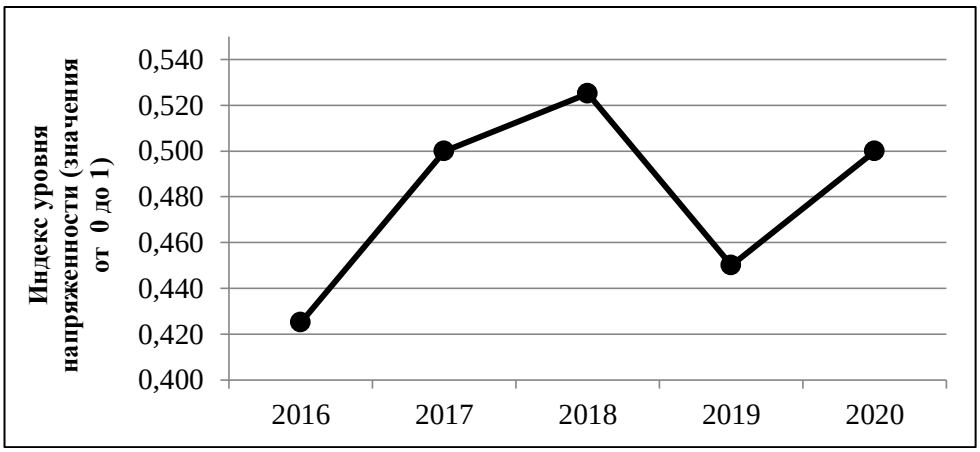


Рисунок 1. Прогнозируемый уровень этнополитической напряженности в Краснодарском крае (2016-2020 гг.) по данным экспертного опроса

Figure 1. The projected level of ethno-political tensions in Krasnodar Territory (2016 - 2020) according to the expert survey

Несмотря на упоминания о выборах 2016-2018 гг., в экспертных комментариях, касающихся объяснения прогнозов развития этнополитической ситуации, эксперты электоральный цикл напрямую не связывают с этнополитической напряженностью, называя основным конфликтогенным фактором миграционную активность. «*После Олимпиады влияние этнического фактора усилилось. Конфессиональный фактор остался на прежнем уровне - нет особых перемен. Усиление внешнеполитического фактора (который не заполняет полностью категорию внешних факторов) связано с изменением внешней политики России. Влияние НКО сегодня усилилось, поскольку возросла роль этнического фактора и профилактика кон-*

фликтов со стороны НКО приобретает большую актуальность. Однако при этом давление на этнические организации возросло. Значимым остается фактор внутрироссийской миграции - это связано с привлекательностью края и последствиями проведения Олимпиады» [экспертное мнение, канд. полит. наук, сотрудник кафедры политологии Кубанского государственного университета]. *«Ситуация в регионе находится под контролем, видимых проявления отдельных факторов практически нет. Несколько повысилась роль конфессионального фактора, но это, возможно, временное явление. Отдельно следует выделить миграцию. Она всегда имеет влияние на этнополитическую ситуацию в регионе, причем как в одну, так и в другую сторону»* [экспертное мнение, канд. ист. наук, сотрудник Кубанского государственного университета, специалист в области этнологии и социологии межэтнических отношений].

Таким образом, влияние нового электорального цикла 2016-2018 гг. на этнополитическую ситуацию в Краснодарском крае носит, скорее, консенсусный характер, хотя нельзя не замечать и усиления региональных противоречий, связанных с тем, что, с одной стороны, электоральные процессы усиливают активность национальных элит в направлении лоббирования своих интересов, что неизбежно сказывается на этнополитической ситуации, с другой - в условиях снижения уровня жизни выборные процессы провоцируют всплеск экстремистских течений и этническую преступность из-за прогнозируемого роста безработицы этнических мигрантов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. В Краснодаре организатора нападения на «Мастер-пиццу» приговорили к 13 годам заключения [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.yuga.ru/news/387114/ (дата обращения: 11.09.2016).
2. Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В., Романов В.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. 5. Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития: Специальный выпуск. - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.
3. Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, Г.Д. Гриценко [и др.]; под ред. акад. Г.Г. Матишова, Н.И. Голубевой, В.А. Авксентьева. - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.
4. Юрченко И.В. Коммуникативно-синергийная парадигма исследования информационного пространства юга России // Проблемы национальной безопасности России в XX-XX1 вв.: уроки и вызовы современности. - Краснодар: Традиция, 2011.
5. Юрченко И.В. Феномен радикализма в публичной политике // Столыпинские чтения. Публичная политика и социальные науки: материалы науч.-практ. конф. с международным участием / отв. ред. В.М. Юрченко. - Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016.

REFERENCES

1. V Krasnodare organizatora napadenija na "Master-piccu" prigovorili k 13 godam zakljuchenija.(In Krasnodar, the organizer of the attack on the "master pizza" was sentenced to 13 years in prison) Available at: https://www.yuga.ru/news/387114 (accessed 11 September 2016)
2. Matishov G.G., Batiev L.V., Pashhenko I.V., Romanov V.V. Atlas social'no-politicheskih problem, ugroz i riskov Juga Rossii: Severnyj Kavkaz: problemy i perspektivy razvitija: Special'nyj vypusk. [Atlas of socio-political problems, threats and risks of the South Russia: Northern Caucasus: Problems and Prospects: Special Edition].V. 5. Rostov-on-Don, 2011. (in Russ.)
3. Avksent'ev V.A., Aksjumov B.V., Gricenko G.D. Jug Rossii v zerkale konfliktologicheskoj jekspertizy. [South of Russia in the mirror of expertise conflictological]. Red. akad. G.G. Matishov, N.I. Golubeva, V.A. Avksent'ev. Rostov-on-Don, 2011. (in Russ.)
4. Jurchenko I.V. Kommunikativno-sinergijnaja paradigma issledovanija informacionnogo prostranstva juga Rossii. [Communicative and synergetic paradigm of research information area of southern Russia]. Problemy nacional'noj bezopasnosti Rossii v HH-HH1 vv.: uroki i vyzovy sovremennosti. Krasnodar, 2011. (in Russ.)
5. Jurchenko I.V. Fenomen radikalizma v publichnoj politike. [The phenomenon of radicalism in public policy]. Trudy nauchno- prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem “Stolypinskie chtenija. Publichnaja politika i social'nye nauki” (Scientific and practical conference with international participation “Stolypin read. Public Policy and the Social Sciences”). Krasnodar, 2016. (in Russian)

Информация об авторе

Юрченко Инна Вадимовна, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований,
Южный научный центр Российской академии наук,
г. Ростов-на-Дону, Россия
polit-sociology@mail.ru

Донцова Мария Владимировна, кандидат со-

Information about the author

Inna V. Yurchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Social and Economic Research and Humanities, South Science Center of the Russian Academy of Sciences,

Rostov-on-Don, Russia
polit-sociology@mail.ru

Maria V. Dontsova Candidate of Sociological

циологических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр Российской академии наук,
г. Ростов-на-Дону, Россия
polit-sociology@mail.ru

Получена: 09.11.2016

Для цитирования статьи: Юрченко И.В., Донцова М.В., Конфликтологическая экспертиза проблем региональной безопасности в новом электоральном цикле (на примере Краснодарского края). Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-38-43.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-38-43.

Sciences, Researcher, Institute for Social and Economic Research and Humanities, South Science Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia
polit-sociology@mail.ru

Received: 09.11.2016

For article citation: Yurchenko I. V., Dontsova M.V., Konfliktologicheskaja jekspertiza problem regional'noj bezopasnosti v novom jelektoral'nom cikle (na primere Krasnodarskogo kraja). [Conflictological expertise of the regional security problems in the new electoral cycle (in the context of Krasnodar territory)]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-38-43.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-38-43. (in Russian)

Исторические науки

Historical Sciences

УДК 94:351.742(571.13) «1914/1917»

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-47-50

АФОНАСЬЕВА Ольга Владимировна
Ишимский государственный педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета
г. Ишим, Россия
aovishim1@yandex.ru

Olga V. AFONASEVA
Ishim Pedagogical Training Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University
Ishim, Russia
aovishim1@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИШИМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОМСКОГО ЖАНДАРМСКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В 1914-1917 гг. (ПО ДОКУМЕНТАМ ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА)

ACTIVITIES OF ISHIM OFFICE OF THE OMSK GENDARME POLICE ADMINISTRATION OF THE RAILWAYS IN THE 1914-1917 YEARS (ACCORDING TO THE TYUMEN STATE ARCHIVE DOCUMENTS)

Статья посвящена исследованию деятельности Ишимского отделения Омского жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги в 1914−1917 гг. Рассматривается штатный состав служащих отделения и порядок его формирования. Анализируются основные изменения в направлении работы чинов жандармских полицейских управлений железных дорог, связанные с началом Первой мировой войны и, как следствие, организацией агентурно-разыскной деятельности. На основании архивных документов приводятся примеры штатных ситуаций, раскрывающих деятельность как штабного руководства (начальника Омского жандармского полицейского управления и помощника начальника Отдельного корпуса жандармов г. Иркутска), так и работы Ишимского жандармского полицейского отделения. Автор выделяет основные направления работы Ишимского жандармского полицейского отделения в период 1914−1917 гг.: розыск и арест лиц, уличенных в шпионаже; сопровождение вагонов с иностранными лицами, проезжавшими по Сибирской железной дороге; контроль благонадежности рабочих в мастерских и депо, сохранности железнодорожных сооружений и т.д. Проведенный автором анализ документов свидетельствует о формировании в период Первой мировой войны нового характера жандармской службы железных дорог, связанного с обеспечением государственной безопасности.

The article is devoted to the study of Ishim office of Omsk gendarme police Department Siberian railway in 1914-1917 Considered staff employees of the office and the procedure for its formation. Analyses the major changes in the direction of work ranks of the gendarme police departments of Railways associated with the beginning of the First world war and as a consequence the organization's intelligence and investigative activities. On the basis of archival documents are examples of standard situations that reveal the activity as a staff leadership (Chief of the Omsk gendarme police Department and Assistant Chief of the gendarmerie of the city of Irkutsk), and the work of Ishim of the gendarmerie to the police Department. The author identifies the main areas of work of the Ishim of the gendarmerie police branches in the period 1914-1917: the search and arrest of persons convicted of espionage; support cars with foreign persons traveling on the Siberian railway; control of reliability work in the workshops and depots, the safety of railway structures, etc. of the author's analysis of the documents indicates the formation during the First world war a new character, gendarme service of the Railways, associated with the maintenance of national security.

Ключевые слова: отделение жандармского полицейского управления железной дороги, унтер-офицеры, Первая мировая война, шпионаж, железнодорожный мост, представители Красного Креста, политическая стабильность, рабочие.

Keywords: office of gendarmerie police Department railroad, non-commissioned officers, First world war, espionage, railway bridge, representatives of Red Cross, political stability, workers

С началом Первой мировой войны жандармские полицейские управления железных дорог стали оплотом сохранности жизненно важных стратегических объектов, соединявших всю территорию России от запада до востока. Железная дорога, мосты, вокзалы, депо, заводы и фабрики, иностранцы и политически неблагонадежные люди оказались под пристальным вниманием служащих отделений жандармских полицейских управлений железных дорог. В это время от чинов жандармских полицейских управлений требовалось усовершенствовать старые и выработать новые методы обеспечения порядка на железных дорогах России.

Одним из рядовых отделений, осуществляющих свою деятельность в то время, являлось Ишимское отделение Омского жандармского полицейского управления железных дорог. Отделение являлось одним из самых молодых на Транссибирской магистрали, так как железнодорожная станция Ишим была открыта 1 октября 1913 г. Проходящая через станцию Ишим железная дорога соединяла крупные промышленные и жизненно важные города Сибири: Омск и Тюмень.

Помимо борьбы с хищением грузов, жандармские полицейские отделения отвечали за профилактику транспортных происшествий. Ежедневно жандармы должны были не только патрулировать вокзалы и охранять поезда, но и следить за соблюдением техники безопасности на железнодорожном транспорте, включая техническое состояние составов и путей.

В сферу контроля Ишимского жандармского полицейского отделения входила дорога протяженностью в две тысячи верст, на которой располагались: вокзал, железнодорожные пути,

паровозное депо, один большой мост через р. Ишим (открыт в сер. 1912 г.), 12 небольших железобетонных мостов и мостов с малыми металлическими пролетами.

Обострившиеся международная обстановка накануне Первой мировой войны добавила в должностной функционал жандармов агентурно-разыскную деятельность.

Охрану отведенного участка железной дороги в Ишимском отделении осуществляло 13 человек в составе: 1 штабс-офицер - начальник отделения подполковник Комаров; 1 вахмистр - Гриценко и 11 унтер-офицеров (Н. Сафонов, Г. Соколов, И. Маньяков, А. Казарин, В. Гришин, Т. Плахутин, И. Горбунов, М. Юдинков, Н. Боловиков, Ф. Шибунт, Ф. Баскевич). Последние два офицера в период войны были командированы на театр военных действий. Для полного штатного списка чинов жандармского отделения не хватало еще четырех унтер-офицеров. На основании этого можно сказать, что (с учетом командированных на войну двух унтер-офицеров) жандармское отделение было укомплектовано на 76% [1, Л. 4, 5].

Основной причиной неполного укомплектования отдела являлось отсутствие должных кандидатур на замещение вакантных мест унтер-офицеров. Требования, предъявляемые к кандидатам на замещение должностей унтер-офицеров в железнодорожную жандармерию, были достаточно высоки: до службы допускались офицеры, не замеченные в каких-либо аморальных поступках; по уровню образования и морально-психологическим характеристикам способные выполнять возложенные на жандармских офицеров обязанности; знающие иностранный язык и обладающие всесторонними знаниями железнодорожного дела. Дефицит жандармов для железной дороги был обусловлен и мобилизацией офицерского состава на театр военных действий Первой мировой войны.

Жаловаться на недостаток людей в Ишимском жандармском полицейском отделении подполковнику Комарову не приходилось. Тем не менее в его переписке с начальником Омского жандармского полицейского управления железных дорог полковником Кастрицыным он указывал на нехватку людей для негласного наблюдения за лицами, подозреваемыми в нарушении общественной безопасности и шпионаже [2, Л. 34, 112].

Ишимский жандармский полицейский отдел железной дороги, имевший в своем ведении стратегически важные объекты, представляющие интерес для агентов стран, воюющих с Россией, и для революционно настроенных лиц, в период войны ежедневно получал от помощника начальника штаба Отдельного корпуса жандармов из Иркутска и начальника Омского жандармского полицейского управления распоряжения (в копиях телеграмм и циркуляров) по сохранению общественного порядка. Так, еще до начала войны в отделение поступали многочисленные циркуляры с предупреждением о разведывательной деятельности лиц на железной дороге в пользу недружественных государств, в частности о желании германских разведывательных организаций получить сведения по железнодорожным вопросам. В первую очередь их интересовал официальный печатный материал (планы станций, мостов, расположения путей, подлинники циркуляров и приказов, графики всех дорог, сведения о пропускной способности железнодорожных участков, профили путей) [3, Л. 39]. Однако данные документы, находившиеся в работе, были под особым контролем начальника жандармского полицейского отделения и начальника Омского жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги. Для передачи особо важной информации унтер-офицеры имели шифровальный ключ, который менялся через каждые три месяца [4, Л. 28].

Почти еженедельно начальник отделения подполковник Комаров получал циркуляры по розыску лиц, подозреваемых в шпионаже. Например, в июле 1914 г. начальники отделений жандармских полицейских управлений железных дорог получили циркуляр о новом приеме военного шпионажа, заключающемся в появлении в разных местах иностранных туристов. Под видом «пешеходов» мужчина и женщина совершали «кругосветное путешествие», тщательно обследуя важные в стратегическом отношении местности. Для передвижения они пользовались железной дорогой. В случае появления таких пешеходов-туристов начальники полицейских управлений должны были немедленно уведомить контрразведывательное отделение, а по установлению признаков военного шпионажа - подвергать виновников задержанию и обыску, возбуждая против них (в зависимости от добытых данных) преследование по обвинению в военном шпионаже [5, Л. 131].

8 августа 1914 г. в г. Москве Император объявил Сибирскую железную дорогу (между станциями Челябинск и Боготол) и Омскую (между Тюменью и Омском) в полосе их отчуждения на военном положении [6, Л. 96]. Обеспечение национальной безопасности стало ведущим направлением работы жандармского Ишимского отдела железной дороги.

Ежедневно в отдел жандармской полиции железной дороги поступали запросы от других отделов полиции по всей стране (Самары, Оренбурга, Перми, Иркутска и др.) о розыске лиц,

политически неблагонадежных и подозреваемых в шпионаже. Унтер-офицерам приходилось расширять свою агентурную сеть (как гласную, так и негласную) для получения более точной и достоверной информации. Работу осложняли скорость получения информации и постоянно меняющиеся лица, связанные с движением поездных составов.

В своих циркулярах начальник Омского жандармского полицейского управления Кастрицин призывал начальников и унтер-офицеров отделений железной дороги «…быть бдительными и внимательными в своей работе, дабы сохранить общественный порядок и свою жизнь». Так, в одном из документов, направленных в отделение жандармской полиции железной дороги, подробно описывается личность профессионального диверсанта-шпиона, уроженца Финляндии, работавшего на Финляндском вокзале и использующего паспорт на фамилию Ленбум. Он был командирован немецким командованием для взрыва мостов на Сибирской магистрали. Осуществить подрывы мостов Ленбум должен был, предположительно, совершением нападения на часового в том месте, где к мосту прилегает лес. По сведениям, полученным из полиции, Ленбум являлся участником взрыва в Петербурге на заводе Сименс-Шуккерт [7, Л. 33], изготавливавшем и монтировавшем системы связи и электрооборудования для российских военных кораблей; в результате взрыва погибли 10 человек.

Затянувшаяся война и рост лиц, интересующихся стратегически важными объектами, расположенными на железнодорожных коммуникациях, увеличивали круг подозреваемых в военном шпионаже. Под подозрение в причастности к шпионажу часто попадали и сестры милосердия Красного Креста, навещающие ежемесячно военнопленных на территории Тобольской губернии. Начальникам жандармских полицейских отделов железной дороги Омск-Тюмень неоднократно приходилось давать распоряжения своим унтер-офицерам осуществлять сопровождение поездов и вести наблюдение за женщинами - представительницами государств, воюющих с Россией.

На основании документов работы Ишимского жандармского полицейского отдела можно сделать вывод, что визиты сестер Красного Креста к военнопленным находились под особым контролем. Например, в августе 1916 г. для контроля за сестрами милосердия в составе делегации Шведского Красного Креста специально был выделен вагон для проезда по Сибирской железной дороге в целях их сопровождения жандармскими полицейскими (Отделением железных дорог выделялось по одному унтер-офицеру, сопровождавшему вагон до района другого отделения). Все офицеры были строго инструктированы: жандармским чинам рекомендовалось воспрепятствовать выходу сестер из вагонов в пунктах особого назначения, не допускать их к осмотру из окон местностей особо важного стратегического значения [8, Л. 17]. На местах прибытия при разговорах с военнопленными за сестрами милосердия осуществлялся негласный надзор постоянными агентами, работающими на офицеров отделов жандармской полиции.

Однако помимо работы с внешними врагами офицерам отдела приходилось иметь дело и с сохранением политической стабильности. С началом Первой мировой войны правительство страны стало уделять особое внимание настроениям рабочих на предприятиях оборонного характера и железных дорогах.

Волнения рабочих в Москве и Петербурге могли стать поводом формирования революционных настроений в Сибири и дестабилизации в стране. В связи с этим из Отдельного Корпуса жандармов Петербурга в Иркутск и оттуда по управлениям железнодорожной жандармской полиции были направлены распоряжения по контролю благонадежности железнодорожных рабочих, о предоставлении информации количества участвующих в забастовках, их продолжительности, времени простоя предприятия и т.д. [9, Л. 35]

На основании распоряжений начальник Омского жандармского полицейского управления Кастрицин предписал начальникам жандармских отделений предпринимать все зависящие меры, чтобы волнения железнодорожных рабочих не могли бы иметь место в подконтрольных им районах. Для этого необходимо было учредить «неослабеваемое» наблюдение за мастеровыми и рабочими, как в мастерских, так и в депо, чтобы никто не мог проникнуть к ним в места их работы с целью агитации: «Арестовывать последних незамедлительно». Кроме того, необходимо было усилить наблюдения за мостами путем проверки населения службой военной охраны, как лично начальниками жандармских полицейских отделов железных дорог, так и силами унтер-офицеров [10, Л. 36].

Возможно, именно благодаря бдительности жандармов в течение трех лет, с 1914 по 1916 г., волнений рабочих на предприятиях, обслуживающих железную дорогу при Ишимском жандармском отделении, не было.

Таким образом, за годы Первой мировой войны Ишимский отдел железнодорожной жандармской полиции значительно расширил свои полномочия и сферу деятельности, направлен-

ные на государственную безопасность. Тем не менее на протяжении всего периода войны Отдел полностью справлялся с возложенными на него функциями и прямыми обязанностями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Тюменской области (ГАТО) Ф. И174. Оп.1. Д.30. Л.4, 5.
2. ГАТО. Ф. И174. Оп.1. Д.31. Л.34, 112.
3. ГАТО. Ф. И239. Оп.2. Д.9. Л.31.
4. ГАТО. Ф. И174 Оп.1. Д.30. Л.28.
5. ГАТО. Ф. И239. Оп.2. Д.9. Л.131.
6. ГАТО. Ф. И239. Оп.1, Д.32. Л.96.
7. ГАТО. Ф. И174 Оп.1. Д.31. Л.33.
8. ГАТО. Ф. И174. Оп.1. Д.30. Л.17
9. ГАТО. Ф. И174 Оп.1. Д.31. Л.35.
10. ГАТО Ф. И174 Оп.1. Д.31. Л.36.

REFERENCES

1. State archive of the Tyumen region [Gosudarstvennyj arhiv Tyumenskoj oblasti (dalee GATO)] F. I 174.Op.1 D.30. L.4,5. (in Russ.)
2. GATO. F. I 174. Op.1. D. 31. L. 34, 112. (in Russ.)
3. GATO. F. I 239. Op. 2. D. 9. L. 31. (in Russ.)
4. GATO. F. I 174 Op.1. D.30. L.28 (in Russ.)
5. GATO.F. I 239. Op.2. D. 9. L.131. (in Russ.)
6. GATO. F. I 239. Op. 1, D. 32. L. 96. (in Russ.)
7. GATO. F. I 174 Op.1. D.31. L.33. (in Russ.)
8. GATO. F. I 174. Op.1. D. 30. L.17 (in Russ.)
9. GATO. F. I 174 Op.1. D.31. L.35. (in Russ.)
10. GATO. F. I 174 Op.1. D.31. L.36. (in Russ.)

Информация об авторе

Афонасьева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, социально-экономических и общественных дисциплин Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета,
г. Ишим, Россия
aovishim1@yandex.ru

Получена: 03.11.2016

Для цитирования статьи: Афонасьева О.В., Деятельность Ишимского отделения Омского жандармского полицейского управления железных дорог в 1914-1917 гг. (по документам Тюменского государственного архива), Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-47-50.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-47-50.

Information about the author

Olga V. Afonaseva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Social-Economic and General Social Sciences,
Ishim Pedagogical Training Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University,
Ishim, Russia,
aovishim1@yandex.ru

Received: 03.11.2016

For article citation: Afonaseva O.V., Dejatel'nost' ishimskogo otdelenija omskogo zhandarmskogo policejskogo upravlenija zheleznyh dorog v 1914 1917 gg. (po dokumentam tjumenskogo gosudarstvennogo arhiva). [Activities OF Ishim office of the Omsk gendarme police administration of the Railways in the 1914-1917 years (according to the Tyumen state archive documents)]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-47-50.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-47-50. (in Russian)

УДК 9; 93

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-51-55

БУРУХИНА Елена Николаевна
Санкт-Петербургский государственный университет
lena.buruhina@yandex.ru

Elena N. BURUKHINA
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
lena.buruhina@yandex.ru

КОВАЛЕВСКАЯ Наталья Владимировна
Санкт-Петербургский государственный университет
Kovalevskaia@bossner.de

Natalia V. KOVALEVSKAYA
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
Kovalevskaia@bossner.de

ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ ФИНЛЯНДИИ В ОТНОШЕНИИ ЕС, НАТО, ПРМ И СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В XXI ВЕКЕ

В данной статье автор выделил некоторые важные аспекты, которые повлияли на изменение политики безопасности и обороны Финляндии после холодной войны. Эти изменения оказали большое влияние на развитие страны. Также автор выбрал и изучил важные части финской политики безопасности и обороны, опираясь на основные политические документы государства.

В 1995 г. Финляндия вступает в ЕС, что меняет курс внешней политики страны. Именно в этот период Финляндия пытается укрепить свою позицию на международной арене путем ведения политики нейтралитета и независимой военной обороны.

Проанализировав основные документы политики безопасности и обороны Финляндии с 1994 по 2012 г., можно сделать вывод о том, что сотрудничество с НАТО для Финляндии остается важным аспектом, даже несмотря на то что она не входит в состав альянса. С точки зрения Финляндии НАТО является хорошей основой для улучшения и расширения трансатлантической обороны и собственной политики безопасности. Также важный вопрос о возможном вступлении в НАТО следует рассматривать в историческом контексте общей внешней политики и политики безопасности развития Европейского Союза.

Финляндия участвует в миротворческих операциях ООН с 1956 г. и в рамках программы НАТО Партнерство ради мира (ПРМ) с 1994 г. В рамках ПРМ страна принимала участие в мероприятиях в Афганистане, Косово, Боснии и Герцеговине. Участие Финляндии в операциях по поддержанию мира и управлению кризисными ситуациями является предметом финской стратегии по безопасности оборонной политики.

В финских документах по политике безопасности и обороны говорится о важности сотрудничества Финляндии со странами Северной Европы. Особое внимание уделяется развитию регионального сотрудничества в области охраны окружающей среды, экономики, здравоохранения, транспорта и культурных событий.

Ключевые слова: Финляндия, нейтралитет, неприсоединение, НАТО, ЕПБО, ООН, ЕС, ПРМ, безопасность, миротворческие операции, Северное измерение.

SECURITY AND DEFENSE POLICY OF FINLAND TO THE EU, NATO, PFP AND THE NORDIC COUNTRIES IN THE XXI CENTURY

In this article, the author highlighted some important aspects that influenced the changes in the security and defense policy of Finland after the Cold War. These changes have had a major impact on the country's development. Also, the author chose and studied the important part of Finnish security and defense policy based on the basic state policy documents. In 1995, Finland is entering the EU, which changes the course of the foreign policy of Finland. During this period, Finland is trying to strengthen its position in the international arena by maintaining a policy of neutrality and independent military defense. After analyzing the basic document of security and defense policy of Finland from 1994 to 2012, it can be concluded that the cooperation with NATO is an important aspect for Finland, even despite the fact that it is not part of the Alliance. Finland has been participating in UN peacekeeping operations since 1956 and in the framework of the NATO Partnership for Peace (PfP) program from 1994. Within the framework of the PfP countries took part in the events in Afghanistan, Kosovo, Bosnia and Herzegovina. Finland's participation in peacekeeping operations and crisis management is the subject of Finnish security defense policy strategy. The Finnish documents on security and defense policy outlines the importance of cooperation between Finland and the Nordic countries of Europe. Particular attention is paid to the development of regional cooperation in the field of environment, economy, health, transportation and cultural events.

Keywords: Finland, neutrality, non-alignment, NATO, ESDP, UN, EU, Partnership for Peace, security, peacekeeping operations, Northern Dimension

Финляндия и ЕС

Во время холодной войны Финляндия вела свою политику нейтралитета. В данный период Финляндия использовала политический нейтралитет для того, чтобы укрепить свои международные позиции. Для достижения поставленной цели Финляндия сотрудничала с региональными и глобальными международными организациями, которые способствовали получению опыта работы на международной арене. Финские представители принимали активное участие в проектировании и обновлении организаций, а также эффективно представляли интересы страны. Основой проводимой Финляндией политики является нейтральность и независимость военной обороны.

В 1995 г. Финляндия вступила в Европейский Союз, что послужило формулированию новой интерпретации политики нейтралитета. В рамках ЕС политика нейтралитета Финляндии

приобрела статус «внеблоковости» [6]. Новая формулировка, принятая в соответствии с потребностями безопасности страны, не помешала принимать участие в разработке Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО). В соответствии с новым подходом инструменты политики безопасности и обороны Финляндии также были адаптированы. Среди них существует тот факт, что Финляндия хотела сохранить устойчивое положение в процессе принятия решений ЕС. Прагматичная политика безопасности Финляндии также предполагает, что отношения между ЕС и НАТО должны быть приняты во внимание. Финляндия всегда настаивала на необходимости укрепления военного потенциала ЕС, который также играет очень важную роль в трансатлантических структурах безопасности.

Финляндия и Швеция совместно отреагировали на франко-британский саммит в Сен-Мало, состоявшийся в 1998 г. и ставший триумфальным в ходе осуществления ЕПБО [10]. Подтверждением этому послужила общая позиция министров иностранных дел обоих государств, которую опубликовали в национальных газетах. Цель издания статьи состояла в том, чтобы убедить избирателей в необходимости укрепления потенциала антикризисного управления ЕС. Инициатива Сен-Мало показала, что параллельные структуры в НАТО и близкие отношения будут иметь решающее значение. Выводы, несомненно, подтверждены международным общественным мнением.

Помимо остальных изменений в инициативе было отмечено то, что государства-члены должны играть более активную роль. В 1999 году во время того как Финляндия председательства в ЕС, [2.] ситуация сложилась таким образом, что новое государство-член может диктовать темп в углублении Европейской политики безопасности. Во время председательства Финляндии в ЕС, развитие возможностей ЕС по урегулированию кризисов и новых военных структур, совпали с национальными целями в Финляндии.

Одно из основных мнений представленное в Финской политической дискуссии – что ЕС играет все более важную роль в военной безопасности и вопросах обороны. В докладе политики безопасности и обороны, выпущенном в 2001 г., говорится, что цели безопасности страны и интересы могут быть реализованы в рамках сотрудничества с Европейским Союзом. Финляндия участвует в разработке общей внешней политики и политики безопасности ЕС и параллельно развивает свою политику национальной безопасности. Страна должна быть в состоянии усилить свое международное влияние и свою собственную безопасность [7].

Финляндия и НАТО

Значительные изменения произошли в отношениях Финляндии и внешнего мира после окончания холодной войны. В документах по политике безопасности и обороны, выпущенных в начале 1990-х годов, говорится о том, что национальное сознание было основано на непрерывной адаптации внешней политики и безопасности в отношении страны, а не на быстром разрыве с традицией [6]. Очередной доклад о политике безопасности и обороны был подготовлен в ходе второго цикла Матти Ванханена на посту премьер-министра и опубликован в январе 2009 г. Этот документ готовился на основе различных отчетов и анализов и стал отправной точкой для безопасности и стратегии оборонной политики, а также определил возможности развития функций финских сил обороны на долгосрочную перспективу. Данный доклад является неотъемлемой частью позиции по отношению к вопросу членства в НАТО. Исходя из данного доклада, в Финляндии вопросы, связанные с НАТО, находятся в центре внимания, хотя стоит отметить, что финская общественность демонстрировала к ним крайне негативное отношение на протяжении многих лет [9].

В Финляндии уделяется особое внимание участию сил обороны в международных операциях по урегулированию кризисов, проводимых под руководством НАТО. Изучив доклады политики безопасности и обороны с 1994 по 2012 г., можно сделать вывод, что для Финляндии, хотя она и не является членом НАТО, крайне важно сотрудничать с альянсом, она хотела бы улучшить и расширить трансатлантическую оборону и безопасность сотрудничества на основе этой организации. Финляндия считает, что НАТО имеет важное значение для трансатлантической военной безопасности и военно-технического сотрудничества. Также следует отметить, что вопрос о возможном членстве Финляндии в НАТО должен рассматриваться в историческом контексте общей внешней политики и политики безопасности развития Европейского Союза.

Государства - члены НАТО играют очень важную роль в общей безопасности ЕС. 7-я часть статьи 27 Лиссабонского договора гласит, что государства-члены должны оказывать помощь друг другу, если любой из них подвергается нападению на своей собственной территории [13]. Европейский союз по общей внешней политике и политике безопасности обсудил ряд задач параллельно с НАТО.

Для Финляндии возможное членство в НАТО может создать новые более тесные двусторонние отношения с государствами-членами. В данный момент Финляндия не в состоянии отстаивать свои собственные идеи по некоторым вопросам, потому что страны - члены НАТО и

ЕС сотрудничают друг с другом, а не со странами ЕС, находящимися вне альянса. Членство в НАТО для Финляндии может означать конкретное сотрудничество с США в таких областях, как развитие технологий.

Еще одним аргументом для возможного членства Финляндии в НАТО может быть то, что страна вносит значительный вклад в деятельность НАТО в то время как она не может участвовать в процессе принятия решений. В некоторых странах присоединение требует соответствующего консенсуса в экономическом, политическом и военном решении.

Финляндия в миротворческих операциях

В XX веке международная система и международная политика претерпели многие важные изменения. Советско-американское противостояние влияло на большую часть мира. После холодной войны число конфликтов не уменьшилось, а, скорее, значительно возросло.

Осенью 1956 г. Суэцкий кризис создал проблемы для новой политики в области безопасности и обороны Финляндии, потому что кризис и венгерские события увеличили международную напряженность, и страна не имела опыта работы с международными организациями [11]. В дополнение к этому вновь избранный президент Юхо Кусто Паасикиви начал свой первый президентский срок. В этой ситуации Совет Безопасности постановил направить миссию по поддержанию мира в зону кризиса. Финляндия в качестве члена ООН [14] также приняла решение стать новым участником миссии. Совместное с ООН управление конфликтами открыло целую главу финской политики безопасности и обороны. Под эгидой ООН операции по поддержанию мира были добавлены к финским документам политики безопасности и обороны, с целью укрепления международного положения Финляндии.

Все финские документы политики безопасности и обороны имеют дело с новыми видами конфликтов, которые связаны с использованием военной силы. Документы устанавливают, что эти кризисы и конфликты происходят из-за религиозных, исторических счетов, за обладание природными ресурсами и из-за злоупотребления в области прав человека и демократии. В докладе политики безопасности и обороны, изданном в 2001 г., говорится, что они должны применить опыт, приобретенный во время холодной войны и 1990-е годы, и что Финляндия будет продолжать принимать участие в работе антикризисного управления. Финляндия увеличивает свои оборонные способности с помощью опыта, приобретенного в миротворческих операциях, которые она хочет использовать в дальнейших международных операциях. Конечно, Финляндия состоит в ООН, ЕС [1.], ОБСЕ [4.], а также принимает участие в ПРМ НАТО[3.].Для Финляндии операции по урегулированию кризисов просто означают совмещение военных и гражданских функций. Страна опирается на свои национальные ресурсы в международных операциях. Финляндия может принять участие в операциях ОБСЕ, ЕС, ООН и НАТО, которые формируются на положениях ООН или ОБСЕ и не противоречат положениям закона «Об операциях по поддержанию мира», изданного в 2000 г. [5].

Участие Финляндии в операциях по поддержанию мира является предметом финской стратегии по безопасности оборонной политики. В 3-й главе закона «Об операциях по поддержанию мира» определяются военные и гражданские нормы и принципы участия в международном регулировании кризисов [5].

Финляндия активно участвует в операциях по поддержанию мира и управлению кризисными ситуациями и выполняет свои международные обязательства в Европейском союзе, ООН и ОБСЕ и ПРМ. Страна будет стремиться постоянно совершенствовать свои возможности по поддержанию мира своим опытом, накопленным в различных международных организациях. Международный опыт может быть использован в развитии национальных сил обороны и в управлении в непредвиденных ситуациях и бедствиях. Большинство ресурсов, которые в настоящее время доступны для стран, участвующих в международных операциях, относятся к национальной обороне. Закон о Миротворчестве, принятый в 2001 г., предоставляет возможность для привлечения участников финских сил обороны в гуманитарные и миротворческие операции на основе ООН или ОБСЕ. На основании положений закона правительством выдвигается предложение в парламент и президент принимает решение участвовать или отозвать квоту. Министерство иностранных дел и Министерство обороны несут ответственность за контроль и направление миротворческой операции, в то время как финские силы обороны несут ответственность за практическую реализацию.

Финансирование участия Финляндии в операции по поддержанию мира распределяется между Министерством иностранных дел и Министерством обороны. В целом, обычная практика бюджетного планирования заключается в том, что оплата личного участия в миротворческих операциях и плата за членства Финляндии в ООН покрываются Министерством иностранных дел, в то время как расходы на материалы или наблюдателей участия и военных обеспечиваются Министерством обороны [12].

Финляндия принимает участие в международных миротворческих операциях с 1956 г. Страна пыталась получить международный опыт в процессе формирования и развития классического ведения операций по поддержанию мира. Финляндия участвовала в операциях по поддержанию мира под руководством ООН в течение этого времени [12]. Также страна участвовала в многих миссиях по поддержанию мира с 1988 г.

Финляндия и страны Северной Европы

Во всех финских документах по политике безопасности и обороны важную роль играет сотрудничество скандинавских государств. В докладе политики безопасности и обороны, опубликованном в 2004 г., говорится, что основная цель заключается в сохранении безопасности и стабильности в странах северного региона [8]. Кроме того, утверждается, что Швеция является приоритетным партнером для Финляндии в рамках группы северных государств. В докладе также обращается внимание на перспективы развития нового стабильного сотрудничества с Эстонией, Латвией и Литвой.

В докладе политики безопасности и обороны 2009 г. подчеркивается приоритет сотрудничества скандинавских государств. Финляндия хочет сохранить тесное сотрудничество между государствами северного региона. Она прилагает все усилия для дальнейшего развития регионального сотрудничества в области охраны окружающей среды, экономики, здравоохранения, транспорта и культуры. В документе говорится, что Финляндия поддерживает политику Северного измерения в Европейском Союзе. Финляндия поддерживает стабильность и развитие регионального сотрудничества [9].

Для Финляндии региональное сотрудничество государств Северной Европы является очень важным. Задача выхода в Северное море важна для страны, однако и сотрудничество в Балтийском и Баренцевом морях и в Финском заливе имеет первостепенное значение. Основа направления политики безопасности и обороны скандинавских государств формируется при помощи Балтийского и Баренцева морей, спутникового обнаружения, комплексного обмена информацией между Северными странами, морских спасательных операций и воздействия окружающей среды. Когда лед тает и открывается разработка месторождений газа и нефти, Арктика становится регионом импорта с точки зрения экономики и безопасности. У Европейского Союза не было арктической стратегии, пока финская политика безопасности и обороны не обратила внимание на этот регион.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. EU: European Union. Available at: https://europa.eu (accessed: 10.10.2016).
2. Finnish EU presidency. Available at: http://www.europarl.europa.eu/summits/hel1_en.htm (accessed: 01.11.2016).
3. NATO PfP: NATO Partnership for Peace programme. Available at: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_50349.htm (accessed: 10.11.2016).
4. OSCE: Organization for Security and Co-operation in Europe. Available at: www.osce.org (accessed: 29.10.2016).
5. Peacekeeping Act. Available at: http://www.defmin.fi/index.phtml?l=en&s=186 (accessed: 10.09.2016).
6. Puolustusministeriö, Turvallisuus- ja puolustuspoliittinen selonteko 1995. Available at: http://www.defmin.fi/files/246/2513_2143_selonteko95_1_.pdf (accessed: 03.11.2016).
7. Puolustusministeriö, Turvallisuus- ja puolustuspoliittinen selonteko 2001. Available at: http://www.defmin.fi/files/1147/selonteko2001.pdf (accessed: 29.10.2016).
8. Puolustusministeriö, Turvallisuus- ja puolustuspoliittinen selonteko 2004. Available at: http://www.defmin.fi/files/240/2493_2161_Selonteko_2004_1_.pdf (accessed: 12.10.2016).
9. Puolustusministeriö, Turvallisuus- ja puolustuspoliittinen selonteko 2009. Available at: http://vnk.fi/julkaisu?pubid=3738 (accessed: 12.10.2016).
10. St. Malo Initiative. Available at: http://www.atlanticcommunity.org/Saint-Malo%20Declaration%20Text.html (accessed: 10.10.2016).
11. Suez Crisis, July 26-December 31, 1956, Volume XVI (Published and available in Full Text, Ebook). Available at: https://history.state.gov/milestones/1953-1960/suez (accessed: 10.09.2016).
12. The Government report "The European Security Development and Finnish Defence", Summary of Finland's role in international peacekeeping. Available at: http://www.defmin.fi/?l=en&s=183 (accessed: 10.11.2016).
13. Treaty of Lisbon. Available at: http://eur-lex.europa.eu/JOHtml.do?uri=OJ:C:2007:306:SOM:EN:HTML (accessed: 12.10.2016).
14. UN: United Nations. Available at: www.un.org (accessed: 12.10.2016).

Информация об авторе

Бурухина Елена Николаевна, аспирант кафедры мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
lena.buruhina@yandex.ru

Information about the author

Elena N. Burukhina, Postgraduate Student, Department of World Politics, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia
lena.buruhina@yandex.ru

Ковалевская Наталья Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
Kovalevskaia@bossner.de

Получена: 02. 11 2016

Для цитирования статьи: Бурухина Е. Н., Ковалевская Н. В., Политика безопасности и обороны финляндии в отношении ЕС, НАТО, ПРМ и странан северной Европы в 21 веке. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-51-55.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-51-55.

Natalia V. Kovalevskaya, Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of World Politics, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia
Kovalevskaia@bossner.de

Received: 02. 11 2016

For article citation: Burukhina E. N., Kovalevskaya N. V., Politika bezopasnosti i oborony Finljandii v otnoshenii ES, NATO, PRM i stranan severnoj Evropy v 21 veke. [Security and defense policy of Finland to the EU, NATO, PfP and the nordic countries in the XXI century]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-51-55.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-51-55. (in Russian)

УДК 93.23.31 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-56-61

ГЕРГИЛЕВ Денис Николаевич
Сибирский федеральный университет
г. Красноярск, Россия
turilak@yandex.ru

Denis N. GERGILEV
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russia
turilak@yandex.ru

СИБИРЬ КАК ПРИМЕР ПОИСКОВ ОПТИМАЛЬНОГО АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ

SIBERIA AS AN EXAMPLE of OPTIMAL RUSSIAn ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL STRUCTURE SEARCHing

В статье анализируются особенности управления Сибирью в первой четверти XIX в. Механизм управления Сибирью является существенной и своеобразной частью общей системы империостроительства в развитии российской государственности этого периода времени. В нем крайне ярко проявилась извечная проблема соотношения общих и специфических элементов его структуры и функционирования. Специфическими чертами сибирского региона были: протяженная территория и огромные расстояния от столиц при неразвитой системе коммуникаций, суровый климат, слабая заселенность, полиэтничный состав населения и многие другие. Автор доказывает, что Российская империя имела своеобразный и уникальный опыт управления огромными территориями, имеющими сложный этнический, гендерный и религиозный состав. В статье также рассматриваются конкретные примеры административно-территориальных реформ в истории России. По мнению автора, подобный опыт управления может оказаться востребованным в современном глобальном мире. Также в статье рассматриваются некоторые особенности государственного управления в сибирских регионах. Автор на конкретных примерах показывает проблемы взаимодействия между высшей властью и местным чиновничеством. Несмотря на недостатки, по мнению автора, этот опыт может и должен быть использован в региональном строительстве современной России.

Ключевые слова: губерния, генерал-губернатор, регион, система управления, отраслевой принцип, территориальная организация, власть, государственные механизмы управления, административно-территориальное устройство, управленческие процессы.

The article analyzes features of management of Siberia in the first quarter of the XIX century. The mechanism of management of Siberia is an essential and distinctive part of the overall system imperialialist in the development of Russian statehood this time period. It is extremely evident the eternal problem of the relation of general and specific elements of its structure and functioning. Specific features of the Siberian region was long the territory and a great distance from the capital cities with undeveloped communications system, harsh climate, weak population, the multiethnic composition of the population and many others. The author proves that the Russian Empire had a peculiar and unique experience of managing large territories with complex ethnic, gender and religious composition. The article also examines specific cases of administrative-territorial reforms in Russia's history. According to the author, this experience may be in demand in the modern global world. Also, the article considers some peculiarities of public administration in the Siberian regions. The author uses specific examples to show the problems of communication between higher authorities and local officials. Despite the shortcomings, according to the author, this experience can and should be used in the regional construction of contemporary Russia.

Keywords: province, Governor-General, region, management system, industry principle, territorial organization of power, state control mechanisms, administrative-territorial structure, management processes

Вводная часть. Опыт управления Сибирью представляет интерес для ученых и практиков, поскольку аккумулирует в себе не только авторитарные методы, характерные для абсолютной монархии, но и самоуправленческие механизмы. «Отношение к Сибири со стороны центра не меняется, но меняется удельный вес края в экономике страны, меняется геополитическое значение региона, поскольку его ресурсы стали главным экспортным потенциалом России» [6, с. 98]. Именно на примере Сибири можно проследить сложный путь, в результате чего «…человечество пришло к мысли, что удачное решение национального вопроса в государстве предполагает создание простых, в то же время гибких, но твердых юридических форм, в которых выразились бы одновременно единство и многоплеменность общества» [15, с. 36]. Одним из эффективных методов изучения административно-управленческих процессов является «исторический подход, предполагающий рассмотрение изменений в административной организации, динамики административного строительства в режиме исторического времени» [22, с. 6]. Тем более что в настоящее время «…ученые накопили значительный опыт изучения региональных проблем этнополитического и этносоциального развития. История сохранила накопленный веками опыт взаимодействия России, русской нации с представителями других национальностей» [14, с. 3].

Изменения административно-территориального устройства «…обычно диктуется текущими политическими потребностями государств и изменением принципов территориального управления», - справедливо подчеркивает Е.Д. Егорова и далее продолжает: «Для России с его огромной территорией сетка административно-территориального деления и принцип его устройства служат одной из основ государственности, а их эволюция - отражением и важной компонентой эпох и циклов регионализации» [4, с. 36].

Опыт управления Сибирью справедливо позиционируется в качестве примера функционирования оптимальных административно-территориальных механизмов: «…обширная территория Сибири, к тому же значительно удаленная от центра государства, несомненно, требовала

повышенного внимания центральной власти» [9, с. 14]. Важную роль в этом плане играл учет местных обычаев, игнорирование которых привело бы к серьезным проблемам в системе административного управления не только Сибири, но и всей России. «Анализируя систему управления Сибирью, М.М. Сперанский пришел к выводу, что одной из главных причин малой эффективности местных административных органов Сибири <…>, было отсутствие четкого определения их полномочий и функционального отделения от центральной власти. Результатом стало самоуправство местных чиновников. Поэтому, по справедливому мнению М.М. Сперанского, в первую очередь требовалось привести в порядок взаимоотношения высших и местных органов государственного управления и разграничить их компетенцию» [19, с. 80]. Именно поэтому важно детально проанализировать систему управления Сибирью, разработанную М.М. Сперанским, согласно которой устанавливалась четырехступенчатая система сибирского управления. На основании «Учреждения для управления сибирских губерний» утверждалось, что первой и высшей ступенью было Главное управление: генерал-губернатор и возглавляемый им Совет, в который входило шесть человек. «Трое определялись как производители дел и назначались по представлению генерал-губернатора, а другие три - по представлению от министерств. Кроме того, в Совет для совещания приглашались: бригадный начальник внутренней стражи, окружной начальник путей и сообщений, Гражданский Губернатор, председатели Губернского Правления, Казенной палаты и Губернского суда, почт-директор и ряд других лиц, не входящих в состав Губернского правления. Если представителей от министерств не хватало, была предусмотрена их замена гражданским губернатором, представителями губернских мест и губернского прокурора» [16, с. 90]. Введение Совета являлось новшеством не только для Сибири, но также для всей России.

«Предметом деятельности Общего Губернского Управления является надзор над правильным и успешным движением всех местных как губернских, так и нижних Управлений и доставление им нужных разрешений, но при этом часть дел находилась в ведении самого генерал-губернатора, а часть предварительно обсуждалась членами Совета. Совет мог рассматривать три категории дел: надзор и ревизия губернских учреждений, судебные споры (в случае несогласия гражданского губернатора с решением губернского суда) и вопросы по хозяйственной жизни генерал-губернатора. Кроме того, Совет занимался подготовкой ежегодных отчетов губернаторов, рассмотрением жалоб на действия должностных лиц, подготовкой обзоров судебной практики, давал рекомендации судам, в качестве апелляционной инстанции рассматривал судебные дела по вопросам торговли, несоблюдения обязательств по договорам, проблемам налогообложения и исполнения воинской обязанности» [20, с. 80].

«Второй ступенью было губернское управление, которое осуществлялось губернатором и советом во главе с ним, состоящим из председателей губернских учреждений и губернского прокурора. В самих же губерниях различалось общее и частное управление, основной задачей которого был надзор за местной администрацией. Гражданский губернатор мог назначать и увольнять чиновников, утверждать членов дум, городского суда, ратуш и волостных голов. Губернский совет, как и Совет Главного управления, имел статус только законосовещательного органа, поэтому не мог ограничивать личную власть губернатора. Важно подчеркнуть, что функции губернского совета совпадали с функциями Совета Главного управления только на уровне губернии. Частное Губернское Управление составляли: Губернское Правление по делам полиции, казенная палата по делам хозяйственным, гражданский и уголовный губернский суд. Правление состояло из председателя, старшего советника и трех советников». «Структура Губернского правления несколько отличалась и состояла из председателя и четырех советников, которые занимались административно-полицейскими и хозяйственными вопросами. Казенная палата ведала управлением государственным имуществом, распределением земель, межеванием; сбором и распределением налогов и различных сборов. Губернский суд состоял из председателя и четырех советников и занимался рассмотрением как гражданских, так и уголовных дел».

«Третьей ступенью становилось окружное управление. М.М. Сперанский поделил округа на малолюдные, средние и многолюдные, взяв за основу степень населенности: общее и частное управление было предусмотрено только в многолюдных округах, в средних же округах предполагалось лишь частное управление, а в малолюдных - все управление сосредоточивалось в руках земского исправника» [10, с. 144].

«Четвертой и заключительной ступенью в системе сибирского управления стали городские управления. Используя тот же принцип, что и в отношении округов, М.М. Сперанский предусмотрел разделение городов на малолюдные, средние и многолюдные. Городское управление малолюдными городами осуществляли городничий, городские старосты и словесный суд, а средними городами управляло полицейское управление во главе с городничим. В многолюдных городах управление было возложено на полицию, хозяйственное управление и городской суд» [10, с. 144].

Определенная специфика наблюдалась в пограничном управлении, которое организовывалось по образцу окружного. Например, «во главе Троицкосавского пограничного управления

стоял пограничный начальник, управлявший при помощи пограничного управления, которое заменило окружной совет и состояло из заседателя от казачьих подразделений, пограничных приставов и пограничников» [16, с. 93].

Управление сибирским регионом требовало особых подходов, что было связано как с огромными расстояниями, так и злоупотреблениями чиновников на местах, о чем сообщает М.М. Сперанский в письме князю А.Н. Голицыну 18 сентября 1919 г., направляясь в Иркутскую ссылку: «Чем злоупотребления очевиднее, тем тягостнее искать еще на очевидность сию доказательств, и искать их среди страха, здесь еще действующего, и каких-то надежд, из Петербурга с каждою почтою сюда льющихся» [18, с. 597]. Не менее важным проектом М. М. Сперанского по развитию Сибирского края является «Устав об управлении инородцев». «Нормативно-правовые акты изначально гарантировали коренным народам минимального вмешательство в их внутренние дела. Это было связано с тем, что царская администрация, преследуя фискальные и экономические интересы, стремилась удержать новых подданных в границах Российской империи. Кроме того, в условиях незначительного освоения сибирских территорий и отсутствия развитого административного аппарата прямое управление инородческим населением Восточной Сибири было невозможно» [11, с. 18]. Однако «…процесс российской колонизации стал важнейшим фактором внешнего воздействия на хозяйство и культуру аборигенов. Однако, несмотря на начавшиеся процессы трансформации экономических и социокультурных систем, в целом, северным нардам к началу XIX века удалось в значительной степени сохранить свою культурную целостность и внутреннюю политическую автономию» [1, с. 29].

Важно подчеркнуть, что сам термин «инородцы» был впервые введен именно М.М. Сперанским, ведь до него коренное население Сибири называлось «иноверцами» либо «ясашными» [20, с. 80]. В соответствии с «Уставом об управлении инородцев» он разделил их на три категории, в зависимости от рода занятий и образа жизни. К первой были отнесены оседлые народы, живущие в городах и селах, которые занимались в основном земледелием и торговлей. Устав закреплял за оседлыми те земли, которые принадлежали им по праву первоначального владения, поэтому эта категория в своих правах и обязанностях приравнивалась к сословию государственных крестьян, кроме рекрутской повинности, от которой они освобождались. Ко второй категории были отнесены частично кочевые народы, которые приравнивались к крестьянам в налоговом отношении, сохраняя при этом самостоятельность в управлении и суде. К третьей категории были отнесены так называемые «бродячие инородцы». Целью подобного разделения был переход всех народностей в первую категорию, что возвело бы их в более высокий податной оклад государственных крестьян. Положительным результатом этой реформы явилось ограничение опеки над коренным населением со стороны русской администрации и полиции, что позволило им свободно торговать, ведь налоги и подати устанавливались в соответствии с экономическими интересами каждого племени. Кроме того, Устав разрешал свободную частную торговлю с инородцами за исключением чиновников, а также регламентировал государственные, земские, уездные и частные выборы, оговаривая, что «…никакой новый государственный налог не может распространяться на инородцев, если это специально не указано»; вводил для точного учета всех сборов специальные «шнуровые книги» [16, с. 232]. Важно подчеркнуть, «что коренному населению разрешалось создавать национальные школы с преподаванием на соответствующем языке, не запрещая при этом обучение детей инородцев в русских школах. Большое значение имел тот факт, что М.М. Сперанский не допускал насильственного крещения инородцев, а также не предусматривал никаких привилегий для тех, кто решил принять крещение. Значение "Устава об управлении инородцев" М.М. Сперанского трудно переоценить, поскольку он не имел аналогов и являлся первым в России сводом законов, разработанным для такого обширного региона. В государственном подходе к решению "инородческого вопроса" проявились фундаментальные основы культурного и политического существования России». «Многовековый опыт этнокультурной гетерогенности и архаический способ построения отношений верховной власти с подданными обусловили включение аборигенов Сибири в социально-политическую структуру государства на формально равноправных с другими категориями подданных основаниях. Но признание равенства иных народов и культур предполагает глубокую связь различных аспектов: признания не только человеческой, но и культурной полноценности, не только социального равноправия, но и политического полноправия» [8, с. 147].

Следующий комплекс проблем, с которым столкнулся Сперанский, был обусловлен традиционной ролью Сибири как места ссылки политических и уголовных заключенных. В частности, до ревизии М.М. Сперанского в России не существовало какой-либо системы учета и распределения ссыльных, поэтому накопились вопиющие нарушения, серьезно трансформировавшие всю социальную структуру сибирского региона. Вот почему данное направление стало одним из самых важных во всей системе реформ и способствовало принятию «Устава о ссыльных» и «Устава об этапах», что привело к положительным изменениям в сибирском обществе.

Согласно указу 1821 года, подтвержденному в Законах о состояниях, «губернское правление палаты не могли посылать предводителям распоряжений и требовать от них отчетов, но

сносились как с губернскими, так и с уездными предводителями или через депутатское собрание, или через губернатора» [7, с. 143]. Даже образование министерств не изменило принципов построения государственного управления на местах - в губерниях и уездах. Главной фигурой, фактическим «хозяином» губернии оставался губернатор, и подобная традиция сохранялась с времен господства екатерининского законодательства. Распространенным являлось мнение, согласно которому губернаторы были представителями центральной власти на местах, подчиняясь непосредственно Сенату. Однако, как убедительно доказывает Л.Г. Шепелев, «…они все чаще были ставленниками Министерства внутренних дел, что вызывало возражения других ведомств, которые имели свои органы в губерниях, неизбежно оказывавшиеся под надзором губернаторов» [23, с. 84].

Результаты исследования. Положительный результат реформ Сперанского проявился в том, что «на небольшой период II Сибирский комитет повысил управляемость регионов, обеспечил принятие многих важных управленческих решений. Впервые после реформ М.М. Сперанского II Сибирский комитет предпринял попытку, хотя и неудачную, выработать комплексный подход к освоению Сибири» [2, с. 323]. Однако при всем положительном эффекте реформ, направленных на улучшение системы управления, трудности Сибири далеко не всегда учитывались в столице. В июле 1854 г. был предпринят важный шаг с целью усиления контроля со стороны Сибирского комитета за прохождением дел, касающихся Сибири. Николай I повелел сибирским генерал-губернаторам ежеквартально представлять ведомости дел, по которым еще не последовало решений в министерствах. Большое значение в этом плане имел тот факт, что со второй четверти XIX в. наемный труд стал преобладающим в промышленности и на транспорте Сибири [5, с. 81].

Значение Сибири значительно возрастало в те исторические периоды, когда государство сталкивалось со сложными внешнеполитическими проблемами или социальным напряжением внутри страны. Вполне понятно, что Сибирский край должен был вносить «…максимально возможный вклад в развитие народного хозяйства и обороноспособность СССР. Однако ошибочным было взваливать на Сибирь непосильную ношу, заставлять ее выполнять задания, которые наносили невосполнимый ущерб краю (экология, разорение, т.п.) и, главное, обрекали на голодное существование народонаселение» [13, с. 207].

Таким образом, Сибирь можно рассматривать в качестве примера формирования оптимальных государственных механизмов управления, если учитывать еще один важный вектор исследования. Имеется в виду отсутствие в России обоснованной идеологии и теории нации, что уже принесло величайший вред всем народам страны, хотя и в разном объеме. Однако «…до сих пор в политике и обществоведении даже в понятиях "нация" и "национальный" царит неразбериха. Путаница в идеологии привела к сдвигу от имперско-национального сознания к племенному инстинкту, к превращению нации в этнос, России - в Русь и т.п.» [15, с. 41]. Дело в том, что в России наиболее распространенным типом региональной идентичности является «…вариант сильного внутреннего единства населения региона на основе культурно-ценностной идентификации и выраженного стратегического направления в политике идентичности элит. Второй, довольно распространенный, тип идентичности в практике российских регионов - это вариант сильного внутреннего единства населения на основе культурного самоощущения, но при отсутствии его политического оформления» [12, с. 14]. Одним из следствий серии реформ, проведенных в Сибири в XIX в., стало «двойственное положение восточно-сибирской администрации, которая, с одной стороны, являлась составным элементом российского бюрократического аппарата, выполнявшим инструкции вышестоящих инстанций, а с другой, представляла собой часть территориальной группы, обладавшей определенными, свойственными ей интересами…» [17, с. 3].

«С начала 80-х годов XIX века Высшая сибирская администрация в своих официальных сношениях с Петербургом все настойчивее проводит мысль об анахронизме сибирского учреждения М.М. Сперанского. В первую очередь острой критике подвергались те статьи законодательства 1822 года, в которых шла речь о региональной специфике управления Сибирью. Наиболее последовательно эти идеи были сформулированы Иркутским генерал-губернатором А.П. Игнатьевым в его отчетах по управлению карем и в специально подготовленном документе "Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 года и приблизительно на 10 лет". Документ был порожден неясностью во взаимоотношениях между "центром" и Сибирью, а также той ролью, которую надлежало играть Сибири в составе России в последующем» [3, с. 164].

Выводы. Таким образом, сибирский регион может выступать в качестве своеобразного примера для других территориально-административных единиц Российской Федерации, поскольку он заключает в себе ведущие особенности экономического и социально-политического развития всей нашей страны.

Отечественная история подтвердила известное изречение гениального ученого М.В. Ломоносова, поэтому оптимальное устройство Сибири - залог прогрессивного развития не только нашего региона, но и всей Российской Федерации. Центробежные силы не удастся преодолеть, если не будет сформировано новое общенациональное сознание. По справедливому замечанию А.С. Табачкова, «…диалектическая репрезентация истории, как показывает практика мышления, может базироваться только на крайне метафизическом обособлении какой-либо из сторон реальности - либо всемогущей духовной основы-идеи, либо одной из сторон общественных отношений» [21, с. 208].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Боякова С.И. Освоение Арктики и народы северо-востока Азии (XIX - 30-е годы XX в.) / Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - Якутск, 2004. - С. 29.
2. Власть в Сибири: XVI - начало XX в. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. М.О. Акишин, А.В. Ремнев. - Новосибирск: Сова, 2005. - 696 с.
3. Дамешек И.А. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало 19 - начало 20 вв.). - Иркутск: Изд-во Иркут гос. пед. ун-та, 2005. - 264 с.
4. Егорова Е.Д. Административно-территориальные изменения и формирование архивных фондов Алтайского края и Новосибирской области / Е.Д. Егорова // Новосибирская область в контексте российской истории. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, освященной 90-летию образования Новониколаевской губернии. Ч.2. - Новосибирск, 2011. - С. 35-45.
5. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири / В.П. Зиновьев. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. - 258 с.
6. Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири XIX - начало XX в. / В.П. Зиновьев - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. - 336 с.
7. Иванова Н.А. Сословное общество Российской империи (XVIII - начало XX века) / Н.А. Иванова, В.Л. Желтова. - М.: Новый хронограф, 2010. - 752 с.
8. Коваляшкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. - Томск: Изд-во Том. ун-та. 2005.- 326 с.
9. Комаров А.В. Особые органы центрального управления Сибирью в XVIII - нач. XX вв. / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Иркутск, 2004. - С. 14.
10. М.М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М.М. Сперанского) / отв. ред. И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, Т.А. Перцева, А.В. Ремнев; Межрегион. ин-т обществ. наук (МИОН), - Иркутск; Иркутск. гос. ун-т. - Иркутск, 2003. - 246 с.
11. Мунханов В.А. Организация управления народами Юго-Восточной Сибири в имперский период (1721-1917 гг.) / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Иркутск, 2010. - С. 18.
12. Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Пермь, 2009. - С. 14.
13. Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20—30-е годы XX в. - Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. - 307 с.
14. Русанов В.В. Пути национального самоопределения Алтайского народа в первой четверти XX века / Автореф. дис. канд. ист. наук. - Абакан, 2004. - С. 3.
15. Северьянов М.Д. Страницы истории и жизни. 2-е изд., перераб. и доп. - Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. - 290 с.
16. Сибирь в составе Российской Империи / отв. ред.: Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. - М.: Новое литературное обозрение, 2007. - С. 368.
17. Синиченко В.В. Восточная Сибирь в российско-китайских отношениях (середина 50-х гг. XIX века - 1884 г.) / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Иркутск, 2001. - С. 3.
18. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. - СПб.: Наука, 2002. - 680 с.
19. Сперанский С.И. Учение М.М. Сперанского о праве и государстве: Монография. - М.: Ось-89, 2009. - 224 с.
20. Сперанский С.И. Практика регионального управления М.М. Сперанского (1816-1821 гг.) // Государство и право. - 2003. - № 5. - С. 78-84.
21. Табачков А.С. Интеграция и взаимодействие событий в истории / А.С. Табачков // Проблема исторического познания. Сб. статей / отв. ред. К.В. Хвостова. - М.: ИВИ РАН. - 254 с.
22. Территориально-экономическое управление в России XVIII - начала XX века: Уральское горное управление / К.Н. Зубков, Н.С. Корепанов, И.В. Побережников, Н.С. Тулисов // Институт истории и археологии УрО РАН; НОУВПО Гуманитарный университет. - М.: Наука, 2008. - 355 с.
23. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII - начало XX в. - СПб.: Искусство-СПб, 2001. - 479 с.

REFERENCES

1. 1.Boyakova S.I. Osvoenie arktiki i narody severo-vostoka Azii (XIX 30-gody XX v.) . S.I. Boyakova. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk. Yakutsk, 2004. P. 29.
2. Vlast' v Sibiri: XVI- nachalo XX v. 2-e izd., pererab. i dop. Sost. M.O. Akishin, A.V. Remnev. Novosibirsk: «Sova», 2005. 696 p.
3. Dameshek I.A. Rossiyskie okrainy v imperskoy strategii vlasti (nachalo 19-nachalo 20 vv.). I.A. Dameshek. Irkutsk: Izd-vo Irkut gos. Ped. Un-ta, 2005. 264 p.
4. Egorova E.D. Administrativno-territorial'nye izmeneniya i formirovanie arkhivnykh fondov Altayskogo kraya i Novosibirskoy . E.D. Egorova. Novosibirskaya oblast' v kontekste rossiyskoy istorii. Materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, osvyashchennoy 90-letiyu obrazovaniya Novonikolaevskoy gubernii. Novosibirsk, 2011. Ch. 2. Pp. 35-45.
5. Zinov'ev V.P. Industrial'nye kadry staroy Sibiri. V.P. Zinov'ev. izd. Tom. un-ta, 2007. 258 p.
6. Zinov'ev V.P. Ocherki sotsial'noy istorii industrial'noy Sibiri XIX - nachalo XX v. V.P. Zinov'ev. Izd-vo Tom. un-ta, 2009. 336 p.
7. Ivanova N.A. Soslovnoe obshchestvo Rossiyskoy imperii (XVIII- nachalo XX veka). N.A. Ivanova, V.L. Zheltova. M.: Novyy khronograf, 2010. 752 p.

8. Kovalyashkina E.P. «Inorodcheskiy vopros» v Sibiri: Kontseptsii gosudarstvennoy politiki i oblastnicheskaya mysl'. E.P. Kovalyashkina. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta. 2005. 326 p.
9. Komarov A.V. Osobye organy tsentral'nogo upravleniya Sibir'yu v 18-nach. KhKh vv. A.V. Komarov . Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Irkutsk, 2004. P. 14.
10. M.M. Speranskiy: Sibirskiy variant imperskogo regionalizma (k 180-letiyu sibirskikh reform M. M. Speranskogo). otv. red. I.L. Dameshek, L.M. Dameshek, T.A. Pertseva, A.V. Remnev; Mezhregion. in-t obshchestv. nauk (MION), Irkutsk; Irkutsk. gos. un-t. Irkutsk, 2003. 246 p.
11. Munkhanov V.A. Organizatsiya upravleniya narodami Yugo-Vostochnoy Sibiri v imperskiy period (1721-1917 gg.). A. Munkhanov. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Irkutsk, 2010. P. 18.
12. Nazukina M.V. Regional'naya identichnost' v sovremennoy Rossii: tipologicheskiy analiz.V. Nazukina. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Perm', 2009. P. 14.
13. Poznanskiy V.S. Sotsial'nye kataklizmy v Sibiri: golod i epidemii v 20 — 30-e gody XX v. V.S. Poznanskiy. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2007. 307 p.
14. Rusanov V.V. Puti natsional'nogo samoopredeleniya Altayskogo naroda v pervoy chetverti KhKh veka . V.V. Rusanov. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Abakan, 2004. P. 3.
15. Sever'yanov M.D. Stranitsy istorii i zhizni. 2-e izd. pererab. i dop. M.D. Sever'yanov // Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2011. 290 p.
16. Sibir' v sostave Rossiyskoy Imperii. otv. red.: L.M. Dameshek, A.V. Remnev. - M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. P. 368.
17. Sinichenko V.V. Vostochnaya Sibir' v rossiysko-kitayskikh otnosheniyakh (seredina 50-kh gg. XIX veka -1884 g. V.V. Sinichenko. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Irkutsk, 2001. P. 3.
18. Speranskiy M.M. Rukovodstvo k poznaniyu zakonov. M.M. Speranskiy. SPb.: Nauka, 2002. 680 p.
19. Speranskiy S.I. Uchenie M.M. Speranskogo o prave i gosudarstve: Monografiya. S.I. Speranskiy. M.: «Os'-89», 2009. 224 p.
20. Speranskiy S. I. Praktika regional'nogo upravleniya M. M. Speranskogo (1816 - 1821 gg.). S. I. Speranskiy. Gosudarstvo i pravo. 2003. no. Pp. 78-84.
21. Tabachkov A.S. Integratsiya i vzaimodeystvie sobytiy v istorii. A.S. Tabachkov. Problema istoricheskogo poznaniya. Sb. statey (otv. red. K.V. Khvostova). M.: IVI RAN. 254 p.
22. Territorial'no-ekonomicheskoe upravlenie v Rossii 18-nachala KhKh veka: Ural'skoe gornoe upravlenie. K.N. Zubkov, N.S. Korepanov, I.V. Poberezhnikov, N.S. Tulisov. Institut istorii i arkheologii UrO RAN; NOUVPO Gumanitarnyy universitet. M.: Nauka, 2008. 355 p.
23. Shepelev L.E. Chinovnyy mir Rossii: XVIII -nachalo XX v. L.E. Shepelev. Sankt-Peterburg: «Iskusstvo -SPb», 2001. 479 p.

Информация об авторе

Гергилев Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, директор гуманитарного института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»,
г. Красноярск, Россия
turilak@yandex.ru

Получена: 07.11.2016

Для цитирования статьи: Гергилев Д. Н., Сибирь как пример поисков оптимального административно-территориального устройства России.
Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-56-61.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-56-61.

Information about the author

Denis N. Gergilev , Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director of Humanitarian Institute, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
turilak@yandex.ru

Received: 07.11.2016

For article citation: Gergilev D. N., Sibir' kak primer poiskov optimal'nogo administrativno-territorial'nogo ustrojstva Rossii. [Siberia as an example of optimal Russian administrative-territorial structure searching]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-56-61.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-56-61. (in Russian)

УДК 364.122.7 «1925/1985» DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-62-67

КОКОРИНА Любовь Борисовна
Институт истории, государственного управления и международных отношений Кемеровского государственного университета
г. Кемерово, Россия
liubovkokorina79@mail.ru

Liubov B. KOKORINA
Institute of History, Public Administration and International Relations
Kemerovo State University
Kemerovo, Russia
liubovkokorina79@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1925-1985 гг.

FEATURES OF SOCIAL DEVELOPMENT OF THE CITIES OF WESTERN SIBERIA IN 1925-1985

Интерес к социально-бытовой проблематике существует в российской историографии давно. Социальная и жилищная политика государства, демографическое развитие и вопросы благосостояния граждан Советского Союза нашли свое отражение в работах советских юристов, экономистов, историков. К сожалению, эти работы нельзя считать основополагающими, поскольку проблема объективной оценки качества жизни советских людей в них специально не ставилась. У авторов, работавших в 1950-1970-е годы, была другая задача - показать преимущества советской действительности по сравнению с западными аналогами. Проблематика социально-бытового обеспечения городского населения Кузбасса отражает специфику формирования и развития городов Западной Сибири. Главным недостатком опубликованных к настоящему времени исследований можно считать отсутствие четких формулировок проблем, с которыми приходилось сталкиваться в повседневной жизни населению Кемеровской и других областей Западной Сибири, а также отсутствие анализа способов преодоления существующих недостатков. Исследование показало, что главными проблемами закрепления трудовых кадров в городах Кемеровской области были проблемы жилищного, медицинского и транспортного обеспечения потребностей горожан. Слабость бюджетного финансирования и ведомственная распыленность сферы социально-бытового обеспечения в 1930-1950-е годы создавали препятствия для развития социальной инфраструктуры городов. Ценность работы заключается в том, что к настоящему времени архивы Кемеровской области не сохранили большого пласта сведений по истории трамвайного и других видов транспорта Сибири, что осложняет поисковую работу исследователей. Актуальность работы подтверждается отсутствием опубликованных комплексных исследований проблемы.

Ключевые слова: жилищное строительство, санитарно-бытовые условия, экологические проблемы, противопылевые мероприятия, социально-бытовое развитие, транспорт.

Interest in the social and domestic issues has long existed in the Russian historiography. Social and housing policies of the state, population and development issues of the welfare of citizens of the Soviet Union are reflected in the works of Soviet lawyers, economists, and historians. Unfortunately, this work can not be considered fundamental, because the problem of objective evaluation of the quality of life of the Soviet people in them specifically not intended. The authors, who worked in the 1950-1970's, was another task - to show the advantages of the Soviet reality as compared with Western counterparts. The problems of social welfare of the urban population of the Kuzbass reflect the specificity of formation and development of cities in Western Siberia. The main disadvantage of the published studies to date is the lack of clear language of the problems faced in everyday life of the population of other regions of Kemerovo and Western Siberia, as well as the lack of analysis of the ways to overcome existing shortcomings. The study showed that the main problem of retaining employees in cities of the Kemerovo oblast there were problems of housing, medical and transportation needs of the citizens. The weakness of the budgetary and departmental fragmentation of the sphere of social welfare in the 1930-1950ies created obstacles for the development of the social infrastructure of cities. The value of the work lies in the fact that to date the archives of the Kemerovo region has not kept a large reservoir of information on the history of the tram and other modes of transport in Siberia, which complicates the work of researchers. The relevance of the work is confirmed by the lack of published comprehensive studies of the problem.

Keywords: housing, sanitary conditions, environmental problems, dust events, social development, transport

О проблемах социально-бытового характера в советской историографии, как правило, не говорилось. Со второй половины 1980-х - по 1990-е годы профессиональный интерес исследователей к социальной проблематике усилился. В 1990-2000-е годы в Кузбассе публикуется ряд работ, в названии которых содержится прямое указание на то, что посвящены они различным отраслям социально-бытовой жизни общества. Например: коллекционное издание «Жилищно-коммунальное хозяйство Кузбасса», «Здравоохранение Кузбасса. 60 лет истории», в Новосибирске вышла работа Н.В. Куксановой «Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960-1970-е годы» и ряд других работ [15, 16, 19].

В данной статье автор попытается выявить основные социальные и бытовые проблемы работающего населения Западной Сибири на примере Кемеровской области.

В декабре 1925 г. XIV съезд ВКП (б) провозгласил курс на индустриализацию страны. Смена политического курса, с одной стороны, означала ускорение промышленного освоения Сибири, с другой - создала предпосылки для обострения проблемы жилищного обеспечения городского населения, особенно в Кемеровской области, где появились «временные поселки шахтостроителей, Коксостроя, ГРЭС, поселок Стандарт» [15, с. 118]. К концу лета 1936 г. весь жилой фонд г. Щегловска составлял 380 тысяч кв. м, из которых «на каждые 6 каменных домов приходилась сотня бревенчатых изб с огородами и сарайчиками» [15, с. 119]. В годы Великой

Отечественной войны имеющийся жилищный фонд области пополнился новыми временными жилищами, а возведенные в довоенный период постройки требовали капитального ремонта либо сноса по ветхости.

Первое послевоенное десятилетие также не принесло значительных успехов в деле решения жилищной проблемы: за период 1939-1959 гг. население Западно-Сибирского экономического района выросло с 8,927 млн до 11,252 млн чел., 2,786 млн из них в 1959 г. проживали на территории Кемеровской области. Поэтому, несмотря на начавшийся в послевоенный период процесс сноса ветхого и временного жилья, на территории области сохранились как бараки, так и землянки, в которых жили рабочие.

Плановые показатели по строительству жилья, которые спускались из Центра, не могли быть выполнены на местах: в 1946 г. строители Омска план жилищного строительства выполнили на 42,3%. «Причины были всюду одинаковы - недостаток материалов, рабочих, низкий уровень механизации и др.» [18, с. 216]. Руководство комбината «Кузбассшахтострой» в качестве причин невыполнения плановых показателей жилищного строительства называло также следующие: отсутствие необходимых людских и материальных ресурсов, плохая организация, слабое внедрение передовых технологий ведения строительно-монтажных и отделочных работ, неудовлетворительное использование механизмов и транспорта, низкая трудовая дисциплина, активное применение ручного труда, дефицит квалифицированных рабочих кадров, большая текучесть рабочей силы.

Несвоевременное и некомплектное обеспечение строек технической документацией и оборудованием, отсутствие постоянного контроля за ходом строительства этих объектов со стороны руководителей трестов и управлений также порождало целый комплекс проблем [3]. Длительное отсутствие утвержденного генерального плана г. Кемерово привело к тому, что одноэтажная застройка к концу 1950-х годов составила 85,1% от всей территории города, что свидетельствует о неэффективном использовании городских территорий. Во многих случаях строительство крупных объектов начиналось без разработки проектов организации работ и соответствующей подготовки строительных площадок. Отставание развития собственной базы производства местных строительных материалов от роста программы строительных работ, неудовлетворительное использование существующих мощностей по производству местных строительных материалов - все указанные проблемы сказались на темпах жилищного строительства в области: в январе 1946 г. в г. Кемерово был закончен и сдан в эксплуатацию один жилой дом, пять домов находились в процессе строительства [4].

Кроме того, в документах послевоенного времени можно обнаружить многочисленные сетования на качество строительных работ. Так, в 1946 г. главный архитектор г. Кемерово Кривцов отмечал, что качество нового жилья при выполнении плановых показателей катастрофически снизилось: «все то, что когда-то считалось преступлением, сейчас почти вошло в обычай: кирпич некондиционный, суррогатные растворы, штукатурка плохого качества» [1].

Другой важной проблемой являлось то, что в период строительства промышленных предприятий городов и рабочих поселков не уделялось должного внимания благоустройству и строительству коммунальных предприятий. В областном центре, например, из 21 тыс. кв. м жилья лишь около 5,5 тыс. кв. м были оснащены водопроводом, а канализацией и центральным отоплением - еще меньше [2].

Из 12 крупных городов Кемеровской области только в четырех имелись водопроводы, протяженность которых составляла только 2,3% от общей протяженности этих городов. Особенно тяжелое положение создалось с питьевой водой в городах Ленинск-Кузнецкий, Белово, Осинники, где в связи с подработкой угольных пластов большинство простейших шахтных и буровых колодцев остались без воды. Население вынуждено пользоваться водой из открытых водоемов, явно непригодной для употребления. Совершенно не решены были вопросы канализации во всех городах области. В связи с этим имели место «факты загрязнения городов, затопления отдельных участков и увеличения инфекционных заболеваний населения» [5].

Средний показатель обеспеченности населения жилой площадью в городах области в 1960 г. составил 5,2 кв. м на человека, а по отдельным городам - не превышал 8 кв. м общей площади и 5,9 кв. м жилой. К 1960 г. коммунальные водопроводы имелись в 5 городах из 16, причем фактическое потребление воды составляло менее 50 л на чел. в сутки при норме в 150-160 л [6].

Такое положение порождало новые, экологические проблемы: промышленные и бытовые стоки попадали в источники водоснабжения и обостряли проблемы экологической безопасности для населения, охраны труда и здравоохранения в регионе в целом. Очевидно, что все эти проблемы были взаимосвязаны и требовали комплексного решения.

Архивные документы свидетельствуют, что в 1940-е - 1950-е годы качество нового, только что отстроенного жилья оценивалось государственной комиссией как «удовлетворительное»

и в ряде случаев сдавалось в эксплуатацию с множеством недочетов, оставляемых за строительными организациями «в долг».

В 1960-е - 1970-е годы произошли качественные изменения в оснащении государственного жилого фонда водопроводом, канализацией, горячим водоснабжением, централизованной подачей тепла, в большинстве городов Сибири началась массовая газификация жилья, расширилось использование электричества для бытовых нужд горожан, в жилых домах стали устанавливать электрические плиты, закончилось строительство крупной водопроводной системы в Кемерово. Однако проблема водоснабжения по сравнению с другими областями Сибири продолжала оставаться одной из острейших.

Постоянная зависимость от министерств, заинтересованных в промышленной отдаче Кузбасса в части финансирования утвержденных правительством работ, не способствовала ускорению решения задач по повышению качества жизни в регионе. Это вело к неравномерному развитию городов Кузбасса и неодинаковому качеству жизни в них.

Важной переменой к лучшему стало то, что качество сдаваемой к середине 1980-х годов жилой площади существенно изменилось. Квартиры были оснащены системой канализации, водопровода, централизованного отопления, радиоточками, в многоэтажных домах появились мусоропроводы, раздельный санузел, импортная сантехника и обои.

Перечисленные мероприятия не решали другой важной задачи развития городов - транспортного обеспечения потребностей трудящегося населения. До 1950-х годов в Кузбассе не существовало общественного транспорта как категории. По состоянию на 1 января 1949 г., из 74 автобусов, имевшихся в городах области, 31 автобус принадлежал Министерству угольной промышленности. Соответственно, воспользоваться ими могли только работники угольных предприятий, да и то в качестве служебного транспорта. По личным делам передвигаться по городу на них было невозможно. Согласно документам, 4 автобуса работали на министерство металлургической промышленности, 1 - на министерство электропромышленности Кемеровской области, 2 автобуса принадлежали министерству химической промышленности, 5 автобусов было у Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии Кемеровской области, 4 - у Министерства строительства топливных предприятий Кемеровской области, 1 - у Министерства сельскохозяйственного машиностроения Кемеровской области, 2 - у МВД, 3 - у Министерства здравоохранения, 1 (не на ходу) - у Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов (ВЦСПС) и общественных организаций, 18 - у Министерства автомобильного транспорта [10].

В 1950-е годы служебные транспортные средства стали базой для формирования парка общественного транспорта.

Отчет о доходах и расходах по автоперевозкам на автобусах за 1950 г. по Кемеровскому облавтоуправлению подтвердил экономическую целесообразность использования автобусов как вида общественного транспорта: прибыль составила 743 тыс. руб. при плановой норме 736 тысяч. Согласно документу, за счет перевыполнения плана в качестве налога с нетоварных операций в государственную казну должны были поступить 117 тыс. рублей, или 6 тыс. дополнительного дохода [11].

Исследование показало, что на протяжении периода 1945-1970 гг. традиционным пассажирским транспортом в городах были автобусы и трамваи. По данным статистических исследований, первые автобусы общего пользования стали активно работать в 1951-1955 гг. в городах Новокузнецк, Белово, Анжеро-Судженск, Ленинск-Кузнецк и Прокопьевск. К концу 1955 г. в городах Кемеровской области в целом насчитывалось 199 автобусов общего пользования внутригородского и пригородного пассажирского сообщения. В 1958 г. начали движение первые автобусы в г. Тайге: автобусный парк города насчитывал 5 машин. Всего по городам области их было 477, а в 1959 г. - уже 554. К концу 1950-х гг. автобусы работали уже в 11 городах.

В 1960 г. численность автобусного парка кузбасских городов составила 891, в 1965 г. - 1 463, а в 1970 г. - 1 505 машин. К началу 1960-х гг. городской автобусный парк Кузбасса превосходил по численности парк Новосибирской области и Алтайского края, но отставал от Красноярского, где в 1962 г. работали уже 1 642 автобуса [19, с. 68]. Несмотря на определенные достижения периода 1945-1960 гг. в решении проблем транспортного обеспечения потребностей населения, в 1960-1970-е годы исследователи зафиксировали отставание городов не только Кемеровской области, но и всей Сибири от среднереспубликанских показателей. К началу 1960-х годов города всей России «существенно отставали от развитых стран мира как в обеспечении населения общественным транспортом, так и в оснащении его надежной эксплуатационной базой» [19, с. 70].

Предоставленные сведения дают общую характеристику состояния транспортного обслуживания в городах области в целом. При более детальном рассмотрении обнаруживается специфика проблем транспортного обеспечения жителей городов. Например, при расчетах показа-

теля полезного действия общественного транспорта мы выяснили, что в 1958 г. в г. Тайге все 5 имеющихся в городе автобусов использовались крайне редко, поскольку при протяженности маршрута в 7 км в течение обследуемого года ими было совершено всего 250,98 поездок (1756,9 км). Если рассматривать внутригородское движение автобусов как путь в одну сторону маршрута, а затем обратно, то таких «маршрутных петель» было сделано 125,49. При подсчете среднего показателя этих поездок в месяц получается, что 5 автобусов должны были совершить всего 10,457 поездок в месяц, или по 2,1 поездки каждый. Таким образом, в 1958 г. каждый автобус в г. Тайге проезжал в среднем по 351,38 км за месяц, или по 4 поездки по маршруту. В то же время в течение рассматриваемого года ими было перевезено 723,3 тыс. чел. [12]. При расчете среднего показателя это означает, что при каждой поездке услугами общественного транспорта - автобуса - пользовались около 69 человек, то есть автобус был переполнен.

Дополнительным видом общественного транспорта в городах Кемеровской области стало такси. Поскольку нужда населения в общественном транспорте была высока, с 1950-х годов на территории области стали работать как легковые, так и грузовые машины-такси. Так же, как автобусы, такси с самого начала оказались выгодным с экономической точки зрения видом общественного транспорта. В 1950 г. чистая прибыль от эксплуатации легковых лей - такси (за вычетом налогов и др. расходов на себестоимость) составила 142 тыс. руб. (план - 152 тыс.). При общей для всего Кузбасса проблеме нехватки транспорта такси было призвано облегчить большие по протяженности пути путешествия горожан. В 1960-х годах такси стали доступны для населения. По данным статистических исследований, в 1960 г. легковые автомобили-такси были только в г. Ленинск-Кузнецке, в количестве 72 единиц. В других городах Кемеровской области такси не было либо их число не подсчитывалось, так как данные в архивных документах отсутствуют. Однако уже в 1961 г. в областном центре работало 142 легковые автомашины-такси и 29 грузовых такси. В г. Новокузнецке работало 116 легковых и 33 грузовых таксомоторов. В г. Осинники - 32, в г. Киселевске - 47, в г. Ленинск-Кузнецке - 103, в г. Анжеро-Судженске - 29, в г. Прокопьевске - 101, в г. Белово - 37, в г. Гурьевске - 12. В г. Мариинске в 1961 г. в наличии были только две легковые машины-такси. В городах Тайга, Топки, Салаир до 1970 г. такси не было. Это объясняется их документальным статусом городов районного подчинения, относительно небольшой территорией расселения, а также малой численностью населения по сравнению с крупными промышленными центрами Кемеровской области. На протяжении всего периода 1960-1970 годов исследования ЦСУ фиксировали значительный для того времени рост числа машин. Так, например, таксомоторный парк г. Новокузнецка за 10 лет вырос с 116 до 179 легковых автомобилей. Самый значительный рост наблюдался в г. Кемерово. Таксопарк города увеличился на 96 машин. В 1970 г. там было 238 машин-такси. Использование как грузовых, так и пассажирских такси свидетельствует о важности эксплуатации этого вида транспорта в регионе в указанный период. Однако увеличение автомобильного парка такси происходило только в тех городах, рост которых значительно обгонял возможности использования других средств передвижения.

В 1970-е годы заметных изменений в качестве обслуживания в городском пассажирском транспорте не произошло. Во многих городах снизились темпы развития трамвайного движения, наблюдался некоторый рост троллейбусного сообщения.

Проведенный нами исторический анализ архивных источников позволяет выделить следующие социальные и медицинские проблемы угольного региона, существовавшие в 1940-1950-х годах:

1) Организация труда на угольных предприятиях Кузбасса создавала реальную угрозу для здоровья работающего населения: противопылевые мероприятия на шахтах проводились редко, разработанные средства пылеподавления не нашли широкого применения, а где они были внедрены - работали с нарушениями параметров орошения [9]. Строительство шахт происходило наспех, без соблюдения техники безопасности, не хватало квалифицированных работников на всех этапах сдачи объекта. В результате профессиональная заболеваемость «хроническим пылевым бронхитом» сохранилась и в 1980-е годы.

2) Санитарно-бытовые условия жизни населения кузбасских городов создавали условия для распространения желудочно-кишечных инфекций, которые занимали лидирующее положение по заболеваемости в городах Осинники и Сталинск. Лечебно-профилактические заведения Кемеровской области не могли удовлетворить насущной потребности городов в медицинских услугах: по нормам Министерства здравоохранения на 1 тыс. населения в городах области должно было приходиться не менее 10 коек, а в городах Прокопьевск, Киселевск, Ленинск-Кузнецкий, Осинники и Белово в 1956 г. имелось 7 коек, а в городах Междуреченск и Мыски - 2 и 2,5 койки на 1 тыс. жителей. Медицинские учреждения области зачастую располагались в совсем не приспособленных для этих целей помещениях и не соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям Министерства здравоохранения, из-за чего не могли обеспечить

высокого качества обслуживания населения. Не способствовал этому и кадровый дефицит медицинских работников [7] .

3) Хронический недостаток в медикаментах во всех лечебно-профилактических учреждениях области в период 1940-1950-х годов (нехватка пенициллина, сульфапрепаратов и антибиотиков), постоянные перебои в снабжении спиртом, марлей и ватой при фактическом отсутствии их в открытой продаже, неразвитость аптечной сети и отсутствие собственной базы производства медикаментов создали еще целый пласт проблем для населения Кузбасса в целом. Отсутствие в больницах элементарного оборудования вынуждало врачей откладывать плановые операции.

4) Обеспечение населения и лечебно-профилактических учреждений области транспортными услугами также оставляло желать лучшего: санитарный транспорт на шахтах находился в ведении начальника шахты, что сильно затрудняло использование его лечебными учреждениями по назначению.

5) Несмотря на количественный рост всех видов транспорта в рассматриваемый период, его развитие не соответствовало потребностям быстрорастущих городов и рабочих поселков.

В 1980-е годы не произошло качественных изменений в обеспечении населения услугами городского пассажирского транспорта, не были решены вопросы его рентабельного и эффективного использования.

6) Главными проблемами транспорта были слабая ремонтная база, перегруженность подвижного состава, плохое состояние дорог и как следствие - постоянная техническая неисправность значительного количества машин.

7) Работа общественного транспорта осложнялась особенностями снабжения автотранспортных предприятий и недостаточно большой протяженностью трамвайных и троллейбусных путей в Кемеровской области.

Давая оценку состоянию социально-бытового развития городов Западной Сибири, необходимо признать, что одним из источников перечисленных в данной работе проблем был сохраняющийся на протяжении всего рассматриваемого периода ведомственный подход к решению социальных задач развития региона, недостаток своевременного обеспечения строек проектной документацией и финансированием, человеческий фактор, а также объективно сложившиеся обстоятельства российской истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). П-75, Оп.2, Д.55, Л.133.
2. ГАКО. Р-304, Оп.28, Д.5, Л.4.
3. ГАКО. П-75, Оп.7, Д.6, Л.3, 4, 8.
4. ГАКО. П-5, Оп.2,. Д.2, Л.7.
5. ГАКО. П-75,Оп.8, Д.65, Л.28-32.
6. ГАКО. П-75, Оп. 75, Д.86, Л.20.
7. ГАКО. П-75, Оп.7, Д.418, Л.9.
8. ГАКО. П-75, Оп.54, Д.173, Л.17.
9. ГАКО. П-75, Оп.51, Д.128, Л.5.
10. ГАКО. Р-304, Оп.6, Д.17, Л.2-69.
11. ГАКО. Р-304, Оп.6, Д.27, Л.12.
12. ГАКО. Р-304, Оп.8, Д.8, Л.18.
13. Балибалов И.А. Кемерово вчера, сегодня, завтра. - Кемерово, 1982.
14. Букин С.С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 40-х - 50-е гг.). - Новосибирск, 1991.
15. Жилищно-коммунальное хозяйство Кузбасса. - Кемерово, 2004.
16. Здравоохранение Кузбасса. 60 лет истории. - Кемерово, 2006.
17. История Кузбасса /Отв. ред. Н.П. Шуранов. - Кемерово, 2006.
18. История Сибири [в 5 т.]. - Т. 5. - М, 1976.
19. Куксанова Н.В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960-1970 гг.: Учеб. пособие. - Новосибирск, 1994.
20. Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. - М., 1976.

REFERENCES

1. GAKO: P-75, Op.2, D. 55, L. 133.
2. GAKO: P-304, Op.28, D. 5, L. 4.
3. GAKO: P-75, Op.7. 6, L. 3, 4, 8.
4. GAKO: P-5, Op.2,. D. 2, L. 7.
5. GAKO: P-75, Op.8, D. 65, L. 28-32.
6. GAKO: P-75, Op. 75, D. 86, L. 20.

7. GAKO: P-75, Op.7, D. 418, P. 9
8. GAKO: P-75, Op.54, D. 173, L. 17.
9. GAKO: P-75, Op.51, D. 128, L. 5.
10. GAKO: P-304, Op.6, D. 17, Sheet 2-69.
11. GAKO: P-304, Op.6, D. 27, L. 12.
12. GAKO: P-304, Op.8, D 8, L 18.
13. Balabanov I.A. Kemerovo yesterday, today and tomorrow. Kemerovo, 1982.
14. Bukin S. S. Experience of social development in Siberian cities (the second half of the 40-ies - 50-ies.). Novosibirsk,1991
15. Housing and communal services of Kuzbass. Kemerovo, 2004
16. Health Of Kuzbass. 60 years of history. Kemerovo, 2006
17. The History Of Kuzbass /Ed. Ed. N.P. Shuranov. Kemerovo, 2006
18. History of Siberia [in 5 volumes]. T. 5. M, 1976.
19. Kuksanov N.V. Social development of the cities of Siberia in the period of 1960-1970: Proc. Allowance. Novosibirsk, 1994.
20. Malinin, E.D., Ushakov A.K. The Population Of Siberia. M., 1976.

Информация об авторе

Кокорина Любовь Борисовна, соискатель кафедры истории России, Институт истории, государственного управления и международных отношений, Кемеровский Государственный Университет,
г. Кемерово. Россия
liubovkokorina79@mail.ru

Получена: 07.11.2016

Для цитирования статьи: Кокорина Л. Б., Особенности социально-бытового развития городов западной сибири в 1925-1985 гг.. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-62-67.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-62-67.

Information about the author

Liubov B. Kokorina, Postgraduate Student, Department of History, Institute of History, Public Administration and International Relations, Kemerovo State University,

Kemerovo, Russia
liubovkokorina79@mail.ru

Received: 07.11.2016

For article citation: Kokorina L.B., Osobennosti social'no-bytovogo razvitija gorodov zapadnoj sibiri v 1925-1985 gg.. [Features of social development of the cities of western Siberia in 1925-1985]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-62-67.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-62-67. (in Russian)

УДК 94 (47) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-68-73

КОКОРХОЕВА Дугурхан Султангиреевна
Ингушский государственный университет
Назрань, Россия
dugurhan@mail.ru

Dugurkhan S. KOKORKHOEVA
Ingush State University
Nazran, Russia
dugurhan@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИОГРАФИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА 1920-1930-х гг. В АВТОНОМИЯХ РСФСР НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

CURRENT TRENDS OF NATION-BUILDING HISTORIOGRAPHY OF 1920-1930S IN RSFSR AUTONOMIES IN THE NORTH CAUCASUS

Статья посвящена выявлению современных тенденций развития зарубежной и российской историографии национального строительства 1920-1930-х годов в северокавказских автономиях РСФСР. Объектом анализа является историография национального строительства на Северном Кавказе 1920-1930-х годов. Новизна исследования состоит в проведении сравнительного анализа работ англо-американской, советской, общероссийской и северокавказских научных школ на хронологическом интервале 1990-2015 гг. Проведен анализ ранее не исследованных историографических источников. В результате статьи сделаны выводы о росте влияния парадигмы конструктивизма и концепции «империи положительной деятельности», выдвинутой Т. Мартином. Установлено повышенное внимание отечественных исследователей к ранее не изученным аспектам темы: формированию партийно-государственных элит автономий Северного Кавказа, административно-территориальным реформам 1920-1930-х годов, альтернативам становления советских автономий. Советское нациестроительство на Северном Кавказе в 1920-1930-х годах оценивается в ракурсе преемственности правовой, экономической и социокультурной интеграции сложноорганизованной периферии, полиюридизма и вынужденного использования большевистской властью традиционных институтов.

Ключевые слова: историография, современные тенденции, национальное строительство, советские автономии, Северный Кавказ, 1920-1930-е годы.

The article is devoted to the identification of trends in the development of modern foreign and Russian historiography of the nation-building of 1920–1930ies in the North Caucasian autonomies of RSFSR. The object of analysis is the historiography of nation-building in the North Caucasus of 1920–1930ies. The novelty of the study is to conduct a comparative analysis of the works of the Anglo-American, Soviet, and the All-Russian scientific schools in the chronological interval 1990–2015. The analysis is made on the base of previously unexplored historiographical sources. As a result, article conclusions about the growing influence of constructivism paradigm and the concept of "Affirmative Action Empire", put forward by T. Martin. Installs attention of domestic researchers to previously unexplored aspects of the topic: the formation of the party-state elite autonomous regions of the North Caucasus, the administrative and territorial reform of 1920–1930, the alternatives of becoming Soviet autonomies. Soviet nation-building in the North Caucasus in 1920–30-ies. assessed from the perspective of continuity of legal, economic and socio-cultural integration of complex structural periphery "poliyuridism" and forced use of traditional institutions by the Bolshevik authorities.

Keywords: historiography, current trends, nation-building, Soviet autonomies, Northern Caucasus, 1920–1930-ies

Актуальность темы статьи проявляется в том, что национальное строительство 1920-1930-х годов в советских автономиях стало важным аргументом исторического обоснования статуса субъектов Российской Федерации, формирования самосознания народов и территориальных сообществ. С особенной силой эти тенденции проявились в постсоветской историографии республик Северного Кавказа. Одновременно возросло влияние на методологии, понятийный аппарат, дискурс отечественных исследований национального строительства со стороны зарубежной исторической науки, прежде всего - англо-американской. Нуждаются в объективном историческом анализе и деконструкции проявления политизации оценок прошлого, вновь создаваемые мифы.

Цель данной статьи - установить современные тенденции развития зарубежной и российской историографии национального строительства 1920 - 1930-х годов на примере северокавказских автономий РСФСР.

Объект анализа - историография национального строительства на Северном Кавказе 1920-1930-х годов. Географические пределы исследования включают в себя Дагестанскую АССР, Горскую АССР, Адыгейскую (Черкесскую) автономную область, а также автономии, возникшие после упразднения Горской АССР: Карачаевскую, Черкесскую, Кабардинскую, Балкарскую, Северо-Осетинскую, Ингушскую, Чеченскую. Вместе с тем анализируется зарубежная и общероссийская историография темы.

Хронологические рамки исследования (1990-2015 гг.) определяются временем становления концептуального и идейно-политического плюрализма оценок раннесоветской эпохи в отечественной историографии.

Новизна исследования состоит в проведении сравнительного анализа работ англо-американской, советской, общероссийской и северокавказских научных школ на широком хронологическом интервале 1990-2015 гг. Проведен анализ ранее не использованных историографических источников - трудов современных историков.

Материалы и источники исследования включают в себя монографии, научные статьи, комментарии к сборникам исторических документов. Особое значение для раскрытия темы имеют следующие сборники документов: «"*Совершенно секретно*". *Лубянка - Сталину* о положении в стране (1922-1934 гг.)» [1]; «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД» [2]; «Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927» [3]; «ЦК РКП (б) - ВКП (б) и национальный вопрос» [4].

Методология исследования предполагает применение принципов объективности, историзма и системности анализа историографических источников в контексте времени и целей их создания. Методы исследования следующие: источниковедческий анализ текстов, плюральное (множественное) синхронное и диахронное сравнение. Мы поддерживаем переосмысление концепта «национальное строительство» в исторической науке, переход от позитивистских и примордиальных к социально-конструктивистским объяснениям этничности. Необходимо теоретически разграничивать понятия «государственное строительство» (создание и укрепление органов публичной власти, наделение их полномочиями и ресурсами успешной деятельности), а также «национальное строительство» - формирование единого политического сообщества на основе воспитания общегосударственной приверженности, согласования между собой этнических, религиозных, экономико-территориальных интересов групп населения страны.

Результаты исследования таковы. Важное значение для теоретического осмысления национального строительства в РСФСР и СССР 1920-1930-х годов имеют работы американских историков Р.Г. Суни [5], Дж. Смита [6], Т. Мартина [7] и др. Так, Р.Г. Суни придает первоочередное значение не решениям партийно-государственных органов власти, как это обычно принято в историографии, а социально-экономической структуре и историческому опыту развития народов России. Эти факторы, по мнению Суни, создавали «коридор возможностей» советской национальной политики. Т. Мартин создал на материалах СССР 1920-1930-х годов концепцию «империи положительной деятельности» (affirmative action empire). Мартин подчеркивает, что впервые в истории многонациональное государство проводило курс «систематического содействия развитию национального сознания этнических меньшинств и создания для них многих характерных институциональных форм моноэтнического государства» (то есть самоопределения титульных народов) [7, с. 10]. Политика РКП (б) была призвана контролировать децентрализацию и «коренизацию» власти, провести их при сохранении территориального единства государства. Эта концепция имеет принципиальное значение, поскольку подчеркивает принципиальные отличия Советского государства от империй «западного мира», жестоко угнетавших свои колониальные окраины. Тем самым опровергаются идеологизированные рассуждения о СССР как «тюрьме народов», распространенные в изданиях конца 1980-х - начала 1990-х годов [8, с. 308-331].

В то же время курс «империи положительной деятельности» не следует идеализировать, он неразрывно был связан с большевистским пониманием интернационализма и прогресса, предполагая уничтожение «эксплуататорских классов» и замену ценностей этнических культур. Дж. Смит систематизирует причины конфликтов советского нациестроительства, уделяя особое внимание земельным спорам между автономиями и сопротивлению мусульман Северного Кавказа и Средней Азии атеизму [6, с. 144-163]. Но в целом для англо-американской историографии советского нациестроительства характерно слабое внимание к особенностям различных народов СССР, а внимание сосредоточено на борьбе альтернатив национального строительства во внутрипартийной борьбе (1921-1923 гг.), на статусе союзных республик, а не автономий. Эти устойчивые черты проявляются, например, в обобщающем труде М. Левина [9, с. 41-60] и статье Дж. Смита [6, с. 514-518].

Исследуем тенденции развития постсоветской отечественной историографии национального строительства на примере автономий Северного Кавказа. Отчетливо просматриваются два периода исторических исследований, выделяемые по признаку концептуальных оценок советского опыта.

На протяжении 1990-х годов преобладала жесткая критика национального строительства 1920-1930-х гг. Первостепенное внимание многие историки уделяли оценке причин конфликтов, массовых репрессий, сокращения полномочий автономий. Так, ленинский проект федерации оценивался как тоталитарное решение национального вопроса, отличавшееся от сталинского только тактиками и методами имперского курса, темпами советизации народов (А.Ю. Коркмазов, К.К. Хутыз) [10, с. 67; 11, с. 13-14]. И напротив, стало положительно оцениваться повстанческое движение на Северном Кавказе 1920-х годов (статьи П.А. Аптекаря и Х.-М.М. Доного) [12, с. 154-156; 13, с. 270-281], что отчасти вело к его идеализации и преуменьшению сепаратистских тенденций. Проявились противоречия в оценках национального строительства между научными школами республик Северного Кавказа, что было связано с политизацией исторической памяти и легитимацией «регионального суверенитета» в 1990-х годах [14]. Противоречия

касались таких аспектов, как оценка причин распада Горской АССР в 1924 г., земельных и культурно-языковых споров, депортаций, оценок видных деятелей северокавказской истории 1920-1930-х годов. Но и в столь сложных условиях создавались объективные исследования, основанные на анализе впервые рассекреченных источников (например, работы Н.Ф. Бугая и Д.Х. Мекулова) [15, с. 87].

Позитивные тенденции переосмысления национального строительства, отхода от упрощенных оценок прошлого наметились уже во второй половине 1990-х годов. Важна монография В.А. Шишкина, ее автор сделал важный вывод о преемственности национальной политики большевиков и унитарной имперской модели. В то же время сложная обстановка требовала постоянного балансирования власти между централизацией и учетом интересов автономий, что выразилось в курсе «коренизации» аппарата управления - его насыщении представителями местных титульных национальностей [16, с. 88-133].

Качественно иной этап развития историографии постепенно наступает в начале 2000-х годов. Он связан с осознанием пользы государственного единства, поиском в истории положительного опыта интеграции полиэтничного общества, методов обеспечения межэтнического мира. Характерна в этом аспекте докторская диссертация В.Г. Шнайдера, раскрывающая социокультурный аспект интеграции народов Северного Кавказа в советское общество на дистанции 1917-1950-х гг. [17, с. 10-42].

Глубокое исследование национального строительства предпринято коллективом авторов Института российской истории РАН, главы этого труда по периоду 1917-1941 гг. созданы Т.Ю. Красовицкой и Д.А. Аманжоловой [18, с. 151-262]. Аналитики раскрывают сложный контекст выбора партийно-государственной политики: «Первые национальные автономии и советские “независимые” республики создавались во многом для удержания территорий и с целью реализовать в них классово-интернационалистскую доктрину» [18, с. 176]. Но по мере выяснения слабости власти на Северном Кавказе с 1920 г. стали широко применяться традиционные институты управления; сочетались государственный патернализм и нациестроительство в пределах автономий [18, с. 199]. Так, проводились Всероссийские мусульманские съезды, создавались национальные школы. До коллективизации большевики вынуждены сохранять полиюридизм - шариатские суды и советы старейшин, комиссии по примирению кровников действовали параллельно с органами власти. В 1928 г. Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило условия вхождения автономных республик и областей в состав укрупненных краев на началах добровольности [4, т. 1, с. 595-596]. В целях укрепления автономий им были переданы в конце 1920-х - 1930-е годы близлежащие промышленные центры (г. Грозный - Чечено-Ингушетии, Майкоп - Адыгее, Баталпашинск - Черкесской АО).

В.П. Булдаков рассмотрел нациестроительство в историко-психологическом аспекте, обобщив новые архивные данные об оппозиционных движениях в Чечне и Дагестане [19, с. 599-649; 4, т. 1, с. 95; 1, т. 2, с. 178]. Автор отмечает низкую компетентность партийно-государственных чиновников в автономиях Северного Кавказа, что приводило к непоследовательности политики. Оценки событий и выводы В.П. Булдакова подчас эмоциональны и априорно следуют из негативного отношения к «имперской» государственности. Напротив, монография А.Х. Даудова и Д.И. Месхидзе несколько «сглаживает углы» противоречивой национальной политики 1920-1924 гг., обходя сложный вопрос о глубинных причинах упразднения Горской АССР [20, с. 196-198].

Системное исследование советской национальной государственности на Северном Кавказе провели Т.П. Хлынина, Е.Ф. Кринко и А.Т. Урушадзе (2012 г.). В их монографии выявлена ведущая роль центральных партийно-государственных органов власти в становлении автономий, раскрыты детерминанты реформ административно-территориального деления. Определена взаимосвязь между идеологическими представлениями большевистской элиты, потребностями советской геополитики и повседневными запросами полиэтничного населения. Исследователи не уходят от оценки сложных дискуссионных вопросов, дают их трактовку на широкой документальной основе. Как отмечают авторы, национальное строительство 1920-х гг. не только решало задачи самоопределения народов, но и должно было учитывать экономическую состоятельность новых автономий [21, с. 269-270]. Более поздняя монография Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко (2014 г.) отчетливо отражает парадигму конструктивизма применительно к нациестроительству. Аналитики отмечают слабую готовность многих этнических групп к высокому уровню самоопределения, что обусловило преобладание форм советской автономии, близких к унитаризму [22, с. 91, 101-103]. Особое внимание Т.П. Хлынина и Е.Ф. Кринко уделяют «черкесскому вопросу» на Северо-Западном Кавказе, оценивая его в качестве незавершенного проекта нациестроительства вследствие слабости сил возможного автономного образования [22, с. 108-121].

Примечательны и работы, выполненные на материалах отдельных автономий Северного Кавказа либо в итоге их сравнения. О.А. Белоусова изучает районирование автономий в соста-

ве Северо-Кавказского края (1924-1930 гг.), отмечая сложность оформления моноэтничных сельсоветов и районов [23, с. 61-62]. Новым аспектом исследований, таким образом, становится история политики в отношении дисперсных этнических меньшинств. На материалах Чечне и Ингушетии выполнено фундаментальное издание документов о взаимодействии вайнахских народов с Российским государством [24], а также работы Ж.Ж. Гакаева [25] и А.М. Бугаева [26].

В итоге сделаны выводы о росте влияния конструктивизма и концепции «империи положительной деятельности», выдвинутой Т. Мартином, в современной российской историографии национального строительства 1920-1930-х годов. Разграничиваются понятия «государственное строительство» (создание и укрепление органов публичной власти, наделение их полномочиями и ресурсами успешной деятельности), а также «национальное строительство» - формирование единого политического сообщества на основе воспитания общегосударственной приверженности, согласования между собой этнических, религиозных, экономико-территориальных интересов групп населения страны.

Установлено повышенное внимание отечественных исследователей к неизученным аспектам темы: формированию партийно-государственных элит автономий Северного Кавказа, административно-территориальным реформам 1920-1930-х годов, альтернативам становления автономий, выраженным в партийно-государственных документах. В историографии 1990-х годов преобладала жесткая критика национального строительства 1920-1930-х годов. Первостепенное внимание уделялось оценке причин конфликтов, массовых репрессий, сокращения полномочий автономий. Качественно иной этап развития историографии наступает в 2000-х годах. Он связан с осознанием пользы государственного единства, поиском в истории положительного опыта интеграции полиэтничного общества, методов обеспечения межэтнического мира. Советское нациестроительство на Северном Кавказе в 1920-1930-х годах оценивается в ракурсе преемственности правовой, экономической и социокультурной интеграции сложноорганизованной периферии, полиюридизма и вынужденного использования большевистской властью традиционных институтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. «*Совершенно секретно*». *Лубянка - Сталину* о положении в стране (1922-1934 гг.). В 10 т. / ред. совет: Г.Н. Севостьянов, А.Н. Сахаров, Я.Ф. Погоний и др. - М.: ИРИ РАН, 2001. - Т. 1. Часть 1. - 490 с.; Часть 2. - 613 с.; Т. 2. - 511 с.
2. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4 т. / под ред. А. Береловича, В.П. Данилова. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. - Т. 1. - 864 с.; 2000. - Т. 2. - 1168 с.
3. Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927: Сборник документов / сост.: А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. - 423 с.
4. ЦК РКП (б) - ВКП (б) и национальный вопрос / сост.: Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. - Кн. 1. - 784 с.
5. Суни Р.Г. Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920-1930-е годы. Материалы VI междунар. науч. конф. - М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. - С. 17-40.
6. Smith J. Soviet Nationality Policies from Lenin to Gorbachev // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. - М.: Социально-политическая мысль, 2005. - С. 507-525.
7. Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923-1939. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. - 855 с.
8. Аманжолова Д.А. Историография изучения национальной политики // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. - М.: АИРО-XX, 1996. - С. 308-331.
9. Левин М. Советский век. - М.: Европа, 2008. - 680 с.
10. Коркмазов А.Ю. Этнополитические процессы на Северном Кавказе (История и современность). - Ставрополь: Изд-во Ставроп. ун-та, 1994. - 187 с.
11. Хутыз К.К. Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки. 1917-1940 гг. (На материалах адыгских народов Северного Кавказа). - Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1993. - 362 с.
12. *Аптекарь П.* Повстанцы // Родина. - 2000. - № 1-2. - С. 154-156.
13. Доного Х.-М.М. Повстанческое движение в Дагестане и Чечне в 20-х годах XX века // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. - М.: Социально-политическая мысль, 2005. - С. 270-281.
14. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. - М.: Новое литературное обозрение, 2006. - 690, 1 с.
15. Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е гг.). - Майкоп: Меоты, 1994. - 424 с.
16. Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917-1928 гг.). - СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. - 400 с.
17. Шнайдер В.Г. Национальное строительство как фактор социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в советское общество (1917 - конец 1950-х гг.). Автореф. дис. … д-ра ист. наук. - Ставрополь, 2008. - 46 с.
18. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. - М.: Новый хронограф, 2012. - 448, 64 с.
19. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920-1930 гг. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. - 759 с.
20. Даудов А.Х., Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1924). - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. - 224 с.

21. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. - 272 с.
22. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. - 434 с.
23. Белоусова О.А. Национальные автономии в составе Северо-Кавказского края // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности. Материалы Всеросс. науч. конф. - Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. - С. 61-62.
24. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX - середина XX в.) / сост. и авт. коммент. И.А. Зюзина и др. - М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. - 1094 с., 8 л.
25. Гакаев Ж.Ж. Очерки политической истории Чечни (XX век). - М.: Изд-во Чечен. культур. центра, 1997. - 473 с.
26. Бугаев А.М. Установление советской власти на Северном Кавказе и строительство национальной государственности горских народов (март 1920 - апрель 1921 гг.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. - Грозный. - 2011. - № 2. - С. 71-80.

REFERENCES

1. Sovershenno sekretno. Lubyanka - Stalinu o polozhenii v strane (1922-1934 gg.). ["Top secret". Lubyanka - to Stalin about the situation in the country (1922-1934)]. In 10 vols. / red. sovet: G.N. Sevost'yanov, A.N. Saharov, Ya.F. Pogonij et al. Moscow: IRH RAN Publ., 2001. Vol. 1. Part 1. 490 p.; Part 2. 613 p.; Vol. 2. 511 p.
2. Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918-1939. Dokumenty i materialy. [Soviet village through the eyes of the Cheka - OGPU - NKVD. 1918-1939. Documents and materials]. In 4 vols. / ed. by A. Berelovich, V.P. Danilov. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN) Publ., 1998. Vol. 1. 864 p.; 2000. Vol. 2. 1168 p.
3. Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska. 1912-1927. Sbornik dokumentov. [The Bolshevik leadership. Correspondence. 1912-1927. Collection of documents]. coll. by: A.V. Kvashonkin, O.V. Hlevnyuk, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaya. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN) Publ., 1996. 423 p.
4. TsK RKP (b) - VKP (b) i natsional'nyi vopros. [RCP (b) - VKP (b) CC and the National Question] coll. by: L.S. Gatagova, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaya. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN) Publ., 2005. Vol. 1. 784 p.
5. Suni R.G. Sovetskoe i natsional'noe: edinstvo protivorechij. [Soviet and national: the unity of contradictions]. Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920-1930-e gody. Materialy VI mezhdunar. nauch. konf. [Soviet nation and national policies in 1920-1930-s. Proceedings of the VI Intern. scientific conf.]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ.; Fond «Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina», 2014, pp. 17-40. (in Russ.).
6. Smith J. Soviet Nationality Policies from Lenin to Gorbachev Tragediya velikoj derzhavy: natsional'nyi vopros i raspad Sovetskogo Soyuza. [The tragedy of great power: the national question and the collapse of the Soviet Union]. Moscow: Social'no-politicheskaya mysl' Press, 2005, pp. 507-525. (in Russ.).
7. Martin T. Imperiya «polozhitel'noi deyatel'nosti»: Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923 – 1939. [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the USSR, 1923-1939]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ.; Fond «Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina», 2011. 855 p.
8. Amanzholova D.A. Istoriografiya izucheniya natsional'noi politiki. [The historiography of the study of national policies] Istoricheskie issledovaniya v Rossii. Tendencii poslednih let [Historical research in Russia. Recent trends]. Moscow: "AIRO-XX" Publ., 1996, pp. 308-331. (in Russ.).
9. Levin M. Sovetskij vek. [The Soviet Century]. Moscow: Evropa Press, 2008. 680 p.
10. Korkmazov A.Yu. Etnopoliticheskie protsessy na Severnom Kavkaze (Istoriya i sovremennost'). [Ethno-political processes in the North Caucasus (History and Present)]. Stavropol': Stavropol' Univ. Press, 1994. 187 p.
11. Hutyz K.K. Natsional'nye otnosheniya v usloviyah totalitarizma: opyt i uroki. 1917-1940 gg. (Na materialah adygskih narodov Severnogo Kavkaza). [Ethnic relations in the conditions of totalitarianism: experience and lessons. 1917-1940. (On materials of the North Caucasian Adyghe Peoples)]. Rostov-on-Don: Rostov. Univ. Press, 1993. 362 p.
12. Aptekar' P.A. Povstantsy. [The Rebels]. Rodina - The Motherland. 2000. No 1-2, pp. 154-156. (in Russ.).
13. Donogo H.-M.M. Povstancheskoe dvizhenie v Dagestane i Chechne v 20-h godah XX veka [The insurgency in Dagestan and Chechnya in the 20-ies] Tragediya velikoi derzhavy: natsional'nyi vopros i raspad Sovetskogo Soyuza. [The tragedy of great power: the national question and the collapse of the Soviet Union]. Moscow: «Social'no-politicheskaya mysl'» Press, 2005, pp. 270-281. (in Russ.).
14. Shnirel'man V.A. Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX v. [To Be the Alans: the North Caucasus intellectuals and politics in the XX century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. 690, 1 p.
15. Bugaj N.F., Mekulov D.H. Narody i vlast': «socialisticheskii eksperiment» (20-e gg.). [Peoples and Power: "socialist experiment" (20-ies)]. Maikop: Meoty, 1994. 424 p.
16. Shishkin V.A. Vlast'. Politika. Ekonomika. Poslerevolyutsionnaya Rossiya (1917-1928 gg.). [Power. Policy. Economy. Post-revolutionary Russia (1917-1928)]. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin Publ., 1997. 400 p.
17. Shnajder V.G. Nacional'noe stroitel'stvo kak faktor sociokul'turnoi integratsii narodov Severnogo Kavkaza v sovetskoe obshestvo (1917 - konets 1950-h gg.). [Nation-building as a factor of social and cultural integration of the peoples of the North Caucasus into the Soviet society (1917 - the end of the 1950s.)]. Avtoref. Diss. of D.Sc. (Hist.). Stavropol', 2008. 46 p.
18. Etnicheskij i religioznyj faktory v formirovanii i evolyutsii rossijskogo gosudarstva. [Ethnic and religious factors in the formation and evolution of the Russian state]. ed. by T.Yu. Krasovickaya, V.A. Tishkov. Moscow: Novyij hronograf Publ., 2012. 448, 64 p.
19. Buldakov V.P. Utopiya, agressiya, vlast'. Psihosocial'naya dinamika postrevolyucionnogo vremeni. Rossiya, 1920-1930 gg. [Utopia, aggression, power. Psycho-social dynamics of post-revolutionary time. Russia, 1920-1930]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ., 2012. 759 p.

20. Daudov A.H., Meshidze D.I. Natsional'naya gosudarstvennost' gorskih narodov Severnogo Kavkaza (1917-1924). [The National State of the mountain peoples of the North Caucasus (1917-1924)]. Saint Petersburg: S.-Peterb. Univ. Publ., 2009. 224 p.
21. Hlynina T.P., Krinko E.F., Urushadze A.T. Rossiiskij Severnyij Kavkaz: istoricheskij opyt upravleniya i formirovaniya granits regiona. [Russia's North Caucasus: historical experience of the governance and the formation of the region's borders]. Rostov-on-Don: SSC RAN Publ., 2012. 272 p.
22. Hlynina T.P., Krinko E.F. Istoriya, politika i natsiestroitel'stvo na Severnom Kavkaze. [History, politics and nation-building in the North Caucasus]. Rostov-on-Don: SSC RAN Publ., 2014. 434 p.
23. Belousova O.A. Nacional'nye avtonomii v sostave Severo-Kavkazskogo kraya. [National autonomy within the North Caucasian Region]. Natsional'nye elity i problemy social'no-politicheskoj i ekonomicheskoj stabil'nosti. Materialy Vseros. nauch. konf. [National elites and the problems of socio-political and economic stability. All-Russian scientific conf. proceedings]. Rostov-on-Don: SSC RAN Press, 2009, pp. 61-62. (in Russ.).
24. Vainahi i imperskaya vlast': problema Chechni i Ingushetii vo vnutrennej politike Rossii i SSSR (nachalo XIX - seredina XX v.). [Vainakhs and imperial power: the problem of Chechnya and Ingushetia in the internal politics of Russia and the USSR (the beginning of XIX - mid XX century)]. coll. by and comment. I.A. Zyuzina et al. Moscow: Rossijskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ.; Fond «Prezidentskij tsentr B.N. El'tsina», 2011. 1094 p.
25. Gakaev Zh.Zh. Ocherki politicheskoj istorii Chechni (XX vek). [Essays on the political history of Chechnya (XX century)]. Moscow: Chechen. Kul'tur. Centr Publ., 1997. 473 p.
26. Bugaev A.M. Ustanovlenie sovetskoj vlasti na Severnom Kavkaze i stroitel'stvo natsional'noi gosudarstvennosti gorskih narodov (mart 1920 - aprel' 1921 gg.). [The establishment of Soviet power in the North Caucasus and the construction of the national state of the mountain peoples (March 1920 - April 1921)]. Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki - Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. Groznyj, 2011, No 2, pp. 71-80. (in Russ.).

Информация об авторе

Кокорхоева Дугурхан Султангиреевна, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Ингушского государственного университета,
Назрань, Россия
dugurhan@mail.ru

Получена: 19.11.2016

Для цитирования статьи: Кокорхоева Д. С., Современные тенденции развития историографии национального строительства 1920-1930-х гг. в автономиях РСФСР на Северном Кавказе. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-68-73.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-68-73.

Information about the author

Dugurkhan S. Kokorkhoeva, Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of General History,
Ingush State University,
Nazran, Russia
dugurhan@mail.ru

Received: 19.11.2016

For article citation: Kokorkhoeva D. S., Sovremennye tendencii razvitija istoriografii nacional'nogo stroitel'stva 1920 1930-h gg. v avtonomijah RSFSR na Severnom Kavkaze. [Current trends of nation-building historiography of 1920-1930s in rsfsr autonomies in the North Caucasus]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-68-73.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-68-73. (in Russian)

УДК-94 (470.620) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-74-82

КТИТОРОВ Сергей Николаевич
Армавирский государственный педагогический университет
г. Армавир, Россия
ktitorovsn@rambler.ru

Sergey N. KTITOROV
Armavir State Pedagogical University
Armavir, Russia
ktitorovsn@rambler.ru

ЗАСТРОЙКА И АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК АРМАВИРА В КОНТЕКСТЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX в.

CONSTRUCTION AND ARCHITECTURAL APPEARANCE OF ARMAVIR IN THE CONTEXT OF ETHNIC-DEMOGRAPHIC PROCESSES OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

В статье исследуется трансформация застройки и архитектурного облика Армавира, который в конце XIX - начале XX в. приобрел значение одного из важнейших центров Предкавказья. Детально рассматривается быстрый рост и развитие Армавира после проведения в 1875 г. Ростово-Владикавказской железной дороги, что стало одним из проявлений капиталистической модернизации региона. Количественные и качественные изменения в сфере застройки и архитектуры анализируются в тесной взаимосвязи с процессами усложнения социальной, этнической и конфессиональной структуры местного населения. С привлечением разнообразных источников в статье обоснован вывод о том, что в рассматриваемый период Армавир превращается в самое «городское» по своим масштабам и внешнему облику селение Российской империи, сопоставимое с губернскими и областными центрами региона. Анализируя стилевые особенности местной застройки, автор приходит к заключению об интернациональном характере архитектуры Армавира, что обусловливалось процессами расширения информационно-коммуникативного пространства и вовлечением Предкавказья в сферу экономической глобализации. В статье исследовано явление исторической многослойности населенного пункта, эволюционировавшего от небольшого аула черкесских армян к крупному городу. Освещены особенности его градостроительной топографии, архитектурного силуэта, рельефа и планировки. Обосновано мнение о том, что внешний облик улиц и кварталов Армавира в досоветский период формировался под влиянием функциональной специфики отдельных районов и напрямую зависел от факторов профессиональной ориентации, социального положения и уровня благосостояния местного населения.

This article examines the transformation of the construction and architectural appearance of Armavir, which in the late XIX – early XX centuries, became one of the most important centers of the Caucasus. Considers in detail the rapid growth and development of Armavir after the 1875, the Rostov-Vladikavkaz railway, which became one of the manifestations of capitalist modernization in the region. Quantitative and qualitative changes in the field of construction and architecture are analyzed in close connection with the processes of complication of social, ethnic and confessional structure of the local population. With the involvement of various sources in the article, the conclusion is justified that in the period under review, Armavir turns into the "urban" in scale and appearance, the village of the Russian Empire, comparable to provincial and regional centers of the region. The issue has scientific significance as because of its comprehensive and interdisciplinary nature, and due to the fact that the historical building of the Armavir has largely been lost in the years of the great Patriotic war, that ultimately actualizes the task of keeping the survivors in the city of historical and cultural heritage of peoples of the Kuban region in the late XIX – early XX century. Analyzing stylistic features of local development, the author comes to the conclusion about the international nature of the architecture of Armavir, which is determined by the processes of the expansion of information and communicative space and the involvement of the Caucasus into the sphere of economic globalization. The article explores the historical phenomenon of layering the settlement evolved from a small village of the Circassian Armenians to a major city. The peculiarities of its urban topography, architectural silhouette, topography and layout. Substantiates the view that the appearance of the streets and neighborhoods of Armavir in the pre-Soviet period was influenced by the functional specificity of certain areas and is directly dependent on the factors of professional orientation, social status and living standards of the local population.

Ключевые слова: архитектура, застройка, градостроительство, Предкавказье, демографические процессы, полиэтничность, конфессиональный состав, урбанизация, капиталистическая модернизация.

Keywords: architecture, construction, urban planning, Caucasus, demographic processes, ethnic structure, religious composition, urbanization, capitalist modernization

Acknowledgement. This article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Humanities and the Ministry of Education, Science and Youth Policy of the Krasnodar Territory in the framework of a research project № 16-11-23012 «The potential of historical and cultural heritage of peoples of the Kuban Region as a factor strengthening and development of cross-cultural communication in regional society».

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в рамках научного проекта № 16-11-23012 «Потенциал историко-культурного наследия народов Кубани как фактор укрепления и развития кросс-культурной коммуникации в региональном социуме».

В конце XIX - начале XX в. одним из важнейших центров Северного Кавказа стало селение Армавир, сыгравшее заметную роль в хозяйственно-экономическом и социокультурном развитии региона.

Переломным моментом в истории данного населенного пункта было проведение в 1875 г. Ростово-Владикавказской железной дороги. Новая транспортная магистраль оказала самое непосредственное влияние на быструю трансформацию всех сфер местной жизни. Армавир, который был основан в 1839 г. в качестве аула черкесских армян и переименован в ноябре 1876 г. в село, преображался буквально на глазах.

После открытия движения по железной дороге резко изменяется состав и численность населения Армавира. Сюда устремился мощный поток выходцев из различных уголков России, в котором доминировали русские и украинские переселенцы. Армавир этого периода можно уверенно называть одним из самых быстрорастущих населенных пунктов государства. С каждым годом процентное соотношение коренных и приезжих обитателей села заметно менялось в пользу последних. В 1876 г. в Армавире проживало всего 4 603 чел., из которых коренных жителей черкесо-гаев (черкесских армян) было 3 715 чел. (80,7%), а иногородних переселенцев - 888 чел. (19,3%) [1, с. 162]. Через 13 лет, в 1889 г., в селе уже насчитывалось 11 983 чел., в том числе коренных - 4 445 чел. (37,1%) и иногородних - 7 538 чел. (62,9%) [2]. В 1902 г. количество жителей составило 22 310 чел., в том числе коренных - 4 859 чел. (21,8%) и иногородних - 17 451 чел. (78,2%) [3, л. 4об]. В 1908 г. здесь было зафиксировано 32 тыс. чел., из которых коренных - 5 тыс. чел. (15,6%) и иногородних - 27 тыс. чел. (84,4%) [4, л. 38об-39]. К 1914 г., то есть к моменту преобразования Армавира в город, в селе проживало около 60 тыс. чел., из которых коренные обитатели черкесо-гаи составляли лишь около 10% [5, с. 90]. В рассматриваемый период Армавир превращается в крупнейшее и наиболее динамично развивавшееся в русле урбанизационных процессов селение Российской империи, быстро обретавшее характерные черты большого города.

В результате аккумуляции разнообразных миграционных потоков в конце XIX - начале XX в. в крупнейших центрах Предкавказья формируется исключительно гетерогенный полиэтничный и поликонфессиональный состав жителей.

Так, в 1882 г. известный кубанский историк Е.Д. Фелицын произвел тщательный сбор сведений обо всех пунктах Кубанской области. По данным этого обследования, в Армавире проживали: армяне, абадзехи, бесленеевцы, евреи, греки, немцы и русские [6, № 5926]. В других населенных пунктах региона контингент жителей был более однородным.

Важным стимулом для усложнения этнической структуры жителей Армавира являлся всесторонний экономический рост села. Торговые интересы привлекали сюда не только выходцев из различных областей Российской империи, но и иностранцев. Некоторые из них находились в Армавире временно, однако тем не менее оказывали заметное влияние на формирование своеобразного этнического облика местного населения. Многонациональный состав жителей стал одной из отличительных черт Армавира конца XIX - начала XX в., на что неизменно обращали свое внимание современники. Так, в одном из газетных очерков 1889 г. отмечалось: «Чтобы понять, кто населяет Армавир, необходимо представить себе население города Одессы. И Армавир, подобно Одессе, разумеется в миниатюре, населяют все народы земного шара… Здесь каждый народ имеет свою физиономию, влияющую на общий ход жизни. Никто здесь не обезличен, каждый имеет свой национальный кружок». В числе представителей конкретных национальных общин Армавира автор статьи называл армян, русских, французов, немцев, поляков, евреев, греков, персов, австрийцев, грузин, туркмен, татар, горцев, итальянцев и даже упоминал одного «гордого янки» [7]. Уже в начале XX в. из-за пестрого многонационального состава местного населения современники именовали порой Армавир «новым Вавилоном».

С конца 1880-х годов большинство обитателей Армавира составляли русские, удельный вес которых постоянно увеличивался. По данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. общая численность жителей селения составляла 18 113 чел., в том числе: русские 11 235 чел. (62%); армяне 4 756 чел. (26,3%); немцы 1 269 чел. (7%); греки 269 чел. (1,5%); кавказские горцы 154 чел. (0,8%); поляки 122 чел. (0,7%); татары 120 чел. (0,7%), грузины 51 чел. (0,3%) и другие [8, с. 60-63].

В начале XX в. в результате миграций численность этнических групп Армавира значительно увеличивается. В селе появляются новые общины ассирийцев, чехов, болгар, евреев, персов и даже американцев [9, с. 42-140]. На этом фоне продолжает увеличиваться доля русских, составивших, по данным за 1910 г., 74% от всего населения [10, с. 910-911].

Владикавказская железная дорога также способствовала эволюции Армавира в качестве одного из важнейших экономических центров Северного Кавказа. В начале XX в. селение становится главным торговым пунктом региона, а по объемам промышленного производства (в

денежном выражении) Армавир занял здесь второе место, уступая только г. Екатеринодару [11, с. 161-163].

Параллельно с ростом населения в конце XIX - начале XX в. Армавир приобретает функцию значительного культурно-образовательного центра Предкавказья, где действовали крупнейшие в Кубанской области мужская и женская гимназии, десятки школ, библиотеки, музей, зимний драматический театр, клубы и концертные залы, кинематографы и цирк, в формате больших столичных изданий выходила ежедневная газета. В селе протекала насыщенная общественно-политическая жизнь. В 1905-1907 гг. Армавир играл роль ключевого пункта революционной борьбы на Северном Кавказе, где располагались организационные центры ряда влиятельных политических партий.

Все вышеуказанные процессы сопровождались коренной трансформацией застройки и внешнего облика Армавира, что стало проявлением капиталистической по своей сути модернизации Предкавказья и всего государства. Рассмотрению именно этой сферы эволюции селения и посвящена настоящая статья.

Фото 1. Общий вид центральной части села Армавир. 1913 г.
Photo 1. General view of the Central part of the village of Armavir. 1913.

В конце XIX - начале XX в. Армавир переживает быстрый территориальный рост. Представление об этом можно получить при сопоставлении схематических планов и карт этого периода. Так, по схеме, составленной в 1892 г., в селении насчитывалось 144 квартала, а в 1912 г. - уже 397 кварталов [12, № 567; 13, № 2822]. Селитебная площадь Армавира увеличилась с 455 десятин в 1892 г. до 1 200 десятин к 1914 г. [14, № 567; 15]. При этом, если площадь Армавира с 1892 по 1914 г. увеличилась на 164%, то число жителей с 1896 по 1914 г. возросло на целых 311% (от 14 600 до 60 тыс. чел.) [16, л. 3; 17, с. 156]. Это свидетельствует о значительном повышении плотности населения. По этому показателю, по данным переписи 1917 г., г. Армавир занимал первое место среди городов Кубани. На одно владение здесь приходилось в среднем 14 чел., тогда как в Екатеринодаре - 12,6 чел., Майкопе - 6,9 чел., Ейске - 6,3 чел. [18, с. 25]. И хотя эти сведения относятся уже к городскому периоду истории Армавира, они являются результатом предшествовавших процессов. Рост плотности населения стал одним из важных признаков урбанизации Армавира.

Увеличение застройки селения в конце XIX - начале XX в. можно проиллюстрировать следующими данными. В 1880 г. в Армавире имелось 806 домов, в 1890 г. - 1 900, в 1902 г. - 3 132 и к 1912 г. - уже 9 066 различных зданий [19, с. 32; 20, с. 180; 21, л. 4 об; 22, л. 18]. В 1915 г. в Армавире, только что преобразованном в город, было учтено 11 435 строений [23]. С каждым годом прежние турлучные сакли и саманные хаты, крытые камышом и тесом, заменяются кирпичными домами под железной крышей. Если в 1908 г. из 3 535 построек селения каменными являлись только 1 142, то уже в 1915 г., по данным официального отчета начальника

Кубанской области, в числе 11 435 армавирских зданий каменных было - 3 753 [24, л. 51; 25]. В этом году по количеству кирпичных домов Армавир опережал даже областной центр Екатеринодар, где, по данным упомянутого отчета, имелось 2 685 каменных построек.

Интенсивное строительство резко изменяет внешний вид и характер сельских улиц. До проведения Владикавказской железной дороги Армавир представлял собой обычный аул, застроенный турлучными саклями под камышовыми крышами, с улицами и площадями, лишенными каких бы то ни было элементов благоустройства. Ф.А. Щербина, побывавший здесь в 1875 г., оставил следующее описание аула: «Армавир состоял еще большею частью из убогих черкесских сакель, дворы были обнесены терновником и колючкой, улицы загрязнены и неудобопроходимы, хозяйство отличалось крайнею незатейливостью, армяне еще ездили в классических черкесских арбах, с огромными, как в хорошей водяной мельнице, скрипучими колесами, а женщины и дети, при нашем приближении к ним, прятались, как сурки в норы, в свои незатейливые жилища» [26, с. 183].

Открытие движения по Владикавказской магистрали стимулировало не только экономическое развитие Армавира, но послужило толчком для настоящего «строительного бума». Уже в январе 1878 г. один из современников писал: «Едва ли во всей кубанской области найдется в настоящее время станица или село лучше Армавира… Армавир имеет вид небольшого уездного городка; множество чистеньких домов европейской архитектуры под железными крышами (что весьма редко в станицах и селах Кубанской области), длинные широкие улицы…» [27, № 1].

Начиная с 1880-х годов в центре Армавира вырастают кирпичные двухэтажные здания магазинов и особняков, что коренным образом меняет внешний облик селения. По словам очевидца, «с конца 70 и начала 80 гг. прежний армянский аул стал неузнаваем, как самые азиатские лачужки, так и обитатели их обрусели и приняли иную форму; мелкие торгаши разбогатели и завели оптовые торговли; к ним присоединились ставропольские и ростовские купцы, забрав в свои руки всех покупателей Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей, включая сюда и земли войска Донского. Фирмы эти стали строить, взамен простых, капитальные склады, двухэтажные дома, сосредотачивая и усиливая торговлю на большой улице, где за голые места одного плана платили от 10 до 25 т. руб.» [28]. В 1885 г. другой современник отмечал: «При взгляде на армавирские постройки нельзя подумать, что находишься в селении; большая улица застроена двухэтажными домами с блестящими внизу магазинами; даже самые отдаленные места селения и те украшаются капитальными зданиями» [29].

В 1890 г. в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона сообщалось, что Армавир хорошо построен, и особенно его длинная базарная площадь, а дома и магазины в селе выглядели не хуже, чем в губернском городе средней руки [30, с. 117]. Любопытное описание внешнего облика Армавира было представлено корреспондентом газеты «Кубанских областных ведомостей» 12 октября 1894 г: «Турлучные и иные постройки, крытые соломою, из всех центральных кварталов, можно сказать, исчезли совсем, да и в остальных кварталах начинают заменяться преимущественно кирпичными и, во всяком случае, крытыми железом постройками;... на главной улице высятся 2-3 этажные дома ценностью в сотни тысяч, с зеркальными стеклами, с роскошными éntrée (парадными подъездами. - *С.К.*), с кариатидами и разными лепными украшениями, открылись с такими же éntrée, высокими залами и швейцарами гостиницы, на бирже стоят линейки, фаэтоны, коляски и т.д. Хлебная торговля отошла на задний план и места амбаров заняли блестящие магазины с оптовыми торговлями всех родов товаров».

У тех, кто впервые попадал в Армавир, создавалось впечатление, что они находятся не в селении, а в богатом городе. Кубанский краевед А.Н. Дьячков-Тарасов, посетивший Армавир в 1900 г., отмечал: «Трудно назвать селением этот городок с мощеными улицами, с огромной тоже мощеной площадью, с многочисленными магазинами с зеркальными окнами, многоэтажными домами с красивыми лепными фигурами» [31, с. 2]. В 1903 г. здесь гастролировал столичный антрепренер М.Е. Евгеньев, который в своем дневнике записал: «Приехали в город (впрочем не город - село) утром... Сам Армавир по внешности... дает впечатление хорошего губернского города: отличные магазины, прекрасные каменные здания, электрическое освещение, асфальтовые тротуары и т.п.» [32, л. 138].

Наиболее интенсивную эволюцию Армавир претерпевает в начале XX в. Наглядной иллюстрацией происходивших здесь перемен служит развернутое описание селения, которое оставил журналист ростовской газеты «Приазовский край» И. Невольный в июле 1911 г.: «Растет и ширится Армавир положительно, без преувеличения, со сказочною быстротою. Интенсивное развитие торговли и промышленности, открытие новых промышленных заведений, банков, постройка Армавир-Туапсинской железной дороги вызвали огромный приток в Армавир пришлого населения, стремящегося так или иначе "устроиться" и заработать. Вследствие такого

быстрого притока, естественно, явился большой спрос на квартиры, цена на которые моментально сделала невероятный скачек вверх. Квартиры берутся, что называется, с бою. Спрос на квартиры вызвал усиленное домостроительство. Каждый, имеющий свободную копейку, строит дом под квартиры. Постройка квартир одинаково усиленно производится как в центре села, так и окраинах… В районе, прилегающем к вокзалу владикавк. жел. дор., в данный момент строятся до двух десятков двухэтажных очень поместительных домов, предназначенных к сдаче в аренду под магазины и конторы… За последние два года в Армавире открыто много техническо-строительных контор и, в данный момент, все они завалены работой. С чувством удовлетворения нужно заметить, что вновь строящиеся дома рассчитаны на значительный комфорт: с водопроводом, электрическим освещением и т.д.; в двух же отстраиваемых больших домах для торгово-промышленных заведений будет применен лифт…» [33].

В 1910-е годы село Армавир неизменно сравнивалось с большим городом, сопоставимым с губернским или областным центром, что нашло отражение в целом ряде восторженных характеристик. Например, в начале марта 1914 г. сотрудник «Приазовского края» Л. Пасынков дал следующую оценку селению: «Армавир был и есть город. Задымленные сакли времен покорения Кавказа давно уже сменились многоэтажными постройками стиля модерн. Когда вы бродите по широким, недурно замощенным улицам Армавира, вам кажется, что вас перенесло куда-то в среднюю полосу России, в богатый губернский город… Когда вы подъезжаете к станции "Армавир", вас ослепляет блеск электричества. За этим вокзалом, на котором суетятся сотни комиссионеров, помещиков, купцов, гимназистов, городских интеллигентов разных профессий, рожденных городом, - расплеснул свои каменные волны крупный торговый город. Армавир гремит, звенит, грохочет и каждое его движение заявляет об одном: - Я город, город, город!...» [34].

Наглядным свидетельством развития Армавира в качестве крупного торгово-промышленного пункта являлся его архитектурный силуэт. В конце XIX - начале XX в. в российских городах ведущее значение организующих пространство высотных ориентиров занимают уже не традиционные колокольни и купола храмов, а сооружения новой капиталистической эпохи - доходные дома и гостиницы, водонапорные башни, многоэтажные элеваторы, мельницы, высокие трубы и корпуса фабрик и заводов. В этом отразился глобальный процесс изменения функциональной роли большинства городов той поры, превращавшихся из преимущественно военно-административных и религиозных центров в оживленные торгово-промышленные пункты [35, с. 123].

Несмотря на долго сохранявшийся юридический статус села, Армавир развивался по типу капиталистического города. В указанный период новыми высотными акцентами в застройке Армавира становятся доходные дома С.П. Меснянкина (4 этажа) и братьев Богарсуковых (3 этажа), гостиницы «Большая Московская» (4 этажа) и «Центральная» (3 этажа), элеваторы Владикавказской железной дороги (5 этажей) и П.Д. Спари (6 этажей), водонапорные башни, пожарная каланча, трубы и корпуса многочисленных фабрично-заводских предприятий. Эти объекты являлись символами ведущей торгово-промышленной функции селения.

Полиэтничный и поликонфессиональный характер местного населения также наложил свой отпечаток на облик Армавира. Рядом с указанными выше градостроительными доминантами соседствовали купола и колокольни русских и армянских храмов, звонницы костела и лютеранской церкви, минарет татарской мечети. Вместе с тем, говорить об этнической специфике местной архитектуры, как о явлении, нельзя. Внешний вид улиц и кварталов селения, в первую очередь, складывался под влиянием таких факторов, как функциональная роль отдельных районов в социально-культурной и экономической жизни Армавира, профессиональная ориентация и уровень имущественного благосостояния жителей. В целом, архитектура селения конца XIX - начала XX в. постепенно приобретала интернациональный характер. В экстерьерах зданий нашли свое отражение элементы готики, ренессанса, барокко, классицизма, русского стиля и различные направления модерна. Это явление стало следствием процессов интеграции местного населения в общероссийское и шире - общеевропейское культурное пространство, подъема уровня образования и расширения информационного поля, что влияло на художественные вкусы и предпочтения заказчиков построек. Стилевое разнообразие местного зодчества было обусловлено и углубляющейся глобализацией в экономической сфере, которая самым непосредственным образом затронула и Армавир.

В конце XIX - начале XX в. на главных улицах села - Николаевском проспекте (ныне ул. Кирова), Почтовой (ул. Ленина), Дукмасовской и Зассовской (ул. Комсомольская), Привокзальной (ул. Мира) и других - вырастают здания доходных домов, гостиниц, магазинов, банков, учебных заведений и кинематографов. По своей застройке армавирский Николаевский проспект не уступал центральным улицам крупнейших городов региона: одноименному проспекту в г. Ставрополе, екатеринодарской улице Красной и новороссийской Серебряковской. Не только в центре, но и в отдаленных районах появлялось все больше капитальных зданий. Обследовав-

ший Армавир в 1912 г. управляющий Екатеринодарской казенной палатой А. Михайлов заметил, что здесь «даже на окраинах домики имеют вполне городской вид» [36, л. 87об].

В конце XIX и в первые годы XX в. в местной архитектуре господствовала эклектика, отличительной чертой которой была богатая отделка фасадов с использованием самых разнообразных элементов предшествующих художественных стилей. Многие купеческие особняки украшались скульптурными фигурами, кованными или литыми надкрылечными навесами, угловыми полукруглыми ризалитами с декоративными куполами в форме «луковок». Дверные и оконные проемы, карнизы, аттики и другие элементы зданий орнаментировались в зависимости от вкусов владельцев. В качестве наиболее ярких образцов армавирской эклектики следует назвать особняки Артемия Тарасова, Ивана Тарасова, братьев Сеферовых, гостиницу «Кавказ», отделение Азовско-Донского коммерческого банка и др. [37, с. 28, 40, 56, 66].

Примерно с 1908 г. в Армавире на смену эклектике приходит модерн. Из широкого спектра направлений данного стиля наибольшее распространение здесь получил так называемый «рациональный модерн», для которого был характерен простой и лаконичный изобразительный язык, раскрывавший функциональное назначение и конструктивные особенности зданий. Большинство крупных домов, возведенных в 1910-е годы, были почти лишены декоративных украшений, имели подчеркнуто строгий и деловой облик, что в какой-то степени отражало ментальность армавирцев, традиционно воспринимавшихся в качестве трезвых и прагматичных коммерсантов. В значительной мере такая архитектура, чем-то напоминавшая стиль американских многоэтажных построек, соответствовала самому духу эпохи капитализма с его практицизмом и утилитарным подходом к действительности. Для армавирских зданий, сооруженных в духе рационального модерна, была характерна бесшовная кладка, при которой связующий раствор не доводился до лицевого края кирпича, благодаря чему на фасаде четко проявлялся геометрический рисунок, подчеркивавший фактуру строительного материала. В окна некоторых таких домов вставлялись большие зеркальные стекла, эффектно контрастировавшие с темной поверхностью кирпичных стен. Отсутствие декоративных излишеств, функционализм, ясность и простота архитектурных форм являлись основой эстетики рационального модерна. В Армавире этот стиль в той или иной степени воплотился в большинстве значительных сооружений 1910-х годов. Именно рациональный модерн определял специфику архитектурного облика селения той поры. Самыми заметными примерами указанного стиля здесь стали «Большая Московская» и «Северная» гостиницы, кинематограф «Сатурн», доходный дом С.П. Меснянкина, особняки братьев Дегтяревых, Н.Л. Гирагосова и другие здания. Некоторые из них несли в себе элементы конструктивизма, получившего распространение уже в советское время.

Фото 2. Армавир. Перекресток Николаевского проспекта и ул. Почтовой. 1911 г.
Photo 2. Armavir. The intersection of Nicholas Avenue and Post street. 1911

Любой город характеризуется исторической многослойностью. Хотя Армавир являлся относительно «молодым» поселением, в его облике уже различалось несколько временных пла-

стов. В кварталах, расположенных вблизи Кубани, сохранялось немало свидетельств аульского прошлого Армавира. В этом районе находилась окруженная массивной крепостной стеной с бастионами первая армянская церковь и старинное кладбище черкесо-гаев. Здесь можно было встретить элементы застройки аула, представленной деревянными и турлучными обмазанными глиной саклями. На некоторых домах имелись изображения родовых тамг горских армян, свидетельствующих об их прежней жизни в Черкесии.

Армавирские окраины сохраняли облик обычного южнороссийского села. Это второй исторический слой Армавира. Важным занятием местных жителей было сельское хозяйство. Во дворах здесь располагались амбары, птичники и постройки для скота, в стогах сушилось сено и солома.

Совершенно иначе выглядел центральный район Армавира, где сформировалась развитая инфраструктура и высока концентрация различных объектов и видов деятельности. Здесь складывается типичная городская среда или фактически третий исторический пласт Армавира, в котором еще до преобразования в город, интенсивно протекали урбанизационные процессы.

Для расположенного на плоскости села Армавир была характерна ортогональная, «шахматная» планировка. Продольные и поперечные улицы, ориентация которых в основном соответствовала сторонам света, пересекались под прямым углом, образуя прямоугольные кварталы. Главные армавирские магистрали отличались своим простором. Так, ширина Николаевского проспекта (ныне ул. Кирова) в центре села превышала 100 метров. Вместе с тем, в старейшей, еще аульской части Армавира (между улицами Прочноокопской (ул. Чичерина), Бульварной (ул. Люксембург) и уступом над берегом Кубани), которую во время Кавказской войны охватывала оборонительная ограда, улицы были заметно уже. Основными планировочными осями селения являлись Николаевский проспект и его продолжение в Заполотнянском районе улица Красная (ул. Кирова), а также пересекавшая их под прямым углом линия Владикавказской железной дороги. Похожую роль выполняли также улицы Урупская (ул. Урицкого) и Александровская (ул. Ефремова). Указанные магистрали определяли векторы пространственного развития Армавира в предреволюционные и в первые советские десятилетия.

В итоге можно сделать следующие выводы. Специфическое отличие процессов градостроительства в Армавире в указанный период заключалось в стремительности происходивших качественных и количественных изменений. Главное же своеобразие рассматриваемых явлений состояло в том, что, сохраняя юридический статус селения с архаичными и несовершенными формами волостного самоуправления коренных жителей черкесских армян, Армавир быстро приобрел вид крупного капиталистического города с типичным для него характером застройки, не уступая в этом отношении соседним губернским и областным центрам региона. Яркий колорит внешнему облику Армавира конца XIX - начала XX в. придавало сочетание масштабных и современных сооружений, элементов уличного благоустройства с сохранявшимися фрагментами застройки аула черкесо-гаев. Формирование градостроительного комплекса и цельного архитектурного облика Армавира в досоветский период было далеко от завершения и в немалой степени носило черты стихийности, так как этот процесс в гораздо большей степени зависел от частной инициативы, нежели от целенаправленной деятельности местных органов самоуправления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. - Екатеринодар, 1916.
2. Кубанские областные ведомости. - Екатеринодар. - 1894. - № 78.
3. Российский государственный военно-исторический архив (далее - РГВИА). Ф. 400. Оп. 25. Д. 1191.
4. Российский государственный исторический архив (далее - РГИА). Ф. 1090. Оп. 1. Д. 133.
5. Кавказский календарь на 1915 год. - Тифлис, 1914. Паг. 1.
6. Фелицын Е.Д. Кубанская область. Списки населенных мест по сведениям 1882 года // Сборник сведений о Кавказе. Т.8. - Тифлис, 1885. - № 5926.
7. Северный Кавказ. - Ставрополь. - 1889. - № 83.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 65. Кубанская область. - СПб., 1905.
9. Ктиторов С.Н. Этнические сообщества предкавказского города: проблемы адаптации и идентичности (вторая половина XIX - начало XX в.). - Армавир, 2014.
10. Города России в 1910 году. - СПб., 1914.
11. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839-1918 гг.). - Армавир, 2002.
12. План селения Армавира. Съемки 1892 г. // Армавирский муниципальный краеведческий музей (далее - АКМ). Основной фонд.
13. План селения Армавир Куб. обл. Издание - август 1912 г.// АКМ. Основной фонд.
14. План селения Армавира. Съемки 1892 г.// АКМ. Основной фонд.
15. Отклики Кавказа. - Армавир. - 1914. - № 42.
16. РГИА. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 133.
17. Конопка С.Р. Кавказ (Северный Кавказ и Закавказье). - Тифлис, 1914. Паг. 2.

18. Мерхалев Д. Города Кубанского края (статистический очерк). - Екатеринодар, 1919.
19. Памятная книжка Кубанской области 1881 года. - Екатеринодар, 1881. Паг. 3.
20. Кубанская справочная книжка 1891 г. - Екатеринодар, 1891.
21. РГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 1191.
22. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 573. Оп. 1. Д. 44.
23. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области за 1915 год. - Екатеринодар, 1916. Ведомость 17.
24. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 227.
25. Отчет начальника Кубанской области… за 1915 год. - Екатеринодар, 1916. Ведомость 17.
26. Щербина Ф.А. История Армавира…
27. Кубанские областные ведомости. - Екатеринодар, 1878.
28. Северный Кавказ. - Ставрополь, 1887. - № 20.
29. Северный Кавказ. - Ставрополь, 1885. - № 63.
30. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т.2. - СПб., 1890.
31. Дьячков-Тарасов А. Через перевал Псеашха (верховья Малой Лабы) к Черному морю // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. - Тифлис. - 1902. - Вып. 31. Паг. 2.
32. Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 2413. Оп. 1. Д. 1109.
33. Приазовский край. - Ростов н/Д. - 1911. - № 200.
34. Приазовский край. - Ростов н/Д., 1914. - № 66.
35. Кириченко Е.И., Щеболева Е.Г. Русская провинция. - М., 1997.
36. РГИА. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 133.
37. Ктиторов С.Н. Лики старого Армавира (кубанское селение на почтовой открытке начала XX века). - Краснодар, 2010.

REFERENCES

1. Shcherbina F.A. Istoriya Armavira i cherkeso-gaev. [The history of Armavir and Circassian Armenians]. Ekaterinodar, 1916. (in Russ.).
2. Kubanskie oblastnye vedomosti. [The Kuban regional statements]. Ekaterinodar, 1894. № 78. (in Russ.).
3. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (dalee - RGVIA). [Russian state military-historical archive]. F. 400. Op. 25. D. 1191. (in Russ.).
4. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (dalee - RGIA). [The Russian state historical archive]. F. 1090. Op. 1. D. 133. (in Russ.).
5. Kavkazskij kalendar' na 1915 god. [Caucasian calendar for 1915]. Tiflis, 1914. Pag. 1. (in Russ.).
6. Felicyn E.D. Kubanskaya oblast'. Spiski naselennyh mest po svedeniyam 1882 goda [The Kuban region. The lists of settlements according to the 1882]// Sbornik svedenij o Kavkaze = Collection of information about the Caucasus. T.8. Tiflis, 1885. (in Russ.).
7. Severnyj Kavkaz. [North Caucasus]. Stavropol', 1889. № 83. (in Russ.).
8. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g. [The first General census of the Russian Empire, 1897]. T.65. Kubanskaya oblast'. SPb., 1905. (in Russ.).
9. Ktitorov S.N. Ehtnicheskie soobshchestva predkavkazskogo goroda: problemy adaptacii i identichnosti (vtoraya polovina XIX - nachalo XX v.). [Ciscaucasian ethnic communities of the city: problems of adaptation and identity (second half of XIX - beginning of XX century)]. Armavir, 2014. (in Russ.).
10. Goroda Rossii v 1910 godu. [City Russia in 1910]. SPb., 1914. (in Russ.).
11. Ktitorov S.N. Istoriya Armavira (dosovetskij period: 1839-1918 gg.). [The history of Armavir (the pre-Soviet period: 1839-1918)]. Armavir, 2002. (in Russ.).
12. Plan seleniya Armavira s"emki 1892 g. [Map of villages of Armavir shooting 1892]. Armavirskij municipal'nyj kraevedcheskij muzej (dalee - AKM) = Armavir municipal Museum. Osnovnoj fond. (in Russ.).
13. Plan seleniya Armavir Kub. obl. Izdanie - avgust 1912 g. [Map of the village of Armavir, the Kuban region. Edition - August 1912]. AKM. Osnovnoj fond. (in Russ.).
14. Plan seleniya Armavira s"emki 1892 g. [Map of villages of Armavir shooting 1892]. AKM. Osnovnoj fond. (in Russ.).
15. Otkliki Kavkaza. [The Responses Of The Caucasus]. Armavir, 1914. № 42. (in Russ.).
16. RGIA. F. 1090. Op. 1. D. 133. (in Russ.).
17. Konopka S.R. Kavkaz (Severnyj Kavkaz i Zakavkaz'e). [Caucasus (North Caucasus and Transcaucasia)]. Tiflis, 1914. Pag. 2. (in Russ.).
18. Merhalev D. Goroda Kubanskogo kraya (statisticheskij ocherk). [City of the Kuban territory (statistical review)]. Ekaterinodar, 1919. (in Russ.).
19. Pamyatnaya knizhka Kubanskoj oblasti 1881 goda. [The memorable book of the Kuban region, 1881]. Ekaterinodar, 1881. Pag. 3. (in Russ.).
20. Kubanskaya spravochnaya knizhka 1891 g. [Kuban reference book, 1891]. Ekaterinodar, 1891. (in Russ.).
21. RGVIA. F. 400. Op. 25. D. 1191. (in Russ.).
22. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraya. [State archive of the Krasnodar region]. F. 573. Op. 1. D. 44. (in Russ.).
23. Otchet nachal'nika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazach'ego vojska o sostoyanii oblasti za 1915 god. [The report of the chief of the Kuban region and ataman Kuban Cossack army on the status of the region in 1915]. Ekaterinodar, 1916. Vedomost' 17. (in Russ.).
24. RGIA. F. 1276. Op. 19. D. 227. (in Russ.).

25. Otchet nachal'nika Kubanskoj oblasti… za 1915 god. [The report of the chief of the Kuban region…]. Ekaterinodar, 1916. Vedomost' 17. (in Russ.).
26. Shcherbina F.A. Istoriya Armavira… [The history of Armavir…]. (in Russ.).
27. Kubanskie oblastnye vedomosti. [The Kuban regional statements]. Ekaterinodar, 1878. (in Russ.).
28. Severnyj Kavkaz. [North Caucasus]. Stavropol', 1887. № 20. (in Russ.).
29. Severnyj Kavkaz. [North Caucasus]. Stavropol', 1885. № 63. (in Russ.).
30. Enciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauz i I.A. Efron. [Encyclopedic dictionary F.A. Brockhaus and I.A. Efron]. T.2. SPb., 1890. (in Russ.).
31. D'yachkov-Tarasov A. Cherez pereval Pseashkha (verhov'ya Maloj Laby) k Chernomu moryu. [Through the pass Pseashkho (the upper reaches of the Malaya Laba) to the Black sea]. Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza = The collection of materials for description of districts and tribes of Caucasus. Vyp.31. Tiflis, 1902. Pag. 2. (in Russ.).
32. Rossijskij Gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva. [Russian State archive of literature and art]. F. 2413. Op. 1. D. 1109. (in Russ.).
33. Priazovskij kraj. [Azov region]. Rostov n/D., 1911. № 200. (in Russ.).
34. Priazovskij kraj. [Azov region]. Rostov n/D., 1914. № 66. (in Russ.).
35. Kirichenko E.I., Shcheboleva E.G. Russkaya provinciya. [Russian province]. M., 1997. (in Russ.).
36. RGIA. F. 1090. Op. 1. D. 133. (in Russ.).
37. Ktitorov S.N. Liki starogo Armavira (kubanskoe selenie na pochtovoj otkrytke nachala XX veka). [The faces of old Armavir (Kuban village on a postcard of the early twentieth century)]. Krasnodar, 2010. (in Russ.).

Информация об авторе

Ктиторов Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета.
г.Армавир, Россия
ktitorovsn@rambler.ru

Получена: 03.11.2016

Для цитирования статьи: Ктиторов С.Н., Застройка и архитектурный облик Армавира в контексте этнодемографических процессов конца XIX в. – начала XX в. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-74-82.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-74-82.

Information about the author

Sergey N. Ktitorov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of World and Russian History, Armavir State Pedagogical University,
Armavir, Russia
ktitorovsn@rambler.ru

Received: 03.11.2016

For article citation: Ktitorov S.N., Zastrojka i arhitekturnyj oblik Armavira v kontekste jetnodemograficheskih processov konca XIX v. – nachala HH v. [Construction and architectural appearance of Armavir in the context of ethnic-demographic processes of the late XIX – early XX centuries]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-74-82.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-74-82. (in Russian)

УДК 93

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-83-87

МАКЕДОНСКИЙ Андрей Викторович
Государственный университет по землеустройству
г. Москва, Россия
mav210659@yandex.ru

ANDREY V. MAKEDONSKY
State University of Land Use Planning
Moscow, Russia
mav210659@yandex.ru

КУЛЬТУРНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РККА ВО ВРЕМЯ ПОЛЬСКОЙ КАМПАНИИ 1939 ГОДА

CULTURAL PROVISION OF WORKERS AND PEASANTS OF RED ARMY SERVING SOLDIERS DURING POLISH CAMPAIGN OF 1939

Статья посвящена анализу культурного обслуживания бойцов и командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии во время польской кампании 1939 г. На основе неопубликованных архивных источников показаны особенности культурно-просветительной работы в войсках в период их пребывания на территориях Западной Белоруссии и Западной Украины. Рассмотрены средства, формы и методы духовного воздействия на военнослужащих, выявлены достижения и недостатки. Большое внимание уделено культурно-художественному обслуживанию в частях Красной Армии, значительную роль в котором сыграли коллективы артистов, находившиеся в войсках на польской территории. Отмечено, что в результате проводимой работы у личного состава РККА заметно вырастала политическая сознательность, которая была на очень высоком уровне у многих бойцов и командиров. Приведены отзывы различных категорий местных жителей, в которых они высказывают свое отношение к военнослужащим Рабоче-Крестьянской Красной Армии, высоко оценивают их культурно-политический уровень. В публикации отмечена большая политическая работа, проводившаяся культурно-просветительными учреждениями Красной Армии среди семей командного и начальствующего состава. В выводе сказано, что при проведении боевых действий в современных условиях культурно-досуговая работа в Вооруженных Силах Российской Федерации должна планироваться с учетом исторического опыта культпросветработы в армии, сложившейся военно-политической ситуации и концентрироваться вокруг решения вопросов разъяснения военнослужащим причин войны и участия в ней России, геополитических интересов участников конфликта, необходимости защиты интересов страны, верности боевым традициям.

This article analyzes the cultural service of soldiers and commanders of the Workers 'and Peasants' Red Army in 1939 during the Polish campaign. Based on unpublished archival sources show features cultural and educational work in the armed forces during their stay in the territories of Western Belarus and Western Ukraine. We consider the means, forms and methods of spiritual influence on the soldiers, identified achievements and shortcomings. Much attention is paid to the cultural and artistic services in parts of the Red Army, a significant role played by teams in which artists were in the troops on Polish territory. It was noted that as a result of the work done at the personnel of the Red Army grew markedly political consciousness, which was a very high standard with many soldiers and commanders. Presents reviews of various categories of local residents, in which they expressed their attitude to the servicemen of the Workers 'and Peasants' Red Army, appreciate their cultural and political level. The publication noted great political work, carry out cultural and educational institutions of the Red Army among the families of officers and command staff. The output is said that during the fighting in the contemporary conditions of cultural and leisure activities in the Russian armed forces should be planned taking into account historical experience of cultural activity in the army, the current military-political situation and concentrate around addressing explanations military causes of the war and participation in Russia , the geopolitical interests of the conflicting parties, the need to protect the country's interests, loyalty, martial traditions.

Ключевые слова: Рабоче-Крестьянская Красная Армия, культурно-просветительная работа, культпросветучреждения, бойцы и командиры, культпросветработники, Дома Красной Армии, клубы, библиотеки, ленинские комнаты, военнослужащие.

Keywords: Workers and Peasants of Red Army, cultural and educational work, cultural and educational institutions, fighters and commanders, cultural and educational workers, houses of Red Army, clubs, libraries, Lenin's rooms, serving soldiers

В 1920-30-е годы Советский Союз принимал участие в нескольких военных конфликтах и войне. В ходе боевых действий в частях и подразделениях Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) велась интенсивная идеологическая работа и культурно-просветительная работа в частности. В ней использовались самые разнообразные средства, формы и методы идейно-политического воспитания военнослужащих.

Культпросветработа в Красной Армии во время военных действий была направлена на то, чтобы максимально способствовать обеспечению боевой готовности личного состава. В этом заключалось ее главное, общее для всех военных конфликтов и советско-финляндской войны, содержание. В то же время применительно к каждому из имевших место событий можно выделить свою специфику в работе культпросветучреждений. Так, во время пребывания частей и подразделений РККА на территории Польши осенью 1939 г. политорганы и парторганизации развернули большую работу по обеспечению образцового выполнения боевой задачи. Воинам разъяснялось, что они, во-первых, защищают население Западной Белоруссии и Западной Украины от фашистского ига, во-вторых, освобождают братьев по классу, трудящихся от гнета помещиков и капиталистов. Нужно при этом оговориться, что именно таким было официальное целеполагание похода.

В наши дни актуальность проблемы проведения культурно-досуговой работы (современное название культурно-просветительной работы. - *прим. А.М.*) в войсках с учетом конкретной ситуации сохраняет свое значение. Непростой характер обстановки в ряде регионов Российской Федерации, локальные очаги напряженности на границах нашей страны, военные конфликты, высокий уровень террористической опасности в международном масштабе определяют необходимость укрепления боевого потенциала вооруженных сил, повышения бдительности и боевой готовности войск, совершенствования обучения и воспитания личного состава в новых условиях. В решении боевых задач, зачастую внезапно возникающих перед войсками, значительная роль принадлежит системе воспитательной работы, важной составной частью которой является культурно-досуговая работа. Трудно переоценить ее значение на различных этапах боевой деятельности войск. Проблемы организации культурно-досуговой работы в разных условиях сложны и многообразны. Во время польской кампании 1939 г., в частности, был приобретен чрезвычайно ценный опыт проведения культпросветработы непосредственно в боевых условиях.

Уже в период сосредоточения частей на границе Дома Красной Армии и клубы проводили различные мероприятия. Среди них: совещания начальников клубов и начальников библиотек с вопросом о работе этих учреждений в боевой обстановке, составление конкретных планов работы, которые утверждались военкомами частей; совещания книгонош по работе в боевых условиях, проводимые теми же военкомами. Большинство подразделений, как правило, имели: походную ленинскую комнату, гармонь, географические карты, настольные игры, принадлежности для художественного оформления боевых листков, лозунги, комплект боевых листовок и красноармейскую ротную библиотечку. Большое внимание уделялось организации наглядной агитации, Так, в клубе 80-го стрелкового полка она была расположена на раскладных щитах, легко складывавшихся и удобных для перевозки. В наглядной агитации были отражены вопросы международного положения, решения Верховного Совета СССР, задачи бойца и командира на марше, закон о каре за измену Родине, доклад И.В. Сталина на 18 съезде ВКП(б) и т.д. [3, л. 781].

В период форсированного марша культпросветработники использовали гармонь, балалайку, затейников, книгонош. На коротких стоянках - кино, радио (по обстановке), наглядную агитацию. В период боевых действий не использовались, как правило, фотоаппараты. Очевидно, что средства и формы выбирались сообразно ситуации, в которой находились войска.

Среди всех средств культпросветработы особо стоит выделить кино и радио, а в большинстве Домов Красной Армии (ДКА) и клубах вся культурно-массовая работа была организована вокруг них. Показ таких фильмов, как «Ленин в октябре», «Ленин в 1918 году», «Мы из Кронштадта», «Щорс», «Чапаев», «18 июля» и многих других, поднимал воинский дух бойцов и командиров, энтузиазм и отвагу в борьбе за освобождение трудящихся Западной Белоруссии и Западной Украины от гнета, как им втолковывалось, польских панов и капиталистов. Показ кинофильмов проходил, как правило, под открытым небом в поле, на площадях, в лесу, в деревне, в местечке или в городе. Перед началом киносеансов части выставляли посты для предотвращения нападения противника, после чего широко разъяснялось содержание кинофильмов. Так, начальник клуба 106-го стрелкового полка Жевелев перед показом кинофильмов «Год 19-й» и «18 июля» умело объяснил содержание картин, увязывая его с боевыми действиями на фронтах. Такая форма работы имела большое политическое значение в воспитании личного состава [3, л. 788]. Обычно после такого объяснения содержания кинофильмов их просмотр заканчивался митингом и лозунгами в честь руководителей партии и советского правительства. Что касается радио, то в период форсированного марша части РККА, двигаясь по 100 километров в сутки, нерегулярно снабжались газетами. На помощь бойцам и командирам, горевшим желанием узнать о последних известиях, приходил радиоприемник, который давал материал три раза в день. В директиве начальника Политического управления Белорусского фронта дивизионного комиссара Иванова, в частности, говорилось: «Радио должно работать бесперебойно на всех этапах боевой жизни частей. Широко практиковать коллективное радиослушание последних новостей и других передач по станции имени Коминтерна. Практиковать передачу концертов грамзаписей по радио. Организовать выступление по радио лучших бойцов, командиров о выполнении ими боевой задачи и т.д.» [4, л. 70].

Проводились также многочисленные беседы, доклады, лекции по вопросам международного и внутреннего положения. Также значительную роль в культурно-художественном обслуживании частей фронтов сыграли коллективы артистов, которые вместе с частями Красной Армии пребывали на территориях Западной Белоруссии и Западной Украины. Такими коллективами являлись ансамбль народного танца Союза СССР, ансамбль красноармейской песни и

пляски Белорусского фронта, бригада Минской Белгосэстрады, бригада народных и заслуженных артистов Театра оперы и балета БССР и др. В городах, местечках, селах, в лесах - всюду, где представлялась возможность, фронтовые коллективы развертывали свою работу и своими выступлениями давали воинам новые силы, бодрость и энергию, мобилизуя их на образцовое выполнение боевых задач.

Бойцы и командиры горячо благодарили артистов за их работу. Так, политработники Московской Пролетарской дивизии после выступления ансамбля песни и пляски Союза СССР в городе Свенцяны заявили, что искусство этого коллектива дышит по-новому, оно бодрит, зажигает на новые победы. Политработники танковой бригады после выступления ансамбля сказали артистам, что они вливают своим бодрым искусством новую волю к победе. И добавили, что бойцы на танках, а артисты - плясками делают одно великое дело [3, л. 793].

Особо следует отметить, что во время «освободительного» похода на Запад Белоруссии и Украины культпросветучреждениями проводилась большая политическая работа среди семей начсостава по разъяснению международного и внутреннего положения Советского Союза. Уже в подготовительный период среди них был исключительно большой политический подъем и активность. На организуемые беседы, собрания, политические информации была стопроцентная явка членов семей, которые регулярно читали газеты, слушали радио. Многие приходили с грудными детьми.

Некоторые политотделы вели большую работу с семьями командиров и начальников, посылая своих представителей с фронтов в тыл. Так, политический отдел 27-й механизированной бригады для разъяснения семьям начсостава международной обстановки, хода боевых действий и обстоятельств, при которых были убиты отдельные бойцы и командиры, командировал начальника клуба и инструктора пропаганды [3, л. 803].

Конечно, в деятельности культурно-просветительных учреждений во время описываемых событий были недостатки. 1) Там, где работа ДКА, клубов, ленкомнат, библиотек была пущена на самотек, где военкомы и политорганы слабо ими руководили, там они не сумели по-настоящему развернуть работу, не использовали все средства пропаганды и агитации, а работники культпросветучреждений подчас использовались не по назначению. 2) Слабо была развернута массовая работа вокруг наглядной агитации. 3) Не все части сумели полностью использовать кино и радио. 4) Кинобазы не справились с задачей своевременного снабжения частей кинофильмами. 5) Многие части не имели красноармейской художественной самодеятельности. 6) Большинство гарнизонных ДКА с их кадрами и техническими средствами не были рационально использованы. 7) Слабо были подготовлены кадры начальников клубов, заведующих библиотеками, книгонош, затейников, кинорадиомехаников. 8) Не был использован полностью опыт боев у озера Хасан. 9) В организации культурно-художественных бригад не были учтены особенности работы в боевой обстановке, обеспечение транспортом, питанием, охраной, подбором репертуара. Представляется, что все перечисленные недостатки можно объяснить слабой подготовленностью культпросветработников к работе на фронтах, отсутствием практического опыта работы в боевых условиях.

В результате работы, проводимой культпросветучреждениями Красной Армии, у личного состава заметно вырастала политическая сознательность. У подавляющего числа бойцов и командиров она была на очень высоком уровне. По воспоминаниям генерала армии Е.Е. Мальцева, каждый военнослужащий внутренних округов завидовал тем командирам и комиссарам, которые участвовали в польской кампании РККА [2, с. 41]. Это, впрочем, было совсем неудивительно с учетом антифашистской инъекции, сделанной в предыдущие годы советскому обществу, и коминтерновской идеи (поехать и помочь крестьянам освободиться и делить помещичью землю, ибо одним им это не по силам). В подтверждение этого можно сослаться на многочисленные факты. Так, многие участники похода настаивали на том, что нужно быстрее действовать и освобождать трудящихся Варшавы от польских панов, указывали на необходимость сделать Варшаву советской. Официальная версия предназначения похода (защита населения Западной Белоруссии и Западной Украины) устраивала далеко не всех. Военнослужащие задавали вопросы, нельзя ли одновременно оказать помощь всем трудящимся Польши, сделать революцию, установить советскую власть [5, с. 407-408]. Согласно «Договору о дружбе и границе между СССР и Германией», подписанному 28 сентября 1939 г., советская граница устанавливалась гораздо восточнее прежней демаркационной линии. Среди бойцов и командиров возник интернационалистский протест. Территориальные уступки противоречили «классовым» лозунгам кампании, которая была призвана освободить трудящихся от гнета помещиков и капиталистов. Отказ от границы по Висле и от Виленского края означали реставрацию там прежних по-

рядков. Действия советского правительства осуждались и походили на обман рабочих и беднейшего крестьянства [5, с. 409-410].

Интересно сослаться на мнение местных жителей. Так, в городе Волковыске активистка Временного Управления т. Рубина, ранее находившаяся три года в польской тюрьме, заявила: «Приход Красной Армии и наше освобождение до сих пор казалось мне сном, и когда я воочию увидела Вашу культуру, я убедилась, какая нас, трудящихся, ждет радостная жизнь» [3, л. 795]. Очевидец событий, в то время начальник Генерального штаба Войска Польского генерал-майор Вацлав Стахевич отмечал, что польские части были «дезориентированы поведением большевиков, потому что они в основном избегают открывать огонь, а их командиры утверждают, что они приходят на помощь Польше против немцев…Советские солдаты в массе своей не стреляют, к нашим относятся с демонстративной симпатией и т.д., всюду повторяя, что идут на помощь Польше» [1].

Даже проявлявшие поначалу не очень лояльное, а зачастую откровенно враждебное отношение к советским военнослужащим отдельные категории граждан были тронуты доброжелательным отношением к ним. К примеру, после одного из концертов красноармейского ансамбля песни и пляски Белорусского фронта к представителю Политуправления подошел бывший белогвардеец со словами: «Прослушал концерт, в моем уме не укладываются изменения, происшедшие за 20 лет в воспитании русских солдат. Я для вас чужой. И мне остается одно. Просить Вас выделить красноармейца, чтобы он меня в лесу заколол, т.к. пули на меня тратить жалко» [3, л. 796]. Эти слова были сказаны в присутствии его жены. Конечно, можно сомневаться в искренности этих слов, но подобных заявлений было немало.

Таким образом, культурно-просветительная работа в частях и подразделениях Рабоче-Крестьянской Красной Армии во время польской кампании 1939 г. наряду с общими по содержанию и по форме чертами, характерными для данной работы в ходе предыдущих боевых действий, имела свои особенности. В связи с этим политорганами в повседневной работе с личным составом расставлялись соответствующие акценты. При проведении боевых действий в современных условиях культурно-досуговая работа в Вооруженных Силах Российской Федерации должна планироваться с учетом исторического опыта культпросветработы в армии, сложившейся военно-политической ситуации и концентрироваться вокруг решения вопросов разъяснения военнослужащим причин возникшего военного противостояния и участия в нем России, геополитических интересов стран-участниц конфликта, необходимости защиты интересов нашей страны и верности отечественным боевым традициям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Красная звезда. - 1989. - 17 сентября.
2. Мальцев Е.Е. В годы испытаний. - М.: Воениздат, 1979. - 319 с.
3. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.9. Оп.29. Д.505.
4. РГВА. Ф.9. Ол.36. Ч.2. Д.3406.
5. Токарев В.А. Советское общество и польская кампания 1939 г.: «романтическое ощущение войны» // Человек и война (Война как явление культуры) / Сб. статей под ред. И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой. - М.: АИРО-XX, 2001. - 480 с.

REFERENCES

1. Krasnaya zvezda.[Red star].1989. 17 sentyabrya.
2. Malcev E.E. V gody ispitaniy. [During the tests]. Moscow: Voenizdat,1979.319 p.
3. Rossiiskiy gosudarstvenniy voenniy arhiv (RGVA) .[Russian state military archive (RSMA)]. F.9. Op.29. D.505.
4. RGVA.[RSMA] F.9. Ol.36. Ch.2. D.3406.
5. Tokarev V.A. Sovetskoe obschestvo i polskaya kampaniya 1939 g.: «romanticheskoe oschuschenie voiny». Chelovek i voina (Voina kak yavlenie kultury). Sbornik statey pod red. I.V. Narskogo i O.Yu. Nikonovoy. [Soviet society and the Polish campaign of 1939: "romantic sense of war". the Man and the war (War as a cultural phenomenon). SB. articles ed. by I. V. Narsky, and O. Y. Nikonova.] Moscow: AIRO-XX, 2001. 480 s.

Информация об авторе

Македонский Андрей Викторович, Кандидат исторических наук, доцент Государственного университета по землеустройству.

г. Москва, Россия
mav210659@yandex.ru

Information about the author

Andrey V. Makedonsky, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Social-Legal and Humanitarian Disciplines, State University of Land Use Planning,
Moscow, Russia
mav210659@yandex.ru

Получена: 13.11.2016

Для цитирования статьи: МакедонскиЙ А.В., Культурное обслуживание военнослужащих РККА во время польской кампании 1939 года. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-83-87.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-83-87.

Received: 13.11.2016

For article citation: Makedonsky A.V., Kul'turnoe obsluzhivanie voennosluzhashhih RKKA vo vremja pol'skoj kampanii 1939 goda. [Cultural provision of workers and peasants of red army serving soldiers during polish campaign of 1939]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-83-87.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-83-87. (in Russian)

УДК 94(94) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-88-94

ПЕЧЕРСКИЙ Владимир Арнольдович
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
г. Абакан, Россия
volody75.75@mail.ru

Vladimir A. PECHERSKIJ
Khakass Research Institute of Language, Literature and History
Abakan, Russia
volody75.75@mail.ru

СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945-1953 гг.)

Статья посвящена деятельности судебных органов Хакасской автономной области в послевоенный период. На основе документов, извлеченных из местных архивов, анализируется взаимодействие между Хакасским областным судом и народными судами области. В среднем областной суд отменял 25% решений народных судов, что было связано с низкой квалификацией представителей судебного корпуса: ни один из народных судей в Хакасии не имел высшего юридического образования, большинство из них были молодыми людьми, не обладавшими опытом судебной работы. Наиболее распространенным видом преступлений, которые разбирали судебные инстанции области, были кражи, что было связано с крайне низким уровнем жизни в стране. Для борьбы с имущественными преступлениями 4 июня 1947 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Уголовные дела, возбужденные по этому указу, составляли значительный процент в судебной практике Хакасии. Неблагоприятно обстояли дела с гражданским судопроизводством. Только в первом полугодии 1946 г. областной суд отменил почти половину решений народных судов по гражданским делам. Автор приходит к выводу, что деятельность судебных инстанций области определялась многими факторами, в том числе изменениями в законодательстве, произошедшими в послевоенный период, и спецификой региона.

Ключевые слова: Хакасия, судебные органы, послевоенный период, областной суд, народные суды, уголовное судопроизводство, гражданское судопроизводство, юстиция, правосудие, Указ от 4 июня 1947 г.

JUDICIAL AUTHORITIES OF THE KHAKASS AUTONOMOUS REGION IN THE POSTWAR YEARS (1945-1953)

The article is devoted to the activity of judicial authorities of the Khakass Autonomous Region as a part of the Krasnoyarsk Region in the postwar period. Cooperation between the Khakass regional court and people's courts of the region is analyzed on the basis of documents got from local archives. On the average a regional court canceled 25% of decisions of people's courts. That was connected with the low qualification of representatives of the judiciary corpus: no one of people's judges in Khakassia had higher legal education, most of them were young people not having any experience in litigation. The most widespread type of crimes heard by judicial authorities of the region was thefts. That was connected with an extremely low standard of living in the country in the studied period. To combat property crimes on the 4th of June 1947 the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR «About criminal responsibility for theft of state and public property» was signed, criminal cases brought under this Decree amounted to a significant percentage in the judicial practice of judicial authorities of Khakassia. The case of civil proceedings was even worse. In the first half of 1946 alone the regional court canceled almost half of decisions of people's courts in civil cases. The author comes to the conclusion that the activity of judicial authorities of the region was determined by many factors, including changes in legislation taken place in the postwar period and specificity of the region.

Keywords: Khakassia, judicial authorities, postwar period, regional court, people's court, criminal proceedings, civil proceedings, justice, judiciary, Decree of the 4th of June 1947

В 1945 г. начался переход советского государства и общества к мирной жизни. Судебные органы СССР должны были подавить волну преступности, вспыхнувшую в военное время, восстановить нарушенные войной имущественные права физических и юридических лиц, наказать тех, кто сотрудничал с немецко-фашистскими оккупантами.

В отечественной историографии деятельность судебных органов была исследована в работах М.В. Кожевникова и В.К. Цечоева [6; 13]. Данные авторы изучали историю судебных учреждений на протяжении длительных исторических периодов, ими было затронуто и послевоенное время. Из трудов, посвященных непосредственно работе судов в послевоенный период, можно выделить статью В.Н. Казарина [5], который представил анализ деятельности Иркутского областного суда в конце 1940-х - начале 1950-х годов.

Сведения о работе судебных органов Хакасской автономной области содержатся в монографии М.Г. Степанова [11], однако в этом исследовании основное внимание уделено политическим репрессиям и неизученными остались многие важные темы.

В данной статье мы проанализируем судебную практику, исследуем судебный корпус, выявим особенности правосудия в Хакасии.

Согласно Закону «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» от 16 августа 1938 г. советская судебная система соответствовала административному делению страны: в каждом административном районе или городе организовывались участки народных судов, которые рассматривали большую часть уголовных и гражданских дел. Следующим звеном применительно к Хакасии был Хакасский областной суд, рассматривавший уголовные и гражданские дела, превышавшие компетенцию народных судов, а также кассационные жалобы и протесты на решения нижестоящих инстанций.

В первые послевоенные месяцы Хакасский областной суд остался без председателя. Занимавший эту должность с октября 1943 г. Г.П. Трудолюбов в октябре 1945 г. заболел и находился на бюллетене до 23 января 1946 г. 14 февраля 1946 г. Григорий Павлович был снят с должности и обязанности председателя стал исполнять В.Д. Миягашев [7, л. 5]. В декабре того же года его сменила А.Н. Козо-Полянская. Анна Николаевна родилась в 1895 г., была членом партии с 1919 г. В органах юстиции она трудилась с 1926 г. В 1936 г. она окончила высшие академические курсы при Всесоюзной правовой академии [3, л. 4]. В 1939 г. Анна Николаевна, будучи прокурором Верхне-Иртышского водного бассейна, чудом избежала привлечения к уголовной ответственности как «японская шпионка» [12]. До 1942 г. А.Н. Козо-Полянская работала адвокатом в Красноярске, была избрана заместителем председателя Президиума Красноярской краевой коллегии адвокатов, после чего была направлена на работу в Красноярский краевой суд [1, л. 59].

Таким образом, она представляла собой типичную выдвиженку времен Гражданской войны. Достаточно рано вступив в ряды ВКП(б), она не достигла высших ступеней карьерной лестницы в советской юстиции, чему помешало «классово чуждое происхождение» (она была дочерью священника) и упомянутый выше случай с обвинением в шпионаже. А.Н. Козо-Полянская к моменту назначения председателем областного суда имела двадцатилетний стаж юридической работы, причем успела потрудиться во всех органах юстиции: прокуратуре, адвокатуре, суде. Анна Николаевна председательствовала в областном суде до февраля 1953 г. Довольно высокий уровень образования председателя облсуда и большой опыт работы не помогли избежать серьезных недостатков в работе судебных органов Хакасии, о чем будет сказано ниже.

С октября 1945 г. по 25 апреля 1946 г. в составе областного суда было лишь три человека: В.Д. Миягашев, А.С. Юскова и А.Г. Баинова, - что серьезно затрудняло работу этого органа: вследствие нехватки кадров облсуд не имел возможности обобщать судебную практику, также было затруднительно образовывать коллегии из трех человек для рассмотрения кассационных жалоб и протестов, рассматривая при этом дела по первой инстанции. Четвертым членом облсуда 25 апреля 1946 г. был избран И.И. Веретнов.

Работа областного суда в первом полугодии 1946 г. характеризовалась следующими цифрами: к 1 января 1946 г. остаток не рассмотренных в 1945 г. по первой инстанции дел составлял 10 уголовных дел, из них 8 было возбуждено по статье 58 УК РСФСР («контрреволюционные преступления»), 2 - по Постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов, и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». В первом полугодии 1946 г. облсуд рассмотрел по первой инстанции 41 уголовное дело, 28 из которых были по ст. 58 УК РСФСР, 8 - по Постановлению от 7 августа 1932 г., по другим статьям УК - 5. По существу областной суд рассмотрел 50 дел, 9 - направил на дополнительное расследование, 1 - по подсудности, по 40 - были вынесены приговоры. Всего было осуждено 67 человек, из них по ст. 58 - 43, по Постановлению от 7 августа 1932 г. - 10, по другим статьям - 14. Женщин было осуждено 32 человека, что составляло 46% от всех осужденных. Двое подсудимых были оправданы областным судом. Один из них - И.Ф. Аткнин, обвинявшийся по ст. 59-3 (бандитизм), другая - Н.Ф. Булгакова, была привлечена к суду по ст. 58-10 (пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению Советской власти). Если содержание под стражей Ивана Фёдоровича с 10 января1946 г. по 16 марта 1946 г. было признано незаконным и он после вынесения оправдательного приговора был освобожден, то Нина Федотовна осталась в тюрьме и после оправдания. Это было связано с тем, что в отношении обвиняемых в «контрреволюционной деятельности» действовал Приказ Прокурора СССР и Наркома юстиции Союза ССР от 20 марта 1940 г. «О порядке освобождения лиц, оправданных по делам о контрреволюционных преступлениях», согласно которому оправданные по данным делам подсудимые не подлежали немедленному освобождению, а должны были возвращаться в места заключения. Суды же обязаны были выяснять в органах НКВД (с 1946 г. МГБ), не имеется ли с их стороны возражений по поводу освобождения данных лиц, и лишь при отсутствии таковых оправданные могли выйти на свободу. Органы госбезопасности не дали согласие на освобождение Булгаковой, и ее дело было передано в Верховный суд РСФСР [7, л. 5].

Основную нагрузку работники облсуда несли, занимаясь пересмотром решений, вынесенных народными судами. На 1 января 1946 г. в составе Хакасии было девять районов и два города, в которых действовали 14 судебных участков [7, л. 14]. В первом полугодии в областной суд поступило 543 уголовных дела в отношении 605 человек, осужденных в судах низшей инстанции. Облсуд утвердил приговоры в отношении 485 человек, отменил со стадии судебного следствия - 86, со стадии предварительного следствия - 34. Было отмечено улучшение работы народных судов по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [7, л. 10].

В первом полугодии 1946 г. в областном суде было обжаловано и опротестовано 159 решений народных судов по гражданским делам. Из них было утверждено 74, или 46,6%, изменено - 6, или 44,6%, было прекращено производством - 8, или 5,1%. Исполнявший обязанности председателя облсуда В.Д. Миягашев вынужден был отметить «исключительно плохое качество рассмотрения гражданских дел в нарсудах области», основанием для чего послужило то, что по сравнению с первым полугодием 1945 г., когда были утверждены решения народных судов по 69 делам, или 45,4% от всех решений, работа низших судебных инстанций по гражданским делам ухудшилась [7, л. 14]. Советская судебная система была ориентирована на первоочередное рассмотрение уголовных дел, гражданское же судопроизводство находилось на периферии интересов судебных органов. Соответствующим образом распределялась ответственность, которую несли судебные работники.

Во втором полугодии 1947 г. в областной суд поступило 5 дел по ст. 58.10, 1 - по ст. 58.14 («контрреволюционный саботаж»), по Постановлению от 7 августа 1932 г. - 9, по Указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», по прочим статьям УК - 5. В стадии подготовительных заседаний было возвращено на доследование 6 дел в отношении 13 человек, или 18% к общему числу поступивших в этот период дел [7, л. 23].

За второе полугодие 1947 г. облсуд оправдал 6 человек, или 11% всех подсудимых. К лишению свободы было осуждено 37 человек, или 75% всех осужденных, из них к лишению свободы на срок 10 лет и больше - 31, или 63% осужденных. 70% осужденных были поражены в правах. Столь значительный процент оправданных в областном суде объяснили частичной виной самих работников облсуда, которые недостаточно глубоко изучали уголовные дела. Однако большую часть вины за такую работу они возлагали на неудовлетворительное качество следственной работы сотрудников прокуратуры, которые, часто заручившись признанием обвиняемых, не заботились о поиске других доказательств по делу [7, л. 26]. Столь значительный процент осужденных к длительным срокам тюремного заключения объяснялся тем, что к компетенции областного суда относились тяжкие преступления, за которые предусматривались соответствующие наказания.

Низкий уровень жизни, вызванный послевоенной разрухой, был усугублен голодом 1946-1947 гг., возникшим вследствие неурожая и нехватки рабочих рук в сельском хозяйстве, провоцировал большое количество краж. Люди стремились улучшить свое благосостояние за счет самого богатого собственника - государства, которое, в свою очередь, хотело защитить свою собственность. Делалось это путем репрессий, поскольку резервов для помощи населению государство на тот момент не имело.

В народных судах со второго полугодия 1947 г. основную массу дел составляли дела, возбужденные по Указам от 4 июня 1947 г. Из 379 уголовных дел, поступивших в указанный период по жалобам и протестам в облсуд, 305, или 80%, были возбуждены по этим указам. 15% дел - по Указу от 26 июня 1940 г. («О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»), 5% - по ст. 74 УК РСФСР («Хулиганские действия»). По сравнению с первым полугодием того же года количество поступивших на пересмотр дел уменьшилось на 55. Областной суд оставил в силе 302 приговора низших судебных инстанций. Было изменено 44 приговора, отменено - 110 [7, л. 37]. Увеличение числа приговоров, подлежавших пересмотру, было связано с принятием новых законодательных актов. Народные судьи испытывали затруднения в связи с рассмотрением дел по Указу от 4 июня 1947 г., положения нормативных правовых актов зачастую пересекались, и судебным работникам было сложно в них разобраться.

Во втором полугодии 1947 г. в областной суд поступило 177 гражданских дел, рассмотренных ранее нарсудами. Был оставлен в силе 61% решений, изменено - 2%, отменено - 36%. В первом полугодии 1947 г. облсуд отменил 44% решений народных судов по гражданским делам. Наибольшее количество отмененных решений было по колхозным делам, трудовым спорам и делам о причинении вреда имуществу [7, л. 33]. В среднем на каждого народного судью в Хакасии во втором полугодии 1947 г. приходилось 24% отмененных приговоров и решений по уголовным и гражданским делам. Наибольший процент отмены приходился на следующих народных судей: Макарову (Черногорск) - 28%, Трефилова (Таштыпский район) - 30%, С.Н. Клепинина, (2-й участок Абакана) - 33%, О.М. Драко (Ширинский район) - 36%, М.И. Фролову (Алтайский район) - 38% [7, л. 39]. Причину столь слабой работы значительной части судей А.Н. Козо-Полянская объясняла тем, что Макарова, например, была перезагружена делами. Плохую работу С.Н. Клепинина Анна Николаевна сочла случайной. С Сергеем Никитовичем она была знакома по работе в Красноярске, считала его «одним из самых сильных нарсудей в области». Наибольшее количество отмененных приговоров у О.М. Драко было по Указам от 4 июня 1947 г. При их рассмотрении Ольга Моисеевна «проявила либерализм к осужденным, а по одному делу, основательно не исследовав всех обстоятельств дела, вынесла оправдательный приговор».

Однако председатель облсуда была высокого мнения о двадцатишестилетней народной судье: по мнению Анны Николаевны, «у облсуда есть все основания полагать, что товарищ Драко после проделанной с ней работы по разъяснению допущенных ошибок работу свою исправит» [7, л. 39-40].

Отмена каждого третьего решения указанных народных судей объяснялась не только причинами, указанными А.Н. Козо-Полянской. Слабое юридическое образование либо отсутствие такового, общая безграмотность работников юстиции провоцировали несуразно высокий процент отмены их решений. Так, С.Н. Клепинин до появления в Абакане 1 февраля 1945 г. работал нотариусом, а с 1937 г. - народным судьей. С сентября 1942 г. он был старшим ревизором Управления наркомата юстиции РСФСР по Красноярскому краю, где курировал народные суды Хакасской автономной области. В период пребывания на этой должности ему была дана следующая характеристика: «При ревизии нарсудов недостаточно правильно и полно вскрывает ошибки и недостатки в работе нарсудов. Авторитетом среди работников суда, прокуратуры, руководящих органов области не пользуется. Политически и юридически развит недостаточно. Товарищ Клепинин в силу общей малограмотности не может достаточно грамотно излагать докладные записки о результатах ревизий. Как старший ревизор своему назначению не соответствует» [4, л. 22]. Хакасия была местом своеобразной «ссылки» для несправившегося работника наркомата юстиции, профессиональная пригодность которого вызывала сомнения в силу его личностных качеств. Сергей Никитович не был исключением среди судей области, образовательный уровень которых оставлял желать лучшего.

Полтора года спустя С.Н. Клепинину удалось несколько улучшить свои показатели. В первом полугодии 1949 г. областной суд отменил 23% вынесенных им решений по гражданским делам и лишь 9% приговоров по уголовным [8, л. 6].

Позитивных изменений в работе О.М. Драко не произошло. Облсуд в первые шесть месяцев 1949 г. отменил 17,7% вынесенных под ее председательством приговоров и 56% решений, тогда как в первом полугодии 1948 г. было утверждено 82% приговоров и 85,7% решений. Причину отмены такого большого количества приговоров и решений А.Н. Козо-Полянская объясняла грубым нарушением процессуальных норм, невнимательным и небрежным отношением к исследованию обстоятельств дела, отсутствием досудебной подготовки по гражданским делам, поверхностным изучением уголовных дел и незнание законов, особенно по гражданским делам [8, л. 11]. Очевидно, что Ольга Моисеевна тяготилась занимаемой должностью или местом своего жительства. Народным судьей Ширинского района О.М. Драко была избрана в 1944 г. Она закончила два курса Свердловского юридического института, поэтому отнести провалы в ее работе в отдельные периоды за счет плохого образования и отсутствия опыта нельзя.

Жесткую оценку работе народного судьи Алтайского района дала А.Н. Козо-Полянская. Через полтора года М.И. Фролова стала работать еще хуже - в первом полугодии 1949 г. было отменено 50% вынесенных ею решений и 58,3% приговоров. Анна Николаевна причину такого положения видела в «незнании законов, которые товарищ Фролова обязана знать как судья, работающая не первый год, и главным образом грубейшая небрежность, которую ничем нельзя объяснить и оправдать». По мнению председателя облсуда, Фролову следовало привлечь к дисциплинарной ответственности [8, л. 7].

В 1948 г. в Черногорске в связи с перезагруженностью народного судьи открылся второй участок народного суда. В первом полугодии 1949 г. областной суд отменил 25,7% приговоров и 38,9% решений судьи Поздеевой. Причины отмены приговоров и решений были стандартными: незнание законов и невнимательное отношение к исследованию обстоятельств дела, нарушение процессуальных норм и т.д. [8, л. 9].

Практически все народные судьи Хакасии имели высокий процент отмены приговоров и решений по указанным выше причинам. Малограмотным и плохо образованным судьям было сложно разобраться в законодательных нововведениях, новые источники права принимались достаточно часто, и судебным работникам приходилось в срочном порядке осваивать вновь принятые законы. Увольнение народных судей и избрание новых улучшить положение не могли, поскольку такого количества квалифицированных юристов просто не было.

Уровень работы народного суда Алтайского района заставил начальника Управления министерства юстиции РСФСР по Красноярскому краю П.Е. Болденкова и председателя областного суда поручить заместителю председателя облсуда К.Ф. Мальчевской провести ревизию работы данного судебного органа за второе полугодие 1949 г. Ревизия была проведена с 26 по 29 декабря 1950 г.

В народном суде помимо судьи Марии Ивановны Фроловой, 1917 года рождения, члена ВКП(б) с 1948 г., заочницы юридической школы, трудились: секретарь народного суда В.Г. Лышко, секретарь судебного заседания Е.И. Ефимова и судебный исполнитель И.Н. Собакин.

Во втором полугодии 1949 г. в народный суд района поступило 233 дела, 98 из них были уголовными, 135 - гражданскими. В этот период областной суд отменил 7 приговоров Алтайского суда. Невнимательность и неусидчивость Марии Ивановны приводили к необоснованным осуждениям невиновных людей. Так, Г.Г. Погорелко, машинист локомобиля на черепичном заводе, был осужден по Указу от 26 июня 1940 г. за самовольное оставление работы, тогда как он всего лишь приостановил работу локомобиля из-за неисправности последнего. По тому же Указу М.И. Фролова осудила другого жителя Алтайского района Бабича, которого с работы вызвал Райвоенкомат [9, л. 38-39 об]. Дела о нарушении трудовой дисциплины составляли львиную долю в числе уголовных дел, поступавших в народные суды. Они отнимали у судей много времени и сил, порою они не имели возможности подробно разбираться в обстоятельствах этих дел, и несправедливо осужденные могли надеяться лишь на вышестоящие инстанции.

Канцелярия Алтайского нарсуда работала из рук вон плохо. Большинство уголовных и гражданских дел не были пронумерованы, карточки на дела были перепутаны, а по многим делам не были заведены вовсе, не были составлены статистические отчеты за два месяца. Имели место случаи потери документов [9, л. 41]. Ни один из сотрудников Алтайского суда не имел юридической подготовки, общее семиклассное образование было у М.И. Фроловой, В.Г. Лышко, И.Н. Собакина, а Е.И. Ефимова окончила только 6 классов. Все подчиненные Марии Ивановны были молодыми людьми, недавно приступившими к работе в судебном органе. Сразу освоиться им было сложно.

Многочисленные ошибки, допущенные М.И. Фроловой, заставили П.Е. Болденкова обратиться в Алтайский райком ВКП(б) с предложением обсудить вопрос о привлечении народного судьи к партийной ответственности «за допущенные нарушения закона, формально-бюрократическое отношение к разрешению жалоб граждан, за безответственное отношение к выполнению служебного долга» [9, л. 48].

Положение во вверенном ей учреждении сама Мария Ивановна объясняла тем, что два месяца не могла исполнять свои обязанности, поскольку все это время болела, о чем уведомила исполком райсовета. Нарушение процессуальных норм происходило потому, что не был укомплектован аппарат канцелярии суда. С августа 1949 г. часто менявшиеся секретари не успевали своевременно оформлять протоколы, делали ошибки. Сама же судья «не могла физически все это проверить, так была зачастую в командировках» [9, л. 48-48 об.]. Аргументы М.И. Фроловой были приняты к сведению и партийные органы не наложили на нее взыскание.

Серьезные недостатки имелись не только в работе народных судов. Ревизия областного суда за период его работы с 1 января по 1 декабря 1950 г., проведенная старшим ревизором Управления Минюста РСФСР по Красноярскому краю И.В. Гороховым с 29 ноября по 1 декабря 1950 г., выявила недочеты в работе главного судебного органа области.

Эти недостатки ревизор относил за счет того, что «Козо-Полянская несколько ослабила руководство областным судом и явно недостаточно контролировала работу членов суда, кроме того Козо-Полянская недостаточно использует в своей работе критику и самокритику и нередко к разрешению важнейших вопросов относится по семейному» [9, л. 88].

К деятельности других членов облсуда у И.В. Горохова также имелись претензии. Так, заместитель председателя А.С. Юскова не уделяла должного внимания составлению процессуальных документов, особенно кассационных определений. Эти недостатки проверяющий не счел существенными, по его мнению, Анна Семёновна, выпускница юридической школы и второкурсница Всесоюзного заочного юридического института, член облсуда с 1943 г. и секретарь его партийной организации, «занимаемой должности вполне соответствует» [9, л. 88-89].

Член областного суда К.Ф. Мальчевская «в своей работе допускала существенные нарушения закона при рассмотрении уголовных и гражданских дел, которые объясняются тем, что она в истекшем году стала, менее серьезно относится к своим обязанностям, основной брак в работе облсуда допущен по вине Мальчевской» [9, л. 89]. В вину Клавдии Фёдоровне, работавшей в областном суде с 1948 г., а до того четыре года бывшей народным судьей, ставилось также то, что она «мало участвует в общественно-массовой работе и совершенно недостаточно работает над собой, до настоящего времени она не поступила учиться в ВЮЗИ». К.Ф. Мальчевская, по мнению ревизора, «заслуживает серьезного предупреждения» [9, л. 89].

Наиболее опытным членом облсуда, помимо председателя, была А.Г. Баинова, занимавшая эту должность с 1938 г. Юридическое образование Александра Георгиевна получила только в 1947 г., окончив Иркутскую заочную юридическую школу. Ввиду ее большого стажа ревизор ожидал от нее «лучших результатов работы, особенно в части составления процессуальных документов, которые она продолжает писать недостаточно мотивированно, а по отдельным делам даже безграмотно» [9, л. 89].

Наименьший стаж работы в областном суде имел выпускник юридической школы Р.Л. Чигрин, избранный туда в августе 1950 г. Роману Лазаревичу была дана весьма лестная характеристика. В беседе с ним И.В. Горохов установил, что молодой судья «разбирается в вопросах

текущей политики и истории ВКП(б) хорошо, систематически читает книги, журналы и газеты, судебной работой интересуется, и за три месяца «показал себя прилежным и добросовестным работником» [9, л. 89].

На состав областного суда повлияла недавняя война - из 5 членов судебного органа 4 были женщины. Все члены облсуда, за исключением А.Н. Козо-Полянской, были в возрасте тридцати с небольшим лет, абсолютно все были членами ВКП(б). Уровень их образования, как правило, ограничивался юридической школой. Еще в 1930-е годы советское руководство сделало упор на подготовке кадров юстиции в средне-специальных учебных заведения, в послевоенный период была дана установка на получение судьями высшего юридического образования, однако студенткой была лишь А.С. Юскова. Поступить в ВЮЗИ прочим судебным работникам мешала отдаленность его филиалов от Хакасии, загруженность на основной работе, семейные обстоятельства.

Качество работы членов облсуда говорило о том, что они недалеко ушли от народных судей. За 11 месяцев 1950 г. в областной суд поступили 63 уголовных дела, которые он должен был рассмотреть по первой инстанции. Из них дел о «контрреволюционных преступлениях» - 5, по Указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» - 43, по Указу от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» - 5, прочих дел - 10. По сравнению с аналогичным периодом 1949 г. поступление дел о хищении государственной и общественной собственности незначительно сократилось, но все еще составляло 68% всех дел. Ревизор объяснял это тем, что облсуд ограничивался рассмотрением конкретных дел и не принимал участие в профилактике данного вида преступлений путем вынесения частных определений. В целом работа высшей судебной инстанции Хакасии по сравнению с предыдущими годами не только не улучшилась, но в некоторых моментах ухудшилась. Имели место случаи неосновательного осуждения, с одной стороны, и применения слишком мягких мер наказания к осужденным, с другой. Более всех «либерализмом» отличалась К.Ф. Мальчевская. Верховный суд РСФСР оставил в силе приговоры областного суда в отношении 34 человек, изменил в отношении 10, отменил также 10. Почти 50% приговоров, вынесенных К.Ф. Мальчевской были отменены [9, л. 90-91].

За первые 11 месяцев 1950 г., по мнению ревизора, как народные суды области, так и облсуд допускали существенные нарушения закона по кассационным делам «и даже политические ошибки». Выражалось это в том, что за этот период областной суд «по многим делам давал нарсудам неправильные установки, чем дезориентировал их, а иногда неправильно отменял решения низших судебных инстанций» [9, л. 94]. Ревизия показала, что недостатки, имевшиеся в работе судебных инстанций Хакасии, не являлись лишь результатом «ослабления руководства» А.Н. Козо-Полянской. Состав этих органов не позволял радикально улучшить их работу, и, как отмечал ревизор, многие судебные работники не соответствовали должности.

Два года спустя, по поручению министра юстиции РСФСР Ф.А. Беляева, И.В. Горохов вместе с заместителем председателя Красноярского краевого суда В.П. Сергеевой прибыли в Абакан для проведения ревизии областного суда, которая проводилась с 22 ноября по 5 декабря 1952 г. Предметом проверки была работа данной судебной инстанции в период с 1 января по 1 ноября 1952 г. Недостатки областного суда по-прежнему объяснялись недостаточной требовательностью А.Н. Козо-Полянской по отношению к подчиненным и отсутствием с ее стороны контроля за их работой. Небольшие недостатки, отмеченные в деятельности А.С. Юсковой в прошлую ревизию, превратились в серьезные ошибки. Как отметили ревизоры, «в своей практической работе Юскова допускала серьезные нарушения социалистической законности при рассмотрении дел по первой инстанции, грубо обращается с секретарями суда». На сей раз Анна Семёновна не соответствовала занимаемой должности [10, л. 262].

Все прочие члены суда таких замечаний не заслужили. Р.Л. Чигрин не только хорошо разбирался в действовавшем законодательстве, являлся инициативным работником, но и принимал активное участие в общественной работе. Новые члены суда Е.И. Райков и В.Г. Кокорева (оба 1928 года рождения), были избраны членами облсуда в 1952 г. и замечаний в свой адрес пока не заслужили [10, л. 262]. В составе областного суда произошли существенные изменения, он обновился на треть. Новые судьи были молодыми людьми, не имевшими ни должного практического опыта судебной работы, ни жизненного опыта, необходимого для исполнения судебных обязанностей.

По первой инстанции с января по ноябрь 1952 г. облсуд рассмотрел 54 уголовных дела, из них о «контрреволюционных преступлениях» - 2, о хищениях государственного и общественного имущества - 25, о разбое - 4, о нарушениях устава сельхозартелей - 23 [10, л. 268]. В 1952 г. значительно снизилось количество «контрреволюционных преступлений», что означало уменьшение уровня репрессий. В практике областного суда по-прежнему преобладали имущественные преступления.

Деятельность судебных инстанций Хакасской автономной области, как части советской судебной системы, определялась многими факторами, среди которых можно выделить изменения в законодательстве, произошедшие в связи с окончанием войны. Были отменены многие нормативные правовые акты, порожденные военным временем. Однако появились новые законы, молодым и плохо образованным судьям было сложно разобраться в новеллах в законодательстве. Спецификой отправления правосудия в Хакасии была частая ротация представителей судейского корпуса, которая не помогала наладить работу судебных органов должным образом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 3. Д. 144.
2. ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 22.
3. ГАКК. Ф. Р-1736. Оп. 1. Д. 28.
4. ГАКК. Ф. Р-1924. Оп. 1. Д. 8.
5. Казарин В.Н. Иркутский областной суд в первые послевоенные годы (1945-1950) [Irkutsk regional court in the first post-war years (1945-1950)] // Сибирский юридический вестник. - 2006. - № 1. - С. 125-138.
6. Кожевников М.В. История советского суда. - М.: Юриздат, 1948. - 375 с.
7. Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1200.
8. НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1546.
9. НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1644.
10. НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1895.
11. Степанов М.Г. Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930-х - начале 1950-х гг. - Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006. - 182 с.
12. Хакасия. - 2015. - 11 ноября.
13. Цечоев В.К. История суда России: Учеб. пособие. - М.: Проспект, 2015. - 160 с.

REFERENCES

1. Gosedarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK). F. P-26. OP. 3. D. 144.
2. GAKK. F. R-1736. Op. 1. D. 22.
3. GAKK. F. R-1736. Op. 1. D. 28.
4. GAKK. F. R-1924. Op. 1. D. 8.
5. Kazarin V.N. Irkutskii oblastnoi sud v pervye poslevoennye gody (1945-1950). [Irkutsk regional court in the first post-war years (1945-1950)]. Sibirskii yuridicheskii vestnuk. 2006. № 1. S. 125-138.
6. Kozhevnikov M.V. Istoriya sovetskogo suda. [The history of the Soviet court]. M.: Yurizdat, 1948. 375 s.
7. Natsionalnyi arkhiv Respubliki Khakasiya (NARKH). F. 2. Op. 1. D. 1200.
8. NARKH. F. 2. Op. 1. D. 1546.
9. NARKH. F. 2. Op. 1. D. 1644.
10. NARKH. F. 2. Op. 1. D. 1895.
11. Stepanov M.G. Stalinskie repressii v Khakasii v kontse 1930-kh - nachale 1950-kh gg. [Stalin's repressions in Khakassia in the late 1930s - early 1950s]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatelstvo, 2006. 182 s.
12. Khakasiya. 2015. 11 noyabrya.
13. 13.Tsechoev V.K. Istoriya suda Rossii: ucheb.posobie. [The history of Russian court] M.: Prospekt, 2015. 160 s.

Информация об авторе

Печерский Владимир Арнольдович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, сектор истории, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
г. Абакан, Россия

Получена: 18.10.2014

Для цитирования статьи: Печерский В.А., Судебные органы Хакасской автономной области в послевоенные годы (1945-1953 гг.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-88-94.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-88-94.

Information about the author

Vladimir A. Pecherskij, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Sector of History, Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
Abakan, Russia
volody75.75@mail.ru

Received: 18.10.2014

For article citation: [Judicial authorities of the KHakass autonomous region in the postwar years (1945-1953)] . Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-88-94.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-88-94. (in Russian)

УДК 336.02

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-95-99

ПОЛЕТАЕВ Вадим Эдуардович
Московский государственный областной университет
г. Москва, Россия
poletaew.vadim@yandex.ru

Vadim E. POLETAEV
Moscow State Regional University
Moscow, Russia
poletaew.vadim@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ БАЗЫ БАНКОВСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ТРАНЗИТА НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.

Статья посвящена процессу становления банковского законодательства Российской Федерации в 1990-2000-е годы, раскрывается значение данного процесса в контексте формирования в России финансового рынка и общей стратегии социально-экономического развития страны. В статье дана характеристика содержания стратегических государственных программ развития банковского сектора и важнейших законодательных актов и нормативных документов Банка России, регулирующих деятельность кредитных организаций, показано взаимодействие государства и делового сообщества России в процессе формирования правовой базы банковского сектора. В 1990-е годы правовое регулирование банковского сектора осуществлялось в условиях социально-экономической трансформации страны, что осложняло процесс формирования и внедрения в практику ряда правовых норм банковской деятельности. С конца 1990-х годов корпус банковского законодательства России интенсивно пополнялся нормами права, стимулировавшими расширение спектра банковских услуг и внедрение новейших банковских технологий, утверждение российских кредитных организаций на мировом финансовом рынке. Ключевыми направлениями развития российского банковского законодательства становятся совершенствование правовых условий создания в стране благоприятного инвестиционного климата, развитие системы ипотечного кредитования, санация банковской системы и повышение ее качественных стандартов. Соответственно, повышалась роль Банка России в сфере мегарегулирования и контроля за деятельностью банков. Автор приходит к выводу, что переход к системной модернизации банковского законодательства в 2000-е годы явился важным компонентом повышения устойчивости и конкурентоспособности российской банковской системы, что позволило ей эффективно действовать в условиях западных финансовых санкций против России в 2014-2016 гг.

Ключевые слова: банковская система России, банковское законодательство, Банк России, финансовый рынок, банковские услуги.

FORMATION OF LEGAL BASE OF RUSSIAN BANK POLICY IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION TRANSIT AT A BOUNDARY OF THE XX-XXI CENTURIES

Article is devoted to the process of formation of the banking legislation of the Russian Federation in 1990 – the 2000th, value of this process in the context of formation in Russia of the financial market and general strategy of social and economic development of the country reveals. The article gives the characteristic of contents of strategic state programs of development of the banking sector and the major acts and normative documents of the Bank of Russia regulating activity of credit institutions, shows interaction of the state and business community of Russia in the course of formation of legal base of the banking sector. In the 1990th legal regulation of the banking sector was carried out in the conditions of social and economic transformation of the country that complicated process of formation and introduction in practice of a number of precepts of law of bank activity. Since the end of the 1990th the case of the banking legislation of Russia was intensively replenished with the rules of law stimulating expansion of a range of banking services and introduction of the latest bank technologies, the statement of the Russian credit institutions in the world financial market. Improvement of legal conditions of creation in the country of favorable investment climate, development of system of mortgage lending, bailout of a banking system and increase its qualitative standards has become the key directions of development of the Russian banking legislation. Respectively the role of the Bank of Russia in the sphere of megaregulation and control of activity of banks raised. The author comes to a conclusion that transition to consistent modernization of the banking legislation in the 2000th was an important component of increase in stability and competitiveness of the Russian banking system that has allowed it to work effectively in the conditions of the western countries financial sanctions against Russia in 2014-2016.

Keywords: Russian banking system, banking legislation, Bank of Russia, financial market, banking services

Актуальность темы исследования определяется возрастающим значением банковского сектора в процессе модернизации российской экономики, включая создание эффективных механизмов обеспечения прочных позиций России на мировом рынке в условиях обострения глобальной конкуренции.

В 2014-2016 гг. руководством Российской Федерации, Центральным банком РФ и ведущими кредитными организациями предпринимались последовательные меры, направленные на сохранение позиций отечественной банковской системы и дальнейшее повышение качественных параметров ее деятельности в условиях финансовых санкций против России со стороны США. 12 октября 2016 г., выступая на традиционном форуме ВТБ «Россия зовет!», Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул, что, несмотря на негативное влияние финансовых санкций Запада, банковская система России «находится в очень хорошем состоянии здоровья», отметив также, что говорить нужно не столько о количестве банков, сколько о качестве регулирования и контроля их деятельности [1]. Правительство Российской Федерации во главе с премьер-министром Д.А. Медведевым уделяет значительное внимание задачам создания эффективной и устойчивой банковской системы [2].

В контексте данных задач существенный научно-практический интерес представляет исторический опыт 1990-2000-х годов в сфере формирования и модернизации правовой базы функционирования российских кредитных организаций, регулирования и контроля банковской деятельности.

В течение первого десятилетия рыночных реформ в России кредитные организации создавались и функционировали на основе двух базовых законов - «О Центральном банке РСФСР (Банке России)» и «О банках и банковской деятельности», принятых Верховным Советом РСФСР 2 декабря 1990 г. Данные установления закрепили и в значительной мере упорядочили стихийно развивавшиеся в стране процессы институционализации банковского бизнеса и зарождения в экономике России элементов рынка кредитования и других банковских услуг, а также определили особый статус Центробанка в качестве единственного органа денежно-кредитного и валютного регулирования на территории Российской Федерации.

В сложных условиях трансформации финансово-экономической системы страны Центральный банк начал выполнять задачи регулирования целого ряда ключевых вопросов кредитно-банковской сферы. В этот период в стране уже существовало около 1 300 коммерческих (акционерных и кооперативных) банков [3, с. 3]. Они выстраивали свою работу в условиях нестабильности и неуверенности финансового рынка, опережая становление отечественного банковского права. Между тем непременным условием нормального функционирования и устойчивости коммерческих банков являлась «отражающая реальные процессы в экономике и обществе законодательная база» [4, с. 76]. Соответственно, внедрение в практику правовых норм, обеспечивающих формирование в Российской Федерации современного, цивилизованного и высокотехнологичного, банковского сектора, было одним из необходимых условий реализации модернизационного транзита.

В середине 1990-х годов были обновлены базовые законодательные акты, отражавшие структуру и функциональное назначение банковской системы. Федеральный закон от 26 апреля 1995 г. «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и Федеральный закон № 17-ФЗ от 3 февраля 1996 г. были ориентированы на новую государственно-правовую и экономическую реальность России и направлены на дальнейшее развитие национального финансового рынка. Ряд позиций Закона «О банках и банковской деятельности» 1996 г. носил более либеральный характер по сравнению с предыдущей редакцией, в частности, отменялись ограничения числа участников в уставном капитале и вводился заявительный принцип создания филиалов. В то же время усиливался контроль за качеством деятельности кредитной организации с момента ее создания.

Развитие российского банковского законодательства в 1990-2000-е годы было направлено на утверждение в России качественных параметров и организационных форм работы кредитных организаций, соответствующих уровню ведущих держав и практике мирового финансового рынка. В условиях советской экономической модели, исключавшей частный банковский сектор и конкуренцию кредитных организаций на внутреннем рынке СССР, многие банковские операции и услуги, свойственные рыночной экономике, применялись только в рамках внешнеторгового оборота. Соответственно в 1990-е годы большинство участников формирующегося в России финансового рынка должны были освоить незнакомые им ранее банковские технологии. Соответственно, модернизировалось и правовое пространство отечественного финансового рынка. Важную роль в этом процессе сыграло принятие во второй половине 1990-х - начале 2000-х годов законов «О рынке ценных бумаг», «О финансовом лизинге», «О простом и переводном векселе» и др. На реализацию политики привлечения в российскую экономику иностранных инвестиций были направлены принятые в 1999 г. Федеральные законы «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» и «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», а также Федеральный закон от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» и др.

В период преодоления российскими банковскими институтами последствий финансового кризиса 1998 г. вступили в силу новые нормативные акты, регулировавшие процедуры банкротства, отзыва лицензий и ликвидации коммерческих банков, слияний и поглощений кредитных организаций, расширявшие полномочия Банка России в качестве регулятора этих процессов [4, с. 76]. На этом этапе развития российской банковской системы были апробированы меры стимулирования собственников проблемных банков заблаговременно принимать меры по финансовому оздоровлению своих кредитных организаций [5]. Одним из инструментов преодоления последствий финансового кризиса 1998 г. кредитными организациями стала их реструктуризация, содержание и механизмы которой получили отражение в федеральном законодательстве и в решениях Центрального банка. В 2002-2003 гг. миссией Международного валютного фонда и Всемирного банка были отмечены признаки, свидетельствующие о преодолении российской банковской системой последствий финансового кризиса 1998 г.: хорошие темпы роста банковских активов и капиталов, расширение ресурсной базы кредитных организаций.

В 2000-е годы начался новый этап модернизации банковского законодательства России, в том числе был принят новый Федеральный закон № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 г., который стал еще одним важным шагом в выстраивании современной эффективной банковской системы, Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях», обязавший банки передавать информацию в бюро кредитных историй, и др. В этот период, по словам заместителя председателя Комитета Государственной Думы по кредитным организациям и финансовым рынкам А.Г. Аксакова, банковское законодательство России последовательно повышает свои качественные характеристики и выходит на уровень международных стандартов по таким параметрам, как повышение обеспеченности банковских обязательств, страхование банковских рисков и др. [6].

В 2000-е годы Центральный банк и правительство Российской Федерации совместно формируют политику стратегического планирования модернизации банковского сектора страны. В апреле 2005 г. была принята «Стратегия развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2008 года», предварительно широко обсуждавшаяся экспертным сообществом. Впервые в России был подготовлен фундаментальный документ, включавший анализ результатов строительства банковской системы страны в предшествующий период, проблем и перспектив ее дальнейшего развития, предложен комплекс мер в сфере повышения качества ключевых направлений деятельности кредитных организаций. При этом на первый план выдвигалось создание благоприятной правовой среды и обеспечение реального применения действующего законодательства и норм административного регулирования в работе банковских институтов [7].

В 2000-е годы в России развивается конструктивный диалог государства, институтов гражданского общества и бизнеса, причем одной из центральных тем этого взаимодействия является модернизация отечественного банковского сектора, включая задачи совершенствования его правовой базы. Наиболее активную позицию в данном вопросе занимает «Ассоциация российских банков» (АРБ) как лидер банковского корпоративного сообщества страны. Так, в 2005 г. XVI Съездом АРБ была принята «Стратегия повышения конкурентоспособности национальной банковской системы». Президент России В.В. Путин, выступая 14 декабря 2005 г. в Новосибирске на проводившемся по инициативе АРБ совещании, посвященном участию банковского сектора в социально-экономическом развитии регионов, отметил особое значение банковского сектора в обеспечении реализации стратегических проектов инфраструктурной и социально-экономической модернизации регионов России, в освоении перспективных территорий Сибири и Дальнего Востока: «Считаю, что по своим масштабам, по качеству предоставляемых услуг банковская система страны должна отвечать и этим новым задачам, и современным потребностям граждан Российской Федерации» [8]. Участники совещания, говорили о важности дальнейшего совершенствования правовой базы деятельности кредитных организаций, обсуждались новые инициативы и готовящиеся законопроекты в банковской сфере: о выведении залогов из состава конкурсной массы, о достаточности капиталов кредитных организаций, о расширении участия Сбербанка в программах ипотечного кредитования и др. При этом президент АРБ Гарегин Тосунян от лица элиты российского банковского сообщества выразил готовность к совместной работе с Центральным банком, Правительством России, комиссиями Государственной Думы РФ в сфере стратегического планирования и развития банковского законодательства.

Таким образом, в 2000-е годы активно развивалось взаимодействие руководства страны, Центрального банка РФ и банковского корпоративного сообщества по вопросам развития эффективного банковского регулирования. Те качественные улучшения в организации и технологиях банковского сектора, которые были осуществлены в 2000-е годы, явились важным фактором в процессе преодоления российской экономикой последствий мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. Пройдя через этот сложный период, банковская система России вновь приобрела вектор поступательного развития. В начале 2011 г. была принята «Стратегия развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года» [9], в которой ставились задачи расширения спектра и качества предоставления банковских продуктов и услуг, обеспечения долгосрочной эффективности и устойчивости бизнеса кредитных организаций, внедрения новейших информационных технологий.

В 2010-е годы руководством страны и Центральным банком продолжалась работа по модернизации системы банковского законодательства в соответствии с динамикой финансово-экономических процессов в России и во внешнеэкономическом пространстве. Среди наиболее важных новелл следует выделить Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 146-ФЗ, передавший Центральному банку полномочия в сфере регулирования, контроля и надзора за финансовыми рынками [10], а также внесший коррективы в систему корпоративного управления банков. С 2013 г. Банк России во главе с Э.С. Набиуллиной системно проводит политику санации бан-

ковского сектора, противодействия нарушениям в сфере кредитной деятельности. Глава Правительства России Д.А. Медведев, выступая 8 апреля 2014 г. на специальном правительственном совещании, посвященном перспективам развития отечественной банковской системы, подчеркнул, что достаточно сложная экономическая обстановка в современном мире требует особого внимания к проблемам финансовой политики и банковского регулирования. «Возросли и политические риски, что, безусловно, требует более внимательного отношения к тем решениям, которые мы принимаем, - подчеркнул Д.А. Медведев. - Поэтому наша задача - поддерживать запас прочности отечественного банковского сектора» [11].

Таким образом, формирование законодательной базы банковской деятельности в Российской Федерации в 1990-2000-е годы осуществлялось в непосредственной связи с процессом развития в стране рынка товаров, услуг и капиталов. На начальном этапе реформ законотворческая деятельность в банковской сфере определялась текущими проблемами в экономике страны, что требовало неоднократной корректировки и дополнения принятых решений. В 2000-е годы модернизация правовой базы банковской деятельности начинает осуществляться системно в русле стратегических программ социально-экономического развития страны

Современное банковское законодательство России обеспечивает условия для деятельности российских кредитных организаций на мировом организационном и технологическом уровне, для дальнейшего расширения рынка банковских услуг, повышения их качества и степени доступности россиянам. Функционирование отечественных банков в соответствии с действующими правовыми нормами, во взаимодействии с государственными институтами и частными коммерческими структурами, является одним из важнейших факторов системного количественного и качественного развития банковской системы и всего финансового сектора России и повышения его конкурентоспособности в глобальном экономическом пространстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на форуме «Россия зовет!» 12 октября 2016 г. [Электронный ресурс] - URL: http://tass.ru/ekonomika/3698766
2. Премьер-министр России Д.А. Медведев о банковской системе // Информационный портал «Дни-ру». 6 декабря 2013 г. [Электронный ресурс] - URL: HTTPS://DNI.RU/NEWS/2013/12/6/265460.HTML
3. Севрук В.Т. Банковский маркетинг. - М., 1994.
4. Ильясов С. Совершенствование правового обеспечения реструктуризации банковской системы // Хозяйство и право. - 2001. - № 1.
5. Петров В.И. Проблемы определения понятия «реструктуризация кредитных организаций» // Банковское право. - 2002. - № 2.
6. Актуальные проблемы банковского законодательства // Управление в кредитной организации: Аналитический журнал. - 2005. - № 2.
7. Стратегия развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2008 года: Приложение к Заявлению Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации от 5 апреля 2005 г.
8. Стенографический отчет о совещании «О роли банковского сектора в решении задач социально-экономического развития регионов». Новосибирск, 14 декабря 2005 года. [Электронный ресурс] - http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23339
9. Стратегия развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года // Приложение к Заявлению Правительства РФ и ЦБР от 5 апреля 2011 г. [Электронный ресурс] - URL: http://www.cbr.ru/psystem/p-sys/strategy.pdf
10. Федеральный закон от 23 июля 2013 года № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» // СЗ РФ. - 2013. - № 30 (часть 1). - Ст. 4084.
11. Правительственное совещание по вопросам развития российской банковской системы. Москва, 8 апреля 2014 г. [Электронный ресурс] - URL: http://tonnametr.ru/viewtopic.php?id=4641

REFERENCES

1. A speech of the President of the Russian Federation V.V. Putin at the forum "Russia Calls!" on October 12, 2016. Available at: http://tass.ru/ekonomika/3698766
2. The Russian Prime Minister D. A. Medvedev about a banking system. Information portal "Dni-ru". On December 6, 2013. Available at: HTTPS://DNI.RU/NEWS/2013/12/6/265460.HTML
3. Sevruk V.T. Bank marketing. Moscow, 1994.
4. Ilyasov S. Improvement of legal support of restructuring of a banking system. Hozjajstvo i pravo. [Economy and right]. 2001. № 1.
5. Petrov V.I. Problems of definition of the concept "restructuring of credit institutions" // Bankovskoe pravo [Bank right]. 2002. № 2.
6. Urgent problems of the banking legislation. Upravlenie v kreditnoj organizacii [Management in credit institution]: Analytical magazine. 2005. № 2.
7. The strategy of development for the banking sector of the Russian Federation for the period till 2008: The annex to the Statement of the Government of the Russian Federation and the Central bank of the Russian Federation of April 5, 2005.

8. The verbatim record about a meeting "About a role of the banking sector in the solution of problems of social and economic development of regions". Novosibirsk, on December 14, 2005. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23339
9. The strategy of development for the banking sector of the Russian Federation for the period till 2015. the Annex to the Statement of the Government of the Russian Federation and the Central Bank of Russia of April 5, 2011 Available at: http://www.cbr.ru/psystem/p-sys/strategy.pdf
10. The federal law of July 23, 2013 No. 251-FZ "About introduction of amendments to separate acts of the Russian Federation in connection with transfer to the Central bank of the Russian Federation of powers on regulation, control and supervision in the sphere of the financial markets". Collection of the Legislation of Russian Federation. 2013. № 30 (part 1). Art. 4084.
11. Government meeting on development of the Russian banking system. Moscow, on April 8, 2014. Available at: http://tonnametr.ru/viewtopic.php?id=4641

Информация об авторе

Полетаев Вадим Эдуардович, кандидат исторических наук, кафедра истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет, г.Москва, Россия
poletaew.vadim@yandex.ru

Получена: 20.10.2016

Для цитирования статьи: Формирование правовой базы банковской политики России в контексте модернизационного транзита на рубеже XX-XXI вв. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-95-99.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-95-99.

Information about the author

Vadim E. Poletaev, Candidate of Historical Sciences, Department of Russian History of Middle Ages and Modern Era, Moscow State Regional University,
Moscow, Russia
poletaew.vadim@yandex.ru

Received: 20.10.2016

For article citation: Poletaev V. Eh.,
[Formation of legal base of Russian bank policy in the context of modernization transit at a boundary of the XX-XXI centuries]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-95-99.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-95-99. (in Russian)

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-100-104

СУСЛОВ Михаил Григорьевич
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Пермь, Россия
suslovmi@yandex.ru

Michael G. SUSLOV
Doctor of Historical Sciences, Professor, Perm branch of the Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation
Perm, Russia
suslovmi@yandex.ru

ЧТО МЕШАЛО РАЗВИТИЮ СЕРВИСА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ?

WHAT PREVENTED THE DEVELOPMENT OF SERVICES IN RUSSIA AT THE TURN OF 19-20 CENTURIES?

На фоне успешного развития сервисологии в России отдельные исторические периоды исследованы еще недостаточно. К таким периодам относится конец XIX - начало XX в. Это связано с тем, что в конце XIX в. лишь начинался процесс становления сервиса как особой сферы экономической жизни. Слабое развитие сервиса было связано с долгим существованием крепостничества, поздним вступлением России на путь капиталистического развития. Развитие России по «догоняющей модели» сказывалось на сфере услуг. К числу важнейших причин отставания следует отнести географическое положение России, природно-климатические условия, протяженность и необустроенность дорог, бедность населения и безразличное отношение государства к проблемам сервиса. В 90-е - 900-е годы в связи с бурным развитием промышленности начинает развиваться и сервис. Однако одновременное развитие легкой и тяжелой промышленности замедляло развитие сферы торговли и услуг. Даже в условиях столыпинской реформы и переселения за Урал более 3 млн человек государство и власти всех уровней оставались равнодушными к запросам переселенцев на услуги. Это повлияло на разорение сотен тысяч крестьян, на рост озлобления и социального напряжения, которые вылились в потрясения 1917 г. и гражданской войны.

Ключевые слова: зарождение и развитие сервиса, уровень и качество сервисных услуг в царской России, объективные и субъективные причины отставания сферы услуг, безразличие государства к вопросам развития сервиса.

On the background of the successful development of cervicalgia in Russia, certain historical periods are investigated still insufficiently. Such periods include the end of 19 - beginning of 20 centuries due to the fact that at the end of 19 century, only began the process of establishing service as a special sphere of economic life. The weak development of the service was due to the long existence of serfdom, the late accession of Russia to the path of capitalist development. The development of Russia in the "catch-up model" effect on services. Among the major reasons for the gap should include the geographical position of Russia, the climatic conditions, the length and the lack of roads, poverty and the indifferent attitude of the state towards the service. In the 90-900 years in connection with rapid development of the industry begins to develop and service. However, simultaneous development of light and heavy industry slowed the development of the sphere of trade and services. Even in the conditions of the Stolypin reforms and resettlement to the Urals more than 3 million man, the state and all levels of government remained indifferent to the demands of immigrants for services. This has affected the ruin of hundreds of thousands of peasants, the growth of anger and social tension, which resulted in the upheaval of 1917 and the civil war.

Keywords: the origin and development of the service, the level and quality of services in tsarist Russia, the objective and subjective reasons for the backlog of services, the indifference of the state to development of the service.

В настоящее время достаточно быстро и успешно формируется новая отрасль научного знания - сервисология [2; 3]. Имеющиеся научные труды касаются многих аспектов истории формирования сервиса, но основное внимание пока уделяется новейшему времени и последним десятилетиям [4; 5]. Несколько меньше внимания уделено дореволюционной России.

Если отталкиваться от значения слова **service** (служба, или обслуживание населения), то мы уйдем далеко в историю. Уже в глубокой древности различные мастера начинали производить оружие, посуду, одежду, украшения и прочее не только для себя, но и для других людей. Археологи уже в энеолите находят каменную индустрию, то есть производство каменных орудий не только для себя, но и для соплеменников [6; 7]. Уже в те далекие времена, когда начиналось разделение труда, можно поискать какие-то элементы или зачатки первобытного сервиса.

В условиях каменной индустрии энеолитической эпохи или бронзового века признаки сервиса имели место, но уровень производства был так низок, что слово «сервис» можно применять весьма и весьма условно.

С развитием рабовладения, когда рабами стало производиться многое и в значительных количествах, можно говорить о наличии предпосылок для развития сервиса. Рабовладельцы в состоянии были найти ресурсы и людей, которые могли обслуживать население: разносить воду или, в случае нужды, раздавать хлеб населению, убирать улицы, культовые и общественные места и прочее.

На феодальной стадии развития мировой цивилизации условий для развития сервиса было также маловато. И дворяне, и крестьяне удовлетворяли свои бытовые нужды за счет домашнего хозяйства. Натуральное средневековое хозяйство давало очень мало прибавочного

продукта, и сфера сервиса сужается до знати и достаточно состоятельных граждан, зажиточных горожан. Одним из наиболее распространенных видов услуг в феодальный период были услуги бань, в основном для привилегированного класса. Что касается общественных бань, то качество обслуживания здесь было крайне низким [8].

Средневековый сервис касался в основном «гостей», то есть крупных купцов феодальной Руси X-XVIII вв., которые вели междугородную и международную торговлю. По договорам Руси с Византией русский князь мог посылать в Византию любое количество кораблей с послами и купцами, которые получали в Византии помещение, содержание и защиту [9, с. 24].

«Гостиная сотня» в России, как привилегированная корпорация купцов XVI-XVIII вв., нуждалась в удобствах как на пути следования, так и в местах продажи своих товаров, что приводило к строительству гостиных дворов с определенным набором услуг для торгового люда.

Уровень развития сервиса в той или иной стране всегда зависел от уровня развития производства, запроса населения на услуги сервиса и политики государства. Начало развития сервиса как экономического вида деятельности относится к новому времени, а превращение его в социальный институт происходит в новейшее время, когда к традиционным экономическим категориям (прибыль, выгоды, затраты) подключаются социальные категории (социальное взаимодействие, определенная регламентация и пр.) [10].

Царская, а затем и советская Россия никогда не отличались высоким уровнем сервиса. Для того было немало причин. Слабое развитие сервиса во многом определялось тем, что Россия поздно вступила на путь развития рыночных отношений и очень долгое время оставалась аграрной страной. Развиваясь по «догоняющей модели», Россия вынуждена была и в условиях капитализма одновременно развивать легкую и тяжелую промышленность, что сдерживало формирование потребительского рынка, а вместе с тем и сервисных услуг.

Географическое положение и природно-климатические условия России являлись существенным препятствием для развития сельского хозяйства. До отмены крепостного права урожайность в России составляла 4 центнера с гектара. После отмены она поднялась до 7 ц, и эти семь центнеров держались во многих районах России до середины 50-х годов XX в. В настоящее время средняя урожайность по России - 14-16 ц с гектара, тогда как в Чехии - 80 ц, в Великобритании - более 170 ц, в Израиле - 300 ц с гектара.

Проблемы с дефицитом продовольствия сдерживали рост российских городов. На рубеже XIX-XX вв. в городах Российской империи проживало всего 16,8 млн человек, или 13% населения страны. В Англии в это время в городах проживало уже 80% населения, а в европейских странах - более 30%. Слабое развитие городов было серьезным сдерживающим фактором развития многих сфер, в том числе торговли и сферы сервиса.

Прямое влияние на обслуживание населения оказывало материальное положение самого населения. Доход основной массы крестьянства в России от земли на рубеже XIX-XX вв. составлял от 8,5 до 12 рублей в год. Из этой суммы крестьянин должен был уплатить еще налог в размере 1 р. 02 коп. с десятины. Если у крестьянина было 4-5 десятин земли, то значительную часть доходности съедал налог. На оставшийся доход крестьянин покупал, как правило, какой-то инвентарь или самое необходимое в хозяйстве.

Крайне низкая покупательная способность десятков миллионов крестьян не означает, что им неведом был сервис. По деревням ходили коробейники, которые предлагали крестьянам всякую мелочь: гребни, нитки, иголки, наперстки и прочее. Поскольку большинство крестьян не выезжали в города, то доставка товаров потребителю на дом может расцениваться как простейшая форма сервиса.

В конце XIX в. ситуация начинает меняться и в деревне. Крестьянство расслаивается на зажиточную, середняцкую и бедняцкую части. К началу XX в. 640 тыс. крестьян имели на сберегательных книжках 126 млн руб., или по 196 руб. на человека, тогда как французские вкладчики из крестьян имели по 160 руб. Богатые крестьяне уже не удовлетворялись коробейниками и заезжими купцами. Они выезжали в город за покупками или пользовались услугами сервиса тех времен. Например, они могли заказать нужную им литературу через книжный магазин «Книга-почтой», выписывали газеты и журналы, которые им также доставлялись по месту жительства.

Специализированные магазины тоже могли доставлять семена злаков и нужных растений, запчасти к сельхозмашинам и даже сами машины или простейшие орудия труда, в которых нуждались крестьяне. Особенно большие масштабы это приобрело в период столыпинских реформ. Если в 1908 г. сельскохозяйственных машин было куплено на 54 млн руб., то в 1912 г. - уже на 311 млн руб. Часть из этих машин, как сервисная услуга, доставлялась покупателям по месту жительства.

Несмотря на то, что в селе была уже значительная часть зажиточных крестьян, основная масса была бедна. После столыпинской реформы 30% крестьян не имели лошадей, 50% не имели плугов, а пахали сохой. Эти крестьяне вели натуральное хозяйство и, как правило, ниче-

го не продавали и не покупали. Сервисное обслуживание им было не нужно. Если брать село в целом, то и тут оно проигрывало городу. В 1913, самом благополучном для России, году селяне покупали в 17 раз меньше, чем горожане. При таком положении сервис мало касался основной крестьянской массы.

Положение рабочих было несколько лучше. На рубеже веков рабочий получал в среднем 14 р. 16 к. в месяц, тогда как в США рабочий получал 65 р. 04 к. Прожиточный минимум рабочей семьи составлял от 32 до 38 рублей. Естественно, лишних денег у рабочего не было, и он вынужден был приобретать лишь самое необходимое. Очень часто весь сервис для него ограничивался кабаком, нанятой комнатой, бараком или казармой да заводской лавкой, в которой на деньги или купоны он мог приобрести продукты или самое необходимое.

Правда, в праздничные дни, если рабочий не успевал изрядно напиться и ввязаться в кулачные бои и драки, он мог покататься на карусели, посмотреть представление бродячих артистов, а кое-кто сходить в театр или в музей, отдохнуть в городском парке или сквере. Отдыхающие горожане, в том числе и рабочие, могли воспользоваться услугами разносчиков воды и лимонада, пряников и леденцов, табака и прочей мелочи.

Поскольку рабочие, да и не только рабочие, до революции пили достаточно много, то довольно быстро развивался сервис питейных заведений. В России на каждые 190 жителей приходился один кабак и 17 кабаков - на одну школу. Есть и другая впечатляющая статистика. Казна на образование выделяла 160 млн рублей в год, а население на водку тратило 1 млрд рублей. В 1916 г. в Пермской губернии было выпито 237 780 ведер водки. Так как продажа спиртных была прибыльным делом, то кабатчики старались сделать свои заведения привлекательными и притягательными и искали то, чем можно было привлечь граждан именно в свой кабак. Прямая заинтересованность торговцев спиртными в увеличении прибыли способствовала развитию сервисных услуг в питейных заведениях.

Развивался и трактирный сервис. Со строительством улучшенных грунтовых дорог, соединяющих важные населенные пункты, появляются трактиры. Трактир (лат. *tracto* - угощаю) - гостиница или постоялый двор с рестораном низшего типа. При трактирах были и харчевни или закусочные с продажей спиртных напитков. Это был пока простейший сервис, но и он находился в постоянном развитии.

Сложность была в том, что протяженность дорог в России была очень велика, а дороги так плохи, что было не так уж много желающих путешествовать по таким дорогам. Сравнительно незначительные потоки людей сдерживали развитие придорожного сервиса. Правда, по мере развития промышленности миграционные потоки людей в поисках работы заметно увеличивались, что являлось хорошим стимулом для развития сервиса.

На рубеже XIX-XX вв. в России происходило бурное развитие промышленного производства и рыночных отношений. Капитализм все активнее вступал в свои права. Строились железные дороги и речной флот. Все большая часть населения могла пользоваться паровым и гужевым транспортом. Развитие транспортной сети сопровождалось развитием сервиса. Пассажиры нуждались в пище и отдыхе, развлечениях и прочих услугах, которые и начинают развиваться. На железнодорожных станциях появляются буфеты и рестораны, места для ожидания и отдыха, налаживается справочная служба, появляются носильщики, кладовщики багажных отделений и прочие вспомогательные службы, призванные сделать путешествие пассажира более комфортным.

Вблизи железнодорожных вокзалов и речных пристаней начинают строить гостиницы, ночлежные дома и ночлежки, где приехавшие пассажиры могли бы отдохнуть или разместиться на ночлег. Появляется запрос на гостиничный сервис, который также развивается.

Однако развитие пристанционного и транспортного сервиса в России ни в какое сравнение не идет со странами Запада. Россия существенно отставала по развитию железнодорожного транспорта. В 1840 г. в США было уже 4 800 км железнодорожных путей, или столько, сколько во всей Европе. В России же только начинали строить железные дороги.

Протяженность российских дорог и их качество были очень серьезным препятствием для развития торговли, а стало быть, и для развития сервиса. На рубеже XIX-XX вв. торговый оборот в России составлял 60 рублей на человека в год. Оказание услуг по доставке товаров по скверным дорогам было не только трудным, но и рискованным делом. Грабежи и порча товара на дорогах, большие накладные расходы делали услуги рискованными и дорогими, а потому для многих недоступными. Богатые, как правило, за покупками выезжали за рубеж. Услугами зарубежного сервиса пользовались и многочисленные российские мигранты.

Не проявляло особой заботы о сервисе и государство. Начав аграрную реформу, П.А. Столыпин как глава правительства не подумал о сервисе. По замыслу реформатора, миллионы крестьян должны были переселиться из европейской части России в Сибирь и на Алтай. Действительно, переселилось 3 млн 100 тыс. человек. Крестьяне перемещались со своим скарбом в вагонах по железной дороге и на лошадях, запряженных в сани или телеги. В дороге пересе-

ленцам нужны были пища, отдых, медицинская помощь и прочее, что предполагало наличие хотя бы простейших форм сервиса.

Власти, задумав столь масштабное мероприятие, как переселение миллионов крестьян, не позаботились о том, чтобы на пути их следования были колодцы, чтобы крестьяне могли поить свой скот, медицинские и ветеринарные пункты, чтобы переселенцы могли получить медицинскую и ветеринарную помощь. Не было организовано мест ночлега и отдыха, пунктов питания, то есть всего того, в чем нуждались люди, отправившиеся за тысячи километров на новые земли. В результате переселенцы теряли скот, заболевали, а то и умирали в дороге.

Непродуманность переселения привела к тому, что более одного миллиона крестьян стали безлошадными, около 800 тысяч человек, потеряв все во время переселения, вынуждено было вернуться из Сибири обратно в европейскую часть России. Заряд озлобления, который принесли все потерявшие крестьяне, потом вылился в расправы над имущими в ходе революций и гражданской войны. Позаботься царская власть о сервисе для переселенцев - и в стране было бы меньше озлобления, а значит, меньше и жертв классовой борьбы.

На уровень развития сервиса в России оказывали влияние многие другие факторы. Царская власть не придавала должного значения развитию легкой промышленности и производству потребительских товаров, изучению и использованию зарубежного опыта по развитию сферы услуг. Отсталость в данной сфере оказала свое влияние на социально-экономические и политические процессы, которые усугубляли трагизм ситуации всей первой половины XX века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аванесова Г.А. Сервисная деятельность: Историческая и современная практика, предпринимательство, менеджмент: Учеб. пособие для студентов вузов / Г.А. Аванесова. - М.: Аспект Пресс, 2005. - 318 с.
2. Хмелев В.В., Родионова В.И. Сервисная деятельность (научно-методологическая основа развития): Учеб. пособие. - М.: ГОУВПО «МГУС», 2004.
3. Ананьева Т.Н., Багдасарян В.Э., Буткевич М.Н. Концептуальные и методологические аспекты формирования сервисологии - науки синергийного типа. - М., 2008.
4. Попов Е.В. Продвижение товаров и услуг. - М.: Финансы и статистика, 2006. - 320 с.
5. Экономика сферы платных услуг / Под ред. Е.Н. Жильцова. - Казань, 2006. - 198 с.
6. Цыгвинцева Т.А. Особенности каменной индустрии новоильинских поселений бассейна р. Вятки // ры - славяне - тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Сб. мат. Всероссийской научной конференции. - Ижевск, 2009. - С. 18-25.
7. Цыгвинцева Т.А. Каменная индустрия Кочуровского 1У поселения эпохи энеолита (по данным трасологии и технологии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Ижевск, 2010. - С. 3-22.
8. Аванесова Г.А. Сервисная деятельность: Историческая и современная практика, предпринимательство, менеджмент: Учеб. пособие для студентов вузов / Г.А. Аванесова. - М.: Аспект Пресс, 2005. - 318 с.
9. История государства и права России: Учеб. - Изд. 2-е / под ред. Ю.П. Титова. - М.: Проспект, 2011. - 576 с.
10. История развития сервиса в России (основные этапы) / [Электронный ресурс] - http://www.konspektov.net/question/23045 (Дата обращения: 1.07.2016).

REFERENCES

1. Avanesova G.A. Servisnaja dejatel'nost': Istoricheskaja i sovremennaja praktika, predprinimatel'stvo, menedzhment: Uchebnoe posobie dlja studentov vuzov / G.A. Avanesova.[Avanesova G. A. Service activity: Historical and modern practice, business, management: textbook for students of universities / G. A. Avanesov.] M.: Aspekt Press, 2005. 318 s.
2. Hmelev V.V., Rodionova V.I. Servisnaja dejatel'nost' (nauchno-metodologicheskaja osnova razvitija): Uchebnoe posobie, GOUVPO «MGUS».[Khmelev, V. V., Rodionov V. I. Service activities (scientific-methodological basis of development): a Training manual GOUVPO MGUS.] M., 2004.
3. Anan'eva T.N., Bagdasarjan V.Je., Butkevich M.N. Konceptual'nye i metodologicheskie aspekty formirovanija servisologii - nauki sinergijnogo tipa.[Anan'eva, T. N., Bagdasaryan V. E., Butkevich, M. N. Conceptual and methodological aspects of formation of cervicalgia - science synergic type] M., 2008.
4. Popov E.V. Prodvizhenie tovarov i uslug. M.: Finansy i statistika, [Popov E. V. Promotion of goods and services. M.: Finance and statistics] 2006. 320 s.
5. Jekonomika sfery platnyh uslug /Pod red. E.N. Zhil'co¬va.[The economy of paid services /ed. by E. N. Zhiltsova] Kazan', 2006. 198 s.
6. Cygvinceva T.A. Osobennosti kamennoj industrii novoil'inskih poselenij bassejna r. Vjatki. Finnougry - slavjane - tjurki: opyt vzaimodejstvija (tradicii i novacii). Sb. mat. Vserossijskoj nauchnoj konferencii. [Tsygvintsev T. A. Features of the stone industry NOVOIL'inskiy settlements of the basin of the Vyatka.Finno-Ugrians, Slavs - Turks: the experience of interaction (traditions and innovations). SB. Mat. All-Russian scientific conference] Izhevsk, 2009. S. 18-25.
7. Cygvinceva T.A. Kamennaja industrija Kochurovskogo 1U poselenija jepohi jeneolita (po dannym trasologii i tehnologii). Avtoreferat diss. na soiskanie uchenoj stepeni kand. istorich. Nauk. [Tsygvintsev T. A. Stone industry Koczurowska 1U settlement of the Eneolithic (according to the trace analysis and technology). The author's abstract Diss. on competition of a scientific degree Cand. historical. Sciences] Izhevsk, 2010. S. 3-22.
8. Avanesova G.A. Servisnaja dejatel'nost': Istoricheskaja i sovremennaja praktika, predprinimatel'stvo, menedzhment: Uchebnoe posobie dlja studentov vuzov. G.A. Avanesova. [Avanesova G. A. Service activity: Historical and modern practice, business, management: textbook for students of universities. G. A. Avanesov] M.: Aspekt Press, 2005. 318 s.
9. Istorija gosudarstva i prava Rossii: uchebnik. Izd. 2-e .pod red. Ju.P. Titova.[History of state and law of Russia: textbook. Ed. 2 /edited by Y. P. Titov] M.: Prospekt, 2011. 576 s.
10. Istorija razvitija servisa v Rossii (osnovnye jetapy). [The history of the development of the service in Russia (the main stages) //http://www.konspektov.net/question/23045 (accessed 1.07.2016).]

Информация об авторе

Суслов Михаил. Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Пермь, Россия
suslovmi@yandex.ru

Получена:09.11.2016

Для цитирования статьи: Суслов М.Г., Что мешало развитию сервиса в России на рубеже XIX-XX веков? Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-100-104.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-100-104.

Information about the author

Michael G**.** Suslov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Perm branch of the Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation,
Perm, Russia
suslovmi@yandex.ru

Received: 09.11.2016

For article citation: Suslov M. G., [What prevented the development of services in Russia at the turn of 19-20 centuries?]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-100-104.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-100-104. (in Russian)

УДК 94 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-105-110

ХАРИНА Наталья Сергеевна
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск. Россия
HaNaSe83@yandex.ru

Natalya S. KHARINA
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
HaNaSe83@yandex.ru

НАЧАЛО ХРИСТИАНИЗАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ОБСКОГО СЕВЕРА

BEGINNING OF CHRISTIANIZATION OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE OB NORTH

Данное исследование посвящено процессу христианизации коренных народов Обского Севера, который составлял одну из важнейших сторон колониальной политики государства в Сибири. Входившие в состав русского государства «иные народы» (или «инородцы») обладали своими сформировавшимися и устоявшимися духовными традициями, религиозно-мировоззренческими представлениями, обычаями, обрядовой системой. К данной проблеме интерес проявлялся уже в XVIII в. В дальнейшем разные исследователи приводили отдельные сведения о монастырях Тобольской епархии, о роли Русской православной церкви и деятельности тобольских архиереев [80; 91; 109]. Для второй половины XIX - начала XX в. характерно увеличение работ, посвященных отдельным аспектам истории РПЦ [1-4; 5; 10; 20; 21; 22; 24; 26; 28; 29; 31; 33; 34; 36; 37; 47; 51; 65; 66; 72; 84; 86-89; 90; 96; 99]. В первые годы советской власти появляются публикации антирелигиозного содержания, в которых описывалось аморальное поведение священнослужителей и произвол церковных властей [12; 23; 46; 64; 67; 73; 75; 83; 95; 101]. История, касающаяся деревянного и каменного строительства Тобольской архиерейской резиденции, также нашла отражение в трудах историков [6; 32; 40; 42-44; 49]. Миссионерская деятельность РПЦ и тобольских архиепископов в Сибири стала объектом исследования в 1990-е и 2000-е гг. [7; 8; 41; 52-54; 60; 61; 70; 74; 77-78; 81; 94; 97; 98, 100].
В исследовании отмечены причины необходимости христианизации коренного населения и рассматриваются ее этапы. Особое внимание уделяется деятельности митрополита Филофея Лещинского.

Ключевые слова: христианизация, миссионерская деятельность, Русская православная церковь, инородцы, язычество, иноверцы, мировоззрение.

The research focuses on the process of Christianization of the indigenous peoples of the Ob North, which was one of the most important aspects of the colonial policy of the state in Siberia. Part of the Russian state "other nations" (or "foreigners"), had their own formed and established spiritual traditions, religious and ideological beliefs, customs, ritual system. Interest to the issue has appears as early as in the XVIII century. Later different researchers reported the individual details of the monasteries Tobolsk diocese, about the role of the Russian Orthodox Church and the activities of the Tobolsk bishops. The second half of XIX – early XX century are characterized by the increase of papers on certain aspects of the history of the Russian Orthodox Church. The publications of anti-religious content, which describes the immoral behavior of clergies and tyranny of the Church authorities, appeared in the first years of the Soviet regime. History relating to wooden and stone construction of the Tobolsk Bishop's residence has also reflected in the writings of historians in 1990's and in 2000's. The research specifies the reasons necessary for Christianization of the indigenous population and considers its stages. Special attention is paid to the activities of metropolitan Philotheus Leschinsky.

Keywords: Christianization, missionary activities, Russian Orthodox Church, foreigner, paganism, adherents of different faith, ideology

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ «Разработка научно-методических и практических основ формирования эффективного механизма управления информацией о культурно-историческом и социальном развитии коренных малочисленных народов ХМАО-Югры», соглашение № №15-13-86007/16 от 22.04.2016 г. и Департамента образования и молодежной политики ХМАО-Югры № 07/16.0243-10/16-ЮГУ-170 от 03.08.2016 г.

Acknowledgement. This article was prepared with support of a grant of Russian Humanitarian Foundation "Development of scientific-methodical and practical bases of formation of effective information management mechanism of cultural, historical and social development of the indigenous peoples of the KhMAO-Yugra", Agreement №15-13-86007/16 from 22.04.2016 and the Department of Education and Youth Policy of KhMAO-Yugra № 07/16.0243-10/16-YUSU-170 from 03.08.2016

Распространение христианства на территории Западной Сибири и Дальнего Востока тесно связано с освоением и присоединением новых земель Русским государством.

Цель данного исследования - охарактеризовать и проанализировать христианизацию коренных народов Обского Севера на начальных этапах становления Русской православной церкви в Сибири.

Методологическую основу исследования составил принцип историзма, позволивший рассмотреть процесс христианизации коренных народов Обского Севера с учетом отдельных фактов и явлений. В работе также были использованы проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы.

Широкую сферу деятельности церковь развернула с момента строительства сибирских острогов и городов, где в числе первых строений воздвигались церкви, храмы и монастыри. Церковные священнослужители находились уже в составе первых переселенцев и правительственных воинских отрядов [4, с. 6, 55, 57-58, 64-65; 55, с. 441; 69, с. 138, 139, 186; 80, с. 42, 227, 349; 89, с. 18; 91, с. 22].

Первым архиепископом Сибирским и Тобольским стал Киприан (Старорусенин) (1621-1624). С именем Киприана связано начало сибирского летописания и иконописания. Важное значение для ранней истории сибирского иконописания и древнейших сибирских икон, по мнению Н.Н. Покровского и Е.К. Ромодановской, имеют два документа: это отписка тобольских воевод М. Годунова и И. Волконского царю от 13 ноября 1621 г. о завершении строительства Софийского собора и царская грамота от 18 января 1622 г. по челобитью тобольского иконописца протодьякона Матвея Мартынова. В челобитной протодьякона говорится, что в 1621 г. он написал для Софийского собора две двусторонние иконы с изображением на первой - Софии и Богородицы Знамение, на второй - Богородицы Одигитрия и Троицы. Кроме того, он «в соборной церкви иконы починивал многие и подсвечники красками писал» [68, с. 17; 102, с. 23-27].

Вторым архиепископом, возглавившим Сибирскую кафедру, стал архиепископ Макарий (1624-1635). Одним из направлений деятельности Макария являлось увеличение числа крещеных инородцев. При этом были введены более строгие правила перехода в христианскую веру сибирских народов - для искоренения случаев, когда иноземцы, приняв крещение, через некоторое время опять молились своим богам. В 1633 г. было произведено крещение семейства сибирских князей Алачевых: главу семейства нарекли именем Никифор, мать его нарекли Анной, жену - Агафьей, а сыновей Симоном и Исидором. Пробыл на архиерейской кафедре преосвященный Макарий одиннадцать лет и четыре месяца, скончался 24 июля 1635 г. [5, с. 191].

Следующие архиепископы Нектарии (1636-1640) и Герасим (1640-1650) продолжили развивать сибирское иконописание. При Нектарии случилось важное для Сибирской церкви событие. В селе Абалак, в 25 верстах от Тобольска, в 1636 г. несколько раз были «явления Божьей Матери некоей вдове Марии» [4, с. 72-73; 5, с. 186]. В 1637 г. владыка благословил построить в Абалаке каменную церковь во имя Знамения Божьей Матери, а протодьякон Матфей написал икону Знамения Богоматери [46, с. 90, 277].

Герасим увлекался церковным иконописанием и сам был искусным живописцем. В Тобольском архиерейском доме были открыты иконописные мастерские, в которых работали «под ведением особого надсмотрщика присланные еще при архиепископе Нектарии иконописцы» [РГАДА. Ф. 214. Кн. 487. Л. 426].

Пятым архиепископом Сибирским и Тобольским стал Симеон (1651-1664). По мнению Е.К. Ромодановской, преосвященный Симеон являлся неординарной фигурой: литературно одаренный, с четкими принципами, последовательно и строго проводимыми в жизнь, поддерживающий на первых порах ссыльных вождей старообрядчества (Аввакума и Лазаря), а позднее поддержавший Никона [75, с. 177].

Корнилий (1664-1678) [27, л. об. 84] продолжал начатые его предшественниками преобразования по развитию Тобольского архиерейского дома. Активно велась миссионерская деятельность, строились новые церкви и монастыри [92, с. 229].

С новой силой развернулась культурная, хозяйственная и миссионерская деятельность при втором сибирском митрополите Павле I (1678-1692) [11, т. 2, с. 410], которая была связана с борьбой с расколом. В 1681 г. отправлена духовная миссия в Западную Даурию, состоявшая из игумена Феодосия, иеромонаха Макария и нескольких монахов, а в Селенгинске были основаны Троицкий и Преображенский монастыри, причем оба мужские [5, с. 329].

2 апреля 1692 г. на место митрополита Павла I был избран Игнатий, принадлежавший древнему дворянскому роду Римских-Корсаковых. Преосвященный вел активную борьбу с расколом, написал «Три окружных послания» [4, с. 81-82; 39, с. 21; 89, т. 2, с. 505]. После отъезда Игнатия в 1701 г. на архиепископскую кафедру был определен архимандрит Новгород-Северского Спасского монастыря Димитрий (Даниил Туптало), церковный писатель и проповедник. Он известен как составитель «Четьи-Миней» или «Жития Святых» [4, с. 82; 89, т. 2, с. 8, 505]. При выборе нового сибирского владыки Петр I указывал: «…назначить пастыря ... который … мог бы приводить в познание истинного Бога слепотствующих и закостенелых в идолослужении жителей Сибири и Монголии…» [10, с. 328-332; 79, с. 321-325]. Однако в Тобольск Димитрий так и не прибыл [92, с. 143].

В качестве нового митрополита в Тобольскую епархию Петром I был избран Филофей (Лещинский) (1702-1711, 1715-1720) [93, с. 3], с деятельностью которого связано начало формирования нового этапа в истории Тобольской епархии. Филофей Лещинский организовал при архиерейском доме школу для детей духовенства. Целью учреждения архиерейской школы, по мнению А.И. Сулоцкого, являлось то, чтобы лица, вышедшие из ее стен, могли «учить христи-

анской вере и нравственности прихожан и обращать в христианство не только сибирских инородцев, а даже их соседей, например китайцев» [19, с. 107-111; 89, т. 2, с. 431-435, 454]. Основные усилия митрополита были направлены на просвещение и приведение в христианство народов Сибири [14, с. 45-56; 56, с. 140-152]. Однако тяжелая болезнь вынудила Филофея удалиться в Тюменский Троицкий монастырь.

В связи с этим на архиепископскую кафедру в 1711 г. назначили митрополитом Иоанна (Максимовича) (1711-1715), который продолжил основные направления деятельности своих предшественников. В июне 1712 г. по распоряжению Иоанна (Максимовича) была организована новая проповедническая и миссионерская экспедиция к северным народам, на проведение которой была выделена большая сумма денег, судно с гребцами, казаки для охраны. Миссионеры отправились вниз по Иртышу, а затем по Оби и Сосьве. Вторая экспедиция была предпринята в низовьях рек Оби и Сосьвы в 1713 г., где было окрещено до 3,5 тыс. человек. Третья совершена в 1714 г. в Пелымский край, в результате которой окрестили 600 жителей. За эти три экспедиции было окрещено более 4 тыс. человек. 10 июня 1715 г. митрополит Иоанн (Максимович) умирает, и вновь возвращен на митрополичью кафедру Феодор (Филофей Лещинский). Он управлял епархией вторично до 1720 г. [4, с. 84-85; 69, с. 298; 89, т. 2, с. 115].

За 1716-1719 гг. он посетил Сургут, Нарымский и Кетский округи, также Томский, Енисейский, Иркутский, Туруханский края. По подсчетам исследователей, им было окрещено до 40 тыс. человек. Преосвященный Феодор запретил Березовским жителям завозить в стойбище северных народов вино, скупать у них за бесценок меха, покупать в рабство их детей, а вновь окрещенные освобождались на несколько лет от уплаты ясака [30, с. 70-77; 89, т. 2, с. 52-53, 507]. В 1706 г. по ходатайству митрополита учреждено Иркутское викарство, которое возглавил епископ Варлаам (Коссовский) [82, т. 1, с. 158].

Предполагалось пригласить в Тобольск двух остяцких князей, ляпинского Шекшу и обдорского Тучабалду, и предложить им там принять христианскую веру, «но силою не крестить» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2499. Л. 7-7об.]. Однако остяцкие князья отказались, что привело к всеобщей христианизации края. Митрополиту Филофею (Лещинскому) пришел указ - «ехать к остякам и вогуличам с проповедью Евангельскою», и всех их «от мала до велика крестить», а их «все кумиры и кумирницы, где только будут найдены, сожигать и истреблять, и на их местах строить церкви, часовни и ставить иконы» [88, с. 30]. Первая экспедиция 1707 г. к березовским остякам не дала ощутимых результатов и в 1710 г. Петр I направляет сибирскому митрополиту новую грамоту с требованием «ехать вниз по великой реке Оби до Березова и далей и часовни строить и святые иконы поставляти, и их остяков приводить ко крещению….» [64, с. 413-414]. Летом 1712 г. Филофей (Лещинский) предпринял следующую, на этот раз более успешную поездку на территорию Кодского княжества. В 1713 и 1714 гг. подобные поездки были вновь инициированы императорским указом, направленным Сибирскому губернатору князю М.П. Гагарину [88, с. 30].

За довольно короткий срок были возведены церкви: Успенская - в Казымском городке, Богоявленская - в Ляпинском и Христорождественская - в Сосьвинском и Кушеватском городках [1, с. 15-16]. В 1715 г. новая экспедиция на реку Конду, где местный старейшина Нахрач Евплаев и его соплеменники приняли крещение. В 1716-1718 гг. были предприняты экспедиции к сургутским остякам, в Нарымский и Кетский уезды, Мангазею и в Восточную Сибирь. Кроме крещения миссионерам приходилось уничтожать «идолов» и «шайтанов» [88, с. 49]. К 1717 г. большая часть коренного населения Березовского края была окрещена. Не желал принимать православную веру обдорский князь Гындин, который решил вооруженным путем возвратить соплеменников к «вере отцов своих». В 1718 г. он отправил отряд вооруженных самоедов в Ляпинскую волость, где «двух человек убили до смерти, и над теми убиенными надругалися, груди спороли и тайные уды отрезали и им клали в уста» [18, с. 104-105]. В 1722 г. на Ляпинский городок князя Семена Матвеева напали 130 самоедов, «сожгли и разграбили церковь, совершили несколько убийств крещенных остяков, а их трупы предали поруганию» [ГАТоб. ф. 144. оп. 1. д. 48. л. 37-38]. Подобные нападения совершены были и на князей Куноватской волости, принявших христианство. Филофей (Лещинский) пытался склонить к христианству оборских аборигенов, но они «с необыкновенным упорством держались язычества и никто из них не принял христианства» [17, с. 32-33].

И.С. Шемановский упоминал, что «несмотря на то, что обдорский князь Василий Тайшин в 1726 г. принял крещение, язычество в обдорском крае цвело и укреплялось» [38, с. 3-4]. После сложения полномочий Филофеем Лещинским, митрополитом Сибирским и Тобольским был назначен Антоний I (Стаховский) (1721-1740), архиепископ Черниговский. Преосвященный Антоний I содействовал обращению в христианство сибирских язычников и построению церквей в отдаленных местах и вел борьбу с распространением раскола. В 1737 г. в Тобольске была учреждена особая раскольническая комиссия. Подтверждение этому находим в документах

фонда Духовной консистории [ГАТоб. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1984. Л. Об. 12, 14, 17-18; Д. 2946. Л. 1-Об. 3; Д. 2200. Л. 1а-5].

Таким образом, конец XVII - начало XVIII в. ознаменовались активной христианизацией коренного населения Обского Севера. По мнению Н.Д. Зольниковой, к концу XVIII в. практически все коренное население, проживавшее на территории Березовского и Сургутского уездов, будет крещено [35, с. 25].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абрамов Н.А. О введении христианства у березовских остяков // Журнал министерства народного просвещения. - Ч. 72. - 1951. - № 10-12.
2. Абрамов Н. Антоний II Нарожницкий, митрополит Тобольский и Сибирский. 1742-1748 гг. // Странник. - 1867. - Т. 4. - № 12. Отд. I.
3. Абрамов Н.А. Сильвестр Гловацкий, митрополит Тобольский и Сибирский // Странник. - 1868. - Т. 3. От. 1.
4. Абрамов Н.А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии / Сост. тома Ю.Л. Мандрики и В.А. Чупина, предисл. Ф. Петухова, прим. Ю.Л. Мандрики и В.А. Чупина. - Тюмень, 1998.
5. Андриевич В.К. История Сибири. - Т. 1. - Ч. 1. - СПб., 1890.
6. Баландин С.Н. Начало русского каменного строительства в Сибири // Русские города XVII - нач. XX вв. - Новосибирск, 1981.
7. Балюк Н.А. Тобольская деревня в конце XV-XIX веков. - Тюмень, 1997.
8. Балюк Н.А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI - начале XIX вв. - Тюмень, 2001.
9. Баранов В.С. Летопись Верхотурского Никольского мужского монастыря. - Нижний Новгород, 1910.
10. Бирюков Н. К вопросу об управлении Сибирской епархией святителем Дмитрием // Тобольские епархиальные ведомости. -1914. - № 20.
11. Большая Тюменская энциклопедия. - Т.2. - Тюмень, 2004.
12. Буркин Н. Монастыри в России. Их эксплуататорская и контрреволюционная роль. - М., 1931.
13. Буцинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. - Харьков, 1893.
14. Буцинский П.Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. - Харьков, 1893.
15. Верховский П.Н. Учреждение Духовной коллегии и «Духовный регламент». Т.1-2. - Ростов н/Д, 1916.
16. Вотчины Тобольского Софийского двора в XVII веке. - Тюмень, 2001.
17. Герасимов В.Н. Обдорск (исторический очерк). - Тюмень, 1909.
18. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. - Екатеринбург, 1995.
19. Голодников К.Д. Город Тобольск и его окрестности. - Тобольск, 1887.
20. Голубинский Е.Е. История русской церкви. - Т. 2. - М., 1917.
21. Горчаков М. Монастырский приказ (1649-1725 гг.): Опыт историко-юридического исследования. - СПб., 1868.
22. Грамматин П. Тобольский Знаменский монастырь // Тобольские епархиальные ведомости. - 1890. - № 3-4.
23. Григоров Д. Дело Абалакского монастыря // Уральский рабочий. - 1925. - №. 110.
24. Григорович Н. Обзор учреждений в России православных монастырей со времени введения штатов по духовному ведомству (1764-1869 гг.). - СПб., 1869.
25. Гузнер И.А. Библиотеки учебных заведений Сибири в первой половине XVII - нач. XVIII в. // Книга в Сибири XVIII - нач. XX вв. - Новосибирск, 1980.
26. Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. - М., 1908.
27. Деяние Московских соборов 1666-1667 гг. - М., 1893.
28. Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской церкви. - М., 1907, 1999.
29. Догуревич Т.А. Свет Азии: Распространение христианства в Сибири в связи с описанием быта, нравов, обычаев и религиозных верований инородцев этого края. - СПб., 1897.
30. Догуревич Т.А. Распространение христианства в Сибири. - СПб., 1910.
31. Дурново Н.Н. Девятисотлетие русской иерархии (988-1888 гг.). Епархии и архиереи. - М., 1888.
32. Заварихин С.П. В древнем центре Сибири. - М., 1987.
33. Зверинский В.В. Монастыри в Российской империи // Статистический временник Российской империи. Серия III. - Вып. 18. - СПб., 1887.
34. Зверинский В.В. Материал для Историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи. - Т. 1-3. - СПб., 1890-1897.
35. Зольникова Н.Д. Сельская приходская община в XVIII в. - Новосибирск, 1990.
36. Иванцов-Платонов А.И. О русском церковном управлении. - М., 1898.
37. Иконников В. Павел Конюшкевич, митроп. Тобольский // Русская Старина. - 1892, март.
38. Иринарх (Шемановский И.С.) История Обдорской духовной миссии. 1854-1904 гг. - М., 1906.
39. Календарь Тобольской губернии на 1890 г. - Тобольск, 1889.
40. Кирилов В.В. Тобольск. - М., 1984.
41. Кондратьев С.В., Туров С.В., Темплинг В.Я. Кодинский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в.: люди и стены сибирской обители накануне секуляризации // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. - Томск-Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. - Вып. 2. - С. 488-526.
42. Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири, конец XVII-XVIII в. - Новосибирск, 1979.
43. Кочедамов В.И. Тобольск: как рос и строился город. - Тюмень, 1963.
44. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. - М., 1978.
45. Кузнецов Е. По Тобольским архивам // Тобольские губернские ведомости. - 1893. - № 27.
46. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. / Изд. подгот. Е.К. Ромодановская, О.Д. Журавель. Отв. ред. акад. РАН Н.Н. Покровский. - Новосибирск, 2001.
47. Любинецкий Н.А. Землевладение церквей и монастырей Российской империи. - СПб., 1900.
48. Мавлютова Г.Ш. Кондинский (Кодинский) монастырь в XIX в. // Религия и церковь в Сибири. Сборник научных статей и документальных материалов. - Вып. 13. - Тюмень, 2000.
49. Майничева А.Ю. Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы. Серия «Этнография Сибири». - Новосибирск, 1999.
50. Макарий, митрополит. История русской церкви в 12-ти т. - СПб., 1881-1890.
51. Макарий (Булгаков), Митрополит Московский и Коломенский. История русской Церкви. - Т.1-7. - М., 1994-1996.

52. Манькова И.Л. Шашков А.Т. Из истории формирования библиотеки Далматовского монастыря в XVII-XVIII вв. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Государственные и частные библиотеки. - Новосибирск, 1987. - С. 65-67.
53. Манькова И.Л. Далматовский Успенский монастырь как место ссылки и заточения // Религия и церковь в Сибири. - Вып. 2. - Тюмень, 1991. - С. 21-30.
54. Манькова И.Л. Государственная политика в отношении землевладения Урало-Сибирских монастырей в XVII - нач. XVIII вв. // Религия и церковь в Сибири. Сборник научных статей и документальных материалов. - Вып. 4. - Тюмень, 1992.
55. Наш край в документах и иллюстрациях. - Екатеринбург, 1966.
56. Недосеков А. Миссионерская деятельность митрополита Филофея и его вторичное управление Сибирской митрополией с 1715 по 1721 гг. // Тобольские епархиальные ведомости. - 1889. - № 7-8.
57. Недосеков А. Никодим Скребницкий, митрополит Тобольский и Сибирский // Тобольские епархиальные ведомости. - 1891. - № 17-18.
58. Недосеков А. Сильвестр Гловацкий, митрополит Тобольский и Сибирский // Тобольские епархиальные ведомости. - 1892. - № 17-28.
59. Недосеков А. Антоний II Нарожницкий, митрополит Тобольский и Сибирский // Тобольские епархиальные ведомости. - 1892. - № 15-16.
60. Нечаева М.Ю. Взаимодействие центральных и местных властей в управлении монастырями Урала в XVIII в. // Уральский исторический вестник. - 1996. - № 3. - С. 99-100.
61. Нечаева М.Ю. Монастыри и власти: управление обывателями Восточного Урала в XVIII в. - Екатеринбург, 1998.
62. Очерки истории Тюменской области. - Тюмень, 1994.
63. Павлов А.С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч.1. - Одесса, 1871.
64. Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. I, II. - СПб., 1882.
65. Плотников Г.С. Описание Далматовского Успенского монастыря. - Екатеринбург, 1906.
66. Покровский И.М. Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и пределы. - Т. 1-2. - Казань, 1897.
67. Покровский Н.Н. Неизвестный документ о волнении усть-ницынских крестьян в XVII в. // Сибирское источниковедение и археография. - Новосибирск, 1980.
68. Покровский Н.Н. Тобольский архиерейский дом в XVII веке. - Новосибирск, 1994.
69. Полное собрание русских летописей. Т.36. Ч.1. Сибирские летописи. - М., 1987.
70. Половинкин Н.С. Западно-Сибирский регион в религиозном отношении и церковные преобразования в XVI-XX вв. // Религия и церковь в Сибири. Сборник научных статей и документальных материалов. - Вып. 5. - Тюмень, 1993.
71. Полунин Ф. Географический лексикон государства Российского. - М., 1773.
72. Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. - СПб., 1910.
73. Прошин Г.Г. Черное воинство: (Русский православный монастырь. Легенда и быль). 2-е изд. - М., 1985.
74. Религия и Церковь в Сибири. Сборник научных статей и документальных материалов. - Тюмень, 1991, 1992, 1993.
75. Ромодановская Е.К. Опись имущества Софийского дома при архиепископе Симеоне (1653 г.) // Археографические исследования отечественной истории: текст источника в литературных и общественных связях. - Новосибирск, 2009.
76. Сафронов В.Ю Становление православия в Сибири XVI-XVII вв. // Тобольский хронограф. - 2004. - № 4. - С. 363-368.
77. Сафронов В.Ю. Три века сибирского миссионерства. В 3-х ч. Монография. - Тобольск: ТГПИ, 2005.
78. Сафронов В.Ю. Государственное законодательство России по конфессиональным вопросам и православное миссионерство в конце XVII - начале XX вв. // Известия Алтайского государственного университета. - 2007. - № 2. - С. 14-26.
79. Святитель Дмитрий Ростовский как Сибирский митрополит // Тобольские епархиальные ведомости. - 1888. - № 15-16.
80. Сибирские летописи. - СПб., 1907.
81. Скачкова Г.К. Женские монастыри Тобольской губернии в конце XIX - начале XX вв. // Русский вопрос: история и современность: Материалы Третьей Всероссийской научной конференции. - Омск, 1998. - С. 205-210.
82. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. - Т. 1-2, 1838-1844.
83. Сосновский Л. По полтижку // Северянин. - 1927. - № 87.
84. Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. - СПб., 1877.
85. Судиницын А. Историческая справка о времени открытия Тобольской духовной семинарии // Тобольские епархиальные ведомости. - 1893. - № 36.
86. Сулоцкий А.И. Тобольская епархия. - Омск, 1892.
87. Сулоцкий А.И. Празднование двухсотлетия покорения Сибири Россией // Тобольские епархиальные ведомости. - 1858. - № 29.
88. Сулоцкий А. Жизнь святителя Филофея, митрополита Сибирского и Тобольского, просветителя сибирских инородцев. - М., 1915.
89. Сулоцкий А.И. Сочинения в трех томах. Т.1-3. - Тюмень, 2000.
90. Сумароков П. Миссионерство в Сибири // Христианства чтения. - 1883.
91. Тобольское церковное древлехранилище. Вып. 2. - Тобольск, 1903.
92. Тобольский биографический словарь. - Екатеринбург, 2004.
93. Толстой Ю. Списки архиереев и архиерейских кафедр иерархии всероссийской со времен учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721-1871 гг.). - СПб., 1872.
94. Туров С.В. Секуляризация земельных владений Тюменского Свято-Троицкого монастыря в XVIII в. // Культурное наследие Азиатской России. Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. - Тобольск, 1997. - С. 106-107.
95. Фатеев А., Смолин Л. Фальшивая святость // Красное знамя. - 1938. - № 49.

96. Филарет, архиепископ. История Русской церкви. Т. 1-5. - Чернигов, 1862.
97. Харина Н.С. Тобольский архиерейский дом в XVIII веке: взаимоотношения государства и епархии / Н.С. Харина // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сборник материалов региональной молодежной научной конференции. - Новосибирск, 2007.
98. Чернышев А.В. Религия и церковь в Тюменском крае: Опыт библиографии. В 3-х частях. Ч 2. / Чернышов А.В. - Тюмень, 2004.
99. Щекотов А. Словарь географический Российского государства. - Ч.1. - М., 1805.
100. Щербич С.Н. Книжное собрание Тюменского Троицкого монастыря (XVIII - первая четверть XIX в.) XIX в. // Религия и церковь в Сибири: сборник научных статей и документальных материалов. Вып.13. - Тюмень, 2000. - С. 37-64.
101. Эристов А. Церковь на службе у колчаковщины: десятилетию освобождения Урала от Колчака // Бюллетень общества изучения края при музее Тобольского севера. - 1929. - № 1-2.
102. Юрьевский А. Протодиакон Матфей Мартынов // Тобольское церковное древлехранилище. Вып. 1. - Тобольск, 1902.

Информация об авторе

Харина Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и права Югорского государственного университета,
г. Ханты-Мансийск. Россия
HaNaSe83@yandex.ru

Получена: 19.10 2016

Для цитирования статьи: Харина Н. С., Начало христианизации коренных народов Обского Севера.Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-105-110.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-105-110.

Information about the author

Natalya S. Kharina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Philosophy and Law, Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russia
HaNaSe83@yandex.ru

Received: 19.10 2016

For article citation: Kharina N.S., Nachalo hristianizacii korennyh narodov Obskogo Severa. [Christianization of indigenous people of the Ob North] . *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-105-110.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-105-110. (in Russian)

УДК 94(47).046 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-111-117

ЧЕРНЕНКО Дмитрий Анатольевич
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
dmitcher@mail.ru

Dmitri A. CHERNENKO
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
dmitcher@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЧВ В КНИГАХ ВАЛОВОГО ПИСЬМА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В. (НА ПРИМЕРЕ СУЗДАЛЬСКОГО УЕЗДА)

CHARACTERISTICS OF SOIL IN THE CADASTER OF THE FIRST THIRD OF THE XVII CENT. (SUZDAL DISTRICT)

В современной историографии одним из актуальных направлений становится экологическая история. Это повышает значение источников, содержащих сведения о характере хозяйственного взаимодействия общества и природы. К их числу относятся и книги валового письма первой трети XVII в. В числе прочего они содержат информацию о качестве земель, которые определялись как «добрые», «средние» и «худые». Вопрос о природе этих оценок стал предметом дискуссии, которая не дала на него ясного ответа. С целью критической проверки сведений валового письма о качестве земли был проведен анализ писцовой книги Суздальского уезда 1628-1630 гг. Суздальский уезд представлял собой крупный и репрезентативный с точки зрения задач исследования регион. Для ответа на поставленный вопрос была создана электронная база данных, содержащая сведения о 2,3 тыс. поселений и 4,9 тыс. пустошей. Ее анализ показал, что различия в писцовой оценке слабо связаны с их поместным или вотчинным статусом, различия же в уровне хозяйственного развития более заметны. На «добрых» землях чаще располагались более крупные поселения, выше уровень распашки, они чаще обеспечены хорошими сенокосами. С точки зрения собственно состава почв на уровне крайне общей тенденции можно предположить, что «добрые» земли Суздальского уезда - это либо более легкие в обработке супеси, либо более плодородные деградированные черноземы ополья. Таким образом, писцовая оценка качества земли в общем виде была обусловлена хозяйственными реалиями и не носила произвольный характер. При этом гораздо более отчетливо видны различия между «добрыми» и прочими землями, различия же между «средними» и «худыми» проявились по всем параметрам слабее.

Environmental history is becoming one of the important directions in modern historiography. This trend increases the value of the sources that provide information about the economic interaction between society and nature. Cadastres, started in the first third of the XVII century are among them. For example, they contain information about the quality of the soil. It could be assessed as «good», «average» and «poor». The question of the meaning of these assessments was the subject of discussion, but a clear answer was not received. The critical revision of these terms is the main goal of this paper. It is based on an analysis of cadastre book Suzdal district 1628-1630 years. Suzdal district was a large and representative for the study region. The electronic database was created on the basis of this document. It contains information on 2.3 thousand of settlements. The analysis showed that differences in the assessment of the quality of land were poorly linked to their legal status. Differences in levels of economic development were more noticeable. For example larger settlements were often located on the «good» soil. «Good» soils of Suzdal district were lighter sandy loam and more fertile degraded black soil. Therefore evaluation of the quality of soil was economically determined and was not random.

Ключевые слова: историческая география, аграрная история, компьютерные методы в исторических исследованиях, экологическая история.

Keywords: historical geography, agrarian history, computer methods in historical research, environmental history.

Богатые по содержанию книги валового письма первой трети XVII в. остаются источником, привлекающим интерес широкого круга исследователей [6]. Современные ученые обращаются к ним с целью рассмотрения вопросов истории служилого землевладения [14], хозяйственного освоения территории [13] и др. Писцовые книги являются крупнейшим историко-географическим источником, что особенно актуально в связи с формированием в отечественной историографии такого направления, как экологическая история [4; 7; 12]. Появляются примеры ее изучения и на материалах писцовых книг [11]. В рамках этого подхода к данным материалам возрастает ценность той части их сведений, которая характеризует хозяйственное взаимодействие общества и природы. К числу таковых относится, в частности, оценка писцами качества почв - параметра, также изучаемого историками и географами на материалах более поздних земельных описаний [1].

Как известно, писцы давали самое примерное указание на качество почв, отмечая о каждом поселении (или его «жребии»), что оно располагается на «худой», «средней» или «доброй» земле. Критерии этого определения были предметом небольшой дискуссии в дореволюционной историографии. Так, А.С. Лаппо-Данилевский считал, что главным основанием такой классификации была «доходность земель, количество сбираемого с них хлеба, словом степень урожая» [8, с. 224]. В защиту писцовых сведений о качестве земель выступил Н.А. Рожков, но он смог привести всего два фрагмента из разных книг первой половины XVI в., в которых, наряду с обычной писцовой оценкой «земля худа», есть дополнительные указания, что она песчаная или

каменистая [10, с. 191-192]. Весьма категоричен в своих суждениях по данному вопросу был С.Б. Веселовский, который доказывал, что писцовая оценка качества земли в принципе не могла быть обусловлена ни ее свойствами, ни продуктивностью [2, с. 379]. Подводя итог этой дискуссии, Ю.В. Готье относил данный вопрос к числу «не вполне разрешенных» [5, с. 379]. В советской историографии периодически также встречались скептические оценки данных понятий сошного письма. Например, Я.Е. Водарский предположил, что в некоторых книгах отразилась процедура «одабривания», поэтому в своей работе пересчитал все писцовые данные о «четвертной пашне» по Алексинскому уезду из «добрых» в «средние» [3, с. 27].

Источником для изучения данного вопроса послужила писцовая книга Суздальского уезда 1628-1630 гг. князя Михаила Михайловича Турусова и подьячего Федора Витовта (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 11317 (Ч. 1 - 3), 11318 (Ч. 1-3), 11319, 11320 (Ч. 1-2)). Современные методы, в частности создание на основе источника электронной базы данных (ЭБД) с последующим ее анализом, позволяют более детально подходить к вопросам критики такого источника, как писцовые книги. Территориальные рамки данного исследования - Суздальский уезд в границах первой трети XVII в. Этот уезд интересен по ряду причин. Во-первых, по меркам того времени это довольно крупный уезд с населением около 10 тыс. крестьянских дворов. Во-вторых, он значительно меньше других территорий пострадал в период Смуты, что позволяет анализировать качество писцовых сведений вне их возможной обусловленности последствиями кризиса. В-третьих, уезд характеризуется очень разнообразной структурой землевладения с большой долей крупных светских и духовных вотчин.

Путем практически сплошного перевода данных писцовой книги в электронную форму была создана ЭБД, которая содержит, в частности, сведения об оценке писцами земли в 200 селах, 161 сельце, 1 823 деревнях, 143 починках и 4 901 пустоши - всего в 7 228 поселениях и пустошах всех видов. Не будет преувеличением сказать, что массив данных подобной широты охвата для изучения вопроса о характере писцовой оценки качества почвы привлекается впервые.

Для удобства восприятия полученных данных была составлена приблизительная картосхема Суздальского уезда (см. Приложение к статье). На ней обширные уездные границы XVII в. показаны пунктирной линией, для сравнения даны границы уезда, сильно уменьшившегося после губернской реформы 1775 г., (точечная линия). Границы XVII в., нумерация и расположение станов показаны в соответствии с картой из исследования Ю.В. Готье о Замосковном крае в XVII в., воспроизведенной впоследствии Я.Е. Водарским. Цифрами обозначены следующие станы и волости: 1. Горетов; 2. Демин; 3. Ермолин; 4. Замоский; 5. Клоков; 6. Матня; 7. Мыцкий; 8. Некодимский; 9. Опольский; 10. Назарьевская волость Опольского стана; 11. Быковская волость Опольского стана; 12. Островской; 13. Стародуб-Ряполовский; 14. Сухода и Кондырев; 15. Талицкий; 16. Тейков и Сахташский; 17. Фантырев; 18. Шижехта; 19. Волость Юмохоцкая; 20. Волость Лопатницкая; 21. Волость Глумовская; 22. Волость Дунилова.

Площадь станов Суздальского уезда, и в частности площадь указанной писцами «четвертной пашни», в них могла резко колебаться от 2-10 тыс. дес. «четвертной пашни» в трех полях (Горетов, Замоский, Клоков и др.) до 10-25 тыс. дес. (Матня, Мыцкий, Сухода и Кондырев, Тейков и Сахташский). На этом фоне резко выделяются два огромных стана, которые сами по себе были больше многих уездов того времени: Стародуб-Ряполовский (56 тыс. дес. пашни в трех полях) и особенно Опольский (98 тыс. дес. пашни в трех полях). Поэтому сравнение станов по составу почв произведено на основе долевых, а не абсолютных показателей, которые отражены в Таблице 1. Данные всех таблиц получены по итогам сплошного анализа ЭБД, составленной на основе писцовой книги Суздальского уезда 1628-1630 гг.

В соответствии с полученной картиной территорию уезда можно условно разделить на три части. На севере и северо-западе уезда (т.е. примерно на половине его территории) абсолютно преобладали «средние» земли, к ним здесь было отнесено 90-100 % всей «четвертной» пашни. Исключениями на этом однородном фоне смотрятся только два небольших стана, где «средние» земли тоже преобладают, но заметная доля земли отнесена писцами к «худым»: на западе это стан Шижехта (42%), а в самой северной части - Талицкий (20%). Вторая широкая полоса земель относится к восточной и южной частям уезда и образована тремя его самыми большими станами: Матня, Стародуб-Ряполовский и Опольский. Только здесь располагались заметные или даже значительные массивы «добрых» земель: от 23% (Матня) до 42-45 %. В самом общем виде доля «добрых» земель растет в направлении к району ополья. Собственно, почти 90% всех «добрых» земель располагались именно в Опольском и Стародуб-Ряполовском станах. Здесь тоже есть небольшие «островки» - волости внутри Опольского стана, где преобладали «средние» (Быковская) или даже «худые» (Назарьевкая) земли. Наконец, самая восточ-

ная оконечность уезда, стан Мыцкий, описана в писцовой книге как район, где все земли оказались «худыми».

Как можно интерпретировать писцовые оценки качества земли в разных частях уезда? На приведенной картосхеме показан результат (конечно, весьма приблизительный) наложения карты Суздальского уезда Ю.В. Готье (масштаб 1:2 000 000) на Почвенную карту СССР 1930 г. (масштаб 1:7 000 000). Возможности такого анализа крайне ограниченны: мелкий масштаб карт не позволяет осуществить точное соотнесение, а суммарные долевые показатели Таблицы 1 в принципе не могут дать ответ на вопрос, как именно распределялись «добрые» и «средние» земли по обширной территории, например, Стародуб-Ряполовского стана. Тем не менее некая крайне общая тенденции все же прослеживается. Так, район преобладания «средних» земель в целом соответствует территории преобладания глинистых и суглинистых подзолистых почв, а «добрые» земли чаще показаны писцами на территории преобладания выщелоченных глинистых и суглинистых черноземов, а также легких суглинистых и супесчаных подзолистых почв.

Определенная логика в этом соответствии есть. Так, писцовыми оценками в самом общем виде довольно адекватно очерчен район ополья с его более плодородными черноземными почвами (западная часть Опольского стана). Что же касается возможной оценки писцами легких суглинков и супесей как «добрых» земель, то для ее объяснения уместно будет привести наблюдения Л.В. Милова над более поздним (середина XVIII в.) материалом «офицерских описей» монастырей. Анализируя на их основе многообразную картину трудозатрат крестьян Нечерноземья на вспашку и боронование, ученый писал: «Решающий фактор здесь - механические свойства почвы. «Супеси, то есть почвы с большой примесью песка, были наиболее мягкими для вспашки и бороньбы и требовали меньше сил и времени, чем тяжелые "иловатые", плотные, часто ссыхающиеся грунты» [9, с. 172]. Именно такие почвы распространены в районе Владимиро-Суздальского ополья. Так, согласно «офицерским описям», в Суздальском уезде на однократную вспашку сохой десятины пашни шло 2,3 чел.- и коне-дня, а в Кашинском и Дмитровском - 4,5-6,8 чел.- и коне-дней [9, с. 175]. С учетом крайней сжатости срока полевых работ в условиях Нечерноземья, возможность столь ощутимой экономии трудозатрат вполне могла быть основанием для более высокой оценки не только деградированных черноземов Опольского стана, но и супесей Стародуб-Ряполовского.

Проблемой (помимо указанной приблизительности наших пространственно-статистических данных) остается необъяснимость отнесения писцами всех земель Мыцкого стана к «худым» - соотнесение наших карт показывает, что с точки зрения состава почв они мало чем отличались от «средних» земель.

На наш взгляд, определенные возможности выявления правдоподобности или мнимости различий между землями с разной писцовой оценкой качества может дать и сплошной анализ статистики самой писцовой книги - инструмент, технически недоступный для исследователей конца XIX - начала XX в., которые поэтому часто оперировали отдельными примерами текстов книг.

Критически подходя к писцовым оценкам качества земли, необходимо проверить, насколько это возможно, вероятность применения писцами процедуры «одабривания». Как известно, нормы сошного письма подразумевали разный уровень налогообложения для «добрых», «средних» и «худых» земель в зависимости от их правового статуса. Хотя писцовое описание Суздальского уезда проведено после введения «живущей четверти», можно допустить некую инерцию применения прежних фискальных норм даже в ситуации фактического перехода от поземельного к подворному принципу налогообложения. Сделать это «изнутри» самого массива писцовых данных сложно, но, если бы, например, выяснилось, что существует некая логика преобладания земель с определенной оценкой качества в той или иной форме землевладения, мы могли бы подозревать намеренное приписывание писцами завышенной или заниженной оценки землям в зависимости от их статуса. Соответствующее распределение земель представлено в Таблице 2.

Совершенно очевидно, что нет никакой связи между писцовой оценкой качества земли и ее распределением между вотчинами и поместьями. Примерно одинаковые доли и вотчинных, и поместных земель оказались «добрыми», а чаще всего и те, и другие оценивались писцами как «середние». Вотчинные земли реже, чем поместные, определены в книге как «худые», что объясняется их большей концентрацией в Опольском стане. Иначе выглядит картина распределения церковно-монастырских земель - более половины из них располагались на «добрых» землях. Однако при этом стоит учитывать, что более 70% земель всех этих вотчин располагались в Опольском стане, где почвенные условия действительно могли быть лучше. На наш

взгляд, эти данные говорят о том, что какой-то целенаправленной «подгонки» оценки качества земли в связи с ее правовым статусом в суздальской писцовой книге нет.

Как соотносятся оценка писцами качества земли и результаты хозяйствования на ней? Книги валового письма первой трети XVII в. не содержат данных об урожайности - критерии, наиболее очевидном при попытке объяснения писцовой оценки качества земли. Однако, используя возможности сплошного анализа ЭБД, можно, на наш взгляд, соотнести ряд довольно важных экономических параметров с этой оценкой. Соответствующие показатели представлены в Таблице 3.

Совершенно очевидны существенные различия в значениях целого ряда значимых параметров в зависимости от того, на каких (по оценке писцов) землях велось хозяйство. Например, это показатели освоения земельных ресурсов. Так, «добрые земли» были заметно лучше распаханы - доля «пашни паханой» во владениях, расположенных на таких землях, составляла в среднем около 40% от всей «четвертной пашни», в то время как на «средних» и «худых» землях она была чуть меньше 25%. Видимо, «добрыми» действительно могли считаться те земли, которые были легче в обработке, - во всяком случае, именно эти земли дают более высокий средний показатель «пашни паханой» на двор - 9 дес. в трех полях против 6,5 на «худых». Более высокое качество «добрых земель» показывает и уровень их заселения. Так, именно на этих землях оказывается несколько более высокой плотность населения - 4,2 двора на 100 дес. «четвертной земли» в трех полях. На «добрых землях» располагались и наиболее крупные поселения, их средний размер составлял примерно 7 дворов - вдвое больше, чем на «средних» или «худых». Наконец, само освоение этих земель и формирование на них сети поселений началось, видимо, существенно раньше. На это указывает существенно более высокая доля сел - наиболее крупных, древних поселений, узловых центров системы расселения. Так, их доля на «добрых» землях составила почти 19%, тогда как на «средних» - 8%, а на «худых» - менее 4%.

Перечисленные параметры позволяют еще раз усомниться в правомерности сплошного отнесения земель Мыцкого стана к «худым». Так, уровень распашки составлял здесь 32%, а плотность населения была практически как на «добрых» землях - 8 дворов на 100 дес. «четвертной» земли.

Специфика писцовой книги Суздальского уезда в том, что в ней зачастую сенокосные угодья характеризуются не только количеством копен, как в большинстве книг валового письма, а двумя показателями - и количеством десятин покоса, и количеством скашиваемых с них копен. Благодаря этому мы знаем укос применительно к 1 629 поселениям и пустошам из 7 228 - это достаточно солидная случайная выборка. Как оказалось, качество покосов достаточно четко согласуется с писцовой оценкой качества пашенной земли. Соответствующие данные приведены в Таблице 4. Из них хорошо видно, что на «добрых» землях укос значительно выше - в каждом третьем поселении или пустоши он достигал максимальных значений 20 копен с десятины и более, тогда как на «средних» и «худых» землях это наблюдается только в 6-7 % случаев.

Итак, сплошной анализ ЭБД, содержащей сведения о 7,2 тыс. поселений пустошей, описанных в писцовой книге Суздальского уезда 1628-1630 гг., позволяет сделать следующие выводы по вопросу характера оценки писцами качества земли. Различия в писцовой оценке слабо связаны с их поместным или вотчинным статусом, земли духовных вотчин, расположенные в южной половине уезда, чаще оцениваются как «добрые». Различия же в уровне хозяйственного развития на землях с разной писцовой оценкой достаточно заметны: на «добрых» землях чаще располагались более крупные поселения, выше уровень распашки, они чаще обеспечены хорошими сенокосами. С точки зрения собственно состава почв на уровне крайне общей тенденции можно предположить, что «добрые» земли Суздальского уезда - это либо более легкие в обработке супеси, либо более плодородные деградированные черноземы ополья. Таким образом, писцовая оценка качества земли в общем виде соотносится с хозяйственными реалиями региона. Видимо, она определялась разными факторами (общая урожайность, легкость в обработке, лучшая обеспеченность сенокосами), но, по крайне мере, в данной книге не носила произвольный характер. При этом гораздо более отчетливо видны различия между «добрыми» и прочими землями, различия же между «средними» и «худыми» проявились по всем параметрам слабее. Кроме того, вероятным примером недостоверной (заниженной) оценки писцами качества почв является отнесение всех земель Мыцкого стана к «худым».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1 Качество земель в станах и волостях Суздальского уезда по писцовой оценке

Стан/волость	Доля «доброй» земли	Доля «средней» земли	Доля «худой» земли	Всего	Номер на картосхеме
Горетов	0,0	95,5	4,5	100	1
Демин	0,0	100,0	0,0	100	2
Ермолин	0,0	89,5	10,5	100	3
Замоский	0,0	99,2	0,8	100	4
Клоков	0,0	100,0	0,0	100	5
Матня	22,9	65,5	11,7	100	6
Мыцкий	0,0	0,1	99,9	100	7
Некодимский	0,0	96,4	3,6	100	8
Опольский	42,2	34,6	23,2	100	9
Назарьевская волость (Опольский стан)	2,7	39,1	58,2	100	10
Быковская волость (Опольский стан)	0,0	99,8	0,2	100	11
Островской	0,0	96,8	3,2	100	12
Стародуб-Ряполовский	44,5	35,8	19,6	100	13
Сухода и Кондырев	0,0	95,9	4,1	100	14
Талицкий	16,5	63,3	20,2	100	15
Теков и Сахташский	0,0	92,8	7,2	100	16
Фантырев	0,0	96,4	3,6	100	17
Шижехта	4,6	53,6	41,8	100	18

Таблица 2 Структура земельного фонда различных правовых статусов с точки зрения писцовой оценки их качества

	«Добрые земли»	«Средние земли»	«Худые земли»	Всего
Поместные земли	13,9	65,5	20,6	100
Вотчинные земли	18,9	48,5	32,7	100
Церковно-монастырские земли	58,7	29,8	11,6	100

Таблица 3 Хозяйственные показатели на землях с разной писцовой оценкой качества

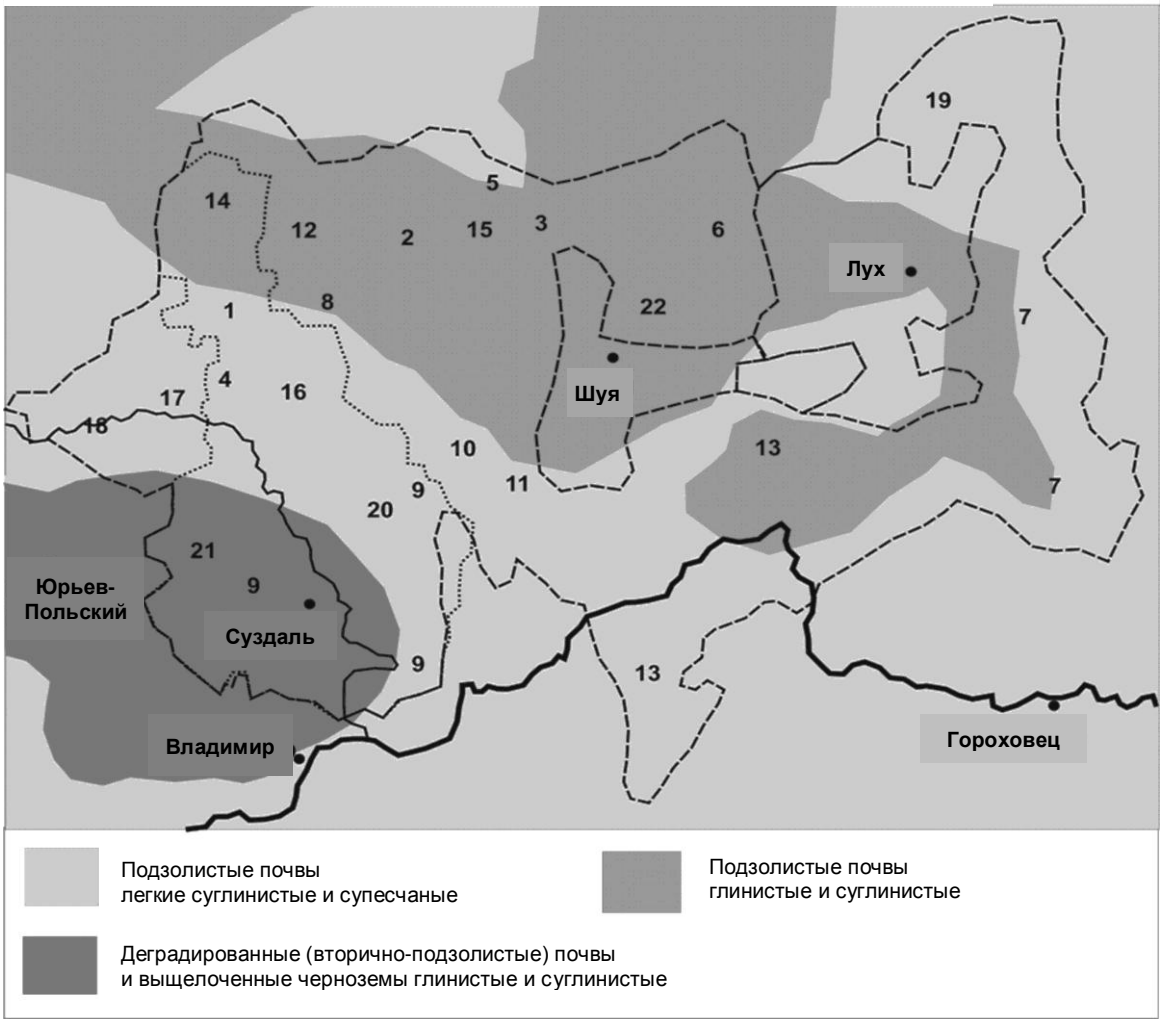
	«Добрые земли»	«Средние земли»	«Худые земли»
Уровень распашки (доля «пашни паханой» от всей «четвертной земли», %)	38,3	24,1	24,3
«Пашни паханой» на двор (дес. в трех полях)	9,2	8,5	6,4
Доля сел среди всех поселений	18,8	8,0	3,4
Средний размер поселения (дворов)	7,4	3,7	3,4
Дворов на 100 дес. «четвертной земли»	4,2	2,9	3,8

Таблица 4 Качество сенокосных угодий на землях с различной оценкой по писцовой книге

Копен сена с десятины покосов	«Добрые земли»		«Средние земли»		«Худые земли»	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Менее 10	1	0,38	11	1,2	3	0,67
10-15	108	40,6	462	50,55	229	51
15-20	73	27,44	376	41,14	188	41,87
Более 20	84	31,58	65	7,11	29	6,46
Всего	266	100	914	100	449	100

КАРТОСХЕМА

Почвы Суздальского уезда первой трети XVII в.



БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алябина И.О., Голубинский А.А., Кириллова В.А., Хитров Д.А. Почвенные ресурсы и сельское хозяйство центра Европейской России в конце XVIII века // Почвоведение. - 2015. - № 11.
2. Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. -Т. 2. - М., 1916.
3. Водарский Е.Я. Дворянское землевладение в России в XVII - первой половине XIX в. - М., 1988.
4. Голубинский А.А., Хитров Д.А., Черненко Д.А. Леса Центрального Черноземья в материалах Генерального межевания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. - 2013. - № 1;
5. Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке. Очерк истории экономического быта Московской Руси. - М., 1937.
6. Дмитриева З.В., Черкасова М.С. Конференциям по изучению писцовых книг - 25 лет // Российская рия. - 2014. - № 1.
7. Канищев В.В., Кончаков Р.Б., Костовска С.К. Пространственное моделирование экологических процессов в истории // Фрактальное моделирование. -Тамбов. - 2011. - № 1.
8. Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. - СПб., 1890.
9. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. - М., 2006.
10. Рожков Н.А. К вопросу о достоверности писцовых книг. Труды Археографической комиссии Московского Археологического общества. - Т.1. - Вып.1. - М., 1899.
11. Степанова Л. Г. Опыт создания модели освоенности земельных угодий на основании данных писцовых книг конца XV-XVI вв. и материалов Генерального межевания XVIII в. // Научный диалог. История. Социология. Экономика. - 2013. - № 1(13).
12. Степанова Л.Г. Экологическая история по материалам крестьянских «сказок» и Экономических примечаний к Генеральному межеванию // Русь. Россия. Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвертые чтения памяти академика Л.В. Милова. - М., 2015.
13. Черненко Д.А. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII-XVIII вв. (опыт региональной типологии). - Вологда, 2008.
14. Черненко Д.А., Чеченков П.В. Экономическое состояние служилого землевладения в Нижегородском уезде в 1620-е гг. / Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. - 2013. - № 1.

REFERENCES

1. Alyabina, I. A., Golubinsky A. A., Kirillov V. A., Khitrov, D. A. Soil resources and agriculture centre of European Russia in the late XVIII century. [Pochvennye resursy i sel'skoe khozyaystvo tsentra Evropeyskoy Rossii v kontse XVIII veka]. Soil science. 2015. No. 11.
2. Veselovsky, S. B. Soshne letter. A study on the history of poosnogo cadastre and taxation of the Moscow state. [Issledovanie po istorii kadastra i pososhnogo oblozheniya Moskovskogo gosudarstva]. Vol. 2. M., 1916.
3. Wodarski, E. J. Noble landownership in Russia in XVII - first half XIX V. [Dvoryanskoe zemlevladenie v Rossii v XVII - pervoy polovine XIX v.]. M., 1988.
4. Golubinsky, A. A., Khitrov, D. A., Chernenko, D. A. Woods of the Central Chernozem region in the materials of General land survey. [Lesa Tsentral'nogo Chernozem'ya v materialakh General'nogo mezhevaniya]. Herald of the Voronezh state University. Series: History. Political science. Sociology. 2013. No. 1;
5. Gautier, Y. V. Zamoskovnyi Krai in the XVII century. [Zamoskovnyy kray v XVII veke]. Essay on the history of the economic life of Moscow Russia. M., 1937.
6. Dmitrieva, Z. V., Cherkasova, M. S. Conferences for the study of scribal books - 25 years. [Konferentsiyam po izucheniyu pistsovykh knig - 25 let]. Russian history. 2014. No. 1.
7. Kanischev V. V., Kondakov, R. B., Kostovska, S. K. Spatial modeling of ecological processes in history. [Prostranstvennoe modelirovanie ekologicheskikh protsessov v istorii]. Fractal modeling. Tambov, 2011. No. 1;
8. Lappo-Danilevsky, A. S. the Organization of direct taxation in the Moscow state since the troubles before the era of transformation. [Organizatsiya pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudarstve so vremen smuty do epokhi preobrazovaniy]. SPb., 1890.
9. Milov, L. V. the Great Russian ploughman and peculiarities of Russian historical process. [Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa]. M., 2006.
10. Rozhkov, N. To the question about the reliability of the scribe books. [К вопросу о достоверности писцовых книг]. Proceedings of the archaeological Commission of the Moscow Archaeological society. Vol. 1. Vol.1. M., 1899.
11. Stepanova, L. G. the Experience of creating a model of the development of land on the basis of the data of the scribe books of the late XV-XVI centuries and General survey of the XVIII century Scientific dialogue. [Opyt sozdaniya modeli osvoennosti zemel'nykh ugodiy na osnovanii dannykh pistsovykh knig kontsa XV-XVI vv. i materialov General'nogo mezhevaniya XVIII v]. History. Sociology. Economy. 2013. No. 1(13).
12. Stepanova, L. G. Ecological history of peasant materials "fairy tales" and Economic notes to the General survey. [Ekologicheskaya istoriya po materialam krest'yanskikh «skazok» i Ekonomicheskikh primechaniy k General'nomu mezhevaniyu]. Rus. Russia. The middle ages and New time. Vol. 4. The fourth reading in memory of academician L. V. Milov. M., 2015.
13. Chernenko, D. A. land Tenure and economic-demographic processes in Central Russia XVII - XVIII centuries (experience of regional typology). [Zemlevladenie i khozyaystvenno-demograficheskie protsessy v Tsentral'noy Rossii XVII - XVIII vv. (opyt regional'noy tipologii)]. Vologda, 2008.
14. Chernenko, D. A., Chechenkov, P. V. Economic status of the serving tenure in the Nizhny Novgorod district in 1620-ies of the. [Ekonomicheskoe sostoyanie sluzhilogo zemlevladeniya v Nizhegorodskom uezde v 1620-e gg.]. Yearbook on agrarian history of Eastern Europe. 2013. No. 1.

Информация об авторе

Черненко Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России XIX века – начала XX века, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
dmitcher@mail.ru

Получена: 14.112016

Для цитирования статьи: Черненко Д.А., Характеристика почв в книгах валового письма первой трети XVII в. (на примере Суздальского уезда) Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-111-117.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-111-117.

Information about the author

Dmitri A. Chernenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History of the XIX century – beginning of the XX century, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
dmitcher@mail.ru

Received: 14.112016

For article citation: Chernenko D.A., Harakteristika pochv v knigah valovogo pis'ma pervoj treti XVII v. (na primere Suzdal'skogo uezda) [Characteristics of soil in the cadaster of the first third of the XVII centure (for example Suzdal district)]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-111-117.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-111-117. (in Russian)

УДК 908

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-118-122

ШАВЛОХОВА Елена Сергеевна
Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ Министерства образования и науки Российской Федерации
г. Краснодар, Россия
520637@mail.ru

Elena S. SHAVLOKHOVA
Academy of Marketing and Social Information Technologies – IMSIT
Krasnodar, Russia
520637@mail.ru

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КАК ЭТАП ВКЛЮЧЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИИ

CHRISTIANIZATION OF THE POPULATION OF THE NORTH CAUCASIAN PEOPLES AS THE STAGE OF INCLUDING IN THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL SYSTEM OF RUSSIACASE

Рассматриваются вопросы, затрагивающие процессы, связанные с присоединением Осетии к России как интеграции народов Северного Кавказа в административно-правовую систему России. Уделяется внимание христианизации Осетии, которой предшествовало формирование русско-осетинских отношений. В XVIII в. этим отношениям препятствовал ряд трудностей, главным образом внешнеполитического характера. В статье сопоставлены и проанализированы результаты исследований многих авторов, занимавшихся данной проблемой. Поднимается вопрос об ориентации осетинского населения на Россию и приведении не только к относительно быстрому, но и глубокому внедрению христианства в жизнь осетинского общества. Новизна исследования видится в том, что в работе христианизация осетинского населения рассматривается в рамках процесса включения Осетии в административно-правовую систему России, так как при исследовании данного вопроса было выяснено, что фактор христианизации был одним из пунктов в процессе присоединения Северной Осетии к России. Актуальность исследования обусловлена важностью принятия осетинским населением решения о христианизации, так как важным фактором было влияние соседних народов, например мусульманской Кабарды, которая чинила препятствия.

Ключевые слова: интеграция, осетины, присоединение, Россия, христианизация, подданство, административно-правовая система, Северная Осетия.

The problems affecting the processes associated with the accession Ossetia to Russia as the integration of the peoples of the North Caucasus into the Russian legal administrative system. The Christianization of Ossetia is paid much attention, before it the Russian-Ossetian relations were formed. There were some difficulties, mainly connected with the sphere of foreign policy, which didn't allow developing these relations in the XVIII century. The results of studying of many authors dealing with this problem were analyzed and compared in this article. The questions about the Ossetian population orientation to Russia and it lead to the relatively rapid and deep introduction of Christianity into the life of the Ossetian society are discussed in it. The novelty of the research is seen in the fact of Christianization of the Ossetian population examined under Ossetia joining process into the administrative and legal system of Russia, as in the study of the matter, it was found that the Christianization factor was one of the points in the process of joining North Ossetia to Russia. The relevance of the study is in the importance of taking a decision by the Ossetian population that they should be Christianized. It was an important fact was as neighboring nations, such as the Muslim Kabarda influenced this process.

Keywords: integration, Ossetians, accession, Russia, Christianization, citizenship, administrative and legal system of North Ossetia

Благодарность. Издание статьи осуществлено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Присоединение Осетии к России как процесс интеграции народов Северного Кавказа в административно-правовую систему России» (конец XVIII - начало XIX вв.), проект № 16-11-23014.

Acknowledgement. The publication of article has been made with financial support of the Russian Foundation for Humanities in the framework of the project research "Joining of Ossetia to Russia as the process of integration of the peoples of the North Caucasus in the administrative and legal system of Russia (the end of XVIII - early XIX centuries)", project № 16-11-23014

Интеграция народов Северного Кавказа в административно-правовую систему России имела длительную историю и проходила в разных формах. Часть народов Северного Кавказа добровольно приняла русское подданство, другие присоединены в результате войн России с Ираном и Турцией. Западный Кавказ, Чечня, Высокогорный Дагестан присоединены в период Кавказской войны - самой длинной в истории России [1, с. 131-138].

До 40-х годов XVIII в. русско-осетинские связи были непостоянными и носили эпизодический характер. И только в 40-х годах XVIII в. начинаются постоянные русско-осетинские отношения. Это было связано с изменением политической обстановки на Северном Кавказе. Изменилась и внешнеполитическая обстановка: Кабарда была объявлена независимой от Турции по Белградскому миру 1739 г. и Азов был передан России. На данном историческом этапе осетины нуждались в земле и в связи с вышеуказанными событиями получили возможность удовлетворить свое давнее желание о включении в состав территории Осетин предгорных равнин.

В середине XVIII в. грузинские духовные лица Иосиф и Николай обратились к императрице Елизавете Петровне, с которой они поддерживали отношения в связи

с деятельностью русского правительства в отношении Осетии и которой они обещали привести осетин в подданство России [2, с. 29-30]. В 1743 г. Коллегии иностранных дел было поручено рассмотреть вопросы, касавшиеся выяснения точных границ Осетин, внешнеполитическое положение и представить императрице Елизавете Петровне доклад. Возглавил составление доклада Коллегии канцлер А.П. Бестужев-Рюмин.

Необходимые сведения об Осетии были получены от кабардинских князей, находившихся в тот момент в Петербурге: Магомета Атажукина, Адильгирея Гиляксанова и кумыкского владельца Алиша Хамзина. Осетины, как подтверждали кабардинские князья, «прежде все были христианского закона, и для того и ныне … содержат посты по христианскому обыкновению» и «есть у них церкви каменные, которые ныне стоят пусты» [3, с. 230].

В соответствии с вышеуказанными данными, собранными Коллегией иностранных дел, Сенат, которому были переданы материалы, постановил направить в Осетию миссионерскую комиссию в составе 21 духовного лица. Перед Комиссией были поставлены следующие задачи: распространить христианство среди осетин, подготовить их к союзу с Россией и привести осетин в российское подданство.

Известно, что в древности осетины были христианами и после падения Константинополя и ослабления Грузии не могли иметь проповедников. Они назывались христианами, но священников у них не было. Иногда к ним приезжали из Грузии священники, в большинстве случаев из-за заработка, а не для того чтобы принести учение о христианстве. И поэтому для осетин были характерны суеверия, то есть поклонение языческим богам. Христиан можно было пересчитать по пальцам.

В 1744 г. российское правительство вознаграждало грузинских духовников, которые направлялись в Осетию для проповедования там христианства. Данная деятельность была начата в связи с распоряжением Святейшего Синода, который надеялся привести осетин к христианской религии, так как у них сохранялась склонность во взглядах, их жилища имели следы старых церковных построек, предки их были христиане - и поэтому многие из населения крестились с великой охотой и желанием.

В 1747 г. был издан указ о том, что все, кто приезжают в Кизляр, из осетинского народа могут принять крещение, и, если они захотят вернуться в свои жилища, давали награду знатным в размере 20 рублей, а остальным - так называемые «кормовые деньги» [4, ГАРФ, ф. 1318., оп. 1, д. 142]. Было важно принимать их в российское подданство. Духовным лицам, которые хотели прийти в Осетию, давали жалование и деньги в размере 500 рублей на покупку холста и прочего для раздачи в Осетии.

В 1747 г. из Осетии в Кизляр приезжал архимандрит грузинский Пахомий; в 1751- 1752 гг. он был с осетинскими старшинами в Санкт-Петербурге и получил на раздачу убогим осетинам, принимающим христианство, на рубашки 500 рублей, а самому архимандриту Пахомию было определено жалование. Он был назначен начальником так называемой Осетинской комиссии. В 1773 г. в Кизляре было передано в государственное ведомство Осетинское подворье, которое состояло из огорода, рыбных угодий и сенокосных лугов. Были созданы и другие условия, которые бы привлекали данное население.

В 1756 г. для пропаганды новокрещеных осетин было решено присылать в Кизляр и Астрахань денежные средства: старшинам платили по 10, а рядовым - по 3 копейки в день. Тех, кто приезжал продавать свой скот и осуществлять торговое взаимодействие, от обыкновенных пошлин освобождали, а брали пошлины с российских купцов, которые купили у них товары. Пошлины с вещей, которые можно было применять к церковному строению, а также для применения церковных съестных и прочих запасов по указу 1758 г. не взимались. Если говорить о взимании пошлин с холста, соли и прочих товаров, которые шли на собственные нужды, указами 1756, 1758 и 1760 гг. приказывалось поступать с осетинами, как положено поступать с горцами.

В 1761 г. были предписаны следующие указания: при передвижении по дороге из Кизляра осетинской комиссии во главе с архимандритом Пахомием и прочим духовным давали в конвой казаков, и при передвижении по самой Осетии духовных лиц их утварь и прочее, принадлежащее комиссии, нужно было содержать в Осетии с караулом [5, с. 349]

Впрочем, в отношении начала внедрения новой веры важно выделить такое понятие как возобновление христианства в кавказских горах. В 1763 г. были приняты меры по искусственному отвлечению их от варварских нравов, как считало российское правительство, важно было вселять в этих людей человечность и прививать им лучшее обхождение, что приводило бы к более частому общению с россиянами. Важно, чтоб они обучались российскому языку и грамоте.

Осетинская комиссия, занимающаяся обращением осетин и ингушей в христианство, находящаяся в руках грузинских духовных, не принесла пользы. Хотя достаточно длительное

время под распоряжением Святейшего Синода читались проповеди христианского закона осетинскому и ингушскому народу, но успеха они не достигли. В связи с этим плачевным результатом многие начальники кизлярской стороны говорили, что не видят в этой деятельности никакой пользы, так как люди грубые и дикие и не способны принимать христианские истины. Местные крестились из корыстных побуждений, чтобы получить снабжение, которое предлагалось российским правительством, но не становились истинно верующими.

Осетинская комиссия сделала вывод, что существует другой, более эффективный, способ обращения осетин, ингушей и других горцев в христианство - это просвещение молодых людей. В связи с этим 27 сентября 1764 г. был подготовлен доклад Коллегии иностранных дел, в котором говорилось, что в Моздоке необходимо открыть школу для обучения новокрещеных осетинских детей, обучая их христианскому закону и российской грамоте. Каждому ученику полагалось питание и одежда, а учителю по 2 руб. в месяц. Создание и управление школой было поручено астраханскому губернатору и кизлярскому коменданту. Подполковник Гак, находящийся в Моздоке, получил в 1765 г. указ о скорейшем создании такой школы и поспешном построении при школе в Моздоке деревянного дома, где бы могли жить учителя и ученики. В школе должны были работать учителя, которые хорошо знали горские языки.

В 1767 г. было разрешено школьников на некоторое время отпускать домой к родителям. Детей же старших классов в школе содержали отдельно и выдавали им на содержание до 4 руб. в месяц, но было замечено, что корыстолюбивые отцы таких детей и родственники приезжали в Моздок и отбирали даваемое им жалование, оставляя детей в крайней бедности без одежды и обуви [6, с. 142-165].

При осетинской комиссии находился игумен Григорий. Когда архимандрит Пахомий выбыл, Григорий в 1767 г. был произведен в архимандриты. Он был назначен на место в Осетинской комиссии и получал значительное вознаграждение от российского правительства. Деньги выделялись на принятие приезжающих к нему осетин.

В 1770 г. архимандрит Григорий выбыл и в Осетинскую комиссию был определен грузинский архимандрит Порфирий.

Святейший Синод рассмотрел предыдущую деятельность архимандритов и определил, что в плачевном состоянии находилось обращение иноверцев в христианство из-за неэффективной деятельности самих проповедников. Последние не выполняли свои обязанности, то есть не проповедовали, а если и выезжали в отдаленные населенные пункты, то проповедовали на русском или грузинском языке людям, которые не понимали эти языки. То население, которое было крещено, оставлялось без наставления. Через некоторое время проповедники возвращались, но не для того, чтобы проповедовать, а чтобы пугать людей последствиями из-за несоблюдения правил и законов. Пугали новокрещеных и пытались заработать. Осетинским населением такая деятельность духовных лиц воспринималась негативно, и местные не желали обращаться в христианскую веру. Для проповедников же данная деятельность была связана только с наживой.

В связи с вышеприведенными выводами Святейший Синод в 1771 г. передал деятельность Осетинской комиссии кизлярскому коменданту. Без его ведома ничего не предпринималось, так как коменданту были известны все особенности народов, проживающих на данных территориях. В то же время он должен был защищать проповедников в случае опасности и принимать жалобы на них от осетин. Кизлярский комендант также контролировал конвои и подводы, которые направлялись духовным лицам от светского начальства. В том же году в Осетинскую комиссию были определены представители из российских духовных лиц. Начальником русских проповедников был назначен Афанасий Лебедев. Он сохранял свой пост до 1777 г., а впоследствии, в 1781 г., его место занял протопоп Болгарский. Афанасию Лебедеву на деньги из казны был выстроен дом в Моздоке и от Святейшего Синода дано тайное наставление о том, как нужно действовать, чтоб осетинский народ обращать в греко-российскую веру [7, с. 73]. Важно отметить, каковы были эти требования: «Во-первых, учение иноверным важно было преподавать только из Евангелия, Деяний и Посланий апостольских, и не отягощать их разум различными лишними рассуждениями. Также говорили им, что есть Бог, и он дал человеку закон, и закону надо следовать. Бога нужно любить и почитать всем сердцем, а идолов нужно совсем забыть. Родителей любить и почитать, повиноваться властям. По праздничным дням молиться Богу. Стараться не обижаться. Отвернуться от убийств, краж, клеветы, лжи, обмана. Трезвость, сохранение верности и чистоты супружеской должны быть главными ориентирами в обществе. Также объяснить им догмы, заключающихся в Символе веры, молитвы Господней Отче наш и других. Почитать иконы и знать, кто на них изображен. Хранить 10 главных заповедей, которые являются основой христианской веры» [8, ф. 821.,оп. 133, д. 639].

Церковные службы совершались на российском языке. Символ веры, Десятословие и молитву Господню объясняли иноверцам на понятном им языке. Те, кто принимал христианскую веру, поступали в открытую в Моздоке школу учеников. Следили, чтоб осетины не забывали

своего языка, но учили российскую грамоту, и, если среди них находились достойные ученики, их отправляли в Астрахань в духовную семинарию, которая была открыта в 1777 г. В семинарии учеников обращали в священников, а потом посылали обратно для проповеднической деятельности. В 1784 г. в Астраханской духовной семинарии находилось 9 осетин [9, ф. 11., оп. 1, д. 845; оп. 6, д. 246].

Выводы

Осетинская комиссия просуществовала до 1793 г. В процессе работы в Моздоке была учреждена епархия и при ней школа для учения детей горских жителей. Рассмотрев вопрос принятия христианства осетинами, отметим, что это был сложный и длительный процесс, связанный с политическими и культурными перипетиями.

Необходимо подчеркнуть, что в X в. предки осетин, аланы, проживающие в государстве Алания, приняли христианство в его ортодоксальной форме, и это было важным внешнеполитическим шагом. Христианство было потеряно в результате войн и внешних вторжений, которые закончились уничтожением Алании в конце XIV в. И следующим этапом христианизации уже Осетии стал XVIII в.

Распространению православия в Осетии в XVIII в. препятствовали следующие факторы: незнание проповедниками национального языка и, соответственно, непонимание горским населением речей духовных лиц, а также недобросовестность проповедников, которые приезжали в Осетию только с целью заработка, поэтому запугивали и грабили население; влияние соседних народов, например мусульманской Кабарды, которая чинила препятствия распространению христианства. Только включение Осетии в систему управления Российской империи окончательно изменило религиозную ситуацию в данном регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шавлохова Е.С. Проблема независимости в контексте теоретического осмысления понятия «национальное государство» / Е.С. Шавлохова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. - 2008. - № 81. - С. 131-138.
2. Русско-осетинские отношения. В 2-х т. / сост. М.М. Блиев. Т.1. - Орджоникидзе : Ир, 1976. - 514 с.
3. Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах. Сборник для описания местностей и племен Кавказа, 1883. пуск 3. - Тифлис, 1883. - 230 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1318. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. Оп. 1. Д. 142.
5. Koch K. Reise durch Russland und nach dem Kaukasischen Isthmus in Jahren 1836, 1837 und 1838. Bd. I. - Stuttgart, 1843. - 349 s.
6. Гмелин С.Г. Лютеранская церковь с 1702 года / С.Г. Гмелин. Ч.2. - М, 1990. - 350 с.
7. Reineggs J. Allqemeine historisch-topoqraphische Beschreibunq des Kaukasus, Reineggs. Bd. I. - Gotha und St.-Petersburg, 1796. - 73 s.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий. Оп. 133. Д. 639.
9. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 11. Терское областное правление. Оп. 1. Д. 845; Оп. 6. Д. 246.

REFERENCES

1. Shavlokhova E.S. 2008. Problema nezavisimosti v kontekste teoreticheskogo osmysleniya ponyatiya «natsionalnoye gosudarstvo». Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena, 81: 131-138. (In Russ.).
2. Bliyev M.M. 1976. Russko-osetinskiye otnosheniya: v 2-kh t., I. Ordzhonikidze: Ir. (In Russ.).
3. Lavrov D. 1883. Zametki ob Osetii i osetinakh. Sbornik dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza, 1883, 3. Tiflis. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. (In Russ.). F. 1318. Narodnyy komissariat po delam natsionalnostey RSFSR. Op. 1. D. 142.
5. Koch K. 1843. Reise durch Russland und nach dem Kaukasischen Isthmus in Jahren 1836, 1837 und 1838, I. Stuttgart. (In Germ.).
6. Gmelin C.G. 1990. Lyuteranskaya tserkov' s 1702 goda. M, Ch. 2. P. 350
7. Reineggs J. 1796. Allqemeine historisch-topoqraphische Beschreibunq des Kaukasus, I. Gotha und St.-Petersburg. (In Germ.).
8. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. (In Russ.). F. 821. Departament dukhovnykh del inostrannykh veroispovedaniy. Op. 133. D. 639.
9. Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya. (In Russ.). F. 11. Terskoye oblastnoye pravleniye. Op. 1. D. 845; Op. 6. D. 246.

Информация об авторе

Шавлохова Елена Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, кафедра технологий сервиса и деловых коммуникаций, “Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ” (г. Краснодар) Министерства образования и науки
г. Краснодар, Росия
520637@mail.ru

Information about the author

Elena S. Shavlokhova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Prorector for scientific activity, Academy of Marketing and Social Information Technologies – IMSIT,
Krasnodar, Russia
520637@mail.ru

Получена: 12.11.2016

Для цитирования статьи: Шавлохова Е. С., Христианизация населения народов Северного Кавказа как этап включения в административно-правовую систему России. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-118-122.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-118-122.

Received: 12.11.2016

For article citation: Shavlokhova E. S., [Christianization of the population of the North Caucasian peoples as the stage of including in the administrative and legal system of Russia] . *Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatelnaya mys’l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-118-122.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-118-122. (in Russian)

УДК 930.2

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-123-126

ЮМАШЕВА Юлия Юрьевна
Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД)
г. Москва, Россия
Juliayu@yandex.ru

Julia Yu. YUMASHEVA
The All Russian Scientific and Research Institute for Archives and Records Management (VNIIDAD)
Moscow, Russia
Juliayu@yandex.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ АРХИВНОГО ДЕЛА (2005−2015 гг.)

HISTORIOGRAPHY OF RESEARCHES IN THE FIELD OF THE INFORMATISATION OF RUSSIAN ARCHIVES (2005–2015)

В статье рассматривается третий этап информатизации архивного дела в Российской Федерации, начало которого совпало с принятием программы «Электронная Россия» (2002 г.). Серьезное влияние на организацию и проведение научных исследований в этот период оказала административная реформа 2004 г., изменение законодательной базы архивной сферы и активное развитие норм права, направленных на обеспечение перехода Российской Федерации к информационному обществу. На основе анализа обширного источникового материала (более 2000 источников), автор прослеживает результаты решения основных задач, сформулированных в государственных программах информатизации и формирования единого информационного пространства, устанавливает формы реализации главных направлений информатизации Российской Федерации в целом и информатизации архивов в частности. В научных исследованиях, выполненных в отраслевом научно-исследовательском институте архивной отрасли, нашли отражение актуальные проблемы перехода к информационному обществу. Основными задачами научных исследований в этот период были поиски методов повышения эффективности внедрения компьютерной техники и автоматизированных систем в делопроизводство и архивное дело; решение проблем, связанных с использованием электронных документов, подписанных электронными подписями в оперативной деятельности организаций, внедрение систем электронного документооборота, организацией приема электронных документов на долгосрочное архивное хранение; а также осмысление новых реалий развития информационных технологий, особое место среди которых занимают интернет и «облачные» технологии. Результатом выполнения научных исследований по тематике информатизации архивной отрасли являются выработанные общие подходы и методы проведения процессов информатизации, а также перспективные стратегии встраивания российских архивов в цифровую эпоху.

The article deals with the third phase of informatisation of archives in the Russian Federation, the beginning of which coincided with the adoption of the «Electronic Russia» program (2002). The great impact on the organization and conduct of scientific research in this period had an administrative reform in 2004, the change in the archive's legislation and the active development of the rule of law, to ensure the transfer of the Russian Federation to the information society. The author traces the results of solving the main tasks set out in the government programs of informatisation and formation of a single information space, sets the form of realization of the main directions of informatisation of the Russian Federation as a whole and archives informatisation on in particular. The main objectives of research in this period have been searching for methods to increase the efficiency of the implementation of computer technology and automated systems for records management and archiving; problems associated with the use of electronic documents signed with electronic signatures in the operational activities of the organizations, the introduction of electronic document management systems, the organization of the reception of electronic documents for long term archival storage; as well as the understanding of the new realities of development of information technologies, a special place among them is occupied and the Internet and «cloud» technologies. The result of the research on the subject for archives is to develop common approaches and methods of processes of informatisation, as well as long-term strategy of embedding the Russian archives in the digital era.

Ключевые слова: архивное дело, информатизация, государственная программа «Электронная Россия», Программа информатизации Федерального архивного агентства, Концепция информатизации государственного архива

Keywords: archiving, computerization, The State Program «Electronic Russia», Program of informatisation of the Federal Archival Agency, The Concept of the state archive of informatisation

Развитие информатизации архивной отрасли и научных исследований в рамках этого направления в период начала 2000-х годов до конца 2011 г. проходило в русле основных направлений утвержденной в 2002 г. общегосударственной федеральной целевой программы «Электронная Россия» (Утверждена Постановлением Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 6 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002−2010 годы)», основное внимание в которой было сосредоточено на создании электронных архивов документов, находящихся в оперативном обращении, управлении архивными данными, накапливаемыми в информационных системах, а также применению электронных документов в практике документационного обеспечения управления и обеспечению сохранности электронных документов, передаваемых на государственное хранение.

Основными задачами научных исследований в этот период были поиски путей повышения эффективности внедрения компьютерной техники и автоматизированных систем в делопроизводство и архивное дело [3], а также осмысление новых реалий развития информацион-

ных технологий, связанных с активным внедрением интернет-технологий.

Приоритетными направлениями в исследованиях и публикациях этого периода были:

- развитие, внедрение и применение информационных систем по учету документов Архивного фонда (с 2011 г. − Единой автоматизированной информационной системы (ЕАИС)) и иным направлениям внутриархивной деятельности в условиях формирования единого информационного пространства архивной сферы;

- создание и ведение автоматизированного научно-справочного аппарата [4];

- формирование тематических архивных ресурсов и организация доступа к ним;

- возможности применения интернет-технологий, в том числе − создание, продвижение и использование сайтов и т.п. [1];

- создание электронных архивов и проблемы приема на постоянное хранение электронных документов;

- проблемы обеспечения сохранности архивных документов (в том числе с помощью применения информационных технологий оцифрования [6], компьютерной реставрации и создания электронных фондов пользования).

В начале 2000-х годов укрепилась тенденция к расширению участников процесса проведения научных исследований и создания нормативно-методических документов, регламентирующих вопросы информатизации. Существенное влияние на этот процесс оказало вступление в действие Федерального закона от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации». Одним из результатов административной реформы стало то, что Федеральное архивное агентство, сохранив полномочия по разработке единой государственной политики в области архивного дела и установлению единых правил организации работы с документами Архивного фонда, утратило возможность непосредственного прямого руководства органами управления архивным делом в субъектах Российской Федерации, а утвержденные Комиссией по научно-исследовательской и методической работе Росархива нормативно-методические документы получили статус рекомендательных.

Результатом осуществления научных исследований в рамках описанной модели стало большое количество разработок нормативно-методического характера, выполненных в государственных архивах субъектов Федерации и муниципальных архивах по тематике информатизации архивного дела. Как правило, эти документы носили исключительно локальный характер и были созданы в целях решения задач регламентации деятельности по применению информационных технологий в условиях конкретного архива или разработки (внедрения) конкретного программного обеспечения/компьютерного оборудования. При этом наблюдалось определенное «запаздывание» постановки теоретических проблем информатизации архивной сферы по отношению к практическому опыту применения определенных технических и технологических решений.

К концу первого десятилетия 2000-х стала очевидна необходимость возврата к вопросу о выработке единой стратегии, подходов и методов информатизации архивной сферы, определения единых требований к созданию информационных ресурсов, их представлению широкому пользователю [2].

В конце 2010 г. Росархив приступил к разработке Программы информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему федеральных учреждений на 2011–2020 годы [8]. Программа представляет собой комплекс организационных, технических и технологических мероприятий. В ней предусмотрена реализация широкого круга научных исследований в области архивного дела и документационного обеспечения управления и определены основные направления научных исследований:

в области оказания государственных услуг в электронной форме:

- мониторинг состояния представления государственных услуг на портале государственных услуг;

в области внедрения МЭДО, СМЭВ и СЭД:

- разработка проектов нормативных и методических документов, стандартов и форматов работы с электронными документами, электронными образами (копиями) документов, электронными сообщениями (в системах МЭДО и СМЭВ);

- разработка правил работы с электронными документами в текущем делопроизводстве в федеральных органах исполнительной власти;

-*в области информатизации основной деятельности архивов:*

- создание, модернизация типовых автоматизированных систем по основным направлениям деятельности;

- научно-методическое руководство проектами создания электронных копий архивных до-

кументов (оцифровки), создания страховых фондов и фондов пользования на основе применения цифровых технологий;

- научно-исследовательские работы по выработке необходимых условий для приема на хранение, организации условий по приему на постоянное хранение электронных документов («электронный архив»).

Ведущим исполнителем научно-исследовательских работ в рамках реализации Программы является ВНИИДАД. Большинство научных разработок, выполненных институтом в ходе реализации программы, хотя и разработаны для архивной сферы, имеют более широкое предназначение, и могут быть востребованы в библиотечном и музейном сообществах, а также во всех организациях, имеющих архивы.

Так, к примеру, в рамках подготовленной специалистами института «Концепции информатизации (автоматизации) деятельности государственного архива» [5] были предложены концептуально новые подходы к реализации автоматизации внутриархивной деятельности, которые могут быть использованы в архивах любого уровня и подчинения.

Документ содержит описание целостной модели информатизации (комплексного информационного решения) и автоматизации системы управления государственным архивом как специализированным учреждением, основной функционал которого связан с осуществлением комплектования, учета, хранения и использования документов Архивного фонда Российской Федерации, а также конкретизации требований к ее реализации. Основополагающим принципом Концепции является принцип использования единых технологических (информационных) платформ для реализации взаимосвязанных программных модулей, предназначенных для автоматизации процессов управления и осуществления основных видов деятельности архива.

Другой научной разработкой ВНИИДАД, имеющей концептуальное значение, являются подготовленные и введенные в действие в 2015 г. «Правила организации хранения, комплектования, учёта и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях» [7], которые впервые описывают практику работы архивов с электронной документацией. В частности, Правила содержат требование изменения аппаратно-программной среды архивов, обеспечивающих хранение электронных документов, синхронизированно с развитием информационных технологий.

Подводя краткий итог рассмотрению вопросов информатизации архивного дела и проведенных научных исследований в рамках данного направления, следует отметить, что результатом развития теории и практики информатизации архивной отрасли на сегодняшний момент являются выработанные общие подходы и методы проведения процессов информатизации, а также перспективные стратегии встраивания российских архивов в цифровую эпоху. Реализация данных стратегий повысит эффективность применения ИКТ в архивном деле, придаст процессу системный характер и даст синергетический эффект мультипликативного воздействия информационных технологий на деятельность архивов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ССЫЛКИ

1. Боброва, Е.В. Архивы via Интернет. Новое литературное обозрение. 2005. № 74. с. 34–45.
2. Внедрение новейших информационных технологий в практику работы архивов. Отечественные архивы. 2012. № 1. с. 126−127.
3. Залаева, Г.З. Разработка методов повышения эффективности информационных технологий в архивной отрасли. Диссертация на соискание степени доктора исторических наук. Москва, РГГУ. 2005. 46 с.
4. Варухиной, Т.А. Информационные технологии в создании научно-справочного аппарата и использовании архивных документов национального архива Республики Карелия. 1995−2005 гг. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Москва, МГУ. 2006. 370 с.
5. Ларин, М.В., Юмашева, Ю.Ю., Мингалев, В.С., Терентьева, Е.В., Романченко, Е.В. Концепция информатизации (автоматизации) деятельности государственного архива. Электронный ресурс. Росархив, ВНИИДАД. 2014 г. Федеральное архивное агентство. Официальный сайт. URL: http://archives.ru/documents/methodics.shtml. Дата обращения: 01.09.2016.
6. Юмашева, Ю.Ю. Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом. Электронный ресурс. Росархив, ВНИИДАД, 2012. Федеральное архивное агентство. Официальный сайт. URL: http://archives.gov.by/index.php?id=133837 Дата обращения: 01.09.2016.
7. Правила организации хранения, комплектования, учёта и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях. Электронный ресурс. Федеральное архивное агентство. Официальный сайт. URL: http://archives.ru/documents/ministry-orders/prik_526_2015.shtml Дата обращения: 01.09.2016.
8. Программа информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреждений на 2011–2020 годы. Утверждена Приказом Росархива от 02.12.2011 г. № 104. Электронный ресурс. Федеральное архивное агентство. Официальный сайт. URL: http://archives.ru/programs/informatization.shtml. Дата обращения: 01.09.2016.

BIBLIOGRAPHY

1. Bobrova, E. V. Archives via the Internet [Arkhivy via Internet]. Novoe literaturnoe obozrenie. 2005. No. 74. S. 34-45.
2. Implementation of new information technologies in the work of the archives [Vnedrenie noveyshikh informatsionnykh tekhnologiy v praktiku raboty arkhivov]. Domestic archives. 2012. No. 1. p. 126-127.
3. Shalaeva, G. Z. Development of methods of increase of efficiency of information technologies in the archival industry [Razrabotka metodov povysheniya effektivnosti informatsionnykh tekhnologiy v arkhivnoy otrasli]. Dissertation for the degree of doctor of historical Sciences. Moscow, RGGU. 2005. 46 S.
4. Varuhina, T. A. Information technology in the creation of finding AIDS and use of archival documents national archives of the Republic of Karelia. 1995-2005 [Informatsionnye tekhnologii v sozdanii nauchno-spravochnogo apparata i ispol'zovanii arkhivnykh dokumentov natsional'nogo arkhiva Respubliki Kareliya. 1995−2005 gg.]. Dissertation for the degree of candidate of historical Sciences. Moscow, Moscow state University. 2006. 370 p.
5. Larin, M. V. Yumashev, Yu. Yu., Mingalev, V. S., Terent'eva, E. V., Romanchenko, E. V. The Concept of Informatisation (automation) activities of the state archives [Kontseptsiya informatizatsii (avtomatizatsii) deyatel'nosti gosudarstvennogo arkhiva]. Electronic resource. Rosarchiv, the allrsriarm was. 2014 the Federal archival Agency. Official site. URL: http://archives.ru/documents/methodics.shtml. Date: 01.09.2016.
6. Yumashev, Y. Y. guidelines for the electronic reproduction of archival documents and the management information received by the array [Metodicheskie rekomendatsii po elektronnomu kopirovaniyu arkhivnykh dokumentov i upravleniyu poluchennym informatsionnym massivom]. Electronic resource. Rosarchiv, the allrsriarm was, 2012. The Federal archival Agency. Official site. URL: http://archives.gov.by/index.php?id=133837 date: 01.09.2016.
7. The rules of the organization of storage, acquisition, accounting and use of documents of Archival Fund of the Russian Federation and other archival documents in state authorities, local governments and organizations [Pravila organizatsii khraneniya, komplektovaniya, ucheta i ispol'zovaniya dokumentov Arkhivnogo fonda Rossiyskoy Federatsii i drugikh arkhivnykh dokumentov v organakh gosudarstvennoy vlasti, organakh mestnogo samoupravleniya i organizatsiyakh]. Electronic resource. The Federal archival Agency. Official site. URL: http://archives.ru/documents/ministry-orders/prik_526_2015.shtml date: 01.09.2016.
8. The program of Informatization of the Federal archival Agency and its subordinate institutions for 2011-2020 [Programma informatizatsii Federal'nogo arkhivnogo agentstva i podvedomstvennykh emu uchrezhdeniy na 2011–2020 gody]. Approved by Order of Ministry from 02.12.2011, № 104. Electronic resource. The Federal archival Agency. Official site. URL: http://archives.ru/programs/informatization.shtml. Date: 01.09.2016.

Информация об авторе

Юмашева Юлия Юрьевна, кандидат исторических наук, Заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД),
г. Москва, Россия
Juliayu@yandex.ru, Yumasheva@vniidad.ru

Получена: 20.10.2016

Для цитирования статьи: Юмашева Ю.Ю., Историография научных исследований в области информатизации архивного дела (2005−2015 гг.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-123-126.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-123-126.

Information about the author

Julia Yu. Yumasheva, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of the All Russian Scientific and Research Institute for Archives and Records Management (VNIIDAD),

Moscow, Russia
Juliayu@yandex.ru; Yumasheva@vniidad.ru

Received: 20.10.2016

For article citation: Yumasheva Ju.Yu., Istoriografija nauchnyh issledovanij v oblasti informatizacii arhivnogo dela (2005−2015 gg.). [Historiography of researches in the field of the informatisation of Russian archives (2005–2015)]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-123-126.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-123-126. (in Russian)

Социологические и гуманитарные науки

Sociological and Humanities Sciences

УДК 316.344.6 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-129-132

АФОНЬКИНА Юлия Александровна
Мурманский арктический государственный университет
г. Мурманск. Россия
julia3141@rambler.ru

Yulia A. AFONKINA
Murmansk Arctic State University
Murmansk, Russia
julia3141@rambler.ru

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ИНКЛЮЗИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ»

Статья посвящена актуальной проблеме социальной инклюзии, развитие которой в современном общества выступает приоритетом государственной политики и ведущей общественной тенденцией, значительно активизирующейся в текущее десятилетие и отражающей существенное изменение отношения общества к лицам с инвалидностью в направлении гуманизации.
Автор статьи предпринял научный анализ современных инклюзивных процессов, происходящих в обществе, который проводится с позиции социально-личностных детерминант, что доказывает важность развития собственной социальной активности лиц с инвалидностью для создания включающего общества. Данный анализ осуществлен на основе систематизации научных представлений, сложившихся в социологии в отношении категории потенциала в его разнообразных социальных проявлениях.
Автором впервые вводится в научный контекст изучения проблемы социальной инклюзии лиц с инвалидностью понятие инклюзивного потенциала, которое рассматривается как один из субпотенциалов, составляющих феномен социального потенциала. Выделены феноменологические характеристики категории «инклюзивный потенциал», раскрывающие его средовые, пространственно-временные и субъектные характеристики. Показаны пути проектирования инклюзивных практик на основе определения инклюзивного потенциала лица с инвалидностью и инклюзивного потенциала среды. Важной социальной задачей признается обогащение инклюзивного потенциала в его средовых и социально-личностных проявлениях.

Ключевые слова: социальная инклюзия, инклюзивные процессы, гражданское общество, лица с инвалидностью, потенциал, субпотенциал, социальный потенциал, инклюзивный потенциал.

CATEGORIZATION OF THE "INCLUSIVE POTENTIAL" CONCEPT

The article is devoted to an actual problem of social inclusion, which appears in today's society as a priority of public policy and leading social trend, much more active in the current decade and which reflects the significant changes in attitudes towards people with disabilities in the direction of humanization.
The author undertook a scientific analysis of the current inclusive processes occurring in the society, which is conducted from the perspective of social and personal determinants and proves the importance of developing people with disabilities own social activity in order to create an inclusive society. This analysis was done on the basis of scientific ideas systematization in sociology which relates to the capacity category in its various social forms.
The author first is introduced in the context of scientific study of social inclusion problem of people with disabilities within the inclusive concept of building which is regarded as one of subpotentials constituting the phenomenon of social potential. Phenomenological characteristics are obtained in the category inclusive potential of revealing its area-, space-, time- and subject characteristics. The ways of inclusive practices are based on the determination of the inclusive potential of people with disabilities and the inclusive potential of the space. An important social goal of inclusive potential enrichment is in its environmental, social and personal manifestations.

Keywords: social inclusion, inclusive processes, civil society, people with disabilities, potential, subpotential, social potential, inclusive potential.

В современном мире социальные процессы становятся динамичными, быстро трансформирующимися явлениями. Они демонстрируют переосмысление отношения общества к разным группам населения и, пожалуй, в наиболее явном виде представлены в инклюзивных практиках. Различия постепенно осмысливаются не как препятствия для общественного развития, а как задел, определяющий достижение гуманистических целей и планирование новых демократических перспектив.

Развитие идей инклюзии в России является одним из приоритетов государственной политики и признается как общественная ценность. Инклюзия не может рассматриваться только как комплекс мероприятий, инициированных государством. Все большее внимание исследователей привлекают субъективные аспекты социальной инклюзии и противоречия данного процесса, имеющие социально-личностный характер. Так, важным моментом в развитии социальной инклюзии признается социальное гражданство инвалидов как их общественное объединение за отстаивание своих прав и свобод (Е.Р. Ярская-Смирнова [15]). Вместе с тем исследования показывают достаточно низкую солидарность лиц с инвалидностью, значительную социальную пассивность.

Возникает необходимость интенсификации процессов инклюзии в направлении как можно более полного социального включения, не исчерпывающегося созданием доступной среды и развитием практик инклюзивного образования, а предполагающего развитие активной гражданской позиции лиц с инвалидностью, то есть социального гражданства инвалидов (П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова [15]), рассмотрение лиц с инвалидностью как важного ресурса развития общества (Г.В. Жигунова [7]). Социальный запрос, предполагающий вывод инклюзивных практик в сферу удовлетворения общечеловеческих потребностей лиц с инвалидностью,

нашел отражение в новой концепции инвалидности, которую можно охарактеризовать как концепцию человеческого достоинства (Ю.А. Афонькина [2]).

Развитие инклюзивных процессов в направлении их «очеловечивания», преодоления формальности включения определяет необходимость дальнейшего научного анализа категории инклюзии и выявление ее новых феноменологических характеристик, среди которых следует выделить категорию инклюзивного потенциала.

Потенциал определяется в социологии как готовность к осуществлению разных видов деятельности через возможность достижения прогнозируемых уровней личностного развития (Л.М. Галиев [4]), как совокупность возможностей, средств, ресурсов, способностей, резервов и других характеристик, которыми обладает его носитель (Ю.М. Пасовец [13]), как совокупность качеств субъекта или особое интегральное качество, которое выполняет функцию «реализации» субъекта, то есть определяет эффективность осуществления им в конкретных объективных условиях всех видов жизнедеятельности (Г.В. Жигунова [7]).

Традиционной для социологии выступает категория социального потенциала. Социальный потенциал первоначально изучался в контексте экономических исследований как социально-экономический потенциал, раскрывался в научном смысле в качестве трудового потенциала, составной частью которого выступал научно-технический потенциал промышленности, строительства, сельского хозяйства (Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина [10], А,К. Назимова [11]).

В современных социологических исследованиях категория потенциала стала значительно обогащаться, за счет выхода за пределы социально-экономических теорий в сферу учета человеческого фактора, например в работе Н.В. Воронковой [3].

В связи с этим интерес исследователей социального потенциала обратился к изучению его аспектов не только в экономической социологии, но и в социологии труда, образования, науки и т.д. В современной социологии рассматриваются человеческий потенциал, личностный потенциал, социально-профессиональный потенциал, жизненный потенциал, реабилитационный потенциал.

В исследованиях М.А. Нугаева [12] рассматриваются следующие составляющие (субпотенциалы) социального потенциала: инновационный потенциал, ценностный потенциал, интеллектуальный потенциал, психофизиологический потенциал и т.п.

По мнению ряда исследователей (Г.В. Жигунова [7], В.П. Горшенин [5], С.А. Дрокин [6]), такие категории, как ресурсы, резервы и возможности, характеризуют разные стороны потенциала как целостного феномена, уровни его проявления.

Среди характеристик социального потенциала выделяются его латентный характер (Ю.А. Пасовец [13]) и динамизм (В.Н. Аргунова [16]). В социологии принято также выделять пространственно-временные характеристики потенциала (И. Абалкин [1], З.П. Замараева [9], Е.А. Реанович [14], М.А. Нугаев [12]).

Таким образом, в социологии потенциал используется как синоним категорий «ресурсы», «резервы», «возможности», которые конкретизируются в пространственно-временном континиуме.

Итак, категория потенциала включает представления о совокупности средств, а также запасов и источников, которые могут быть при необходимости применены для достижения цели. Так называемые субпотенциалы, составляющие социальный потенциал, раскрывают содержательные связи, в том числе латентные, человека и социума в отношении определенных социальных процессов и практик. Следовательно, развитие процессов в обществе предполагает введение в контексте научного анализа новых аспектов потенциала. Так, развитие социальной инклюзии подводит к необходимости категоризации понятия инклюзивного потенциала.

Категоризация понятия «инклюзивный потенциал» имеет актуальность, поскольку позволяет объективировать и ввести в сферу научного анализа содержательные связи человека с новой социальной реальностью, отражающей развитие инклюзивных процессов в обществе. Категоризация инклюзивного потенциала предполагает введение в сферу его научного анализа как пространственно-временных характеристик (в социологическом плане - социального пространства и временного фактора инклюзии как протяженного во времени социального процесса), так и личностных детерминант инклюзивных процессов.

Инклюзивный потенциал раскрывается при совершении какого-либо действия, выполнения какой-либо функции акторами инклюзии при наличии их усилий в направлении поставленной цели. Таковыми акторами могут быть как отдельные люди, так и общество в целом, а также государство. Отношения между акторами инклюзии имеют непрямой характер, представители разных социальных сред выступают как проводники инклюзии.

Инклюзивный потенциал, по сути, есть величина и содержание той социальной энергии, которая мобилизована, приложима и приведена в действие к определенной целевой точке (в

нашем исследовании ею выступает точка / точки инклюзии), а также средства и условия ее достижения, поддержания, сохранения.

Важно рассматривать как инклюзивный потенциал самого лица с инвалидностью, так и инклюзивный потенциал социальных сред, в которых происходят инклюзивные процессы. При соединении ограниченных возможностей человека и безграничных (как совокупных, объединенных) возможностей общества создается инклюзивная практика взаимосвязанного развития индивидуума и социума по пути включения.

Исходя из подходов к определению потенциала, можно утверждать, что для его оценки недостаточно понимания его временной ориентированности. Каждый человек обладает определенным потенциалом, но проявляется он как возможность, ресурс или резерв, то есть меняется смысловое значение потенциала в зависимости от характеристик социального пространства, времени и условий.

Таким образом, инклюзивный потенциал раскрывается в двух взаимосвязанных аспектах: как потенциал социальных сред, являющихся содержательным полем социальных взаимоотношений, и как потенциал лиц с инвалидностью как акторов социальных процессов.

Итак, научная разработка категории «инклюзивный потенциал» позволит теоретически обосновать и разработать вариативные образы инклюзии с учетом конкретных социально-личностных и пространственно-временных детерминант. Таким образом, феномен социального потенциала может быть концептуально и содержательно дополнен таким субпотенциалом, как инклюзивный потенциал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абалкин И. Экономическая безопасность в России: угрозы и их отражение / И. Абалкин // Вопросы ки. - 2005. - № 12. - С. 19-25.
2. Афонькина Ю.А. Инклюзивный потенциал образования как социальной среды // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. 3/1. - С. 91-95.
3. Воронкова Н.В. Социальный потенциал организации (социологический анализ): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 / Н.В. Воронкова. - М., 2007. - 156 с.
4. Галиев Л.М. Исследование понятия «потенциал» и «социальный потенциал» в социологии /Л.М. Галиев //Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, организация. 2006. № 8 (24). [Электронный ресурс] - sets.ru/base/24nomer/galiev_lm/2/1.pdf (дата обращения: 12.10.2016).
5. Горшенин В.П. Управление инновационным потенциалом персонала корпорации: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / В.П. Горшенин. - Челябинск, 2006. - 357 с.
6. Дрокин С.А. Управление качеством образовательного потенциала машиностроительного предприятия: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / С.А. Дрокин. - Челябинск, 2003. - 203 с.
7. Жигунова Г.В. Ювенальная инвалидность в России: теоретический и эмпирический анализ институциональных организаций и эмпирических практик: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08 / Г.В.Жигунова. - Новочеркасск, 2012. - 318 с.
8. Наберушкина Э.К. Мобильное гражданство инвалидов в социальном пространстве города: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04 / Э.К. Наберушкина. - Саратов, 2013. - 411 с.
9. Замараева З.П. Ресурсно-потенциальный подход в системе социальной защиты населения /З.П. ва. - Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. - 181 с.
10. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни / Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. - Новосибирск: Наука, 1991. - 446 с.
11. Назимова А.К. Социальный потенциал производственного коллектива / А.К. Назимова. - М.: Политиздат, 1984. - 184 с.
12. Нугаев М.А. Социальный потенциал Республики Татарстан / М.А. Нугаев. - Казань. 2003. - 156 с.
13. Пасовец Ю.М. К вопросу о понятии адаптационного потенциала / Ю.М. Пасовец // Теория и практика общественного развития. - 2013. - № 12. [Электронный ресурс] - http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-adaptatsionnogo-potentsiala (дата обращения: 15.10.2016).
14. Реанович Е.А. Смысловое значение понятия «потенциал» / Е.А. Реанович // Экономическит науки. Международный исследовательский журнал. Декабрь. 2012. [Электронный ресурс] - http://research-journal.org/economical/smyslovye-znachenie-ponyatiya-potencial/ (дата обращения: 07.09.2016).
15. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России / П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова. - Саратов, 2006. - 260 с.
16. Человеческий потенциал Ивановской области: состояние и перспективы развития / Под ред. В.Н. вой. - Иваново: Ив ГУ, 2008. - 156 с.

REFERENCES

1. Abalkin I. Ekonomicheskaya bezopasnost' v Rossii: ugrozy i ikh otrazhenie. [Economic security in Russia: threats and their reflection]. Voprosy ekonomiki = Economic issues. 2005. №12. Pp.19-25. (in Russ.).
2. Afon'kina Yu.A. Inklyuzivnyy potentsial obrazovaniya kak sotsial'noy sredy. [The inclusive potential of education as a social environment]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. T.8. 3/1. Pp.91-94. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-129-132 (in Russ.).

3. Voronkova N.V. Sotsial'nyy potentsial organizatsii (sotsiologicheskiy analiz). [Social potential of the organization (sociological analysis)]. diss. kand. sotsiol. nauk= Diss. cand. sociology. M., 2007. 156 p. (in Russ.).
4. Galiev L.M. (2006). Available at: http://sets.ru/base/24nomer/galiev_lm/2/1 (accessed 12.10.2016).
5. Gorshenin V.P. Upravlenie innovatsionnym potentsialom personala korporatsii. [Management of innovative potential of personnel of Corporation]. dis. d-ra ekon. nauk=dis. d-ra ekon. nauk 08.00.05. V.P. Gorshenin. Chelyabinsk, 2006. 357 p. (in Russ.).
6. Drokin S.A. Upravlenie kachestvom obrazovatel'nogo potentsiala mashinostroitel'nogo predpriyatiya. [Quality management of the educational potential of machine-building enterprise]. dis. kand. ekon. nauk= dis. Cand. Ekon.. Chelyabinsk, 2003. 203 p. (in Russ.).
7. Zhigunova G.V. Yuvenal'naya invalidnost' v Rossii: teoreticheskiy i empiricheskiy analiz institutsional'nykh organizatsiy i empiricheskikh praktik. [Juvenile disabilities in Russia: a theoretical and empirical analysis of institutional organizations and empirical practices]. dis.dokt. sotsiol. nauk= dis. doctor. sociology. Novocherkassk, 2012. 318 p. (in Russ.).
8. Naberushkina E.K. Mobil'noe grazhdanstvo invalidov v sotsial'nom prostranstve goroda. [Mobile citizenship of disabled people in the social space of the city]. dis. dokt. sotsiol. nauk= dis. doctor. sociology. Saratov: 2013. 411 p. (in Russ.).
9. Zamaraeva Z.P. Resursno-potentsial'nyy podkhod v sisteme sotsial'noy zashchity naseleniya. [The resursno-potential approach in the system of social protection of the population]. Perm. Gos. ung-t, 2009.181 p. (in Russ.).
10. Zaslavskaya T.I., Ryvkina, R.V. Sotsiologiya ekonomicheskoy zhizni. [Sociology of economic life]. Novosibirsk: Nauka, 1991. 446 p. (in Russ.).
11. Nazimova A.K. Sotsial'nyy potentsial proizvodstvennogo kollektiva. [Social potential production team], M.: Politizdat, 1984. 184 p. (in Russ.).
12. Nugaev M.A. Sotsial'nyy potentsial Respubliki Tatarstan. [Social potential of the Republic of Tatarstan]. Kazan'. 2003. 156 p. (in Russ.).
13. Pasovets Yu.M. (2013). Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-adaptatsionnogo-potentsiala (accessed 15.10.2016).
14. Reanovich E.A. (2012). Available at: http://research-journal.org/economical/smyslovye-znachenie-ponyatiya-potencial/ (accessed 07.09.2016).
15. Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. Politika invalidnosti: sotsial'noe grazhdanstvo invalidov v sovremennoy Rossii. [The disability policy: social citizenship of disabled in contemporary Russia]. Saratov, 2006. 260 p. (in Russ.).
16. Chelovecheskiy potentsial Ivanovskoy oblasti: sostoyanie i perspektivy razvitiya. [Human potential of the Ivanovo region: state and prospects of development]. Pod red. V.N. Argunovoy. Ivanovo: Iv GU, 2008. 156 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Афонькина Юлия Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой специальной педагогики специальной психологии ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»,
г. Мурманск, Россия
julia3141@rambler.ru

Получена: 12.11.2016

Для цитирования статьи: Афонькина Ю. А., Категоризация понятия «инклюзивный потенциал». Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-129-132.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-129-132.

Information about the author

Yulia A. Afonkina, Candidate of Psychological Sciences,, Associate Professor, Head of the Department for Special Education and Special Psychology, Murmansk Arctic State University,

Murmansk, Russia
julia3141@rambler.ru

Received: 12.11.2016

For article citation: Afonkina Yu. A., Kategorizacija ponjatija «inkljuzivnyj potencial». [Categorization of the "inclusive potential" concept]. Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatelnaya mys’l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-129-132.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-129-132. (in Russian)

УДК 373

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-133-136

ЕРАХТИН Арнольд Валентинович
Ивановский государственный политехнический Университет
г. Иваново, Россия
erakhtinav@mail.ru

Arnold V. ERAKHTIN
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ivanovo State Polytechnical University
Ivanovo, Russia
erakhtinav@mail.ru

ИСТИНА В ФИЛОСОФИИ И НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Проблема истины является важнейшей проблемой философии и научного познания. Она получила фундаментальную разработку в классической философии, в том числе и в философии диалектического материализма, где противоречивое содержание истины характеризуется такими ее гносеологическими свойствами, как: объективность и субъективность, абсолютность и относительность, абстрактность и конкретность. В современной отечественной философии появились многочисленные последователи постмодернизма, который отвергает почти все категории классической философии, в том числе и понятие «истина». Они заявляют, что классическая теория истины устарела и требует ее переосмысления, поскольку она основывалась на идеалах и нормах науки XIX века. На этом основании они отрицают основные положения классической теории познания: теорию отражения, объективность и абсолютность истины - и пытаются обосновать релятивизм в области эпистемологии. Но релятивизм, как известно, неизбежно приводит к агностицизму. В статье показано, что критика классической гносеологии не имеет достаточного основания, поскольку основывается на неправильном понимании диалектики абсолютного и относительного в истории философии и науки. Дается критика взглядов М. Хайдеггера, отрицающего прогресс в научном познании, поскольку якобы каждая научная теория является истинной только для своей эпохи, и взглядов Т. Куна, полагающего, что новые научные теории полностью опровергают предыдущие.

Ключевые слова: объективность истины, истина и заблуждение, абсолютное и относительное в истине, принцип конкретности истины, истина в научном познании.

TRUTH IN PHILOSOPHY AND SCIENTIFIC COGNITION

The problem of the truth is the most important problem of philosophy and scientific knowledge. It has received fundamental development in classical philosophy including in philosophy of dialectic materialism where the contradictory maintenance of the truth is characterized, it is such gnoseological properties: objectivity and subjectivity, absoluteness and relativity, abstractness and concreteness. In modern domestic philosophy there were numerous followers of postmodernism which rejects almost all categories of classical philosophy including the concept "truth". They declare that the classical theory of the truth has become outdated and demands her reconsideration as she was based on ideals and norms of science of the 19th century. On this basis they deny basic provisions of the classical theory of knowledge: the theory of reflection, objectivity and absoluteness of the truth, also try to prove relativism in the field of an epistemology. But the relativism, as we know, inevitably leads to agnosticism. In article it is shown that the criticism of classical gnoseology has no sufficient reasons as is based on the wrong understanding of dialectics absolute and relative in the history of philosophy and science. It is given the critic of views M. Heidegger denying progress in scientific knowledge as, allegedly, each scientific theory is true only for the era, and views of T. Kuhn believing that new scientific theories are completely refuted by previous.

Keywords: objective truth, truth and error, absolute and relative in truth, principle of concreteness of truth, truth in scientific knowledge

Проблема истины является одной из центральных проблем философии и научного познания. Само возникновение философии было связано с поисками истины, с попытками объяснения мира, исходя из него самого. В классической философии сложилась так называемая «корреспондентская» теория истины, согласно которой знание есть отражение объективной реальности, а истина носит объективный характер [2].

На рубеже XIX-XX вв. происходит переход от классической философии к так называемой *неклассической*. Философы этого периода уже не претендовали на исследование фундаментальных проблем философии в свете новых исторических реалий, объединяющей их идеей стал иррационализм. Тезису рационалистов о познаваемости мира иррационалисты (А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, Ф. Ницше и др.) противопоставили противоположный: мир непознаваем. Постмодернизм, возникший в начале 70-х годов XX в., отвергает почти все фундаментальные понятия классической философии, в том числе и понятие «истина». Так, известный американский постмодернист Р. Рорти в книге «Философия и Зеркало природы» пишет: «Цель книги заключается в том, чтобы подорвать доверие читателя к "уму" как к чему-то такому, по поводу чего нужно иметь "философский взгляд", и "познанию" как к чему-то такому, о чем должна быть "теория" и что "имеет основание", а также к "философии", как она воспринималась со времен Канта» [9, с. 5]. По мнению Рорти, вся «платоновско-декартовско-кантовская» традиция опиралась на миф - веру в существовании Истины. Задача философии, по Рорти, не поиск истины, а разговор и коммуникация. А.Л. Никифоров справедливо отмечает, что нас пытаются отбросить в доплатоновские времена и вновь погрузить в хаос пустопорожних разговоров, иллюзий, мифов и предрассудков. Он пишет: «Монопольное господство марксизма в отечественной философии советского периода ограждало нас от волн безумия и абсурда, прокатившихся по Европе. Однако в последние два десятилетия многие отечественные философы, поддавшись модному поветрию, отправились в поход против разума и истины» [7, с. 19].

Особый интерес в этом отношении представляют работы нашего известного философа Л.А. Микешиной, которая считает, что необходимо осмыслить и принять новые подходы к познанию, часть из которых сформулирована постмодернизмом [5, с. 63]. Марксистская концепция истины, по ее мнению, требует конструктивного переосмысления, поскольку основывалась на идеалах и нормах классической науки XIX века. Она во многом не соответствует современным научным представлениям. Прежде всего, согласно автору, невозможно принять традиционное понимание объективной истины как воспроизведения объекта таким, *каким он существует сам по себе,* вне и независимо от человека и его сознания. Рассматривая проблему истины в различных философских системах, Микешина приходит к выводу, что любая истина относительна: «...следует признать, что всякое знание, которое достигает человек и которым он пользуется в своей деятельности, носит принципиально релятивный характер» [6, с. 148-149]. Но релятивизм, как известно, неизбежно приводит к отрицанию объективного содержания истины.

Понятие истины девальвировано и в современной западной эпистемологии. А. Никифоров пишет: «В работах ведущих представителей философии науки второй половины XX в. - Т. Куна, С. Тулмина, И. Лакатоша и др. - понятие истины не встречается. А П. Фейерабенд прямо объявляет истину зловредным монстром, который должен быть изгнан их науки и философии подобно всем другим чудовищам, которыми разум пытался ограничить человеческую свободу» [8, с. 213].

В современной отечественной философии проблема истины также не находит должного внимания. В «Новой философской энциклопедии», ориентированной в основном на западные постмодернистские ценности, читатель не найдет какого-либо целостного, содержательного определения истины. Истина здесь трактуется как категория философии и культуры, обозначающая «идеал знания». При этом понятия абсолютной и относительной истины упоминаются как нечто ошибочное и устаревшее [3, с. 169]. Но истина объективна по содержанию, а раз ее содержание от нас не зависит, значит, абсолютная истина существует. Абсолютная истина здесь понимается не как полное и исчерпывающее знание, а как момент неизменного в составе относительного знания. П.В. Алексеев и А.В. Панин пишут: «Под абсолютной истиной в настоящее время понимается такого рода знание, которое тождественно своему предмету и поэтому не может быть опровергнуто при дальнейшем развитии познания» [1, с. 210]. *Относительная истина обычно трактуется как неполное, неточное знание, имеющее лишь приблизительно верный, исторически ограниченный характер.*

Любая истина, с одной стороны, абсолютна, поскольку она является объективным отражением каких-то сторон действительности, а с другой стороны, относительна, поскольку и сам предмет, и его познание развиваются, поэтому всякое знание со временем изменяется и уточняется. Выяснение пределов, в которых то или иное знание имеет абсолютное значение, как раз и составляет задачу диалектического подхода к истине и к анализу самой реальной действительности. Диалектика абсолютной и относительной истины находит свое концентрированное выражение в принципе конкретности истины, который гласит: «Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна». Это значит, что любое знание будет истинным только в определенной системе отношений. В рамках данной системы отношений истинность знания носит абсолютный характер, то есть исключает всякое заблуждение. И точно так же, будучи выведена за пределы данной системы отношений, эта истина превращается в заблуждение. Например, суждение «Сумма углов треугольника равна 180 градусам» - истинно оно или ложно? В геометрии Евклида - это абсолютная истина, а в геометриях Лобачевского и Римана оно будет ложным. Следовательно, любая истина *абсолютно-относительна.*

Но из этого не следует, что истина находится в определяющей зависимости от характера той или иной культуры и что история научного познания целиком определяется эпохой. Именно так считает М. Хайдеггер, полагая, что основные положения физики Аристотеля и основанная на ней астрономия Птолемея были истинными для своего времени в той же мере, что и законы физики Галилея и Ньютона и астрономии Коперника - для своего. Хайдеггер приходит к выводу: «Не имеет смысла говорить, что современная наука точнее античной» [10, с. 42]. Нельзя согласиться и с Т. Куном, который полагает, что все новые научные теории опровергают предшествующие, подобно тому, как теория относительности, по его мнению, опровергла классическую механику Ньютона. Он пишет: «… теория Эйнштейна может быть принята только в случае признания того, что теория Ньютона ошибочна» [4, с. 137].

Взгляды М. Хайдеггера и Т. Куна противоречат истории развития науки. Например, в средние века, согласно воззрениям Аристотеля и Птолемея, считалось, что Солнце и планеты Солнечной системы вращаются вокруг Земли. Было ли это полным заблуждением? Оказывается, нет, поскольку в данном утверждении содержался элемент абсолютной истины, а именно положение о том, что планеты Солнечной системы не только движутся, но и вращаются вокруг некоторого центра. Коперник показал, что центром нашей планетной системы является Солнце,

а планеты, в том числе и Земля, вращаются вокруг него по концентрическим окружностям. Здесь доля абсолютного знания возрастает, хотя в целом концепция Коперника является относительной истиной, поскольку она не полностью соответствовала объективной реальности. Впоследствии Кеплер доказал, что планеты вращаются вокруг Солнца не по окружностям, а по эллипсам. Здесь доля абсолютного в истине еще более возрастает, но теория Кеплера, конечно, не дает полного и окончательного решения проблемы.

В процессе развития науки удельный вес абсолютного знания постоянно возрастает, каждая последующая научная теория является по сравнению с предыдущей теорией более полной и глубокой. Но новые научные теории не отвергают полностью своих предшественников. Содержание абсолютного знания никогда не отбрасывается, оно всегда выступает предпосылкой более глубоких и фундаментальных истин и содержится в них в снятом виде. Прежняя теория, как правило, рассматривается в составе новой как ее частный случай. Так, появление теории относительности А. Эйнштейна не отменило действие законов механики Ньютона, в рамках которой они являются абсолютной истиной. Поэтому, когда нам надо строить мост или здание, мы пользуемся формулами физики Ньютона, а не физики Эйнштейна.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учеб. - М.: Проспект, 2015. - 592 с.
2. Ерахтин А.В. Является ли познание отражением реальности // Вестник РФО. -2015. - № 1. - С. 120-123.
3. Касавин И.Т. Истина / Новая философская энциклопедия. В 4 т. - Т.2. - М.: Мысль, 2010. - С. 169-172.
4. Кун Т. Структура научных революций. - М.: АСТ, 2003. - 605 с.
5. Микешина Л.А. Релятивизм как эпистемологическая проблема // Эпистемология и философия науки. - 2004. - Т. 1. - № 1. - С. 53-64.
6. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: Учеб. пос. - М.: Прогресс-Традиция; МПСИ; Флинта, 2005. - 464 с.
7. Никифоров А.Л. Проблемы классической теории истины // Истина в науках и философии. - М.: Альфа-М, 2000. - С. 17-40.
8. Никифоров А.Л. Философия науки: История и теория: Учеб. пос. - М.: Идея-Пресс, 2006. - 264 с.
9. Рорти Р. Философия и Зеркало природы. - Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. - 320 с.
10. Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие: статьи и выступления. - М.: Республика, 1993. - С. 41-63.

REFERENCES

1. Alekseev P.V., Panin A.V. Filosofija. Uchebnik. [Philosophy. Textbook]. M.: Prospectus, 2015. 592 p.
2. Erakhtin A.V. Iavliaetsia li poznanie otrazheniem realnosti? [Whether knowledge reflection of reality?] // Vestnik RFO. 2015, No. 1. Pp. 120-123.
3. Kasavin I.T. Istina [Truth]. Novaia filosovskaia entsiklopediia: In 4 t. T.2. M.: Thought, 2010. Pp.169-172.
4. Kun T. Struktura nauchnykh revoliutsii [Struktur's kuna of scientific revolutions]. M.: AST, 2003. 605 p.
5. Mikeshina L.A. Reliativizm kak epistemologicheskaia problema [Relativism as epistemological problem] // Epistemologiia i filosofiia nauki. 2004, T.1. o. 1. Pp. 53-64.
6. Mikeshina L.A. Filosofiia nauki: Sovremennaia epistemologia. Nauchnoe znanie v dinamike kultury. Metodologiia nauchnogo issledovaniia: uchebnoe posobie. [Science philosophy: Modern epistemologiya. Scientific knowledge in dynamics of culture. Methodology of scientific research: education guidance]. M.: Progress-Tradition: MPSI: Flint, 2005. 464 p.
7. Nikiforov A.L. Problemy klassicheskoi teorii istiny. [Problems of the classical theory of the truth]//Istina v naukakh I filosofii. M.: Alpha-M, 2000. Pp. 17-40.
8. Nikiforov A.L. Filosofiia nauki: Istoriia i teoriia (uchebnoe posobie). [Science philosophy: History and theory (education guidance)]. M.: Ideya-Press, 2006. 264 p.
9. Rorti R. Filosofiia I Zerkalo prirody. [Philosophy and Mirror of the nature]. Novosibirsk: Novosib publishing house. un-that, 1997. 320 p.
10. Khaidegger M. Vremia kartiny mira. [World picture time]//Time and life: articles and performances. M.: Republic, 1993. Pp. 41-63.

Информация об авторе

Ерахтин Арнольд Валентинович, доктор философских наук, профессор Ивановского государственного политехнического университета, член Президиума РФО,
г. Иваново, Россия
erakhtinav@mail.ru
Получена: 19.11.2016

Information about the author

Arnold V.Erakhtin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ivanovo State Polytechnical University, member of Presidium of Russian Philosophical Society,
Ivanovo, Russia
erakhtinav@mail.ru
Received:19.11.2016

Для цитирования статьи: Ерахтин А. В., Истина в философии и научном познании. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть1. с. -6/1-133-136.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-133-136.

For article citation: Erakhtin A. V., Istina v filosofii i nauchnom poznanii. [Truth in philosophy and scientific cognition]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-133-136.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-133-136. (in Russian)

УДК 316.6

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-137-141

ЗАЙКО Тамара Михайловна
Уральский государственный юридический университет
г. Екатеринбург, Россия
tmzayko@mail.ru

Tamara M. ZAYKO
Ural state law University.
Ekaterinburg, Russia
tmzayko@mail.ru

ПЕТУХОВ Евгений Николаевич
Соликамский государственный педагогический институт (филиал) Пермского государственного национального исследовательского университета
г. Соликамск, Россия

Evgenii N. Petukhov
Solikamsk state pedagogical Institute(branch) of Perm state national research University
Solikamsk, Russia

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА: СОЦИОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Поднимаются вопросы изучения личности несовершеннолетнего преступника через призму психолого-криминологического анализа внешней среды ее формирования. Отмечается, что одной из ключевых проблем российского общества сегодня является существование преступности несовершеннолетних, основу которой составляет поведение личности преступника, факторами которого является возраст (от 14 до 18 лет), неустойчивость психики, потеря социальных ориентиров, доступность алкоголя, наркотиков, жестоких и эротических зрелищ и т.п.

К факторам, играющим определенную роль в криминализации подростков, относятся: неполные семьи; равнодушие, безразличие и жестокость родителей к своим детям, порождающие беспризорность, безнадзорность; неудовлетворительная организация досуга подростков по месту жительства; обострение проблемы трудоустройства несовершеннолетних, вызванные повсеместным нарушением органами труда и занятости населения требований законодательства, направленные на обеспечение прав несовершеннолетних на труд и свободный выбор профессии; негативное влияние неформальных групп, лидерами которых нередко выступают лица, в прошлом ранее судимые.

Основными направлением противодействия преступности несовершеннолетних выступают ее предупреждение, нормативной основой которого являются положения, нашедшие свое отражение в Федеральном законе от 24 июля 1999 г. № 120-ФЗ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних".

Дается перечень как специализированных, так и неспециализированных субъектов специального предупреждения, представляющих единую систему, включающую целый ряд государственных органов (внутренних дел, опеки и попечительства, по делам молодежи и др.), общественных движений, формирований и иных организаций.

Сделан вывод о необходимости осуществления энергичных, решительных и целенаправленных мер по предупреждению преступности несовершеннолетних, эффективность которых во многом будет зависить от комплексности указанных мер, поддержки со стороны государства и общества.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, личность несовершеннолетнего преступника, социолого-криминологический аспект, криминогенная обстановка, структура преступности, профилактические меры, субъекты специального предупреждения, ранняя и непосредственная профилактика

TO THE QUESTION ABOUT THE STUDY OF THE PERSONALITY OF JUVENILE OFFENDERS: SOCIO-LEGAL ASPECT

The problems of study of personality of juvenile offenders through the prism of psycho-criminological analysis of the external environment of its formation. Different that one of the key problems of Russian society today is the existence of juvenile delinquency, which is based on the behavior of the individual offender, factors which is the age (14 to 18 years), instability of the psyche, the loss of social reference points, availability of alcohol, drugs, violent and erotic spectacles, etc. The factors that play a role in the criminalization of kids playing and other factors: single-parent families; the indifference, the indifference and cruelty of parents to their children contributing to homelessness, betazole ; unsatisfactory organization of leisure of teenagers on place of residence; the growing problem of employment of minors caused by the widespread violation of the bodies of labour and employment legislative requirements aimed at ensuring minors ' rights to work and to free choice of profession; the negative influence of informal groups, whose leaders often speak of a person previously convicted in the past. Given criminological characteristics of the crimes included in the structure of juvenile delinquency : you'll be dominated by property juvenile crimes: thefts, robberies, robberies, extortion and hijackings of vehicles the basis of crimes committed by minors age motivational specifics: naughtiness, desire to increase authority, self-assertion, misguided romance; among juvenile offenders is dominated by males, due to the psycho-physiological characteristics, different social roles and experiences, etc. at the same time, different process of criminalization of young offenders increased as the intensity of criminal activity (aggression, cynicism, rage) and methods of Commission (torture, bullying, etc.). The main way of combating juvenile crime prevention act, regulations based on the provisions reflected in Federal law (see bibliography). Provides a list of both specialized and non-specialized, subjects of special alert that represents a single system consisting of a number of state bodies (internal Affairs, guardianship and trusteeship, youth Affairs, etc.), social movements, groups and other organizations. The conclusion about the need for the implementation of energetic, decisive and targeted action on prevention of juvenile crime whose effectiveness will largely depend on the complexity of the measures, support from the state and society.

Key words: juvenile delinquency, personality of the juvenile offender, sociological and criminological aspect; the crime situation, the structure of crime, preventive measures, subjects of special warnings, early and direct prevention

Преступность несовершеннолетних сегодня представляет собой одну из ключевых проблем российского общества. Количественные показатели подростковой преступности ежегодно возрастают, она приобретает групповой, организованный характер. Вопрос предупреждения

преступности лиц, не достигших 18 лет, является одним из первоочередных для общества и государства.

При этом, в первую очередь, преступность несовершеннолетних определяется особенностями личности преступника, одним из основных факторов которой является возраст. В соответствии с ч.1 ст.87 УК РФ несовершеннолетним преступником признается лицо, достигшее 14 лет, но не достигшим 18 лет [1] (в тоже время, следует отметить, что возраст нельзя отнести к криминогенным свойствам личности: он не является причиной преступного поведения несовершеннолетних).

Также, на наш взгляд, одним из факторов, составляющих основу поведения несовершеннолетнего преступника, является и неустойчивая психика: немотивированная агрессивность и жестокость становится одной из характерных черт преступлений несовершеннолетних.

Определенную роль в криминализации подростков играют также такие факторы, как потеря социальных ориентиров, доступность наркотиков, алкоголя, эротических и жестоких зрелищ и т.п.

На криминогенную обстановку в стране отрицательное влияние оказывает и обострение проблемы трудоустройства несовершеннолетних. Органами труда и занятости населения практически повсеместно нарушаются требования законодательства, направленные на обеспечение прав несовершеннолетних на труд и свободный выбор профессии.

С точки зрения воздействия на личность в переходном возрасте одним из значимых факторов является семья. Формирование отрицательных свойств личности может быть обусловлено рядом как объективных, так и субъективных обстоятельств (бытовое и материальное положение, неполные семьи, отсутствие жилья, многодетность и т.п.).

К сожалению, семья, как социальный институт, снизила свою значимость в воспитании детей. Безразличие, равнодушие и жесткость родителей к своим детям порождают безнадзорность, беспризорность, которая становится серьезной проблемой, способствующей преступности несовершеннолетних [7, с.32-33].

На процесс формирования личности несовершеннолетних правонарушителей также негативно может воздействовать и неудовлетворительная организация их досуга по месту жительства. Немногие сохранившиеся секции и кружки функционируют платно, при этом не все родители в состоянии оплатить их посещение.

Также одним из факторов, негативно влияющих на несовершеннолетнего правонарушителя, является пагубное влияние неформальных групп, которое, в ряде случаев, может быть более сильным, чем положительное воздействие со стороны семьи, производственных и учебных коллективов и даже общества в целом. При этом, наиболее вредным оно будет, если лидерами указанных групп являются лица, в прошлом ранее судимые.

В структуре преступности несовершеннолетних в 2015 году преобладали по-прежнему имущественные преступления: около 80% от общего количества преступлений, совершенных несовершеннолетними составляют кражи, грабежи, разбойные нападения, вымогательства, угоны транспортных средств.

Большинству преступлений, совершаемых несовершеннолетними, свойственна возрастная мотивационная специфика: данные правонарушения совершаются на почве ложно понятой романтики, озорства, стремления к подражанию авторитетам, самоутверждению [4, с.120].

Несмотря на принимаемые профилактические меры, не снижается криминальная активность несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности: 60% преступников-рецидивистов совершали свое первое преступление в подростковом возрасте.

Анализ соотношения лиц женского и мужского пола среди несовершеннолетних преступников показывает, что среди них преобладают лица мужского пола (свыше 90%), что связано с их различными социальными ролями и опытом, психофизиологическими особенностями и т.п. В тоже время, следует отметить, что идет процесс криминализации представителей женского пола: в преступном поведении несовершеннолетних девушек усиливается дерзость, агрессивность, цинизм, проявляющиеся, с одной стороны, в повышении интенсивности преступной деятельности указанных лиц, с другой - в способах совершения преступлений.

Как социальные детерминанты, так и физиологические особенности несовершеннолетних женского пола предопределяют существование ряда особенностей тех видов преступлений, которые ими совершаются. В структуре преступности несовершеннолетних женского пола почти в 2 раза меньше убийств, в 2,5 раза - преступлений, которые связанны с незаконным оборотом оружия, наркотических средств и психотропных веществ, основную массу преступлений, совершаемых указанной категорией лиц, составляют кражи[3, с.59].

Следует констатировать, что нравственно-психологические, социально-демографические и уголовно-правовые особенности личности несовершеннолетнего преступника, к сожалению, не всегда учитываются законодателем при разработке мер по предупреждению преступности

несовершеннолетних.

Ведущим направлением противодействия преступности несовершеннолетних является ее предупреждение: общее и специальное, включающее как раннюю, непосредственную профилактику, так и профилактику рецидива.

Система мер борьбы с преступностью несовершеннолетних является частью общей системы борьбы с преступностью, обладает существенными особенностями, которая определяется, в частности тем, что имеет самостоятельную законодательную основу: нормативной основой комплекса специального предупреждения являются положения, заложенные Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2], регламентирующим деятельность основных субъектов предупреждения правонарушений несовершеннолетних; определяет ту категорию лиц, в отношении которых должна проводиться индивидуальная профилактическая работа; дает понятия безнадзорности, беспризорности несовершеннолетнего и т.д. В свою очередь, отдельные меры специального предупреждения регулируются и многочисленными подзаконными актами.

Принято выделять как специализированные, так неспециализированные субъекты специального предупреждения, которые представляют собой единую, связанную общностью целей и задач систему, включающую органы внутренних дел, органы опеки и попечительства, по делам молодежи, управления социальной защитой населения, здравоохранением, образованием, службы занятости, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

К специализированным учреждениям для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, относятся:

- центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей - предназначены для временного содержания тех несовершеннолетних, кто остался без попечения родителей или законных представителей, и оказания им содействия в дальнейшем устройстве;
- социальные приюты для детей - должны обеспечивать временное проживание и социальную реабилитацию тех несовершеннолетних, кто нуждается в экстренной государственной социальной помощи;
- социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних - основной задачей является осуществление профилактики безнадзорности и социальной реабилитации несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Различные общественные политические партии и движения, формирования, религиозные и иные организации, а равно такие традиционные структуры как домовые, уличные комитеты, попечительские и родительские советы и т.п. можно отнести к неспециализированным субъектам. Ряд задач могут решать семейные социальные и медико-психологические центры, детские дома.

В заключение необходимо отметить, что преступность несовершеннолетних требует энергичных, решительных и целенаправленных мер по ее предупреждению. Эффективность же указанных мер во многом зависит от комплексности принимаемых мер, поддержки со стороны общества и государства в целом.

Социально-криминологический анализ личности преступника, совокупности факторов, детерминирующих его преступное поведение, изучение показателей преступности несовершеннолетних и ее тенденций, а равно изучение организации профилактической работы всех субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних позволили сформулировать следующие основные выводы и предложения.

1. Преступность несовершеннолетних и молодежи представляет определенный социолого-криминологический интерес, соответственно изучение ее проблем должно рассматриваться в виде основных направлений фундаментальных комплексных социолого-криминологических исследований [6, с.43].

2. Основными направлениями специально-криминологической профилактики преступлений несовершеннолетних являются: выявление указанных категорий правонарушителей и источников отрицательного воздействия на них, прогнозирования индивидуального поведения, планирования мер профилактики и непосредственное профилактическое воздействие [6, с.43].

3. При оценке данных официальной уголовной статистики следует учитывать те обстоятельства, в силу которых статистические показатели не полностью отражают действительную картину преступности подростков (высокая латентность преступлений несовершеннолетних, практика освобождения их от уголовной ответственности с применением мер воспитательного воздействия, возрастные ограничения уголовной ответственности несовершеннолетних за многие антиобщественные посягательства и др.).

4. В структуре преступности несовершеннолетних преобладают имущественные преступления, что объясняется целым рядом факторов: действием такого криминогенного обстоятельства, как материальные затруднения; дефектами правового и нравственного воспитания несо-

вершеннолетних, совершивших преступление; незнанием права; расчетом на снисхождение к ним со стороны правоохранительных органов и граждан и т.п.

5. Повышение эффективности всего комплекса предупредительных мер в отношении несовершеннолетних преступников может быть достигнуто только на основе комплексного программно-целевого подхода к реализации социально-экономических, политико-правовых, культурно-досуговых и психолого-педагогических мер.

6. Представляется целесообразным выведение всей системы специализированных учреждений, осуществляющих предупреждение преступности несовершеннолетних, из уголовной юстиции и переподчинении, в частности, Министерству образования и науки Российской Федерации, что будет способствовать непрерывному процессу социализации подростков с девиантным поведением.

7. В целях совершенствования профилактики преступности несовершеннолетних и молодежи Министерству образования и науки Российской Федерации совместно с Министерством внутренних дел России предусмотреть в системе учебных заведений спецкурсы по подготовке специалистов в области криминологической профилактики среди несовершеннолетних и молодежи, ориентируя при проведении предупредительной работы на превентивную педагогику, раннюю, общую и специальную профилактику преступлений учащихся подростков и молодежи [5, с.167].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (ред. от 22.11.2016) //Собрание законодательства РФ. 1996 . N 25. Ст. 2954
2. Федеральный закон от 24 июля 1999 г. № 120-ФЗ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" (ред. от 26.04.2016) //Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177
3. Башкатов И.П. Психология асоциально-криминальных групп подростков и молодежи. М.: МГСУ, 2012
4. Детский фонд Организации Объединенных Наций //URL: http://www.unicef.ru/
5. Зайко Т.М. Организационно-правовые основы деятельности специализированных учреждений по предупреждению правонарушений несовершеннолетних: Монография. Екатеринбург: Издательство Уральского юридического института МВД России. 2001
6. Зайко Т. М. Система мер предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях специализированных учреждений: Автореф. дис. … доктора юридических наук. Екатеринбург, 2002
7. Малюшина Ю.А. Психологический механизм преступного поведения несовершеннолетних правонарушителей //Российский следователь. 2010. № 21

REFERENCES

1. Criminal code of the Russian Federation of 13 June 1996 No. 63-FZ (as amended on 22.11.2016). collected legislation of the Russian Federation. 1996 . N 25. St. 2954
2. Federal law from July 24, 1999 № 120-FZ "About bases of system of prevention of neglect and offences of minors" (ed. by 26.04.2016). collected legislation of the Russian Federation. 1999. No. 26. St. 3177
3. Bashkatov I. P. Psihologija asocial'no-kriminal'nyh grupp podrostkov i molodezhi. [Psychology asocial-criminal groups of teenagers and young people]. Moscow: MGSU, 2012
4. Children's Fund United Nations . Available at: http://www.unicef.ru/
5. Zayko T. M. Organizacionno-pravovye osnovy dejatel'nosti specializirovannyh uchrezhdenij po preduprezhdeniju pravonarushenij nesovershennoletnih: Monografija. [Organizational and legal basis of activities of the specialized agencies for the prevention of juvenile delinquency]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2001
6. Zayko T. M. Sistema mer preduprezhdenija prestupnosti nesovershennoletnih v uslovijah specializirovannyh uchrezhdenij: Avtoref. dis. … doktora juridicheskih nauk. [System of preventing juvenile delinquency in conditions of specialized institutions: abstract. dis. ... doctor of law]. Ekaterinburg, 2002
7. **Malyushina Yu.A.** Psihologicheskij mehanizm prestupnogo povedenija nesovershennoletnih pravonarushitelej. [**The psychological mechanism of juvenile delinquents' criminal behavior**]. Russian investigator. 2010. No. 21

Информация об авторе

Зайко Тамара Михайловна, доцент кафедры правовой психологии и судебных экспертиз Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральского государственного юридического университета»,
г. Екатеринбург, Россия
tmzayko@mail.ru

Петухов Евгений Николаевич, аспирант Соликамского государственного педагогического института (филиал) федерального бюджетно-

Information about the author

Tamara M. Zayko, Associate Professor of the Department of Legal psychology and Forensic Examinations, Federal state Budget Educational Institution of Higher Education. Ural state law University,
Ekaterinburg, Russia
tmzayko@mail.ru

Petukhov E. N., Graduate Student, Solikamsk State Pedagogical Institute(branch) of the Federal Budgetary Educational Institution , Perm

го образовательного учреждения «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
г. Соликамск, Россия

Получена: 11.11.2016

Для цитирования статьи: Зайко Т. М., Петухов Е. Н., К вопросу об изучении личности несовершеннолетнего преступника: социолого-правовой аспект. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-137-141.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-137-141.

state national research University,
Solikamsk, Russia

Received: 11.11.2016

For article citation: Zayko T.M., Petukhov, E. N., K voprosu ob izuchenii lichnosti nesovershennoletnego prestupnika: sociologo-pravovoj aspekt. [To the question about the study of the personality of juvenile offenders: socio-legal aspect]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-137-141.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-137-141. (in Russian)

УДК 34 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-142-145

КАРДАНОВ Руслан Рейзаевич
Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД РФ (филиал) Краснодарского университета МВД России
г.Нальчик, Россия

Ruslan R. KARDANOV
North - Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs
Nalchik, Russia

ШХАГАПСОЕВА Марьяна Хасановна
Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД РФ (филиал) Краснодарского университета МВД России
г.Нальчик, Россия
mashekuasheva@mail.ru

Mariana Kh. SHKHAGAPSOEVA
North - Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs
Nalchik, Russia
mashekuasheva@mail.ru

ПОНИМАНИЕ НОРМЫ ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

UNDERSTANDING OF RULE OF LAW IN NATIONAL LEGISLATION AND INTERNATIONAL LAW

Правовая норма – первичная ячейка права, в которой заложена самостоятельная программа воздействия на регулируемые отношения и сознание их участников. Субъекты права имеют дело, прежде всего, с отдельными нормами права, непосредственно на них основывают свои права, свободы и обязанности. Представляя собой простейший элемент права, норма права обладает всеми признаками права в целом. Нормы права регулируют наиболее важные общественные отношения, устанавливая границы возможного, дозволенного поведения субъектов права, выступая мерой свободы человека в обществе. Но правовые нормы могут предписывать индивиду и вполне определенный вариант поведения, обеспечивая реализацию законных прав и интересов других лиц. Социальная ценность норм права заключается в том, что они стабилизируют общественные отношения, обеспечивая предсказуемость поведения всех их участников. Поэтому норма права выступает как установленное или санкционированное государством общее правило поведения, обеспеченное государством, рассчитанное на неопределенное число однотипных случаев и обязательное для каждого в условиях предусмотренной ситуации. Общее правило в норме права обычно формулируется путем определения прав и обязанностей участников отношения данного вида.

Ключевые слова: нормы права, определение прав и обязанностей, регулятивные нормы, субъект права.

A legal norm is the primary unit of law, which laid a standalone program impact on the regulated attitude and consciousness of their participants. Subjects of law deal primarily with individual rules of law, directly on them base their rights, freedoms and responsibilities. Introducing a simple rule element, the rule of law has all the attributes of law in general. Rules of the law regulate the most important public relations, establishing the possible boundaries of what is permitted behavior of subjects of law, speaking a measure of human freedom in society. But the law may prescribe an individual and a well-defined behavior, ensuring the realization of the legitimate rights and interests of other persons. The social value of law lies in the fact that they stabilize social relations by providing predictability of the behavior of all the participants. Therefore, the rule of law acts as a state-sanctioned or established general rule of conduct provided by the state, calculated for an indefinite number of similar cases, and mandatory for everyone in the conditions stipulated by the situation. The general rule in the rule of law is usually formulated by defining the rights and obligations of participants in this type of relationship.

Keywords: rule of law, definition of rights and obligations, regulatory issues, subject of law

Основные положения юриспруденции, являющиеся базовыми категориями любой правовой системы, называются нормами права. Как правило, эти нормы бывают закреплены в специальных государственных актах или межгосударственных договорах, они определяют рамки и границы поведения и очень часто носят обязующий характер. Существует определенная классификация норм права, которая для удобства делит их на типы и помогает определить, к какому именно виду относится данная норма.

Есть несколько различных типологий, которые используются для такой классификации. В своей основе они имеют определенные признаки, по которым эти нормы разделяются. Так, нормы права, виды и категории правовых положений могут выделяться по своим методам, функциям и сфере применения. Например, по методам и сфере действия нормы права могут делиться в зависимости от того, какие именно правоотношения они регулируют. Всякое право – гражданское, уголовное, административное, конституционное и так далее – имеет свои нормы. Если же мы берем за основу деления функции таких норм, то видим, что правовые положения и категории бывают регулятивными – то есть такими, которые что-то разрешают, запрещают или наделяют полномочиями, охранительными, и относящимися к каким-то специфическим отраслям или особым ситуациям, а также определяющими термины или функции различных органов.

Такая классификация норм права является традиционной и достаточно общей. Она характерна для позитивистской теории права. Исходя из этой типологии, регулятивные нормы выделяются для того, чтобы было понятно, какие именно права и обязанности существуют при том или ином типе правовых отношений между субъектами, их группами или субъектами и государственными органами и, таким образом, направлены на определение нормы. Охранитель-

ные нормы выделяются для того, чтобы обозначить отклонение от нормы, правонарушения, пресечь или предотвратить их и, таким образом, охраняют и первые, регулятивные нормы. Как правило, они содержат в себе элементы принуждения и ответственности. Специальные же нормы – это вспомогательные, обслуживающие нормы, которые дополняют и те, и другие, если возникает необходимость точно определить тот или иной термин, складывается особая, например чрезвычайная, ситуация, а также когда возникает правовая коллизия при противоречии одних норм другим. Причем в последнем случае, как правило, действует принцип, что закон более высокой иерархии отменяет закон низшего порядка, а специальная норма отменяет действие общей.

Несколько иначе осуществляется классификация норм права в международной сфере. Прежде всего, они различаются по сфере действия. Существуют общемировые, универсальные нормы, которые обязательны для всех стран, входящих в состав ООН, и имеют обязующий характер для всех. Это общепризнанные принципы международных отношений, положения Билля ООН о правах человека и так далее. Региональные нормы определяют взаимоотношения между странами в определенных географичеких границах, а партикулярные – в зависимости от двусторонних или многосторонних договоров.

Классификация норм права в этой области может также брать за основу силу юридического действия. Так, императивные нормы являются определяющими, потому что они касаются интересов всех стран, и их нарушение может нанести вред многим государствам. Отклонения от такой нормы не допускаются, а любые договора, заключенные с нарушением таких норм, считаются недействительными. Диспозитивные же нормы предполагают, что страна может отступить от такой нормы, предложив собственный вариант. Но если этого не было сделано, диспозитивная норма тоже обязательна к исполнению.

Классификация норм международного права, конечно, имеет типологические признаки, характерные для классификации в сфере любого права – то есть эти нормы тоже могут делиться по функциям и методам регулирования. Но спецификой именно международного права является то, что его нормы могут разделяться по форме выражения (например, содержащиеся в международных договорах и в решениях международных и межгосударственных организаций), а также по времени действия (то есть действовать в течение определенного срока или же бессрочно). В международном праве существуют еще отсылочные нормы, которые могут наделять юридической силой рекомендательные положения различных организаций, ранее не носивших обязательного характера.

Каждый юрист знает, что нормы права при всей своей изученности представляют достаточно сложный институт, изучение которого позволяет с большей эффективностью использовать их в повседневной практике. И потому главное значение в понимании этого явления имеет представление о норме права в контексте его основных отраслей.

Нормы права в понимании современных ученых представляют собой особый фундамент, на котором стоит вся правовая система отдельно взятой страны, а также регламенты взаимодействия между государствами.

Структуру определяет законодатель или практика, а вот содержание – только та отрасль, для которой и разработана (или была сформирована) норма. Иными словами, для содержания нормы права первостепенное значение имеют отношения, складывающиеся между людьми и их организациями. А последние, в свою очередь, и формируют основные отрасли права, как на внутригосударственном уровне, так и на уровне взаимоотношений между странами и их объединениями.

Классической моделью построения рассматриваемого явления выступает «гипотеза – диспозиция – санкция». К слову сказать, именно такая структура наиболее характерна для классических отраслей публичного права: уголовного или административного. Да и нормы налогового права, в особенности в части наказания за налоговые правонарушения, отличаются схожей моделью. Однако в данном структурном элементе системы права все не столь однозначно. Так, в гражданском направлении законодательства норма может представлять собой лишь сочетание гипотезы и диспозиции. А в основе всей правовой системы – конституционном праве – для функционирования достаточно лишь наличия диспозиции. Кроме того, достаточно часто встречается множественность гипотез, санкций или диспозиций. Структура базового начала правил функционирования государства и иных субъектов в нем столь же разнообразна, как и отношения, складывающиеся в обществе. И потому выделяют идеальную структуру (об-

разец) и реальную. Оба вида могут сосуществовать в законодательстве и эффективно применяться.[1]

Для того чтобы понять саму структуру, следует изучить пример нормы права, отраженный в двух основных отраслях.

Уголовное право: классикой в данном случае может считаться любая статья из особенной части. Прекрасным вариантом можно считать норму о наказании за лишение жизни. Ее структурный разбор выглядит следующим образом: гипотеза «убийство, …», диспозиция «наказывается», санкция «сроком 5-16 лет». В данном случае наглядно продемонстрирована идеальная структура правовой нормы.

Гражданское право: в этой отрасли довольно часто встречается двойственная структура «гипотеза – диспозиция». Примером может служить положение о сроках. Так, в данном случае гипотезой по ст. 192, ч. 4 ГК РФ является следующее: «срок, исчисляемый неделями». А диспозицией – «истекает в соответствующий день последней недели». При этом санкция отсутствует. И понимание таких нюансов относительно структуры нормы права позволяет не только относить последнюю к той или иной отрасли, но и эффективно использовать их в повседневной практике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 4. – Ст. 445.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 25. – Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (в ред. от 04.10.2015 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
4. Большой юридический словарь. - 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. проф. А.Я. Сухарева. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 868 с.
5. Венгеров А.Б. Теория государства и права. - 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2014. – 528 с.
6. Мухаев Р.Т. Теория государства и права: Учеб. для вузов. – М.: ПРИОР, 2012. – 464 с.
7. Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. проф. В.К. Бабаева. – Н. Новгород: Нижегородская ВШ МВД РФ, 2013. – 539 с.
8. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. Хрестоматия: Учеб. пос. – М.: ИНТЕРСТИЛЬ, 2013. – 944 с.
9. Казгериева Э.В. Оценочные суждения в судебном правоприменении / Казгериева Э.В. // Российский судья. – 2012. – № 7. – С. 22-27.
10. Шхагапсоева М.Х. Характеристика экстремизма как противоправного явления / Шхагапсоева М.Х., Маздогова З.З. // Вопросы экономики и права. – 2015. – № 89. – С. 14-19.
11. Карданов Р.Р. Похищение человека и захват заложника – соотношение составов, особенности квалификации / Карданов Р.Р. // Алтайский юридический вестник. – 2016. – № 14. – С. 98-101.

REFERENCES

1. The Constitution of the Russian Federation of 12 December 1993. collected legislation of the Russian Federation. 2015. No. 4. St. 445.
2. Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 №63-FZ. collected legislation of the Russian Federation. 2016. No. 25. St. 2954.
3. Code of the Russian Federation about administrative offences from 30.12.2001 №195-FZ (as amended on 04.10.2015). collected legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1 (part 1). St. 1.
4. Big law dictionary. 3 izd., rev. and dop. Under the editorship of Professor A. Ya. Sukharev. M.: INFRA-M, 2013. 868 p.
5. Vengerov A.B. Theory of state and law. 3 izd. M.: Law, 2014. 528 p.
6. Mukhaev R.T. Theory of state and law: Textbook for universities. M.: publishing house of the prior, 2012. 464 p.
7. General theory of law. A course of lectures. Under the General editorship of Professor V.K. Babayev. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod higher school of MIA of the Russian Federation, 2013. 539 p.
8. Hromanik V.N. Theory of state and law. Reader. Textbook. M.: INTERSTIL, 2013. 944 p.
9. Kazgerieva E.V. value judgments in judicial law enforcement / Kazgerieva E.V. Russian judge. 2012. No. 7. Pp. 22-27.
10. Shhagapsoeva M. H. Characteristics of extremism as an illegal phenomenon. Shhagapsoeva M.H., Mazdogova Z.Z. problems of Economics and law. 2015. No. 89. Pp. 14-19.
11. Kardanov R.R. Kidnapping and hostage-taking – the ratio of the compositions, the features of qualification. Kardanov R. R. Bulletin of the Altai legal. 2016. No. 14. Pp. 98-101.

Информация об авторе

Карданов Руслан Рейзаевич, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД РФ (филиал) Краснодарского универ-

Information about the author

Ruslan R. Kardanov, Candidate of Law, Head of Department of State and Civil Legal Disciplines, North - Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs,

[1]Хропанюк В.Н. Теория государства и права. Хрестоматия. Учеб. пос. – М.: ИНТЕРСТИЛЬ, 2013. - 944 с.

ситета МВД России
г.Нальчик, Россия

Шхагапсоева Марьяна Хасановна, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД РФ (филиал) Краснодарского университета МВД России
г.Нальчик, Россия

Получена: 29.09.2016

Для цитирования статьи: Карданов Р. Р., Шхагапсоева М.Х., Понимание нормы права в национальном законодательстве и международном праве. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-142-145.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-142-145.

Nalchik, Russia

Mariana Kh. Shkhagapsoeva, Associate Professor, Department of State and Civil Legal Disciplines, North - Caucasian Institute for Advanced Training (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Nalchik, Russia
mashekuasheva@mail.ru

Received: 29.09.2016

For article citation: Kardan R.R., Shhagapsoeva M.H., Ponimanie normy prava v nacional'nom zakonodatel'stve i mezhdunarodnom prave.[Understanding of rule of law in national legislation and international law]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part.1. Pp. -6/1-142-145.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-142-145. (in Russian)

УДК 316.62 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-146-149

КУРОЧКИНА Валентина Евгеньевна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
kve7@rambler.ru

БОНДАРЕВ Петр Борисович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
pbondarev@rambler.ru

Valentina E. KUROCHKINA
Kuban State University
Krasnodar, Russia
kve7@rambler.ru

Peter B. BONDAREV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
pbondarev@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНОГО РЕАГИРОВАНИЯ ЮНОШЕЙ РУССКОЙ, УКРАИНСКОЙ И АРМЯНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

FEATURES OF CONFLICT RESPONSE OF YOUTH RUSSIAN, UKRAINIAN AND ARMENIAN NATIONALITIES LIVING IN KRASNODAR REGION

В статье представлены результаты исследования особенностей конфликтного реагирования юношей русской, украинской и армянской национальностей, которые относятся к наиболее многочисленным национальностям, проживающим на территории Краснодарского края.
Для прогнозирования возникновения межнациональных конфликтов на территории Краснодарского края представляется целесообразным обращение к выявлению особенностей конфликтного реагирования юношей русской, украинской и армянской национальностей. В результате проведенного на территории Краснодарского края исследования выявлено, что в ситуации межэтнического взаимодействия юноши русской национальности предпочитают стили компромисса и избегания, стремятся не проявлять враждебности, но могут быть агрессивными, циничными и проявлять интолерантные установки в отношении других национальностей. Юноши украинской национальности предпочитают стиль приспособления, имеют более выраженный стиль соперничества, чем русские юноши; могут проявлять агрессивность, враждебность и цинизм в отношении других национальностей; обладают средней толерантностью в отношении других национальностей. Юноши армянской национальности предпочитают стили приспособления и компромисса; стремятся не проявлять агрессивности и враждебности, но могут быть циничными в отношении других национальностей; толерантно относятся к представителям других национальностей. Выявленные особенности конфликтного реагирования юношей русской и украинской национальностей обусловлены как этнической принадлежностью, так и сложившейся в настоящее время социально-культурной ситуацией, при которой повышается агрессивность и враждебность, снижается толерантность юношей. Выявленные особенности конфликтного реагирования юношей армянской национальности обусловлены в большей степени этнической принадлежностью и способствуют успешной ассимиляции представителей армянской национальности на различных территориях.

Ключевые слова: юноши русской, украинской и армянской национальностей, конфликтное реагирование, межэтническое взаимодействие, толерантность, агрессивность, враждебность.

The article presents the results of empirical studies of conflict responses of youngsters of the Russian, Ukrainian and Armenian nationalities living on the territory of Krasnodar region, these nationalities being the most numerous in the region. In the last two years, the cohort of Ukrainians has increased mainly because of the refugee-immigrants from the unsafe regions of the Ukraine. To predict the occurrence of interethnic conflicts in the territory of the Krasnodar region, it proves advisable to address the problem of determining the characteristics of conflict responses of youngsters of the Russian, Ukrainian and Armenian nationalities. The study shows that in a situation of interethnic interaction Russian youngsters prefer the styles of compromise and avoidance, they don't tend to show hostility, but they can be aggressive, cynical and intolerant towards other nationalities. Young men of Ukrainian nationality prefer the style of time-serving; they are more competitive than Russian young men and can demonstrate aggressiveness, hostility and cynicism towards other nationalities, showing medium tolerance. Young men of Armenian nationality prefer the styles of adaptability and compromise; they try not to express aggressiveness and hostility, but can be cynical in relation to other nationalities, though being usually tolerant to the representatives of other nationalities.
The peculiarities of behavioral responses to conflict by the Russian, Ukrainian and Armenian youngsters are determined, on the in a hand, by ethnic factors, and, on the other hand, by the current social and cultural situation which provokes the increased aggressiveness and hostility and the lack of tolerance of young men. The peculiarities of responses to conflict revealed with the young men of Armenian origin are mainly due to their ethnic and cultural background, these contribute to the successful assimilation of people of the Armenian nationality in different areas.

Keywords: youngsters Russian, Ukrainian and Armenian nationalities; responses to conflict; inter-ethnic interaction; tolerance; aggressiveness; hostility

На сегодняшний день противоречивый характер отношений между отдельными регионами, изменение социально-демографической ситуации в стране приводят к сложным процессам в сфере межнациональных отношений. Одной из наиболее вовлеченных в данный процесс возрастных групп являются юноши, что обусловлено психологическими особенностями возраста. Как отмечают исследователи (А.Н. Соловьева, Т.А. Соловьева [1], Ю.И. Фомина [2] и др.), юношеский возраст сопровождается конфликтами, происходящими в разных пространствах, в том числе в сфере межэтнического взаимодействия.

Изменения в характере межэтнических отношений, произошедшие в целом в стране, влияют и на отношения между нациями, компактно проживающими в регионах со смешанным этни-

ческим составом, в том числе в Краснодарском крае. К наиболее многочисленным национальностям, проживающим на его территории, относятся русские, украинцы и армяне. Для прогнозирования возникновения конфликтов и предотвращения их возможных негативных последствий на территории Краснодарского края представляется целесообразным обратиться к выявлению особенностей конфликтного реагирования юношей русской, украинской и армянской национальностей.

У каждой национальности имеются особенности, обусловленные традициями и обычаями, характером межэтнического взаимодействия. Для установления позитивных отношений между представителями разных национальностей необходимо знать, какие качества характерны именно для этой национальности, какие особенности конфликтного реагирования проявляются у представителей разных национальностей. В связи с чем в последнее время увеличилось количество работ, посвященных межэтническим отношениям и конфликтам (И.М. Кузнецов, О.Е. Хухлаев [3], Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко [4], Г.У. Солдатова [5] и др.).

Преодоление межэтнической дезинтеграции является важной задачей, стоящей как перед отдельными регионами Российской Федерации, так и перед страной в целом. Обращение к изучению межнациональных отношений в современных социокультурных условиях имеет высокую социальную и научную значимость.

Целью данного исследования явилось изучение особенностей конфликтного реагирования юношей русской, украинской и армянской национальностей, проживающих на территории Краснодарского края.

На первом этапе исследования был осуществлен подбор трех групп юношей 17-19 лет: 120 человек русской, 87 - украинской, 94 - армянской национальностей. На втором этапе у юношей изучались особенности конфликтного реагирования с помощью опросника «Стиль реагирования в конфликтной ситуации» К. Томаса в адаптации Н.В. Гришиной; «Шкалы враждебности» В. Кука, Д. Медлей; опросника «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаева, Л.А. Шайгеровой. При этом измерялся общий и этнический аспект конфликтного реагирования юношей. Далее изучались особенности и различия (с помощью U-критерия Манна-Уитни) в конфликтном реагировании юношей русской, украинской и армянской национальностей.

По результатам опросника К. Томаса было выявлено, что наиболее предпочтительными для юношей русской национальности являются стили компромисса и избегания, наименее - соперничество. У украинских юношей наиболее выражен стиль приспособления, также достаточно выражен компромисс, наименее - сотрудничество. Наиболее предпочтительными для юношей армянской национальности являются стили приспособления и компромисса, нее - соперничество.

При сравнении групп юноши украинской национальности превосходят в выборе стиля соперничества ($p \leq 0,01$) и приспособления ($p \leq 0,05$), и уступают в выборе стиля компромисса ($p \leq 0,05$) русских. Юноши русской национальности более склонны к избеганию ($p \leq 0,05$), чем украинцы. Юноши армянской национальности значимо превосходят в выборе стиля приспособления ($p \leq 0,01$) русских. В выборе стиля сотрудничества различий между группами не выявлено.

По «Шкале враждебности» В. Кука, Д. Медлей группы юношей русской и украинской национальностей характеризуются средней с тенденцией к высокому, юноши армянской национальности - средней с тенденцией к низкому уровнем агрессивности во взаимодействии с представителями других национальностей. Русские и армяне обладают средним с тенденцией к низкому, украинцы - средним с тенденцией к высокому показателем враждебности в отношении других национальностей. Все группы юношей характеризуются средним с тенденцией к высокому показателем цинизма. Юноши русской и украинской национальностей являются более агрессивными во взаимодействии ($p \leq 0,05$), чем армяне. Украинские юноши превосходят в показателях враждебности ($p \leq 0,05$) и цинизма ($p \leq 0,05$) юношей армянской национальности. Русские и украинцы значимо не отличаются по данным показателям.

По опроснику «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой юноши русской национальности характеризуются средним (с тенденцией к низкому) уровнем этнической толерантности. У юношей украинской национальности выявлен средний уровень этнической толерантности, у юношей армянской национальности - на границе между средним и высоким уровнем. Показатели общей толерантности всех групп юношей соответствуют среднему уровню. Юноши армянской национальности значимо превосходят в показателях этнической ($p \leq 0,01$) и общей толерантности ($p \leq 0,01$) юношей русской и украинской национальностей.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

В ситуации межэтнического взаимодействия юноши русской национальности предпочитают стили компромисса и избегания, стремятся не проявлять враждебности, но могут быть агрессивными, циничными и проявлять интолерантные установки в отношении других нацио-

нальностей. Юноши украинской национальности предпочитают стиль приспособления, имеют более выраженный стиль соперничества, чем русские юноши; могут проявлять агрессивность, враждебность и цинизм в отношении других национальностей; обладают средней толерантностью в отношении других национальностей. Юноши армянской национальности предпочитают стили приспособления и компромисса; стремятся не проявлять агрессивности и враждебности, но могут быть циничными в отношении других национальностей; толерантно относятся к представителям других национальностей.

Выявленные особенности конфликтного реагирования юношей русской и украинской национальностей обусловлены как этнической принадлежностью, так и сложившейся в настоящее время социально-культурной ситуацией, при которой повышается агрессивность и враждебность, снижается толерантность юношей. Выявленные особенности конфликтного реагирования юношей армянской национальности обусловлены в большей степени этнической принадлежностью и способствуют успешной ассимиляции представителей армянской национальности на различных территориях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Соловьева А.Н., Соловьева Т.А. Отношение к этнически другому у студентов // Понять другого: Межкультурное взаимопонимание в современном глобальном мире. - М.: МГППУ, 2015. - С. 102-104.
2. Фомина Ю.И. Межэтническое взаимодействие как основа этнической толерантности у современного российского юношества // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. - 2014. - Вып. № 1. - С. 112-123.
3. Кузнецов И.М., Хухлаев О.Е. Социально-психологический мониторинг рисков межнациональной конфликтности: методология и практика // Социальная психология и общество. - 2013. - № 1. - С. 104-113.
4. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Психологический журнал. - 2003. - Т. 24. - № 5. - С. 31-44.
5. Солдатова Г.У. Психология межэтнических отношений в ситуации социальной нестабильности: Дис. ... д-ра психол. наук. - М., 2001. - 431 с.

REFERENCES

1. Solov'eva A.N., Solov'eva T.A. Otnoshenie k etnicheski drugomu u studentov. [Attitude towards ethnically different students]. Ponyat' drugogo: Mezhkul'turnoe vzaimoponimanie v sovremennom global'nom mire = Understand the other: Intercultural understanding in the modern global world. Moscow: MSUPE. 2015. Pp. 102-104 (in Russ.).
2. Fomina Yu.I. Mezhetnicheskoe vzaimodeystvie kak osnova etnicheskoy tolerantnosti u sovremennogo rossiyskogo yunoshestva. [Inter-ethnic interaction as a basis for ethnic tolerance in modern Russian youth]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = News of the Tula state University. Humanities science. Vol. No. 1. 2014. Pp. 112-123. (in Russ.).
3. Kuznetsov I.M., Khukhlaev O.E. Sotsial'no-psikhologicheskiy monitoring riskov mezhnatsional'noy konfliktnosti: metodologiya i praktika. [Socio-psychological monitoring of risks of ethnic conflict: methodology and practice]. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society. 2013. No. 1. Pp. 104-113. (in Russ.).
4. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory etnicheskoy tolerantnosti i strategii mezhgruppovogo vzaimodeystviya v polikul'turnykh regionakh Rossi. [Socio-psychological factors of ethnic tolerance and the strategies of intergroup interaction in multicultural regions of Russia]. Psikhologicheskiy zhurnal = Psychological journal. 2003. Vol. 24. No. 5. Pp. 31-44. (in Russ.).
5. Soldatova G.U. Psikhologiya mezhetnicheskikh otnosheniy v situatsii sotsial'noy nestabil'nosti [Psychology of interethnic relations in a situation of social instability]. Dis. ... d-ra psikhol. Nauk = Dis. ... d-r Psychology Sciences. Moscow. 2001. 431 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Курочкина Валентина Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
kve7@rambler.ru

Бондарев Петр Борисович, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии высшего образования, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
pbondarev@rambler.ru

Information about the author

Valentina E. Kurochkina, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of General and Social Pedagogy, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
kve7@rambler.ru

Peter B. Bondarev, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Social Work, Pedagogy and Psychology of Higher Education, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
pbondarev@rambler.ru

Получена: 06.11.2016

Для цитирования статьи: Курочкина В.Е., Бондарев П.Б., Особенности конфликтного реагирования юношей русской, украинской и армянской национальностей, проживающих на территории Краснодарского края. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-146-149.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-146-149.

Received: 06.11.2016

For article citation: Kurochkina V. E., Bondarev P.B., [Features of conflict response of youth Russian, Ukrainian and Armenian nationalities living in Krasnodar region] . *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-146-149.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-146-149. (in Russian)

ББК 71+06 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-150-154

ПЕТКОВА Светлана Михайловна
Ростовский государственный университет путей сообщения
г. Ростов-на-Дону, Россия

КАЛИНИНА Галина Кеворковна
Ростовский государственный университет путей сообщения
г. Ростов-на-Дону, Россия

ЮНОСОВА Анна Алексеевна
Ростовский государственный университет путей сообщения
г. Ростов-на-Дону, Россия
www.gti@rgups.ru

К АНАЛИЗУ ИНСТИТУТА ПИРА В ОБЩЕСТВАХ ТРАДИЦИОННОГО ТИПА: ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ И ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ

В традиционных и архаических сообществах пир выступал не только важнейшим актом социальной коммуникации, но и составляющим элементом системы управления. Если первоначально пир был неразрывно связан с праздничной религиозной церемонией и политическим собранием, в котором участвовала не только элита, но и широкие слои населения, то со временем большое значение приобрел царский пир, который воспроизводил вертикальную стратификацию древневосточных деспотий. В средневековых Китае и Японии пир играет значимую эстетическую функцию в культуре интеллектуалов-управленцев.

В отличие от восточных обществ, греческий пир симпосий являлся неотъемлемым интегральным элементом аристократического образа жизни, то есть содружеством равных. В греческих полисах одной из главных функций пира-симпосия было воспитание гражданина в процессе беседы.

В период средневековья пир как социокультурный феномен остается неотъемлемой частью жизни значительной части «варварской» Европы... Особое значение в формирующейся рыцарской субкультуре играл рыцарский пир - социально-политический институт, посредством которого регулировались многие сферы общественных отношений.

Совместные трапезы как форма общения и взаимодействия разных социально-политических сил обнаруживаются практически на всех уровнях и во всех социально-культурных сферах Древней Руси. Пиры служили средством укрепления единства элиты и решения внутренних конфликтов.

Ключевые слова: расходная экономика, царский пир, «пир у изогнутой реки», symposia, агон, eristica, сисситии, phidika, рыцарский пир, «пировые старосты».

Svetlana M. PETKOVA
Rostov State University of Transport
Rostov-na-Donu, Russia

Galina K. KALININA
Rostov State University of Transport
Rostov-na-Donu, Russia

Anna A. UNOSOVA
Rostov State University of Transport
Rostov-na-Donu, Russia
www.gti@rgups.ru

TO ANALYSIS THE INSTITUTE THE FEAST IN TRADITIONAL SOCIETIES: THE EVOLUTION OF FORMS AND BASIC FUNCTIONS

In traditional and archaic communities PIR acted not only an essential Act of social communication, but also a component management system. If the original pier was inextricably linked to the religious ceremony and celebratory political meeting, with the participation of not only the elite, but also broad sectors of the population, of great importance over time acquired a Royal feast, which reproduced the vertical stratification of ancient Oriental despotij. In medieval China and Japan feast plays an important aesthetic function in the culture of intellectuals-managers. Unlike the Eastern societies, Greek feast Symposium was an integral integral element of aristocratic lifestyle, that is the Commonwealth. In the Greek policies one of the main functions of the Pira-simposija was the education of the citizen in the conversation. During the middle ages the feast as a sociocultural phenomenon remains an integral part of the life of a large part of "barbaric" of Europe. Of particular importance in the emerging subculture of Knights played Knight's feast-socio-political institution through which the regulated many areas of public relations. Meals together as a form of communication and interaction between different socio-political forces detected almost at all levels and in all socio-cultural areas of ancient Russia. Feasts served as a means of strengthening the unity of the elite and the solution of internal conflicts.

Keywords: flow economy, Royal feast, "feast of the curved River", symposia, agon, eristica, sissitii, phidika, knight's feast, "pirovye warden".

Теоретическая модель *homo oeconomicus*, стремящегося к выгоде, прибыли, доходности и переносящего эти стремления из экономической в иные сферы общественных, а также в сферу личностных отношений, с точки зрения маржиналистов, была универсальной. Однако усилиями многих ученых, среди которых В. Зомбарт, М. Вебер, М. Мосс, было показано, что расчетливый и эффективно калькулирующий индивид, способный взвесить и рассчитать свои потребности, разместить их на особой математической шкале, не является моделью, подходящей для описания человека в доиндустриальных обществах. Этим обществам присуща так называемая *расходная экономика* [1], важнейшими регуляторами общественных отношений выступали совместные трапезы и пиры, в основе которых лежит принцип не бережливости, но расточительства, не купли-продажи, но дара, не индивидуального, но общественного потребления, общей траты. В архаических обществах традиционные формы нетоварного обмена способствуют передаче сочувствия и солидарности людей. Марсель Мосс в «Очерке о даре» указал на то, что дар возвеличивает дарителя, является проявлением его силы и могущества [2]. С практикой

дарообмена был связан пир, играющий чрезвычайно значимую роль в упрочении общественных отношений в традиционных обществах. О значимости пира в обществах традиционного типа свидетельствует то, что пир сопровождал все сколько-нибудь важные с точки зрения социума и человека события жизни - рождение, свадьбу, смерть и похороны, сезонные праздники. Так, позднеантичный автор Макробий в «Сатурналиях» описывал пир в рамках ежегодных декабрьских празднеств в честь одного из древнейших римских богов - Сатурна [3]. Пирами отмечали достижение молодым царем взрослого возраста, торжества по случаю рождения царского ребенка, проводы в поход или возвращение из него и другие важнейшие события в жизни государства, царя, царской семьи и двора. Одним из главных мотивов поведения человека было не столько его богатство как таковое, сколько возможность его демонстрировать, то есть «жить напоказ». Хозяин празднеств старался показать свое могущество и богатство, удивляя обилием пищи и одаривая всех присутствующих не только своей заботой и вниманием, но и ценными подарками. Магическая функция пира заключалась в том, что властитель посредством ритуальной пищи передавал приглашенным на трапезу часть своей божественной силы, а они, в свою очередь, желая ему здоровья и благополучия, подпитывали его сверхъестественную сущность и усиливали могущество.

Положение пирующих и порядок пира строго регламентировались и отражали устройство общества. Занимаемое участником пира место и потребляемая пища становятся средством социальной идентификации [4, с. 306]. Примером может служить традиционный кавказский пир, на котором расположение за столом сотрапезников и последовательность тостов воспроизводят иерархическую гиперструктуру общества, которая к концу пира становится гораздо более демократичной и аморфной, то есть погружается в своеобразный застольный хаос. В средневековой Армении существовал специальный документ *гаhнамак,* который закреплял за каждым участником царского пира определенное место за столом [5]. В ритуализированном пространстве пира центральное место занимал человек, наделенный властью. В вождествах во главе пирующих воинов находился предводитель: древнегреческий философ-стоик Посидоний, описывая пир у кельтов, свидетельствует, что самый могущественный из них садится в центре [6]. Специалисты полагают, что такой институт политической жизни средневековой Руси, как местничество, берет свое начало от того места, которое должен был занимать согласно своему достоинству и заслугам дружинник во время дружинного пира. Позднее «место» стало означать позицию, статус, «чин» боярина и его рода [7]. Обязательность участия в пиру родственников и соседей говорит о важном социокультурном значении этого ритуализированного праздничного мероприятия, исключенность из которого становилась стигматом социального остракизма. Так, выражение «незваный гость» восходит к практике изгнания, наказания человека, более не могущего сесть «к общему столу» за какие-либо важные с точки зрения социума проступки.

Пир отражал изменения в обществах традиционного типа: если первоначально он был неразрывно связан с праздничной религиозной церемонией и политическим собранием, в котором участвовала не только элита, но и широкие слои населения, то со временем большое значение приобрел *царский пир,* который был предназначен для приближенных; приглашение их на пир считалось высокой честью. Царский пир воспроизводил вертикальную стратификацию древневосточных деспотий. Так, в описываемом Посидонием царском пиру у парфян «друг царя» - сидит около ног царя и ест «"как собака" то, что царь швырнет ему…» [6]. Царский пир занимал важное место в социальной жизни всех обществ древности, на нем принимались важнейшие политические решения и он признавался в качестве легитимного «института» властными структурами. Царский пир в большинстве древневосточных обществ имел политические и идеологические функции. Главными функциями царского пира была организация самого двора как социального и политического института. Важной функцией царского пира было завершение переговоров, официальной программы приема царей или послов. В период архаики царские пиры служили объединению подданных посредством общественных пиров. «Так, Минос приказывал собрать критян на праздничные игры, которые они сами называли andreia; Ликург устраивал phidika, или philika, Платон - symposia. К этому списку также относятся общественные обеды афинян в panathenaea и thesmorphoria» [8, с. 257]. Даже в период эллинизма, для которого характерен синкретизм греко-македонской и ряда восточных культурных традиций, царские пиры продолжали давнюю греческую традицию, согласно которой царь выступал в роли общественного благодетеля - эвергета.

Иной характер приобрел пир, ставший обязательным элементом досуга интеллектуальной элиты в средневековых Китае, Корее и Японии. Так, вэньженьхуа - слою интеллектуалов, управленцев в Китае - принадлежит разработка регламента проведения «пира у изогнутой реки», наполненного разнообразными интеллектуальными забавами. В эпоху Хэйан в Японии «пир у изогнутой реки» становится частью придворной аристократической культуры; в период Камакура, когда Япония отказалась от контактов с Китаем, пир приобретает японскую специфи-

ку, наполняясь религиозным духом, присущим религии синто [9]. Со временем превратившиеся в священнодействие подобные праздники стали проводиться в рощах синтоистских храмов во время празднования весеннего очищения.

Если «пир у изогнутой реки» в культурах Китая, Кореи и Японии стал объектом прежде всего художественного осмысления, то историко-философскую рефлексию пира мы встречаем в античной Греции. Так, в 52 книгах «Истории» греческого философа-стоика Посидония содержится описание традиций пиршеств и застолий у разных народов [6]. В греческой литературе возник жанр застольных бесед, до нас дошли «Симпосионы» Ксенофонта, Плутарха, Лукиана, Афинея. Этим жанром пользовались такие неоплатоники, как Порфирий или Юлиан, и такие серьезные христиане, как Мефодий Патарский [10].

В отличие от восточных обществ, в которых пир репрезентировал иерархию властвования и подчинения, греческий пир *симпосий* являлся неотъемлемым интегральным элементом аристократического образа жизни, то есть содружеством равных. На симпосии происходило состязание в словесных прениях, в пении, в рассказах о спортивных победах и охотничьих трофеях [11]. Во времена Солона пир-симпосий фактически являлся моделью космоса и полиса. На пиру разворачивается соревнование (*агон)*, выступавшее отличительной чертой всей греческой полисной культуры. Вместе с тем характер застолья отражал специфику каждого полиса. Так, если на спартанской *сисситии* воспевались воинские подвиги, то во время аттического симпосия круг тем был более разнообразным [12, с. 17].

В греческих полисах одной из главных функций пира-симпосия было воспитание гражданина в процессе беседы. Для свободнорожденного мужчины пиры были местом, где можно было не только обсудить животрепещущие вопросы, «но и примкнуть к тому или иному наставнику (осуществить заботу о себе) либо им стать (проявить заботу о другом) [13, с. 111]. В идеале пир - это застолье с участием политиков, философов и с ведением умной беседы, поэтому число участников пира должно быть невелико: Плутарх, рассуждая на тему, на пользу ли симпосиону множество приглашенных, говорил, что хорошее застолье теряет смысл, если количество его участников превысит пределы, допускающие возможность одновременного общения всех сотрапезников. Согласно Плутарху пир должен центрироваться не вокруг стола, а вокруг разумной беседы («философической игры») за столом воспитанных людей, радующих друг друга своим обществом [14]. Место человека в симпосии определяли его творческие способности, умение дискутировать, навыки в искусстве спора - эристик, все это для полисного грека, постоянно применяющего их на агоре, было необходимо для выполнения своих обязанностей как гражданина. Авторы, принадлежащие к разным периодам античной истории, в сочинениях на тему пиров особо выделяли среди гостей тех, кому в застольной беседе удавалось успешно позиционировать себя как наставника.

О разрушении в позднеримский период полисной системы ценностей свидетельствует и утрата пиром своих воспитательно-педагогических функций. Разрушение полисной культуры привело к изменению пира. Так, римский историк Тит Ливий (59 г. до н.э. - 17 г. н.э.), описывая изменение представлений о пире в 80-х годах II в. до н.э., указывает на опасную тенденцию приобщения города к «чужеземной роскоши» [15].

В период средневековья пир как социокультурный феномен остается неотъемлемой частью жизни значительной части «варварской» Европы, являясь формой взаимодействия власти и рядового населения. Иерархизм, присущий средневековому мировидению и мироустроению, отразил устроение пиров на разных «этажах» средневекового общества. Бытовали пиры и братчины на разных «этажах» социума - князя с дружиной, внутри купеческих и ремесленных корпораций, монашеских сообществ, крестьянских и городских миров, семей и дворов, в которых находили выражение как коллективные, так и частные формы социальной жизни [15].

Особое значение в формирующейся рыцарской субкультуре играл *рыцарский пир* - социально-политический институт, посредством которого регулировались многие сферы общественных отношений. В таких литературных памятниках эпохи, как «Песнь о Нибелунгах», подчеркивается значение политической коммуникации пирующих. В «Песне о Сиде» повествуется о том, что после двух дней пиршества король созвал совет, на котором было принято решение выдать дочерей Сида за инфантов Каррьона, в «Беовульфе» главный герой обещает за пиршественным столом, что он либо избавит замок Хродгара от бедствий, чинимых чудовищем Гренделем, либо погибнет в битве с ним [4]. Куртуазная культура привнесла изменения и в содержание пира, поскольку присутствие на нем дам было обязательным, усилился развлекательный характер пира, от присутствующих на нем придворных требовалось неукоснительное соблюдение строго предписанных правил поведения.

Совместные трапезы как форма общения и взаимодействия разных социально-политических сил обнаруживаются практически на всех уровнях и во всех социально-культурных сферах Древней Руси. Владимир Святославич устраивал для дружины и киевлян

пиры, которые служили средством укрепления единства элиты и решения внутренних конфликтов, формирования «общественного мнения», проявлением заботы властей предержащих о «сирых и убогих». Судебно-правовые аспекты пиров и братчин отразили Русская Правда, Псковская судная, Двинская и Белозерская уставные грамоты. В Псковской судной грамоте пиры фигурируют как постоянная форма социальной коммуникации на северо-западе Руси. В памятнике отмечены «пировые старосты» - распорядители пиров, «пивцы» - их участники, «пировые господари» - хозяева помещений, в которых пиры происходили. Обращение к актовым источникам и писцовым книгам Северо-Западной и Северо-Восточной Руси XIV-XVII вв. показывает одну из существенных линий трансформации института пира [16]. В период правления Ивана Грозного во время придворных трапез использовали пир для сведения счетов с противником и внезапной жестокой расправы над неугодными лицами [17].

Таким образом, в традиционных и архаических сообществах пир выступал в качестве важного «института», сущность и функции которого как общие, так и специфические черты мироустроения и мировидения обществ и культур. Пир выступал не только важнейшим актом социальной коммуникации, но и составляющим элементом системы управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абрамян Л.А., Шагоян Г.А. Динамика праздника: структура, гиперструктура, антиструктура // Этнографическое обозрение. - 2002. - № 2.
2. Бурганова В.Н., Кос В.В. Образ пира в рыцарской литературе средневековья // Вестник Кемеровского ун-та. - История. - 2008. - № 2.
3. Войтишек Е.Э. «Пир у изогнутой воды» как элемент культуры «винных приказов» в Китае, Корее и Японии // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. - 2011. - Т.10. - № 4.
4. Капитонов Э.А. Социология экономических систем В. Зомбарта и современность // Журнал социологии и современной антропологии. - 2001. - Т. 4. - № 1.
5. Климов О.Ю. Царский пир в эпоху эллинизма // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. - СПб. - 2013. - № 12.
6. Ленская В.Ф. Аристократический мир Древней Греции: на примере Афин VII-IVвв. до н. э. - М., 2008.
7. Лосев А.Ф. О Макробии, его Сатурналиях и Сне Сципиона [Электронный ресурс] - http://www.proza.ru/2012/06/10/1307
8. Лукин П.В. Праздник, пир и вече: к вопросу об архаических чертах общественного строя восточных и западных славян // Одиссей: Человек в истории. - 2006. - № 1.
9. Макробий. Сатурналии / Пер. В.Т. Звиревич. - Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. - 372 с.
10. Марсель Мосс. Очерк о даре. Форма и основание обмена. В архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. - М.: Восточная литература; РАН, 1996.
11. Михайлова И. «И веселый пир пошел...» Званые трапезы Ивана Грозного // Родина. - 2004. - № 12.
12. Пичугина В.К. Воспитание на пиру: Симпосий от Аристофана до Макробия // Историко-педагогический нал. - Нижний Тагил. - 2015. - № 3.
13. Плутарх. Застольные беседы [Электронный ресурс] - http://fanread.ru/book/7646174/?page=1
14. Суриков И.Е. Некоторые проблемы поэзии Солона // Проблемы истории, филологии, культуры. - Магнитогорск. - 2015. - № 2.
15. Хазина А.В. Традиция пиров в «Истории Посидония»: этический аспект историописания // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. - СПб, - 2002. - № 1.
16. Харитонович Д.Е. Ремесло, цехи и миф // Д.Е. Харитонович. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. - М.: Наука, 1999. - Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан.
17. Черкасова М.С. Актовые источники о пирах и братчинах на Руси XV-XVII вв. // Человек - Текст - Эпоха. Сборник научных статей и материалов. - Томск, 2011.

REFERENCES

1. Abrahamian L.A., Shagoyan G.A. Holiday Dynamics: structure, giperstruktura, antistruktura. EO. 2002. No. 2.
2. Burganova B.H., Kos V.V Image of the Pira in the Knights of medieval literature.Herald of the Kemerovo University. History. 2008. No. 2.
3. Vojtisek E. Fixed water bent "as a part of culture “vinyh orders” in China, Korea and Japan. Herald of the Novosibirsk State University. Series: History, philology. 2011. Vol. 10 No. 4.
4. Kapitonov E. A. Sociology of economic systems. Who and modernity. Journal of sociology and modern anthropology. 2001. Vol. 4. No. 1.
5. Klimov A. Yu. A Royal feast in the Hellenistic era. Mnemon. Research and publications on the history of the ancient world St. Petersburg, 2013. No. 12.
6. Lenskaya V.F. Aristocratic world of ancient Greece: an example of Athens VII-IV vv. BC M., 2008.
7. Losev A.F. On Makrobii, their Saturnaliâh and the dream of Scipio. Available at: http://www.proza.ru/2012/06/10/1307
8. Lukin P.V Holiday firm and veche: the question to the archaic conditions, public order, the Eastern and the Western Slawen. Odissej: Mensch in der Geschichte. 2006. No. 1.
9. Makrobij. Saturnalia. Translator: V.t. Zvirevič. Publisher: the Ural University, 2009.
10. Marcel Mauss. Essay on the gift. Form and base Exchange. In archaic societies. Moss M. Society Exchange. Personality.-m.: «vostochnaya Literatura» RAN, 1996.
11. Mikhailova I. "And hilarious PIR went..." The invited meal of Ivan the Terrible. Rodina. 2004. No. 12.
12. Pichugina P. K. Education at Piru: Symposium of Aristophanes, Macrobius. Historical pedagogical magazine. Nizhny Tagil, No. 3. 2015.
13. Plutarch. Table talk. Available at: //fanread.ru/book/7646174/?page=1

14. Surikov I.E. And some problems of poetry: problems of history of Solon, philology and culture. Magnitogorsk, 2015. No. 2.
15. Hazina A.V. Tradition of the festivals in the "history of Posidonia: ethical dimension of the Istoriopisaniâ. Mnemon." Research and publications on the history of the ancient world. St. Petersburg, 2002. No.1.
16. Kharitonovich D.E. Craft and myth. D.E Kharitonovich City in medieval civilization of Western Europe. M.: Nauka, 1999 T. 2. City life and activities.
17. Tscherkassowa M. S. Function sources about the fixed and Bratčinah in Russia of the XV-XVII vv. People- Text - Era. Collection of scientific articles and materials. Tomsk, 2011.

Информация об авторе

Петкова Светлана Михайловна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных технологий,ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения»,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Калинина Галина Кеворковна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных технологий, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения»,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Юносова Анна Алексеевна, доцент кафедры социальных технологий, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения»,
г. Ростов-на-Дону, Россия
www.gti@rgups.ru

Получена: 09.11.2016

Для цитирования статьи: Петкова С.М., Калинина Г.К., Юносова А.А., К анализу института пира в обществах традиционного типа: эволюция форм и основные функции Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-150-154.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-150-154.

Information about the author

Petkova Svetlana M., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Social Technologies, Rostov State University of Transport, Rostov-na-Donu, Russia

Kalinina Galina K., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Social Technologies, Rostov State University of Transport,

Rostov-na-Donu, Russia

Unosova Anna A., Associate Professor of Social Technologies, Rostov State University of Transport,

Rostov-na-Donu, Russia
www.gti@rgups.ru

Received: 09.11.2016

For article citation: Petkova S. M., Kalinina G. K., Unosova A. A., K analizu instituta pira v obshhestvah tradicionnogo tipa: jevoljucija form i osnovnye funkcii. [To analysis the institute the feast in traditional societies: the evolution of forms and basic functions]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-150-154.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-150-154. (in Russian)

УДК 316.4.063 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-155-159

ТРОНЕВСКАЯ Марина Айсовна
Северо-Кавказский федеральный университет
г. Ставрополь, Россия
ti94@yandex.ru

Marina A. TRONEVSKAYA
North-Caucasus Federal University
Stavropol, Russia
ti94@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЭКОНОМИЧЕСКИ АКТИВНОГО НАСЕЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ КАК ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ ИНТЕРНЕТ

SOCIOLOGICAL PORTRAIT OF ECONOMICALLY ACTIVE POPULATION AS INTERNET-USERS: STAVROPOL TERRITORY CASE

В статье отражены результаты проведенного в 2016 г. социологического исследования в виде опроса 207 работников различных сфер экономики Ставропольского края. Обоснованы преимущества поточной выборки, в частности возможность избежать «профессиональных» респондентов в онлайн-панелях; описаны особенности электронных анкет, позволяющие провести анализ данных на любом этапе опроса, даже если он находится в актуальном состоянии, что дает возможность выполнять индивидуальные оценки опроса, транскрипты. В ходе исследования выявлено, что большинство респондентов - работников различных сфер экономики Ставропольского края - пользуются социальной сетью ВКонтакте. Социальные сети используются респондентами для общения с родственниками, близкими, друзьями, поскольку такая замена реального общения экономит время и добавляет чувство раскрепощенности, при этом более трети респондентов имеют стаж пользования Интернет от 2 до 5 лет, посещая социальные медиа несколько раз в день. Исследование проблемы открытости респондента для общения показало, что практически все пользователи в социальных сетях готовы указать свой пол и разместить фотографию. Возраст, образование, место рождения, хобби/увлечения и семейное положение, место работы, место учебы, профессию, друзей/родных, любимые фильмы/музыку, фото и воспоминания о путешествиях, национальность указывает в социальных сетях примерно половина респондентов. Приблизительно третья часть всех пользователей дает информацию о месте жительства, любимых местах, услугах, политических взглядах, вероисповедании, должности. Информацию об уровне своего дохода предоставляет в социальных медиа лишь незначительная часть опрошенных. Больше половины респондентов считают, что люди ведут себя одинаково (обманывают или говорят правду) как в Интернет, так и в реальном общении.

Ключевые слова: Интернет, социальные сети, пользователи Интернет, онлайн-панели, поточная выборка, онлайн-опрос, социальные медиа, виртуальный мир, сайты, социальный статус, социальный портрет

The article reflects the results of the in 2016, a sociological study in a survey of 207 employees in various spheres of economy in Stavropol Region. The advantages of in-line sampling, in particular, the ability to avoid "professional" respondents in online panels; described the characteristics of electronic questionnaires, to analyze data at any stage of the survey, even if he is up to date that allows you to perform individual assessment of the survey, and transcripts. The study revealed that majority of the respondents – workers of various spheres of economy of Stavropol territory – use the social network VKontakte Social network used by respondents to communicate with their families, relatives, friends, because such a replacement of real communication saves time and adds a sense of liberation, while more than a third of respondents have the experience of Internet use by 2 to 5 years, visiting social media several times a day. The study of the problem of openness of the Respondent to communicate showed that almost all users of social networks are ready to specify your gender and post photos. Age, education, place of birth, education level and marital status, place of work, place of study, profession, friends/family, favorite movies/music, travel, nationality indicates the social networks approximately half of the respondents. Approximately one third of all users specify information about the status of your favorite places.

Keywords: Internet, social networks, Internet-users, online panels, in-line sampling, online survey, social media, virtual world, websites, social status, social portrait

Проблема влияния социальных медиа и их возможностей на идентификацию и идентификационное поведение индивидов и групп нашла достаточно широкое отражение в современных работах по социологии, философии, Однако, несмотря на столь значительную палитру достижений научной масли, в настоящее время среди социологических работ отсутствуют исследования, посвященные непосредственно проблемам влияния массмедиа на идентификационное поведение экономически активного населения в условиях трансформации российского общества.

Данные обстоятельства обусловили формулировку исследовательской проблемы: какова степень влияния социальных медиа на социальную идентификацию и идентификационное поведение экономически активного населения Ставропольского края? В 2016 г. нами проведено самостоятельное социологическое исследование в виде опроса 207 работников различных сфер экономики Ставропольского края на тему «Социальные медиа и мы». В данной работе нами применялся сплошной метод исследования, то есть массовая рассылка анкет по социальным сетям и базам респондентов, вывешивание на специализированных панелях, предназначенных для опросов. Один из самых популярных источников - онлайн-панели www.Anketa.ru (access panels) для сообщества людей, которые согласились периодически участвовать в мар-

кетинговых и социологических исследованиях за вознаграждение. Такие панели, обладая рядом бесспорных преимуществ, позволяют в короткие сроки и относительно дешево формировать выборки для изучения различных целевых аудиторий. При этом каждая из компаний, создающих такие панели, владеет собственным секретом привлечения самых разных по своим качествам панелистов из самых разных источников.

Для привлечения респондентов в данном исследовании также были использованы разнообразные техники, такие как интернет-реклама Яндекс-директ, баннеры, партнерство с Интернет СМИ - информационное агентство - www.Newstracker.ru. Благодаря баннерам с информацией об исследовании и всплывающим окнам увеличился интерес аудитории к опросу, и мы охватили достаточно большое количество разных типов людей. Благодаря этому удалось минимизировать возможность смещения или искажения выборки исследования. Эти дополнительные меры к рекрутированию из онлайн-опросов методом поточной выборки (river sampling) позволили осуществить оптимальный рекрутинг респондентов. В данном исследовании процесс проведения отбора позволил нам удостовериться, что участники нашего исследования подходят для участия в данном проекте и обладают необходимыми для него знаниями, суждениями и мнениями.

У поточной выборки (хоть она и не является эффективным инструментом в достижении узких целевых групп) есть и определенные преимущества. Так, например, она предоставляет хорошие возможности избежать участия «профессиональных» респондентов в онлайн-панелях. В данном исследовании автором при поддержке специалистов в области программирования применялась маршрутизация при разработке электронного опросника, то есть технология, в ходе применения которой по результатам предварительного скрининга респондент направляется на тот опрос, который более всего подходит ему по социально-демографическим, поведенческим и другим характеристикам, или отфильтровывается сразу, если нет необходимых социально-демографических параметров [6, с. 106].

Все ответы из анкеты (электронная форма - http://goo.gl/forms/LG14FJGo1D) импортировались в базу данных в таком же виде, в котором это необходимо для проведения анализа с помощью специализированного программного обеспечения SPSS. Особенность электронных анкет в том, что можно провести анализ данных на любом этапе опроса, даже если он находится в актуальном состоянии. Это позволяет выполнять индивидуальные оценки опроса, транскрипты. А результаты количественных опросов появляются практически синхронно с процессом опроса, причем, последние - уже в обработанном виде, как минимум, на уровне простейших статистик.

Большинство респондентов - работников различных сфер экономики Ставропольского края - пользуются социальной сетью «ВКонтакте» (86%). На втором месте по популярности оказался Facebook (48%). Чуть меньшую популярность имеют «Одноклассники» (43%) и Instagram (40%). Сервисами Mail.ru и «Мой мир» пользуются 32% опрошенных. Меньше всего упоминался Twitter - 19%. У половины опрошенных стаж пользования социальными медиа превышает 5 лет (50%). Также у большого количества респондентов (39%) стаж пользования составляет от 2 до 5 лет. От 1 года до 2 лет пользуются социальными медиа только 7% опрошенных, и лишь 3,5% являются пользователями меньше 1 года.

В основном все пользователи посещают социальные медиа несколько раз в день, это 80% опрошенных. Один раз в день посетителями социальных медиа являются 9% пользователей; несколько раз в неделю - 8% респондентов. Людей, которые посещают социальные медиа раз в неделю и реже, практически не нашлось, это всего 1%.

Помимо основных, представленных выше, социальных медиа большинство опрошенных пользуются сервисами фото и видео, например такими, как Vine или YouTube (59%). Также 42% пользователей посещают интернет-проекты по интересам (КиноПоиск, LiveLib и т.п.). Блоги и форумы (LiveJournal) использует меньшее количество людей (22%). Профессиональными социальными сетями, такими как LinkedIn, пользуются 14,5% опрошенных. Меньшую популярность получили сайты знакомств, всего около 8% респондентов ответили, что пользуются ими. Геосоциальными сервисами, например такими как Foursqare, опрошенные практически не пользуются (4%). 1/5 часть опрошенных не пользуется вообще перечисленными социальными медиа.

Практически все пользователи в социальных сетях готовы указать свой пол (89%) и разместить фотографию (80%). Возраст, образование, место рождения, хобби/увлечения и семейное положение в социальных сетях указывают около 60% респондентов. Примерно половина опрошенных называют место работы, место учебы, профессию, друзей/родных, любимые фильмы/музыку, национальность, описывают путешествия. Приблизительно 1/3 часть всех пользователей указывает информацию о месте жительства, любимых местах, услугах, политических взглядах, вероисповедании, должности. И, наконец, информацию об уровне своего дохода предоставляют в социальных медиа лишь 4% опрошенных.

Больше половины респондентов считают, что люди ведут себя одинаково (обманывают или говорят правду) как в Интернет, так и в реальном общении (57%). 1/3 часть опрошенных говорит о том, что в блогах и соцсетях пользователи обманывают других людей чаще, чем при личном общении. И лишь 11% опрошенных согласны с тем, что в блогах и соцсетях люди говорят правду о себе чаще, чем при личном общении.

По мнению респондентов, в социальных сетях люди в первую очередь скрывают информацию об уровне дохода (54%), о возрасте (63%) и семейном положении (41%). Меньшее количество респондентов указывает, что в первую очередь пользователи скрывают место работы (24%), свое фото (25%), место жительства (21%). 15% респондентов указывают национальность, должность и политические взгляды как почти скрываемую информацию. Место рождения, вероисповедание и профессию указывают как скрываемую в первую очередь информацию лишь 10% пользователей. Сведения об образовании, родных/друзьях - 6% опрошенных. Информация о путешествиях, услугах, пол, хобби/увлечения, любимые фильмы/музыка, место учебы, любимые места, по мнению опрошенных, является менее или даже практически не скрываемой.

Респонденты отмечают, что социальные сети используются для общения с родственниками, близкими, друзьями, поскольку такая замена реального общения экономит время и добавляет чувство раскрепощенности. Пользоваться сообщениями в сетях удобно в любое время суток, даже если участники диалога находятся в разных часовых поясах. Социальные медиа являются механизмом коммуникации, координации и организации, средством поиска и обмена информацией, времяпрепровождения. Люди с ограниченными возможностями речи или движения используют социальные сети для общения. Социальные сети, Скайп дают возможность общения по всему миру. Многие используют социальные медиа для работы, продвижения своего бизнеса, товаров и услуг, поиска заработка, клиентов, самопиара.

Социальные медиа часто используются для развлечения. Довольно приятная ция - выкладывать свои фотографии и просматривать чужие, слушать музыку, смотреть видео, клипы, играть в онлайн-игры. Зачастую, люди пользуются социальными медиа по привычке, поскольку это удобно при избытке свободного времени, безделье, отсутствии личной жизни. Но в большинстве случаев такое удобство не экономит время. Когда скучно и одиноко, социальные медиа помогают «убить время». Социальные медиа создают имитацию нужности, иллюзию того, что нет одиночества: в виртуальном мире проще казаться, чем быть.

В социальных сетях люди могут предстать перед обществом и в первую очередь перед собой такими, какими им хотелось бы себя видеть на самом деле (красивые, обработанные фото, умные цитаты, счастливые отчеты, где был, что пил, типичные картинки счастья). Люди выплескивают здесь эмоции и находят поддержку других пользователей.

Социальные медиа помогают оперативно быть в курсе происходящих событий и слухов. Являются удобными для обсуждения и распространения новостей, событий, рекламы. Поскольку человек - существо социальное, которому необходимо самовыражение, социальные медиа используются в целях социализации, самопрезентации, подтверждения собственного рейтинга, получения внимания и славы, формирования и поддержания имиджа.

Социальные медиа очень полезны для учебы, самообразования (поиск нужной литературы), для творческих людей (фотографы, музыканты, художники и так далее). Энтузиасты пытаются привлечь внимание других к какой-либо общественной проблеме, распространяют объявления. Также социальные медиа являются удобными файлообменниками, облегчают, ускоряют обмен информацией и удешевляют связь между людьми (это дешевле, удобнее и практичнее, чем звонок на сотовый телефон или обмен СМС).

В сетях ищут не только уже знакомых людей, но и заводят новые знакомства. Поддержание контактов благодаря социальным медиа очень полезно для профессиональной сферы деятельности. Но есть и обратная сторона медали. В сети, общаясь с незнакомцем, человек может представить себя кем угодно. На мониторе не видно реальных эмоций, не слышно голоса, и вы никогда не узнаете, что думает ваш собеседник на самом деле. Но именно общение и заимствование опыта других пользователей - главная положительная сторона социальных сетей. У каждого свои причины для общения. Изначально тот же сайт «Одноклассники» задумывался для возможности поиска бывших одноклассников и однокурсников, а «ВКонтакте» - как социальная сеть для выпускников российских вузов. Для тех же целей создавались и популярные по всему миру сети Facebook и MySpace. Судя по «Одноклассникам», россияне сразу же стали использовать сайт по прямому назначению, но со временем возможности сетей расширялись, и кроме школьных товарищей пользователи получили возможность искать и добавлять в друзья сослуживцев, коллег, знакомых. Сейчас у многих пользователей в друзьях числятся чуть ли не все знакомые и родственники, и социальные сети многим заменяют письма. Нельзя определить одну цель общения в социальных сетях. На сегодняшний день социальные сети являются

очень популярными. Здесь можно завести и возобновить не только дружеские, но и деловые связи.

Больше половины респондентов в социальных медиа скачивают, просматривают аудио (65%) и видео (58%). Около половины посещают сайты социальных сетей только для получения информации (48%). 1/3 часть осуществляют покупки через Интернет. Высказывают свое мнение на специальных тематических площадках для обсуждения; на веб-страницах, в интернет-дневниках, на страницах социальной сети других пользователей; на сайтах, форумах компаний, магазинов, фирм-производителей или же посещают сайты рекомендаций примерно 1/5 часть всех опрошенных. Пишут и выкладывают в Сеть статьи, обзоры, рецензии, а также зарабатывают в Сети примерно 15% опрошенных. Публикуют в Сети свое видео, пользуются интернет-дневниками (блогами), а также ничего не размещают, а только читают чужие посты приблизительно 10% пользователей. Ведут интернет-дневник (блог), публикуют в Сети музыку или аудио своего сочинения, добавляют метки (теги) - 7%. Также существуют такие пользователи, которые создают/редактируют статьи в Википедии, участвуют в составлении рейтингов сайтов, используют RSS-потоки - их всего около 2%.

Большинству пользователей социальные медиа нужны и для отдыха, и для работы (75%). Остальные ответы - использование интернет-ресурсов только для работы или только для отдыха и развлечений - по 10% соответственно.

Большого контраста между ответами на вопрос о том, влияет ли активность респондента в виртуальном мире на изменение социальной реальности, не обнаружено. Примерно на 13% больше респондентов ответило, что их виртуальная активность влияет на изменения, происходящие в реальной жизни. 1/4 часть опрошенных считает, что отличается от остальных людей стремлением к успеху. Стремлением к свободе и самостоятельностью в принятии решений отличаются 22% респондентов. 1/5 часть - хорошим интеллектом и быстрой реакцией, а также дисциплинированностью. Умением управлять эмоциями, упорством и терпеливостью - 17%. Аккуратностью и внимательностью отличаются 16%, и 13% - способностью к рефлексии. 1/5 часть считает, что ничем не отличается от всех остальных людей.

Большинство респондентов (64%) отвечает, что окружающие воспринимают их поразному: «для кого-то он - хороший человек, для кого-то - нет». Так, 17% опрошенных (примерно 1/6 часть) стараются не думать о том, как их воспринимают окружающие, не обращают внимания на мнение других людей о себе.

Большее количество респондентов (68%) считают, что социальные сети не влияют на их положение в обществе; 17% опрошенных полагают, что социальные сети дают возможность приобрести более высокий социальный статус.

Таковы итоги нашего опроса, дающие возможность нарисовать портрет наших респондентов и выявить в дальнейшем их идентификационные характеристики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Борисова О.А. Возможности применения качественной методологии к изучению гендерной идентичности // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. - 2007. - № 3. - С. 139-142.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. - М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
3. Даудрих Н.И. Социальная идентичность: Методический аспект // Социология. - М. - 2000. - № 12. - С. 77-95.
4. Дужникова А. Анализ контента социальных медиа: вопрос достоверности данных / [Электронный ресурс] - wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2011/2011-02-16-media.pdf
5. Климова С.Г. Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих» // Социс. - 2000. - № 12. - С. 13-22.
6. Онлайн исследования в России 3.0 / Под ред. А.В. Шашкина и др. - М.: Кодекс, 2012.
7. Павленко В.Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. - 2000. - № 1. - С. 135-142.
8. Спасибенко С.Г. Социальная идентичность человека // Социально-гуманитарные знания. - 2000. - № 1. - С. 254-258.

REFERENCES

1. Borisova O.A. Vozmozhnosti primenenija kachestvennoj metodologii k izucheniju gendernoj identichnosti. [The possibility of applying qualitative methodology to the study of gender identity]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Pedagogika = Bulletin of Udmurt University. Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2007. No. 3. Pp. 139-142. (in Russ.).
2. Gofman I. Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni. [Introduce yourself to others in everyday life]. M.: Kanon-Press-C, 2000. (in Russ.).
3. Daudrih N.I. Social'naja identichnost': Metodicheskij aspekt. [Social identity: Methodological aspect]. Sociologija: 4M = Sociology: 4M. 2000. No. 12. Pp. 77-95. (in Russ.).
4. Duzhnikova A. Analiz kontenta social'nyh media: vopros dostovernosti dannyh. [Content analysis social media: the question of reliability of data]. Available at: wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2011/2011-02-16-media.pdf. (in Russ.).
5. Klimova S.G. Stereotipy povsednevnosti v opredelenii «svoih» i «chuzhih». [The stereotypes of everyday life in the definition of «us» and «them»]. Socis = Socis. 2000. No 12. Pp. 13-22. (in Russ.).
6. Onlajn issledovanija v Rossii 3.0. [Online research in Russia 3.0]. Edited by A.V. Shashkin, etc. M.: Publishing house «Kodeks», 2012. (in Russ.).

7. Pavlenko V.N. Predstavlenija o sootnoshenii social'noj i lichnostnoj identichnosti v sovremennoj zapadnoj psihologii. [Ideas about the correlation of social and personality identity in modern Western psychology]. Voprosy psihologii= Questions of psychology. 2000. No 1. Pp. 135-142. (in Russ.).
8. Spasibenko S.G. Social'naja identichnost' cheloveka. [Social identity of a person]. Social'no-gumanitarnye znanija = Socio-humanitarian knowledge. 2000. No 1. Pp. 254-258. (in Russ.).

Информация об авторе

Троневская Марина Айсовна, аспирант кафедры социологии Северо-Кавказского федерального университета,
г. Ставрополь, Россия
ti94@yandex.ru

Получена: 05.11.2016

Для цитирования статьи: Социологический портрет экономически активного населения Ставропольского края как пользователя интернет. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-155-159.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-155-159.

Information about the author

Marina A. Tronevskaya, Postgraduate Student, Department of Sociology, North-Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia
ti94@yandex.ru

Received: 05.11.2016

For article citation: Tronevskaya M. A., Sociologicheskij portret jekonomicheski aktivnogo naselenija Stavropol'skogo kraja kak pol'zovatelja internet. [Sociological portrait of economically active population as internet-users: Stavropol territory case]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-155-159.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-155-159. (in Russian)

УДК 316.6 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-160-163

ЧАРЫШЕВА Софья Рашидовна
МГУ им. М.В.Ломоносова
Москва, Россия
Charysheva@gmail.com

Sofia R. CHARYSHEVA
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
Charysheva@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ И ПРОДУКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ

TRANSFORMATION OF PERSONALITY AND MANAGEMENT PRODUCTIVITY

Статья посвящена актуальной в быстро меняющихся социально-экономических условиях теме практического лидерства и продуктивности управления. Предметом анализа выступает работа личности современного руководителя. Автор ставит целью раскрыть процессы трансформации личности в процессе управления для достижения максимальной продуктивности. Результатами работы явилось то, что автор эксплицирует сущность лидерства в следующем: руководитель способен стать лидером только после прохождения определенных этапов трансформации личности, после которой он осознает себя как лидер в полной мере. Автор предлагает определение лидера как руководителя, который постоянно развивается и демонстрирует свое развитие и мастерство владения своими должностными компетенциями на основе лучших мировых теорий и практик управления, выполняет свою миссию, отождествляет себя и свою деятельность с руководимым / подчиненным коллективом, в котором он развивает и поднимает ценность каждого работника, ведет его за собой и является для него руководителем, наставником и жизненным ориентиром на основе единства ценностей компании, его собственных ценностей и ценностей подчиненных работников. Автор исследует такие понятия, как продуктивность личности руководителя, раскрывает процессы работы трансформации личности. Результаты исследования могут быть применены в сфере психологической помощи руководителям высшего звена организаций.

The article is devoted to the actual subject of practical leadership and management efficiency in of rapidly changing socio-economical conditions. The subject of analysis is the individual work of the present managers. Author is aimed to reveal the process of transformation of the individual in the process of management to achieve his maximum productivity. The results concluded that the author explicates the essence of leadership is that the leader is able to become a leader only after passing through the certain phases of personality transformation, after which he becomes aware of itself as a complete leader. The author proposes a definition of a leader as a manager who is constantly evolving and demonstrates its development and mastery of his official competence on the basis of the world's best management theory and practice, fulfills its mission, identifies itself and its activities led by / subordinate team, where he develops and raises the value of each employee leads him along, and it is for the leader, mentor and guide of life based on the unity of the company's values, its own values and the values of subordinate employees. The author reveals concepts such as leaders productivity, reveals the processes of the transformation. The research results can be applied in the field of psychological assistance to senior executives of organizations.

Ключевые слова: управленческая продуктивная деятельность, работа личности, трансформация личности, самоидентичность, работы трансформации, лидерство, продуктивность деятельности, лидер.

Keywords: management of productive activities, work personality, personality transformation, self-identity, work, transformation, leadership, productivity, leader.

На сегодняшний день в быстро меняющихся социально-экономических условиях особое внимание уделяется развитию практического лидерства, так как это является важной и необходимой частью эффективного управления, частью повышения эффективности использования ресурсов. Важно отметить, что лидерство не достигнет должного развития без глубинных побудительных действий в той области сознания личности руководителя, которая ответственна за инновационное действие. Важно понять, что же это такое - управленческое лидерство, так как мы ведем речь не о реализующемся в социуме лидерстве, а о значении лидерства в производственном управлении, продуктивность которого зависит от степени, уровня и полноты лидерских качеств у руководителя, возглавляющего то или иное подразделение, ту или иную компанию.

Универсального понятия термина «лидерство» не существует и не может существовать, так как одной формулировкой невозможно связать одновременно целеполагание и миссию, личные ценности лидера, ценности компании и ценности подчиненных, способы исполнения функций лидерства и методы решения стоящих задач, отражение признания и уровень продуктивности и т.д. Поэтому все-таки важно прийти к какой-то общей, обобщенной формулировке лидерства руководителя, но только после того, как станет понятным ответ на вопрос, а что же такое продуктивность управления и какую роль играет трансформация личности руководителя-лидера на пути ее повышения?

Прежде всего отметим, что в российской экономике (как и в русском языке) синонимом слова «продуктивность» является слово «производительность». Когда говорят об оценке производительности, то говорят об оценке сделанного в единицу времени. Когда говорят «повышать управленческую производительность», предполагают, что это означает «делать больше за меньшее время». Делать что или чего больше? Информации? Управленческих решений?

Отчетов о проделанной работе? Коммуникаций? Совещаний? Контроля за исполнением указаний или других управленческих действий?

Если все перечисленное выше представляет собой набор составляющих продуктивного управления, то какими тогда критериями оценивать эту продуктивность?

Российские исследователи в области управления и управленцы-практики:

- обращают внимание на то, что управленческая деятельность руководителя чрезвычайно многопланова и многогранна и требует определенной ее продуктивности и оценки;
- термин «управленческая продуктивность» рассматривают под близким этому термину понятием - «управленческая производительность»;
- считают, что хотя измерение продуктивности менеджера - измерение количества продукта труда менеджера - весьма сложная задача, но делать это необходимо;
- и пытаются это делать через многочисленные показатели производительности и зачастую надуманные ключевые показатели эффективности.

В свою очередь зарубежные исследователи-управленцы говорят, что продуктивность управления - это:

- умение человека использовать свои силы и реализовать способности, заложенные в нем;
- уникальное свойство человека правильно использовать все свои силы и направлять способности в необходимое русло;
- новая философия персонального развития для максимальных результатов во всех сферах жизни и деятельности;
- способность быть лидером и уровень способности вести за собой.

Если употребляемый российскими исследователями-управленцами термин «производительность управления» - понятие (на их взгляд) измеряемое, то, глядя на формулировки зарубежных исследователей, безусловно, возникает вопрос: как же измерять и как оценивать продуктивность, если она описывается без предметно-ценностных и других материальных показателей: как *умение* …, *свойство* …, *философия* … *способность* …? Э. Деминг в одном из своих знаменитых четырнадцати постулатов написал: «Исключить количественные характеристики для руководителей, так как количественные показатели результатов их работы зависят также от множества других факторов, на которые руководитель не всегда может повлиять». Д. Аллен, один из самых влиятельных американских экспертов по вопросам продуктивности, в своей книге «Готовность ко всему. 52 принципа продуктивности для работы и жизни» пишет: «Есть одна простая истина относительно оценки своей управленческой продуктивности:

1) если вы не озадачены изменением текущей ситуации (в сторону улучшения качества процесса, в котором вы участвуете), то вы, вероятно, не хотите тратить силы на исследование способов достижения этого;

2) но если вы заинтересованы и действительно не хотите тратить впустую ресурсы или подвергаться чрезмерному стрессу, то вы должны испытывать желание, по крайней мере, исследовать лучшие методы работы, о которых можете пока ничего не знать».

Из исследований двух гуру в области продуктивности управления Э. Деминга и Д. Аллена становится понятно, что продуктивное управление - это управление, осуществляемое непрерывно развивающимся и совершенствующимся руководителем-лидером. Таким образом, главный критерий оценки управленческой продуктивности выражается в оценке уровня способности и проявления стремления руководителя-лидера приблизить себя к границе продуктивности, которая представляет собой сумму всех существующих лучших практик в некий момент времени.

На наш взгляд, руководитель-лидер - это такой руководитель, который, развиваясь и демонстрируя свое развитие и мастерство владения своими должностными компетенциями на основе лучших мировых теорий и практик управления, выполняя свою миссию, отождествляет себя и свою деятельность с руководимым / подчиненным коллективом, в котором он понимает, развивает и поднимает ценность каждого работника, ведет его за собой и является для него руководителем, наставником и жизненным ориентиром на основе единства ценностей компании, его собственных ценностей, ценностей подчиненных работников и общечеловеческих ценностей, таких как свобода, счастье и любовь.

Но теперь главным становится вопрос: как побудить и обеспечить стремление того или иного руководителя к продуктивному управлению? Становление работы сознающей себя личности происходит на основе особой перестройки сознания, необходимость которой порождается связями человека с миром. Работа личности, ранее управляемая обстоятельствами, ситуацией, другими и судьбой, переходит в самоуправляемую, самодетерминированную, самосогласованную работу личности. Становление сознательной личности есть, таким образом, образование самостоятельной личности, способной «стоять на собственных ногах», быть самой со-

бой, но не исключая других, а с ними и через них. Существование человека в ситуации многообразно перекрещивающихся связей требует от его сознания активного отражения иерархии связей, процессов происходящего соподчинения и переподчинения мотивов. Стремление к самоактуализации личности лидера на пути к полному лидерству и диалектическое (спиральное) ее развитие определяется его ценностными ориентирами и вытекающим из них целеполаганием. Даже после достижения личностью стадии зрелости ее развитие не завершается, а переходит в стадию обретения большей полноты, завершенности, актуализации базисных потенций, реализации самости. Таково поступательное движение человеческой жизни, в процессе которого выкристаллизовывается наше «Я». Кристаллизация «Я» - становление самоидентичности - происходит, таким образом, через последовательный поиск «точки отсчета», осмысливание своего *места* в мире, определение своей *позиции,* то есть через обретение личностью внутреннего основания поступков.

С развитием многомерной личности, преодолевающей одномерность субъекта, связана трансформация, преобразующая одномерное, плоскостное сознание, ориентирующее лишь отдельные действия субъекта, в многомерное, «объемное» сознание, отражающее иерархию связей. Многомерность личности руководителя-лидера - это главное условие достижения продуктивности в управлении, и развитие ее должно обеспечиваться процессами трансформации его личности в процессе его саморазвития, самосовершенствования и самоактуализации.

Для правильного понимания трансформации ее необходимо рассматривать как порождающий процесс, в ходе которого осуществляется психическая работа личности по преобразованию исходного содержания в трансформированную предметность. Подобное определение трансформации, а также введение термина «работа трансформации» предполагает понимание процессов личности как работы личности, а психики - как деятельности, практики.

Работа личности - это процессы, в ходе действия которых происходит становление, поддержание непрерывности или преобразование личности - трансформационный процесс. В ходе этого процесса связывания образующих «единиц» личности *создается высшее единство человека - самоидентичность*.

Через понятие работы личности в психологию вводится онтологический анализ личности. Результат работы личности не предстает перед нами как застывший ансамбль отношений, созвездий, черт или статическая структура. Личность является живым, жизненным в любой момент своего существования образованием, находящимся в непрерывном процессе работы личности.

Трансформация осуществляется, говоря метафорически, по спирали и, следовательно, состоит из непрерывно связанных витков, каждый из которых повторяет трансформационный цикл на ином уровне, или плоскости, психической реальности. Трансформация личности не ограничивается чисто модификационными фенотипическими или феноменологическими превращениями, существует и другой механизм трансформации, назовем его эндотрансформацией, соответствующий преобразованию склада личности, ее структуры и характера. Эндотрансформация — это трансформация личности, при которой личность превращается из одной целостности в другую или достигает большей зрелости, полноты

Как указывает в своих исследованиях М.Ш. Магомед-Эминов, «существование человека в ситуации многообразно перекрещивающихся связей требует от его сознания активного отражения иерархии связей, процессов происходящего соподчинения и переподчинения мотивов. Таким образом, с развитием многомерной личности, преодолевающей одномерность субъекта, связана трансформация, преобразующая одномерное, плоскостное сознание, ориентирующее лишь отдельные действия субъекта, в многомерное, "объемное" сознание, отражающее иерархию связей».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - 2-е изд. - М.: Политиздат, 1977.
2. Деминг Э. Выход из кризиса. Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. - М.: Альпина Паблишер, 2011.
3. Аллен Д. Готовность ко всему. 52 принципа продуктивности для работы и жизни. Viking Penguin, 2003.
4. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. - М.: Психоаналитическая ассоциация, 1998.
5. Леонтьев А . Н . Избранные психологические произведения в 2-х тт. - М., 1983.
6. Юнг К.Г. Психология и алхимия. - М., 1997.
7. Паули В., Чарышева С. Поведите себя вперед. 25 верных способов перестать быть посредственным руководителем и обеспечить себе профессиональную карьеру. - М.: Эксмо, 2014.

REFERENCES

1. Leontiev A.N. Deyatel'nost. Soznanie. Lich'nost. [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat, 1977, no 2.
2. Edwards Deming. Out of crisis. New paradigm of managing people, systems and processes. M.: Alpina Publisher, 2011.

3. David Allen. Ready for anything. 52 principles of work and life productivity. Viking Penguin, 2003.
4. Magomed-Eminov M. S. Transformatsia lich'nosti. [Transformation of personality]. M.: Psychoanalytic Association, 1998.
5. Leontiev A.N. Izbrannie psihologicheskie proizvedenia v dvuh tomah. [Selected psychological work in 2 volumes]. M., 1983.
6. Young P.T. Motivation of behaviour. N.Y, 1936.
7. Pauli V., Charysheva S. Povedi sebya vpered. 25 sposobov perestat' bit posredstvennim rukovoditelem i postroit' uspeshnuu professional'nuu kar'eru. [Lead yourself forward. 25 best ways to stop being a mediocre manager and make a successful professional career]. EKSMO, 2014.

Информация об авторе

Чарышева Софья Рашидовна, старший научный сотрудник кафедры психологической помощи и ресоциализации, кандидат психологических наук, факультет психологии МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия
Charysheva@gmail.com

Получена: 08.11.2016

Для цитирования статьи: Чарышева С.Р., Трансформация личности руководителя и продуктивность управления. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-160-163.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-160-163.

Information about the author

Sofia R. Charysheva, Senior researcher, Department of Psychological help and Resocialisation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Charysheva@gmail.com

Received: 08.11.2016

For article citation: Charysheva S.R., Transformacija lichnosti rukovoditelja i produktivnost' upravlenija. [Transformation of personality and management productivity]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-160-163.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-160-163. (in Russian)

Образование и педагогические науки

Education and Pedagogical Sciences

УДК 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-167-172

АБДУРАЗАКОВ Магомед Мусаевич
«Институт стратегии развития образования Российской академии образования» г. Москва,
Карачаево-Черкесский государственный университет» им. У.Д. Алиева, г.Карачаевск, Россия
abdurazakov@inbox.ru

ЦВЕТКОВА Ольга Николаевна
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Россия
OChvetkova@fa.ru

МИРОНОВА Ирина Васильевна
Финансовый университет при Правительстве Р оссийской Федерации
г. Москва, Россия
mironova_i_v@mail.ru

Magomed M. ABDURAZAKOV
Institute of Contents and Training Methods
Russian Academy of Education
Karachaevo-Circassian State University
Karachaevsk, Russia
abdurazakov@inbox.ru

Olga N. TSVETKOVA
Russian Government Financial University
Moscow, Russia
OChvetkova@fa.ru

Irina V. MIRONOVA
Russian Government Financial University
Moscow, Russia
mironova_i_v@mail.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

PRESENTATION OF INFORMATION AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN THE EDUCATIONAL CYBERSPACE

В эпоху информатизации, когда понятия информатики становятся общенаучными концепциями, методы и средства информатики - интегрирующими компонентами междисциплинарных знаний, то, очевидно, необходимо рассмотреть проблему представления информационного образовательного пространства (ИОП) в образовательном киберпространстве через базовые измерения, образующие эту среду. Киберпространство – продукт и средство информатизации, обеспечивающие оптимальное взаимодействие с электронным виртуальным миром; его абстрактное представление с упорядоченным множеством измерений, позволяющих моделирование и алгоритмизацию пути в любом возможном направлении. Это реляционная модель виртуального мира, признаки которой рассматриваются как измерения с расширяющимися множествами значений.
В этом аспекте в статье исследуются проблемы представления образовательной сферы в формирующейся в настоящее время киберпространстве; проблемы медиаобразования, Smart-образования, медиакомпетености и медиакультуры субъектов образования. Предлагаются описание образовательного киберпространства и характеристика взаимодействия с ним субъектов образования в контексте модальной логики.

Ключевые слова: информационная образовательная среда, медиасреда, медиаобразование, медиакультура, культура знаний, киберпространство виртуальный мир, формирование медиакомпетенции.

In the information age, where computer science concepts become general scientific concepts, methods and tools of informatics - components integrating interdisciplinary knowledge, then, obviously, it is necessary to consider the problem of representation of the information educational environment in the educational cyberspace through the basic measurements that make up this environment. Cyberspace is a product and means of informatization that provide optimal interaction with electronic virtual world; its abstract representation with an ordered set of dimensions allowing modeling and algorithmization of ways in any possible direction. This is a virtual world relation model, the signs of which are considered as dimensions along with expanding value sets. In this aspect, the article explores the problem of representation in the educational sphere is currently emerging in cyberspace; problems of media education, smart-education, media-competence, media culture, and education entities. A description of the educational characteristics of cyberspace and interact with the subjects of education in the context of modal logic.

Keywords: information educational environment, media environment, media education, media culture, culture of knowledge, cyberspace of virtual world, formation of media-competence

Пространственное представление сферы образования является информационным как часть информационного пространства социально-информационной среды общества; его можно охарактеризовать через базовые «измерения», среди которых для нашего исследования представляют интерес следующие:

1. Прежде всего, это *субъекты образования* (носители, распространители и получатели образовательной информации), образующие базовое «измерение» информационно-образовательного пространства.
2. Второе «измерение» образуют *средства обучения, информационно-образовательные, электронные ресурсы (ИОР и ЭОР), ресурсы медиасреды.*
3. Третье «измерение» - э*лектронные технологии и средства коммуникации.* Каждое из этих «измерений» имеет свое представление во множестве постоянных и переменных «измерений», имеющих самостоятельную значимость [3].

Вместе с тем не менее важным «измерением» данного пространства является наука образования - *педагогика*, *дидактика*.

В эпоху информатизации, когда понятия информатики становятся общенаучными концепциями, методы и средства информатики - интегрирующими компонентами междисциплинарных знаний, очевидно, необходимо рассмотреть проблему представления информационного образовательного пространства (ИОП) в образовательном киберпространстве через базовые измерения, образующие эту среду. Заметим, при этом методология образования становится информационной, педагогические системы реализуются в педагогических технологиях, самостоятельными целями образования. Следовательно, предметами педагогики становятся информационная культура личности, включающая ее культуру информационной безопасности, медиакомпетентность и медиакультура [3].

Другой структурой информационного образовательного пространства является представление информационно-образовательной среды (ИОС), поскольку ИОС уже получила широкое освещение в педагогической среде. Но из-за формата статьи мы ограничимся лишь следующей ее характеристикой: ИОС - представление образовательной среды в информационной форме, ее образ в информационных средствах, ресурсах, технологиях, обучающих и управляющих системах, выраженных в документированной форме и методически адаптированных для образования. Основная цель ИОС - обеспечение перехода образования в новое качество: в состояние, соответствующее *информационному обществу*.

Под влиянием всеобщей телекоммуникации происходит расширение ИОС за счет медиасреды общества, содержащей оцифрованные объекты его социокультуры (медиаобъекты) и поддерживаемой медиасредствами и медиатехнологиями. Адаптированные и специализированные медиаресурсы составляют *образовательную медиасреду*.

Информационная компетентность субъекта дополняется его медиакомпетенцией, информационная культура - медиакультурой. Образование переходит в новую форму, состояние медиаобразования, целью которого является формирование медиакомпетенции и медиакультуры субъектов и образование с опорой на них и ресурсы МИО [2; 3]. Следовательно, медиакомпетенция и медиакультура субъектов выступают и как продукт, и как интеллектуальные средства образования. Они также необходимы для самообразования и саморазвития личности [1].

С развитием информатизации, глобализации, телекоммуникации все большее значение в жизни общества имеет *электронно-коммуникационный виртуальный мир (ЭКВМ)*, который в силу своей производной глобальности упорядочивается, систематизируется, преобразуется в многомерное пространство, *киберпространство*. Это пространство интеллектуально, и интеллект его основан на исходном (естественном) интеллекте человека и искусственном интеллекте формальных систем. Очевидно, что оно должно иметь также преемственность в культуре, информационной культуре.

Киберпространство - это продукт и средство информационного общества, информатизации, ИТ-индустрии, обеспечивающие эффективное и рациональное взаимодействие с электронным виртуальным миром и в виртуальном мире. Это абстрактное представление электронного виртуального мира, ЭКВМ, с переменным, но всегда упорядоченным множеством измерений, что позволяет осуществлять моделирование и алгоритмизацию пути в любом возможном направлении.

Киберпространство - это *реляционная модель* ЭКВМ, признаки которой рассматриваются как измерения с открытыми (расширяющимися) множествами значений. Поскольку каждый признак этой модели может быть представлен в качестве упорядоченной последовательности других признаков (подпризнаков), киберпространство является *иерархическим*, а каждое его измерение может быть развернутым в киберподпространство.

Медиасреда общества является частью ЭКВМ, следовательно, она имеет представление в киберпространстве. Это информация (пространство информации) и различные медийные средства. Обращаясь к медиасреде, мы попадаем в огромный медиамир - медийное киберпространство с неограниченным множеством измерений и их «количественных» значений.

Медиасреда фактически включает в себя все информационные ресурсы массового назначения и открытого доступа, которые представлены на медианосителях и могут быть доставлены пользователю с помощью медиасредств. Все они имеют социокультурное и познавательное назначение. В соответствии с целями и педагогическими технологиями образования медиасреда общества получает представление в медиаобразовательной среде.

Человек в своем взаимодействии с киберпространством удовлетворяет свои информационные (медийные) потребности, создает производную информацию, осуществляет информационно-медийный обмен. Дело совсем не в том, что субъекты создают физически новые миры, расширяя киберпространство. Это также имеет место, но не обязательно. Человек как бы занимает, «присваивает» часть киберпространства, временно или постоянно «прописывая» себя в

нем. Информация и, соответственно, каждый элемент киберпространства, «считываемые» человеком, становятся его владением, которыми физически он имеет возможность пользоваться по своему усмотрению. Другое дело, что существуют этические и нравственные нормы, положения авторского и другого информационного права, культура пользования, ссылок и т.д. К этому следует добавить требования личной безопасности и безопасности информации, безопасности среды. Поэтому для эффективного, безопасного и правомерного взаимодействия человека с киберпространством ему необходимы не только знания и умения, но и культура познания, культура отношений с киберпространством, медиакультура.

Медиакультура понимается как культура информационной деятельности и взаимодействия в медиасреде, культура потребления и восприятия медиаинформации. Применительно к медиасреде это культура создания медиасредств и медиаобъектов, организации медиаресурсов, поиска и потребления медиаинформации. Это выражение *свободы* субъекта по выбору медиасредств и медиадбъектов, маршрутов движения по медиасреде и использованию ее ресурсов на основании *необходимости*, отражаемой в его свойствах как личности. Применительно к самой медиасреде медиакультура - это выражение необходимости ее киберпространственного представления.

Следовательно, *взаимодействие с киберпространством развивает знание и культуру человека, в то время как культура и знание человека оптимизируют это взаимодействие*. Для системы познания это означает, что киберпространство, рассматриваемое в контексте модальной логики, позволяет:

- осуществлять личностное развитие субъектов образования в гармоничном сочетании знаний и культуры, «разума и чувства»;
- оценивать (исследовать) состояние развития субъекта, уровень его «разума и чувства»;
- повышать эффективность и безопасность взаимодействия с киберпространством в аспекте достижения целей познания.

ЭКВМ имеет свои особенности, отличные, допустим, от математического мира (полностью умозрительного). Электронный мир - образ реального мира, своеобразная модель, отражающая его свойства и изменяемая вместе с ним. В качестве производного образа он не может быть полностью самостоятельным, но он давно уже живет по своим законам (писаным и неписаным).

Реальный мир огромен, и не все в нем доступно и достижимо. В электронном мире с его сетевыми связями все физически доступно, он полностью обозреваем. Но в том его и опасность: если человек начинает себя чувствовать в нем лучше и более комфортно, чем в реальном мире, значит, он не смог адаптироваться в реальном мире или есть психологические отклонения - он стал пленником виртуального мира. В большей мере эта опасность грозит формирующимся духовно-интеллектуальным системам - молодому поколению, учащимся. Однако, к сожалению, не только. Когда, например, культура медиасреды, киберпространства сводится в учебнике по информатике к этике (вернее, к этикету) в Интернете, то есть о чем задуматься.

Человек, уходя в виртуальный мир, начинает «обживаться» в нем, благоустраиваться, изменяя его по своему усмотрению и выстраивая свое подпространство в нем. И это, в общем-то, проще, чем изменить реальный мир. Однако при этом он не всегда осознает, что любая модель имеет *обратные связи*, влияя на исходный объект. Или, что еще хуже, он сознательно совершает свои не благие деяния, но это уже следствие отсутствия культуры, личной информационной культуры. В любом случае, как только в виртуальном мире происходят негативные изменения, они тут же проявляются, воспроизводятся в реальном мире. Поэтому «уход» человека в виртуальный мир опасен и для него самого, и для общества.

Кроме того, все большую значимость приобретает следующее обстоятельство, обусловленное глобальностью виртуального мира и его растущим влиянием на реальность. Логика человека многообразна, любое его действие обусловлено личными знаниями, субъективными, психологическими, социокультурными, прагматическими и другими предпосылками. Вступают в «спор» необходимость и возможности, интересы и обязанности и т.д. Виртуальный мир проще: тут бинарная логика – поэтому он и доступнее, и в нем более комфортно. Но опять же, по законам обратной связи бинарная логика воспроизводится в реальном мире, пока на уровне «пленников» и «нарушителей» виртуального мира. Но это очень опасное явление.

Бинарная логика хороша для ИТ-сферы в аспекте прагматичности, однозначности. Однако электронный *виртуальный мир - это социокультурная сфера*, ее электронная проекция. Здесь бинарной логики не только не достаточно, она опасна. Часто показываются негативные последствия нашествия роботов (киборгов) на наш мир. Однако происходит не менее опасное явление - *роботизация* сознания самого человека. Поэтому логикой ЭКВМ должна становиться модальная логика - более адекватная модель логики человека.

В последнее время на проблему технологизации виртуального мира, киберпространства, а вместе с ним мышления человека обращается все большее внимание: «ученые пришли к выводу, что информационное поле Интернет оказывает существенное влияние на ценностно-смысловую сферу личности». В частности, В.А. Плешаков [5] говорит о необходимости сопровождения «*киберсоциализации*» личности и формировании ее *киберкультуры*. Рассмотрение этой проблемы через призму модальной логики и, соответственно, модально-логического представления киберпространства поможет лучше понять ее сущность и, следовательно, найти ее эффективное решение.

В киберпространстве, как в социокультурной среде, знание должно предстать в «разноцветной» окраске, адекватной его разнообразным перипетиям. То есть *культура знаний* человека должна соответствовать культуре киберпространства. Следовательно, культура знаний, являясь самостоятельной по форме, содержанию и значению, является в то же время частью общей культуры человека, развитием и продолжением его информационной культуры.

В определенной степени (на прагматическом уровне) формализация знания полезна: ведет к точности оценок, упорядоченности и т.д. Однако общая технологизация мышления лишает его природной естественности, влечет прямолинейность и категоричность оценок.

Взаимодействие с ресурсами киберпространства. Возможности и необходимости киберпространства не проявляются автоматически, а реализуются активной системой, а невозможности среды могут быть преодолены, если они имеют внутреннюю системную *необходимость* и при соответствующей активности.

Каждому элементу взаимодействия субъекта с киберпространством соответствует конъюнкция нескольких логических выражений (предикативных формул) модальной логики:

- Выражение внутреннего состояния и оценки системы, в которой происходит это взаимодействие - *f*.
- Выражение состояния и оценки внешней среды (социокультурной, научно-образовательной, деятельностной). Сюда же мы конъюнктивно включаем личное восприятие субъектом оценки среды, выражение его мировоззрения, культуры, нравственности, необходимые субъекту в данном взаимодействии. То есть это конъюнкция двух логических оценок: $s=so \square sl$.

Ввиду неравновесности среды и во избежание категоричности оценок мы исключаем из шкалы возможных оценок **1** и **0**. То есть возможны оценки «***Необходимость***», «***Возможность***» и их логические отрицания.

Таким образом, каждому типу взаимодействия субъекта познания, информационной деятельности с киберпространством соответствует своя логическая формула его оценки в модальной логике: $w=f \wedge so \wedge sl$.

Взаимодействие с электронно-образовательными ресурсами в сфере общего образования. Это специализированные ресурсы открытого доступа, выполненные в соответствии с государственным стандартом и сосредоточенные на электронных носителях или сетевых порталах, в Интернет. Кроме того, они являются достаточно качественными (потому и рекомендуемыми), удовлетворяют требованиям и условиям общества, социокультурной среды. То есть относительно внутренних свойств системы взаимодействие с ними (как познавательными средствами) необходимо - *f=«Необходимо»*, а относительно условий внешней среды взаимодействие с ними как объектами социокультуры, медиасреды возможно - *so*=«*Возможно*». Более того, ***so*** можно считать необходимостью, поскольку эти ресурсы носят обязательный или рекомендательный характер.

В этом взаимодействии имеют значение также необходимый уровень ***мотивации***, познавательные интересы субъектов. Но их наличие предполагается. Следовательно, этот тип взаимодействия по отношению к субъекту можно оценить как логически необходимый (с учетом личностного фактора), *sl*=«*Необходимо*», и, соответственно, общую его оценку **w** как **«***Необходимо***»**. Поэтому расширение медиапознавательной среды за счет внедрения, адаптации ресурсов общей медиасреды и упорядоченного распределения их в специализированных порталах Интернет является оптимальным и наиболее перспективным.

Субъекты познавательной сферы развивают личные знания, усваивают правила и формы информационного взаимодействия, социально-правовые аспекты информации, информационных ресурсов, то есть происходит формирование личной информационной культуры. Субъект выстраивает личное киберпространство, «прописываясь» в ячейках существующего познавательного киберпространства. Следовательно, упорядоченность и организованность этого киберпространства, а также его личностного отражения *наследуются*.

Взаимодействие с электронными ресурсами образовательного применения. Этот тип взаимодействия необходим в самообразовании, реализации индивидуальной познавательной программы (образовательной траектории), в подготовке проектов, в повышении квалификации. Как ресурсы по форме и содержанию, они и физически, и логически возможны в терминах модальной логики. Это объекты медиасреды. Опасность этого взаимодействия в том, что эти объекты могут быть ресурсами только по форме, но не по содержанию. Однако субъекты этого взаимодействия обладают достаточной мотивацией, целеустремленностью, информационной культурой, культурой познания, сформированными в сфере образования и воспитания - без этого оно мало эффективно. Следовательно, *sl=«Необходимо».* Поэтому общая оценка этого взаимодействия - *«Возможно»*.

У субъектов самообразования имеется общая познавательная цель, но не всегда имеется цель конкретного взаимодействия - есть лишь проблема, цель определяется в ходе самого взаимодействия. Однако, ввиду целеустремленности и мотивации, есть логическая *модель* поиска информации. Информация, не соответствующая ей, не интересует данного субъекта, то есть им осуществляется фильтрация информации, ресурсов. Развивается его информационная культура, культура информационной безопасности, критическое отношение к информации. Субъект становится носителем и источником информационной культуры.

Данное взаимодействие с медиасредой сопровождается производной информацией, производными ресурсами, то есть реализация возможности влечет расширение медиасреды личного образования, в то время как само оно влечет расширение возможностей медиасреды, ее последующих состояний. Субъект не только «обживается» в познавательном киберпространстве, но и достраивает его в соответствии с целями своего самообразования. В этих процессах субъекту часто приходится решать логические задачи типа *«Необходимо»□«Невозможно», «Возможно»□«Случайно»*. Необходима культура киберпространства в контексте модальной логики. Необходимы знания, чтобы по возможности устранять логическую невозможность, культура познания, развиваемые в ходе этого взаимодействия.

Один из тезисов модальной логики гласит, что необходимость логического выражения означает утверждение о его истинности «во всех возможных мирах». По отношению к киберпространству это надо понимать как истинность в любом его подпространстве, в том числе в личном, но не в любом их состоянии (это была бы статичная формальная система). Каждое такое подпространство, большое и малое, общее и личное, является *открытой развивающейся системой* (в этом его особенность). Поэтому для любых исходных элементов (под квантором общности) в логическом выражении существуют необходимые элементы (под квантором существования) в существующем или в будущем состоянии этого подпространства. Это значит, что эти необходимые элементы берутся из общего киберпространства и «прописываются» в локальном, либо создаются самим субъектом локального киберпространства, составляя расширение и его, и общего киберпространства.

Культура знания предполагает наличие и личностное «присвоение» метазнания в его модально-логическом выражении. Поскольку метазнания вместе со знаниями составляют предмет мышления, то они не только являются его материалом, средством и результатом, но и характеризуют его качественный уровень. Предметом изучения становится не только знание о чем-либо, но и само знание как целостный объект и как абстрактное понятие. То есть это уровень системологии, когда знания о конкретных системах являются частным случаем знаний о системах как явлениях и понятиях. Следовательно, личное метазнание само является элементом личной культуры знания, информационной культуры, культуры киберпространства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Коротенков Ю.Г. Понятие и проблемы медиаинформатизации образования // Информатика и образование. - № 4. - 2012.
2. Коротенков Ю.Г. Smart-общество и Smart-образование. Materials of the X International scientific and practical conference «Trends of modern science □ 2014», Sheffield, S Yorkshire, England, 2014.
3. Abdurazakov M.M., Korotenkov Yu.G., Muhidinov M.G.. Educational space representation in cyberspace // SHS Web of Conferences, Том 29 (2016). 2016 International Conference “Education Environment for the Information Age” (EEIA-2016), Moscow, Russia, June 6-7, 2016 / S.V. Ivanova and E.V. Nikulchev (Eds.). [Электронный ресурс] - URL: http://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/ contents/contents.html. Published online: 03 August 2016. DOI: http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/20162901001
4. Ожогина Е.М. Возможности применения информационно-коммуникативных технологий в качестве средства формирования смысложизненных ориентаций старшеклассников. Современные информационные технологии в ИТ-образовании. - М.: МГУ, 2012.
5. Плешаков В.А. Теория киберсоциализации человека: монография. - М.: Homo Cyberus, 2011.

REFERENCES

1. Korotenko Y.G. Concept and issues mediainformatizatsii Education. [Ponyatie i problemy mediainformatizatsii obrazovaniya]. Informatics and Education. No 4. 2012.
2. Korotenko Y.G. Smart-society and Smart-education. [Smart-obshhestvo i Smart-obrazovanie]. 2014, Sheffield, S Yorkshire, England. Materials of the x international scientific and practical conference «Trends of modern science 2014», Sheffield, S Yorkshire, England. 2014.
3. Abdurazakov M.M., Korotenkov Yu.G., Muhidinov M.G.. Educational space representation in cyberspace. SHS Web of Conferences, Volume 29 (2016). 2016 International Conference "Education Environment for the Information Age" (EEIA-2016), Moscow, Russia, June 6-7, 2016. S.V. Ivanova and E.V. Nikulchev (Eds.). Available at: http://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/ contents / contents.html. Published online: 03 August 2016. DOI: http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/20162901001
4. Ozhogina E.M. Possible applications of information and communication technologies as a tool for the formation of life orientations of senior pupils. [Vozmozhnosti primeneniya informatsionno-kommunikativnykh tekhnologij v kachestve sredstva formirovaniya Smyslozhiznennykh orientatsij starsheklassnikov]. Modern information technologies in IT education. Moscow: Moscow State University. 2012.
5. Pleshakov V.A. The theory of human kibersotsializatsii: monograph. [Teoriya kibersotsializatsii cheloveka: monografiya]. Moscow: Homo Cyberus. 2011.

Информация об авторе

Абдуразаков Магомед Мусаевич, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник центра теории и методики обучения математике и информатике ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования», г. Москва, профессор кафедры математики и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева», г. Карачаевск, Россия
abdurazakov@inbox.ru

Цветкова Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Бизнес-информатика» ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
г. Москва, Россия
OChvetkova@fa.ru

Миронова Ирина Васильевна, доцент, кандидат физико-математических наук, доцент департамента анализа данных, принятия решений и финансовых технологий ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
г. Москва, Россия
mironova_i_v@mail.ru

Получена: 15.11.2016

Для цитирования статьи: Абдуразаков М. М., Цветкова О. Н., Миронова И. В., Представление информационно-образовательной среды в образовательном киберпространстве. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-167-172.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-167-172.

Information about the author

Magomed M. Abdurazakov, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Didactics of Informatics, Institute of Contents and Training Methods, Russian Academy of Education, Moscow, Professor, Department of Mathematics and Pedagogical Methods, Karachaevo-Circassian State University amed after U. D. Aliev,

Karachaevsk, Russia
abdurazakov@inbox.ru

Olga N. Tsvetkova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Business Informatics, Russian Government Financial University,

Moscow, Russia
OChvetkova@fa.ru

Irina V. Mironova, Candidate of Physical-Mathematical Sciences, Associate Professor, Department of Analysis, Decision Making and Financial Technology, Russian Government Financial University,
Moscow, Russia
mironova_i_v@mail.ru

Received: 15.11.2016

For article citation: Abdurazakov M.M., Tsvetkova O. N., Mironova I.V., Predstavlenie informacionno-obrazovatel'noj sredy v obrazovatel'nom kiberprostranstve. [Presentation of information and educational environment in the educational cyberspace]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-167-172.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-167-172. (in Russian)

УДК 378 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-173-176

АНДРАФАНОВА Наталия Владимировна
Кубанский государственный университет
г.Краснодар, Россия

Natalia V. ANDRAFANOVA
Kuban State University
Krasnodar, Russia

О ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДМЕТНОЙ ИКТ-КОМПЕТЕНТНОСТИ БАКАЛАВРОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» (ПРОФИЛЬ МАТЕМАТИКА И ИНФОРМАТИКА)

FORMATION OF THE SUBJECT BACHELORS ICT-COMPETENCE DIRECTION “PEDAGOGICAL EDUCATION” (MATHEMATICS AND COMPUTER SCIENCE PROFILE)

В статье представлен подход к формированию предметной ИКТ-компетентности бакалавров - будущих учителей математики в процессе профессиональной подготовки по направлению «Педагогическое образование». Обоснована необходимость формирования предметной ИКТ-компетентности бакалавров математики в условиях реализации положений Концепции развития математического образования и введения новых государственных образовательных стандартов, в которых компьютерная поддержка предметного обучения и формирование готовности учащихся к использованию возможностей информационных технологий при решении математических задач рассматривается как обязательная составляющая. Сформулированы предметные ИКТ-компетенции учителя математики, определяющие его готовность и способность к применению методических возможностей современных программных инструментов и сред при обучении школьному курсу математики, формирование которых может осуществляться в рамках существующих учебных планов подготовки бакалавров различными предложенными способами. В качестве современных компьютерных инструментов рассматриваются системы динамической геометрии (СДГ) с их преимуществами в сравнении с другими информационными (программными) технологиями. Среди систем динамической геометрии выделена GeoGebra, популярная среди преподавателей и исследователей из разных стран мира. В статье перечислены отличительные особенности СДГ GeoGebra в сравнении с другими системами, подробно описываются ее графические возможности. Возможности программы могут быть широко использованы при изучении всего школьного курса математики, но особенно актуальным является ее применение при изучении геометрического материала.

The article presents an approach to the formation of the subject bachelors ICT-competence who are future teachers of mathematics in the process of training in the direction of “Teacher Education”. It is depicted there the necessity of forming the subject ICT-competence of Mathematics Bachelor in the conditions of realization of the Concept of mathematics education development and the introduction of new state educational standards, in which computer support of subject teaching and formation of readiness of students to the usage of information technology opportunities for solving math problems is regarded as a imperative component. In the article are formulated subjects ICT-competences of the mathematics teacher determining his readiness and ability to use methodological possibilities of modern software tools and environments for teaching school mathematics, which formation can be carried out within existing curricula for preparing Bachelors by various proposed methods. As modern computer tools are considered dynamic geometry environment (DGE) and their advantages in comparison with other information (software) technology. Among the dynamic geometry environment is highlighted GeoGebra, which is popular among teachers and researchers from around the world. The article lists the features of DGE GeoGebra in comparison with other systems, its graphics capabilities are described in details. Opportunities of the program can be widely used in the study of the whole school mathematics course but especially important is its application in the study of geometrical material.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, ИКТ-компетентность, системы динамической геометрии, GeoGebra, учитель математики.

Keywords: training, ICT-competence, dynamic geometry environment, GeoGebra, mathematics teacher

В современных условиях информатизации образования преподавание любой дисциплины, в том числе и математики, немыслимо без использования средств информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), поэтому актуальными являются вопросы эффективной организации и методической поддержки обучения с помощью компьютерных инструментов. При этом формирование базовых математических компетенций должно осуществляться в неразрывной связи с формированием ИКТ-компетенций студентов.

В Концепции развития математического образования (утверждена 24.12.2013) указано на необходимость обеспечения образовательных учреждений информационными (программными) инструментами и средами математической деятельности (например, средами динамической геометрии или системами символьных вычислений или программирования - в общем образовании), их технической и методической поддержкой. Основной механизм - приобретение массовых лицензий на федеральном уровне [1].

Вполне закономерным выглядит включение в государственные образовательные стандарты нового поколения как обязательной компьютерной поддержки предметного обучения (в том числе применение систем динамической геометрии), так и формирование готовности учащихся к использованию возможностей информационных технологий при решении математических задач.

Это требует внесения изменений в рабочие программы подготовки бакалавров математи-

ки в части изучения компьютерных инструментов и методики их применения при обучении математике. Пути решения этой задачи могут быть разными:

- введение отдельного модуля (модулей) в программу дисциплины «Теория и методика обучения математике», «Теория и методика обучения информатике» [2, с. 112];
- введение самостоятельной дисциплины по выбору [3, с. 61];
- организация научно-исследовательской деятельности студентов в рамках выполнения курсовой и/или выпускной квалификационной работ [4, с. 37] [5, с. 71].

Изучение компьютерных инструментов направлено на формирование предметной ИКТ-компетентности учителя математики. К предметным ИКТ-компетенциям можно отнести:

– готовность использовать предметно-ориентированные программные средства в математической деятельности;

– способность применять методические возможности современных программных инструментов и сред при обучении школьному курсу математики;

– способность выбирать и эффективно использовать образовательные технологии, методы и средства обучения в современных условиях информационного общества;

– способность к конструированию содержания, методов и форм обучения математике в условиях информатизации науки и общества;

– готовность к постоянному самообразованию в области использования средств ИКТ при обучении математике.

В качестве современных компьютерных инструментов в математической деятельности представим системы динамической геометрии (СДГ), ставшие популярными в последние годы среди преподавателей и исследователей из разных стран мира. Их использование в учебном процессе является одним из актуальных направлений исследовательской деятельности ученых и преподавателей.

Система динамической геометрии − это специализированное программное обеспечение, позволяющее выполнять геометрические построения с помощью геометрических объектов, задавая соотношения между ними. При изменении одного из геометрических объектов чертежа остальные объекты также изменяются, сохраняя неизменными заданные между объектами отношения, позволяя создавать «живые чертежи».

Преимущества СДГ в сравнении с другими информационными (программными) технологиями:

– привлекательность компьютерных инструментов при сохранении у школьников правильного представления о технике геометрического построения;

– расширенный по сравнению с геометрией «на бумаге» набор упрощающих построение чертежа элементарных операций, позволяющий не только значительно экономить время, но и при необходимости быстро видоизменять чертеж;

– создание творческой среды, в которой изменяется роль школьника на уроках от пассивного наблюдателя до активного исследователя;

– реализация индивидуального и дифференцированного подхода в обучении, предоставляющая широкие возможности для активной самостоятельной познавательной деятельности в соответствии с выбранной траекторией познания геометрии от простых заданий к углубленному изучению объектов, их свойств и связей;

– обеспечение одного из важнейших принципов дидактики - принципа наглядности, который реализуется посредством предъявления информации об объектах и процессах в компьютерной форме (свойство наглядности);

– возможность компьютерного моделирования, с помощью которого можно экспериментально обнаруживать новые интересные геометрические факты и связи, используя не только статические, но и динамические возможности системы (свойство моделирования, свойство динамики);

– использование систем динамической геометрии на уроках и дома в любое удобное время.

Дидактические возможности систем динамической геометрии широко представлены в работах [6, с. 57] [7, с. 117].

Виды систем динамической геометрии:

– программы двухмерной геометрии (2D), например Cabri Geometry (Черновик для информатики, Франция, 1988), The Geometer's Sketchpad (Блокнот геометра, русская сия - «Живая математика», США, 1989), GeoGebra (Австрия, 2002), GeoNext (Германия, 1999), «Планиметрия» 7-9 (Россия, 2001);

– программы трехмерной геометрии, например, Archimedes Geo3D, Geometria, GeoGebra (с версии 5.0).

Среди СДГ выделим систему GeoGebra как свободно распространяемое кроссплатформенное программное обеспечение (GPL - General Public License - открытое лицензионное соглашение), имеющее русскоязычную версию. Программу можно скачать на официальном сайте GeoGebra https://www.geogebra.org.

Вокруг этой программы в последние годы сформировалось международное сообщество исследователей и преподавателей из разных стран мира, принимающих участие в конференциях по вопросам ее продвижения. На просторах Образовательной галактики Intel (Education Galaxy) появилось сообщество преподавателей, которые щедро делятся своими наработками, тем самым продолжая развитие и улучшение системы. В целях обмена информацией и опытом используется веб-сервис GeoGebraTube (http://www.geogebratube.org) - постоянно обновляющаяся база методических и дидактических материалов.

В отличие от других систем динамической геометрии идея GeoGebra заключается в интерактивном сочетании геометрического, алгебраического и числового представления. Эта особенность отражена в названии системы GeoGebra (**geo**metry+al**gebra)**, тем самым подчеркивается неразрывная связь различных разделов математики, связь аналитической конструкции с наглядным представлением объекта.

Графические возможности СДГ GeoGebra:

- стандартный набор инструментов, позволяющий создавать основные геометрические объекты (точка, линия, окружность, вектор, многоугольник, угол);
- инструменты, реализующие дополнительные операции над геометрическими объектами (деление отрезка пополам, деление угла на *n* равных частей и др.);
- инструменты, позволяющие выполнять экспериментальную и исследовательскую работы (измерение длин отрезков, величин углов и др.);
- ввод данных, команд и функций в строке ввода;
- возможность движущейся точки оставлять след;
- возможность создания анимации - автоматического перемещения точек вдоль заданных траекторий.

Применять СДГ GeoGebra можно при изучении как школьного курса математики, так и вузовского курса математических дисциплин. В работе [8, с. 46] предложена модель самостоятельного изучения средствами СДГ GeoGebra некоторых вопросов раздела «Аналитическая геометрия». Использование современных компьютерных инструментов позволяет изменить традиционные подходы к изучению этого материала.

Основные возможности СДГ GeoGebra при изучении геометрического материала:

- изучение метрических и конструктивных свойств фигур на плоскости и в пространстве;
- изучение движений и подобий плоскости и пространства;
- обучение поиску решения задач;
- обучение доказательству теорем;
- организация исследовательской и проектной деятельности [9, с. 22].

Таким образом, для формирования предметной ИКТ-компетентности будущих учителей математики в условиях введения новых государственных образовательных стандартов, в которых отражена обязательная компьютерная поддержка предметного обучения (в том числе с помощью систем динамической геометрии), необходимы изменения в рамках существующих учебных планов подготовки бакалавров - будущих учителей математики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Концепция развития математического образования в Российской Федерации // минобрнауки.рф/документы/3894 [Электронный ресурс].
2. Андрафанова Н.В. О формировании специальной ИКТ-компетентности бакалавров - будущих учителей математики // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». -□2014. -□№ 51. -□С. 108-117.
3. Майер В.Р. Обучение геометрии будущих бакалавров - учителей математики с использованием систем динамической геометрии // Вестник Красноярского педагогического университета В.П. Астафьева. -□2015. -□№ 1 (31). -□С. 60-64.
4. Андрафанова Н.В., Титарева О.Д. О познавательной самостоятельности студентов направления «Педагогическое образование» // Образование и наука в современных условиях. -□2016. -□№ 4 (9). -□С. 35-40. DOI: 10.21661/r-113619
5. Андрафанова Н.В., Стеклова Н.Д. Об исследовательской деятельности студентов направления «Педагогическое образование» // Педагогический опыт: теория, методика, практика. -□2016. -□№ 4 (9). - С. 68-73.
6. Андрафанова Н.В., Закира И.А., Назарян Д.С. Инновационные технологии в преподавании геометрии // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. -□2014. -□№ 47. -□С. 55-65.

7. Andrafanova N.V. Geometrical similarity transformations in dynamic geometry environment GEOGEBRA // European Journal of Contemporary Education. - 2015. - № 2 (12). - С. 116-128. DOI: 10.13187/ejced.2015.12.116
8. Андрафанова Н.В., Губа Н.В., Шмалько С.П. Использование информационных технологий при подготовке бакалавров экономических направлений // Информатизация образования и науки. - 2016. -□№ 3 (31). -□С. 45-57.
9. Андрафанова Н.В., Закира И.А. Поддержка исследовательской деятельности школьников средствами ИГС // Проблемы и перспективы развития образования в России. -□2014. -□№ 30. -□С. 21-26.

REFERENCES

1. Conception of mathematic education in the Russian Federation. Available at: минобрнауки.рф/документы/3894
2. Andrafanova N.V. On the formation of a special ICT competence bachelors - future teachers of mathematics. [O formirovanii spetsial'noy IKT-kompetentnosti bakalavrov - budushchikh uchiteley matematiki]. Sborniki konferentsiy NITs « Sotsiosfera » = Collectors conferences NIC Sotsiosfera. 2014. № 51. Pp. 108-117.
3. Meyer V.R. Teaching geometry for future bachelors - mathematics teachers using the dynamic geometry systems. [Obuchenie geometrii budushchikh bakalavrov - uchiteley matematiki s ispol'zovaniem sistem dinamicheskoy geometrii]. Vestnik Krasnoyarskogo pedagogicheskogo universiteta V.P.Astaf'eva = Bulletin of the Krasnoyarsk Pedagogical University V.P.Astafeva. 2015. № 1 (31). Pp. 60-64.
4. Andrafanova N.V. Titareva O.D . About informative independence of students of the direction "Teacher Education". [O poznavatel'noy samostoyatel'nosti studentov napravleniya «Pedagogicheskoe obrazovanie»]. Obrazovanie i nauka v sovremennykh usloviyakh = Education and science in modern conditions. 2016. № 4 (9). Pp. 35-40. DOI: 10.21661/r-113619
5. Andrafanova N.V., Steklova N.D. On the directions of research activity of students, "Teacher Education". [Ob issledovatel'skoy deyatel'nosti studentov napravleniya «Pedagogicheskoe obrazovanie»]. Pedagogicheskiy opyt: teoriya, metodika, praktika = Teaching experience: the theory, methodology, practice. 2016. № 4 (9). Pp. 68-73.
6. Andrafanova N.V., Zakirov I.A., Nazarian D.S. Innovative technologies in the teaching of geometry. [Innovatsionnye tekhnologii v prepodavanii geometrii]. Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii. = Person, family and society: questions of pedagogy and psychology. 2014. № 47. Pp. 55-65.
7. Andrafanova N.V. Geometrical similarity transformations in dynamic geometry environment GEOGEBRA. European Journal of Contemporary Education. 2015. № 2 (12). Pp. 116-128. DOI: 10.13187/ejced.2015.12.116
8. Andrafanova N.V., Guba N.V., Shmalko S.P. Usage of information technology in the preparation of bachelors of economic trends. [Ispol'zovanie informatsionnykh tekhnologiy pri podgotovke bakalavrov ekonomicheskikh napravleniy]. Informatizatsiya obrazovaniya i nauki = Informatization of Education and Science. 2016. № 3 (31). Pp. 45-57.
9. Andrafanova N.V., Zakir I.A. Support research students by IGS means. [Podderzhka issledovatel'skoy deyatel'nosti shkol'nikov sredstvami IGS]. Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii = Problems and prospects of development of education in Russia. 2014. № 30. Pp. 21-26.

Информация об авторе

Андрафанова Наталия Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры информационных образовательных технологий, факультет математики и компьютерных наук, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар, Россия

Получена: 19.11.2016

Для цитирования статьи: Андрафанова Н. В., О формировании предметной икт-компетентности бакалавров направления «педагогическое образование» (профиль математика и информатика). Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 5. Часть 2. с. -6/1-173-176.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-173-176.

Information about the author

Natalia V. Andrafanova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Informational Education Technologies Department,
Faculty of Mathematics and Computer Science,
Kuban State University,

Krasnodar, Russia

Received: 19.11.2016

For article citation: Andrafanova N. V., O formirovanii predmetnoj ikt-kompetentnosti bakalavrov napravlenija «pedagogicheskoe obrazovanie» (profil' matematika i informatika). [formation of the subject bachelors ict-competence direction “pedagogical education” (mathematics and computer science profile)]. Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatelnaya mys’l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-173-176.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-173-176. (in Russian)

УДК 159.9

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-177-179

АРХИПОВА Мария Владимировна
Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет)
г. Нижний Новгород, Россия
arhipovnn@yandex.ru

Maria V. ARKHIPOVA
Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin (Mininsky University)
Nizhniy Novgorod, Russia
arhipovnn@yandex.ru

ЖЕРНОВАЯ Оксана Романовна
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Россия
kaflingvo@mail.ru

Oksana R. ZHERNOVAYA
Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
Nizhniy Novgorod, Russia
kaflingvo@mail.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

EXPERIMENTAL RESEARCH OF STUDENTS' MOTIVATION WHILE LEARNING A FOREIGN LANGUAGE AT SCHOOL

В статье исследуется проблема формирования мотивации подростков при изучении иностранного языка в средней общеобразовательной школе. Необходимость совершенствования процесса преподавания обусловливает экспериментальное изучение и выяснение психологических механизмов развития мотивации современных школьников в процессе изучения иностранного языка. В исследовании анализируется эмоциональное отношение, интерес, эмоциональное самочувствие, преобладающий мотив изучения иностранного языка. Рассматриваются особенности иностранного языка как учебной дисциплины, психофизиологические особенности учащихся, способствующие снижению мотивации, определяется понятие мотивации изучения иностранного языка, представлен анализ особенностей учебной мотивации у современных школьников. На основе результатов научного исследования даны рекомендации по оптимизации учебного процесса. Полученные данные показали, что проблема поиска наиболее действенных приемов, способствующих повышению мотивации к изучению иностранного языка, является актуальной. Проведенное исследование психологических условий формирования и усиления мотивации учащихся при изучении иностранного языка в средней общеобразовательной школе может использоваться педагогами, психологами, методистами в целях повышения качества преподавания иностранных языков.

The article presented deals with the problem of up-to-date means motivating students to learn foreign languages at schools. The necessity of improving teaching methods supposes the experimental organization, deep investigation and analysis of motivation, its psychological mechanisms and development in the process of education. The research analyses emotional attitude, interest, emotional state, dominating motives to learn a foreign language. The features of foreign language as a school subject, psycho physiological students' characteristics contributing to motivation decrease are described. The term «motivation of learning foreign languages» having been defined, the structure, criteria and levels of developing students' motivation to learn a foreign language are offered. It is emotions that motivate and create positive attitude. The idea of using different means creating emotionally comfortable atmosphere during lessons, thus making educational process more efficient, is noted. The article presents the analysis of characteristic features of motivation in juvenile age. Recommendations of optimization an educational process are given on the basis of the received results.

Ключевые слова: образование, мотивация, учебная мотивация, иностранный язык, школьный возраст, эмоциональное состояние, интерес.

Keywords: education, motivation, educational motivation, foreign languages, school age, emotional state, interest

Проблема мотивации учения возникает с первых шагов обучения в школе, является важной проблемой в современной психологии и педагогике. Можно отметить огромное количество ученых, обращающихся к проблеме мотивации (В.Г. Асеев, Л.И. Божович, И.А. Васильев, В.К. Вилюнас, В.Г. Леонтьев, В.С. Ильин, А.К. Маркова, J.W. Atkinson, S.P. Grossman, K.B. Madsen, G. Merphy, E. Resenfeld и др.). Необходимость определения мотивационных детерминант у подростков указывается исследователи, так как. именно в этом возрасте складывается иерархия мотивов, приобретают устойчивость доминирующие мотивы [1; 2; 3; 4; 5]. Для того чтобы найти наиболее действенные приемы для использования при обучении иностранному языку современных школьников, необходимо изучить компоненты и особенности учебной мотивации.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей мотивации школьников, изучающих иностранный язык.

Проведя наше исследование, мы определили круг следующих задач: 1) подобрать и применить комплекс методик для изучения мотивации учения в школе и на уроках иностранного языка; 2) определить характерные уровни учебной мотивации; 3) проанализировать особенности компонентов мотивационной сферы: цели, мотивы, интересы, эмоциональное отношение.

В исследовании приняли участие учащиеся 5-9-х классов средней общеобразовательной школы, без углубленного изучения иностранных языков. В нашем исследовании мотивация учения определялась системой следующих показателей: 1) уровнем заинтересованности изу-

чения отдельных учебных предметов; 2) проявляемыми эмоциями к процессу и содержанию иностранного языка как учебного предмета; 3) определяемыми целями изучения иностранного языка; 4) соотношением социальных и познавательных мотивов учения; 5) соотношением доминирования внешней или внутренней учебной мотивации; 6) уровнем учебной мотивации.

Выделение показателей изучения мотивационной сферы учащихся при овладении иностранным языком позволило провести диагностику особенностей учебной мотивации подростков с использованием следующего психодиагностического комплекса: 1. Определение уровня интереса подростков к изучаемому предмету проводилось с помощью первого раздела методики Г.Н. Казанцевой «Изучение отношения к учению и к учебным предметам» (2003); 2. Эмоциональное отношение к изучаемому предмету выявлялось вторым разделом методики Г.Н. Казанцевой «Изучение отношения к учению и к учебным предметам» (2003); 3. Для определения целей изучения иностранного языка подростками был также использован второй раздел методики Г.Н. Казанцевой «Изучение отношения к учению и к учебным предметам» (2003); 4. На исследование соотношения социальных и познавательных мотивов учения были направлены третий раздел методики Г.Н. Казанцевой «Изучение отношения к учению и к учебным предметам» (2003) и «Методика изучения мотивов учения школьников» А.А. Реана и В.А. Якунина (2003); 5. С целью изучения направленности на доминирование внешней или внутренней мотивации нами был применен «Тест-опросник направленности учебной мотивации» Т.Д. Дубовицкой (2002); 6. Для выявления уровня школьной мотивации при изучении иностранного языка подростками использовался модифицированный опросник Н.Г.Лускановой «Анкета для оценки уровня школьной мотивации учащихся». Опросник был модифицирован с целью возможности его использования на примере иностранного языка с учащимися подросткового возраста.

Анализ результатов эксперимента, проводимого с целью определения учебной мотивации школьников при изучении иностранного языка, позволил сделать следующие выводы:

1. Уровень интереса, проявляемого школьниками к изучению иностранного языка, невысок. Только 9,8% школьников выделяют английский язык как наиболее предпочтительный, в то время как каждый десятый школьник - как наименее привлекательный. Отсутствие интереса является фактором, негативно влияющим на любую деятельность, в том числе и учебную. Соответственно, отсутствие интереса к изучаемому предмету не может привести к успешности обучения.

2. Проводимое исследование выявило следующие причины, отрицательно влияющие на эмоциональное отношение школьников, изучающих иностранный язык, - трудность в усвоении и отсутствие интереса к предмету со стороны товарищей. Исследования показывают, что 20,5 % подростков отрицательно относятся к изучению английского языка вследствие того, что одноклассники не интересуются данным предметом. Результаты эксперимента свидетельствуют, что школьники осознают важность владения иностранным языком в современном мире, необходимость владения им при устройстве на работу, однако большинство из них испытывают негативные эмоции при изучении предмета.

3. Следующий компонент мотивационной сферы - цель изучения иностранного языка школьники связывают с пониманием значимости предмета для профессиональной деятельности. 60,2% школьников указывают на необходимость изучения данного предмета для поступления в высшие учебные заведения, достижения желаемой карьеры, успеха в жизни.

4. Преобладающими в учебной деятельности подростков являются социальные мотивы учения. Невысокий процент подростков ориентирован на получение глубоких и прочных знаний, самостоятельную работу в ходе учебной деятельности. Познавательные мотивы составляют лишь 24,6%, что, безусловно, неблагоприятным образом сказывается на результатах обучения подростков иностранному языку.

5. Доминирование внешней мотивации наблюдается при изучении иностранного языка учащимися. Несмотря на то, что высокий процент подростков осознает важность английского языка, возникающие трудности снижают интерес к предмету.

6. Средний уровень с доминированием внешней мотивации является преобладающим при изучении иностранного языка. Низкий уровень мотивации наблюдается у 35,6%, при этом число учащихся, имеющих высокий уровень мотивации при изучении английского языка, составляет менее одного процента.

Полученные данные показали, что проблема поиска наиболее действенных приемов, способствующих повышению мотивации к изучению иностранного языка, таких как создание ситуации успеха (Oxford J, 1994), организация коллективного обучения (Dornyei Z., 1994), использование яркого лингвострановедческого материала [6], использование музыки на уроках иностранного языка (Шутова Н.В., Архипова М.В. и др.) [7], строение учебного процесса на основе совместной деятельности (Перевозчикова В.Н., 2005) и др., является актуальной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Казначеева С.Н., Бондаренко В.А. Специфика мотивов изучения иностранного языка студентами неязыковых направлений Мининского университета // Вестник Мининского Университета. - 2016. - № 3. - С. 1.
2. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. - М.: Просвещение, 1991. - 222 с.
3. Минаева И.Б. Мотивация успеха - необходимое условие овладения иностранным языком // Иностранные языки в школе. - 2009. - № 2. - С. 42-44.
4. Рыжов В.В. Иноязычные способности. - Н. Новгород: НГЛУ, 2001. - 193 с.
5. Смоловик О.В., Шутова Н.В. Сравнительный анализ мотивов изучения иностранного языка у современных студентов // Казанский педагогический журнал. - 2016. - № 4 (117). - С. 168-171.
6. Саланович В.А. Проблема мотивации и роль упражнений при обучении французскому языку в старших классах // Иностранные языки в школе. - 1998. - № 1. - С. 15-18.
7. Архипова М.В., Шутова Н.В. К проблеме использования специально организованного музыкального воздействия в учебном процессе // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2015. - Т.7. - № 3. - С. 171.

REFERENCES

1. Kaznacheeva S.N., Bondarenko V.A. Specifika motivov izuchenija inostrannogo jazyka studentami nejazykovyh napravlenij mininskogo universiteta. [Specifics of motivation learning a foreign language by students of not language directions in Minin University]. Minin University Bulletin. 2016. № 3. P. 1 (in Russ.).
2. Zimnjaja I.A. Psihologija obuchenija inostrannym jazykam v shkole. [The Psychology of teaching foreign languages at school]. M.: Prosveshhenie. 1991. 222 p. (in Russ.).
3. Minaeva I.B. Motivacija uspeha - neobhodimoe uslovie ovladenija inostrannym jazykom. [Success motivation as a necessary condition of learning foreign languages].Foreign Languages at School. 2009. № 2. Pp. 42-44 (in Russ.).
4. Ryzhov V.V. Inojazychnye sposobnosti. [Foreign Languages Skills]. Nizhnij Novgorod, NGLU, 2001. 193 p. (in Russ.).
5. Smolovik O.V., Shutova N.V. Sravnitel'nyj analiz motivov izuchenija inostrannogo jazyka u sovremennyh studentov. [Comparative analysis of the motives of learning a foreign language by students]. Kazanskij Pedagogical Journal. 2016. № 4 (117). Pp. 168-171 (in Russ.).
6. Salanovich V.A. Problema motivacii i rol' uprazhnenij pri obuchenii francuzskomu jazyku v starshih klassah. [The problem of motivation and the role of exercises in teaching the French language in senior school]. Foreign Languages at School. 1998. № 1. Pp. 15-18 (in Russ.).
7. Arhipova M.V., Shutova N.V. K probleme ispol'zovanija special'no organizovannogo muzykal'nogo vozdejstvija v uchebnom processe. [The problem of using specific musical compositions in educational process]. Historical and social-educational idea. 2015. T.7. № 3. P.171 (in Russ.).

Информация об авторе

Архипова Мария Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет),
г. Нижний Новгород, Россия
arhipovnn@yandex.ru

Жерновая Оксана Романовна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков и лингвокультурологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия
kaflingvo@mail.ru

Получена: 17.11.2016

Для цитирования статьи: Архипова М. В., Жерновая О. Р. Экспериментальное исследование особенностей учебной мотивации современных школьников при изучении иностранного языка. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-177-179.

Information about the author

Maria V. Arkhipova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Department of Theory and Practice of Foreign Languages and Linguistic Didactics, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin (Mininsky University),
Nizhniy Novgorod, Russia
arhipovnn@yandex.ru

Oksana R. Zhernovaya, Candidate of Philological Sciences, Head of Department of Foreign Languages and Cultural Linguistics,
Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky,
Nizhniy Novgorod, Russia
kaflingvo@mail.ru

Received: 17.11.2016

For article citation: Arkhipova M.V., Zhernovaya O.R., Jeksperimental'noe issledovanie osobennostej uchebnoj motivacii sovremennyh shkol'nikov pri izuchenii inostrannogo jazyka. [Experimental research of students' motivation while learning a foreign language at school]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-177-179.

УДК 37.013 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-180-185

ВОЛОДИНА Елена Николаевна
Тюменскийгосударственный университет
г. Тюмень, Россия
elena_mayak_@mail.ru

Elena N.VOLODINA
Tyumen State University
Tyumen, Russia
elena_mayak_@mail.ru

МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

MODEL OF LINGUISTIC PERSONALITY DEVELOPMENT IN THE SYSTEM OF GENERAL EDUCATION

В статье осмысляются актуальные проблемы развития личности школьника в условиях модернизации системы общего образования и реализации новых федеральных государственных образовательных стандартов. Доказывается, что в контексте современной социокультурной и языковой ситуации необходимы разработка и реализация научно обоснованного механизма языкового развития личности как системообразующего начала учебно-воспитательного процесса в школе и семье, интеграция обучения языку в общий педагогический процесс, в процесс созидания личности и ее субъективного миромоделирования. Представлена авторская модель языкового развития личности в системе общего образования, апробированная в рамках областного сетевого проекта в общеобразовательных учреждениях Тюменской области. Предложенная модель позволяет проектировать процесс языкового развития личности, реализуемого на основе герменевтической методологии в процессе освоения лингвокультурологического содержания образования посредством процедур личностного понимания, истолкования и интерпретации культурных текстов и семиотического инструментария. Модель включает четыре взаимосвязанных и взаимодополняющих блока: ценностно-рефлексивный, содержательно-когнитивный, процессуальный, оценочно-результативный, - раскрывающих цель и задачи, содержание, особенности и принципы организации процесса общего образования, критерии эффективности языкового развития личности. Изложенные в статье материалы помогут педагогам, руководителям образовательных учреждений в реализации новых языковых стратегий и организации процесса языкового развития личности на основе гуманитарных подходов.

Ключевые слова: общее образование, модернизация, языковое развитие личности, модель, герменевтическая методология, образовательная семиотика.

In the article represent a summary of actual problems of development of pupils in conditions of modernization of general education system and the implementation of new federal state educational standards. It is proved that in the context of contemporary social-cultural and linguistic situation required the development and implementation of scientifically valid mechanism of language development of the person as the backbone of the beginning of the educational process in the school and the family, the integration of language learning in the total educational process, in the process of creation of the personality and its subjective world-modeling. Presents the author's model of the linguistic personality development in the system of General education, tested in the framework of the regional network project in educational institutions of Tyumen region. The proposed model allows designing the process of language development of the personality, which is implemented on the basis of hermeneutic methodology in the development of the linguistic and cultural content of education through the procedures of personal understanding, interpretation and interpreting cultural texts and semiotic tools. The model comprises four interrelated and complementary blocks: a value-reflexive, cognitive, procedural, productive, revealing the purpose and objectives, content, features and principles of the organization of the process of general education, criteria of efficiency of language development. Set out in article materials will help teachers, heads of educational institutions in the implementation of new language policies and language development personality based on humanitarian approaches.

Keywords: general education, modernization, language development of individual, model, hermeneutical methodology, educational semiotics

Цель - представить модель языкового развития личности в системе общего образования. *Источники и методы исследования:* в работе использованы методы теоретического анализа, синтеза, обобщения, конкретизации, сравнения, классификации. Выводы сделаны на основе анализа фундаментальных психолого-педагогических и языковых теорий и обобщения опыта реализации авторского сетевого проекта «Языковое развитие личности в системе общего образования» в школах Тюменской области.

Сегодняшнее состояние общего образования характеризуется тенденцией к «цементированию», единообразию (единый образовательный стандарт, единый государственный экзамен, единый перечень учебников и УМК, единое образовательное пространство и т.д.) и в основе своей вступает в противоречие с современной социокультурной ситуацией, характеризующейся принципиальным многообразием и вариативностью, подвижностью и изменчивостью. Это, с одной стороны, *ситуация полифонизма идей, «многоголосия»*, время сосуществования и «наложения» множественности миров, смысловых позиций, типов мышления и моделей бытия. С другой стороны, это время *личностных смыслов*, актуализирующее проблему самосознания человека, напряженных личностных поисков и самоопределения. В этих социокультурных условиях система образования как наиболее устойчивый социальный институт призвана создать педагогические условия не только для обучения, но и *развития личности,* а также для *личностного саморазвития* - в соответствии с имманентной самой себе логикой самодвижения растущего человека. При этом «внутренний» вектор развития личности должен так или иначе коррелировать с «внешним» вектором, определяющим стратегическое направление развития

общества, государства, отражающим течение времени, характер ценностных и культурных изменений. Задача школы - помочь ребенку вписаться, «встроиться» в становящуюся реальность, полидискурсивную и многовекторную. Мышление современного человека должно быть «настроено» на восприятие и концептуальное отражение неоднородной, многомерной действительности, вечно меняющейся, текучей реальности, развитие которой носит опережающий и часто непредсказуемый характер. Современный школьник должен обладать способностью упорядочивать, систематизировать пестрые, «хаосные», разрозненные ощущения и представления о действительности, собирая их в относительно целостную картину мира. Этот герменевтический процесс «собирания мира в слово» (по Х.-Г. Гадамеру) обеспечит понимание мира и себя в этом мире, будет способствовать гармонизации личностного бытия человека, определит стратегию его ценностного саморазвития и самореализации.

В Федеральном государственном образовательном стандарте [1] заявлены идея *гуманизации* образования и *личностные результаты образования* (наряду с предметными и метапредметными), но они, скорее, лишь декларированы, инструменты их достижения и оценивания, в сущности, не предложены. Личностные результаты, действительно, трудно поддаются измерению, контролю и оценке. Не случайно на плакате в кабинете А. Эйнштейна было написано: «Не все, что измеряется, следует измерять, и не все, что хотелось бы измерить, измеряется». Бесспорно, в процессе личностного развития есть и отсроченные, и долгосрочные результаты, которые не менее личностно и педагогически значимы, чем сиюминутные, ситуативные, подлежащие текущему / промежуточному предметному контролю. Но бесспорно и то, что педагогу необходим некий универсальный диагностический инструментарий, который позволял бы судить о динамике развития школьника и его внутриличностных изменениях по определенным внешним деятельностным проявлениям.

Принимая во внимание тот факт, что личностное развитие представляет собой некие глубинные *внутренние* процессы становления и развития *разных сфер* личности (когнитивной, духовной, ценностно-смысловой, коммуникативной и др.), а язык, как универсальная национально-личностная знаковая система, является *опосредующим механизмом общего развития личности* и интегратором культуры [2], мы полагаем, что в качестве такого диагностического «измерителя» может выступать арсенал языковых средств, которые школьник выбирает и практикует в процедурах познания действительности, в разных видах деятельности. Языковые средства самовыражения материализуют и «овнешняют» внутренние личностные процессы развития и саморазвития, опосредованно отражают особенности и характер речемышления и являются, в сущности, важнейшей формой личностной самоидентификации. Уникальность личности, ее мировоззренческие и духовные горизонты выражаются посредством языка, оформляются в языке, на котором говорит и мыслит человек. Как точно сказал Людвиг Витгенштейн: «Границы моего языка означают границы моего мира». Язык, являющийся фундаментом личностного самостроительства, тесно связан с ценностно-ориентационной деятельностью человека, целью которой является формирование личностных смыслов, системы смысловых установок и ценностных ориентиров, определяющих и регулирующих поступки человека. Язык как опосредующий культурно-семиотический механизм позволяет личности самостоятельно и свободно строить себя, свою систему ценностей, творить свою духовную вселенную и мир. Вот почему, в нашем представлении, психолого-педагогические механизмы развития личностного начала в человеке связаны прежде всего с процессом **языкового развития личности**, с созданием педагогических условий для «взращивания», сохранения и реализации уникальности, «самости» личности во всех видах языковой деятельности (текстовой, речевой, коммуникативной, социокультурной) и общении.

Особенно актуально это сегодня, в условиях доминирования виртуального общения с его опасной тенденцией к обезличенности, нивелированию и унификации сознания, функционированию слов-симулякров. В разных формах взаимодействия, в том числе и сетевого, школьник нередко становится сегодня объектом манипулятивного воздействия, вербального манипулирования сознанием, идеями и смыслами, или даже средством манипуляций, а сами языковые единицы практикуются как инструмент игры в смыслы, способ социальной мимикрии, моделирования иллюзорной реальности. Система общего образования должна способствовать развитию *свободной личности,* обладающей личностным *сознанием* и *самосознанием,* действующей на основе ценностного целеполагания и собственного сознательного выбора, определяемого системой универсальных культурных и общечеловеческих ценностей.

Само образование имеет в основе своей *языковую метаоснову* и протекает в вербально-деятельностных процессах. Вот почему представляется перспективным и целесообразным аккумулирование личностноразвивающих и смыслообразующих ресурсов языка как *метасистемы*, а значит - **интеграция обучения языку в общий педагогический процесс,** в процесс созидания личности и ее субъективного миромоделирования. Традиционно в национальном

образовании ведущим является *прагматический аспект в* обучении языку (овладение языковыми нормами и правилами их употребления, развитие речи для прагматических коммуникативных целей), тогда как сегодня не менее значимым представляется *педагогический аспект*, актуализирующий «личностнообразующий» и миромоделирующий потенциал языка. Это возможно, на наш взгляд, в процессе языкового развития личности.

Языковое развитие личности **- педагогическое системообразующее понятие,** под которым мы понимаем **процесс созидания личности,** ее мировоззрения и ценностного сознания, обретения знаний и смысложизненных ориентаций посредством развивающего и миромоделирующего потенциала языка как знакового-культурного феномена. Как организовать, педагогически стимулировать, регулировать и оценивать процесс языкового развития личности в системе общего образования? На основе идей *образовательной семиотики* и *методологии педагогической герменевтики* (А.Ф. Закирова [3]), нами разработана **модель языкового развития личности**, реализуемого в процессе *освоения лингвокультурологического содержания* образования посредством *процедур личностного понимания, истолкования и интерпретации культурных текстов* и *семиотического* инструментария. Эта модель включает четыре взаимосвязанных и взаимодополняющих блока: ценностно-рефлексивный, содержательно-когнитивный, процессуальный, оценочно-результативный.

Ценностно-рефлексивный блок представлен следующими характеристиками: *цель* образовательного процесса - языковое развитие личности с высоким уровнем деятельностно-коммуникативных потребностей в их связях с жизненными целями, поведенческими мотивами и установками, успешно реализуемыми в разных видах деятельности (семиотической, речемыслительной, коммуникативной, социокультурной), речевой практики, социальной жизни (элитарного и среднелитературного типов речевой культуры, на что ориентирует ФГОС); *задачи* образовательного процесса: создание *метаязыкового образовательного пространства* - пространства языкового и ценностно-смыслового взаимодействия всех субъектов образовательного процесса (воспитанников, учителей, родителей) [4]; формирование устойчивой мотивации к развитию, саморазвитию и самореализации языковой личности [5] школьника как *«личности понимающей»* и *«личности творящей»*, готовности к освоению мира и культуры посредством языка как универсального инструмента освоения культурных, онтологических, общечеловеческих ценностей; ценностно-смысловое становление личности посредством развития языкового мышления и языкового интеллекта школьника, обогащения когнитивной, ценностно-смысловой, коммуникативной сфер, накопления и взаимовлияния разных видов опыта (языкового, опыта эмоционально-чувственного отношения и опыта деятельности, культурного, ценностно-смыслового, ментального) как интегративной основы личности.

Содержательно-когнитивный блок раскрывает систему методологических и дидактических принципов формирования содержания образования: *принцип гуманитаризации образования* и в том числе - негуманитарных предметов путем «выделения в них одних и тех же частей общечеловеческой культуры» (В.В. Краевский), актуализации общекультурных и языковых компонентов, представленных образами и моделями, мифами и кодами, символами и знаками, текстами и схемами; *принцип интеграции* гуманитарной и естественнонаучной парадигм на основе отбора смыслопорождающего и смыслоразвивающего потенциала предметного содержания, взаимодействия в педагогической семиосфере континуальных и дискретных языков, «предметных» и метаязыка [4], развития понятийных и ментальных структур личности, понятийного, образного, концептуального мышления и творческого воображения в процессе освоения метатекста культуры; *принцип диалогичности*, выражающийся в преодолении монологического характера взаимодействия обучающегося с информацией и организации диалога личности с миром, культурой, текстом, представляющим собой экспликацию культуры, с Другим, самим собой, в процессе которого во внутреннем диалоге (В. Библер) обучающийся вырабатывает собственный взгляд на мир и на себя в этом мире, ощущая личную причастность к общечеловеческому духовному контексту, национальной концептосфере [6]; *принцип непрерывности и преемственности* языкового развития личности на всех ступенях образования, включая урочную и внеурочную деятельность, воспитательную работу, школьное и семейное речевое воспитание, в процессе инкультурации, интериоризации культурного опыта, овладения основными *единицами познания* (языковое значение, научное понятие, художественный образ) и *метаязыком* как базовым конструктом гуманитарной культуры; *принцип системности* в овладении семиотической грамотностью, в изучении языка как знаковой системы и метаязыка как универсального языка культуры, в организации семиотических и речевых практик школьника и процесса становления *языковых* (понятийной, образной, концептуальной) и *миромоделирующих систем* личности (научной, образной, ценностной картин мира).

Процессуальный блок - система педагогических технологий (коммуникативные, диалоговые, игровые, ролевые, проектные, технологии проблемного, модульного обучения, развития критического мышления и др.), методик (медленного чтения, перцептивного, смыслового, продуктивного чтения, разных видов анализа (лингвистического, лексико-семантического, семиотического, стилистического, филологического, комплексного, концептуального и др.) и герменевтической интерпретации текста, создания «вторичных текстов» и «встречных текстов», гуманитарных «методов понимания» (М.П. Фуко), семиотических практик и интерпретативных техник, разных форм языкового творчества, активизирующих процессы смыслообразования и смыслостроительства и создающих условия для актуализации и реализации языковой личности как «личности понимающей» и «личности творящей» в разных видах деятельности.

Оценочно-результативный блок включает методы, критерии, показатели для оценки эффективности процесса языкового развития личности в системе общего образования.

Таблица. Критерии и показатели языкового развития личности
Criteria and indicators of language development of the individual

Критерии	**Показатели языкового развития личности**		
	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
1.Индивидуальный язык личности	- владение обыденным, обытовленным языком; - вариативность языковых единиц в речи минимальна либо представлена практикой использования просторечий, социальных диалектов (жаргонизмов, арго, сленга, в том числе компьютерного, и т.п.); - отсутствие в речи образных средств; - однообразие грамматического строя речи, элементарные представления о грамматических категориях, которые обеспечивают понимаемость речи	- наличие диапазона вариативности языковых единиц в речи; - вариативность языковых единиц представлена общеупотребительной и книжной лексикой и носит не всегда осмысленный характер; - оперирование научными и общекультурными терминами - наличие стандартных, устойчивых, не отличающихся оригинальностью образных средств; - владение синонимической заменой, которая может производиться не всегда удачно; - системные представления о грамматических категориях и включение семантического наполнения речевого высказывания в систему грамматических кодов языка	- широкий диапазон вариативности языковых единиц в речи, выбор которых носит осознанный характер; - владение навыком синонимической замены; - оперирование концептами; - оригинальность образных средств; - наличие метафорических структур речи; - разнообразие грамматического строя речи, разветвленная система грамматических средств
2. Языковое мышление	- владение простейшими мыслительными операциями на языке (анализ, синтез, конкретизация); - понятийное мышление проявляется в умении формулировать житейские (спонтанные) понятия; -доминирование *синтагматических* семантических связей со словом-стимулом; - отсутствие языкового чутья;	-владение такими мыслительными операциями на языке, как сравнение, обобщение, абстракция, систематизация; - языковое чутье проявляется в словоупотреблении, но не всегда, фрагментарно; - языковой интеллект выражается во владении основными видами обобщений; - понятийное мышление выражается в умении формулировать научные и общекультурные понятия, способности к категоризации и терминологизации; - наличие *парадигматических* (ассоциативных) связей со словом-стимулом;	- развитость языкового чутья, чувства слова; - точность словоупотребления; - высокий уровень языкового интеллекта; - концептуальность мышления как интегративное качество личности; -широкий спектр парадигматических ассоциаций к слову-стимулу; - способность к актуализации и репрезентации концепта; - образность мышления, способность продуцировать собственные художественные образы

	- низкий уровень языкового интеллекта, фреймовое мышление	- единичные проявления образного мышления, формирующего эстетические значения слов; - умение анализировать и интерпретировать авторские образы в текстах при несформированной способности продуцировать собственные	
3. Коммуникативное поведение	- способность к выбору (даже неосознанному) языковых средств в обыденной речи; -доминирование бытового дискурса; - владение языком практического общения; - отсутствие осознанной языковой и речевой рефлексии; -жестомимическая невыразительность поведения; -интонационные структуры не сформированы	- наличие семиотической и коммуникативной компетенций; - создание продуктов речевой деятельности, письменных «вторичных» и «встречных» учебных текстов; - осознанный выбор языковых средств; - владение навыками языкового контроля и оценки в учебно-познавательной деятельности; - владение правилами речевого поведения; - соблюдение норм речевого этикета; - языковая саморегуляция и саморефлексия проявляется в разных видах текстовой, коммуникативной и социокультурной деятельности, но несистемно; - жестомимическое поведение в целом выразительно, но не всегда; - интонационные структуры сформированы, но не всегда выразительны	- наличие лингвокультурологической компетенции, владение речевыми стратегиями; - эффективная речемыслительная деятельность в разных видах речевой практики, социуме в ее связях с жизненными целями, поведенческими мотивами и установками; - разнообразие дискурсов; - управление собственным речевым поведением, осознанный выбор речевых стратегий, интонационных структур исходя из целей и условий коммуникации, их эффективность; - владение культурными стереотипами; - актуализация «цитатного фонда памяти»; - сформированность механизмов языковой саморегуляции и саморефлексии в разных видах деятельности; - жестомимическая выразительность поведения
4. Способность к языковому творчеству	- отсутствие способности к языковому творчеству; -репродуктивные формы языкового самовыражения	- наличие семиотической компетенции; - проявления языкового творчества несистемны, если есть личный интерес; - способность к анализу и интерпретации текста по алгоритму, образцу, схеме анализа	- наличие герменевтической компетенции; - способность к творческому анализу и интерпретации текста; - способность к созданию собственных художественных текстов, нарративов

Таким образом, языковое развитие личности опосредованно выражается: 1) в движении от уровня оперирования обыденным языком к владению широким диапазоном вариативности языковых единиц, включая образные средства и концепты как «культурно обусловленных единиц картины мира, обладающих экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для народа в целом» [7, с. 3]; 2) в развитии языкового интеллекта в направлении от фреймового мышления на основе мыслительных схем - к мышлению в понятиях и образах - к мышлению концептами; 3) в развитии коммуникативного поведения от бытового дискурса к овладению речевым этикетом и культурными стереотипами, определяющими способность личности реализовывать себя в разных типах дискурсов; 4) в движении от репродуктивных форм языкового самовыражения к самостоятельному смыслотворчеству в процессе создания знаковых и поведенческих текстов. *Критериями результативности* выступают новообразования*: в когнитивной сфере* - образное, понятийное, концептуальное мышление, концептуальность сознания как интегративное качество личности; в *ценностно-смысловой сфере* - гуманистические и культурные ценности как мотивационно-ориентационные основания поведения и мировоззрения личности, ценностное отношение к языку и текстам культуры, лингвоопосредованное миропонимание и мировидение на основе разных видов личностного опыта, «овнешненное» и «структурированное» в сознании в виде понятийной, образной и концептуальной языковых систем; в *операционально-действенной* сфере - владение знаково-семиотическими механизмами понимания текстов как носителей и хранителей культурных и

личностных смыслов, способами языковой реализации себя как «личности понимающей» и «личности творящей», а также основами языковой саморегуляции и саморефлексии.

Разработанная модель языкового развития личности апробирована в рамках областного сетевого проекта в общеобразовательных учреждениях Тюменской области [8] и позволяет организовать смыслоориентированный образовательный процесс, обеспечивающий качество развития и полноту самореализации личности в разных формах жизнедеятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Федеральный государственный образовательный стандарт [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://standart.edu.ru (дата обращения: 17.11.2016).
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5-е, испр. - М.: Лабиринт, 1999.
3. Закирова А.Ф. Входя в герменевтический круг… Концепция педагогической герменевтики. - М.: ВЛАДОС, 2011. - 272 с.
4. Володина Е.Н. Метаязык как педагогический феномен и его роль в языковом развитии личности в школе // Образование и наука. - 2015. - № 4 (123). - Екатеринбург. - С. 114-130.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. - М.: Изд-во ЛКИ, 2010. - 264 с.
6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой ре. - СПб.: СПбГУП, 2006.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология. - М.: Академия, 2001. - 208 с.
8. Володина Е.Н. Языковое развитие личности в системе общего образования: проблемы и некоторые пути их решения // Вестник ТюмГУ. Педагогика. Психология. - 2014. - № 9. - С. 101-113.

REFERENCES

1. Federal state educational standards. Available at: http://standart.edu.ru (accessed 17 November 2016).
2. Vygotsky L.S. Thinking and speech. Ed. 5, Rev. Moscow: Labirint. 1999.
3. Zakirova A.F. Entering the hermeneutic circle... The Concept of pedagogical hermeneutics. Moscow: The Humanities.ed.center VLADOS, 2011. 272.
4. Volodina E.N. Metayazyk kak pedagogicheskij fenomen i ego rol' v yazykovom razvitii lichnosti v shkole. [Metalanguage as a pedagogical phenomenon and its role in the language development of personality in school]. Obrazovanie i nauka = Education and science. 2015. № 4 (123). Ekaterinburg. P. 114-130
5. Karayulova Yu.N. Russian language and linguistic personality. Moscow: Publishing house LKI, 2010. 7 ed. 264 p.
6. Likhachev D.S. Conceptosphere of the Russian language. Likhachev D.S. Selected papers on Russian and world culture. Spbgup. SPb, 2006.
7. Maslova V.A. Cultural Linguistics. Moscow: Academy, 2001. 208 p.
8. Volodina E.N. Yazykovoe razvitie lichnosti v sisteme obshchego obrazovaniya: problemy i nekotorye puti ih resheniya. [Language development of personality in General education: problems and some solutions]. Vestnik TyumGU. Pedagogika. Psihologiya = Herald of Tyumen State. Pedagogy. Psychology. 2014. No. 9. Pp. 101-113.

Информация об авторе

Володина Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, докторант академической кафедры методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета,
г. Тюмень, Россия
elena_mayak_@mail.ru

Получена: : 05.11.2016

Для цитирования статьи: Володина Е. Н., Модель языкового развития личности в системе общего образования. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 5. Часть 2. с. -6/1-180-185.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-180-185.

Information about the author

Elena N.Volodina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Doctoral Student, Academic Department of Methodology and Theory of Social-Pedagogical Research,
Tyumen State University,
Tyumen, Russia
elena_mayak_@mail.ru

Received: 05.11.2016

For article citation: Volodina E. N., Model' jazykovogo razvitija lichnosti v sisteme obshhego obrazovanija. [Model of linguistic personality development in the system of general education] . Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-180-185.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-180-185. (in Russian)

УДК 159.9 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-186-188

ВЕТХОВА Екатерина Романовна
Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет) г. Нижний Новгород, Россия
ekaterina.vetkhova@gmail.com

АРХИПОВА Мария Владимировна
Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет) г. Нижний Новгород, Россия
arhipovnn@yandex.ru

Ekaterina R. VETKHOVA
Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin (Mininsky University) Nizhniy Novgorod, Russia
ekaterina.vetkhova@gmail.com

Maria V.ARKHIPOVA
Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin (Mininsky University) Nizhniy Novgorod, Russia
arhipovnn@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: ВЗАИМОСВЯЗЬ ВОЗРАСТНОГО ФАКТОРА И ВЛИЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РОСТ МОТИВАЦИИ ОБУЧАЕМЫХ

FOREIGN LANGUAGE STUDY: THE RELATIONSHIP BETWEEN AGE FACTOR AND ITS IMPACT ON MOTIVATION

Статья посвящена исследованию воздействия информационных технологий на учебную деятельность в процессе изучения иностранного языка и зависимости отношения обучающихся к применению информационно-коммуникационных технологий от возрастного фактора. В данной статье рассматриваются первоочередные задачи преподавания иностранных языков, а именно развитие активных навыков пользования иностранным языком и внедрение смешанного обучения. Современные инновационные технологии могут быть использованы как средство, создающее коммуникативную направленность обучения иностранным языкам, а также как мотивация к изучению иностранных языков, так как работа с ИКТ интересна учащимся своей новизной и креативностью. Результаты исследования подтверждают зависимость отношения обучающихся к применению ИКТ в процессе изучения иностранного языка от возрастного фактора респондентов, а также позитивное воздействие современных информационных и коммуникационных технологий на усвоение иностранного языка и на рост мотивации к его изучению. Современные технологии, органично включенные в учебный процесс, оптимизируют учебную деятельность, мобилизуют субъекта на положительное отношение к осуществлению интеллектуальной деятельности, стимулируют поддержание интереса, тем самым повышают результативность учебной деятельности.

Ключевые слова: образование, иностранные языки, информационные технологии, коммуникативный процесс, учебная деятельность, мотивация, интерес.

The article is devoted to the analysis of information technology impact on foreign language learning and the relationship between students' attitude to the use of IT and age factor. The article focuses on the acute problem of teaching foreign languages nowadays - development of active communicative skills and introduction of blended learning. Modern information technologies can be used as a means of creating communicative direction of studying foreign languages and motivating students' self-education. Studying with the help of Internet is interesting because of its diversity and creativity. The results of our research prove positive influence of IT on educational process and on the increase of motivation. It helps to concentrate students' attention on studying, stimulates imagination and produces good emotions. It is emotions that motivate and create positive attitude. IT used in teaching foreign languages helps to optimize the process of teaching, stimulates studying, thus increasing the results of education.

Keywords: education, foreign languages, IT, communicative process, studying process, educational activity, motivation, interest

В настоящее время социум определенно вносит коррективы в организацию учебного процесса, заставляет считаться с веяниями времени. Дети привыкают к виртуальной реальности еще до того, как идут в школу. Так, виртуальная компьютерная среда является важным фактором их возрастного развития. Таким образом, процесс преподавания подстраивается под современные потребности и современные информационные технологии все больше внедряются в учебный процесс.

Использование ИКТ способствует созданию коммуникативной направленности обучения и повышению мотивации к изучению иностранного языка (А.В. Юдакова, И. Грабар, О.В. Смоловик, Н.В.Шутова и др.), так как ИКТ воспринимается учащимися с безусловным интересом, а положительные эмоции являются важным фактором в организации любой деятельности, в том числе и учебной [1; 2; 3]. Использование ИКТ не только делает процесс обучения более привлекательным, но и воздействует на эмоциональную составляющую учебной деятельности, развитие творческих иноязычных способностей. Н.В. Шутова, В.В.Рыжов, М.В. Архипова отмечают, что креативность является мощным фактором развития личности, определяющим ее готовность изменяться, отказываться от стереотипов, находить нестандартные решения проблем [4].

Однако, организуя учебный процесс, необходимо учитывать особенности восприятия информации представителями разных возрастных групп. Так, мы определили **цель нашего ис-**

следования в изучении взаимосвязей возрастных показателей и влияния информационных технологий на рост мотивации обучаемых в процессе изучения иностранного языка.

Для достижения поставленной цели применялся теоретический **метод** анализа литературы по теме исследования, диагностический метод наблюдения и анкетирования, включающий в себя вопросы открытого, закрытого, смешанного и контрольного типа, а также статистические методы обработки результатов исследования. Основным методом нашей научной работы является метод анкетирования.

В целях подтверждения выдвинутой гипотезы и с учетом вышеуказанных требований к анкетированию нами была разработана анкета, состоящая из объяснения цели опроса, инструкции по заполнению, демографических вопросов и семи вопросов открытого, закрытого, смешанного и контрольного типа.

Эмпирическую базу работы составляют результаты опроса представителей разных возрастных групп: младших школьников (7-8 лет), представителей среднего звена (10-13 лет), старшеклассников (15-16 лет) и студентов (18-23 года).

Обратимся к полученным результатам.

Результаты анкетирования на вопрос «Вы согласны с утверждением о том, что уроки с применением технических средств (например, компьютера) намного интереснее?» показывают, что абсолютно согласны с данным утверждением лишь представители начального и старшего звена СОШ, 40% респондентов от среднего звена ответили на вопрос отрицательно, а 80% студентов все же считают, что уроки с применением технических средств намного интереснее. Таким образом, применение технических средств во время занятия по английскому языку делает урок более увлекательным, по мнению большинства респондентов от каждой группы опрошенных; особый интерес это вызывает у начальных и старших классов.

На вопрос «Как Вы считаете, насколько эффективны следующие виды деятельности на уроке иностранного языка?» респонденты отреагировали следующим образом: 50% опрошенных старшеклассников и 80% студентов считают полезным периодически осуществлять просмотр видеоматериала; в начальных классах ученики выразили пожелание включать этот вид деятельности в каждое занятие по иностранному языку. Отношение к прослушиванию аудиоматериала распределилось между ответами «отношусь нейтрально», «считаю полезным периодически осуществлять» и «считаю необходимым компонентом каждого урока». Лишь 40% представителей среднего звена относятся к прослушиванию аудиоматериала во время урока по иностранному языку нейтрально, остальные группы опрошенных считают полезным осуществлять данный вид деятельности хотя бы иногда, что говорит о необходимости периодического включения такого вида деятельности, как аудирование, в урок. Выполнять задания в электронном формате интересно на каждом занятии 75% младших школьников и 40% - средних, 50% старшеклассников относятся к данному виду деятельности нейтрально, 60% студентов изъявили желание периодически осуществлять его. Такие результаты свидетельствуют о неоднозначном отношении к данному виду деятельности представителей разных возрастных групп. Преобладающее большинство старшеклассников и студентов считают полезным использование презентаций, 40% представителей средних классов выражают желание готовить презентации периодически или относятся нейтрально.

Результаты открытого вопроса «Какие дополнительные технические средства Вам хотелось бы использовать на занятии по иностранному языку и при самостоятельной подготовке?» говорят о заинтересованности младших школьников во включении в занятие и самостоятельную подготовку лишь обучающих игр в электронном формате. Представителей средних и старших классов, а также студентов привлекают в основном приложения на телефоне, например переводчик и просмотр фильмов на изучаемом языке. Выявленная заинтересованность в конкретных технических средствах представителей различных возрастных групп может быть использована в целях повышения мотивации на изучение языка.

Далее учащимся было предложено оценить эмоциональное состояние во время использования технических устройств. Так, 100% респондентов от начальной школы, 60% - от средних классов, 25% - от старших классов и 80% студентов пребывают в приподнятом настроении, что обусловливает их стремление к изучению иностранного языка с помощью технических средств. Представители всех исследуемых возрастных групп сходятся во мнении о том, что использование технических средств способствует лучшему усвоению материала, а также повышает интерес к процессу обучения.

Результаты нашего исследования подтверждают зависимость отношения обучающихся к применению ИКТ в процессе изучения иностранного языка от возрастного фактора респондентов. Современные технологии, органично включенные в учебный процесс, оптимизируют учебную деятельность, мобилизуют субъекта на положительное отношение к осуществлению ин-

теллектуальной деятельности, стимулируют поддержание интереса, тем самым повышают результативность учебной деятельности [5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Юдакова А.В. Внедрение информационных технологий в образование студентов / А.В. Юдакова, Н.В. Польшакова // Инновации, качество и сервис в технике и технологиях: Сб. науч. трудов 5-й Международной научно-практической конференции. - 2015. - С. 374-376.
2. Грабар И. Изучение иностранного языка и ИКТ: взаимосвязь возраста обучаемых и степени использования ИКТ / И. Грабар, Т. Главаш // Вестник Новосибирского государственного педагогического та. - 2016. - № 4. - С. 50-58.
3. Смоловик О.В., Шутова Н.В. Сравнительный анализ мотивов изучения иностранного языка у современных студентов // Казанский педагогический журнал. - 2016. - № 4 (117). - С. 168-171.
4. Архипова М.В., Рыжов В.В. Влияние музыки на развитие творческих иноязычных способностей // Вестник Университета (Государственный университет управления). - 2015. - № 2. - С. 279-283.
5. Архипова М.В., Золотова М.В. Возможности учебных электронных курсов в процессе обучения иностранным языкам студентов неязыковых вузов // Вестник Университета (Государственный университет ния). - 2014. - № 20. - С. 255-257.

REFERENCES

1. Judakova A.V. Vnedrenie informacionnyh tehnologij v obrazovanie studentov. A.V. Judakova, N.V. Pol'shakova. [The u se of IT in teaching students]. Innovations, quality and service in technics and technology. 2015. Pp. 374-376 (in Russ.).
2. Grabar I. Izuchenie inostrannogo jazyka i ikt: vzaimosvjaz' vozrasta obuchaemyh i stepeni ispol'zovanija ikt. I. Grabar, T. Glavash. [Foreign language learning and technology: differences in learners' perspective and beliefs in relation to the age factor]. Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. 2016. № 4. Pp. 50-58 (in Russ.).
3. Smolovik O.V., Shutova N.V. Sravnitel'nyj analiz motivov izuchenija inostrannogo jazyka u sovremennyh studentov. [Comparative analysis of the motives of learning a foreign language by students]. Kazanskij Pedagogical Journal. 2016. №4 (117). Pp. 168-171 (in Russ.).
4. Arhipova M.V., Ryzhov V.V. Vlijanie muzyki na razvitie tvorcheskih inojazychnyh sposobnostej. [Using music in teaching foreign languages and developing creativity]. University Bulletin (Gosudarstvennyj universitet upravlenija). 2015. № 2. Pp. 279-283 (in Russ.).
5. Arhipova M.V., Zolotova M.V. Vozmozhnosti uchebnyh jelektronnyh kursov v processe obuchenija inostrannym jazykam studentov nejazykovyh vuzov. [The means of e-learning courses in teaching English at non-linguistic universities]. University Bulletin (Gosudarstvennyj universitet upravlenija). 2014. № 20. Pp. 255-257 (in Russ.).

Информация об авторе

Ветхова Екатерина Романовна, магистрант Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина (Мининский университет),
г. Нижний Новгород, Россия
ekaterina.vetkhova@gmail.com

Архипова Мария Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет),
г. Нижний Новгород, Россия
arhipovnn@yandex.ru

Получена: 15.11.2016

Для цитирования статьи: Ветхова Е. Р., Архипова М.В., Изучение иностранного языка: взаимосвязь возрастного фактора и влияния информационных технологий на рост мотивации обучаемых. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 5. Часть 2. с. -6/1-186-188.

Information about the author

Ekaterina R. Vetkhova, Master's Degree Student, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin (Mininsky University),
Nizhniy Novgorod, Russia
ekaterina.vetkhova@gmail.com

Maria V. Arkhipova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Foreign Languages and Linguistic Didactics, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin (Mininsky University),
Nizhniy Novgorod, Russia
arhipovnn@yandex.ru

Received: 15.11.2016

For article citation: Vetkhova E.R., Arkhipova M.V., Izuchenie inostrannogo jazyka: vzaimosvjaz' vozrastnogo faktora i vlijanija informacionnyh tehnologij na rost motivacii obuchaemyh. [Foreign language study: the relationship between age factor and its impact on motivation]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-186-188.

УДК 374.71

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-189-194

ЛОБЖАНИДЗЕ Галина Ираклиевна
Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Хабаровск, Россия
lobjanidze_galin@mail.ru

Galina I. LOBZHANIDZE
Far Eastern Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
Khabarovsk, Russia
lobjanidze_galin@mail.ru

ТЕРМИНЫ «КОМПЕТЕНТНОСТЬ» И «КОМПЕТЕНЦИЯ» В НОРМАТИВНОЙ БАЗЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ И ИХ СВЯЗЬ С ПЕРЕГОВОРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТЬЮ

В статье рассматривается семантическое наполнение терминов «компетентность» и «компетенция» в нормативных правовых актах федерального значения, анализируется содержание статей федеральных законов, кодексов с наличием соответствующих терминов с целью выявить составляющие когнитивного и операционального компонентов определений к указанным терминам. За основу определения взяты круг полномочий должностного лица, деловые качества личности; некоторые элементы, входящие в состав психологической структуры личности: чувства - моральные и интеллектуальные; знания - юридические, медицинские, психологические, педагогические, необходимые для выполнения возложенных обязанностей, связанных с применением переговорной компетентности. Подробно рассмотрены когнитивные и операциональные компоненты деятельности сотрудников правоохранительных органов в ситуации ведения переговоров при захвате заложников: описываются знания, необходимые для анализа ситуации и верной квалификации деяния; навыки и умения установления психологического контакта, требуемые при освобождении заложников. В настоящей работе приведен небольшой экскурс в историю развития переговоров в уголовном праве Российской Федерации в конце века, необходимый для определения направления развития явления переговоров и формирования терминологического значения понятия переговорной компетентности. В статье даны описания областей знаний, необходимых для формирования верной модели поведения сотрудника правоохранительных органов в ситуации заложника.

Ключевые слова: когнитивные и операциональные компоненты, переговорная компетентность, термины «компетенция», «компетентность».

VARIOUS APPROACHES TO THE TERM “COMPETENCE” IN FEDERAL LEGAL DOCUMENTS AND THEIR CONNECTION WITH THE NEGOTIATION COMPETENCE

The semantic significance of terms “competence” in federal legal documents is considered and the maintenance of terms “competence” in federal low’s and codex articles is analyzing in present work with the aim to discover the complexes of cognitive and operational components in the term’s “competence” definitions. The authority of official, person’s qualities (moral and intellectual senses; juridical, medical, psychological, pedagogic knowledge), necessary for execution duty, connected with the using of negotiation competence, are investigated as base for term’s “competence” definitions forming. The cognitive and operational components of policeman’s activity in situation of carried on negotiation in hostage holding are examine in detail; the knowledge, necessary for the analysis of situation and correct crime act’s qualification, skills and abilities psychological contact holding, necessary for hostage’s redeem. A little excursus to the history of negotiation’s developing in the Russian Federation criminal law in the end of twentieth century is adduced in the present work. This excursus is necessary for define of developing tendency of the negotiation phenomenon and the forming of the terminological meaning the phenomenon of the negotiation competence. The description of the sphere of knowledge, necessary for the forming of correct model of demeanor for policeman in situation with hostage, is in the article.

Keywords: cognitive and operational components, negotiation competence, term “competence”

Цель настоящей статьи - провести анализ употреблений терминов «компетенция», «компетентность» в документах юридического назначения и определение в связи с этим необходимых для юристов знаний, полномочий и качеств личности, составляющих переговорную компетентность при исполнении профессиональной деятельности. Основное внимание уделено документам, составляющим правовую основу переговорной компетентности.

При анализе смыслового содержания терминов акцент был сделан на когнитивные и операциональные составляющие, необходимые для осуществления деятельности.

Федеральное законодательство Российской Федерации активно использует и термин «компетентность», и термин «компетенция» в текстах нормативных правовых документов. Термин «компетенция» употребляется при регламентации действий административного характера.

В Федеральном конституционном законе от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека» [1] употреблены термины «компетенция», «компетентные органы». В данном законе под компетенцией понимаются права, обязанности Уполномоченного по правам человека, но не набор его личностных качеств, так как продолжение фразы «…организационные формы и условия его деятельности» предполагает регламентацию его административных действий и полномочий. В данном случае подчеркнуты операциональные аспекты деятельности Уполномоченного по правам человека. В статье 3 названного закона разграничены задачи деятельности Уполномоченного по правам человека и компетентных государственных органов по защите и восстановлению прав и свобод в рамках регламентированных полномочий. Указанная деятельность, судя по тексту документа, не исключает проведение

переговоров с целью решения проблемы. При осуществлении таких переговоров реализуются как операциональный аспект деятельности, так и когнитивный, поскольку при проведении переговоров нужно знать комплекс факторов, способствовавших созданию ситуации переговоров. Статья 20 регламентирует действия Уполномоченного по правам человека по поступившим жалобам. Решение по рассмотрению или отказу в принятии жалобы доводится до заявителя в течение 10 дней. Все эти действия основаны на необходимости ведения диалога, то есть предполагают наличие переговорной компетентности, составляющими которой будут когнитивный компонент (юридические знания, высокая степень эмпатии, моральные чувства) и операциональный компонент (умение наладить психологический контакт). Статья 21 анализируемого закона предписывает Уполномоченному по правам человека действовать инициативно в пределах своей компетенции с защитой интересов лиц, не способных самостоятельно использовать правовые средства защиты, и при наличии информации о массовых или грубых нарушениях прав и свобод граждан либо в случаях, имеющих особое общественное значение. Компетенция в данном случае включает комплекс административных действий. Указанный механизм не исключает проведение переговоров по проверке вышеназванной информации. Переговорная компетентность в данном случае включает моральные и интеллектуальные чувства (чувства сомнения), юридические знания, основы медицинских знаний (для определения условия невозможности самостоятельно использовать правовые средства защиты по медицинским показателям), психологические и педагогические знания, позволяющие организовать управление граждан. Все перечисленные факторы составляют когнитивную составляющую. Действия Уполномоченного по правам человека в рамках данной статьи составляют операциональный компонент. Статья 22 названного закона регламентирует действия Уполномоченного по рассмотрению жалобы, его право обратиться за содействием в проведении проверки обстоятельств, подлежащих выяснению. Данная деятельность предполагает наличие переговорной компетентности и в частности таких ее составляющих, как наличие юридических знаний и навыков составления запросов по проверяемым фактам, умение ориентироваться в существе проблемы рассмотрения жалобы и обращаться к тем компетентным органам, которые вправе принимать решение по жалобе, психологические и педагогические знания. Получение необходимой информации по данной статье является реализацией когнитивного компонента, реализация действия - операциональный компонент. Статья 23 закона регламентирует права Уполномоченного по правам человека получать необходимую информацию лично из достоверных источников. Данный механизм деятельности предполагает наличие переговорной компетентности, включающей юридические знания, необходимые для составления запросов, постановки вопросов на экспертизу (когнитивный компонент); проверку объяснений и деятельности компетентных органов или должностных лиц (операциональный компонент). Переговорная компетентность включает также психологические знания, необходимые для решения вопросов по жалобе. Статья 26 вышеназванного закона регламентирует административные действия Уполномоченного по результатам рассмотрения жалобы и в случае установления факта нарушения прав заявителя. Переговорная компетентность в данном случае включает юридические знания (когнитивный компонент), психологические знания и навыки, позволяющие выбрать нужный тон в разговоре с заявителем, снять эмоциональный барьер, наладить психологический контакт (операциональный компонент). В статье 29 закона регламентированы административные действия названного должностного лица по результатам рассмотрения жалобы: право обратиться в суд, в прокуратуру, в компетентные государственные органы. Переговорная компетентность включает юридические и психологические знания.

Таким образом, термин «компетенция» в проанализированном законе не употребляется в значении «способность осуществлять действия в силу приобретенных знаний и умений», а употребляется в значении «возможность реализации механизма осуществления действий административного характера по защите прав человека в силу возложенных обязанностей и правового статуса». Тем не менее анализ вышеназванного закона позволяет предположить обязательное наличие переговорной компетентности у Уполномоченного по правам человека, включающей юридические знания, моральные и интеллектуальные чувства (когнитивный компонент) психологические умения и навыки (операциональный компонент).

В Федеральном законе от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [4] термин «компетентность» употреблен в значении «комплекс профессионально важных качеств; набор знаний, умений, навыков, необходимых для выполнения обязанностей государственного служащего». Когнитивный компонент компетентности предполагает формирование необходимых качеств на базе полученных знаний, необходимых для государственной службы. Операциональный компонент реализуется в непосредственном выполнении обязанностей.

В Федеральном законе РФ от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» [5] термин «компетенция» употреблен в статьях 8, 11, 12, 17, 22, 29 в значениях «пределы полномочий», «полномочия административного характера» (когнитивный компонент, включающий границы и отрасль права, в котором действуют полномочия), а также «круг возможных действий, регламентированных предписанными правилами» (операциональный компонент).

В Федеральных законах РФ «О международных договорах Российской Федерации» (статья 6, 9, 11, 12, 16, 32, 33-35, 37) [7], «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (статья 15) [3] термин «переговоры» употреблен в значении «достижение договоренности», а термин «компетенция» - в значении «полномочия».

Термин «компетенция» в значении «полномочия» предполагает наличие необходимых знаний (когнитивный компонент), а также умений и навыков действий (операциональный компонент).

Термин «переговоры» в значении «достижение договоренностей» также предполагает анализ ситуации, связанный с получением необходимых сведений о развитии событий, что составляет когнитивный компонент, а также непосредственно само ведение переговоров, что составляет операциональный компонент.

Сегодня переговоры - это один из главных механизмов противостояния терроризму в ситуации заложника. Законодательно возможность ведения переговоров впервые была закреплена в 1998 г. в связи с принятием Федерального Закона РФ «О борьбе с терроризмом» [6], содержащего ст. 14, которая посвящена переговорам. Статья содержала запретительную норму - запрещено было передавать преступникам оружие, медикаменты, наркотики. В настоящее время принят Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [2]. В названном законе проблемам проведения переговоров посвящена ст. 16, в ней содержится только одна запретительная мера - в процессе переговоров не могут обсуждаться политические требования.

Психологические особенности ведения переговоров с лицами, захватившими заложников, предполагают выяснение причин, особенностей поведения и мотивов действий террористов (когнитивный компонент). Это поможет выработать правильную стратегию и определить стиль ведения переговоров (операциональный компонент). Реалии сегодняшнего дня диктуют необходимость выработки у сотрудников ОВД, ФСИН толерантного стиля общения при ведении переговоров.

Ситуация захвата заложников для достижения своих целей, к сожалению, получает в наши дни все большее и большее распространение. Захват заложников происходит в целях последующего выдвижения преступниками политических, экономических требований или требований, связанных с достижением религиозных интересов. В таких случаях переговоры ведутся обычно силами сотрудников ФСБ и ее специальных служб.

Кроме того, сегодня, однако, все чаще и чаще к захвату заложников прибегают и в случае решения внутрисемейных проблем. Если требования преступника не носят политического или иного вышеуказанного характера, то переговоры с ними ведут сотрудники ОВД. Переговоры нередко происходят и в иных ситуациях, например, в ситуации домашнего насилия.

Сотрудники иных служб правоохранительных органов, например УФСИН и др., также должны владеть приемами общения с преступниками, захватившими заложников, так как подобные виды преступлений часто случаются и в изоляторах пенитенциарной системы.

Для проведения переговоров сотрудники правоохранительных органов должны обладать знаниями по психологии, в том числе психологии несовершеннолетних, знать особенности девиантного и делинквентного поведения, обладать необходимыми медицинскими, а также соответствующими юридическими знаниями. Для реализации переговорной компетентности сотруднику правоохранительных органов нужно обладать общекультурными и профессиональными компетенциями. Проведенный ранее анализ показал слабую разработанность проблемы переговорной компетентности в педагогической, психологической, юридической литературе. Имеются исследования компетентностного подхода в педагогике, но концепции формирования переговорной компетентности пока не сложилось.

Примечание к статье № 206 УК РФ [8] (Захват заложников) указывает: «Лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

При решении указанной задачи потребуется осуществить многооперационное действие, включающее когнитивный и операциональный компоненты. Проведение переговоров в данной ситуации должно решить задачу выявления мотивов преступного деяния лица, объяснения ему последствий преступного деяния и благоприятности перспектив в случае отказа от намерения.

Переговорная компетентность сотрудника органов внутренних дел для успешного решения указанной задачи должна включать юридические знания для верной квалификации деяния,

в частности: международного права при квалификации деяния по части 1 статьи 206: «совершенные в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника»; криминалистики при квалификации деяния по п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ; экономические знания для определения факта найма при квалификации деяния по п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ. Сотрудник ОВД должен владеть навыками проведения оперативно-разыскных мероприятий для получения достоверной информации о фактах захвата заложника или удержания лица в качестве заложника. Полицейскому понадобятся педагогические знания (навыки установления положительного отношения несовершеннолетнего к сотруднику ОВД, так, чтобы он поверил в наличие преступных намерений похитителя при квалификации деяния по п. «д» ч. 2 ст. 206 УК РФ); медицинские знания (умение установить признаки насильственных действий по следам на теле или причинения смерти человеку по неосторожности при квалификации деяния по пп. «в», «з» ч. 2, ч. 3, ч. 4 ст. 206 УК РФ; умение определить признаки беременности у похищенной женщины при квалификации деяния по п. «е» ч. 2 ст. 206 УК РФ, психологические знания, умения, навыки (при установлении психологического контакта, преодолении эмоционального барьера с целью определить наличие умысла в действиях похитителей при квалификации деяния по пп. «а», «г», «з» ч. 2; ч. 3 ст. 206 УК РФ). Все эти составляющие относятся к когнитивному компоненту переговорной деятельности. Кроме навыков установления психологического контакта, сотруднику ОВД нужны навыки прогнозирования развития ситуации в группе правонарушителей. Прогнозирование невозможно осуществить без анализа меняющейся ситуации, проводимого на базе полученных данных о биографии, преступном опыте, социальных связях правонарушителей. Для реализации переговорной компетентности в данном случае сотруднику ОВД нужно обладать общекультурными компетенциями № 1-16, входящими в когнитивный компонент; профессиональными компетенциями № 2-16, № 18-32, 37 (по специальности «Правоохранительная деятельность»), № 17-25, 30 (по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности»), составляющими операциональный компонент переговорной компетентности.

Педагогическая деятельность по формированию когнитивного и операционального компонентов переговорной компетентности, необходимой для профилактики преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, должна сопровождаться педагогическими технологиями контекстного обучения при обращении к тексту нормативной базы; эвристического обучения для наиболее полного осознания ситуации; активного обучения, интерактивного и программированного обучения для успешного осуществления технологии убеждения, внушения, манипуляции; технологией Шехтера для эмоционального вовлечения и воспитания моральных и интеллектуальных чувств сотрудника ОВД, ФСИН.

Переговоры в случае расследования преступлений, квалифицируемых ст. 321 УК РФ (Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества), устанавливают мотивы деяния. Беспорядки в исправительно-трудовых и иных учреждениях пенитенциарной системы зачастую сопровождаются захватом заложников. При проведении переговоров следует выявить причины, по которым осуществлен захват в заложники именно этих лиц, каков характер их отношений с лицами, захватившими заложников. Переговорная компетентность сотрудника органов внутренних дел для успешного решения указанной задачи должна включать юридические знания для верной квалификации деяния, в частности знания административной деятельности для квалификации насилия в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности, знания по тактико-специальной подготовке для определения масштаба общественно опасных действий; медицинские знания (умение установить признаки насильственных действий по следам на теле при квалификации деяния по ч. 3 ст. 321). Указанные сведения составляют когнитивный компонент переговорной компетентности. Сотрудникам ОВД, ФСИН необходимы психологические знания, умения, навыки (при установлении психологического контакта, преодолении эмоционального барьера с целью определить наличие умысла в действиях преступников). Кроме навыков установления психологического контакта, сотрудникам ОВД, ФСИН нужны навыки прогнозирования развития ситуации. Сотрудники ОВД, ФСИН должны владеть навыками проведения оперативно-разыскных мероприятий для получения достоверной информации о наличии призывов к дезорганизации деятельности. Отмеченные навыки составляют операциональный компонент.

Переговорная компетентность - это набор составляющих интегрального личностного образования, предопределяющего сознательное отношение и конструктивное построение диалогического переговорного процесса с отдельными людьми и группами лиц в процессе разрешения конфликтов.

Формирование и развитие переговорной компетентности происходит благодаря когнитивному и операциональному компонентам деятельности: когнитивный компонент - это знания и освоенная информация, потенциально обеспечивающие качество действий; операциональный компонент - это коммуникативные навыки личности и ее умения пользоваться когнитивными и прагматическими ресурсами в диалоге.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Об Уполномоченном по правам человека : федер. Конст. Закон Российской Федерации от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 25 дек. 1996 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 12 фев. 1997 г. (в ред. Федер. Конст. закона от 31 января 2016 г. № 1-ФКЗ) // Рос. газ. - 1997. - 4 мар.
2. О противодействии терроризму : федер. закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 26 фев. 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 1 мар. 2006 г. (в ред. Федер. закона РФ от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ) // Рос. газ. - 2006. - 10 мар.
3. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности : федер. закон Российской Федерации от 08 декабря 2003 г. № 164-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 нояб. 2003 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 нояб. 2003 г. (в ред. Федер. закона РФ от 13 июля 2015 г. № 233-ФЗ) // Рос. газ. - 2003. - 18 дек.
4. О системе государственной службы Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 25 апр. 2003 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 14 мая 2003 г. (в ред. Федер. закона от 23 марта 2016 г. № 143-ФЗ) // Рос. газ. - 2003. - 31 мая.
5. Об экспортном контроле : федер. закон Российской Федерации от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 июн. 1999 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 2 июл. 1999 г. (в ред. Федер. Закона от 13 июля 2015 г. № 216-ФЗ) // Рос. газ. - 1999. - 26 июл.
6. О борьбе с терроризмом : федер. закон Российской Федерации от 28 июля 1998 г. № 138-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 3 июл. 1998 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 9 июл. 1998 г. (в ред. Федер. закона Российской Федерации от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ) (утратил силу с 1 янв. 2007 г.) // Рос. газ. - 1998. - 4 авг.
7. О международных договорах Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 16 июн. 1995 г. (в ред. Федерального закона Российской Федерации от 12 марта 2014 г. № 29-ФЗ) // Рос. газ. - 1995. - 21 июл.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации : введен в действие федер. законом Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июн. 1996 г. (в ред. Федер. закона Российской Федерации от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ) // Рос. газ. - 1996. - 18, 19, 20, 25 июн.
9. О полиции : федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 28 янв. 2011 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 2 фев. 2011 г. (в ред. Федер. закона Российской Федерации от 3 июля 2016 г. № 227-ФЗ) // Рос. газ. - 2011. - 8 фев.

REFERENCES

1. Ob Upolnomochennom po pravam cheloveka: feder. Konst. Zakon Rossijskoj Federacii ot 26 fevralja 1997 g. № 1-FKZ: prinjat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 25 dek. 1996 g.: odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 12 fevr. 1997 g. (v red. Feder. Konst. zakona ot 31 janvarja 2016 g. № 1-FKZ).[About representative person for man's rules. The Federal Constitutional law of Russian Federation from 26-th February 1997 number 1-FCL: was assumed by State Duma of Federal Assembly of Russian Federation 25-th December 1996 g.: approved by The Council of the Federation of the Federal Assembly of Russian Federation 12 February 1997 g. (in wording of Federal law of Russian Federation from 31 January 2016 number 1-FCL)]. Rossijskaja gazeta = Russian newspaper. 1997. 4 Mar (in Russ.)
2. Protivodejstvii terrorizmu: feder. zakon Rossijskoj Federacii ot 6 marta 2006 g. № 35-FZ: prinjat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 26 fev. 2006: odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 1 mar. 2006 g. (v red. Feder. zakona RF ot 6 ijulja 2016 g. № 374-FZ). [About opposition of terrorism. The Federal law of Russian Federation from 6-th March 2006 y. number 35-FL : was assumed by State Duma of Federal Assembly of Russian Federation 26-th February 2006 y.: approved by The Council of the Federation of the Federal Assembly of Russian Federation 1-th March 2006 y. (in wording of Federal law of Russian Federation from 6-th July 2016 number 374-FL)]. Rossijskaja gazeta = Russian newspaper. 2006. 10 Mar (in Russ.)
3. Ob osnovah gosudarstvennogo regulirovanija vneshnetorgovoj dejatel'nosti : feder. zakon Rossijskoj Federacii ot 08 dekabrja 2003 g. № 164-FZ : prinjat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 21 nojab. 2003 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 26 nojab. 2003 g. (v red. Feder. zakona RF ot 13 ijulja 2015 g. № 233-FZ). [About base of state regulation of foreign trade activity. The Federal law of Russian Federation from 8-th December 2003 y. number 164-FL : was assumed by State Duma of Federal Assembly of Russian Federation 21-th November 2003 y.: approved by The Council of the Federation of the Federal Assembly of Russian Federation 26-th November 2003 y. (in wording of Federal law of Russian Federation from 13-th July 2015 number 233-FL)]. Rossijskaja gazeta = Russian newspaper - 2003. 18 Dec (in Russ.)
4. sisteme gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii : feder. zakon Rossijskoj Federacii ot 27 maja 2003 g. № 58-FZ : prinjat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 25 apr. 2003 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 14 maja 2003 g. (v red. Feder. zakona ot 23 marta 2016 g. № 143-FZ). [About system of state service of Russian Federation. The Federal law of Russian Federation from 27-th March 2003 y. number 58-FL : was assumed by State Duma of Federal Assembly of Russian Federation 25-th April 2003 y.: approved by The Council of the Federation of the Federal Assembly of Russian Federation 14-th May 2003 y. (in wording of Federal law of Russian Federation from 23-th March 2016 number 143-FL)]. Rossijskaja gazeta = Russian newspaper 2003. 31 May (in Russ.)

5. Ob jeksportnom kontrole : feder. zakon Rossijskoj Federacii ot 18 ijulja 1999 g. № 183-FZ : prinjat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 22 ijun. 1999 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 2 ijul. 1999 g. (v red. Feder. Zakona ot 13 ijulja 2015 g. № 216-FZ). [About export control. The Federal law of Russian Federation from 18-th July 1999 y. number 183-FL : was assumed by State Duma of Federal Assembly of Russian Federation 22-th June 1999 y.: approved by The Council of the Federation of the Federal Assembly of Russian Federation 2-th July 1999 y. (in wording of Federal law of Russian Federation from 13-th July 2015 number 216-FL)]. Rossijskaja gazeta = Russian newspaper 1999. 26 July (in Russ.)
6. bor'be s terrorizmom : feder. zakon Rossijskoj Federacii ot 28 ijulja 1998 g. № 138-FZ : prinjat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 3 ijul. 1998 g. : odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 9 ijul. 1998 g. (v red. Feder. zakona Rossijskoj Federacii ot 06 marta 2006 g. № 35-FZ) (utratil silu s 1 janvarja 2007 g.. [About struggle with terrorism. The Federal law of Russian Federation from 28-th July 1998 y. number 138-FL : was assumed by State Duma of Federal Assembly of Russian Federation 3-th June 1999 y.: approved by The Council of the Federation of the Federal Assembly of Russian Federation 9-th July 1999 y. (in wording of Federal law of Russian Federation from 6-th March 2006 number 35-FL) (was lost the virtue from 1-th January 2007 y.)]. Ros. gaz. 1998. 4 avg. Rossijskaja gazeta = Russian newspaper - 1998. 4 Aug (in Russ.)
7. mezhdunarodnyh dogovorah Rossijskoj Federacii : feder. zakon Rossijskoj Federacii ot 15 ijulja 1995 g. № 101-FZ : prinjat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 16 ijun. 1995 g. (v red. Federal'nogo zakona Rossijskoj Federacii ot 12 marta 2014 g. № 29-FZ). [About International contracts of Russian Federation. The Federal law of Russian Federation from 15-th July 1995 y. number 101-FL : was assumed by State Duma of Federal Assembly of Russian Federation 16-th June 1995 y. (in wording of Federal law of Russian Federation from 12-th March 2014 number 29-FL)]. Ros. gaz. 1995. 21 ijul. Rossijskaja gazeta = Russian newspaper - 1995. 21 July (in Russ.)
8. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii : vveden v dejstvie feder. zakonom Rossijskoj Federacii ot 13 ijunja 1996 g. № 63-FZ : prinjat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 maja 1996 g. : odobren Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 ijunja 1996 goda (v red. Feder. zakona RF ot 6 ijulja 2016 g. № 375-FZ).
9. The Criminal Codex of Rusian Federation : was put a low in operation by Federal low of Russian Federation from 13-th June 1996 y. no.63-FL : was assumed by State Duma of Federal Assembly of Russian Federation 24-th May 1996 y.: approved by The Council of the Federation of the Federal Assembly of Russian Federation 5-th June 1999 y. (in wording of Federal law of Russian Federation from 6-th July 2016 number 375-FL). Ros. gaz. 1996. 18, 19, 20, 25 ijun. Rossijskaja gazeta = Russian newspaper - 1996. - 18, 19, 20. 25 June (in Russ.)

Информация об авторе

Лобжанидзе Галина Ираклиевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Хабаровск, Россия
lobjanidze_galin@mail.ru

Information about the author

Galina I. Lobzhanidze, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Far Eastern Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Khabarovsk, Russia
lobjanidze_galin@mail.ru

Получена: 16.11.2016

Для цитирования статьи: Лобжанидзе Г. И., Термины «компетентность» и «компетенция» в нормативной базе федерального значения и их связь с переговорной компетентностью. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-189-194.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-189-194

Received: 16.11.2016

For article citation: Lobzhanidze G. I., Terminy «kompetentnost'» i «kompetencija» v normativnoj baze federal'nogo znachenija i ih svjaz' s peregovornoj kompetentnost'ju. [Various approaches to the term “competence” in federal legal documents and their connection with the negotiation competence]. Istoricheskaya i sotsial’no-obrazovatelnaya mys’l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-189-194.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-189-194. (in Russian)

УДК 37 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-195-200

МАКАРОВА Ксения Викторовна
Институт искусств Московского педагогического государственного университета
г. Москва, Россия
makarova79ma@mail.ru

Ksenia V. MAKAROVA
Institute of arts
Moscow pedagogical state University
Moscow, Russia
makarova79ma@mail.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА КАК СОВРЕМЕННЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

E-BOOK AS A MODERN CULTURAL PHENOMENON

Статья посвящена сравнительному анализу двух форм современной книги – печатной и электронной, в первую очередь, с точки зрения дизайна. Рассматриваются такие параметры сравнения, как: страница и разворот; движение читателя по книге; плоскость и глубина; книжный блок; индивидуальный облик книги; текст; иллюстрация; тактильные ощущения; надежность хранения информации; преимущества и недостатки той и другой формы книги. Одной из главных отличительных особенностей электронной книги является замена разворота страницей, что влечет за собой изменение восприятия читателем текста и иллюстраций. Преимущества электронной книги по отношению к печатной носят почти исключительно утилитарный характер и связаны с ее большей информационной емкостью и удобством использования. Главные недостатки электронной книги сводятся к потере ею индивидуального художественного облика и утрате права называться искусством. Кроме того, утверждается бОльшая надежность печатной книги по отношению к электронной в случае «технического коллапса» цивилизации или модернизации технологий, делающих невозможным обращение к устаревшим программам. Завершается статья изложением взгляда автора на перспективы развития электронной и печатной книги.

The article is devoted to comparative analysis of two forms of modern books – print and electronic, mostly from the viewpoint of design. The following parameters of comparison are examined: page and page turn; the reader's movement in the book; the flatness and depth; the book block; the individual shape of the book; text; illustration; tactile sensations; reliability of storing information; advantages and disadvantages of both forms of the book. One of the main distinguishing features of the e-book is the replacement of the book turn by the page, which entails a change in the perception of the text and illustrations. Advantages of the e-books compared to printed are almost exclusively utilitarian in nature and are associated with greater information capacity and ease of use. The main disadvantages of the e-books are reduced to the loss of individual artistic appearance and the loss of the right to be called art. Moreover, the reliability of printed books in respect of the electronic ones in case of "technological collapse" or technology upgrading, making it impossible to appeal to legacy software, is approved. The paper ends by outlining the author's view on prospects for the development of electronic and print books.

Ключевые слова: электронная книга, книжный дизайн,

Keywords: E-book, prospects of book, book design

Данная статья является второй из цикла, посвященного перспективам книги в современном мире. В первой был предпринят сравнительный анализ книги и других источников информации (видео, аудио, Интернет). Теперь сравним две ее формы - традиционную печатную (кодекс) и электронную.

Для начала необходимо разобраться с терминами. Электронная книга - это ФАЙЛ (текстовая информация, закодированная определенным способом). Не стоит понимать под электронной книгой само считывающее устройство - «ридер». На одном устройстве может быть записано множество книг. Вместе с тем ридер, его технические и конструктивные особенности, а также дизайн в огромной степени влияют на восприятие нами самого текста, вследствие чего для удобства изложения в некоторых случаях под электронной книгой мы будем понимать совокупность файла и устройства.

Что же отличает ридер от компьютера? Прежде всего, это характер подсветки: монитор светится изнутри, а в большинстве современных считывающих устройств для электронных книг используется система E-ink, что в переводе означает «электронные чернила». Суть этого изобретения в том, что для подсветки экрана используется отраженный свет, не столь яркий и вредный для глаз, как в компьютере. Такой дисплей имеет много общего со страницей печатной книги, отражающей свет своей белой поверхностью.

В электронных книгах используется множество форматов, в том числе: EPUB и FB2 (самые популярные), PDF (наименее популярный, так как не позволяет произвольно обращаться с версткой), а также MOBI, DOC, RTF, TXT и другие [4]. Подробное описание достоинств и недостатков этих форматов не входит в задачу данной статьи.

Теперь проведем сравнительный анализ электронной и печатной книги по нескольким параметрам. При этом будем опираться прежде всего на дизайнерский аспект.

Страница и разворот

Разворот является основной структурно-композиционной единицей традиционной книги-кодекса. Основой композиции книги служит равновесие ее правой и левой полос относительно оси корешка, независимо от того, что эти полосы содержат (текст, иллюстрации, спуски).

Достижение подобного равновесия - одна из главных задач художника и дизайнера книги. Каждая иллюстрация, в отличие от произведений станковой графики, всегда воспринимается как часть разворота, поэтому иногда малоинтересные по отдельности изображения способны грамотно «держать» композицию, а превосходные сложнейшие картины в книге смотрятся порой как чужеродный элемент.

В электронной книге понятие «разворот» исчезает, уступая место странице. (Режим разворота, как правило, читатели не используют, так как это влечет за собой сильное уменьшение шрифта.) Причем страницы электронной книги не дискретны, в отличие от печатной: они идут «лентой» друг за другом подобно кадрам кинопленки [1]. Иллюстрации слабо взаимодействуют с текстом, воспринимаются лишь как отдельные «картинки». Понятие «равновесие» теряет смысл, текст утрачивает при этом свою эстетическую функцию и превращается исключительно в источник информации.

Движение читателя по книге

С композиционной структурой книги тесно связаны все аспекты движения по ней читателя. Перелистывание страниц в бумажной книге происходит по горизонтали относительно оси корешка, в электронной - по вертикали. В связи с этим меняется темп: можно сказать, что в электронной книге глаз сам собой движется быстрее, так как нет естественных пауз. Единая «лента» книги сокращает остановки [1].

Плоскость и глубина

В традиционном искусстве печатной книги утвердилось представление о необходимости зрительного сохранения плоскости листа. Это означает (вслед за утверждением одного из главных отечественных теоретиков книги В.А. Фаворского), что художник не должен в иллюстрации прорывать эту плоскость, вводя в изображение глубинно-пространственные элементы [6]. Иллюстрация может быть чисто плоскостной, выступать как рельеф либо барельеф, либо контррельеф. Необходимость такого подхода, по словам Фаворского, диктуется плоскостным характером самого шрифта и стремлением выдерживать гармонию между иллюстрацией и текстом. С этим утверждением можно поспорить: по мнению автора статьи, нарочитая плоскостность иллюстрации до недавнего времени в большей степени была продиктована несовершенством печати. Сейчас применение новых технологий сделало возможным передачу в книге сложнейших полутонов и оттенков цвета, так что напечатанная иллюстрация сближается по своим возможностям с живописью. Но тем не менее, хотя иллюстрация в современной печатной книге иногда создает иллюзию прорыва в глубину, плоскость в своем материальном выражении сохраняется (плоскость страницы). В электронной же книге дело обстоит по-другому. В нашем восприятии экран ридера сближается с монитором компьютера, с которого мы привыкли не только читать, но и смотреть видео, играть в игры, попадая в виртуальную реальность. Экран можно сравнить со своего рода «аквариумом» [1]. Реальная, ощутимая плоскость экрана исчезает, заменяется виртуальной прозрачной, а за ней находится некое пространство, неощутимое, но имеющее глубину. Как и в книге, у экрана есть края, ближе к которым пространство глубину теряет, приближается к плоскости, и центр, в котором глубина ощутимее всего. Естественно, зависит глубина и от размеров самого монитора (чем больше размер, тем глубже пространство).

Шрифт в электронной книге держит плоскость, но ощущение разрушенного пространства не исчезает до конца. Ведь шрифт как бы не принадлежит поверхности экрана, а находится глубже, за ней, словно в зазеркалье. Поэтому иллюстрация в электронной книге получает еще большее по сравнению с печатной «право» прорыва воображаемой плоскости.

Книжный блок

В электронной книге исчезает понятие «книжный блок». Эфемерной становится его толщина, которая в бумажном кодексе в значительной степени определяет восприятие текста. Место краев блока как ограничителя пространства занимают края монитора. При оценке объема прочитанного текста мы уже измеряем не толщину стопки страниц, а положение движка или числовое значение - при этом ориентироваться в книге становится сложнее [1].

Индивидуальный облик книги

Печатная книга всегда обладает фиксированной версткой. Верстка же электронной книги пластичная, она способна подстраиваться под любые действия читателя (увеличение или уменьшение шрифта, размер полей, страничный или разворотный режим). Фактически, можно сказать, что у электронной книги верстка как таковая отсутствует и любые ее элементы (за исключением начал глав, зафиксированных создателем файла на новой странице) способны

свободно перемещаться по пространству книги; в том числе произвольно меняется число страниц в зависимости от выбранного читателем масштаба. Технические возможности сохранения верстки при создании файла и считывании его устройством существуют, но их практически никто не использует: ведь при этом читатель лишается множества удобных функций.

Кроме того, очень важной чертой электронной книги является отсутствие переплета, который заменен единым «ридером» для всех загруженных файлов. Вследствие этого электронная книга обезличивается, теряет индивидуальный художественный облик, присущий кодексу.

Текст

Размер и гарнитура шрифта в электронной книге, как уже упоминалось, способны произвольно меняться в зависимости от пожелания зрителя. Наличие этой функции стало обязательным в связи с разным размером считывающих устройств и уровнем зрения читающих.

Кроме того, в электронной книге так же, как и в Интернете, существует феномен гипертекста (то есть связанного ссылками с другими текстами) в виде соответствующих приложений (в частности, словаря). Обнаружив непонятное слово, можно, зайдя в меню, открыть словарь и посмотреть его значение. Подобные «встройки» также возможны в традиционном кодексе в виде примечаний, но структура их принципиально иная, расположение последовательное и для читателя менее удобное. Также новой стала возможность автоматически начинать читать с того места, где остановился; делать специальные закладки, выделять текст и писать комментарии, не испортив при этом носителя. В связи с быстрым темпом нашей жизни важным является изначально электронный формат этих комментариев-микроконспектов и отсутствие необходимости перепечатывать их заново с рукописной основы (например, при написании рефератов и диссертаций).

Еще одной интересной функцией e-book является встроенная аудиокнига и так называемая функция TTS («text to sound») - возможность озвучивания текста.

Иллюстрация

Особенности иллюстрации в электронной книге (пока что встречающейся редко) напрямую связаны с ее изменившейся структурой, о которой было подробно сказано выше. Потеряв свое фиксированное место на развороте, иллюстрация в электронной книге может существовать только в виде полосной (то есть занимая всю полосу набора), причем размер полей не фиксируется. Такие виды иллюстраций, как полуполосная, распашная, оборочная (или строчная), а также различные рубрикационные элементы - заставки, концовки, буквицы и т.п., в электронной книге не применяются, так как утрачивают свое фиксированное положение и не могут быть соорганизованы с текстом. Исключение составляют лишь заставки и шмуцтитулы, помещенные перед главами, начинающимися с новой страницы.

Тактильные ощущения

В электронной книге исчезает привычная для нас материальность бумаги и переплета, мы не ощущаем фактуры. Место бумаги занял экран, исчезли тактильные ощущения при прикосновении к бумажному листу и перелистывании страниц. Фактура материалов оказывает значительное влияние и на зрительный анализатор: в традиционной книге от выбора сорта бумаги зависел даже внешний вид отпечатанного шрифта, не говоря уже об иллюстрации. На экране ридера места таким иллюзиям не остается.

Надежность хранения информации

Известный итальянский философ и писатель Умберто Эко считает традиционную книгу-кодекс универсальным изобретением человечества, которое будет существовать вечно: «Книга - как ложка, молоток, колесо или ножницы. После того, как они были изобретены, ничего лучшего уже не придумаешь» [2].

Книга, по мнению Эко, проще, чем любые другие носители информации, устанавливает диалог поколений: «…мы все еще можем прочитать текст, напечатанный пять веков назад. Однако мы не можем просмотреть видеокассету или CD-ROM, которому всего несколько лет. Если только мы не держим у себя в подвале старые компьютеры» [2]. То же можно сказать и об электронной книге: через пару десятков лет наши файлы в формате FB2, по всей видимости, будут недоступны новым устройствам.

Преимущества за кодексом и в вопросе долговечности: если представить себе «компьютерный коллапс» нашей цивилизации, то человечеству будет доступна только

информация, сохранившаяся в обычных книгах. Даже в случае всемирной экологической или климатической катастрофы у книги чуть больше шансов, чем у тонких технических приборов: ведь она, в отличие от гаджетов, может сохраниться хотя бы в виде отдельных фрагментов.

Итак, подведем итог.

Преимущества электронной книги по сравнению с печатной

Прежде всего, это экономия: пространства, времени, ресурсов. Тоненький ридер электронной книги может уместить в себе целую библиотеку, которая в бумажном виде заняла бы не одну полку. Экономия пространства влечет за собой экономию материала и даже частично решение экологической проблемы вырубки лесов. Здесь же стоит упомянуть и об экономии времени: скачать электронный файл в сто раз быстрее, чем искать книгу в магазине или библиотеке.

Второе преимущество - это удобство обращения, заключающееся в небольших габаритах, маленьком весе, а также множестве дополнительных функций по сравнению с бумажной книгой: масштабирование текста и выбор шрифта; возможность делать электронные закладки и комментарии; встроенные гипертексты в виде словарей и т.п. Возможно, представителям старшего поколения электронная книга покажется менее удобной, чем печатная - но это только вопрос привычки.

Недостатки электронной книги по сравнению с печатной

Все преимущества электронной книги чисто утилитарные; недостатки почти исключительно эстетические.

Главным недостатком можно считать, конечно же, потерю книгой индивидуального художественного облика, связанную с утратой переплета и фиксированной верстки. Уходят также тактильные ощущения от фактуры бумаги и переплета, обонятельные ощущения (вспомним неповторимый запах старинных книг, прошедших через десятки и сотни лет и приобретших «аромат времени»), ощущение веса и формы книги как материального объекта - все то, из чего для нас складывался образ книги, вызывавший благоговение и трепет. Электронная книга, к сожалению, перестала быть предметом искусства.

Кроме того, можно согласиться с Умберто Эко по поводу большей надежности и универсальности традиционной книги по сравнению с электронным файлом, поскольку способ ее чтения не зависит от новых технических достижений человечества.

Перспективы той и другой формы книги тесно связаны с видом и жанром литературы. С большой долей вероятности электронная книга в ближайшем будущем полностью вытеснит печатную в сфере справочной, научно-популярной и учебной литературы, «покет-буках» (фантастика, любовные и детективные романы и т.п.). По всей вероятности, то же произойдет со значительной частью классической взрослой литературы, прозы и поэзии. Печатная книга останется как произведение искусства в форме альбомов, богато иллюстрированных изданий (фольклор, детская литература, отчасти классика - преимущественно репринтные издания с творениями старых мастеров и известных современных художников).

Возможно, все то, что было сказано об утрате электронной книгой права называться искусством, является лишь издержками переходного периода, и человечество, в силу своей природы стремящееся к эстетическим впечатлениям в той или иной форме, найдет способ этот дисбаланс преодолеть.

Еще задолго до появления электронной книги разгорелся диспут на тему: нужна ли вообще иллюстрация? Противниками иллюстрации, якобы навязывающей читателю образ текста, были такие великие писатели, как Н.В. Гоголь и Гюстав Флобер, а в более поздний период - советский литературный критик Ю.Н. Тынянов, который, в частности, писал: «Иллюстрированная книга - плохое воспитательное средство. Чем она "роскошнее", чем претенциознее, тем хуже» [5].

Пожалуй, необходимость иллюстраций сейчас ни у кого не вызывает сомнения, если речь идет о детской литературе. Что же касается взрослой книги, то здесь взгляды разделились. По мнению автора статьи, единого ответа на поставленный вопрос не существует. Нужно ли иллюстративное оформление книги или нет - надо решать применительно к каждому конкретному изданию, ориентируясь на множество параметров - от возраста читателей до формата, качества бумаги и бюджета книги (также и электронной). Но, безусловно, искусство иллюстрации не может быть отвергнуто и должно существовать, как огромный пласт человеческой культуры.

Иллюстрация - не единственный показатель эстетической ценности книги; визуальный образ ее определяется очень многими характеристиками. Главное - сочетание различных элементов книги, их гармония. Иллюстрация в веками сложившейся структуре книги - это органическая часть разворота. И для того чтобы иллюстрация в электронной книге вновь обрела композиционный смысл, не превратилась в отдельную «картинку», в электронную книгу должен быть возвращен разворот со своей центральной композиционной осью.

Здесь возникает множество проблем. Уже упоминалось, что использование разворотного режима требует увеличения размера считывающего устройства, его громоздкости, что неприемлемо для пользователя. Была идея создать ридер, состоящий из двух створок и закрывающийся-раскрывающийся как обычная книга. Допустим. Но каждая створка ридера все равно будет иметь свои поля, кроме полей самого текста. Даже если убрать внутреннее поле каждой створки, сохранится петля и небольшой отступ на сгибе книги и все равно разворот не будет выглядеть как единое целое, подобно кодексу, в котором два внутренних поля смотрятся слитно (отсюда традиционное требование делать их меньше наружного).

Чтобы сохранить разворот, придется создавать в электронной книге фиксированную верстку. При этом читатель не сможет по своему усмотрению увеличивать или уменьшать шрифт. Кроме того, в двустворчатой книге уже нельзя будет выбирать постраничный режим чтения.

В общем, проблем с разворотом, пожалуй, в электронной книге больше всего. С другими аспектами иллюстрации дело обстоит несколько проще. Качество монохромных изображений в электронной книге уже не уступает печатной. С цветом пока сложнее, но уже давно ведутся работы по его активному внедрению в электронную книгу: почва для этого подготовлена, и скоро цветопередача e-ink не будет уступать монитору компьютера и тем более отпечатку. Можно пофантазировать на тему введения в будущем в электронную книгу анимации и видеоиллюстраций. Но тогда это уже будет не совсем книга...

Что касается таких фантастических вещей, как тактильное ощущение фактуры в электронной книге - то почему бы и нет? Ведь научились же японцы передавать по телевидению запахи, надевая на зрителя специальные наушники, передающие мозгу определенные сигналы! Кто знает, на какие еще ухищрения способны наши дизайнеры и программисты… И все-таки хочется надеяться, что художник не утратит при этом своей благородной роли.

Осталось посмотреть на перспективы электронной книги еще с одной стороны, оценив ее информационно-коммуникативные возможности.

По всей видимости, скоро произойдет в какой-то степени смыкание электронной книги с Интернетом [3]. Возможно, обучающие книги станут полностью интерактивными, связанными с материалами на различных сайтах. Появится возможность создавать не только письменные, но и голосовые комментарии, и в этом случае особенно интересным станет обмен электронными книгами. Возможно, они как-то объединятся с соцсетями, так что каждый сможет оставить к книге свои заметки и прочитать чужие. У каждой книги появится свой канал, нечто вроде книжного клуба по интересам [1].

Интересно будет проследить развитие книг ныне живущих авторов, которые смогут общаться со своими читателями в режиме онлайн на таких каналах. Возможно, тогда сами книги будут постоянно меняться, переписываться, читатели станут соавторами. Появятся новые жанры литературы, например «твиттер-роман» или «вотсапп-поэзия» [1].

Одно можно сказать достоверно: электронная книга как современный культурный феномен все больше входит в нашу жизнь, и какой ей быть - решать в конечном итоге нам с вами, читателям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Анисимова А.Б. Особенности формирования композиционной структуры книжного разворота (в системе непрерывного художественного образования): Неопубл. магистер. дис. - М., 2015.
2. Жан-Клод Карьер и Умберто Эко. Не надейтесь избавиться от книг! / Пер. с франц. и прим. О. Акимовой. 2010. [Электронный ресурс] - URL: http://www.e-reading.club/book.php?book=1005645 (дата обращения: 4.11.2016).
3. Костюк К. Книга в новой медийной среде. - М., 2015. - 432 с.
4. Прохоренков В.Б. The Ebook. Книга об электронных книгах. - М., 2013. - 440 с.
5. Тынянов Ю.Н. Иллюстрации / Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. - М., 1977. - С. 310-318.
6. Фаворский В.А. Об искусстве, о книге, о гравюре. - М., 1986. - 238 с.

REFERENCES

1. Anisimova A.B. Osobennosti formirovanija kompozitsionnoj structuri knisznogo razvorota (v sisteme neprerivnogo khudoszestvennogo obrazovanija). [The peculiarities of the composite structure formation of facing pages (in the system of continuous art education). Unpublished master's thesis]. M., 2015. (in Russ.).
2. Jean-Claude Carrière & Umberto Eco. Ne nadeites izbavitsja ot knig! [Do not expect to get rid of the books! Translation from the French and notes by Olga Akimova]. 2010 г. Available at: http://www.e-reading.club/book.php?book=1005645 (accessed: 4.11.2016). (in Russ.).
3. Kostjuk K. Kniga v novoj medijnoj srede. [The book in the new media environment]. M., 2015. 432 p. (in Russ.).
4. Prokhorenkov V.B. The Ebook. Kniga ob elektronnikh knigah. [The Ebook. The book about e-books]. M., 2013. 440 p. (in Russ.).
5. Tinjanov Ju.N. Illustratsiji. Tinjanov Ju.N. Poetica. Istoriya literaturi. Kino. [Illustrations. Tinjanov Ju.N. Poetics. The history of literature. Movie]. M., 1977. p. 310-318. (in Russ.).
6. Favorskij V.A. Ob iskusstve, o knige, o gravjure. [About art, about the book, about the engraving]. M., 1986. 238 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Макарова Ксения Викторовна, профессор кафедры рисунка , Институт искусств Московского педагогического государственного университета, специальность «Изобразительное искусство и черчение»
г. Москва, Россия
makarova79ma@mail.ru

Information about the author

Ksenia V. Makarova. Professor of drawing Institute of arts Moscow Pedagogical State University, Specialty "Fine arts and drawing"
Moscow, Russia
makarova79ma@mail.ru

Получена: 17.10.2016

Для цитирования статьи: Макарова К.В., Электронная книга как современный культурный феномен. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-195-200.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-195-200.

Received: 17.10.2016

For article citation: Makarova K.V., Jelektronnaja kniga kak sovremennyj kul'turnyj fenomen. [E-book as a modern cultural phenomenon] . Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-195-200.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-195-200. (in Russian)

УДК 37.03-057.87: 159.9.072.533 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-201-205

МИРОНЕНКОВА Наталья Николаевна
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова
г. Новочеркасск, Россия
vin-mir@bk.ru

Natalya N. MIRONENKOVA
South-Russian State Technical University (NPI) of M.I. Platov
Novocherkassk, Russia
vin-mir@bk.ru

АССОЦИАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ВЫБОР УЧАЩИХСЯ

В статье рассматриваются ассоциации как механизм манипулирования над людьми (учащимися) и как эффективный прием по самораскрытию ценностно-смыслового выбора учащихся, так как ассоциации являются проекцией внутреннего мира. Ассоциации нашли широкое применение в психоанализе З. Фрейда (глубинную мотивацию, личностное ядро, «преисподнюю» психики возможно вскрыть лишь единственным методом психологического анализа - методом «свободных» ассоциаций), К. Юнга (обращение к архетипам, вызывающих у людей одни и те же неосознанные ассоциации; архетип - хранилище наследственной памяти, образов и символов, закрепленных тысячелетиями). В статье выделяются факторы, влияющие на ценностно-смысловой выбор человека с помощью ассоциаций. Выбор во многом зависит от первого впечатления и условий, воздействующих на целостную сенсорную систему или ее отдельные элементы, таких как цвет, звук, запах, вкус и осязания. Порождение смыслов, возникновение интересов и реализация себя зависит от предложенного контекста. Выбор в различных ситуациях обусловливается влиянием коллектива. Отрицательно сказываются на процессе смыслопорождения ассоциации страха, чаще всего при принятии решений - страха потери.

Ключевые слова: ассоциации, ценностно-смысловой выбор, метод свободных ассоциаций, архетип, неосознанные ассоциации, первое впечатление, влияние сенсорной системы (цвет, звук, запах, вкус, осязания), представленный контекст, влияние окружения, страх потери.

ASSOCIATIONS AND THEIR INFLUENCE ON THE VALUE-SENSE SELECTION OF STUDENTS

The article examines the association as a mechanism of manipulation of people (students) and how effective technique for self-discovery value-semantic selection of students, since associations are a projection of the inner world. Association have been widely used in psychoanalysis, Sigmund Freud (deep motivation, personal core "hell" mentality may reveal a unique method of psychological analysis – a method of "free" associations), Jung (reference to archetypes, causing people the same unconscious associations; archetype – hereditary memory storage, images and symbols laid down thousands of years). The article highlighted the factors affecting the value and meaning of human choice with the help of associations. The choice depends on the first impression and conditions, affect the integrity of the sensor or its individual elements, such as color, sound, smell, taste and touch. Generating meaning, the emergence of interest and the realization itself depends on the proposed context. The choice in different situations caused collective influence. Negatively impact on the process of meaning – the fear association, often in decision-making – the fear of loss.

Keywords: association, value-semantic choice, method of free association, archetype, unconscious associations, first impression, effect of sensor system (color, sound, smell, taste, touch), submitted by context, influence of environment, fear of loss

Свое применение ассоциации в основном на сегодня находят в создании реклам различного вида, влияния на покупательную способность людей, в общем, во всех видах маркетинга, в том числе и сенсорного маркетинга. Не секрет, что ассоциации иногда мешают сделать обоснованный, «правильный» выбор, но как механизм манипулирования людьми является одним из эффективных приемов. В рамках смыслообразования ряд психологов утверждают, что ассоциации являются проекцией нашего внутреннего мира, отражают глубинные психические проявления. Отсюда возникает интерес рассмотреть ассоциации и их влияние на ценностно-смысловой выбор обучающихся в рамках учебного процесса.

Ассоциация - это обусловленная предшествующим опытом связь представлений, благодаря которой одно представление, появившееся в сознании, вызывает - по сходству, смежности или противоположности - другое представление. [1, с. 4] Именно опыт, а в большинстве случаев субъективный опыт, обусловливает эту связь представлений. Например, на занятиях студентам (21 чел.) было предложено прочесть индивидуально каждому фразы «зеленый огурец», «черный снеговик». В прочтении первой фразы заминок практически не было (3 чел. запнулись или произошла заминка, у одного из них был дефект речи), а вот во второй - большинство студентов делали маленькую паузу или запинались перед тем, как далее сказать «снеговик» (14 чел.), ведь чаще всего люди привыкли видеть его белым, и такая связь их, скорее всего, удивляла.

Ассоциации оказывают большое влияние на выбор человека. Доказательством служит, например, эксперимент Фредерика Броше, проведенный в 2001 г. [2]. Он пригласил 57 экспертов для оценивания абсолютно одинакового вина, но разлитого в разные бутылки: первое - под дорогой маркой «Гран Крю», второе - обычное столовое вино. Попробовав оба вида, большинство людей посчитали, что дорогое вино им кажется более интересным и вкусным, а столовое - менее насыщенным и безвкусным. Результаты эксперимента демонстрируют влияние предшествующей жизни человека на ход развития дальнейших событий, создания определенных ассоциаций в выборе, поведении: дорогой - значит вкусный, качественный, лучший.

Первые упоминания об ассоциациях с точки зрения смысловых образований (личностный смысл, смысловая установка, смысловой выбор и т.д.) отражены в идеях австрийского психоаналитика З. Фрейда. Ученый полагал, что между мотивацией и достижением внешнего успеха нет прямолинейной зависимости, так как между ними имеется пространство, наполненное внутренней энергией, то есть некое личностное ядро, определяющее высшие желания и истинные ценности человека [3]. Глубинную мотивацию, это личностное ядро, «преисподнюю» психики возможно вскрыть лишь единственным методом психологического анализа - методом «свободных» ассоциаций. При помощи беседы с терапевтом в едином смысловом поле метод «свободных» ассоциаций позволял субъекту осознать свои влечения, себя, вывести невербализованный смысл на вербальный уровень, скрытое сделать осознаваемым, то есть «помогал» осуществить ценностно-смысловой выбор.

В психоанализе К. Юнга в сравнении З. Фрейда акцент сделан на субъективном. Известно, что ученый ввел ряд категорий высокой смысловой насыщенности: «персона», «я», «внешняя и внутренняя установки», «самость» - все эти составляющие души определяют «индивидуализацию» как процесс «выделения и дифференцирования из общего, процесс выявления особенного, но не искусственно создаваемой особенности, а особенности, заложенной уже в наклонностях существа» [4, с. 170].

Данное субъективное человека с его реальной жизнью и субъективным опытом должно вписываться как нечто большее и универсальное в контекст человеческого опыта, то есть иметь архетипический сюжет. Именно это и должно использоваться в виде ресурса анализа, подлежать обработке и трансформированию. Архетипы (archetype), по К.Г. Юнгу, - это изначальные врожденные психические структуры, мотивы, образы, составляющие содержание коллективного бессознательного как хранилища наследственной памяти, образов и символов, закрепленных тысячелетиями. Иными словами, архетип - это основа, образ, хорошо знакомый каждому или засевший где-то в подсознании. Обращение к нему вызывает у людей одни и те же неосознанные ассоциации. Кстати, ранее приведенный пример с вином: дорогой - значит вкусный, качественный, лучший - как раз-таки демонстрирует влияние неосознанной ассоциации.

Обратим внимание, что З. Фрейд конкретно использовал свободные ассоциации как основной метод психоанализа, а К. Юнг основным методом считал метод активного воображения, с помощью которого он приходил к неосознаваемым ассоциациям. Однако в рамках учебного процесса использование в любом из двух контекстов ассоциаций как механизма осуществления ценностно-смыслового выбора учащихся не имеет недостатков, так как затрагивает глубинные слои сознания (подсознание) человека, его субъективный мир, смысловое поле, и, что самое главное, этот процесс протекает в иррациональном русле с опорой на эмоционально-чувственную сферу, так как именно иррациональность является ипостасью смыслового выбора. Но единственное, выделим, что направление развертывания анализа в концепциях ученых разное: у Фрейда - снаружи вовнутрь, а у Юнга - изнутри наружу.

Опишем некоторые факторы, влияющие на ценностно-смысловой выбор человека посредством ассоциаций. Иногда выбор зависит от «первого впечатления». Вспомним русскую пословицу «встречают по одежке, а провожают по уму». Ведь не секрет, что для большинства людей короткая юбка на девушке может создать впечатление девушки «легкого поведения», либо предложенная по огромной скидке вещь в супермаркете с зачеркнутой дорогой ценой на заднем плане повышает покупательскую способность, сложно изложенное с неизвестными понятиями определение по дисциплине может породить страх дальнейшего изучения или тревожность, образ строгого учителя вызывает боязнь отвечать на вопросы или вступать в диалог. Поэтому здесь всегда надо помнить о том, что создание ситуаций самораскрытия ценностно-смыслового выбора возможно только в благоприятной эмоционально-психологической атмосфере, учитель должен иметь демократический стиль управления, а на занятиях преобладать субъект-субъектная модель взаимодействия между учащимися и обучающим. Например, лекция-презентация в ноябре, оформленная на черном фоне, может породить ощущение одиночества и изоляции от окружающего мира, или, наоборот, стильно оформленная в осеннем стиле презентация вызовет небольшой интерес у студентов, подарит чувство открытости, импульсивности, компенсирует нехватку ярких красок.

Таким образом, часто выбор человека зависит от условий, воздействующих на сенсорную систему или ее отдельные элементы, таких как цвет, звук, запах, вкус и осязания. Цвет воздействует на психику человека вне зависимости от его состояния в момент воздействия (не важно, нравится ли цвет). Выбор цвета определяется определенными эмоциональными состояния, скрытыми мотивами, смыслами, субъективным опытом и т.д.

Любой цвет обращается именно к чувствам личности, а не к логике, вызывает подсознательные, неконтролируемые ассоциации либо взаимосвязанную ассоциативную цепочку: вос-

поминание об объекте порождает ассоциацию с определенным цветом, или, наоборот, при восприятии цвета просыпаются воспоминания об объекте. Например, у большинства людей солнце ассоциативно чему-то теплому, яркому, желтому. В рамках различных обучающих мероприятий с помощью цвета можно воздействовать на психику дифференцированно и очень тонко. Вспомним ранее, что презентация на черном фоне вызывает обычно чувство одиночества, тоски, однако известно, что черный цвет еще является и одним их эффективных цветов погружения. Поэтому если на занятии используются методы самопогружения, то надо не бояться его, а смело использовать в сочетании с белым или желтым, эффект обеспечен!

С помощью цвета можно воздействовать на выбор человека. Достаточно привести пример с дегустацией одного и того же сорта кофе в упаковках разного цвета: по мнению большинства опрошенных, кофе в красной упаковке оказался самым ароматным и вкусным, кофе в голубой упаковке имел самый мягкий вкус, коричневая упаковка придавала напитку излишнюю крепость, а в упаковке желтого цвета кофе был самым слабым [5].

Относительно недавно было доказано на научном уровне, что звук (музыка) имеет помимо физической характеристики и психологические, подсознательно воздействуя на решения и поступки любого человека. Известен пример использования звуковых эффектов в сенсорном маркетинге с целью привлечения покупателей и влияния на их эмоции всемирно известной компании Nike, открывшей торговые центры с павильонами, в которых раздавались звуки, соответствующие видам спорта: в баскетбольном отделе вдалеке стучали мячи по деревянному полу, в павильоне верховой езды раздавалось ржание лошадей и стук копыт... [6]

На долю эффекта от влияния запаха на выбор человека приходится меньший процент, чем эффект от влияния цвета и музыки, однако как дополняющий элемент имеет немалое значение, так как запах может влиять на нервную систему человека: изменить его настроение, расслабить, возбудить или усилить чувственность. Обратим внимание, что в рамках маркетинга доказано, что запах имеет тесную вязь со вкусом, а вкус в большей степени воспринимается через запах.

Осязание имеет тоже важное значение в выборе человека: нам хочется потрогать, пощупать одежду при покупке. Осязание - это способность человека воспринимать, ощущать действие факторов внешней среды с помощью рецепторов кожи, опорно-двигательного аппарата, а также некоторых слизистых оболочек. Вспомним идею вальдорфской школы: познание происходит не только мыслительными актами, а всем телом человека, иногда предметы познаются руками, пальцами, через движения, осязанием, что помогает впоследствии понять характер, выявить свойства и формы изученного.

Таким образом, в рамках учебного процесса от представленного контекста зависит многое. Ясно, что учитывать все факторы, влияющие на сенсорную систему иногда сложно (например, запах, вкус, осязание), однако, что точно можно использовать при построении процесса с использованием ситуаций ценностно-смыслового выбора, так это звук и цвет в различных комбинациях. Но если педагогу удастся использовать и язык тела, а где-то - вкусовые и обонятельные рецепторы, то такое обучение даст большую возможность реализации учащихся в их смысловых предпочтениях и тем самым увеличит шанс к раскрытию смыслового выбора.

Любой выбор человека иногда зависит от представленного контекста. Американский когнитивный психолог и специалист в области изучения памяти Элизабет Ф. Лофтус провела эксперимент: показала студентам короткий фильм о дорожном происшествии, после чего у них спросили: «С какой скоростью ехали автомобили, когда они ударились?» [7]. Для других студентов глагол был заменен на «разбились», «столкнулись» или «соприкоснулись». Выяснилось, что ответы студентов находились в полной зависимости от использованного глагола, а именно, те, кого спрашивали, используя глагол «соприкоснулись», давали самую низкую оценку скорости (30 миль в час), в то время как другие, которых спрашивали, используя глагол «разбились», дали самую высокую оценку (41 миля в час). Выбор полностью зависел от глагола и соответственно возникающих ассоциаций.

В рамках учебного процесса можно играть так же, будь то тема параграфа, раздела или вопрос преподавателя. Например, в курсе высшей математики одна из основных тем для изучения - «Матрицы и действия над ними». В большинстве случаях преподаватели так и называют параграф, но если перефразировать тему как «Мир сквозь матрицу», то вы заинтересуете большинство студентов неординарностью подхода и многие задумаются, почему так. Хотя, если упрощенно говорить о сетчатке глаза человека, то сетчатка похожа на световоспринимающую матрицу цифрового фотоаппарата. Таким предложенным контекстом мы непроизвольно порождаем ассоциации у студентов, пытаемся уловить интересы, «поверхностные» смыслы и создаем свободу мыслей, воображения и тем самым - условия реализации ценностно-смыслового выбора.

Помимо перечисленного выбор может зависеть и от коллектива, окружения. Сколько известно случаев, когда чей-то ребенок попал в «плохую» компанию. Или большинство студентов хотят сбежать с занятия, а один-два человека - нет, но поступают так же, как и большинство, то есть присутствует эффект «стадного чувства», в основе которого существует мысль, ассоциация страха быть брошенным, покинутым, не понятым другими, оказаться «белой вороной». Причиной таких поступков может быть и низкая самооценка. Но это все говорит о несамоопределенной, несамодостаточной личности, об инфантилизме характера, а иногда о том, что так удобно человеку. Конечно, это отрицательно сказывается на возможности реализации ситуаций ценностно-смыслового выбора, поэтому, когда учитель создает тренинг или, например, ситуации антиномического характера, в которых должны присутствовать мнения «за» и «против», надо предугадать ситуацию, чтобы «за» было большинство обучающихся.

Часто на пороге переломных жизненных моментов, различных критических ситуаций, особенно, когда человеку действительно нужно принимать экзистенциальные решения или осуществить смысловой выбор, его сковывает «страх потери», а, точнее, возникающая ассоциация, если эта потеря или выбор случится, будь то работа, благосклонность близких, потеря партнера и т.д. Самое страшное в нашей жизни - это страх, а еще страшнее - страх самого страха, и если не бороться с ним, то вы можете потерять смысл жизни или свою жизнь. Страх потерь ассоциируется с неопределенностью, а неопределенность для многих - это действительно страшно. Однако всегда надо помнить, что «выбор неизменности ограничивает смысловой потенциал человека, что не скажешь о выборе в пользу будущего (неизвестности), который расширяет возможность найти свой смысл среди других» [8, с. 41].

Таким образом, ассоциации являются отражением нашего сознания и подсознания, затрагивают эмоции и чувства человека на разных уровнях, скрытые тенденции личности, отражают субъективное, опыт прошлого, влияют на будущее. Следовательно, если в учебном процессе моделировать ситуации самораскрытия ценностно-смыслового выбора учащегося, опираясь на ассоциации, мы только приблизимся к его личности, а полученные знания приобретут «живой» характер, станут действительно своими, что в целом повысит качество обучения по различным дисциплинам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Базуева Е.В., Кононенко К.Н. Ассоциации как средство привлечения внимания в рекламе. Педагогика, психология и социология в научных исследованиях студентов: материалы Всероссийской заочной научной студенческой конференции с международным участием посвященной 60-летию Сибирского университета потребительской кооперации (15 декабря 2015 г.) / под науч. ред. Д.Ю. Ануфриевой; ЧОУ ВО Центросоюза РФ «СибУПК». - Новосибирск, 2015. - С. 4-8.
2. [Электронный ресурс] - http://www.softmixer.com/2014/01/blog-post_2934.html.
3. Абакумова И.В. Смыслодидактика: Учеб. для магистров педагогики и психологии. - М.: КРЕДО, 2008. - 386 с.
4. Александер Ф., Селесник Ш. Человек и его душа: Познание и врачевание от древности и до наших дней. - М.: Прогресс-Культура, 1995. - 608 с.
5. Пашутин С.Б. Цветовые предпочтения и подсознание [Воздействие цветов на психику] / С.Б. Пашутин // Биология. - 2006. - № 4. - С. 23-26.
6. Молчанов И. Звуки и музыка в мерчандайзинге // Екатеринбургский магазин. - 2003. - № 5. - 6 с.
7. Loftus E.F., Palmer J.C. Reconstruction of automobile destruction: An example of the interaction between language and memory // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. - 1974. - Vol. 13. - Pp. 585-589. DOI: 10.1016/S0022-5371(74)80011-3, 1974.
8. Мироненкова Н.Н. Несделанный выбор (безличный выбор) как иллюзия определенности и его последствия (статья) // Евразийский союз ученых (ЕСУ). - 2015. - № 4 (13), ч. 12. - С. 40-41.

REFERENCES

1. Bazueva E. V., Kononenko, K. N. Association as a means of attracting attention in advertising. Pedagogy, psychology and sociology in scientific research of students: materials of all-Russian correspondence scientific student conference with international participation dedicated to the 60th anniversary of the Siberian University of consumer cooperation (15 december 2015). under scientific. ed. D. Y. Anufriyeva; a Private educational institution of higher professional education of Centrosoyuz of the Russian Federation", SibuPK". - Novosibirsk, 2015., C. 4-8.
2. Available at: http://www.softmixer.com/2014/01/blog-post_2934.html.
3. Abakumova I. V. Smilodectes. The textbook for masters of pedagogics and psychology. M.: Publishing house "CREDO", 2008. 386 p.
4. Alexander F., S. Selesnick Man and his soul: understanding and healing from antiquity to the present day. M.: Progress - Kul'tura, 1995. 608 p
5. Pashutin S. B. Color preferences and the subconscious [the Impact of colors on the psyche] / S. B. Pashutin. Biology. 2006. No. 4. P. 23-26.
6. Molchanov I. Sounds and music merchandising. Ektb.: The Ekaterinburg shop, 2003. No. 5, 6 p.

7. Loftus E. F., Palmer J. C. Reconstruction of automobile destruction: An example of the interaction between language and memory. Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. Vol.13, pp. 585-589. DOI: 10.1016/S0022-5371(74)80011-3, 1974.
8. Mironenkova N. N. Undone choice (impersonal choice) as the illusion of certainty and its effects (article). Eurasian Union of scientists (ESU), № 4 (13). 2015, part 12. Pp. 40-41.

Информация об авторе

Мироненкова Наталья Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей математики, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия,
vin-mir@bk.ru

Получена: 05.11.2016

Для цитирования статьи: Мироненкова Н.Н., Ассоциации и их влияние на ценностно-смысловой выбор учащихся. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-201-205.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-201-205.

Information about the author

Natalya N. Mironenkova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Higher Mathematics,
South-Russian State Technical University (NPI) of M.I. Platov,
Novocherkassk, Russia
vin-mir@bk.ru

Received: 05.11.2016

For article citation: Mironenkova N.N., Associacii i ih vlijanie na cennostno-smyslovoj vybor uchashhihsja. [Associations and their influence on the value-sense selection of students]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-201-205.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-201-205. (in Russian)

УДК 378.0 + 159.9 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-206-211

МИХАЙЛОВА Алла Григорьевна
Севастопольский государственный университет
Севастополь, Россия
Steba1971@mail.ru.

Alla G. MIKHAYLOVA
Sevastopol State University
Sevastopol, Russia
Steba1971@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТВОРЧЕСКИХ УМЕНИЙ У БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ НА ОСНОВЕ АКМЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

CONCEPT OF FORMATION OF PROFESSIONALLY-CREATIVE SKILLS OF FUTURE ENGINEERS ON THE BASIS OF ACMEOLOGICAL APPROACH

Автор исследует одну из актуальнейших проблем современного образования - формирование профессионально-творческих умений у будущих инженеров в рамках современных требований рынка и нормативных документов. Проведен анализ профессиональных стандартов «Инженер-технолог по производству изделий микроэлектроники», «Инженер в области проектирования и сопровождения интегральных схем и систем на кристалле» и др., который показал востребованность профессионально-творческих умений у будущих инженеров. Поэтому цель данной статьи - обоснование необходимости создания концепции формирования профессионально-творческих умений у будущих инженеров, которая позволит решить противоречие между потребностью общества в компетентных инженерах, готовых к применению профессионально-творческих умений для решения профессиональных задач, и фактическим уровнем готовности выпускников инженерных вузов к выполнению своих профессиональных функций. Выделены основные задачи концепции формирования профессионально-творческих умений у будущих инженеров. Рассмотрен акмеологический подход как изучение и осуществление практического совершенствования инженера через превращение имеющегося профессионального уровня развития в более высокий оптимальный уровень. Сделан вывод, что необходима концепция формирования профессионально-творческих умений у будущих инженеров, которая позволит решить противоречие между потребностью общества в компетентных инженерах, готовых к применению профессионально-творческих умений для решения профессиональных задач, и фактическим уровнем готовности выпускников инженерных вузов к выполнению своих профессиональных функций.

Ключевые слова: профессионально-творческие умения, акмеология, акмеологический подход, акмеологическая среда.

The author explores one of the most urgent problems of modern education – formation of professional and creative skills of future engineers in the modern market requirements and regulations. The author makes analysis of professional standards "Engineer-technologist for the production of microelectronics", "Engineering design and support of integrated circuits and systems on chip" etc., which showed the demand of professional and creative skills of future engineers. Therefore, the purpose of this article is the substantiation of necessity of creation of the concept of formation of professionally-creative abilities of future engineers, which will allow to resolve the contradiction between society's need for competent engineers, ready to use professional and creative skills for solving professional tasks and actual level of readiness of graduates of engineering schools to carry out their professional functions. The main objectives of the concept of formation of professionally-creative abilities of future engineers are researched. Acmeological approach is considered as the study and implementation of practical improvement engineer through the transformation of existing professional development level to a higher optimal level. The author makes the conclusion that there is a need to construct a conception of formation of professionally-creative abilities of future engineers to solve the contradiction between society's need for competent engineers, which are ready to use professional and creative skills to solve professional tasks and actual level of readiness of graduates of engineering schools to fulfill their professional functions.

Keywords: professional and creative skills, acmeology, acmeological approach, acmeological environment

Постановка проблемы. Сегодня время предъявляет новые требования к будущим инженерам. Их профессиональная квалификация определяется научной базой их подготовки, способностью адаптироваться к меняющимся хозяйственным условиям, постоянным пополнением и творческим использованием своих знаний. В программе развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет» на 2016-2025 годы ведущим ориентиром деятельности университета по развитию образовательной и социокультурной сферы г. Севастополя и Республики Крым является формирование региональной системы непрерывного образования на основе разработки и внедрения в практику профессионального образования инновационных психолого-педагогических технологий.

В Национальной доктрине инженерного образования Российской Федерации [1] основным направлением развития инженерного образования обозначено включение в активную творческую деятельность, создание целеориентированных форм обучения. Поворот инженерного образования к сфере освоения способов творческой деятельности, инженерной и коммуникативной культуры меняет представление об инженерном вузе [2].

Как отмечает Министр образования, науки и молодежи Республики Крым Н.Г. Гончарова, «сегодня одной из главных политик министерства образования и науки РФ является укрепление регионального образования» [3]. «Крым начал плавный переход на российскую образовательную систему. Изменится очень многое: программы, методическая и материальная база средних и высших учебных заведений» [3]. «Система образования, а профессиональное образование в

особенности, неразрывно связаны с той социально-экономической формацией, в рамках которой она сформировалась и существует» [4, с. 48].

Анализ профессиональных стандартов «Инженер-технолог по производству изделий микроэлектроники», «Инженер в области проектирования и сопровождения интегральных схем и систем на кристалле», «Инженер-технолог в сфере производства наноразмерных полупроводниковых приборов и интегральных схем», «Инженер-конструктор волоконно-оптических систем передачи данных», «Инженер-технолог подготовки технологических сред производства интегральных схем», «Инженер по качеству в радиоэлектронном производстве», «Инженер-конструктор в радиоэлектронном производстве» [5] показал, что среди необходимых трудовых умений выделяются умения определять пути решения технических и технологических проблем, возникающих на рабочих местах и производственных участках, применять новые методы и технологии в области радиотехники, электроники и телекоммуникации, отбирать оптимальные проектные решения на всех этапах проектного процесса, осуществлять методологическое обоснование научного исследования, что, в свою очередь, предполагает наличие профессионально-творческих умений у современного инженера.

Таким образом, **актуальность** данного исследования определяется существующей общественной и образовательной потребностью в инженерах с профессионально-творческими умениями, готовыми к предстоящей профессиональной деятельности, и поиском педагогических условий эффективного формирования в образовательном процессе вуза профессионально-творческих умений у будущих инженеров.

Ускорение социально-экономического прогресса оказывает решающее воздействие на материальную и на духовную стороны жизни государства в целом и каждой отдельной личности, что потребовало разработки инновационных подходов к учебному процессу в вузе.

Анализ последних публикаций и исследований и выделение нерешенной части проблемы. Проблемы развития творчества личности в техническом образовании освещены в работах С.С. Акимова, Э.А. Горбатюк, В.Г. Горохова, М.А. Дмитриевой, Н.И. Иванова, О.А. Игнатюк, С.Е. Моторной, Л.А. Шиленко и др. Пути организации инженерного творчества рассматривают Г.С. Альтшуллер, В.К. Маригодов, А.И. Половинкин, М.К. Тутушкина, В.А. Шаповалова, М.А. Шустов и др. Разработкой модели будущего инженера с учетом творческого потенциала занимались Р.М. Горбатюк, О.П. Попова, зарубежные ученые К.Л. Левков, О.Л. Фиговский. Так, К.Л. Левков и О.Л. Фиговский полагают, что «прикладной квалификационный уровень предполагает активное и творческое применение полученных в период обучения знаний для решения задач в рамках полученной специальности и в направлениях инженерной деятельности, связанной с производством и обслуживанием. Потребность в разработке перспективных технических систем и технологий определяет соответствующие требования к уровню квалификации и творческому потенциалу инженеров. Формирование этих требований производится на базе модели специалиста» [6].

При рассмотрении психологических аспектов высшего профессионального образования, в том числе проблем развития личности будущего инженера, мы ссылались на труды К.А. Абульханова-Славской, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л Рубинштейна, В.И. Слободчикова и др.

Проведя анализ текущего состояния высшего образования, пришли к выводу, что в условиях современной НТР возник определенный разрыв между исторически сложившейся традицией обучения в высшей школе и потребностями общества. Очевидна необходимость и своевременность создания и внедрения концепции формирования в образовательном процессе вуза профессионально-творческих умений у будущих инженеров в контексте повышения качества инженерного образования. **Целью** статьи является теоретическое обоснование концепции формирования в образовательном процессе вуза профессионально-творческих умений у будущего инженера на основе акмеологического подхода. В соответствии с этой целью были поставлены следующие **задачи**:

1) определить роль развития профессионально-творческих умений у будущего инженера в контексте повышения качества инженерного образования;

2) создать концепцию формирования в образовательном процессе вуза профессионально-творческих умений у будущих инженеров на основе акмеологического подхода в контексте реализации требований ФГОС ВО и повышения качества инженерного образования.

Изложение основного материала исследования. Процесс глобализации, как один из основных трендов в развитии образования, проявляется сегодня не только в количественном и качественном увеличении контактов между университетами, но и в усилении взаимосвязи и взаимозависимости элементов системы подготовки инженеров по всему миру [7]. Перед Россией стоят глобальные задачи, которые связанны с ее интеграцией в мировое экономическое пространство, повышение конкурентоспособности будущих специалистов на рынке труда. Как отмечает Ю.П. Похолков, выпускники инженерных вузов должны не только обладать профессиональными компетенциями, но и уметь эффективно реализовывать эти компетенции в профес-

сиональной деятельности, самостоятельно решать инженерные задачи. Они должны уметь работать в команде, быть лидером, брать на себя ответственность. От них требуется и высокой степени «заряженность» на победу в своей сфере деятельности [8]. «В век инноваций человечество располагает различными ресурсами своего прогресса: это наука и техника, литература и искусство, образование и здравоохранение и т.д. Но самый главный ресурс человечества - это творческий потенциал человека. Если мы окажемся способны реализовать этот ресурс, то человечеству суждено сделать такой качественный скачок в производительности труда, которого никакие другие ресурсы, вместе взятые, дать не могут» [9, с. 16].

В рамках модернизации системы профессионального образования должен быть обеспечен переход к использованию современных методов и технологий обучения, направленных на непрерывное развитие и дальнейшее совершенствование творческого мышления, навыков и мотивации, выявления и постановки проблем, создания нового знания, направленного на их решение, поиска и обработки информации. В связи с этим представляется актуальным внедрения акмеологического подхода с целью обеспечения педагогических условий для эффективного формирования профессионально-творческих умений и адаптации системы образования для формирования системы непрерывного образования. Так, Е.И. Осипов [10] отмечает, что акмеологический подход ориентирован на роль духовной и этической составляющей в творческом развитии, формируя акмеологическую мотивацию, повышение уровня субъективности личности.

Концепция формирования профессионально-творческих умений у будущих инженеров в контексте акмеологического подхода определяет формирование профессионально-творческих умений как основу построения инновационной дидактики инженерного вуза, в рамках развивающейся национальной системы квалификаций, позволяет реализовать требования ФГОС ВО по формированию комплекса профессиональных, специальных, общекультурных компетенций.

В концепции должны быть решены следующие задачи:

- организована развивающая акмеологическая среда, являющаяся обязательным условием для решения задачи инновационной дидактики инженерного вуза, ориентированной на формирование профессионально-творческих умений у студентов инженерных вузов;
- обоснована необходимость учета требований работодателей, положений профессиональных стандартов на основе формирования системы партнерства с базовыми предприятиями.

При построении концепции было определено, что предпосылками ее разработки являются особенности инженерного образования (смена образовательной парадигмы, внедрение компетентностного подхода в инженерное образование, введение ФГОС ВПО, положения профессиональных стандартов, сложившиеся противоречия (таблица), результаты и опыт педагогических исследований в области совершенствования содержания, форм и методов инженерного образования); изменяющаяся структура, содержание и характер инженерной деятельности; возрастные особенности студентов инженерных вузов; исторические предпосылки, учитывающие опыт подготовки к профессиональной деятельности.

Для реализации поставленной нами цели исследования построили модель, в центре которой расположено сложное личностное новообразование, включающее взаимодействие аддитивного, креативного, нравственно-духовного и социально-культурного, причем все компоненты имеют проекцию на нравственно-духовный компонент.

Мы проанализировали профессиограмму «человек-техника» и определили общие и наиболее важные составляющие для каждого выделенного нами компонента [11, с. 154].

Таблица Анализ современных требований к подготовке инженера и противоречий

Современные требования к подготовке инженера и противоречия	**Специфика подготовки будущих инженеров**
Формирование социально значимых качеств личности. Противоречие между требованиями к будущим инженерам как социально активной, инициативной, конкурентоспособной личности и недостаточным наполнением содержания его общей и профессиональной подготовки	Подбор профессионального учебного материала дает возможность трансформировать учебно-познавательную деятельность в профессиональную; стать специалистом, владеющим современными технологиями
Применение новых методик, акме-технологий. Противоречие между наличными профессионально-творческими умениями и отсутствием навыка их применением в решении инженерных задач	Подготовка и проведение комплекса творческих заданий для решения инженерных задач; интеграция знаний, умений и навыков
Изменение образовательной парадигмы, переход к личностно-созидательной. Противоречие между потребностью в инженерах с профессионально-творческими умениями и отсутствием учебно-методических пособий	Системное соединение разных видов учебно-познавательной деятельности, создание акмеологической среды, учитывая адаптационный период

Важность данных способностей подтверждается требованиями профессиональных организаций ряда европейских стран под руководством FEANI к профессиональным и личностным компетенциям выпускников инженерных программ: личностные компетенции (способность эффективно работать индивидуально и как член команды, использовать различные методы эффективной коммуникации в профессиональной среде и социуме в целом; осведомленность в вопросах законодательства в области ответственности за инженерные решения; приверженность профессиональной этике, ответственности и нормам инженерной практики) [12].

Анализ учебных планов и программ технических вузов указал на то, что студенты в основном получают теоретическую подготовку вместо методической, под которой понимается умение применять профессионально-творческие умения в решении инженерных изобретательских задач. По результатам анкетирования, большинство опрошенных не умеют решать творческие инженерные задачи, не имеют навыков применения профессионально-творческих умений (60%), и только 20% опрошенных считают, что имеют высокий уровень сформированности профессионально-творческих умений.

С целью определения состояния сформированности профессионально-творческих умений у будущих инженеров наблюдали за работой студентов технических специальностей СевГУ, посещали открытые уроки, внеурочные занятия, научно-практические конференции. Доказано, что комплекс упражнений, нестандартные методы работы, срезы представляют собой основу для формирования профессионально-творческих умений у будущих инженеров, так как интегрируют возможности для развития показателей компонентов модели инженера с профессионально-творческими умениями. Такие результаты исследования убедительно свидетельствуют о недостаточном уровне сформированности профессионально-творческих умений у будущих инженеров с одной стороны, и необходимость сформированности профессионально-творческих умений с другой стороны, подтверждают наше предположение о необходимости внедрения модели формирования профессионально-творческих умений на основе акмеологического подхода с целью улучшения профессиональной подготовки будущих инженером в вузе.

Высшая школа должна обеспечить такие условия, в которых возможно перевоплощение личностно-общественных целей в действенный внутренний стимул профессионально-творческого становления будущего инженера, развитие активной профессиональной позиции и творческого стиля деятельности и в итоге повышение уровня сформированности профессионально-творческих умений у будущих инженеров. Творческие занятия осуществляются благодаря внутренней мотивации. Для повышения уровня мотивации используются тренинг мотивации достижений, который направлен на развитие мотивации к успеху [13], и тренинг позитивного самовосприятия [14].

В вузе создается акмеологическая образовательная среда как инструмент создания педагогических условий, способствующая преодолению трудностей, связанных с адаптационным периодом, и достижению устойчивой мотивации к успеху. Развивающая акмеологическая среда инженерного вуза рассматривается нами как пространство, в котором создается комплекс условий, направленных на обеспечение оптимальных параметров образовательной деятельности вуза в процессе формирования профессионально-творческих умений, а именно обеспечения целевого, содержательного, технологического, результативного аспектов. На этапе профессиональной адаптации формируется индивидуальный стиль деятельности будущего инженера, который базируется на его индивидуально-психологических характеристиках [15].

Молодой инженер далеко не всегда готов решить те задачи, которые перед ним ставит социально-экономическая ситуация в стране. В этой связи подготовка будущего инженера требует поиска эффективных факторов профессионального становления и совершенствования, а также конкурентоспособности. Акмеологический подход способствует формированию ценностного отношения к самосовершенствованию и развивает опыт саморазвития, что позволяет достигать проектировочного уровня акмеологического развития как результата образовательного процесса [16].

Выводы. Таким образом, проведенный анализ профессиональных стандартов «Инженер-технолог по производству изделий микроэлектроники», «Инженер в области проектирования и сопровождения интегральных схем и систем на кристалле» и др. показывает востребованность профессионально-творческих умений у будущих инженеров. Необходима концепция формирования профессионально-творческих умений у будущих инженеров, которая позволит решить противоречие между потребностью общества в компетентных инженерах, готовых к применению профессионально-творческих умений для решения профессиональных задач, и фактическим уровнем готовности выпускников инженерных вузов к выполнению своих профессиональных функций. Акмеологический подход рассматривается как изучение и осуществление

практического совершенствования инженера через превращение имеющегося профессионального уровня развития в более высокий оптимальный уровень.

Заключение. Содержание предложенной нами концепции реализуется в педагогической модели формирования профессионально-творческих умений, являющейся основой инновационной дидактики инженерного вуза. Концепция носит междисциплинарный характер, являясь частью целостного содержания профессиональной подготовки, представляется основой организации процесса формирования профессионально-творческих умений у будущих инженеров.

Реализация акмеологической теории на практике означает приближение к решению проблем преемственности в обучении, стабильность развития профессионально-творческих умений у будущего выпускника и становления личности будущего специалиста. Применение акмеологического подхода выступает как средство и условие формирования компетентного инженера, то есть формирование профессионально-творческих умений будет эффективным благодаря созданию акмеологической среды на протяжении процесса обучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Национальная доктрина инженерного образования в Российской Федерации. 2015 [Электронный ресурс] - URL: http://aeer.cctpu.edu.ru/winn/doctrine/doctrine_4.phtml (дата обращения: 27.04.2015).
2. Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г. N 125-ФЗ. [Электронный ресурс] - URL: http://www.rg.ru/1996/08/29/vysshee-obrazovanie-dok.html (дата обращения: 08.06.2014).
3. Министерство образования, науки и молодежи Республики Крым [Электронный ресурс] - URL: http://monm.rk.gov.ru/rus/rukov.htm (дата обращения: 19.09.2007).
4. Заварзин В.И., Гоев А.И. Интеграция образования, науки и производства // Российское ство. - 2001. - № 4 (16). - С. 48-56.
5. Профессиональный стандарт «Инженер-радиоэлектронщик» [Электронный ресурс] - URL: http://www.enfuture.ru/professional_standarts. (дата обращения: 12.08.2016).
6. Фиговский О.Л., Левков К.Л. К вопросу подготовки инновационных инженеров [Электронный ресурс] - URL: http://www.nanonewsnet. ru/blog/nikst/problemy-podgotovki-inzhenerov-dlya-innovatsionnykh-otraslei (дата обращения: 29.08.2015).
7. Иванов В.Г., Кайбияйнен, А.А., Городецкая И.М. Инженерное образование для гибкого, жизнеспособного и стабильного общества // Высшее образование в России. - 2015. - № 12. - С. 60-69.
8. Похолков Ю.П. Национальная доктрина опережающего инженерного образования России в условиях новой индустриализации: подходы к формированию, цель, принципы / // Инженерное образование. - 2012. - № 10.
9. Кириллов Н.П. Методология концепции инженерного образования в современной России (философский, научно-педагогический аспект) // Инженерное образование. - 2012. - № 11. - С. 13-17
10. Осипов Е.И. Психолого-акмеологические условия развития лидерских и организаторских качеств личности в профессиональной подготовке инженеров в системе МЧС России. Дис. … канд. псих. наук: 19.00.13. - Кострома, 2009. - 211 с.
11. Михайлова А.Г. Анализ модели инженера с профессионально творческими способностями // Вестник Тольяттинского государственного университета. Педагогические науки. - Тольятти: ТГУ, 2014. - № 2. - С. 152-156.
12. EUR-ACE (EURopean ACcredited Engineer) [Электронный ресурс] - URL: http://www.feani.org/EUR_ACE/EUR_ACE_Main_Page.htm. (дата обращения: 23.11.2014).
13. Программа тренинга мотивации достижения. [Электронный ресурс] - URL: http://www.nlplife.ru/articles/prakticheskaja-psihologija/programma-treninga-motivacii-dostizhenija (дата обращения: 09.03.2015).
14. Тренинг позитивного самовосприятия [Электронный ресурс] - URL: http://brunner.kgu.edu.ua/index.php/cv/1416-2012-12-09-08-27-01 (дата обращения: 10.09.2016).
15. Михайлова А.Г. Устранение разрывов между образованием, наукой и производством: акмеологический аспект. Всероссийский форум технологического лидерства России 6-7 ноября 2014 г. «Технодоктрина-14» [Электронный ресурс] - URL:http://vpk.name/news/122628_ustranenie_razryivov_mezhdu_obrazovaniem_naukoi_i_proizvodstvom_akmeologicheskii_aspekt.html (дата обращения: 19.02.2015).
16. Михайлова А.Г. Акмеология в формировании профессионально-творческих способностей будущего инженера в условиях высших учебных заведений Крыма // Крымский научный вестник Ялта: Межрегиональный институт развития территорий. - 2015. - № 4 [Электронный ресурс] - URL: http://krvestnik.ru/category/nomer/

REFERENCES

1. Nacional'naja doktrina inzhenernogo obrazovanija v Rossiiskoi Federacii [National doctrine of engineering education in the Russian Federation] (2015) URL: http://aeer.cctpu.edu.ru/winn/doctrine/doctrine_4.phtml. (in Russ.).
2. Federal'nyi zakon «O vysshem i poslevuzovskom professional'nom obrazovanii» [Federal law "Higher and postgraduate professional education"] (1996) N 125-FZ. URL: http://www.rg.ru/1996/08/29/vysshee-obrazovanie-dok.html. (in Russ.).
3. The Ministry of education, science and youth of the Republic of Crimea (2015) URL: http://monm.rk.gov.ru/rus/rukov.htm. (in Russ.).
4. Zavarzin V.I., Goy A.I. (2001) [Integration of education, science and industry] Rossiiskoe predprinimatel'stvo [Journal of Russian entrepreneurship] № 4 (16). Pp. 48-56. URL: http://www.creativeconomy.ru/articles/9307/ (in Russ.).
5. Professional'nyi standart «Inzhener-radioyelektronshik» [The professional standard "Engineer"] (2016) URL http://www.enfuture.ru/professional_standarts. (in Russ.).

6. Figovsky O.L., Levkov K.L. (2015) K voprosu podgotovki innovacionnyh inzhenerov [To the question of training innovative engineers] URL: http://www.nanonewsnet. ru/blog/nikst/problemy-podgotovki-inzhenerov-dlya-innovatsionnykh-otraslei (in Russ.).
7. Ivanov V.G., Kaipiainen A.A., Gorodetskaya I.M (2015). [Engineering education for a flexible, viable and stable society] Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]. No. 12. Pp. 60-69. (in Russ.).
8. Pokholkov, Y.P. (2012) [National doctrine of advanced engineering education of Russia in the new industrialization: approaches to formation, the purpose, principles] Inzhenernoe obrazovanie [Engineering education]. No. 10. (in Russ.).
9. Kirillov N.P. (2012) [A methodology for the engineering education concept in modern Russia (philosophic, scientific and pedagogical aspect)] Inzhenernoe obrazovanie [Engineering education] No. 11. Pp. 13-17. (in Russ.).
10. Osipov E.I. (2009) Psihologo-akmeologicheskie uslovija razvitija liderskih i organizatorskih kachestv lichnosti v professional'noi podgotovke inzhenerov v sisteme MCHS Rossii. [Psychological and acmeological conditions for the development of leadership and organizational qualities in the professional training of engineers in the system of Emergency Situation Service of Russia. Candidate.dis. Kostroma 211 p. (in Russ.).
11. Mikhailova A.G. (2014) [Analysis of a model engineer with professional creativity] Vestnik Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki. [Bulletin of Togliatti state University. Pedagogical science. Togliatti state University] № 2 (17). Pp. 152-156.
12. EUR-ACE (EURopean ACcredited Engineer) (2014) URL: http://www.feani.org/EUR_ACE/EUR_ACE_Main_Page.htm. (in Engl.).
13. Programma treninga motivacii dostizhenija. [The training program of motivation of achievement] (2014) URL: http://www.nlplife.ru/articles/prakticheskaja-psihologija/programma-treninga-motivacii-dostizhenija. (in Russ.).
14. Trening pozitivnogo samovosprijatija [Training positive self-perception] (2015) URL: http://brunner.kgu.edu.ua/index.php/cv/1416-2012-12-09-08-27-01. (in Russ.).
15. Mikhaylova A.G. (2014) [Bridging gaps between education, science and production: acmeological aspects] Vserossiiskii forum tehnologicheskogo liderstva Rossii 6-7 nojabrja 2014 g. «Tehnodoktrina 14». [All Russian forum of technological leadership of Russia 6-7 November 2014 "Technodoctrina 14"]. URL: http://vpk.name/news/122628_ustranenie_razryivov_mezhdu_obrazovaniem_naukoi_i_proizvodstvom_akmeologicheskii_aspekt.html. (in Russ.).
16. Mikhaylova A.G. (2015) [Acmeology in the formation of professional and creative abilities of future engineers in the conditions of higher educational institutions of the Crimea] Krymskii nauchnyi vestnik [Crimean scientific Bulletin Yalta: Interregional Institute of development of territories] No. 4 URL: http://krvestnik.ru/category/nomer/ (in Russ.).

Информация об авторе

Михайлова Алла Григорьевна, аспирант, ст. преподаватель, кафедра «Романская и германская филология», Севастопольский государственный университет,
г.Севастополь, Россия
Steba1971@mail.ru.

Получена: 09.09.2016

Для цитирования статьи: Михайлова А.Г., Концепция формирования профессионально-творческих умений у будущих инженеров на основе акмеологического подхода. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-206-211.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-206-211.

Information about the author

Alla G. Mikhaylova, Postgraduate Student, Senior Lecture, Roman and German Philology Department, Sevastopol State University,

Sevastopol, Russia
Steba1971@mail.ru

Received: 09.09.2016

For article citation: Mikhailova A. G., Koncepcija formirovanija professional'no-tvorcheskih umenij u budushhih inzhenerov na osnove akmeologicheskogo podhoda. [Concept of formation of professionally-creative skills of future engineers on the basis of acmeological approach]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-206-211.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-206-211. (in Russian)

УДК 37+371+371.62+027.8 (571.52) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-212-217

ОЧУР Надежда Михайловна
Тувинский государственный университет
г. Кызыл, Россия
n.ochur@mail.ru

Nadezhda M. OCHUR
Tuvan State University
Kyzyl, Russia
n.ochur@mail.ru

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ОСНАЩЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ШКОЛ ТУВЫ В 1990-е - НАЧАЛЕ 2000-х ГОДОВ

В статье проанализировано влияние реформ конца XX - начала XXI в. на материально-техническую базу, финансовое положение и книгообеспечение школ Тувы. Автором отмечается, что в начале 1990-х годов бюджетная система республики оказалась в сложной ситуации. Финансовая зависимость от федерального центра, спад промышленности и сельского хозяйства, углубление экономического кризиса и растущая инфляция негативно сказывались на положении дел школ региона. Анализ литературы и источников, а также цифровых данных показал, что неотъемлемой чертой школ стали увеличение кредиторской задолженности по коммунальным платежам, обветшание зданий и учебных корпусов, задержка заработной платы учителям, неудовлетворительное состояние школьных библиотек, недостаточная обеспеченность компьютерной техникой и учебным оборудованием. В заключение делается вывод о том, что министерство образования республики и администрации образовательных учреждений активно искали пути решения возникших проблем, приводящие к положительным результатам - открытию новых школ, обеспечению учебной и методической литературой, укреплению материально-технической базы, постепенному увеличению финансирования системы образования региона. Однако эти улучшения происходят только в начале 2000-х годов.

Ключевые слова: реформа образования, материально-техническая база, школьные библиотеки, финансирование системы общего образования, школы Тувы.

MATERIAL AND TECHNICAL SUPPLY AND PROCUREMENT OF EDICATIONAL PROCESS OF THE SCHOOLS OF TUVA IN 1990S AND EARLY 2000SCASE

The article analyzes effects of the reforms in the late 20th century and in the early 21th century on the material and technical resources, financial condition and provision by the books of the schools of Tuva. The author notes that early in the 1990s the budget system of the Republic was in a difficult situation. The financial dependence on the Federal center, decline in manufacturing output and agriculture, exacerbation of economic crisis and rising inflation had a negative impact on the situation of the schools of the region. The case studies of the literary and digital sources show that the increase in accounts payable on utility charges, decay of the educational buildings, late payment of wages for the teachers, poor status of the school libraries, insufficient provision by computers and training equipment became an integral feature of the schools. In conclusion, the author draws that neither of the schools were closed in Tuva despite the subsidized status of the republic, agrarian nature of its economy and weak tax administration in 1990s. On the contrary, the new educational buildings were opened in the rural districts and at the out-of-the-way places. The ministry of education of the republic and administrations of the educational institutions intensely looked for the ways to solve the occurred questions. This led to soften a problem severity. The author pointed the positive sides in the development of the schools during the period under review: the supply by educational and methodological literature, strengthening of the material and technical resources, gradual increase of the financing of the local educational system. However, these improvements only happened early in the 2000s.

Keywords: education reform, material-technical base, school libraries, funding for public education, schools of Tuva

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Республики Тыва в рамках научного проекта №16-11-17001.

Acknowledgement. The study was supported by the Russian Foundation for Humanities and Tyva Republic in the framework of the scientific project №16-11-17001.

В начале 1990-х годов бюджетная система Республики Тыва, как и всей Российской Федерации, оказалась в весьма сложной ситуации. Дотационное положение региона, углубляющийся кризис производства, растущая инфляция и безработица, нехватка денежных средств, недобор налоговых поступлений отрицательно сказывались на проведении стабилизационных финансовых мероприятий. В этих условиях особенно в крайне тяжелом положении оказывались общеобразовательные учреждения республики.

В 1990 г. Министерство просвещения РСФСР подготовило и утвердило нормы финансовых затрат по основным расходным статьям сметы образовательного учреждения (кроме оплаты труда). Но либерализация цен не позволила использовать эти нормы в качестве основы для прямого расчета норматива потребности. В результате «обеспечение государственных гарантий прав граждан на получение общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования, а также дополнительного образования в общеобразовательных учреждениях…» было отнесено к компетенции субъектов Рос-

сийской Федерации. За федеральным центром оставалось «финансирование федеральных государственных образовательных учреждений и образовательных услуг» [1, с. 34].

Учреждения образования не имели возможности проводить самостоятельную бюджетную политику. Нормы расходов по статьям бюджета определялись союзными органами без учета местных особенностей, роль министерства сводилась к техническому расчету бюджета. Была разрушена основа бюджетно-сметного финансирования, его главный принцип - постатейное финансирование и строгое целевое использование бюджетных средств.

На начало 1998-1999 учебного года в Туве функционировали 3 лицея, 3 гимназии, 134 общеобразовательных, 11 основных, 11 начальных, 13 вечерних, 7 специальных школ. В них обучались 67 409 учащихся. В первой смене учились 70% , а во второй - 30% от общего числа обучающихся. В школах не хватало учебных площадей, 28% учреждений образования находились в аварийном состоянии, 90% - не имели канализации и водопровода, 60% - спортивных залов [2].

На слабую материально-техническую базу влияло сокращение бюджетных ассигнований, которые с каждым годом уменьшались. С середины 1990-х годов в результате недополучения денег из федерального бюджета у образовательных учреждений на коммунальные услуги накопилась фактическая задолженность перед предприятиями коммунального хозяйства в объеме более 3,5 млрд руб. [3, с. 92].

В адрес Правительства Российской Федерации и Республики Тыва, Министерства образования России и Тувы поступали многочисленные телеграммы, письма от органов управления образованием, руководителей образовательных учреждений, глав муниципалитетов, профсоюзных организаций. В обращениях говорилось о тяжелом положении, сложившемся в учебных заведениях в связи с тем, что ряд предприятий, оказывающих коммунальные услуги, повсеместно принимали решения об отключении электричества, тепла и водоснабжения в школах.

В Туве кредиторская задолженность учреждений образования начинает активно расти с конца 1990-х годов. На 1 января 1999 г. она составила 175 904 тыс. руб., в том числе по оплате труда - 40 069 тыс. руб., электроэнергии - 4 585 тыс. руб., теплоэнергии - 14 826 тыс. руб., продуктам питания - 12 560 тыс. руб., капитальному ремонту - 13 827 тыс. руб. [4, с. 33]

В это время полностью прекращается финансирование расходов на замену ветхой мебели, учебно-наглядного оборудования, классных досок, моющих средств. Учреждения не обеспечивались спортивным инвентарем, компьютерной и иной техникой. При многолетней и интенсивной эксплуатации электрическая сеть, инженерные коммуникации школ были изношены и требовали капитального ремонта или полной замены. Число школ, имеющих столовую или буфеты, с каждым годом сокращалось. Охват учащихся горячим питанием тоже был минимизирован.

Особенно в тяжелом положении оказались пришкольные интернаты и центры дополнительного образования: мебель и оборудование были физически и морально изношены. В условиях нехватки финансирования и постоянного наличия задолженности по всем статьям имелись факты задержек открытия данных образовательных учреждений после летнего сезона и вынужденного продления работникам их отпусков.

Школы-интернаты временно закрывались из-за отсутствия продуктов питания и топлива. В 1998 г. было принято постановление Правительства РТ «Об оказании адресной помощи малообеспеченным слоям населения республики» [5]. В соответствии с документом предусматривалось выделение целевых средств на покупку одежды и обуви, мягкого и твердого инвентаря для 700 учащихся специальных школ-интернатов. Однако деньги так и не были выделены. Обеспеченность средствами детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в конце 1990-х годов составляла менее 40% потребности. По вышеуказанному постановлению предписывалось выделение денег на выплату пособий выпускникам из числа детей в сумме 841 тыс. руб. Средства по данному пункту министерство финансов Тувы не выделило, поэтому выплата пособий производилась вместе с очередным получением ежемесячного пособия.

В конце 1990-х годов резко уменьшилось финансирование строительства учреждений образования в республике. На строительство объектов образования за 1995-1998 гг. было освоено всего 21 205,2 тыс. руб. капитальных вложений, или 31,2% от годового плана 1990-1992 гг. Такое скудное финансирование приводило к быстрой изношенности зданий и учебных корпусов.

Либерализация цен еще больше обострила ситуацию в сфере образования. За счет средств, выделяемых из государственного и местного бюджетов, с трудом удавалось только поддерживать функционирование образовательных учреждений. Только за один год - с 1991 по 1992 г. - объем финансирования образования в целом по стране увеличился в пять раз, в то время как цены выросли в десять и более раз. В результате остались непрофинансированными

питание учащихся, расходы на оплату коммунальных услуг, горюче-смазочных материалов, содержание мастерских и т.д.

Произошли серьезные изменения и в правовом пространстве системы образования. 1 января 1995 г. вступила в действие первая часть, а 1 марта 1996 г. - вторая часть Гражданского кодекса Российской Федерации. Были определены два типа участников гражданского процесса: граждане (физические лица) и юридические лица. Школа была отнесена к юридическому лицу. Вышедшие в 1996 г. изменения и дополнения в Закон «Об образовании» также определили, что образовательное учреждение является юридическим лицом и имеет расчетный счет в банке и иных кредитных организациях (ст. 43) [6]. Но после принятия Закона многие учреждения образования стали «выпадать» из правового пространства страны, так как не приобрели статус юридических лиц.

Ухудшалось социально-экономическое положение работников образования. Скачок цен и растущая инфляция не компенсировались ростом заработной платы. Были прекращены выплаты компенсации в целях обеспечения учителей книгоиздательской продукцией и периодическими изданиями. Задолженность работникам по данной статье с 1995 до 1998 г. стала составлять до 30 млн руб. [4, с. 35].

Расходы по льготам учителям, работающим в сельской местности, не производились. Районными администрациями были прекращены выплаты «подъемных» денег молодым специалистам, выдача талонов на приобретение угля и дров, по профсоюзной линии перестали обеспечивать учителей санаторно-курортными путевками.

Немалые надежды образовательные учреждения республики возлагали на принятую в 1998 г. «Программу развития образования РТ на 1998-2003 гг.». Однако средства на ее реализацию в 1998 г., как и в 1999 г., не были выделены.

Несмотря на проблемы, имелись и положительные моменты в финансировании системы образования региона. Министерство образования республики совместно с районными и городскими отделами образования изыскивали средства на укрепление учебно-материальной базы школ. Так, на приобретение различного оборудования образовательным учреждениям были выделены: в 1997 г . - 295 тыс. руб., в 1999 г. - 327 тыс. руб., в 2001 г. - 13 073 тыс. руб. [7, с. 63]. Проводилась активная работа по выделению средств на целевые программы. Большая финансовая и материальная помощь была получена на социальную поддержку учащимся, сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей и из малообеспеченных семей по федеральным целевым программам «Дети-инвалиды», «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «Дети-сироты», «Дети Севера».

Школы Тувы самостоятельно находили средства для поддержки своей материальной базы. Устраивали благотворительные мероприятия и марафоны, связанные с юбилеем образовательного учреждения, привлекали спонсоров для проведения текущего ремонта и других работ, призывали родителей на субботники. Небольшой доход приносила им организация подсобного хозяйства. Так, в 1998 г. доходы школ от подсобных хозяйств составили 1,7 млн руб. Учащимися были выращены 502 т картофеля, 98 т капусты, 23 т других овощей, варенья запасено 5 т, шиповника - 1 т. [4, с. 36].

С 1999 г. отмечается рост расходов на образование. Их доля возрастает с 3,34% ВВП в 1998 г. до 3,58% ВВП в 2000 г., вернувшись к уровню 1992 г. Начала увеличиваться часть средств, выделяемых на систему образования в составе расходов федерального бюджета [8, с. 25]. Расходы на образование направлялись, в первую очередь, на обеспечение конституционных гарантий прав граждан на общедоступность и бесплатность в получении образования.

Региональные власти начали погашать многолетнюю задолженность по оплате труда перед работниками образования. Это позволило снять социальную напряженность в отрасли и приступить к выплате заработной платы по новым повышенным тарифным ставкам.

Начиная с 2000-х годов наблюдается положительная тенденция и по решению кредиторской задолженности образовательных учреждений, в первую очередь по коммунальным платежам.

Нужно отметить, что особенностью периода является то, что в Туве не была закрыта ни одна общеобразовательная школа; наоборот, каждый год вводились в эксплуатацию новые учебные корпуса. Новые школы открывались, прежде всего, в сельской местности, труднодоступных и отдаленных районах.

В конце 1990-х годов происходит резкий приток внебюджетных средств в сферу образования. Объем таких денег стал составлять, по экспертным оценкам, примерно 10-15 % от общего объема средств. Однако большая часть этих денег находилась «в тени», что было обусловлено как низким уровнем управленческой культуры части руководителей школ республики, так и трудностями организации бухгалтерского учета поступающих в школу внебюджетных средств. Кроме того, тенденция переноса тяжести с бюджета на внебюджетные средства, в том числе и

личные, в совокупности с приходящим расслоением общества по уровню доходов вела к угрозе превращения демократической системы образования в сословную, элитарную [3, с. 96].

В Туве основным фондом поступления внебюджетных средств по-прежнему оставались родительские взносы (в 2002 г. - 11 418 тыс. руб.), а также доходы от подсобного хозяйства (в 2002 г. - 3 585 тыс. руб.) [9].

Одним из приоритетных направлений деятельности республиканского министерства образования было обеспечение школ учебной, методической и иной литературой. В рассматриваемый период школьные библиотеки сохранили свою основную функцию по обеспечению учебно-воспитательного процесса книжными изданиями и проведению просветительской работы. Если просветительская работа библиотеками проводилась постоянно, по плану и графику, то с обеспечением школьных библиотек новой литературой возникли некоторые трудности.

В условиях нового хозяйственного механизма комплектование библиотек происходило в зависимости от статуса школы, содержания обучения, наличия специализированных классов и факультативов, а также желания администрации. Их подбор отражал стремление школьной библиотеки содействовать целям реформирования и разностороннему развитию личности ученика. Например, если школа-гимназия № 5 г. Кызыла на 1998 г. выписала 39 названий газет и журналов на сумму 3,5 тыс. руб., то общеобразовательная школа № 7 г. Кызыла вынуждена была выписывать только два издания [10, с. 17].

Пополнение книжного фонда в школах шло медленными темпами. Если в 1995-1996 учебном году библиотеки г. Кызыла и районов получали от 10 до 50 экземпляров для основного фонда, то в 1996-1997 учебном году ими ничего не было получено.

Ассигнования на периодические издания в большинстве школ были предельно ограниченными и составляли в среднем 500-800 руб., поэтому учебный фонд библиотек был очень скромным. Например, в школе-гимназии № 9 г. Кызыла учебный фонд составлял 27 769 экз., основной фонд - 4 873 экз., в Сарыг-Сепской средней школе Каа-Хемского района - соответственно 6 251 и 4 000 [10, с. 18].

Фонд художественной, научно-популярной и справочной литературы также 1990-е годы не удовлетворял запросы учащихся, учителей и родителей. Они были скудными и устаревшими. Во всех школьных библиотеках не хватало учебников родного языка и литературы, произведений тувинских авторов и классиков русской и зарубежной литературы, отсутствовали учебники, отражающие региональный компонент.

Проблемой также стала нехватка помещений для библиотек. Школьные библиотеки находились в неприспособленных маленьких кабинетах или в подсобных помещениях. В них игнорировались санитарно-гигиенические, технические и другие требования хранения, содержания книг, работы с читателями. Из-за скудного финансирования библиотекарями не проводилась работа по ремонту и реставрации книг, не закупалась компьютерная техника, не проводилась санитарная обработка помещения.

Большинство библиотекарей не имели специального образования, и это создавало трудности в деятельности школьных библиотек. Библиотекарями обычно работали совместители или учителя пенсионного возраста. Естественно, такое отношение негативно сказывалось на комплектовании книжного фонда и всего учебно-воспитательного процесса образовательного учреждения.

Главными причинами неудовлетворительной работы школьных библиотек и слабого их обеспечения в 1990-е годы стали ограниченные бюджетные средства и плохое финансирование. Отсутствие к началу учебного года достаточного количества школьных учебников, соответствующих по своему содержанию современным стандартам и программам, вылилось в ежегодную проблему. Например, в 1998 г. на такие цели при потребности 11,5 млн руб. предусмотрено было бюджетом 4,4. млн руб., израсходовано - 408,8 тыс. руб., то есть 9% суммы предусмотренных бюджетных денег [4, с. 20]. За 1996-1998 учебные годы при потребности 14 08,9 тыс. экземпляров централизованно было закуплено лишь 2 479 тыс. экземпляров книг. Обеспеченность образовательных учреждений учебниками по всем школьным предметам составила всего 18-20% [4, с. 20]. Такая ситуация осложнила работу школ к началу 1999-2000 учебного года и требовала срочного решения. В результате образовательные учреждения вынуждены были использовать внебюджетные средства, в первую очередь родительские и спонсорские взносы. Другими словами, школьные библиотеки в тяжелые 1990-е годы были оставлены на «самовыживание».

Улучшение происходит только в начале 2000-х годов. В 2002 г. на издание учебников, методических пособий было израсходовано 19 516 тыс. руб., что на 37% больше, чем в 2000 г. За счет республиканского бюджета были закуплены 273,74 тыс. экз. учебной литературы для сельских школ. В итоге обеспеченность учебниками за счет бюджетных средств в среднем на одного учащегося по республике стала больше, чем по другим субъектам сибирского региона [7, с. 67].

Большое внимание органы управления образованием и администрации школ стали уделять таким вопросам, как помещение, образование работников школьных библиотек, обеспечение сохранности книжного фонда, просветительской работе.

Таким образом, в условиях непрерывных реформ общеобразовательная школа оказалась в трудном положении. Если высшие и средние профессиональные учебные заведения финансировались из федерального бюджета, то школы были оставлены на скудном муниципально-региональном бюджете. Это негативно отразилось на материально-техническом и книжном обеспечении образовательных учреждений. Замедляется строительство объектов системы образования, увеличивается кредиторская задолженность по коммунальным услугам, устарели и пришли в негодность учебно-наглядное оборудование, мебель, компьютерная техника. Постоянно задерживалась выплата заработной платы учителям, не выплачивались деньги на методическую литературу. Капитальный ремонт школ не производился, инженерные сооружения, электротехническая сеть учреждений образования пришли в негодность. Такое положение дел нередко приводило к таким проблемам, как временное закрытие школ, перевод их на короткий день работы, что отрицательно сказывалось на учебно-воспитательном процессе.

В деятельности школьных библиотек тоже возникли проблемы, связанные с комплектованием книжного фонда, помещением, кадровым составом библиотечных работников. Улучшения по этому направлению происходят только в начале 2000-х годов.

Но, несмотря на трудности, школа как социальный институт работала в эти сложные годы благодаря самоотверженному труду и творческой инициативе педагогов, родителей и местных властей ряда территорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Закон Российской Федерации «Об образовании», ст. 29, п. 6.1. - М., 2007. - С. 34.
2. Государственный архив Республики Тыва (ГАРТ). Ф. 784. Оп. 1. Д. 382. Л. 71.
3. Стрелкова О.В. Эволюция системы общего образования Удмуртской Республики в 1991-2000 гг.: Дис. … канд. ист. наук. - Ижевск, 2007. - С. 92.
4. Информационно-аналитические материалы Министерства общего и профессионального образования Республики Тыва. 1998-1999 учебный год. - Кызыл, 1999.
5. Постановление Правительства Республики Тыва от 11 сентября 1998 г. № 568 «Об оказании адресной помощи малообеспеченным слоям населения республики».
6. Федеральный Закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "Об образовании"» // Российская газета. - 1996. - 23 января.
7. Информационно-аналитические материалы Министерства общего и профессионального образования Республики Тыва. 2002-2003 учебный год. - Кызыл, 2003 . - С. 63.
8. Итоги исполнения бюджета отрасли «Народное образование» за 2000 г. // Народное образование. - 2001. - № 1. - С. 25.
9. Текущий архив Министерства образования и науки Республики Тыва.
10. Ооржак С. Комплектование книжных фондов и их сохранность в школьных библиотеках Тувы // Башкы (Учитель). Научно-популярный и методический журнал. - 1999. - № 3. - С. 17.

REFERENCES

1. Zakon Rossiyskoy Federatsii «Ob obrazovanii», st. 29, p. 6.1. M., 2007. p. 34. (In Russ).
2. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tyva (GA RT) F. 784. Op. 1. D. 382. L. 71. (In Russ).
3. Strelkova O.V. Evolyutsiya sistemy obshchego obrazovaniya Udmurtskoy Respubliki v 1991-2000 gg. [The evolution of the system of General education of the Udmurt Republic in 1991-2000.]: Dis. … kand. ist. nauk. Izhevsk, 2007. p. 92. (In Russ).
4. Informatsionno-analiticheskie materialy Ministerstva obshchego i professional'nogo obrazovaniya Respubliki Tyva. 1998-1999 uchebnyy god. [Information and analytical materials of the Ministry of General and professional education of the Republic of Tuva. 1998-1999 academic year]. Kyzyl, 1999. (In Russ).
5. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Tyva ot 11 sentyabrya 1998 g. №568 «Ob okazanii adresnoy pomoshchi maloobespechennym sloyam naseleniya respubliki». [Resolution of the government of the Republic of Tuva on September 11, 1998 № 568 "On the provision of targeted assistance to poor strata of the population of the Republic."]. (In Russ).
6. Federal'nyy Zakon «O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Zakon Rossiyskoy Federatsii "Ob obrazovanii"». Rossiyskaya gazeta. 1996. 23 yanvarya. (In Russ).
7. Informatsionno-analiticheskie materialy Ministerstva obshchego i professional'nogo obrazovaniya Respubliki Tyva. 2002-2003 uchebnyy god. [Information and analytical materials of the Ministry of General and professional education of the Republic of Tuva. The 2002-2003 academic year]. Kyzyl, 2003 . p. 63. (In Russ).
8. Itogi ispolneniya byudzheta otrasli «Narodnoe obrazovanie» za 2000 g. [The results of the budget execution of the sector "education" in 2000]. Narodnoe obrazovanie. 2001. № 1. p. 25. (In Russ).

9. Tekushchiy arkhiv Ministerstva obrazovaniya i nauki Respubliki Tyva. (In Russ).
10. Oorzhak S. Komplektovanie knizhnykh fondov i ikh sokhrannost' v shkol'nykh bibliotekakh Tuvy. [Acquisition of the book collections and their safety in school libraries of Tuva]. Bashky (Uchitel'). Nauchno-populyarnyy i metodicheskiy zhurnal. 1999. № 3. p. 17. (In Russ).

Информация об авторе

Очур Надежда Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»,
г. Кызыл, Россия
n.ochur@mail.ru

Получена: 03.11.2016

Для цитирования статьи: Материально-техническое обеспечение и оснащение образовательного процесса школ Тувы в 1990-е - начале 2000-х годов, Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-212-217.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-212-217.

Information about the author

Nadezhda M. Ochur, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of National History,
Tuvan State University,
Kyzyl, Russia
n.ochur@mail.ru

Received: 03.11.2016

For article citation: Ochur Nadezhda M., Material'no-tehnicheskoe obespechenie i osnashhenie obrazovatel'nogo processa shkol Tuvy v 1990-e - nachale 2000-h godov [Material and technical supply and procurement of edicational process of the schools of Tuva in 1990s and early 2000s]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-212-217.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-212-217. (in Russian)

УДК 372.881.111.1 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-218-226

ПОПОВА Татьяна Петровна
Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ)
Нижний Новгород, Россия
tatpop@list.ru

НЕНАШЕВА Татьяна Александровна
Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ)
Нижний Новгород, Россия
tnenasheva@hse.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ (МОДЕЛЬ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ)

Статья посвящена исследованию специфических характеристик и преимуществ технологии смешанного обучения в процессе изучения английского языка студентами неязыкового вуза по сравнению с традиционными формами обучения. В работе проводится сопоставительный анализ точек зрения зарубежных и отечественных исследователей в определении смешанного обучения, которое понимается авторами как современный универсальный способ образования, сочетающий в себе технологии традиционного и электронного обучения и отвечающий индивидуальным требованиям обучающихся. Предлагается рассматривать интерактивность в обучении как принцип, реализующийся в учебном процессе, который дает возможность преподавателю эффективнее организовать процесс обучения, а студенту обеспечивает вовлеченность в активную коммуникативную деятельность и создает высокий уровень заинтересованности в освоении предмета. Интерактивное обучение способствует взаимодействию студентов друг с другом, погружению в реальную атмосферу делового сотрудничества. Взаимодействие в данном случае выступает как антитеза воздействию с целью ухода от модели ассиметричных отношений. На основании результатов деятельности специалистов в области информационных технологий, а также исходя из собственного опыта создания электронного ресурса для студентов НИУ ВШЭ, авторы приходят к выводу, что внедрение в учебный процесс модели смешанного обучения повысит эффективность результатов образовательной деятельности студентов в процессе освоения профессионального иностранного языка.

Ключевые слова: профессиональная иноязычная компетенция, смешанное обучение, информационные технологии, традиционное обучение, принцип интерактивности.

Tatiana P. POPOVA
National Research University “Higher School of Economics”
Nizhny Novgorod, Russia
tatpop@list.ru

Tatiana A. NENASHEVA
National Research University “Higher School of Economics”
Nizhny Novgorod, Russia
tnenasheva@hse.ru

INFORMATION TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN A HIGHER SCHOOL (BLENDED LEARNING MODEL)

The paper explores specific characteristics and advantages of blended learning in the process of teaching English as a foreign language at university level in comparison with traditional forms of education. The article collates different points of view in Russia and abroad on defining ‘blended learning’ which is understood by the authors as a modern universal educational method comprising traditional technologies and electronic way of learning and which meets individual demands of learners. It is suggested that interactivity should be considered as a principle realized in education that gives the teacher a possibility to organize the process of learning in a more effective way and provides the student’s involvement in active communicative activity. Besides, it creates a high level of motivation in mastering a subject. Interactive learning contributes to interaction among students and leads to their immersion in real atmosphere of business cooperation. Interaction in this case means the opposite of influence in order to escape the model of asymmetric relations between teachers and students. Based on the results published by researchers specializing in the field of information technologies and considering their own experience in designing an electronic resource for HSE students, the authors conclude that implementation of a blended learning course in the university curriculum is able to increase the effectiveness of students’ results in professional foreign language acquisition.

Keywords: blended learning, information technologies, traditional education, professional foreign language competence

Активное использование новейших информационных технологий в учебном процессе обусловлено необходимостью повышения качества образования в целом, конкурентоспособности российских вузов, переходом на компетентностную модель обучения, которая должна вызвать к жизни сложнейшую социально-культурную, организационную, технологическую и кадровую трансформацию высшей школы [1, с. 45]. Перед вузами стоит задача предоставить студентам возможность принимать активное участие в международных проектах, конференциях, программах, стажировках с целью создания условий для их последующего успешного трудоустройства. Это предполагает достаточно свободное владение английским языком.

Однако очное обучение иностранным языкам в вузах не позволяет (в силу недостатка аудиторных часов) в должной мере автоматизировать речевые умения студентов. Очевидно, что решать данную проблему необходимо за счет более эффективной организации учебно-познавательного процесса студентов.

В настоящее время высшая школа РФ претерпевает серьезные преобразования. Наблюдается активность попыток модификации традиционных форм обучения. К благоприятным факторам в этом направлении можно отнести: тотальную информатизацию общества; внедрение информационно-коммуникационных технологий в учебный процесс; переход к личностной па-

радигме в образовании; широкое распространение онлайн курсов МООС, предполагающее открытый доступ каждого обучающегося к учебным материалам через Интернет и др. В эпоху быстрого обмена информацией обществу необходимы специалисты, обладающие мобильностью и автономностью, способные самостоятельно найти, отобрать и обработать необходимую информацию, быстро найти выход из проблемной ситуации, постоянно совершенствовать свои профессиональные компетенции. В этих условиях система традиционного обучения не может в полной мере реализовать запросы общества, а требования ФГОС ВПО не могут быть реализованы без кардинальных изменений системы высшего образования.

Одним из возможных путей решения данной проблемы может стать технология *blended learning*, или *смешанное обучение*, сочетающее сильные стороны традиционного образовательного стандарта и преимущества дистанционных технологий. Другими словами, смешанное обучение является эффективным способом решения проблемы расхождения между требованиями современного общества и возможностью высшего образования им соответствовать. Особенно актуальным является применение данной технологии для реализации курса английского языка для специальных целей (ESP) [2, с. 16].

Целью настоящего исследования является сравнительный анализ традиционной модели обучения иностранным языкам и смешанного обучения, а также рассмотрение возможности повышения эффективности учебного процесса за счет интеграции информационных технологий в условиях неязыкового вуза.

Для решения поставленных задач использовались методы теоретического анализа: изучение психолингвистической и научно-методической литературы, интернет-источников по проблеме исследования, а также описание опыта использования модели ‘blended learning’ в учебном процессе неязыкового вуза.

Обратимся к истории возникновения понятия «смешанного обучения», которое восходит к 1920-1930-м годам, когда в американских школах начали использовать переписку преподавателей и учеников. Уже в 1970-е годы электронное взаимодействие участников образовательного процесса стала нормой во многих открытых университетах мира. С тех пор информационные технологии все чаще используются в учебном процессе. На основе анализа научной литературы можно сделать вывод о том, что существует несколько терминов для обозначения понятия «смешанное обучение». Например, используется термин «гибридное обучение» (hybrid), «интегрированное обучение» (web-enhanced) или еще «комбинированное обучение» (mixed-mode) [3]. Пока нет единого мнения по названию - все эти термины являются в настоящее время взаимозаменяемыми.

Что касается содержания смешанного обучения, в его составе можно выделить три компонента: 1) непосредственный контакт с преподавателем во время традиционных аудиторных занятий; 2) самостоятельная работа студентов в электронной среде (выполнение поисковых заданий, квестов, проектов, тестов и пр.); 3) групповое электронное обучение (вебинары, онлайн конференции, вики и т.д.) [4].

Компонентный состав смешанного обучения находит отражение в дефинициях различных исследователей. Например, E. Stracke считает, что смешанное обучение - это сочетание традиционного обучения в классе и компьютерных технологий на основе гибкого подхода к обучению, который учитывает преимущества тренировочных и контролирующих заданий в электронной среде, а также использует другие методы, которые могут улучшить результаты студентов и сэкономить затраты на обучение [5]. Часто встречаются определения описательного характера, в частности Д. Пейнтер определяет смешанное обучение как объединение в целостную структуру формальных и неформальных средств обучения, таких как учебная деятельность в классе, освоение теоретической части содержания с обсуждением через электронную почту, чат или вебинар [6]. Как видно из определений, большинство исследователей согласны с тем, что смешанное обучение решает учебные задачи с помощью сочетания различных способов транслирования учебной информации и совместных курсов, построенных на возможностях современных веб-технологий, интегрируя формальное и неформальное обучение, взаимодействие «лицом-к-лицу», онлайн взаимодействие, управляемую деятельность на основе самостоятельного выбора траектории, являясь по сути многофункциональным курсом обучения [7; 8; 9].

В отечественных научных источниках можно встретить несколько подходов к определению смешанного обучения. Некоторые исследователи связывают его с форматом дистанционных учебных курсов, в которые встраиваются активные методы обучения [10]. Другие определяют смешанное обучение как модель использования распределенных информационно-образовательных ресурсов в очном обучении с применением элементов асинхронного/синхронного дистанционного обучения [11] или как систему обучения, сочетающую продуктивные стороны учебной деятельности в аудитории и преимущества дистанционного обучения, обеспечивая доступность учебных курсов, в рамках которой учебный процесс трансформируется в структуру из разных компонентов, взаимодействующих между собой и образующих при этом единое целое [12].

Мы согласны с мнением, что *смешанное обучение является современным универсальным способом образования, которое сочетает в себе технологии традиционного и электронного обучения и отвечает индивидуальным требованиям обучающихся.* Важнейшим отличием смешанного обучения от традиционной обучающей модели является использование комбинации форм обучения в реальном и виртуальном образовательном пространстве, комбинации традиционных методов обучения с технологиями электронного обучения. Отличается оно и от технологии дистанционного образования, основанной на активном использовании электронной коммуникации, при котором студент и преподаватель не имеют непосредственных контактов, но находятся в постоянном взаимодействии, организованном с помощью специфических приемов построения дистанционного учебного курса, форм контроля, особых методов коммуникации, организованных с помощью информационных компьютерных технологий [13].

Сочетание технологий традиционного и электронного обучения может происходить как на уровне отдельного курса, дисциплины, так и на уровне образовательной программы в целом. Для достижения образовательных целей важно, прежде всего, правильно организовать отношения преподавателя и учащихся, то есть осуществить переход на субъект-субъектные отношения, когда преподаватель становится фасилитатором, консультантом учебного процесса, который снабжает студентов стратегиями учения и направляет их познавательную деятельность.

По мнению сторонников смешанного обучения, эта стратегия может обеспечить более эффективное образование, устранив проблему изоляции обучающегося дистанционно от совместной коммуникативной деятельности. Его противники считают, что «реализация такой модели дороже (расходы на содержание оборудования аудитории, ИКТ расходы) без увеличения объема преподавания как такового. Существуют и дискуссионные вопросы. Если уменьшить аудиторную нагрузку (для сокращения расходов), угрожает ли это качеству кампуса и ценностям бренда учреждения? Если заменить очное взаимодействие с преподавателями на опосредованное онлайн взаимодействие (например, через форумы), увеличивает ли это фактически временные затраты преподавателя (и, возможно, расходы на повышение его квалификации)? Все эти вопросы находятся в стадии проработки» [14, с. 278].

Можно предположить, что в условиях новой парадигмы российского образования внедрение в учебный процесс модели смешанного обучения повысит эффективность образования в целом. Уверенность в этом базируется на основе анализа опубликованных результатов такой деятельности в работах зарубежных и отечественных исследователей (Е.В. Бутенков, И.В. Десятова, М.Г. Евдокимова, Ю.И. Капустин, О.В. Львова, М.Н. Мохова, А.Л. Назаренко, М.А. Татаринова, С.В. Титова, I.E. Allen, B. Barrett, J. Bersin, C. J. Bonk, Di Clark, R., C. Dziuban, R. Garrett, S. Kmnar, A. Picciano, P. Sharma, P. Shea, A. Siddiqi, M. Tammelin, P. Valiathan и др.), а также на основе собственного практического опыта в использовании приемов смешанного обучения.

К преимуществам смешанного обучения относят следующие факторы: *автоматизация учебного процесса*, постоянный доступ к учебным материалам и регистрации результатов учебной деятельности студентов, непрерывный мониторинг прогресса познавательной деятельности со стороны преподавателя, возможность асинхронного обучения, объективность контроля [15]; *гибкость* (самостоятельное изучение теоретического материала в индивидуальном темпе с последующей активной коммуникативной деятельностью на занятиях в классе); *развитие критического мышления* и способности к автономной деятельности, направленной на поиск необходимого материала, анализ, обобщение, использование информации в своих целях; *информационная доступность* и множественность применения материалов; *учет индивидуальных особенностей* студентов (тип высшей нервной деятельности, когнитивные способности и др.); *интерактивность*. Мы предлагаем рассматривать ***интерактивность в обучении как принцип***, реализующийся в учебном процессе, который дает возможность преподавателю эффективнее организовать процесс обучения, а студенту обеспечивает вовлеченность в активную коммуникативную деятельность и создает высокий уровень заинтересованности в освоении предмета.

Таким образом**,** интерактивное обучение способствует *взаимодействию* студентов друг с другом, погружению в реальную атмосферу делового сотрудничества. *Взаимодействие* в данном случае выступает как антитеза (противоположность) *воздействию*, таким образом, осуществляется уход от модели асимметричных отношений. Не приходится сомневаться также и в том, что обучение в виртуальной среде способствует развитию учебной автономии студентов. Они становятся более активными, демонстрируют интерес к предмету и методам обучения, учатся критически оценивать свои навыки и умения, участвуя в групповых дискуссиях. Учебная автономия студентов обеспечивает переход к индивидуализации обучения, характеризующейся высоким уровнем мотивации [16; 17, с. 187].

Кроме перечисления преимуществ смешанного обучения следует остановиться на проблемах и вызовах, сопряженных с внедрением этой формы обучения в российские вузы. В этой

связи необходимо знать и учитывать недостатки дистанционного обучения, к которым можно отнести следующие: *отсутствие непосредственного общения* с другими студентами и преподавателем; *недостаточная организованность* и несформированность *навыков самостоятельной работы* большинства студентов; *отсутствие возможности немедленного обсуждения* в классе возникающих в ходе выполнения заданий вопросов и разъяснения ситуации на конкретных примерах; *специфика предмета* иностранный язык, ведущим компонентом которого являются способы деятельности [18].

Разработка курса иностранного языка на основе смешанного обучения требует высокого профессионализма от преподавателя, поскольку ему приходится не только выступать в роли консультанта-советника, координатора учебного процесса, который организует автономную деятельность учащихся и эффективную систему контроля, но и находиться в постоянном контакте с учащимися как на очных занятиях, так и в электронной среде. При этом имеется в виду как компьютерная грамотность преподавателя, так и знание особенностей работы по модели смешанного обучения, готовность к временной нагрузке [19].

Следует отметить, что одной из важных составляющих смешанного обучения является технология «перевернутого класса». Основателем образовательной модели “peer instruction” считается Эрик Мазур, профессор физики Гарвардского университета, обладатель премии Minerva, который полагает, что в сфере образования мы придем к смеси проектно-, проблемно- и командно-ориентированных подходов, peer instruction и семинаров, которые будут варьироваться в зависимости от контекста и размеров класса. По его мнению, в XXI веке, когда роботы и компьютеры забирают себе многие рабочие места, нам необходимо обучать людей занимать те новаторские и креативные должности, на которые компьютеры и роботы претендовать не могут. В модели, предложенной Мазуром, как пишет об этом Хайден, студент читает о предмете дома, а в аудитории работает над его пониманием вместе с однокурсниками и преподавателем. Эту модель стали называть «перевернутым классом» (flipped classroom). Главное в ней - не передача информации студенту, поскольку он путем чтения уже получил ее дома, а помощь в ее освоении. Мазур перестал читать лекции и обратился к методу, изобретенному более 2 000 лет назад, - к методу Сократа, когда преподаватель задает вопросы, а не дает готовые ответы. Со временем Мазур создал пошаговый алгоритм, peer instruction, который задал этому методу конкретную форму [20].

Таким образом, в отличие от традиционной модели обучения, в которой введение нового материала происходит в классе, а затем студенты закрепляют его в ходе самостоятельной работы дома, в модели смешанного обучения происходит перестановка этих этапов. Студенты знакомятся с новым материалом самостоятельно посредством просмотра видеолекций, записанных преподавателем или взятых из других источников, а в классе выполняются коммуникативные задания под руководством преподавателя. При этом используется все многообразие форм контроля: самоконтроль в электронной среде (например, выполнение тестов по различным видам речевой деятельности с последующей проверкой по ключам, которые становятся доступными после выполнения теста), а также в процессе аудиторной работы под контролем преподавателя. Важным моментом является взаимоконтроль (проверка выполненных эссе, составленных ситуаций и докладов для презентаций и т.п.), который также может проходить в различных форматах (в электронной среде или в классе).

В результате данная технология позволяет увеличить время для непосредственного общения в классе и, следовательно, на развитие коммуникативных умений студентов. Считается, что работа в электронной образовательной среде является комфортной для студентов, помогает некоторым из них преодолеть психологический барьер, неуверенность в себе, возникающие при работе в классе, когда каждый сравнивает себя с другими студентами. Снижение уровня стресса при работе в электронной среде повышает их уверенность и самооценку, что продуктивно сказывается на их участии в групповых дискуссиях и дебатах. Однозначно положительным является то, что в аудитории преподаватель может предлагать студентам творческие задания, обсуждение важных профессиональных проблем [21].

Хочется подчеркнуть, что для того чтобы образовательная модель, основанная на принципах смешанного обучения, была эффективной, все ее компоненты должны являться элементами одной системы, гармонично взаимодействовать друг с другом.

По мнению М.Г. Бондарева, если доминантой при создании курса смешанного обучения является формирование *профессиональной иноязычной* компетенции, то необходимо опираться на следующие общедидактические принципы: принцип научности, сознательности, доступности, активности, систематичности и последовательности, прочности усвоения знаний, умений и навыков, наглядности, учета индивидуальных особенностей. Оно должно также следовать методическим принципам, учитывающим индивидуальные особенности студентов, специфику обучения ESP, а также отличительные характеристики и условия смешанного обучения. К таковым можно отнести: принцип ориентации на конкретных обучаемых, а также принцип стимулирования и мотивации положительного отношения к учению. Кроме того, автор считает целесо-

образным реализовать смешанное обучение ESP на базе андрагогических принципов, таких как: п*ринцип приоритетности самостоятельного обучения, принцип совместной деятельности преподавателя-тьютора и студентов, принцип индивидуализации обучения, принцип актуализации результатов обучения, принцип осознанности обучения.* Вторая группа объединяет принципы, учитывающие особенности обучения будущих специалистов профессиональному языку. К ним относятся *принципы профессиональной направленности, учета степени профессиональной подготовки студентов,* а также *принцип необходимой и достаточной фундаментализации профессиональной языковой подготовки.*

Для третьей группы предлагаются принципы, учитывающие общие особенности и конкретные условия реализации смешанного обучения ESP, такие как: *принцип автономности, гибкости обучения, интерактивности, принцип целесообразности, принцип дружественности системы обучения, принцип адекватного распределения учебной деятельности, принцип перманентной поддержки самостоятельной учебной деятельности студента, принцип целостности образовательного пространства, принцип мультимодального представления учебной информации, принцип обеспечения автономности учебной деятельности студентов, принцип соответствия модели смешанного обучения реальным условиям учебной деятельности, принцип соответствия содержательного и инструментального аспекта смешанного обучения, принцип элективности обучения* [22]. На наш взгляд, при реализации вышеназванных принципов смешанного обучения возможно создать соответствующую запросам времени академическую среду, которая будет способствовать повышению эффективности обучения отдельным дисциплинам (в том числе иностранному языку) и формировать специалистов, обладающих профессиональными качествами, обеспечивающими успешное выполнение конкретных функций, связанных с будущей профессиональной деятельностью и, следовательно, востребованных на современном рынке труда.

Следует согласиться с мнением о том, что на сегодняшний день самообучение при поддержке преподавателя с использованием электронной образовательной среды и качественных электронных образовательных ресурсов может обеспечить эффективное формирование и развитие профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции у студентов неязыковых специальностей. Согласно Н.В. Барышникову, результативность формирования профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции студентов удваивается за счет интеграции самообучения и мультимедийного сопровождения [23].

В целях преобразования учебного процесса в НИУ ВШЭ был создан Центр развития образовательной среды, который занимается вопросами внедрения электронного обучения в университете. Сюда относятся как информационные системы для поддержки учебного процесса, так и регламенты, то есть система управления. Все, что связано с изменением образовательного процесса, но пока находится в стадии проекта, является сферой профессиональных интересов Центра. Центр помогает авторам учебных курсов дополнить традиционные курсы онлайн-компонентами.

Опишем пример такой деятельности. В целях внедрения электронного обучения в НИУ ВШЭ (Нижний Новгород) на факультете права был создан онлайн курс юридического английского “The Questions of Law” для академических групп 1-го курса в качестве дополнения к аудиторному обучению. Это непосредственно соотносится с технологией blended learning. В условиях сокращения аудиторных часов и перехода на занятия 1 раз в неделю по 4 часа это становится необходимостью.

К сожалению, зачастую преподаватели не готовы тратить время на создание электронных продуктов в силу загруженности во время проведения аудиторных занятий, планирования, проверки письменных работ студентов и т.п., а иногда испытывают страх, когда речь заходит об освоении новых компьютерных технологий. Преодолев этот барьер, преподаватель способен осознать, что электронный курс может решать многие задачи и компенсировать недостатки традиционной формы обучения. К преимуществам работы с электронным курсом можно отнести следующие факторы: 1) преподавать онлайн - значит не быть привязанным к какому-то месту, необходим только доступ в Интернет; 2) создавая онлайн курс, нужно будет всего лишь спускаться по ленте (предлагаемых специальной программой) настроек сверху вниз, заполняя пустые графы в простом интерфейсе шаг за шагом, используя уже имеющиеся сервисы и инструменты, автоматизирующие этот процесс.

В нашем случае выбор был сделан в пользу платформы *Open Learning* в силу того, что она оказалась доступной и простой для использования.

Цель вышеназванного электронного курса - совершенствование иноязычной профессиональной компетенции студентов 1-го курса факультета права во всех ВРД по теме «Преступление», он является онлайн компонентом, сопровождающим основной курс по предмету, рассчитанный на 144 аудиторных часа.

Особенности технологии смешанного обучения были описаны выше, поэтому, на наш взгляд, подробно на этом останавливаться нецелесообразно. Предлагаем краткую характери-

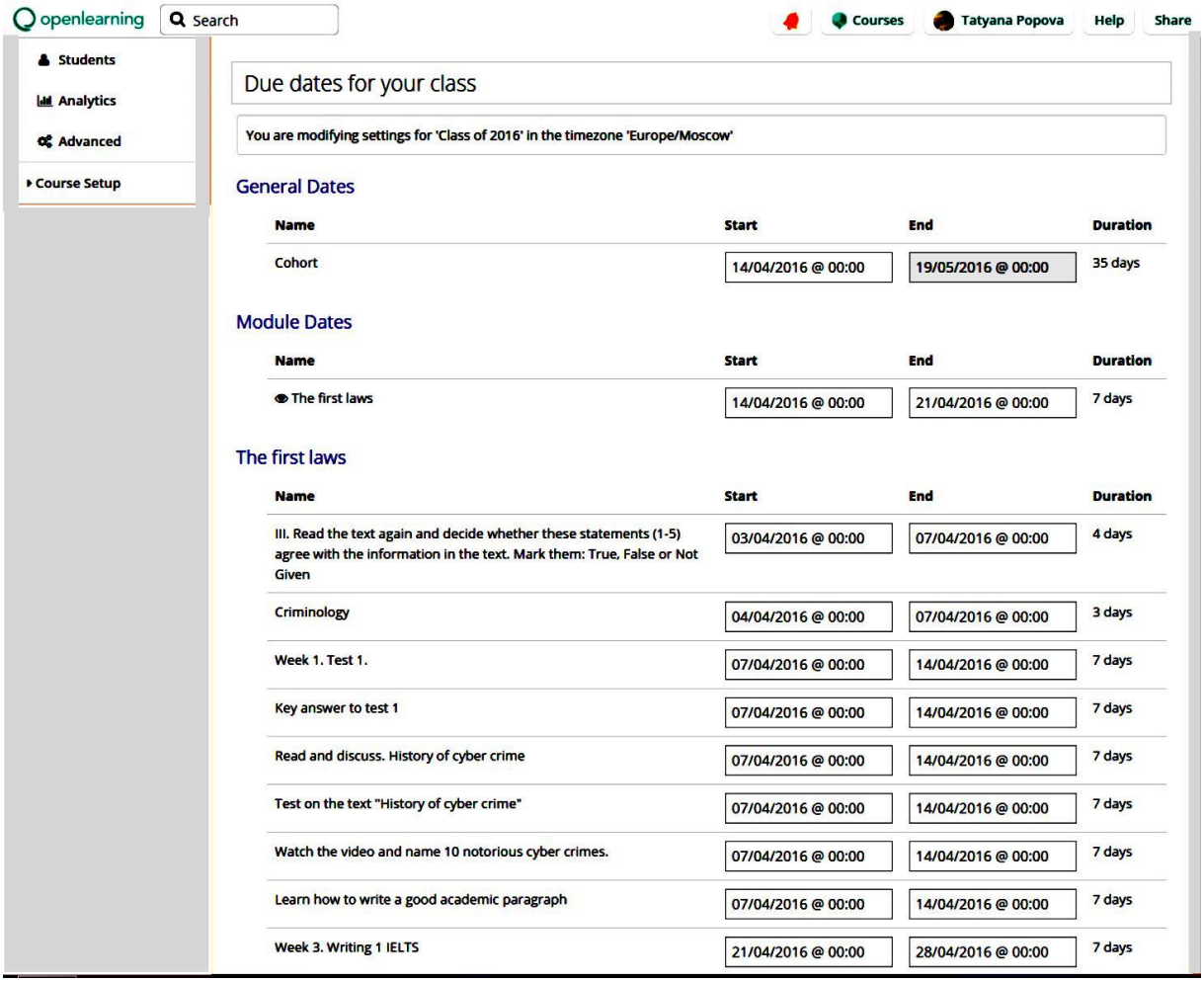
стику этого курса и результаты обратной связи, осуществленной студентами после его прохождения.

Курс называется «Вопросы права», он имеет статус «только для приглашенных», таким образом, работа проводилась с конкретными академическими группами (60 человек) в рамках программы дисциплины английский язык для направления «Юриспруденция», которые могли зарегистрироваться на этот курс. Продолжительность курса составляет 6 недель (24 часа). Каждый подраздел направлен на достижение определенных составляющих результатов обучения. В рамках каждой недели есть компонент, обеспечивающий контроль, самоконтроль и взаимоконтроль достигнутых результатов, а также компоненты, обеспечивающие постоянное взаимодействие между студентами.

Концепция курса ESP как развивающего когнитивные и исследовательские навыки студентов и, таким образом, выходящего из разряда языкового курса в профессиональный является залогом успешности студентов в освоении профессионального английского. Опыт выстраивания связки из курса профессионального цикла, активно использующего материалы на английском языке, помогает студентам лучше воспринимать лекции по специальности, читаемые на нем. Предлагаемый курс позволяет развивать юридическое мышление студентов уже с первого года обучения в вузе и находить убедительные способы изложения правовых аргументов, оформляя свою речь стилистически и риторически правильно.

Для наглядности представляем вид странички обучающей платформы онлайн курса (timeline), на которой представлена информация для преподавателя, содержащая тему, пункты с наименованием заданий для студентов, даты и сроки их выполнения.

Рисунок 1. Вид страницы *timeline* интерактивной обучающей платформы



По окончании курса было проведено анкетирование студентов, которое показало, что 100% студентов считают такой курс полезным, интересным, развивающим иноязычную комму-

никативную компетенцию. Опрос позволил сделать вывод о том, что в результате работы над онлайн курсом «Вопросы права» студенты:

- *получили новые знания по теме, связанной с их будущей профессиональной деятельностью;*
- *пополнили лексический запас по юридической тематике на английском языке;*
- *усвоили употребление профессиональной лексики в контексте;*
- *совершенствовали умения аудирования, слушая «живую» речь и выполняя тестовые задания на проверку понимания;*
- *усвоили некоторые интонационные модели иноязычной речи, имея возможность многократного их воспроизведения в индивидуальном темпе;*
- *получили практическое представление о вариантах языка в различных странах мира;*
- *приобрели и совершенствовали навыки письменного профессионального общения, принимая участие в дискуссиях на специализированном форуме;*
- *совершенствовали навыки написания письменных работ (эссе, письма, комментарии);*
- *учились анализировать и оценивать работу других;*
- *приобрели навыки самоконтроля и самооценки.*

В дополнительных комментариях студенты отмечали «неограниченные возможности» смешанного обучения. К самому большому преимуществу такого курса большинство студентов отнесли возможность записать видео-ответ к уроку (полилог, диалог, монолог), устное обращение преподавателя к студентам или студенту. Следует отметить, что иноязычное взаимодействие в таком курсе достигается различными способами. Результат отсроченного наблюдения показал, что оно выходит на иной, более осознанный, неформальный, личностный уровень.

Мы пришли к выводу, что разнообразие и доступность электронных ресурсов открывает новые возможности презентации учебного материала в доступной и интересной форме. Потенциал компьютерных средств для реализации качественного обучения языку, основанного на принципе гибкости и вариативности, позволяет студентам определять индивидуальную траекторию изучения предмета самостоятельно.

Итак, мы рассмотрели наиболее важные компоненты смешанного обучения, его преимущества и недостатки, предложили определение *принципа интерактивности в обучении.*

Подводя итог изложенному выше, можно с уверенностью сказать, что смешанное обучение является приоритетной формой обучения в современных образовательных условиях, предоставляющей неоспоримые преимущества как для преподавателей, так и для студентов. Способы подачи материла при смешанном обучении могут включать аудиторные занятия *(face-to-face)*, электронное обучение *(e-learning)* и самостоятельное обучение *(self-paced learning)*. В нем удачно решается задача силами ограниченного числа преподавателей помочь большому количеству обучаемых стать «эффективными пользователями» иностранного языка в максимально короткие сроки. Эта технология создает преимущества для эффективного преподавания иностранного языка с опорой на принцип интерактивности и использование компьютерного обучения. Все компоненты такой модели гармонично взаимодействуют лишь в том случае, если они методически верно организованы. Компоненты могут варьироваться по объему и продолжительности в зависимости от решаемых задач.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Безукладников К.Э. Лингводидактические компетенции: концепция формирования. - Пермь: ПГПУ, 2011. - 206 с.
2. Бондарев М.Г. Обучение иноязычному профессионально ориентированному чтению студентов технического вуза с использованием электронных образовательных ресурсов. - Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2012. - 189 с.
3. Евсеева А.М. Смешанное обучение как форма организации учебного процесса по иностранному языку в техническом вузе // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 6. [Электронный ресурс] - http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16980 (дата обращения: 14.10.2016).
4. Bonk C.J. & Graham C.R. Handbook of blended learning: Global Perspectives, local designs. - San Francisco, CA: Pfeiffer Publishing, 2005.
5. Stracke E. A road to understanding: A qualitative study into why learners drop out of a blended language learning (BLL) environment // ReCALL. - 2010. - № 19(1). - P. 57-78.
6. Джонсон Д., Джонсон Р., Джонсон-Холубек Э. Методы обучения. Обучение в сотрудничестве / пер. с англ. З.С. Замчук. - СПб., 2001.
7. Valiathan P. Blended Learning Models. [Электронный ресурс] - URL: http://www.learningcicuits.org/2002/valiathan (дата обращения: 12.10.2016).
8. Роззетт Э., Фрази Р.В. Возможности смешанного обучения // E-Learning World. - 2006. - № 1-2.
9. Кун К. E-Learning - электронное обучение // Информатика и образование. - 2007. - № 6. - С. 16-18.
10. Мохова М.Н. Активные методы в смешанном обучении в системе дополнительного педагогического образования: автореф. дис. … канд. пед. наук. - М., 2005
11. Капустин Ю.И. Педагогические и организационные условия эффективного сочетания очного обучения и применения технологий дистанционного обучения: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. - М., 2007. - 34 с.
12. Десятова Л.В. Дистанционное обучение // Тезисы доклада XI Международного интерактивного форума образовательных технологий «Раздвигая границы». - М., 2010.

13. Кравченко Г.В. Использование модели смешанного обучения в системе высшего образования // Известия АлтГУ. - 2014. - №2 (82). [Электронный ресурс] - http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-modeli-smeshannogo-obucheniya-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya (дата обращения: 12.10.2016).
14. Информационные и коммуникационные технологии в образовании: монография / Под.ред. Б. Дендева. - М.: ИИТО ЮНЕСКО, 2013. - 320 с.
15. Бондарев М.Г. Модель смешанного обучения иностранному языку для специальных целей в электронной образовательной среде технического вуза // Известия ЮФУ. Технические науки. - 2012. - № 10. [Электронный ресурс] - URL: http://cyberleninka.ru/article/n/model-smeshannogo-obucheniya-inostrannomu-yazyku-dlya-spetsialnyh-tseley-v-elektronnoy-obrazovatelnoy-srede-tehnicheskogo-vuza (дата обращения: 17.10.2016).
16. Краснова Т.И., Сидоренко Т.В. Смешанное обучение как новая форма организации языкового образования в неязыковом вузе // Образовательные технологии и общество. - 2014. - № 2. [Электронный ресурс] - URL: http://cyberleninka.ru/article/n/smeshannoe-obuchenie-kak-novaya-forma-organizatsii-yazykovogo-obrazovaniya-v-neyazykovom-vuze (дата обращения: 12.10.2016).
17. Баранова Е.Н., Панкратова Е.Н. Модификация целей и содержания иноязычного образования в магистратуре технического университета / Инновационные технологии в образовательной деятельности. - Н. Новгород: НГТУ им. Р.Е. Алексеева. - 2016. - С. 186-192.
18. Полат Е.С. Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В. Теория и практика дистанционного обучения: Учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / под ред. Е.С. Полат. - М.: Академия, 2004. - 416 с.
19. Фандей В.А. Теоретико-прагматические основы использования формы смешанного обучения иностранному (английскому) языку в языковом вузе: автореф. дис. … канд. пед. наук. - М., 2012. - 23 с.
20. Хайден Б. Первый кавалер Минервы. 2015-04-17 / Текст: The Harvard Crimson, courtesy of Harvard School of Engineering and Applied Sciences, Julie Schell, avantifellows.org |http://linkis.com/S1v7g
21. Евсеева А.М. Указ. соч.
22. Бондарев М.Г., Трач А.С. Принципы смешанного обучения английскому языку для специальных целей // Известия ЮФУ. Технические науки. - 2013. - № 10. [Электронный ресурс] - URL: http://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-smeshannogo-obucheniya-angliyskomu-yazyku-dlya-spetsialnyh-tseley (дата обращения: 17.10.2016).
23. Барышников Н.В. Векторы развития рациональной методики обучения иностранным языкам в неязыковых вузах // Сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции «Перспективы развития языкового образования в неязыковом вузе», г. Таганрог, 14-16 июня 2012. - Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2012. - С. 3-6.

REFERENCES

1. Bezukladnikov K.E. Lingvodidakticheskie kompetentsii: kontseptsiya formirovaniya. [Linguistic and didactic competence: formation concept]. Perm: PGPU, 2011. 206 p. (in Russ)
2. Bondarev M.G. Obuchenie inoyazyichnomu professionalno orientirovannomu chteniyu studentov tehnicheskogo vuza s ispolzovaniem elektronnyih obrazovatelnyih resursov. [Teaching foreign language professionally oriented reading to students of a technical university with the use of electronic educational resources]. Taganrog: Izd-vo YuFU, 2012. 189 p. (in Russ)
3. Evseeva A.M. Smeshannoe obuchenie kak forma organizatsii uchebnogo protsessa po inostrannomu yazyiku v tehnicheskom vuze. [Blended learning as a form of education process organization on the subject of English in a technical higher school]. Sovremennyie problemyi nauki i obrazovaniya. 2014. Available at: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16980 (accessed 10 October 2016) (in Russ)
4. Bonk C. J. & Graham C. R. Handbook of blended learning: Global Perspectives, local designs. San Francisco, CA: Pfeiffer Publishing, 2005 (in Eng)
5. Stracke E. A road to understanding: A qualitative study into why learners drop out of a blended language learning (BLL) environment. ReCALL. 2010. №19 (1). P. 57-78. (in Eng)
6. Dzhonson D., Dzhonson R., Dzhonson-Holubek E. Metodyi obucheniya. Obuchenie v sotrudnichestve. [Teaching methods. Education in cooperation].translated from Eng. by Z.S. Zamchuk. SPb, 2001 (in Russ)
7. Valiathan P. Blended Learning Models. Available at: http://www.learningcicuits.org/2002/valiathan (accessed 12 October 2016) (in Russ)
8. Rozzett E., Frazi R.V. Vozmozhnosti smeshannogo obucheniya. [Abilities of blended learning]. E-Learning World. 2006. № 1-2. (in Russ)
9. Kun K. E-Learning - elektronnoe obuchenie. [E-learning - electronic education]ю Informatika i obrazovanie. 2007. № 6. pp. 16-18. (in Russ)
10. Mohova M. N. Aktivnye metody v smeshannom obuchenii v sisteme dopolnitelnogo pedagogicheskogo obrazovaniya. [Active methods in blended learning in the additional pedagogical educational system]. Dis.… cand. of Pedagogy. M 2005 (in Russ)
11. Kapustin Y. I. Pedagogicheskie i organizacionnye usloviya effektivnogo sochetaniya ochnogo obucheniya i primeneniya tekhnologij distancionnogo obucheniya. [Pedagogic and organization conditions of effective combination of full time and distant education learning technologies]. Dis. Cand. of Pedagogy. M 2007. (in Russ)
12. Desyatova L. V. Distantsionnoe obuchenie. [Distant education]. 11 Mezhdunarodniy interactivniy forum obrazovatelnih tehnologyi. Razdvigaya gorizonty.11th Internaional interactive forum of educational technologies. Moving borders apart. Moscow 2010 (in Russ)
13. Kravchenko G. V. Ispolzovanie modeli smeshannogo obucheniya v sisteme vysshego obrazovaniya. [The use of blended learning models in the system of higher education]. Izvestiya AltGU 2014 № 2 (82) Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-modeli-smeshannogo-obucheniya-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya (accessed 12 October 2016) (in Russ)
14. Informacionnye i kommunikacionnye tekhnologii v obrazovani. [Information and communicative technologies in education]. monogr. Edited by Badarcha Dendeva M IITO YUNESKO 2013 320 p. (in Russ)
15. Bondarev M. G. Model smeshannogo obucheniya inostrannomu yazyku dlya specialnyh celej v elektronnoj obrazovatelnoj srede tekhnicheskogo vuza. [The model of teaching foreign lalanguages go specific purposes in electronic educational environment of a tehnical university]. Izvestiya YUFU. Tekhnicheskie nauki 2012 № 10. Available at: http cyberleninka ru article n model-smeshannogo-obucheniya-inostrannomu-yazyku-dlya-spetsialnyh-tseley-v-elektronnoy-obrazovatelnoy-srede-tehnicheskogo-vuza (accessed 10 October 2016) (in Russ)
16. Krasnova T. I. Sidorenko T. V. Smeshannoe obuchenie kak novaya forma organizacii yazykovogo obrazovaniya v neyazykovom vuze. [Blended learning as a new form of organizing educational process in a non-linguistics university.

Obrazovatelnye tekhnologii i obshchestvo. 2014 № 2. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/smeshannoe-obuchenie-kak-novaya-forma-organizatsii-yazykovogo-obrazovaniya-v-neyazykovom-vuze (accessed 12 October 2016) (in Russ)
17. Baranova E. N. Pankratova E. N. Modifikaciya celej i soderzhaniya inoyazychnogo obrazovaniya v magistrature tekhnicheskogo universiteta. [Modification of aims and content of foreign language education in a master's program of a technical university]. Innovacionnye tekhnologii v obrazovatelnoj deyatelnosti. Nizhnij Novgorod NSTU after R. E. Alekseev. 2016, pp. 186-192 (in Russ)
18. Polat E. S. Buharkina M. Y. Moiseeva M. V. Teoriya i praktika distancionnogo obucheniya. [Theory and practice of distant learning]. ucheb. posobie dlya studentov vysshih pedagogicheskih uchebnyh zavedenij by E S Polat. M.: Izdatelskij centr Akademiy .2004. 416 p. (in Russ)
19. 19 Fandej V. A. Teoretiko-pragmaticheskie osnovy ispolzovaniya formy smeshannogo obucheniya inostrannomu anglijskomu yazyku v yazykovom vuze. [Theoretical and pragmatic framework of blended learning use in teaching English as a foreign language at a linguistic university]. dis.… kand ped nauk. M., 2012. (in Russ)
20. Hajden B. Pervyj kavaler Minervy. [The first Minerva cavalier]. 2015-04-17 Tekst The Harvard Crimson courtesy of Harvard School of Engineering and Applied Sciences Julie Schell avantifellows org http linkis com S1v7g (in Russ)
21. Evseeva A. M. (Ukaz. soch.) (in Russ)
22. Bondarev M. G. Trach A. S. Principy smeshannogo obucheniya anglijskomu yazyku dlya specialnyh celej. [Blended learning principles in teaching English for specific purposes]. Izvestiya YUFU. Tekhnicheskie nauki. 2013 № 10. Available at: http cyberleninka ru article n printsipy-smeshannogo-obucheniya-angliyskomu-yazyku-dlya-spetsialnyh-tseley (in Russ)
23. Baryshnikov N. V. Vektory razvitiya racionalnoj metodiki obucheniya inostrannym yazykam v neyazykovyh vuzah. [Vectors of development of rational method in teaching foreign languages in a nonlinguistic university]. II Mezhdunarodnoj nauchno- prakticheskoj konferencii: Perspektivy razvitiya yazykovogo obrazovaniya v neyazykovom vuze. 2nd international scientific conference: Perspectives of linguistic education development in nonlinguistic university. Taganrog 14-16 June 2012. pp 3-6 (in Russ)

Информация об авторе

Попова Татьяна Петровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет Высшая Школа Экономики (НИУ ВШЭ),
г. Нижний Новгород, Россия
tatpop@list.ru

Ненашева Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет Высшая Школа Экономики (НИУ ВШЭ)
г. Нижний Новгород, Россия
tnenasheva@hse.ru

Получена:26.10.2016

Для цитирования статьи: Информационные технологии в обучении иностранным языкам в вузе (модель смешанного обучения) Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-218-226.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-218-226.

Information about the author

Tatiana P. Popova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Applied Linguistics and Foreign Languages Department, National Research University "Higher School of Economics",
Nizhny Novgorod, Russia
tatpop@list.ru

Tatiana A. Nenasheva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Applied Linguistics and Foreign Languages Department, National Research University "Higher School of Economics",
Nizhny Novgorod, Russia
tnenasheva@hse.ru

Received: 26.10.2016

For article citation: Popova T. P., Nenasheva T.A.,[Information technologies in teaching foreign languages in a higher school (blended learning model)]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-218-226.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-218-226. (in Russian)

УДК 37.022 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-227-230

САДОВНИКОВА Вера Николаевна
Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого
г. Тула, Россия
silentium6655@yandex.ru

Vera N. SADOVNIKOVA
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia
silentium6655@yandex.ru

ПОДГОТОВКА АКТЕРА: МЕТОД М.А. ЧЕХОВА

ACTOR'S TRAINING: M.A. CHEKHOV'S METHOD

В статье описывается подготовка актера по системе Чехова с педагогической точки зрения. Определены причины, побудившие Чехова создать собственную систему подготовки актера, описана роль антропософии в его педагогических воззрениях. На основе изучения трудов М.А. Чехова были описаны принципы организации репетиционного процесса, которые помогли определить цель и условия для организации подготовки актера; а также разработку особого комплекса упражнений и методов обучения, выделены отличительные особенности системы Чехова по сравнению с системой Станиславского. Главным отличием в их системах стала работа с образами: у Станиславского образ являлся итогом работы, а у Чехова - ежедневным материалом работы. В системе упражнений, предложенных Чеховым, прослеживается динамика овладения приемами игры от простых до самых сложных. Его система помогала избежать «натурализма», к которому вел психологический театр, была проще и удобнее в применении. Также важную роль в процессе обучения актера Чехов отводил театральному коллективу, поскольку развитие психотехники актера невозможно без его восприимчивости и взаимодействия с другими актерами. Предложенный автором анализ подготовки актера по системе М.А. Чехова может быть использован в практике преподавания историко-педагогических и культурологических дисциплин в вузе.

Ключевые слова: режиссер, театральная педагогика, система Чехова, система Станиславского, антропософия, принципы, этюдный метод, концепция имитации, театральный коллектив, психотехника актера.

It is described in the article how to train an actor using the Chekhov's system from a pedagogical point of view. The reasons which forced Chekhov to create his own training system are defined and the role of anthroposophy in his pedagogical views is described. The principles of rehearsal process which help to define the purpose and the conditions of the actor's training are described on the basis of the M.A. Chekhov's works. Chekhov developed a special set of exercises and training methods that help to identify the distinctive features of the Chekhov's system in comparison with the Stanislavsky's system. The main difference of their systems is the work with images. Stanislavsky's image is the result of the whole work, and Chekhov's one is reached with the daily work material. The dynamics of mastering the acting techniques (from simple to the most complicated) is traced in the exercise system proposed by Chekhov. His system helped to avoid 'naturalism' leading to psychological theatre, it was also easier and more convenient to use. Theatre groups get an important role in training process of acting in the Chekhov's system because it is impossible to develop actor's psychotechnics without any receptivity and interaction among the actor and the other actors. The analysis of the M.Chekhov's system (touching upon actors' training) proposed by the author of the article can be used in teaching practice of historical, pedagogical and cultural university disciplines.

Keywords: director, theatre pedagogy, Chekhov's system, Stanislavsky's system, anthroposophy, principles, etude method, imitation concept, theatrical group, actor's psychotechnics

В 20-х годах XX в. в России остро встал вопрос по поводу смены театральных поколений. В Московском художественном театре происходили существенные перемены: 1-я и 3-я студии стали самостоятельными театрами. Плеяда талантливых учеников К.С. Станиславского переросла свой ученический статус и оказалась готова к собственной педагогической и творческой деятельности. Одним из ярких учеников Станиславского, приобретшим впоследствии мировую известность, оказался М.А. Чехов.

Он попал в МХТ в 1912 г. по приглашению Станиславского, через год уже работал под началом Е.Б. Вахтангова и Л.А. Сулержицкого. Чехов многому научился у маститых режиссеров, что в дальнейшем помогло ему в собственном творчестве, написании театральных трудов, формировании авторской системы подготовки актера. Находясь в поиске своего пути, Михаил Александрович опубликовал в 1919 г. две статьи: «О системе Станиславского» и «О работе актера над собой» [1, с. 31] - в них он предпринял попытку объяснить, что такое «система» и почему она так необходима в подготовке актера. Данные статьи были встречены со скепсисом театральными режиссерами и педагогами: Е.Б. Вахтангов выступил с жесткой критикой, написав статью «Пишущим о системе Станиславского» [2, с. 300]. Он указывал на серьезные недочеты в публикации Чехова, одним из которых явилась спешка, поскольку не стоило, по мнению Евгения Багратионовича, писать о методической системе, пока этого не сделал сам Станиславский. Вахтангов отмечал, что изложение сложной методической системы не может быть коротким, на три-четыре страницы, а также выказывал сомнения в направленности статьи - теоретическая и практическая. Не менее серьезной критике подверглась логика изложения, особо подчеркнута ее бессистемность и непоследовательность [2, с. 302-303].

Публикация статей и последовавшая за ней полемика подтолкнула Чехова к осмыслению и обоснованию собственной системы подготовки актера. Отправной точкой создания этой си-

стемы стало его несогласие с принципами Станиславского, регулирующими учебно-воспитательный процесс работы режиссера с актером.

Станиславский считал, что актер должен идти к роли «от себя», то есть учитывал «правду переживаний»; а Чехов полагал, что «я» актера не может служить в качестве материала роли, поскольку это приведет к «скуке» на сцене. Это «я» является носителем эгоистического актерского сознания. Художественный образ представляет собой нечто очищенное от обыденных чувств актера - логическое развитие этих взглядов привело Чехова к мысли о том, что мир художественных образов существует вне нас. Это вылилось в его увлечение антропософией.

Антропософия есть «путь познания, стремящийся привести духовное в человеке к духовному во Вселенной» [3, с. 9].

По воззрениям Штайнера, антропософия представляла собой союз религии и науки, «внесение Бога в науку и природы в Религию, и таким образом духовное оплодотворение искусства и жизни». При помощи антропософии оказалось возможным внести научную методологию в изучение явлений сверхчувственного порядка, выстроить четкую связь между религией и наукой. Обычный человек, изучая данное философское направление, мог развивать способности к познанию «высшей материи».

Доподлинно неизвестно, какие причины заставили Чехова обратиться к антропософии, но произошло это в 1921 г., когда он с режиссером МХАТа В.Н. Татариновым изучал теософскую и индийскую литературу. В 1923 г. Чехов познакомился с Р. Штайнером в Дорнах, слушал его лекции, во 2-й студии МХАТа организовал антропософскую группу и, по воспоминаниям современников, увлек почти всех студийцев. Неоднозначной оценке современниками - актерами и режиссерами - подвергается влияние на Чехова антропософии: «Одной из ключевых и в то же время самых непроясненных тем остается влияние антропософии и самой личности Рудольфа Штайнера на мировоззрение, искусство и судьбу Михаила Чехова… Одни считают антропософию спасительницей Михаила Чехова, выведшей его из духовного кризиса и, быть может, спасшей от безумия, открывшей новые пути в искусстве. Другие столь же заведомо уверены в том, что Рудольф Штейнер своим изощренным рационализмом погубил стихийный гений Михаила Чехова» [4, с. 85].

В мемуарах Чехова сохранились лишь упоминания о том, что антропософия имела серьезное значение для театрального творчества. Но можно предположить, что данное философское направление отразилось на его идеях следующим образом: была соединена «рутинная деятельность» актера с поиском «тонких материй». В этом и заключалось главное отличие создаваемой системы - работа с образами: у Станиславского образ был результатом работы, если она проделывалась успешно; а у Чехова образы стали ежедневным материалом работы.

М.А. Чехов выдвинул концепцию создания сценического образа актера, не входящую в систему Станиславского, - концепцию имитации. В ее рамках актеру надлежало создать образ в воображении, а потом имитировать внутренние и внешние качества.

В своем труде «О технике актера» Чехов выделил и описал принципы, регулирующие организацию репетиционного процесса: 1) *Воображение и внимание.* Данный принцип требовал при организации репетиционного процесса уделять особое внимание образам персонажей, учил актера «активно ждать». Для его реализации был подготовлен целый комплекс упражнений, главной целью которого оказалось развитие воображения и в конечном счете достижение особого творческого состояния. 2) *Атмосфера*. Особое внимание уделялось созданию атмосферы как средства особой связи между актером и зрителем во время театрального представления, рассматривались ее виды. 3) *Индивидуальное чувство действия с определенной окраской*. Этот принцип состоял в том, что давалась «определенная эмоциональная окраска» сценам или целым постановкам, что давало актеру информацию, как следовало двигаться на сцене, «не искать эмоции». 4) *Психологический жест*. Режиссер должен учитывать, что первичным будет жест, а лишь потом эмоции, которые он может вызвать. Специально для отработки этого был создан комплекс упражнений, который помогал убрать лишний «натурализм», добавить красок и размаха технике актера. 5) *Воплощение образа и характерность*. Данный принцип предлагал воплощение образа актером не сразу, а постепенно, по частям, что помогало избежать перегрузки актера, его органов восприятия. Особое внимание уделялось характерности, описывались элементы характера и то, как актеру следовало анализировать и имитировать «характер» на сцене. 6) *Импровизация*. Особую важность и сложность в воспитании актера представляет формирование в нем творческого начала, то есть «актера-творца». Существует актер, способный лишь на дословное воспроизведение текста и удачных приемов игры, выработанных на репетициях, но большей вариативностью и уверенностью, лучшей техникой игры будет обладать актер, способный на импровизацию. Все данные принципы находились в непосредственной взаимосвязи друг с другом.

Эти положения стали основой педагогической системы Чехова, помогли определить цель и условия для организации подготовки актера, а также определили разработку Чеховым особого комплекса упражнений и методов обучения.

Главной целью учебного (и репетиционного) процесса было формирование не только психотехники актера, но и достижение им особого состояния - «возбуждения творческого порыва». По словам Михаила Александровича, если актер начинал ощущать такое состояние, то ему следовало немедленно прекратить учебный процесс и заняться «творчеством», ведь это означало, что выполнение упражнений достигло успеха.

В системе упражнений, предложенных Чеховым, прослеживается динамика овладения приемами игры от простых до самых сложных: репетиционный процесс разбивался на компоненты, переходить от одного к другому следовало шаг за шагом. Предлагалось начинать работу с простых упражнения на внимание, что должно было привести к улучшению игры актера: «бесформенность и расплывчатость исчезнут, и игра получит большую убедительность» [1, с. 174].

Большую роль в своей деятельности Чехов отводил этюдному методу, при помощи которого возможно добиться импровизационного состояния, свободного самочувствия, на языке искусства это значит борьбу в выстроенном конфликте по законам драматургии. Данный метод включал в себя отработку трех компонентов актерской психотехники: 1) воспитание творческой личности; 2) формирование внутренней психотехники; 3) развитие внешней техники. Чехов отмечал важность предварительной работы с актером - определение трех важных вопросов: кто мы (характеристика действующих лиц), кем приходимся друг другу (расстановка действующих лиц в конфликте), каковы обстоятельства (событийный ряд), в которых мы будем действовать, и, главное, что послужило отправной точкой конфликта, каково исходное авторское предлагаемое обстоятельство.

Важное значение при подготовке и воспитании актера Чехов отводил театральному коллективу. Михаил Александрович писал, что «как бы ни был талантлив актер, он не может в полной мере развернуть свое дарование, если внутренне изолирует себя от коллектива. Он должен развить в себе способность коллективной импровизации, восприимчивость к творческим импульсам других, повышенную степень активности и чувство стиля» [1, с. 239]. Это помогло бы развитию театрального коллектива: формированию здорового климата, доброжелательности и атмосферы соревнования, что оказало бы влияние как на индивидуальное развитие психотехники актера, на его совершенствование, так и формирование сплоченного коллектива.

Критикуя и отрицая «систему Станиславского», Чехов тем не менее во многом опирался на воззрения и разработки своего учителя, можно утверждать, что созданное практическое руководство Михаилом Александровичем являлось улучшенной версией системы подготовки актера психологического театра. Если сравнивать системы Станиславского и Чехова, то можно прийти к общему основополагающему положению: главное качество актера, выделяемое обоими режиссерами, - воображение, ведь других качеств, как голос, внешние данные, гибкость тела, недостаточно. Основная разница заключалась в работе с образами. У Станиславского образ был конечным результатом работы, если она проведена правильно и успешно, а у Чехова - ежедневным материалом для работы. Чехов, исследуя вопросы актерской психотехники, обнаружил противоречие взглядам Станиславского с его «я в предполагаемых обстоятельствах». Возникшее противоречие особо интересно тем, что оба театральных педагога имели аналогичные взгляды на «конечный результат» деятельности актера. Но у Станиславского актер искал сходство между «я» и персонажем; а у Чехова подчеркивалось различие между «я» и персонажем, актер не искал внутри себя сходство с ним, а воплощал образ на сцене. Актер не играл персонажа, а искал образ, действуя по законам органики.

По мнению Чехова, его система была проще и удобнее, не вела к «натурализму», помогала обеспечить объективное отношение к образу, не нужно было выдавливать или искать эмоции, не соответствующие образу. Это помогало избежать проблем, которые порождал психологический театр Станиславского: Чехов полагал, что «натурализм» разрушает сущность театрального искусства, поскольку актер никогда не сможет до конца перевоплотиться на театральной сцене и стать персонажем. Михаил Александрович писал: натурализм ведет сначала к животности, потом к грамофонности, то есть обилию речевых штампов. Необходимо осознать законы, лежащие в основе речи, и, отдавшись им, воскресить через них художество <(Geistigk[eit])>. В искусстве нужна правда, а не копия случайностей [4, с. 94].

Чехов считал свой метод эффективным при наличии достаточного времени на организацию репетиционного процесса, ведь при помощи него режиссер мог осуществлять непосредственное воспитание актера. Данный метод позволял добиться импровизационного состояния, не потеряв сосредоточенности на партнере и не утратив активного взаимодействия.

Таким образом, М.А. Чехов разработал основные принципы репетиционного процесса, его структуру и развернутый комплекс особых упражнений, - все это составило оригинальную, авторскую систему подготовки актера, имеющую в истоках систему Станиславского, но существенно отличающуюся от нее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Чехов М.А. Литературное наследие: В 2 т./ Ред. кол. Н.Б. Волкова, М.О. Кнебель, Н.А. Крымова, Т.И. Ойзерман, Г.А. Товстоногов, М.А. Ульянов. Общ. науч. редакция М.О. Кнебель. Ред. Н.А. Крымова. Сост. И.И. Аброскина, М.С. Иванова, Н.А. Крымова. Комм. И.И. Аброскиной и М.С. Ивановой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. Об искусстве актера. - М.: Искусство, 1995. - 588 с.
2. Евгений Вахтангов: Сборник / Сост., комм. Л.Д. Вендровская, Г.П. Каптерева. - М.: ВТО, 1984. - 583 с.
3. Ср. «Anthroposophische Leitsätze» («Тезисы антропософии») Библ. № 26 в Полн. собр. трудов. В русск. пер.: Р. Штейнер. Антропософские руководящие положения. - М., 1996. - С. 9.
4. Лекции Рудольфа Штайнера о драматическом искусстве в изложении Михаила Чехова. Письма к В.А. Громову / Публ. С.В. Казачкова и Т.Л. Стрижак. Вст. текст В.В. Иванова. Коммент. С.В. Казачкова, Т.Л. Стрижак и В.Г. Астаховой // Мнемозина: Документы и факты из истории отечественного театра XX века. Вып. 2 / Ред.-сост. В.В. Иванов. - М.: УРСС, 2000. - С. 85-92.

REFERENCES

1. Chekhov M.A. Literaturnoe nasledie: V 2 t. Redakts. Kollegiya N.B. Volkova, M.O. Knebel', N.A. Krymova, T.I. Oyzerman, G.A. Tovstonogov, M.A. Ul'yanov, Obshch. nauch. Redaktsiya M.O. Knebel', Red. N.A. Krymova, Sost. I.I. Abroskina, M.S. Ivanova, N.A. Krymova, Komm. I.I. Abroskinoy i M.S. Ivanovoy. 2-e izd. ispr. i dop. [M.A. Chekhov's literary heritage: in 2 t./editorial. college N.B. Volkova, M.O. Knebel, N.A. Krymova, T.I. Oizerman, G.A. Tovstonogov, M.A. Ulyanov, common. scientific. revision M.O. Knebel, rev. N.A. Krymova, comp. I.I. Abroskina, M.S. Ivanova, N.A. Krymova, comm. I.I. Abroskina and M.S. Ivanova. 2-nd ed. corr. and ext]. M .: Art, 1995. T. 2. On the art of the actor. 588 p. (in Russ.)
2. 2. . Evgeniy Vakhtangov: sbornik. sost., komm. L.D. Vendrovskaya, G.P. Kaptereva. [Evgeny Vakhtangov: collection. comp, comm. L.D. Vendrovskaya, G.P. Kaptereva]. M .: WTO, 1984. 583 p (in Russ.)
3. Sr. «Anthroposophische Leitsätze» («Tezisy antroposofii»), Bibl. № 26 v Polnom sobr. trudov. V russkom perevode: R. Shteyner. Antroposofskie rukovodyashchie polozheniya. [Avg. «Anthroposophische Leitsätze» («Abstracts anthroposophy" Byblos № 26 in the complete collected works in Russian translation: R. Steiner. Anthroposophic guidelines.] M., 1996, p. 9. (in Russ.)
4. Lektsii Rudol'fa Shtaynera o dramaticheskom iskusstve v izlozhenii Mikhaila Chekhova. Pis'ma k V.A. Gromovu. Publ. S.V. Kazachkova i T.L. Strizhak. Vst. tekst V.V. Ivanova. Komment S.V. Kazachkova, T.L. Strizhak i V.G. Astakhovoy . [Lectures by Rudolf Steiner about the dramatic art in the presentation of Michael Chekhov. Letters to the V.A. Gromov. Publ. S.V. Kazachkova and T.L. Strizhak. Insert. text V.V. Ivanova. com. S.V. Kazachkova, T.L. Stryzhak and V.G. Astakhova]. Mnemosyne: documents and facts from the history of the national theater of the XXth century. Vol. 2. Ed-status. V.V. Ivanov. M.: "URSS", 2000, pp. 85-92.. (in Russ.)

Информация об авторе

Садовникова Вера Николаевна, аспирант кафедры педагогики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учереждение высшего образования «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого»,
г. Тула, Россия
silentium6655@yandex.ru

Получена: 27.10.2016

Для цитирования статьи: Садовникова В.Н., Подготовка актера: метод М. А. Чехова.Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-227-230.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-227-230.

Information about the author

Vera N. Sadovnikova, Postgraduate Student, Pedagogical Department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,

Tula, Russia
silentium6655@yandex.ru

Received: 27.10.2016

For article citation: Sadovnikova Vera N., [Actor's training: M.A. Chekhov's method]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-227-230.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-227-230. (in Russian)

УДК 821:111(091) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-231-238

СОСНИН Алексей Владимирович
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Нижний Новгород, Россия

Alexey V. SOSNIN
National Research University Higher School of Economics
Nizhny Novgorod, Russia

К ВОПРОСУ О СТОХАСТИЧНОМ ХАРАКТЕРЕ КОНЦЕПТА И ЕГО ВХОЖДЕНИИ В КОГНИТИВНЫЕ ПАРАДИГМЫ

TOWARD THE STOCHASTIC NATURE OF THE CONCEPT AND ITS EMBEDDEDNESS IN COGNITIVE PARADIGMS

Настоящая статья является логическим продолжением статьи «Концепт как ментальный репрезентант сверхтекста». В ней обосновывается стохастическая или вероятностная структура концепта, его многомерность и включенность в когнитивные парадигмы; указывается на важность текстовых и дискурсивных данных для исследователя-когнитивиста. В качестве всеобъемлющей макровербализации концепта, являющегося культурной константой или категорией культуры, в статье рассматривается сверхтекст, получающийся в результате сближения текстов исследуемой смысловой сферы, то есть текстов, в которых наличествуют вербализации данного концепта. У концепта постулируется отсутствие четкой организации: в конкретной коммуникативной ситуации любой признак может актуализироваться или нейтрализоваться. Полагается, что концепт не структурируется в терминах ядра-периферии, имеет диффузные границы и характеризуется способностью отсылать к бесконечному числу других концептов. Концепт также рассматривается как ментальное образование, строящееся на основе интерсемиотичности, то есть динамического взаимодействия разнородных знаковых систем. Особо подчеркивается важность когнитивного контекста для реализации концепта: вне фреймовых структур его вербализация невозможна. Любой концепт, соответственно, представляет собой энциклопедию своей эпохи, поскольку, входя в ту или иную когнитивную парадигму, он приобретает сопутствующие ассоциативные значения, которые определяются социокультурной реальностью, актуализируя, таким образом, смежные парадигмы. Текст же, в котором вербализуется концепт, не является результатом деятельности одного языка и подлежит изучению с позиции множества формирующих его кодов. Для выявления концептуальных признаков в статье предлагается использовать строгие процедуры семантического анализа, что позволит нивелировать расхождения между семантико-когнитивным и лингвокультурологическим направлениями в когнитивной лингвистике, поскольку такой анализ будет обращаться не только к внутритекстовым, но и к широким общекультурным затекстовым знаниям, а также строить интерпретацию не только на основе языкового кода.

Ключевые слова: концепт, когнитивная парадигма, контекст, вербализация, многомерность, стохастичность, интерсемиотичность.

The present article is a build-up on “The Concept as the Mental Representation of a Text” published earlier. It establishes the stochastic or probabilistic nature of the concept, its multi-dimensionality and embeddedness in cognitive paradigms. The article also emphasizes the validity of text and discourse data for a cognitive linguist. The universal or macro-verbalization of a concept / cultural category will be, according to the logic of the article, the supertext resulting from the convergence of all the texts on the given topic, i.e. texts containing the verbalizations of the concept. The article assumes that the concept lacks a precise structure – any of its features can either be actualized or neutralized in a particular communicative situation. It is also suggested that the concept cannot be structured in terms of nucleus-periphery, has diffused boundaries and can link to an indefinite number of other concepts. The concept is viewed as a mental construction built on intersemioticity principles. Particularly stressed is the importance of the cognitive context for the realization of a concept – it cannot be verbalized out of frame structures. Consequently, any concept is essentially an encyclopedia of its epoch, as entering a particular cognitive paradigm, it acquires additional meanings depending on the social and cultural reality. Contiguous paradigms are thus actualized. The text where the concept is verbalized is not the result of linguistic activity only and is subject to analysis from the perspective of diverse codes forming it. The article suggests using rigorous semantic procedures for singling out conceptual features, which will permit reconciling the difference between the semantic-cognitive and linguistic-cultural approaches in cognitive linguistics, as such analysis will take into account both intra-textual and broad encyclopedic knowledge, and will not construct interpretation upon the linguistic code exclusively.

Keywords: concept, cognitive paradigm, context, verbalization, multi-dimensionality, stochasticity, intersemioticity

Результатом наличия в структуре концепта культурно-ценностного компонента и следствием того, что концепт может манифестировать себя в единицах, отличных от лексемы-имени концепта или находящихся на более высоких уровнях (словосочетание, фраза, предложение, текст), будет вербализация концептов большим числом синонимов, перифраз и единиц, относящихся к паремиологическому фонду. Концепт находит свое вербальное выражение в пословицах, поговорках, песнях, названиях художественных произведений; это структура, которая в силу своей глубочайшей укорененности в сознании, языке и культуре народности представляет собой диахроническую константу этой культуры. Тем не менее для наблюдения, лингвистического описания и моделирования эта структура, как правило, доступна только в срезе синхронном.

Вербализации концепта в разнообразных синонимах, дефинициях и текстовых описаниях косвенно свидетельствуют о том, что своими значениями языковые средства описывают лишь часть концептуальных компонентов. Значение слова - это, по замечанию Н.Н. Болдырева, толь-

ко попытка составить наиболее общее представление о содержании конкретного концепта, реализовать отдельные его составляющие в данном слове, поскольку, будучи единицами ментальности, концепты вполне независимы от языка; человеческое мышление же в значительной мере невербально [1, с. 26-27]. Исследователь также говорит о том, что, владея словами на уровне стоящих за ними концептуальных признаков, люди могут использовать их как готовые клише (аналогично грамматическим формам) в, казалось бы, не подходящих им контекстах с точки зрения их референтного значения, что чаще всего наблюдается на примере фразеологии [Там же].

Концепт, таким образом, формируется по принципу интерсемиотичности, или, по А.Е. Бочкарёву, «динамическому взаимодействию разнотипных знаковых систем» [4, с. 62]. Текст же, в котором манифестируется концепт, не будет являться, по замечанию исследователя, результатом деятельности одного языка и будет подлежать изучению с позиции множества формирующих его кодов, причем прерогатива не будет обязательно принадлежать языку [Там же; ср.: 5, с. 35-37]. Более очевидным случаем здесь будут текстовые отсылки к зрительным или звуковым объектам или, например, участие графического представления шрифта в формировании смысла текстовой последовательности. Менее же очевидный случай - это участие в конструировании смысла и выявлении концептуальных признаков не только собственно лингвистических, но и социальных (и, далее, идиолектных) норм.

Зрительный образ, к которому ведется отсылка, может рассматриваться как текст на особом языке, в основе которого, в отличие от условных знаков языка словесного искусства, лежат знаки иконические, изобразительные. Как отмечает К. Леви-Стросс, один из ведущих исследователей проблем семиотики искусства, тенденция к преодолению противоречия между чувственным и понятийным способствует тому, что условные иконические знаки в литературе обеспечивают передачу - вплоть до тончайших нюансов - всего разнообразия чувственного опыта [6, с. 426]. Выдающийся же представитель философской герменевтики П. Рикер указывает на то, что в иконичности будет всегда содержаться вербальный аспект [7, с. 444]. Заметим, однако, что в работе «Основы общей лингвистики» структуралист А. Мартине разводит системы языковую и зрительную, уточняя то, что отмечалось еще Ф. де Соссюром. Мартине утверждает, что, в отличие от линейной природы словесных сообщений, система визуальной коммуникации не линейна, а двумерна, поскольку человек, который смотрит на образ, воспринимает содержащееся в нем сообщение как целое [8, с. 380].

Итак, поскольку концепт является семиотически разнородным, концептуальный анализ не должен полагать, что лингвистическая структура является единственной формой репрезентации концепта. Тем не менее, поскольку все важнейшие концепты (хотя бы частично) кодируются в языке, когнитивисты считают, что концептуальное содержание удобнее всего моделировать посредством языковых средств, так как они являют собой те результаты когнитивной деятельности человека, которые непосредственно доступны для наблюдения и структурирования. Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин полагают, что достаточно полную информацию о концепте можно почерпнуть из семантики слов, свободных и фразеологических словосочетаний, позиционных и структурных схем предложений, а также из семантики текстов [9, с. 10]. При этом обширные контексты: литературные, энциклопедические, научные - обязательно необходимы для раскрытия содержания сложных концептов. Представляется, что применение процедур семного анализа для выявления концептуальных признаков нивелирует расхождения между семантико-когнитивным и лингвокультурологическим направлениями в когнитивной лингвистике, поскольку такой анализ будет обращаться не только к внутритекстовым, но и к широким общекультурным затекстовым знаниям (но, безусловно, до определенного предела), а также строить интерпретацию не только на основе языкового кода. По Г. Вайнриху, семантика слов, находящихся в тексте, будет существенно расходиться с семантикой изолированных слов; соответственно, семантика слов должна быть дополнена семантикой текста [10, с. 19 и далее]. Это утверждение восходит к Л. Ельмслеву, который призывает начинать лингвистический анализ не с дискретных элементов языка, а с текста в его абсолютной, нерасчлененной целостности. Ельмслев полагает, что такой текст - это единственное, что исследователь языка может иметь в качестве исходного пункта, а единственно возможной процедурой считает анализ, в рамках которого текст будет рассматриваться в качестве класса, разделенного на сегменты. Затем эти же сегменты как самостоятельные классы будут подразделяться на другие сегменты и так далее до окончания анализа [11, с. 71].

Согласно Е.С. Кубряковой, текстовые и, шире, дискурсивные данные выступают для исследователя-когнитивиста в тройственной роли: во-первых, они позволяют заключать о языке и его ситуационных, специфических употреблениях; во-вторых, они дают возможность судить о получении и передаче информации, ее осмыслении в коммуникативных актах; в-третьих, они

будут косвенными данными о сознании, ментальности и мыслительной деятельности человека [12, с. 37].

Говоря о важности широкого контекста для выделения максимального числа концептуальных признаков, И.А. Стернин отмечает, что из набора афоризмов, паремий, притч и крылатых выражений, а также существенных по объему художественных, публицистических и научных текстов можно выявить «интерпретационное поле концепта», где обнаруживаются самые разнообразные смысловые признаки, недоступные для непосредственного наблюдения [13, с. 63].

Под контекстом традиционно понимают лингвистическое и/или прагматическое окружение единицы, избранной для анализа (конкретной вербализации концепта); другими словами, это фрагмент некоторого текста, в который она входит. Этот фрагмент будет необходимым и достаточным для того, чтобы установить значение этой единицы, которое не вступало бы в противоречие с общим смыслом текста [Ср.: 14, с. 2160]. Г.В. Колшанский определяет контекст как формально-фиксированные условия, взятые в своей совокупности, которыми однозначно определяется содержание конкретной языковой единицы [15, с. 48], а Н.Н. Амосова - как сочетание слова, которое реализуется семантически, с некоторым указательным минимумом [16, с. 34]. Таким образом, отметим вслед за А.Е. Бочкаревым, что обращение к контексту объясняется его интерпретирующими свойствами [4, с. 80].

Э.М. Медникова указывает на то, что наиболее узким, ограниченным, ближайшим контекстом данного слова является словосочетание. Исследовательница говорит и о контексте в широком понимании: в дополнении к непосредственному вербальному окружению исследуемой единицы, он также учитывает условия и особенности ее речевого употребления, которые связанны с разнообразными социальными, культурными, историческими, ситуационными и прочими факторами [17, с. 96]. Соответственно, в функции контекста выступает в пределе вся культурно-историческая ситуация, в которой осуществляется интерпретация. Такое расширенное толкование понятия «контекст» необходимо для раскрытия большего числа концептуальных признаков. Учитываться будут аксиологические системы как автора текста, так и его читателя, их концептосфера и субъективно-личностные смыслы в предельно индивидуализированной форме [18, с. 377]. По замечанию Г.В. Якушевой, всякий концепт можно расшифровать поразному в зависимости от конкретного контекста его вербализации и индивидуальности концептоносителя [19, с. 394].

Тем не менее, нельзя подменять смысл текста «фоновыми» знаниями, уводящими от него в сторону: биографическими сведениями о жизни автора, энциклопедической информацией о культурно-исторической ситуации, условиях создания произведения и его последующего восприятия. Обращение к внешним факторам, согласимся с А.Е. Бочкаревым, оправдано лишь в той мере, в какой эти факторы выступают в качестве интерпретантов [4, с. 7].

Поскольку концепт - это нематериальное образование, то четкой и однозначной структуры он не имеет. Однако представляется возможным выделить условные составляющие внутренней структуры концепта. Концепт составлен из компонентов или концептуальных признаков. Согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, это дискретные признаки, характеризующие объективную или субъективную действительность, которые дифференцированно отражаются в его содержании и различаются по степени абстракции [9, с. 17]. Наиболее распространенным является представление концептуальной структуры, как делящейся на ядро и периферию. К ядерным признакам традиционно относят те признаки концепта, которые характеризуются инвариантностью: это образы и ассоциации, являющиеся наиболее актуальными для носителей языка. К периферийным относятся не такие существенные, менее частотные признаки, отличающиеся вариативностью. Четкие границы у концепта отсутствуют: по мере удаления от ядра ассоциации становятся менее значимыми, более индивидуальными, и определить, как далеко они идут, невозможно. Таким образом, концепт - это не точка и не замкнутая область в сознании, а «зона рассеивания».

Концепты действительно следует рассматривать как ментальные конструкты с нечеткими границами, поскольку, как указывает Г.Г. Слышкин, когнитивными исследованиями было доказано, что традиционное понимание мышления как процесса, подразумевающего оперирование четкими логическими понятиями, по сути, не соответствует природе человеческой ментальной деятельности [20, с. 9]. Было выявлено, замечает А.П. Бабушкин, что человеческое мышление характеризуется нечеткостью, поскольку оно основано не на классической логике, а на логике с нечеткой истинностью, нестабильными связями и вероятностными правилами вывода [21, с. 12-13].

В свете вышесказанного мы полагаем, что концепт имеет нечеткую организацию и является потенциально открытым для видоизменения или «перегруппировки» концептуальных признаков: в конкретной коммуникативной ситуации признаки могут актуализовываться или

нейтрализовываться. Таким образом, концепт имеет лишь диффузные границы, характеризуясь непоследовательностью «прочтения», возможностью отсылки к неограниченному числу других концептов и нечетким делением на ядро и периферию [22, с. 10].

Тезис о нечетком характере человеческого мышления и стохастической концептуальной структуре был с готовностью подхвачен философами-постструктуралистами, которые провозгласили кризис «абсолютного смысла». В соответствии с этим центр всякой понятийной структуры как бы теряет трансцендентный, «связывающий» статус «смысла смыслов». Таким образом, заключает Ж. Деррида, центра нет, он не может мыслиться как присутствующее сущее, у него нет естественного места и в конечном итоге он будет являть собой так называемое «неместо», где идет непрекращающаяся игра со знаковыми замещениями [23, с. 447-448].

Следствием данного положения будет понятие нереферентного знака или такого знака, который сам, по сути, ничего не означает, а лишь отсылает к другим знакам [Ср.: 24]. По замечанию К.А. Зацепина и И.И. Саморукова, такой подход нацелен на деконструкцию стабильных отношений между означающим и означаемым и, кроме того, на актуализацию самого процесса сигнификации, который будет представать в незаконченности своего становления [25]. Соответственно, исследователи понимают концепт как динамичный набор субъективных представлений о реальности, который существует в процессе непрерывного становления и обретает целостность в языке лишь в контакте с системами порождения смысла, которые действуют в культурном контексте и на основе которых осуществляется воплощение, понимание и интерпретация данных представлений [Там же].

Однако, как отмечает Е.Е. Горный, анализ, который направлен на отношение между элементами не в пределах одного конкретного текста, а внутри «семиотического универсума», содержащего в пределе все созданные и потенциально возможные тексты, то есть своего рода «пансемиотизм», сопровождающийся ре-онтологизацией языка, обречен на поражение при столкновении с проблемой незнаковой реальности [24]. Такая практика пренебрегает границами отдельного текста совершенно, и он теряется в бесконечной интертекстуальности. Однако полная открытость текста означает лишь его семантическую пустоту. Постмодернистская текстуальная практика, можно заключить, осуществляется не с позиций науки, а на игровой основе, являясь не чем иным, как бегством от власти языка. Подводя итог сказанному, подчеркнем, что выделение концептуальных признаков, осуществляемое на основе семантического анализа, не должно сводиться к постмодернистской деконструкции текста до уровня подсознательного: до влечения к жизни или к смерти во фрейдизме либо же до претензии на власть какого-либо дискурса как надличностной структуры.

Концепт входит в бесконечное число взаимосвязанных понятийных областей (*domain matrices*) [26, с. 154] или когнитивных парадигм / классов родственных понятий, связанных разнообразными отношениями с другими понятиями [27, с. 113], а его вербализации по тому же принципу включаются в интертекстуальные связи. По замечанию М.В. Никитина, концепт связан разнообразными концептуальными связями и взаимодействиями с другими концептами, он вписан в многоуровневую систему импликативных связей с ними [28, с. 53, 59]. Любой концепт, соответственно, представляет собой энциклопедию своей эпохи, поскольку, входя в ту или иную парадигму, он приобретает определенную значимость и «обрастает» сопутствующими ассоциативными значениями, определяемыми социокультурной реальностью. В любом концепте - отголоски того, что некогда было прочитано, увидено, услышано, совершено, пережито. Это бесконечное пространство взаимодействия; это ткань, сотканная из структур и парадигм; это постоянное воспроизведение, отсылка к накопленному опыту, к книге культуры и жизни как культуры.

В концепте, таким образом, отражено все разнообразие его связей с другими концептами, строящихся по принципу ассоциативности [Ср.: 29, с. 75]. Соответственно, плодотворной представляется идея исследовать концептуальную структуру через изучение других, взаимосвязанных, концептов, которые будут использоваться как предельные единицы анализа, а значение каждой единицы определять как функцию места, которое она занимает в соответствующей системе. По указанию С.Е. Никитиной, вполне исчерпывающее описание концептов можно осуществить за счет выявления их связей и взаимодействий с прочими концептами из той же культуры [30, с. 118], а Н.Н. Болдырев замечает, что значение языковой единицы становится понятным лишь в контексте других, конкретизирующих ее когнитивных структур [1, с. 25].

В зависимости от того, в какую когнитивную структуру включается концепт, он, отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, как бы поворачивается разными сторонами и актуализирует в процессе ментальной деятельности различные уровни [9, с. 20]. Тот минимальный когнитивный контекст, который требуется для реализации некоторого концептуального содержания, составляет *фрейм* [31, с. 52-92; 32, с. 16-24; 33, с. 289-291]. Вербализация концепта, таким образом, немыслима без включения его в некоторый фрейм: согласно В.Н. Телия, концепт - это знание, которое всегда структурировано во фрейм [37, с. 96]. Фрейм подразумевает комплексную ситу-

ацию; он сопоставим с кадром (неслучайно *frame* - «рамка»), куда попадает все типичное и существенное для данного набора обстоятельств [Ср.: 21, с. 55]; это культурно-специфическая единица, которая включает информацию о том, что является стереотипным в данной культуре [32, с. 16-17].

На уровне текста фрейм можно сопоставить с выделяемой У. Эко интертекстуальной рамкой, то есть стереотипной ситуацией из предшествующей текстовой традиции, ставшей «энциклопедией» читателя [40, с. 43-44]. Исследователем рассматриваются не только рамки, в которых читатель узнает принадлежность к интертекстуальному ряду, но и рамки, которые, образно выражаясь, могут нести волшебство, магию и очарование для аудитории. Расширяя концепцию интертекстуальной рамки, У. Эко предлагает уточняющее понятие интертекстуальных архетипов [40, с. 256]. Под ними он понимает повествовательные ситуации, которые рекуррируют в других текстах, а также вызывают у адресата сильные эмоции от уже прочитанного или увиденного - того, что хотелось бы испытать и прочувствовать снова.

Как отмечает А.Е. Бочкарев, без понятия фрейма невозможна интерпретация, т.к. когнитивная семантика сводит понимание языковых выражений к их узнаванию за счет соотнесения высказываний с фреймами, извлекаемыми из памяти [4, с. 56, 171; ср.: 41, с. 57].

Фрейм, который поэтапно разворачивается во времени и пространстве как последовательность конкретных эпизодов, образует сценарий [Ср.: 42, с. 75] или, особенно в исследованиях искусственного интеллекта, скрипт - типичную или ожидаемую последовательность событий [43, с. 15]. В сценарии актуализируются динамические характеристики концепта, позволяющие сопоставить его с некоторой ситуацией, благодаря чему обеспечивается референция концептуальной информации к реальной действительности или возможному миру. Сценарий - это заготовленная заранее причинно-следственная цепочка, которая представляет собой стандартную последовательность событий. Это вполне согласуется с утверждением З.Й. Шмидта о том, что «вещи» (имеются в виду их ментальные репрезентации) никогда не будут полностью изолированными, но будут постоянно являть собой составные элементы так называемых «историй» или связей предпочтений, целей и действий; «вещи» будут ложиться в основу данных «историй» и порождать их, а также выступать в них носителями ролей [44, с. 92]. Отметим также, что использование сценария позволяет связать воедино идеи, не соотносимые по внешним чертам [Ср.: 45, с. 40].

Итак, фреймы и сценарии функционируют как концептуальные схемы, с помощью которых обеспечивается когнитивная обработка прагматической ситуации за счет соотнесения ее с некоторым стереотипом.

Таким образом, приходим к следующим выводам:

- вербальные репрезентации культурно значимых концептов, которые служат их именами, будут ключевыми словами данного языка и данной культуры; вокруг этих слов организованы целые культурные области;
- следствием наличия культурно-ценностного компонента в структуре концепта является его вербализация большим числом синонимов, дефиниций и текстовых описаний, устойчивых речений;
- в качестве всеобъемлющей макровербализации концепта, являющегося культурной константой или категорией культуры, рассматривается сверхтекст, получающийся в результате сближения текстов исследуемой смысловой сферы, то есть текстов, в которых наличествуют вербализации данного концепта;
- у концепта отсутствует четкая организация: в конкретной коммуникативной ситуации любой признак может актуализироваться или нейтрализоваться;
- концепт имеет лишь диффузные границы и характеризуется непоследовательностью «прочтения» и способностью отсылать к бесконечному числу других концептов;
- концепт распределяется по когнитивным парадигмам, которые актуализируются в контексте с привлечением описывающих их фоновых / энциклопедических знаний;
- в зависимости от включения концепта в конкретную когнитивную структуру в процессе мышления будут актуализироваться его различные уровни; тот минимальный когнитивный контекст, который нужен для актуализации некоторого концептуального содержания, образует фрейм; им имплицируется сложная ситуация и описывается все, что для нее типично и существенно; это культурно-специфическая единица, которая включает информацию о том, что в данной культуре является стереотипным;
- концепт как культурная константа или категория культуры характеризуется калейдоскопичностью, обладает вероятностной, потенциально актуализуемой структурой;

- не все признаки, которые входят в состав концепта, будут истинными с точки зрения референции к реальной «онтологической» действительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной ки. - 2004. - № 1. - С. 18-36.
2. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: Академический проект, 2001. - 990 с.
3. Taylor J.R. Cognitive Grammar. - Oxford University Press, 2002. - 621 p.
4. Бочкарев А.Е. Семантический словарь. - Н. Новгород: ДЕКОМ, 2003. - 200 с.
5. Лотман Ю.М. Об искусстве. - СПб.: Искусство-СПб, 1998. - 702 с.
6. Леви-Стросс К. Структура и форма // Семиотика языка и литературы / Под ред. Ю.С. Степанова. - М.: Радуга, 1983. - С. 400-428.
7. Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой. - М.: Прогресс, 1990. - С. 435-455.
8. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Выпуск III. - М.: Изд-во иностр. л-ры, 1963. - С. 366-566.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. - 30 с.
10. Weinrich H. Linguistik der Lüge. Heidelberg: Lambert Schneider, 1974 - 79 s.
11. Hjelmslev L. Prolegomena to a Theory of Language // International Journal of American Linguistics. Memoir 7 of the Supplement to Vol. 19, No. 1 [transl. by F. J. Whitfield]. - Baltimore: Indiana University, 1953. - Pp. 1-92.
12. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика - психология - когнитивная наука // Вопросы языкознания. - 1994. - № 4. - С. 34-47.
13. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. - Воронеж: ВГУ, 2001. - С. 58-65.
14. Торсуева И.Г. Контекст // Лингвистический энциклопедический словарь: Издание на CD-ROM / Гл. ред. В.М. Ярцева. - М.: Директмедия паблишинг, 2008. - С. 2160-2165.
15. Колшанский Г.В. О природе контекста // Вопросы языкознания. - 1959. - № 4. - С. 47-53.
16. Амосова Н.Н. Принципы контекстологического анализа значений слов. - М.: Наука, 1963. - 255 с.
17. Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. - М.: Высшая школа, 1974. - 202 с.
18. Можейко М.А. Контекст // Постмодернизм. Энциклопедия. - Минск, 2001. - С. 377.
19. Якушева Г.В. Концепт // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. - М.: Интелвак, 2001. - С. 394.
20. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе: Монография. - М.: Academia, 2000. - 141 с.
21. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. - Воронеж: ВГУ, 2001. - С. 52-57.
22. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. - М.: Радуга, 1998. - 312 с.
23. Деррида Ж. Письмо и различие. - М.: Академический проект, 2000 - 319 с.
24. Горный Е.А. Что такое семиотика. - 1996. [Электронный ресурс] - URL: http://kinosemiotika.narod.ru/EGorniy.htm (дата обращения: 07.09.2016).
25. Зацепин К.А., Саморуков И.И. Эпистемологический статус концепта. - Самара: Самарск. гос. ун-т, 2002. [Электронный ресурс] - URL: http://www.google.ru/url?url=http://slovar.lib.ru/lib/txt8_konceptstatus_txt.doc&rct=j&q=&esrc=s&sa=U&ved=0ahUKEwialNOo98jJAhXGEiwKHW9GA4AQFggTMAA&usg=AFQjCNEsouoOI712mfBihAO_c_A1gnB3hw (дата обращения 07.09.2016).
26. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I.: Theoretical Prerequisites. - Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1987. - 321 p.
27. Петрова О.В. Когнитивные парадигмы и перевод // Перевод и межкультурная коммуникация: Материалы научной конференции «Лингвистические основы межкультурной коммуникации». - Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2003. - С. 112-115.
28. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - № 1. - С. 53-64.
29. Чернейко Л.О. Гештальтная структура абстрактного имени // Филологические науки. - 1995. - № 4. - С. 73-83.
30. Никитина С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка: Культурные концепты. - М.: Наука, 1991. - С. 117-123.
31. Филлмор Ч.Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. - М.: Прогресс, 1988. - С. 52-92.
32. Дейк ван Т.А. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Язык. Познание. Коммуникация. - Благовещенск: РИО БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. - С. 12-40.
33. Минский М. Фреймы для представления знаний. - М.: Энергия, 1979. - 151 с.
34. Филлмор Ч.Дж. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII: Прикладная лингвистика. - М.: Радуга, 1983. - С. 74-122.
35. Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII: Прикладная лингвистика. - М.: Радуга, 1983. - С. 35-73.

36. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. - The University of Chicago Press, 1987. - 614 p.
37. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. - 288 с.
38. Taylor J.R. Cognitive Grammar. - Oxford University Press, 2002. - 621 p.
39. Searle J. The Rediscovery of Mind. - Cambridge, Mass.: MIT Press, 1992. - 270 p.
40. Эко У. Роль читателя: исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. - СПб.: Симпозиум, 2005. - 502 с.
41. Филлмор Ч.Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. - М.: Прогресс, 1988. - С. 52-92.
42. Palmer G.B. Toward a Theory of Cultural Linguistics. - Austin: University of Texas Press, 1996. - 348 p.
43. Schank R., Abelson R. Scripts, Plans, Goals and Understanding. - Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum, 1977. - 248 p.
44. Шмидт З.Й. «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII: Лингвистика текста / Сост., общ. ред. и вступ. статья Т.М. Николаевой]. - М.: Прогресс, 1978. - С. 89-108.
45. Шенк Р., Бирнбаум Л., Мей Дж. К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV: Компьютерная лингвистика. - М.: Прогресс, 1989. - С. 32-47.

REFERENCES

1. Boldyrev N.N. Konceptual'noe prostranstvo kognitivnoj lingvistiki. [Conceptual Space of Cognitive Linguistics]. Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics. 2004. No. 1. Pp. 18-36. (in Russ.).
2. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Akademicheskij proekt, 2001. 990 p.
3. Taylor J.R. Cognitive Grammar. Oxford University Press, 2002. 621 p.
4. Bochkarev A.E. Semanticheskij slovar'. [Semantic Glossary]. N. Novgorod: DEKOM, 2003. 200 p.
5. Lotman Yu.M. Ob iskusstve. [On Art]. SPb: Iskusstvo-SPb, 1998. 702 p.
6. Levi-Stross K. Struktura i forma. [Structure and Form]. Semiotika yazyka i literatury = Semiotics of Language and Literature. Pod red. Yu.S. Stepanova. M.: Raduga, 1983. Pp. 400-428.
7. Riker P. Zhivaya metafora. [The Living Metaphor]. Teoriya metafory = The Theory of Metaphor. Pod red. N.D. Arutyunovoj. M. Progress, 1990. Pp. 435-455.
8. Martine A. Osnovy obschej lingvistiki. [Fundamentals of General Linguistics]. Novoe v lingvistike = The New in Linguistics. Vypusk III. M.: Izd-vo inostr. l-ry, 1963. Pp. 366-566.
9. Popova Z.D., Sternin I.A. Ponyatie koncept v lingvisticheskih issledovaniyah. [The Notion of Concept in Linguistic Studies]. Voronezh: Izd-vo VGU, 1999. 30 p.
10. Weinrich H. Linguistik der Lüge. Heidelberg: Lambert Schneider, 1974 79 s.
11. Hjelmslev L. Prolegomena to a Theory of Language. International Journal of American Linguistics. Memoir 7 of the Supplement to Vol. 19, No. 1 [transl. by F. J. Whitfield]. Baltimore: Indiana University, 1953. Pp. 1- 92.
12. Kubryakova E.S. Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika, psihologiya, kognitivnaya nauka. [Early Stages in the Formation of Cognitivism: Linguistics, Psychology, Cognitive Science]. Voprosy yazykoznaniya = Issues of Linguistics. 1994. № 4. Pp. 34-47.
13. Sternin I.A. Metodika issledovaniya struktury koncepta. [The Methods of Studying the Conceptual Structure]. Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki: Nauchnoe izdanie = Methodological Issues of Cognitive Linguistics: Scientific Edition. Pod red. I.A. Sternina. Voronezh: VGU, 2001. Pp. 58-65.
14. Torsueva I.G. Kontekst. [Context]. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar': Izdanie na CD-ROM = Linguistic Encyclopaedic Dictionary: CD-ROM Edition. Gl. red. V.M. Yarceva]. M.: Direktmediya pablishing, 2008. Pp. 2160-2165.
15. Kolshanskij G.V. O prirode konteksta. [Toward the Nature of Context]. Voprosy yazykoznaniya = Issues of Linguistics. 1959. № 4. Pp. 47-53.
16. Amosova N.N. Principy kontekstologicheskogo analiza znachenij slov. [The Principles of Word-Meaning Contextual Analysis]. M.: Nauka, 1963. 255 p.
17. Mednikova E.M. Znachenie slova i metody ego opisaniya. [The Word Meaning and the Methods of its Description]. M.: Vysshaya shkola, 1974. 202 p.
18. Mozhejko M.A. Kontekst. [Context]. Postmodernizm. Enciklopediya = Postmodernism. Encyclopaedia. Minsk, 2001. P. 377.
19. Yakusheva G.V. Koncept. [Concept]. Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij = Literary Encyclopaedia of Terms and Notions. Gl. red. i sost. A.N. Nikolyukin. M.: NPK Intelvak, 2001. P. 394.
20. Slyshkin G.G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse: Monografiya. [From Text to Symbol: Linguistic and Cultural Concepts of Precedential Texts in Mind and Discourse]. M.: Academia, 2000. 141 p. (in Russ.).
21. Babushkin A.P. Koncepty raznyh tipov v leksike i frazeologii i metodika ih vyyavleniya. [Concepts of Various Types in Lexis and Phraseology and Methods of their Identification]. Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki: Nauchnoe izdanie. = Methodological Issues of Cognitive Linguistics: Scientific Edition. Pod red. I.A. Sternina. Voronezh: VGU, 2001. Pp. 52-57.
22. Delez Zh. Skladka. Lejbnic i barokko. [Le Pli. Leibniz et le baroque]. M.: Raduga, 1998. 312 p.
23. Derrida Zh. Pis'mo i razlichie. [Ecriture et la difference]. M.: Akad. proekt, 2000 319 p.
24. Gornyj E.A. Chto takoe semiotika. [What is Semiotics?]. 1996. Available at: http://kinosemiotika.narod.ru/EGorniy.htm (accessed 7 September 2016).
25. Zacepin K.A., Samorukov I.I. Epistemologicheskij status koncepta. [The Epistemological Status of the Concept]. Samara: Samarskij gosudarstvennyj universitet, 2002. Available at: http://www.google.ru/url?url=http://slovar.lib.ru/lib/txt8_konceptstatus_txt.doc&rct=j&q=&esrc=s&sa=U&ved=0ahUKEwialNOo98jJAhXGEiwKHW9GA4AQFggTMAA&usg=AFQjCNEsouoOI712mfBihAO_c_A1gnB3hw (accessed 7 September 2016).
26. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I.: Theoretical Prerequisites. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1987. 321 p.

27. Petrova O.V. Kognitivnye paradigmy i perevod. [Cognitive Paradigms and Translation]. Perevod i mezhkul'turnaya kommunikaciya: Materialy nauchnoj konferencii Lingvisticheskie osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii = Translation and Cross-Cultural Communication: Proceedings of the Scientific Conference Linguistic Basis of Cross-Cultural Communication. N. Novgorod: Izd-vo NGLU im. N. A. Dobrolyubova, 2003. Pp. 112-115.
28. Nikitin M.V. Razvernutye tezisy o konceptah [Detailed Theses on Concepts]. Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics. 2004. No. 1. Pp. 53-64. (in Russ.).
29. Chernejko L.O. Geshtal'tnaya struktura abstraktnogo imeni. [Gestalt Structure of the Abstract Name]. Filologicheskie nauki = Philological Science. 1995. № 4. Pp. 73-83.
30. Nikitina S.E. O konceptual'nom analize v narodnoj kul'ture. [Toward Conceptual Analysis in Popular Culture]. Logicheskij analiz yazyka: Kul'turnye koncepty = Logical Analysis of Language: Cultural Concepts. M.: Nauka, 1991. Pp. 117-123.
31. Fillmor Ch.Dzh. Frejmy i semantika ponimaniya. [Frames and the Semantics of Understanding]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike = The New in Foreign Linguistics. Vyp. XXIII: Kognitivnye aspekty yazyka. M.: Progress, 1988. Pp. 52-92.
32. Dejk van T.A. Kontekst i poznanie. Frejmy znanij i ponimanie rechevyh aktov. [Context and Cognition. Frames of Knowledge and Understanding Speech Acts]. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya = Language. Cognition. Communications. Blagoveschensk: RIO BGK im. I.A. Bodu`ena de Kurten`e, 2000. Pp. 12-40.
33. Minskij M. Frejmy dlya predstavleniya znanij. [Frames Representing Knowledge]. M.: Energiya, 1979. 151 p.
34. Fillmor Ch.Dzh. Osnovnye problemy leksicheskoj semantiki. [Basic Issues of Lexical Semantics]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XII: Prikladnaya lingvistika = The New in Foreign Linguistics. Vol. HII: Applied Linguistics. M.: Raduga, 1983. Pp. 74-122.
35. Chejf U.L. Pamyat' i verbalizaciya proshlogo opyta. [Memory and Verbalizing Past Experience]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XII: Prikladnaya lingvistika = The New in Foreign Linguistics. Vol. XII: Applied Linguistics. M.: Raduga, 1983. Pp. 35-73.
36. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. The University of Chicago Press, 1987. 614 p.
37. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, Linguistic and Cultural Aspects]. M.: Shkola Yazyki russkoj kul'tury, 1996. 288 p.
38. Taylor J.R. Cognitive Grammar. Oxford University Press, 2002. 621 p.
39. Searle J. The Rediscovery of Mind. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1992. 270 p.
40. Eko U. Rol' chitatelya: issledovaniya po semiotike teksta. [The Reader's Role: Research into Text Semiotics]. Per. s angl. i ital. S.D. Serebryanogo. SPb.: Simpozium, 2005. 502 p.
41. Fillmor Ch.Dzh. Frejmy i semantika ponimaniya. [Frames and the Semantics of Understanding]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike = The New in Foreign Linguistics. Vyp. XXIII: Kognitivnye aspekty yazyka. M.: Progress, 1988. Pp. 52-92.
42. Palmer G.B. Toward a Theory of Cultural Linguistics. Austin: University of Texas Press, 1996. 348 p.
43. Schank R., Abelson R. Scripts, Plans, Goals and Understanding. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum, 1977. 248 p.
44. Shmidt Z.J. Tekst i istoriya kak bazovye kategorii. [Text and History as Fundamental Categories]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vypusk VIII: Lingvistika teksta = The New in Foreign Linguistics. Vol. VIII: Text Linguistics. M.: Progress, 1978. Pp. 89-108.
45. Shenk R., Birnbaum L., Mej Dzh. K integracii semantiki i pragmatiki. [Toward the Integration of Semantics and Pragmatics]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XXIV: Komp'yuternaya lingvistika = The New in Foreign Linguistics. Vol. XXIV: Computer Linguistics. M.: Progress, 1989. Pp. 32-47.

Информация об авторе

Соснин Алексей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент департамента литературы и межкультурной коммуникации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
г.Нижний Новгород, Россия

Получена: 11.10.2016

Для цитирования статьи: Соснин А. В. К вопросу о стохастичном характере концепта и его вхождении в когнитивные парадигмы. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-231-238.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-231-238.

Information about the author

Alexey V. Sosnin Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Literature and Intercultural Communication, National Research University Higher School of Economics,
Nizhny Novgorod, Russia

Received: 11.10.2016

For article citation: Sosnin A.V. K voprosu o stohastichnom haraktere koncepta i ego vhozhdenii v kognitivnye paradigm. [Toward the stochastic nature of the concept and its embeddedness in cognitive paradigms]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-231-238.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-231-238. (in Russian)

УДК-316.472.4 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-239-243

ТИТОРЕНКО Марина Федоровна,
Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
г. Краснодар, Россия

Marina F. TITORENKO
Krasnodar branch of Financial University under the Government of the Russian Federation
Krasnodar, Russia

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ВОИНСКИХ ТРАДИЦИЙ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

В статье рассматривается специфика военно-физической подготовки казаков на семейном, общинном и образовательном уровнях. Наряду с множеством повинностей, вмененных казакам в обязанность, особую приверженность они питали к воинской повинности, через нее в значительной степени культивировался дух исключительности в казачьей среде. Определяющими факторами формирования личности являлись община, сословная корпоративность, традиции, передаваемые из поколения в поколение. Все это базировалось на прочном фундаменте самосохранения. Политические, социально-экономические и иные процессы на Северном Кавказе оказали заметное влияние на трансформацию сознания кубанских казаков, угасание боевого духа. Интеграция кубанских казаков в структуру Российской империи протекала в сложных исторических условиях. Государственные военные реформы, трансформация социально-правового статуса, смена политических и ценностных ориентаций подорвали военное начало казаков, ослабили систему патриотического воспитания, привели к утрате политической самостоятельности. Вместе с тем в сложных условиях взаимодействия различных этносов казаки сыграли важнейшую роль в деле распространения российской военно-административной власти на Северном Кавказе, стали органической частью общей северокавказской панорамы, несмотря на то, что эволюционное развитие казачьего субэтноса на Кубани было прервано.

Ключевые слова: кубанские казаки, служба, удаль, боеспособность, воинские традиции, государство.

ISSUES OF THE RISING OF MILITARY TRADITIONS OF THE KUBAN COSSACKS

The specifics of the military-physical training of the Cossacks at the family, community and educational levels is considered in the article. Along with a number of obligations, imputed to the Cossacks in charge, the spirit of exclusiveness in the Cossack environment was largely cultivated. The communities of the estates corporatism, traditions were passed down from generation to generation. All of this was based on a solid foundation of self-preservation. Political, social, economic and other processes in the North Caucasus had influenced perceptible on the transformation of the Kuban Cossacks' mind. It depressed the combat spirit. Integration of the Kuban Cossacks in the Russian Empire was in difficult historical conditions. The military principles of Cossacks were disrupted by the State military reform, the transformation of the socio-legal status. They have changed the political and value orientations of Cossacks, undermined the military spirit, weakened the system of patriotic education. This has led to the loss of political independence. However, the Cossacks played a crucial role in spreading the Russian military and administrative authority in the North Caucasus. It was in difficult conditions of interaction between different ethnic groups. Despite the fact that the evolutionary development of the Cossack sub ethnic groups in the Kuban region was interrupted, they became an organic part of the General panorama of the North Caucasus.

Keywords: Kuban Cossacks, service, daring, combat capability, military traditions, the Government.

История и самобытная культура казачества привлекательны своим прошлым и настоящим. Интерес исследователей к указанной тематике обусловлен тем, что казачество во все времена являлось активным субъектом истории, оказывало существенное влияние на расклад внешнеполитических и внутренних сил России. На роль казаков в охране границ Российского государства, их службу обратил внимание И.Д. Попко, он рассматривал казачество как народное явление, которое в эпосе русского народа ассоциировалось с волей и удалью.

Вместе с тем политические акции российских самодержцев все чаще направлялись на интеграцию казачества в государственную структуру России. Разрушалось казачество «…издали, хитро, с подходцем, на почве якобы всевозможных благ, начиная со всяких льгот и поблажек в деле воинского воспитания, военной службы, именуемых военной тяготой... Если облегчить казака от военной тяготы, значит ослабить его силу и мощь, ослабить казачий организм...» [1]. По мнению А.И. Козлова, казачество вплоть до 1917 г. подвергалось интенсивной коренной трансформации, было подчинено военному ведомству России, что прервало его эволюционное развитие. Казаки превратились в военно-служилое сословие, стали субэтносом с выраженными социальными чертами, размывавшими его этническую окраску. Н.Н. Великая указывает на то, что казаки взаимодействовали с государством по-разному. Охрана границ рассматривалась ими как священный долг, а вмешательство государства во внутреннюю жизнь вызывало протесты и неповиновение [2]. Интересную мысль об изменении мышления и сознания казаков Кубанского войска высказывает О.В. Матвеев, отмечая, что «крушение Российской империи привело к слому имперского сознания казаков. Были подорваны интересы Дела, Веры, Идеи…» [3]. Разделяя взгляды указанных авторов, отметим, что казаки под воздействием государственных структур полностью утратили политическую самостоятельность, несмотря на то, что играли важнейшую роль в геополитике и в деле распространения российской военно-административной власти на Северном Кавказе.

Обращение к прошлому казачества, на наш взгляд, позволит сквозь призму новых подходов и концепций найти ответы на актуальные вопросы современности, причины деформиро-

вания межпоколенных связей, смены ценностных ориентаций, утраты патриотических чувств значительной частью современного общества. Различные аспекты жизни кубанских казаков, их этнодифференцирующая и этноинтегрирующая роль в русско-кавказских отношениях в полиэтничном регионе помогут выявить закономерности становления политических, социально-экономических, общественных процессов в условиях совместного проживания и взаимодействия различных этносов и этнических групп. Учитывая неоднозначное отношение к воинским традициям казачества, исходя из практической необходимости укрепления дружбы и сотрудничества между народами, остановимся на их формировании у кубанских казаков, так как благодаря воинским традициям казаки стали органической частью общей северокавказской панорамы.

Специфика военно-физической подготовки казаков на семейном, общинном и образовательном уровнях была сопряжена с формированием и функционированием воинских традиций казачества, оказывала воздействие на социализацию личности. В данном случае автор использовал историко-антропологический подход в силу того, что «... любой исторический феномен (казачество является таковым) надлежит рассматривать погруженным в тот повсюду развитый эфир, который образует ментальность эпохи» [4]. При этом народная педагогика и казачья община являлись определяющими факторами формирования личности, способствовали формированию воинских традиций и обеспечивали боеспособность казаков.

Для России Северный Кавказ являлся своеобразным форпостом экономических и дипломатических связей, а также служил для военных маневров. Ей необходимо было усиливать свое влияние в этом регионе. Чтобы закрепиться, «… необходимо было привлечь население, которое успешно могло бы совмещать военную службу и хозяйственную деятельность. Подобную задачу могли решить только казаки» [5]. Днем и ночью им приходилось вступать в вооруженные схватки с горцами. «Один на один, где-либо в глухой балке, в дремучем лесу или в густых зарослях бдительность и осторожность постовых казаков доходила до полной боевой готовности, как перед началом сражения» [6]. Все до мелочей в этом неспокойном регионе подчинялось общему распорядку. Казаки в этом плане, более чем гражданское население, были приспособлены к трудностям военной жизни.

Служба казаков подразделялась на строевую и внутреннюю, длилась в дореформенный период более тридцати лет (с 17 до 50 лет) [7]. Для формирования строевых частей от трехсот казачьих семей полагалось направить полную сотню, восемь урядников, восемь приказных и двух трубачей. Кроме строевой и внутренней службы казаки несли еще множество повинностей. В их обязанности входили: содержание почтовых станций, ремонт дорог, мостов, станичных мельниц, плотин, переправ, зимовников для скота. Казаки сопровождали полки, перевозили чиновников и нарочных по служебным делам, сопровождали арестантов. Несли караулы при хлебных магазинах, станичных правлениях и др. Отбывали повинности казаки в возрасте от 17 до 55 лет. В станичных правлениях имелись списки казаков, которых привлекали к несению повинностей, были и штрафные журналы на провинившихся казаков (они несли службу вне очереди). Самой тяжелой для казаков была воинская повинность, она отнимала много времени, сказывалась на состоянии их хозяйств. Состоятельные казаки порой выставляли вместо себя наемников или откупались деньгами.

Готовили казаков к службе с раннего возраста. С 16-17 лет в воскресные и праздничные дни (5-6 раз в течение года) казачат собирали за станицей в удобном месте, учили стрелять по цели. Подростки по завершению сборов уверенно стреляли в зажатую между пальцами монету вытянутой руки. Так вырабатывалась выдержка и уверенность в товарище. Казачат учили рубке. Накануне смотра лепили глиняные фигуры, их подростки должны были разрубить «от плеча до пояса». Во время смотров юноши 16-18 лет показывали ловкость владения шашкой - «разрубали деревянный чурбан, плавающий на воде» [8]. Подготовив так казачат, можно уверовать, что они будут стремиться к службе, готовы будут к сопротивлению против неприятеля и сделаются достойными воинами [9]. Практические упражнения и владение оружием «приносили казаку честь и славу».

Девятнадцатилетних казаков привлекали к отбыванию повинностей по станице, зачисляли в приготовительный разряд. Им давали один год для того, чтобы привести в порядок снаряжение, к несению службы казачат готовили на лагерных сборах. На двадцать пять обучаемых приходился один инструктор. На лагерные сборы казаки приготовительного разряда прибывали на лошадях (линейцы) и с оружием. Освобождали от лагерных сборов по заключению медицинской комиссии. Уклонявшихся от лагерных сборов отправляли в тюрьмы на 3-4 месяца, в станицах их дразнили «дымарями».

Сборы, как правило, проводились зимой и в весенне-летний период. Зимние длились 24 дня, занятия проводились с 10 до 16 часов, строевая и теоретическая подготовка чередовались. На сборах казаков приготовительного разряда учили основным молитвам, знакомили с

войсковыми и полковыми знаменами, знаками отличия командного состава, устройством стрелкового оружия. Знакомили с воинской дисциплиной, рассказывали о пределах власти должностных лиц, учили обращаться с винтовкой и холодным оружием, ходить в конном и пешем строю, правилам гарнизонной и сторожевой службы, уходу за лошадьми. На летних сборах отрабатывали практические навыки в стрельбе, действия в конном и пешем строю. На каждую винтовку на летних сборах из войсковых сумм отпускалось 70 патронов (55 боевых, 15 холостых; из них по 5 оставалось для смотров).

Важная роль отводилась «конному учению», рубке шашкой, «колотью» чучел, переходам через канаву и барьер шагом и рысью. Захватывали дух болельщиков скачки с препятствиями, рубка лозы и чучел, наездничество (поднятие вещей с земли, соскакивание на карьере с лошади обеими ногами; элементы наездничества для казаков приготовительного разряда в Кубанском казачьем войске включены в комплекс упражнений с 1854 г.). Наездничество включало в себя индивидуальные и групповые упражнения. На смотрах казаки приготовительного разряда показывали и вольные элементы наездничества. Зрелищными были «пролезание» под брюхом лошади во время скачки и выполнение в движении различных акробатических ний - «стойка на голове и на руках», «ласточка», «рыбка»; вращение шашки, стоя на седле в движении.

Особый интерес вызывали прыжки в седле на полном скаку с поворотом на 180 градусов (в направлении гривы, крупа лошади), соскальзывание вниз по боку лошади, взявшись руками за подпругу и держа одну ногу в стремени. Отдельными элементами выступали рубка лозы, продевание шашки в подвешенное кольцо и др.

Проводились и гладкие скачки (без препятствий) дистанцией на две версты (1 ста - 1,668 км), дорожки между участниками распределялись по жребию. «Во время скачки ездоки могли перескакивать один другого и на скаку занимать впереди любое место. Запрещалось теснить лошадей, перерезать им дорогу, касаться других лошадей» [10]. Значительная часть времени на сборах отводилась полевой гимнастике. В ее основу был заложен бег на 0,7 версты с тремя препятствиями: забор высотою в 2 и 3,25 аршина; канава шириною в 2,5 аршина и глубиною 1 аршин. Состязания проводились без оружия, в бешметах или гимнастических рубахах, в чувяках (мягких тапочках). «В освоении техники прохождения штурмовой полосы предусматривались одиночное и групповое обучение на каждом отдельном препятствии, преодоление всех препятствий с оружием и без него» [11].

По завершении летних сборов проводились смотры и подводились итоги. Победителям члены Войскового правления вручали специальные призы. Казаки приготовительного разряда, занявшие первое место в стрельбе и наездничестве, в качестве приза нередко получали строевых лошадей конных заводов [12]. Высоко оценивалась призовая стрельба. Отмеряли 200 шагов, участники делали по 5 выстрелов стоя, с руки. Для первого разряда необходимо было попадание 5 пуль в белую полосу (победителя награждали винтовкой), участникам второго разряда за 4 метких попадания в белую полосу вручалась шинель с фуражкою или шашка, третьего - при попадании 3 пуль в белую полосу - патронташ. На призы из войсковых сумм ежегодно выделялось 300 руб. серебром. Ответственность за обучение казаков приготовительного разряда несли атаманы станиц и отделов.

Казаки приготовительного разряда сначала присягали на верность Отечеству, затем их зачисляли в первый комплект льготных строевых частей, а через три года направляли в действующие части на пополнение убыли. При зачислении молодых казаков на службу в комплекте обязательно было 2/3 старослужащих. Очередные казаки прибывали на сборные пункты с атаманами станиц и отделов, те передавали их офицеру. Далее атаману отдела выдавалась квитанция, в которой указывалось число принятых казаков, состояние их обмундирования и снаряжения, место предстоящей службы (квитанция передавалась наказному атаману).

Комплектование частей осуществлялось с соблюдением очередности и для офицеров и нижних чинов, наряды на комплектование объявлялись за два месяца до выхода на службу. Казаки строевого разряда, как правило, направлялись в полки, где служили их деды, отцы, старшие братья. При хорошей лагерной подготовке в казачьи полки приходили уже достаточно умелые, подготовленные воины, выносливые, закаленные. Принцип «сам погибай, а товарища выручай» в казачьей среде не нарушался. Нарушение казачьего братства приводило к общественному порицанию и социальной изоляции казака [13].

Льготников для обучения строевому делу вызывали на строевые сборы сроком на один месяц (по усмотрению наказного атамана). Участники этих сборов получали от войска суточные: штаб-офицеры по 60 коп., обер-офицеры по 30 коп., льготники и нижние члены - «провиант в узаконенной пропорции». Казаки прибывали на сборы в полном обмундировании, со снаряжением и конской сбруей, которые изготовлялись войсковой командой мастеровых по специальным образцам, утвержденным Военным министерством. Приобретались снаряжение, об-

мундирование и строевой конь за собственные средства (огнестрельное оружие выдавалось из государственной казны). Ловкостью, исправностью оружия, искусством управлять лошадьми казаки снискали себе добрую славу. Они сражались, как артисты, были невероятно храбры и находили удовольствие в опасности. Как известно, горцы отдавали четырех донских казаков за одного своего товарища, но линейного казака меняли только «один на один» [14].

Порядок зачисления на службу зависел от происхождения. Из зажиточных казаков традиционно формировались конные полки, «состояния посредственного» - пешие. Списки казаков для льготных строевых частей вывешивались в станичном правлении. В течение двух недель каждый мог заявить о замеченных ошибках и пропусках. Замечания заносились в особую книгу, неточности исправлялись. Для окончательной проверки списков и оглашения их на станичных кругах атаманы отделов направляли в каждую станицу офицеров. Те привозили уточненные списки атаману отдела, тот не позже 15 февраля доставлял их в войсковой штаб. Детям дворян предоставлялась возможность поступать на службу «прямо в полки, батальоны и батареи или присутственные места войска, сообразно их желанию» с шестнадцатилетнего возраста. Такое же право предоставлялось и детям чиновников, не пользовавшихся правами дворянства, срок их службы исчислялся как для простых казаков [15]. В дореформенный период первые три года после призыва кубанские казаки несли службу на пикетах, кордонах, батареях, образуя на протяжении 260 верст живую цепь.

От наряда на действительную службу освобождались казаки на один-два года по решению станичного круга или с разрешения наказного атамана (в случае смерти родных, при пожаре, массовом падеже скота), по истечении времени отбывали службу в строевых частях. Находясь в станице, они имели наготове снаряжение, обмундирование и лошадь, при необходимости их назначали для сопровождения арестантов, конвоирования чиновников с денежными суммами.

Уклонение от действительной службы считалось позором в кубанских станицах. Отставших от сверстников по набору записывали во «второочередные» и дразнили «дымарями». Казаки, не пригодные к действительной службе, исполняли внутренние обязанности по войску до тех пор, пока их сверстники не уходили в отставку. Тех, кто уклонялся от службы, облагали денежным сбором. Сборы шли исключительно для снаряжения беднейших казаков на службу. Их размер определялся станичным кругом, не превышал 15 руб. в год с каждого казака [16].

Воинские качества казаков высоко оценивали даже их враги, так как видели в них достойных противников. Служить с казаками было мечтой всех военных людей. Барон Врангель, участвуя добровольно в русско-японской войне, настоял на службе в казачьих войсках, считал службу в пехоте или в обычной кавалерии «… ниже своего достоинства».

Отметим, что сословная корпоративность культивировала дух исключительности и приверженность вековым воинским традициям в казачьей среде. Все это базировалось на прочном фундаменте самосохранения, передавалось из поколения в поколение и тщательно шлифовалось. Государственные военные реформы привели к кризису систему воспитания казаков, ослабили их веру в особое предназначение на земле. Вместе с тем казачьи структуры до наших дней сохранили рациональные зерна патриотического воспитания молодого поколения, которые следует использовать для того, чтобы молодежь росла не «Иванами, родства не помнящими», а знала свои корни и приносила пользу Отечеству.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Орлов П.П. Сборник рассказов и статей. - Екатеринодар, 1911. - С. 250.
2. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. - Ростов н/Д, 2001. - С. 82-83.
3. 3.Матвеев О.В. Явление казачества в истории и культуре России // Очерки истории казачеств России. Т. 1. - М.-Краснодар, 2002. - С. 23.
4. Гуревич А.Я. От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном: Дискуссия о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». - М., 1993. - С. 52.
5. Кирюшин С.Ю., Малукало А.Н., Сень Д.В. История Кубани с древнейших времен до наших дней. - Краснодар, 2004. - С. 72.
6. Толстов В.Г. Историческая хроника Хоперского полка (репр. изд.). - Ставрополь, 1992. - С. 20.
7. Симоновский П. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию и о соседственных горских народах. - СПб., 1829.
8. Емельянов Ю.Н. Особенности военно-патриотического воспитания молодежи в Кубанском казачьем войске до 1917 г. // Историческое регионоведение Северного Кавказа - вузу и школе. Седьмая региональная научно-практическая конференция. 4.2. - Славянск-на-Кубани, 2001.
9. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.250. Оп.2. Д.1579. Л.4-об.
10. Кубанские войсковые ведомости (КВВ). - 1868. - № 19.
11. Александров С.Т. Физическое воспитание детей и молодежи кубанского казачества (XIX - нач. XX вв.). - Краснодар, 1999. - С. 49.
12. Справочная книжка Кубанской области (СККО). - Екатеринодар, 1891. - С. 104, 105, 106.

13. Бондарь Н.И. К вопросу о традиционной системе ценностей Кубанского казачества // Из культурного наследия славянского населения Кубани. - Краснодар, 1997. - С. 9.
14. Фролов Б.Е. Кавалерия линейных казаков (по воспоминаниям современников и историческим трудам) // Линейцы Средней Кубани в 300-летней истории Кубанского казачьего войска. Материалы научно-просветительской конференции. - Армавир. 1996. - С. 24.
15. Савченко М.С. Нормативно-правовое регулирование прохождения военной службы кубанскими казаками // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. - Пятигорск, 2000. - С. 207.
16. Справочная книжка Кубанской области (СККО). - Екатеринодар, 1891. - С. 169.

REFERENCES AND NOTES

1. Eagles of Items. Collection of stories and articles. Ekaterinodar, 1911. P. 250.
2. Great N. N. Cossacks of East Ciscaucasia in the 18-19th centuries. Rostov-on-Don, 2001. P. 82-83.
3. Matveev O. V. Cossacks phenomenon in the history and culture of Russia. Sketches of history of kazachestvo of Russia. T. 1. M, Krasnodar, 2002. P. 23.
4. Gurevich A. Ya. From history of mentalities to historical synthesis. Disputes on the main thing: A discussion about the present and the future of historical science around the French school of "Annals". M, 1993. P. 52.
5. Kiryushin of Page Yu., Malukalo A. N., D. V. Istoriya's Shade of Kuban since the most ancient times up to now. Krasnodar, 2004. P. 72.
6. Tolstov V. G. Historical chronicle of the Khopyor regiment (репр. prod.). Stavropol, 1992. P. 20.
7. Simonovsky P. O the Caucasian line and the Black Sea army attached to it or general comments about the lodged shelves protecting the Caucasian line and about the sosedstvennykh the mountain people. SPb., 1829.
8. Yemelyanov YU. N. Features of military patriotic education of youth in the Kuban Cossack army till 1917. Historical regional studies of the North Caucasus - to higher education institution and school. Seventh regional scientific and practical conference. 4.2. Slavyansk-na-Kubani, 2001.
9. Public Records Office of Krasnodar Krai (PROKK). T. 250. Оп. 2. 1579. L. 4-about.
10. Kuban Army Sheets (KAS). 1868. No. 19.
11. Village of Alexandrov. T. Physical training of children and youth of the Kuban Cossacks (XIX - the head of the 20th centuries). Krasnodar, 1999. P. 49.
12. Help Book of the Kuban Region (HBKR). Ekaterinodar, 1891. P. 104, 105, 106.
13. N. I. K cooper to a question of traditional system of values of the Kuban Cossacks. From cultural heritage of the Slavic population of Kuban. Krasnodar. 1997. P. 9.
14. Frolov B. E. A cavalry of linear Cossacks (on memoirs of contemporaries and historical works). Lineytsa of Central Kuban in 300-year history of the Kuban Cossack army. Materials of a scientific and educational conference. Armavir. 1996. P. 24.
15. Savchenko M. S. Standard and legal regulation of passing of military service by the Kuban Cossacks. History of the North Caucasus since the most ancient times till present. Pyatigorsk, 2000. P. 207.
16. Help Book of the Kuban Region (HBKR). Ekaterinodar, 1891. P. 169.

Информация об авторе

Титоренко Марина Федоровна, доктор исторических наук, профессор кафедры «Философия, история и право» Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Получена: 01.11.2016

Для цитирования статьи: Титоренко М. Ф., К вопросу об истоках воинских традиций кубанских казаков. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-239-243.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-239-243.

Information about the author

Marina F. Titorenko, Doctor of Historical Sciences, Professor at the DepartMent Of «Philosophy, History and Law". The Krasnodar branch of Financial University under the Government of the Russian Federation

Received: 01.11.2016

For article citation: Titorenko M.F., K voprosu ob istokah voinskih tradicij kubanskih kazakov. [Issues of the rising of military traditions of the kuban cossacks]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-239-243.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-239-243. (in Russian)

УДК 81.4 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-244-254

УТКИНА Татьяна Игоревна
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Пермь, Россия
utkinatat30@gmail.com

Tatiana I. UTKINA
National Research University Higher School of Economics
Perm, Russia
utkinatat30@gmail.com

МИШЛАНОВА Светлана Леонидовна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Россия
mishlanovas@mail.ru

Svetlana L. MISHLANOVA
Perm State National Research University
Perm, Russia
mishlanovas@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

STUDYING METAPHORIC COMPETENCE OF STUDENTS OF ECONOMICS IN TEACHING ENGLISH FOR SPECIFIC PURPOSES

Статья посвящена развитию метафорической компетенции – способности понимать и использовать метафору в дискурсе – в процессе обучения языку, в том числе иностранному языку для специальных целей. В статье представлены результаты сравнительного исследования метафорической компетенции студентов-экономистов, изучающих английский язык для межличностного общения и общения в профессиональной сфере. Авторы анализируют определения коммуникативной компетенции, компетенции профессиональной коммуникации, метафорической компетенции. Авторы проводят сопоставительный анализ метафорической плотности, функций метафоры, типов ошибок употребления метафоры в разных типах коммуникации (профессиональной и непрофессиональной). Проведенное исследование выявляет динамику метафорической компетенции русскоязычных студентов-экономистов в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку (английскому). В процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов-экономистов возрастает количество метафор в письменной коммуникации, наиболее интенсивно реализуется дискурсоорганизующая функция, уменьшается общее количество ошибок, однако при этом возрастает количество межъязыковых ошибок в употреблении как профессиональной, так и дискурсивной метафор. Наличие межъязыковых ошибок можно расценивать как показатель активного освоения нового подъязыка, а именно языка профессиональной (в том числе академической) коммуникации в сфере экономики.

Ключевые слова: метафора, метафорическая компетенция, коммуникативная компетенция, коммуникация, профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам

This paper deals with metaphoric competence, defined as the ability to understand and use metaphor in discourse, in language teaching, in general, and teaching language for specific purposes, in particular. Authors focus on the notions of communicative competence, professional communication competence and metaphoric competence. The paper presents the results of the comparative study of metaphoric competence of students majoring in Economics and studying English for interpersonal communication and professional communication purposes. Authors analyze metaphor density, metaphor functions, metaphor errors in different types of communication (professional and non-professional). The results obtained reveal the dynamics of metaphoric competence of Russian students specializing in Economics when learning English for specific purposes. It is noted that learning English as a foreign language for professional communication leads to an increase in the proportion of metaphor to the overall number of words in metaphor production (written communication), an increased amount of metaphor that performs the discourse management (organizing) function, a decrease in the overall number of errors, an increase in the amount of interlanguage errors in both professional and discourse organizing metaphors. It is assumed that interlanguage errors may indicate active acquisition of professional language (including the academic language) for communication in the professional (economic) settings.

Ключевые слова: metaphor, metaphoric competence, communicative competence, communication, teaching foreign languages for specific purposes.

Изучение метафоры как базового ментального процесса, с помощью которого человек понимает одну область знаний через другую и тем самым углубляет свои представления о мире [1], является продуктивным в логике компетентностного подхода, так как позволяет доказать, что, осваивая окружающий мир, человек пользуется метафорой для формирования и развития своего когнитивного, вербального и социокультурного опыта. В течение последних десятилетий теория концептуальной метафоры является источником многочисленных прикладных исследований метафоры [2]. Большое внимание уделяется когнитивным механизмам метафоры, знание которых могло бы существенно улучшить преподавание родного и иностранных языков [3]; пионерскими работами этого направления следует считать работы М. Данеси и Г. Лоу [4; 5].

С когнитивных позиций релевантным оказалось исследование мотивированности языковых единиц, выявление их семантических взаимосвязей, обращение при их интерпретации к широкому социокультурному контексту [6; 7; 8]. Была доказана важная роль метафоры в развитии компетенций учебной деятельности [9; 10; 11; 12].

Следует подчеркнуть, что метафорическую компетенцию изучали преимущественно в рецептивных видах речевой деятельности, при этом считали, что учащимся важнее уметь понимать и воспроизводить метафору, поскольку порождение метафоры является «коммуникативным риском» [13; 14; 15]. В исследованиях продуктивных видов иноязычной речевой деятельности отмечалось, что письменные работы учащихся не аутентичны, лишены образности и в целом свидетельствуют о том, что учащиеся стремятся избежать употребления метафоры, поскольку концептуальная система изучаемого иностранного языка освоена слабо [16; 17]. Но при этом считается, что метафора необходима изучающим иностранный язык для реализации компенсаторных функций, когда учащиеся прибегают к метафоре для выражения новых понятий с помощью уже известной им лексики [18; 19].

Особый интерес представляет исследование метафорической компетенции, то есть способности идентифицировать метафоры в дискурсе, правильно их интерпретировать и применять в собственной речи [20]. Метафора в современных исследованиях определяется как универсальный семиотический механизм, механизм концептуальной, семантической, лексической, синтаксической деривации. Однако в большинстве работ речь идет, как правило, о результатах деривационных процессов, то есть концептуальной метафоре, переносном значении слова, вторичной номинации, тропах и фразеологизмах. Формирование самого семиотического механизма, позволяющего понимать метафоры в процессе общения и использовать их в устной и письменной речи, определяющего развитие метафорической компетенции, остается практически неизученным.

В немногочисленных работах, посвященных развитию метафорической компетенции, предпринимается попытка определения места данной компетенции в ряду других компетенций. Так, например, в исследовании [14, с. 292] предпринимается попытка соотнести метафорическую компетенцию с компонентами лингвистической компетенции [21], схема которой представлена ниже (Схема 1).

Схема 1. Компоненты лингвистической компетенции (по Bachman [21])

Лингвистическая компетенция			
Системно-языковая компетенция		**Прагматическая компетенция**	
Грамматическая компетенция	Компетенция текстообразования	Иллокуторная компетенция	Социолингвистическая компетенция
Лексика	Когезия	Когнититвная функция	Знание диалектов и социальных вариантов
Морфология	Риторическая организация	Манипулятивная функция	Знание регистров
Синтаксис		Эвристическая функция	Определение аутентичности
Фонология / графология		Образная функция	Знание культурной отнесенности и фигур речи

По мнению автора модели лингвистической компетенции, представленной на схеме 1, метафорическая компетенция представляет собой только компонент социолингвистической компетенции, то есть связана с пониманием культурной специфики образных средств языка [21]. Однако Д. Литтлмор и Г. Лоу убедительно показывают, что метафорическая компетенция является обязательным условием развития всех представленных в модели, а именно системно-языковой, прагматической, а также стратегической [14].

Существенный вклад в изучение метафорической компетенции внесли исследования, посвященные развитию метафорической компетенции изучающих иностранные языки [22; 23; 24; 25]. Методологической особенностью обучения иностранным языкам является стандартизация уровней владения языком, сформулированная в виде системы дескрипторов и зафиксированная в документе «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка» [26]. В рамках данного документа предлагается модель коммуникативной компетенции, включающая лингвистическую, социолингвистическую и прагматическую компетенции. Каждая из них подразделяется на ряд субкомпетенций. Так, лингвистическая компетенция включает лексическую, грамматическую, семантическую и фонологическую компетенции. Социолингвистическая компетенция подразумевает знание лингвистических маркеров социальных отношений, знание норм вежливости, знание выражений

народной мудрости, знание регистров общения, способность распознавать языковые особенности диалектов. Прагматическая компетенция включает компетенцию дискурса, функциональную компетенцию, компетенцию схематического построения речи [26, с. 12-13]. Все отмеченные компетенции проявляются в различных видах устного и письменного общения: понимания (слушания и чтения), говорения и письма, поэтому система дескрипторов развития компетенций (от уровня А1 до уровня С2) организована относительно этих видов общения.

Поскольку метафорическая компетенция представляет собой важнейший компонент коммуникативной компетенции, имеющий ключевое значение в преподавании иностранных языков [27], возникла необходимость разработки дескрипторов поуровневого развития этой компетенции [22; 23; 24; 25]. Так, в исследовании [22; 23] изучалась метафоричность письменных работ студентов с разным уровнем владения иностранным языком (английским)[1]. Цель исследования предполагала выявление особенностей метафорической компетенции на каждом уровне владения иностранным языком, а также определение дескрипторов использования метафор, которые могли бы дополнить систему дескрипторов общеевропейских компетенций для каждого уровня владения письмом. Из корпуса Кембриджских экзаменационных работ были отобраны 200 эссе, написанные греческими и немецкими студентами, изучающими английский язык (по 20 на каждом уровне владения языком с А2 по С2). В ходе исследования были выделены параметры для разработки дескрипторов метафорической компетенции письма, такие как: 1) отношение метафорически употребленных слов к общему количеству слов в эссе; 2) соотношение языковых и образных метафор; 3) наличие кластеров метафор; 4) функции метафор; 5) доля метафор с ошибками – внутриязыковыми и межъязыковыми (отрицательным переносом, или интерференцией). В результате были предложены дескрипторы метафорической компетенции письма [22, с. 25-26]. Однако особо значимыми, на наш взгляд, являются некоторые промежуточные выводы данной работы. В частности, было выявлено, что метафорическая плотность увеличивается с повышением уровня владения языком. Количество функций метафор также возрастает с повышением уровня владения языком. Количество метафорически употребленных слов достоверно увеличивается от уровня В1 к уровню В2, при этом на уровне В2 существенно увеличивается количество неконвенциональных метафор по сравнению с уровнем В1, на котором выявляются преимущественно языковые (конвенциональные) метафоры. Кроме того, была обнаружена корреляция общего количества ошибок и количества метафорически употребленных слов с внутриязыковыми и межъязыковыми ошибками; максимальное количество межъязыковых ошибок в метафорических используемых словах встречалось в эссе студентов, имеющих уровень владения иностранным языком В2 [22, с. 25]. Таким образом, можно сформулировать еще один, существенный для дальнейших исследований метафорической компетенции вывод: в текстах студентов, имеющих уровень владения иностранным языком В2, присутствует большое количество метафор, выполняющих разнообразные функции, появляются неконвенциональные метафоры и метафорические кластеры; при этом возрастает количество ошибок в метафорически используемых словах, а межъязыковые ошибки (интерференция) преобладают. Иными словами, для исследования метафорической компетенции продуктивная письменная речь студентов, имеющих уровень владения иностранным языком В2, представляет наибольший интерес.

В то же время следует подчеркнуть, что еще большим исследовательским вызовом является изучение метафорической компетенции в процессе развития профессионально-коммуникативной компетенции, в том числе иноязычной. При этом развитие метафорической компетенции в профессионально-ориентированном обучении иностранным языкам предстает более сложным, интегративным феноменом. Во-первых, усложняется объект исследования, поскольку вместо коммуникативной и/или иноязычной коммуникативной компетенции мы обращаемся к компетенции профессиональной коммуникации, в том числе академического общения [28]. Во-вторых, увеличивается объем вовлекаемого в исследование материала: известно, что в академическом дискурсе метафорическая плотность намного выше, чем в других типах дискурса (публицистическом, художественном, разговорно-бытовом) [29]. В-третьих, изменяется предмет исследования – исследовательский фокус смещается с метафорической компетенции, то есть способности понимать и использовать метафоры языка повседневного общения – к способности понимать и использовать метафоры языка для профессиональных целей [30; 31; 32].

1 В исследовании были использованы тексты Кембриджского корпуса экзаменационных работ – Cambridge Learner Corpus (CLC).

В настоящем исследовании предпринимается попытка изучения динамики метафорической компетенции русскоязычных студентов-экономистов в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку (английскому).

В ходе исследования решались следующие задачи:

1) проанализировать представленные в литературе данные, касающиеся дескрипторов коммуникативной компетенции, профессиональной коммуникативной компетенции и метафорической компетенции студентов (уровень B2);

2) рассчитать отношение метафор к общему количеству слов в эссе студентов-экономистов;

3) определить особенности функционирования метафор в эссе студентов-экономистов;

4) выявить ошибки, допущенные в употреблении метафор в эссе студентов-экономистов;

5) сравнить метафорическую компетенцию студентов, изучающих язык для повседневного общения, и студентов, изучающих язык для специальных целей, в письменной профессиональной коммуникации.

Материалом исследования послужили 60 текстов эссе экономической тематики на английском языке, написанных студентами 2-го курса (30) и студентами третьего курса (30) образовательной программы «Экономика» Национального исследовательского университета Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ – Пермь) [33]. В исследовании принимали участие русскоязычные студенты, имеющие уровень владения иностранным (английским) языком B2. При этом студенты 2-го курса изучают английский язык для межличностного общения (English for General Purposes, EGP), а студенты 3-го курса – язык для общения в профессиональной сфере, в том числе в сфере академического общения (English for Specific/Academic Purposes, ESP/EAP)[1]. Подчеркнем, что в качестве основополагающего критерия отбора материала исследования выступает уровень иноязычной профессиональной компетенции студентов. В соответствии с этим критерием письменные тексты по экономике на английском языке русскоязычных студентов 2-го и 3-го курсов были проанализированы отдельно. Общий объем проанализированных текстов составил 19 631 слово. Из них 9 450 слов – объем текстов эссе, выполненных студентами 2-го курса, и 10 181 слово – объем текстов эссе, выполненных студентами 3-го курса.

Прежде всего, отметим, что если речь идет о профессионально-ориентированном обучении иностранному языку, то результатом этого сложного процесса будет интегративная профессионально-коммуникативная компетенция. Поэтому при анализе письменной коммуникации (эссе экономической тематики) целесообразно выделять (в исследовательских целях) уровень B2 коммуникативной компетенции, профессиональной (академической) компетенции и метафорической компетенции. Так, овладение письменной коммуникацией на уровне B2 характеризуется следующим набором дескрипторов: «Я умею писать понятные подробные сообщения по широкому кругу интересующих меня вопросов. Я умею писать эссе или доклады, освещая вопросы или аргументируя точку зрения "за" и "против". Я умею писать письма, выделяя те события и впечатления, которые являются для меня особо важными» [26]. Важнейшими признаками овладения академическим письмом на уровне B2 считаются формирование понятийного аппарата и соответствующего вокабуляра, а также способность создавать обстоятельный, детальный, свободный от ошибок, дискурсивно связный текст [28]. Дескрипторы метафорической компетенции изучающих иностранный язык, имеющих уровень владения B2, были разработаны авторами упомянутого ранее исследования: «Обучающиеся должны уметь применять языковые и образные метафоры в оценочной и риторической функции, начать использовать метафоры организации дискурса, начать создавать кластеры метафор, состоящие из дискурсоорганизующих метафор или метафор смешанного типа» [22, с. 25]. Кроме того, считаем уместным еще раз напомнить, что уровень иноязычной коммуникативной компетенции B2, с одной стороны, характеризуется значительным

1 В соответствии с требованиями Образовательного стандарта к результатам освоения программ бакалавриата по направлению подготовки «Экономика» и Программы дисциплины (Программа 2013) студенты 1-2 года обучения должны владеть иностранным языком на уровне, достаточном для разговорного общения, а также для поиска и анализа иностранных источников информации, в то время как студенты 3-4 года обучения должны быть способны к письменной и устной профессиональной коммуникации на английском языке.

увеличением числа метафор и их функций, а с другой – представляется наиболее уязвимым в отношении правильного использования метафор и высокой степени интерференции.

Важным вопросом является выбор процедуры идентификации метафоры в тексте. В нашем исследовании мы обратились к методике MIPVU, которая представляет собой поэтапный алгоритм и состоит из четырех этапов: 1) прочитать текст; 2) определить все лексические единицы, составляющие текст; 3а) установить контекстуальное значение для каждой лексической единицы; 3б) определить, имеет ли каждая лексическая единица базовое значение; 3в) определить, является ли базовое значение лексической единицы отличным от контекстуального значения; 3г) определить, соотносится ли по сходству контекстуальное значение лексической единицы с более конкретным базовым значением; 4) в случае утвердительного ответа на вопросы 3в и 3г лексическую единицу следует отметить как лингвистическую метафору [34; 29]. При анализе материала использовались словари Macmillan Dictionary for Advanced Learners [35] и Longman Dictionary of Contemporary English [36]. Вслед за авторами [34; 29] мы придерживаемся мнения, что лингвистическая метафора может представлять собой единицу, состоящую из одного слова, даже если словарь фиксирует это слово как компонент устойчивой фразы. Такой поход объясняется тем, что изучающие иностранный язык не имеют достаточного знания о сочетаемости его единиц, чтобы строить свое высказывание на принципе идиоматичности [37; 38].

В результате проведения процедуры идентификации метафоры семантического анализа материала было идентифицировано 1 506 метафор в текстах эссе, выполненных студентами 2-го курса, и 1 473 метафоры в текстах, выполненных студентами 3-го курса. Это значит, что одно эссе студентов 2-го курса в среднем содержит 315 слов и 52 метафоры, а эссе студентов 3-го курса – 339 слов и 49 метафор. Отношение метафорически употребленных единиц к общему количеству слов в эссе составило 16% в текстах студентов 2-го курса и 15% в текстах студентов 3-го курса (табл. 1).

Таблица 1. Общее количество слов и метафор в эссе студентов-экономистов 2-го и 3-го курсов, среднее количество слов и метафор в одном эссе,
отношение количества метафор к общему количеству слов

Количество слов и метафор	2-й курс	3-й курс
Общее количество слов	9 450	10 181
Общее количество метафор	1 506	1 473
Среднее количество слов	315	339
Среднее количество метафор	52	49
Отношение метафор к общему числу слов	16%	15%

Представленные в таблице 1 данные свидетельствуют о том, что овладение английским языком академического общения приводит к незначительному увеличению объема эссе и незначительному понижению его метафоричности. Количество метафор в письменной профессиональной коммуникации студентов-экономистов, имеющих уровень владения иностранным языком (английским) B2, превосходит количество метафор в письменной коммуникации студентов, имеющих такой же уровень владения иностранным (английским) языком. По данным вышеприведенного исследования, количество метафор в эссе студентов, имеющих уровень владения иностранным языком B2, составляет 10%, [22, с. 18]. Такая динамика подтверждается данными о более высокой степени метафоричности академического дискурса по сравнению с другими типами дискурса: в частности, в академическом подкорпусе Британского национального корпуса данный показатель составляет 18% [29].

Следующей задачей настоящей работы является изучение функций метафор в эссе студентов-экономистов, имеющих уровень владения иностранным языком B2. Исследователи, изучавшие особенности функционирования метафор в разных сферах, включая сферу академического общения, выделяют такие их функции, как оценочная функция, функция указания на смену темы, функция указания на ссылку на известное знание, функция организации дискурса и другие функции [39]. Подчеркнем, что в академическом письме ключевыми функциями любых языковых единиц являются передача специального (профессионального или научного) знания и обеспечение дискурсивной связности. С повышением уровня иноязычной коммуникативной компетенции увеличивается число метафор и их функций, в том числе функции передачи знания и функции текстовой (дискурсивной)

организации, что объясняется желанием автора убедительно донести до адресата специальное знание.

В результате анализа метафор, выявленных в текстах эссе студентов-экономистов разных курсов, были выявлены метафоры, выполняющие функцию передачи экономического знания и функцию организации дискурса. Сравнительный анализ показал, что количество метафор, выполняющих функцию передачи экономического знания, или профессиональных метафор (ПМ), составило 73% в работах студентов 2-го курса, что на 14% больше аналогичного показателя в текстах эссе студентов 3-го курса (59%). В отношении метафор, выполняющих функцию организации дискурса и обеспечения связности текста, или дискурсивных метафор (ДМ), наблюдается обратная картина: количество метафор в работах студентов 2-го курса оказалось намного меньше по сравнению с работами студентов 3-го курса. Иными словами, в эссе студентов 2-го курса количество дискурсивных метафор составило 27%, а в текстах эссе студентов 3-го курса – 41% (табл. 2).

Таблица 2. Функциональные типы метафор в эссе студентов-экономистов 2-го и 3-го курсов

Тип метафоры	**2-й курс**	**3-й курс**
Профессиональная метафора	73%	59%
Дискурсивная метафора	27%	41%

Как уже было представлено ранее, к дескрипторам письменной коммуникации уровня B2 относится компетенция написания эссе, обоснования своего мнения, аргументация и другие компоненты дискурсивной компетенции. Однако, в соответствии с требованиями Образовательной программы, студенты 2-го курса вовлечены только в устную коммуникацию и не имеют достаточного опыта академического письма. Этим и объясняется низкая доля дискурсивной метафоры в текстах их эссе. Переход к профессионально-ориентированному обучению английскому языку сказался не только на увеличении количества дискурсивной метафоры в текстах эссе студентов 3-го курса, но и на количественных и качественных характеристиках дискурсивных маркеров в целом [32]. Что касается профессиональной метафоры, то переход к профессионально-ориентированному обучению английскому языку сопровождается не только снижением количества метафор данного типа (что, по-видимому, объясняется освоением понятийного аппарата и терминологии профессиональной сферы), но и изменением метафорических моделей, репрезентирующих экономические понятия [30].

Следующим параметром метафорической компетенции иноязычного письма является наличие и типология ошибок. В данном исследовании под ошибкой мы понимаем отклонение от правильного употребления языковых единиц и форм как результат ошибочного действия учащегося [40, с. 198]. В основе ошибок иноязычной коммуникации лежат два механизма: внутриязыковой, связанный только с компетенцией изучаемого иностранного языка, и межъязыковой, обусловленный влиянием родного языка (отрицательный перенос, или интерференция) [26]. В соответствии с представленным механизмами можно выделить два типа ошибок в употреблении метафор – внутриязыковые (системно-языковые) и межъязыковые (обусловленные влиянием родного языка). Внутриязыковые ошибки классифицируются по аспектам языка (для письменной коммуникации релевантны лексические и грамматические ошибки) [40, с. 198]. Межъязыковые ошибки возникают в силу существования различий в системах родного и изучаемого языка и имеют место на уровне значения и употребления [40, с. 97]. Общее количество ошибок в употреблении профессиональных и дискурсивных метафор в эссе студентов-экономистов 2-го и 3-го курсов представлено в таблице 3.

Таблица 3. Количество ошибок в употреблении профессиональных и дискурсивных метафор в эссе студентов-экономистов 2-го и 3-го курсов

Тип метафоры	**2-й курс**	**3-й курс**
Профессиональная метафора	15%	13%
Дискурсивная метафора	7%	3%

Как свидетельствуют данные таблицы 3, наибольшей трудностью для студентов-экономистов обоих курсов явилась трансляция специального знания. При этом, несмотря на то, что количество профессиональных метафор в текстах эссе, выполненных студентами 2-го курса, на 14% превосходит аналогичный показатель в эссе студентов 3-го курса, различие в количестве ошибок является незначительным – 15% и 13% соответственно.

При рассмотрении ошибок употребления метафор, выполняющих функцию дискурсивной организации текста, выявляется обратная тенденция. Несмотря на то, что количество дискурсивных метафор в текстах эссе, выполненных студентами 2-го курса, на 14% меньше по сравнению с количеством дискурсивных метафор в текстах студентов 3-го курса, количество ошибок употребления метафор, допущенных студентами 2-го курса, более чем в два раза больше по сравнению с количеством ошибок в работах студентов 3-го курса (7% и 3% соответственно).

Продолжая рассматривать вопрос о типологии ошибок употребления метафор в эссе студентов-экономистов 2-го и 3-го курсов, обратимся к анализу каждого типа метафор. Сначала обратимся к результатам исследования профессиональной метафоры (табл. 4).

Таблица 4. Типы ошибок употребления профессиональной метафоры в эссе студентов-экономистов 2-го и 3-го курсов

Тип ошибок	2-й курс	3-й курс
Внутриязыковые ошибки	30%	29%
Межъязыковые ошибки	67%	71%
Ошибки смешанного типа	3%	0%

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в эссе студентов-экономистов 2-го и 3-го курсов присутствует равное количество внутриязыковых ошибок употребления профессиональных метафор – 30% и 29% соответственно. Количество межъязыковых ошибок в эссе студентов 2-го курса немного меньше (67%), чем в эссе третьекурсников (71%), но в то же время в их работах присутствуют ошибки смешанного типа (3%).

К внутриязыковым ошибкам употребления языковой метафоры относятся грамматические и лексические ошибки, такие как неправильное использование прилагательных и наречий, инфинитива, времени и залога, существительных, артиклей, существительных с предлогами, а также использование существительного вместо прилагательного, существительного вместо глагола, герундия вместо инфинитива, формы глагола в прошедшем времени вместо инфинитива, непереходного глагола вместо переходного глагола, глагола вместо существительного, наречия вместо прилагательного, герундия вместо существительного, инфинитива вместо герундия. Приведем примеры ошибок (прим.: написание авторов текстов-эссе сохранено):

1. The reason is the fact that in case of fail small companies can be **easier regenerated** than large ones because the owner needs less money to do it. (Студент, 2-й курс)
2. Whereas small firms can **easy** stop their activity or start without a large amount of resources. (Студент, 3-й курс)

В ходе анализа ошибок, обусловленных влиянием родного языка, или межъязыковых ошибок были выявлены следующие случаи неправильного употребления профессиональных метафор: правильный выбор метафорического выражения, но вследствие влияния родного языка в неправильной форме; неправильный выбор слов вследствие полисемии как русских, так и английских слов; перенос правил сочетаемости, принятых в своем родном языке, на сочетаемость соответствующих слов изучаемого иностранного языка; буквальный (пословный) перевод русских фраз на английский язык.

Кроме того, были выявлены 3% случаев неправильного использования метафоры, затрагивающих как внутриязыковой, так и межъязыковой механизм (в работах только студентов 2-го курса).

Анализ ошибок употребления дискурсивной метафоры показал, что в эссе студентов-экономистов 2-го и 3-го курсов присутствует разное количество внутриязыковых ошибок употребления профессиональных метафор – 63% в работах второкурсников и 30% в работах третьекурсников. Количество межъязыковых ошибок в эссе студентов 2-го курса намного меньше (37%), чем в эссе третьекурсников (55%), но в то же время в работах последних присутствуют ошибки смешанного типа (15%) (табл. 5).

Таблица 5. Типы ошибок употребления дискурсивной метафоры в эссе студентов-экономистов 2-го и 3-го курсов

Тип ошибок	2-й курс	3-й курс
Внутриязыковые ошибки	63%	30%
Межъязыковые ошибки	37%	55%
Ошибки смешанного типа	0%	15%

Исходя из принятой классификации внутриязыковых ошибок проанализируем ошибки употребления метафор, выполняющих функцию дискурсивной организации текста, в работах студентов-экономистов 2-го и 3-го курсов. В ходе анализа выявлено, что в обеих выборках имеются случаи неправильного использования языковых единиц на грамматическом уровне, в частности предлогов, артиклей и союзов. Однако количество неправильно используемых предлогов в письменных работах студентов 2-го курса превышает количество у студентов 3-го курса. Приведем примеры ошибок данной категории:

3. **In my mind**, every one should pay tax because it is dury before the state. I think it is favourable for government and nation to introduce the progressive tax system. (Студент, 2-й курс)

4. **As for my opinion is concerned**, competition between universities should exist because it can increase the efficiency of education. (Студент, 3-й курс)

Другие случаи внутриязыковых ошибок употребления метафоры встречались либо в работах только второкурсников, либо только третьекурсников. Так, в работах студентов-экономистов 2-го курса наблюдаются случаи использования глагола вместо существительного, неправильного использования прилагательного, неправильного использования существительного с предлогом, а также случаи фонетической омонимии, например:

5. On the other side, some people think that it is necessary for some reasons. Even among those people, who are for paying tax, there are many **argues about** proportion of such tax. (Студент, 2-й курс)

6. To **some up**, taxes, I think, should be different for different incomes of people, and the won't be very high. (Студент, 2-й курс)

В ходе анализа ошибок употребления дискурсивных метафор, обусловленных влиянием родного языка, или межъязыковых ошибок были выявлены такие же случаи нарушений, как и при употреблении профессиональных метафор.

В 15% случаев встречались ошибки употребления метафор смешанного типа, затрагивающие как внутриязыковой, так и межъязыковой механизм. Такие случаи были выявлены только в работах третьекурсников. Например:

7. One more **discussive question** in our country today is the proportion of taxes. (Студент, 3-й курс)

8. **In the second way**, it will be complaint for other professions which has equal income with teachers, doctors and so on. (Студент, 3-й курс)

В целом анализ ошибок употребления метафоры студентами-экономистами в текстах эссе на английском языке позволил выявить следующие тенденции. Во-первых, количество ошибок употребления метафоры больше в работах второкурсников, чем третьекурсников, причем ошибки употребления дискурсивной метафоры встречаются в работах студентов 2-го курса в два раза чаще, чем в работах студентов 3-го курса. Во-вторых, в процессе употребления профессиональной метафоры преобладают межъязыковые ошибки в эссе студентов обоих курсов, что, по-видимому, свидетельствует об освоении экономических понятий в условиях непосредственной профессиональной (академической) коммуникации; внутриязыковые ошибки употребления данной метафоры встречаются намного реже. В-третьих, ошибки употребления дискурсивной метафоры по-разному представлены в эссе студентов 2-го и 3-го курса. В работах второкурсников преобладают внутриязыковые ошибки, межъязыковые ошибки встречаются реже, однако их количество превосходит аналогичный показатель в работах третьекурсников. В эссе студентов 3-го курса внутриязыковые ошибки немногочисленны, там преобладают ошибки употребления дискурсивных метафор. Можно предположить, что профессионально-ориентированное обучение иностранному языку способствует снижению внутриязыковых ошибок употребления дискурсивной метафоры в академическом письме, но существенно увеличивает долю межъязыковых ошибок, обусловленных активным участием студентов в иноязычной письменной профессиональной коммуникации.

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о динамике метафорической компетенции русскоязычных студентов-экономистов в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку (английскому). В процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов-экономистов возрастает количество метафор в письменной коммуникации, наиболее интенсивно реализуется дискурсоорганизующая функция, уменьшается общее количество ошибок, однако при этом возрастает количество межъязыковых ошибок в употреблении как профессиональной, так и дискурсивной метафор. Наличие межъязыковых ошибок можно расценивать как показатель активного освоения нового подъязыка, а именно языка профессиональной (в том числе академической) коммуникации в сфере экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago, 2008.
2. Gibbs R. (Ed.), The Cambridge handbook of metaphor and thought. – Cambridge, NewYork: Cambridge University Press, 2008.
3. Hoang H. Metaphor and Second Language Learning: The State of the Field // The Electronic Journal for English as a Second Language. – 2014. – № 18 (2). [Электронный ресурс] - URL: http://researcharchive.vuw.ac.nz/bitstream/handle/10063/4195/thesis.pdf?sequence=2.
4. Danesi M. The role of metaphor in second language pedagogy // Rassegna Italiana Di Linguistica Applicata. – 1986. – № 18(3). – Pp. 1-10.
5. Low G. On teaching metaphor. Applied Linguistics. – 1988. – № 9(2). – Pp. 125–147.
6. Boers F., Lindstromberg S. Cognitive linguistic applications in second or foreign language instruction: Rationale, proposals, and evaluation / In G. Kristiansen, M. Achard, R. Dirven & F.J.R. de Mendoza Ibánez (Eds.), Cognitive linguistics: Current applications and future perspectives. – Berlin, NewYork: De Gruyter, 2006. – Pp. 305-355.
7. Boers F. & Lindstromberg S. Opening chapter: From empirical findings to Pedagogical practice. In F. Boers & S. Lindstromberg (Eds.), Cognitive linguistic approaches to teaching vocabulary and phraseology. – Berlin, New York: De Gruyter, 2008. – Pp. 1-61.
8. Boers F. Cognitive Linguistic approaches to teaching vocabulary: Assessment and integration // Language Teaching. – 2013. № 46(2). – Pp. 208–224.
9. Lewis M. The lexical approach: The state of ELT and a way forward. – London: Language Teaching Publications, 1993.
10. MacLennan C. Metaphors and prototypes in the learning teaching of grammar and vocabulary // IRAL. – 1994. – № 32(2). – Pp. 97-110.
11. Sweetser E. From etymology to pragmatics: Metaphorical and cultural aspects of semantic structure. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
12. Taylor J. Polysemy's paradoxes // Language Sciences. – 2003. – № 25(6).– Pp. 637-655.
13. Kecskés I. & Papp T. Metaphorical competence in trilingual language production. In J. Cenoz & U. Jessner (Eds.), English in Europe: The acquisition of a third language Clevedon: Multilingual!Matters, 2000. – Pp. 99-120.
14. Littlemore J. & Low G. Metaphoric competence, second language learning and communicative language ability //Applied Linguistics. – 2006. – № 27(2).– Pp. 268-294.
15. Low G. Metaphor and education. In R. Gibbs (Ed.), The Cambridge handbook of metaphor and thought. Cambridge.– New York: Cambridge University Press, 2008. – Pp. 212-231.
16. Hashemian M. & Talebi Nezhad M. The development of conceptual fluency & metaphorical competence in L2 learners // Linguistik Online. – 2007. – № 30.
17. Kathpalia S. & Heah L. Metaphorical competence in ESL student writing // RELC Journal. – 2011. – № 42(3). – Pp. 273-290.
18. Littlemore J. Metaphoric intelligence and foreign language learning // Humanising Language Teaching. – 2001. – № 3(2).
19. MacArthur F. Metaphorical competence in EFL: Where are we and where should we be going? A view from the language classroom // AILA Review. – 2010. – № 23. – Pp. 155-173.
20. Azuma, Masumi. Metaphorical competence in an EFL context: the mental lexicon and metaphorical competence of Japanese EFL students. PhD thesis, University of Nottingham, 2004. [Электронный ресурс] - URL: http://etheses.nottingham.ac.uk/1894/1/416746.pdf
21. Bachman L. Fundamental Consideration in Language Testing. – Oxford, Oxford University Press. 1990.
22. Littlemore J., Krennmayr T., Turner J. and Turner S. Investigating figurative proficiency at different levels of second language writing // Research Notes.– 2012. – № 47 (2). – Pp. 117-144.
23. Littlemore J., Krennmayr T., Turner J. and Turner S. Investigating figurative proficiency at different levels of second language writing // Applied Linguistics. – 2014. – № 35 (2). – Pp. 117-144.
24. Littlemore J., MacArthur F., Holloway J. & Cienki A. How to make yourself understood by international students: The role of metaphor in academic tutorials // ELT Research Papers: British Council Publications – 2012. – № 12-06. – Pp. 1-27.
25. Turner S. The development of metaphoric competence in French and Japanese learners of English. PhD thesis. – Birmingham, University of Birmingham, 2014. [Электронный ресурс] - URL: http://etheses.bham.ac.uk/5449/9/Turner14PhD.pdf.
26. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. – М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2003.
27. Sabet M., Tavakoli M. Metaphorical Competence: a Neglected Component of Communicative Competence // International Journal of Education & Literacy Studies. – 2016. – № 4(1). – Pp. 32-39.
28. Frumina E., West R. Internationalisation of Russian Higher Education: the English language dimention. – M.: British Council, 2012.
29. Steen G., Dorst A.G., Herrmann J.B., Kaal A., Krennmayr T. and Pasma T. (2010). A Method for Linguistic Metaphor Identification. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
30. Уткина Т.И., Мишланова С.Л. Метафора в профессиональной коммуникации (на материале экономического дискурса) // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – Т. 2. – № 2 (41). – С. 259-264.
31. Пермякова Т.М., Уткина Т.И. Изучение степени профессионализации академического дискурса посредством анализа моделей когнитивных метафор // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (серия Филология). – 2014. – № 3. – Т. 1. – С. 152-161.
32. Уткина Т.И., Костарева Е.В. Функционирование дискурсивных маркеров в академическом письме на английском языке студентов-экономистов // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – Т. 6. – № 38. – С. 100-115.

33. Программа учебной дисциплины “Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Программа ПУД «Иностранный язык (английский) для направления 080100.62 Экономика подготовки бакалавр [Электронный ресурс] - URL: http://www.hse.ru/edu/courses/94100352.html) (дата обращения: 09.12.2013)
34. PragglejazGroup. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse // Pragglejaz Group. Metaphor and Symbol. - № 22(1). - 2007. - Pp. 1-39.
35. Macmillan – Macmillan Dictionary for Advanced Learners. [Электронный ресурс] - URL: http://www.macmillandictionary.com (дата обращения: 05.07.2015).
36. Longman – Longman Dictionary of Contemporary English. [Электронный ресурс] - URL: http://www.ldoceonline.com (дата обращения: 05.07.2015).
37. Alejo R. Making sense of phrasal verbs: a cognitive linguistics account, in Littlemore, J and Juchem-Grundmann, C. (Eds) Applied cognitive linguistics in second language learning and teaching // AILA Review. – 2010. – № 23. – Pp. 50-71.
38. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. – Oxford: Oxford University Press, 1991.
39. Semino E. Metaphor in Discourse. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
40. Щукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.

REFERENCES

1. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 2008. (in Eng.).
2. Gibbs R. (Ed.), The Cambridge handbook of metaphor and thought. Cambridge, NewYork: Cambridge University Press, 2008. (in Eng.).
3. Hoang H. Metaphor and Second Language Learning: The State of the Field. The Electronic Journal for English as a Second Language, 2014. 18 (2). URL: http://researcharchive.vuw.ac.nz/bitstream/handle/10063/4195/thesis.pdf?sequence=2. (in Eng.).
4. Danesi, M. The role of metaphor in second language pedagogy. Rassegna Italiana Di Linguistica Applicata, 1986, 18(3): 1–10. (in Eng.).
5. Low G. On teaching metaphor. Applied Linguistics, 1988, 9(2): 125–147. (in Eng.).
6. Boers F., Lindstromberg S. Cognitive linguistic applications in second or foreign language instruction: Rationale, proposals, and evaluation. In G. Kristiansen,M. Achard, R. Dirven & F.J.R. de Mendoza Ibánez (Eds.), Cognitive linguistics: Current applications and future perspectives. Berlin, NewYork: De Gruyter, 2006. Pp. 305–355. (in Eng.).
7. Boers F. & Lindstromberg S. Opening chapter: From empirical findings to Pedagogical practice.In F.Boers& S. Lindstromberg (Eds.), Cognitive linguistic approaches to teaching vocabulary and phraseology. Berlin, New York: De Gruyter, 2008. Pp. 1–61. (in Eng.).
8. Boers F. Cognitive Linguistic approaches to teaching vocabulary: Assessment and integration. Language Teaching, 2013, 46(2): 208–224. (in Eng.).
9. Lewis M. The lexical approach: The state of ELT and a way forward. London: Language Teaching Publications, 1993. (in Eng.).
10. MacLennan C. Metaphors and prototypes in the learning teaching of grammar and vocabulary. IRAL, 1994, 32(2): 97–110. (in Eng.).
11. Sweetser E. From etymology to pragmatics: Metaphorical and cultural aspects of semantic structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. (in Eng.).
12. Taylor J. Polysemy’s paradoxes. Language Sciences, 2003, 25(6): 637–655. (in Eng.).
13. Kecskés I. & Papp T. Metaphorical competence in trilingual language production. In J. Cenoz & U. Jessner (Eds.), English in Europe: The acquisition of a third language Clevedon: Multilingual!Matters, 2000. Pp. 99–120. (in Eng.).
14. Littlemore J. & Low G. Metaphoric competence, second language learning and communicative language ability. Applied Linguistics, 2006, 27(2); 268–294. (in Eng.).
15. Low G. Metaphor and education. In R. Gibbs (Ed.), The Cambridge handbook of metaphor and thought. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2008. Pp. 212–231. (in Eng.).
16. Hashemian M. & Talebi Nezhad M. The development of conceptual fluency & metaphorical competence in L2 learners. Linguistik Online, 2007, 30. (in Eng.).
17. Kathpalia S. & Heah L. Metaphorical competence in ESL student writing. RELC Journal, 2011, 42(3): 273–290. (in Eng.).
18. Littlemore J. Metaphoric intelligence and foreign language learning. Humanising Language Teaching, 2001, 3(2). (in Eng.).
19. MacArthur F. Metaphorical competence in EFL: Where are we and where should we be going? A view from the language classroom. AILA Review, 2010, 23, 155-173. (in Eng.).
20. Azuma, Masumi. Metaphorical competence in an EFL context: the mental lexicon and metaphorical competence of Japanese EFL students. PhD thesis, University of Nottingham, 2004. URL: http://etheses.nottingham.ac.uk/1894/1/416746.pdf (in Eng.).
21. Bachman L. Fundamental Consideration in Language Testing. Oxford, Oxford University Press. 1990. (in Eng.).
22. Littlemore J., Krennmayr T., Turner J. and Turner S. Investigating figurative proficiency at different levels of second language writing, Research Notes, 2012, 47 (2): 117-144. (in Eng.).
23. Littlemore J., Krennmayr T., Turner J. and Turner S. Investigating figurative proficiency at different levels of second language writing, Applied Linguistics, 2014, 35 (2): 117-144. (in Eng.).
24. Littlemore J., MacArthur F., Holloway J. & Cienki A. How to make yourself understood by international students: The role of metaphor in academic tutorials // ELT Research Papers: British Council Publications 12-06, 2012. Pp. 1-27. (in Eng.).
25. Turner S. The development of metaphoric competence in French and Japanese learners of English. PhD thesis, Birmingham, University of Birmingham, 2014. URL: http://etheses.bham.ac.uk/5449/9/Turner14PhD.pdf. (in Eng.).
26. Obsheevropeiskie kompetentsii vladeniya inostrannym yazykom: izucheniye, obucheniye, otsenka. [Common European Framework for language learning, teaching and assessment]. M.: Moskovskiy gosudarstvennyi lingvisticheskiy universitet, 2003. (in Russ.).

27. Sabet M., Tavakoli M. Metaphorical Competence: a Neglected Component of Communicative Competence // International Journal of Education & Literacy Studies. 2016, 4(1): 32-39. (in Eng.).
28. Frumina E., West R. Internationalisation of Russian Higher Education: the English language dimention. Moscow: British Council, 2012. (in Eng.).
29. Steen, G., Dorst, A.G., Herrmann, J.B., Kaal, A., Krennmayr, T. and Pasma, T. (2010). A Method for Linguistic Metaphor Identification. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. (in Eng.).
30. Mishlanova, S.L. Utkina, T.I. Metafora v professional'noy kommunikatsii. [Metaphor in professional communication (on the economic discourse)]. Evropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk = European Social Science Journal. 2014. V.2. No. 2 (41). Pp. 259-264. (in Russ.).
31. Permyakova, T.M., Utkina, T.I. Investigating Professional Degree of Academic Discourse through Cognitive Metaphor Models. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina (seriya Filologiya). 2014. V. 1. No. 3. Pp. 152-161. (in Russ.).
32. Utkina, T.I., Kostareva E.V. Funktsionirovaniye diskursivnyh markerov v akademitcheskom pis'me na angliiskom yazyke studentov-ekonomistov. [Discoirse markers functioning (sphere of economics, students' written texts in English)]. Vestnik Tovskogo gosudarstvennogo universiteta (seriya Filologiya). 2015. V. 6. No. 38. Pp. 100-115. (in Russ.).
33. Programma uchebnoj discipliny «Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola e'konomiki» Programma PUD «Inostrannyj yazyk (anglijskij) dlya napravleniya 080100.62 E'konomika podgotovki bakalavr». URL: http://www.hse.ru/edu/courses/94100352.html (accessed: December 09, 2013) (in Russ.).
34. PragglejazGroup. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse // Pragglejaz Group. Metaphor and Symbol. № 22(1). 2007. Pp. 1-39. (in Eng.).
35. Macmillan – Macmillan Dictionary for Advanced Learners. URL: http://www.macmillandictionary.com (дата обращения: 05.07.2015). (in Eng.).
36. Longman – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: http://www.ldoceonline.com (дата обращения: 05.07.2015). (in Eng.).
37. Alejo R. Making sense of phrasal verbs: a cognitive linguistics account, in Littlemore, J and Juchem-Grundmann, C. (Eds) Applied cognitive linguistics in second language learning and teaching, AILA Review, 2010. 23: 50-71. (in Eng.).
38. Sinclair, J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991.
39. Semino E. Metaphor in Discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. (in Eng.).
40. Tshukin A.N. Lingvodidakticheskiy entsiklopedicheskiy clovar'. [Encyclopedia of Linguodidactics]. M.: Astrel': ACT: Khranitel', 2007. (in Russ.).

Информация об авторе

Уткина Татьяна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Пермь, Россия
utkinatat30@gmail.com

Мишланова Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой лингводидактики, Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Россия
mishlanovas@mail.ru

Получена: 24.10.2016

Для цитирования статьи: Уткина Т. И., Мишланова С. Л., Исследование метафорической компетенции студентов-экономистов в процессе профессионально-ориентированного обучения английскому языку. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-244-254.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-244-254.

Information about the author

Tatiana I. Utkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics,
Perm, Russia
utkinatat30@gmail.com

Svetlana L. Mishlanova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Department of Linguodidactics, Perm State National Research University,
Perm, Russia
mishlanovas@mail.ru

Received: 24.10.2016

For article citation: Utkina T.I., Mishlanova S.L., Issledovanie metaforicheskoj kompetencii studentov-jekonomistov v processe professional'no-orientirovannogo obuchenija anglijskomu jazyku. [Studying metaphoric competence of students of economics in teaching english for specific purposes].. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-244-254.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-244-254. (in Russian)

УДК 1(091) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-255-258

УШКАНОВА Раиса Дмитриевна
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
Якутск, Россия
radmush@inbox.ru

Raisa D. USHKANOVA
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russia
radmush@inbox.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛОДОТВОРНОСТЬ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ ФИЛОСОФИИ

METHODOLOGICAL PROFITABLE OF CULTUROLOGICAL MODELS IN STUDYING OF HISTORICAL TYPES OF PHILOSOPHY

В поисках эффективной методики преподавания по разделу общей философии «История философии» в статье упомянуты тематические схемы других авторов. В качестве основы для методического эксперимента использована культурологическая модель истории философии, в которой такие общеизвестные исторические типы философии, как космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм, дополнены знаниецентризмом, этатоцентризмом, логикоцентризмом, социоцентризмом, космизмом, гуманизмом.
Обоснована приоритетность культурализма перед персонализмом, что вытекает из выделения исторических, социально-политических, научных и других факторов развития обществ и подтверждает тезис «человек есть продукт своего времени».
Методологический аппарат статьи представлен методами типологизации, хронотопа, сравнительно-исторического анализа. Для более эффективного усвоения учебного материала студентам предложена хронологическая таблица «Культурологическая модель истории философии», которую они заполняют в процессе прохождения тем. Автор подчеркивает методологическую плодотворность предложенной таблицы, так как именно в процессе заполнения в течение семестра студент прослеживает эволюцию философской мысли.
В заключение высказано соображение, что предложенная хронологическая таблица удобна и универсальна для всех желающих тем, что ее можно заполнять по своему усмотрению и «увидеть» общую картину мира. Подчеркнуто мнение, что таблица «работает» на организацию мышления у студентов и помогает формированию у них своей мировоззренческой позиции.

Ключевые слова: типы философии, культурологическая модель истории философии, культурализм, персонализм, методология, мировоззренческая позиция.

In search of efficient teaching methods for the “History of Philosophy” as a field of general philosophy, the article mentions the thematic schemes of other authors. The cultorological model of the history of philosophy is used as a basis for the methodic experiment, which, in addition to such common historic types of philosophy as cosmocentrism, theocentrism, anthropocentrism, is complemented with knowledge-centrism, state-centrism, logic-centrism, sociocentrism, cosmism, humanism. The article explains the precedence of culturalism over personalism, which follows from distinguishing historical, socio-political, scientific and other factors of the societies’ development and confirms a thesis saying that “a human is a product of his time”. The article’s methodologies are represented by the methods of classification, chronotope, comparative historical analysis. To absorb the educational material more efficiently, the students are provided with a chronological table “Culturological model of the history of philosophy”, that they fill in upon studying the themes. The author highlights the methodological fruitfulness of the proposed table, as a student follows the evolution of philosophical thought while filling in the table throughout the semester. The conclusion suggests that the proposed chronological table is convenient and suitable for all interested people as it can be filled at one’s one discretion and one can “see” the general world outlook. The opinion highlighted is such that the table “works” to organize the students’ thinking and helps shaping their worldview position.

Keywords: types of philosophy, culturological model of history of philosophy, culturalism, personalism, methodology, worldview position

По всем направлениям подготовки и их профилям федерального государственного образовательного стандарта в качестве первоочередной задачи перед преподавателем вуза стоит формирование общекультурных компетенций у обучающихся. При воспитании подрастающего поколения еще в XIX в. немецкий философ и педагог Адольф Дистервег предложил придерживаться принципов природосообразности и культуросообразности. Он подчеркивал, что необходимо воспитывать, обучать и действовать природосообразно. Принцип культуросообразности он объяснял сообразностью с требованиями того или иного времени, что «каждый человек должен быть продуктом своего времени и его требований» [1].

Апеллируя к вышеизложенному тезису А. Дистервега, что «человек есть продукт своего времени», необходимо учитывать реалии сегодняшнего дня и рассмотреть специфику преподавания раздела общей философии «История философии» для будущих бакалавров нефилософских направлений подготовки. Ни для кого не секрет, что в истории зачастую имеет место быть политическая конъюктурность, лоббирование идей конкретных персоналий в зависимости, как сейчас сказали бы, от корпоративных интересов. Это обнаруживается при смещении угла зрения, когда предстает несколько иная картина, чем на самом деле. Стоит упомянуть, что общеизвестное гегелевское отрицание отрицания заключается не в том, чтоб тотально отрицать все предыдущее, а в том, чтобы выделить положительное из отрицаемого. Другое дело, что

подразумевается под этим положительным. Положительное для одного может показаться отрицательным для другого. Это зависит, как сказано выше, от выделения угла зрения.

Учитывая то, что в истории философии хронологический принцип является обязательным, следует подчеркнуть, что «дух не имеет временных характеристик и по отношению к духовному процессу прошлое, настоящее и будущее размываются… Следовательно, любое философское учение рассматривается в определенном хронотопе, то есть в единстве места и времени» [2, с. 13].

Нет необходимости говорить, как из «моря» учебно-методического материала каждый преподаватель выбирает что-то близкое своему видению искомого. Достаточно упомянуть логико-структурные схемы курса философии В.А. Канке [3] и такие же схемы основных компонентов философского знания В.В. Ильина и А.В. Машенцева [4]. Несомненно, такие схемы удобны для запоминания основной мысли материала, но все же недостаточны для представления общей картины развития философской мысли.

В связи с этим хотелось бы высказаться по поводу методологического поиска в условиях появления нового виртуального пространства-времени, как обратить избыток информации на благо обучающемуся, чтобы он был не только слушателем, но и активным участником занятий, как преподавать историю философии «детям» информационного времени, для которых планшеты и смартфоны стали необходимой атрибутикой повседневной жизни. Виртуальное пространство-время для них становится до того привычным, что иногда в сознании стирается грань между реальностью и виртуальностью. Здесь уместно заметить, что такое «виртуальное видение» вполне можно использовать и в «перемещении» по векам с помощью хронологической таблицы.

Как известно, история философии представлена в таких моделях, как формационная, цивилизационная, эпохальная и модель Ф. Энгельса. Хотелось бы отметить также и культурологическую модель, в которой такие общеизвестные типы философии, как космоцентризм, теоцентризм и антропоцентризм [5], дополнены знаниецентризмом, этатоцентризмом, логикоцентризмом, социоцентризмом, космизмом и гуманизмом [2].

Из вышеперечисленных моделей истории философии, на мой взгляд, наиболее оптимальной является культурологическая модель. Следует пояснить, почему именно она. Дело в том, что культурология, в отличие от философии культуры, не ставит своей задачей раскрытие сущностных оснований и универсальных принципов культуры как таковой, а реконструирует культурный универсум («картину мира») для целостного мировосприятия человека конкретной исторической эпохи через систему «культура - индивид». В такой системе предпочтение, сообразно тезису «человек есть продукт своего времени», отдается культурализму, нежели персонализму, так как историю делает не один человек. Культурологическая модель методологически плодотворна в том плане, что по ней удобно представить диахронно-синхронный мировоззренческий срез каждого исторического типа, или философской картины мира.

Принимая во внимание роль и значимость мыслителей, представляющих все исторические этапы, также «занятость» обучающихся в силу своеобразия информационного времени, необходимо было найти что-то, что помогало бы обучающимся более эффективно запоминать развитие философской мысли и как-то закреплять в памяти имена представителей того или иного исторического периода. Познавательный эффект при работе с таблицей становится более продуктивным, если применить диахронно-синхронный метод, способный дать общее представление как по хронологии исторических, социально- политических, социально экономических, научных и других событий того или иного времени, так и по их синхронии.

Не умаляя роли мыслителей прошлого и исходя из вышеуказанного тезиса «человек как продукт своего времени», необходимо сместить акцент с персонализма на культурализм, так как именно социально-политические, социально-экономические, научные и другие факторы составляют общий культурный фон конкретного времени. Такой акцент расставляет все на свои места, так как становится ясным, что в каждом человеке, в его «Я» отражается то, что происходит в окружающем мире. Методологическая установка, предложенная в культурологической модели, превращается в эффективный дидактический инструмент для изучения историко-философского процесса.

На основе культурологической модели была составлена хронологическая таблица, которая заполнялась на семинарских занятиях в текущем порядке. Такая таблица, несомненно, помогает обучающемуся упорядочить мышление, развивать пространственно-временное «видение» общей картины истории философии. Сама по себе хронологическая таблица не является каким-то новшеством, но упоминаемая таблица отличается, как было указано выше, некоторым

отходом от персонализма, что позволяет выделить другие факторы, формирующие философскую картину мира с ее доминирующей парадигмой мышления на том или ином этапе истории. К сожалению, не представляется возможным показать саму таблицу, разложенную по каждому веку, так как она охватывает историю философии, начиная с Упанишад и Фалеса. Приведу лишь основные заголовки (см. Таблицу).

Таблица
Культурологическая модель истории философии

Века	Исторические типы философии	Персоналии	Основные труды	Философские учения
	Античность			
VIII в. до н.э.	Космоцентризм			
	Средние века			
IV-XIV вв. н.э.	Теоцентризм			
XIV-XVI	Антропоцентризм			
	Новое время			
XVI-XVII	Знаниецентризм (науко-центризм)			
XVII	Этатоцентризм			
	Новейшее время			
XVIII	Логикоцентризм			
XIX	Социоцентризм			
	Современность			
XX	Космизм Гуманизм			

Таблица хронологически отражает общую характеристику доминирующей парадигмы философского мышления на тот или иной исторический период, основанного на других специальных картинах мира, в первую очередь - исторической. Не вдаваясь в содержательную сторону таблицы, заполняемую обучающимися в течение семестра, следует обратить внимание на «связки» смен философских картин мира, которые показывают, что из чего и почему логически вытекает. В этом плане нет необходимости подчеркивать, что на традиционное накладывается инновационное на любом этапе истории, поэтому распределение по векам подразумевает собой условность. Благодаря такой таблице студент прослеживает развитие философской мысли, смену исторических типов философии, которые представляют ни что иное, как философскую картину мира.

Необходимо подчеркнуть, что персоналии заполняются в зависимости от того, как разработана рабочая программа дисциплины, например, какие философские концепции выделяются преподавателем. Таким образом, ориентируясь по культурологической модели истории философии В.Д. Михайлова, легшей в основу предлагаемой автором строк хронологической таблицы, обучающийся может получить общее представление о развитии философской мысли в целом. Он учится воспринимать мир в единстве его многообразия, «видит», как на протяжении всей истории философской мысли сквозным лейтмотивом проходит поиск первоначал мироздания, поэтому для него не является чем-то необычным, что наука начала XXI в. пытается постичь «архэ» Фалеса с той лишь разницей, что использует высокотехнологичный инструментарий для исследования мироздания.

Культурологическая модель, подкрепленная хронологической таблицей, удобна тем, что каждый обучающийся в дальнейшем может добавить то, что ему необходимо по какой-либо дисциплине, тогда у него действительно разовьется такое пространственно-временное «видение», что однажды произойдет качественный скачок в сознании. Становится очевидным, что данная модель обладает достаточным объясняющим потенциалом и поэтому является методологически плодотворной. К этому необходимо добавить, что культурологическая модель позволяет «увидеть» историю философии в том числе и через художественное познание, для чего на занятиях используются презентационные материалы по шедеврам мировой культуры,

ибо философская мысль не может существовать сама по себе в отрыве от культуры того или иного времени.

В заключение хотелось бы надеяться, что вышеизложенное в какой-то степени поможет в формировании общекультурных компетенций, предъявляемых к обучающимся при выпуске из университета, а именно - мировоззренческой позиции сообразно своему времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дистервег А. О природосообразности и культуросообразности в обучении. [Электронный ресурс] - URL: http://jorigami.ru/PP_corner/Classics/Diesterweg/ Diesterweg_Adolf_Nature_and_Culture.htm#A2_Дистервег (дата обращения: 01.06.2015).
2. Михайлов В.Д. Философия. Компендиум для бакалавров. [Электронный ресурс] - Режим доступа: Moodle.ysu. ru (дата обращения: 07.02.2014).
3. Канке В.А. Философия: Учеб. пособие для студ. высш. и средн. спец. учеб. заведений. - М.: Логос, 2000.- 320 с.
4. Ильин В.В., Машенцев А.В. Философия в схемах и комментариях: Учеб. пособие. - СПб.: Питер, 2006. - 304 с.
5. *Гуревич П. С., Фролов. И. Т. Ф*илософское постижение человека // Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир - эпоха Просвещения / Редкол. И.Т. Фролов и др.; Сост. П.С. Гуревич. - М.: Политиздат, 1991. [Электронный ресурс] - URL: http://www.book-ua.org/lektsii/chelovek-myisliteli-proshlogo-i-nastoyashhego-o-ego-zhizni-smerti-i-bessmertii.html (дата обращения: 10.06.2015).

REFERENCES

1. Disterveg A. O prirodosoobraznosti i kul'turosoobraznosti v obuchenii. [Nature and Culture.]. Available at: http://jorigami.ru/ PP_corner/Classics/Diesterweg/Diesterweg_Adolf_Nature_and_Culture.htm (accessed 1 June 2015) (in Russ.).
2. Mihajlov V. D. Filosofija. Kompendium dlja bakalavrov. [Philosophy. Compendium for bachelors.]. Available at: Moodle.ysu. ru (accessed 7 Fevruary 2014).
3. Kanke V.A. Filosofija: Uchebnoe posobie dlja studentov vysshih i srednih special'nyh uchebnyh zavedenij. [Philosophy: Textbook for students of higher and secondary specialized educational institutions.]. Moscow: Logos, 2000. 320 p. (in Russ.).
4. Il'in V.V., Mashencev A.V. Filosofija v shemah i kommentarijah: Uchebnoe posobie. [Philosophy in diagrams and comments: Textbook.]. St. Petersburg: Peter, 2006. 304 p. (in Russ.).
5. Gurevich P. S., Frolov. I. T. Filosofskoe postizhenie cheloveka. [The philosophical comprehension of man.].Chelovek: Mysliteli proshlogo i nastoyashchego o ego zhizni, smerti i bessmertii. Drevnij mir-ehpoha Prosveshcheniya = Man: The thinkers of the past and present of his life, death and immortality. The ancient world-Enlightenment. Available at: http://www.book-ua.org/lektsii/chelovek-myisliteli-proshlogo-i- nastoyashhego-o-ego-zhizni-smerti-i-bessmertii.html (accessed 10 June 2015) (in Russ.).

Информация об авторе

Ушканова Раиса Дмитриевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»
г.Якутск, Россия
radmush@inbox.ru

Получена: 01.11.2016

Для цитирования статьи: Ушканова Р.Д., Методологическая плодотворность культурологической модели в изучении исторических типов философии. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 6. Часть 1. с. -6/1-255-258.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-255-258.

Information about the author

Raisa D. Ushkanova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russia
radmush@inbox.ru

Received: 01.11.2016

For article citation: Ushkhanova R.D., Metodologicheskaja plodotvornost' kul'turologicheskoj modeli v izuchenii istoricheskih tipov filosofii. [Methodological profitable of culturological models in studying of historical types of philosophy]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 6. Part. 1. Pp. -6/1-255-258.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1--6/1-255-258. (in Russian)

ИНФОРМАЦИЯ
для авторов журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

Уважаемые авторы, в связи с подготовкой журнала к включению в международные базы данных библиографического описания и научного цитирования Scopus и Web of Science, обращаем Ваше внимание на то, что с 2014 г. существенно изменены правила оформления представляемых рукописей. Особое значение теперь приобретают англоязычная аннотация к статье (Abstract) и список использованной автором литературы (References), поскольку именно они, а не текст самой статьи, находят отражение в системах Международных Баз Данных. По своему содержанию и информативности Abstract и References должны привлечь внимание зарубежных читателей к теме статьи. Соответственно, в интересах автора тщательно подойти к подготовке этих блоков статьи и обеспечить их максимально высокое качество.

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, философии, психологии, методики и методологии преподавания гуманитарных и педагогических дисциплин.
Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через online форму сайта журнала http://www.hist-edu.ru/. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf). Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и **тщательно вычитаны**.
Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала
Поступившая в редакцию рукопись направляется на рецензирование в редакционный совет [статья, помимо рецензий, присланных автором, проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знаю рецензентов)] и в 2-х недельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.
Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.
Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.
Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить:
-справку из аспирантуры вуза установленной формы,
- рецензию научного руководителя
-выписку из протокола заседания кафедры о рекомендации к публикации.
Рецензии, а также выписки и справки об обучении в аспирантуре, заверенные согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылаются простым письмом на адрес редакции. Отсканированные копии всех документов прилагаются к электронному письму отдельными файлами с расширением .jpg или .pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором работы, статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

Для авторов, не имеющих ученой степени, необходимо представить 2 рецензии авторитетных специалистов в соответствующей отрасли науки (как правило, имеющих ученую степень кандидата или доктора наук), подписанные и заверенные печатью по месту основной работы рецензентов. Рецензент несет ответственность за предоставляемую на рукопись рецензию.

Авторы, имеющие ученую степень, должны приложить 1 рецензию к своей работе.
Рецензия составляется в произвольной форме, обязательным является заключение «данная статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК», а также наличие подписи и печати.

При подаче статьи на наш электронный адрес akademus07@rambler.ru *просим Вас:*

1. *предоставлять рецензии (скан) на статью (если нет возможности провести рецензирование статьи, редакция имеет возможность Вам в этом помочь.* Данная услуга дополнительна и является платной*),*
2. оригинал направляется на адрес:
   350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.*;*
3. *уточнять, в какой рубрике размещать статью;*
4. *указывать почтовый адрес (с индексом) на который можно будет выслать журнал;*
5. *предоставлять копию проверки* ***на антиплагиат*** *в текстовом или графическом файле (****скриншот результата проверки).***

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ МАТЕРИАЛОВ:

Объем полного текста рукописи 8 - 20 страниц (не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).**)** В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.

Формат текста рукописи
Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word ,
в формате А 4 с полями 25 мм. Выравнивание по левому краю,
междустрочный интервал – полуторный, (1,5)
шрифт -Times New Roman, размер 14
Подзаголовки внутри статьи -прописными
Шрифт Библиографических ссылок : 12**.** междустрочный интервал –одинарный (1)
Текстовые сноски: шрифт -11, межстрочный интервал -1, без отступа

Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию;

Автоматические переносы не допускаются.

Автоматические сноски не допускаются.

1). индекс УДК;

- **Название работы** (прописными жирными буквами), точно отражающее содержание работы;
- **Авторы статьи.** фамилии и инициалы авторов следует указывать ПОЛНОСТЬЮ, (без сокращений) через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, [необходимо привести официальное ПОЛНОЕ название организации(без сокращений) которую представляете, полный почтовый адрес организации(й), электронная почта всех или одного из авторов], если авторов несколько, фамилия каждого следующего автора начинается с новой строки;

2). Русскоязычная аннотация:
Аннотация характеризует основную тему, актуальность, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну, что помогает быстрее уловить суть проблемы.

- Объем текста аннотация должен быть не менее **150-200 слов.**
  (**объем англоязычной версии аннотации не менее 200-250 слов**)
- **Ключевые слова,** (не менее 10-и слов) способствуют индексированию статьи в поисковых системах. Они должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

3). Англоязычная аннотация:

- **Article title.** Название на английском языке должно быть по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию и грамотно составлено с точки зрения английского языка,

• **Author names** ФИО необходимо писать в соответствие с заграничным паспортом, ученая степень и звание, должность автора.

• **Affiliation.** Необходимо указывать ОФИЦИАЛЬНОЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАЗВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ http://elibrary.ru

• **Abstract и Key words**: Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации

Объем англоязычной версии аннотации 200-250 слов

«Аннотации на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации»

4) Информация о спонсорстве. (на русском и английском языках**):**
Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).
Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

5) Текст статьи (на русском, английском или обоих языках):
Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например: [1, с. 290-316, 344] [2, л. 290-316. Л л. 2-22, 23-30, 208-212] [7, л. 29-31, 31 об.]
Документы (Архивы, ГОСТы, Приказы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Некоторые нюансы:

- При первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии.
- В заголовках на англ. языке все значимые слова пишутся с ЗАГЛАВНОЙ БУКВЫ.
- С заглавной буквы пишутся: Первая и Вторая мировые войны, Третий мир.
- Названия фирм, организаций и т.п. давать на языке оригинала.
- За исключением ООН, в названиях организаций (Европейский союз, и т.п.) с заглавной буквы пишется только первое слово.
- Точка не ставится после: рубрики, названия статьи, автора статьи, заголовков и подзаголовков, названий таблиц, рисунков, размерностей (с – секунда, г - грамм, м – метр).
- Годы указываются только в цифровой форме: 1985–1990 гг., но 1990-е годы (а не 1990-е гг.); XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.
- Буква ё ставится только в тех случаях, когда замена на е искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только е.
- Сокращения: др., пр., т.п., т.д. даются только в конце предложения. Слова так как, в том числе, потому что не сокращаются.
- При цифрах используется знак процента или промилле: 30 %; 15‰.
- В цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами: млрд; млн; тыс. После слов млрд и млн точка не ставится.

- Названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: долл., фр., р., ф. ст., названия других денежных знаков пишутся полностью.
- В цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания « — “ *** “ — ».

6) Библиографические ссылки (пристатейные списки литературы)
Статьи без ссылок на используемые источники и литературу **не принимаются.**
Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии
с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования». В оригинальных статьях желательно не более 15 источников, в обзорных – до 50.
Шрифт ссылок : Times New Roman размер 12.

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение "и др." или "et al.". **Недопустимо сокращать название статьи.**
Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25].
Документы (Приказы, ГОСТы, Архивы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) **нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.**
Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.
если статья имеет DOI, обязательно указать.

7) References: (пристатейные списки литературы на английском языке **и транслитерация названия статьи**)
Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках[]. При транслитерации можно воспользоваться ссылкой http://ru.translit.ru/?account=bgn
если статья имеет **DOI**, обязательно указать.

Следует обратить внимание на то, что Название статьи и журнала **НЕ** следует разделять знаком **«//»** и **«–»,** а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются **точкой.**

Названия отечественных журналов сокращать нельзя.

Структура библиографической ссылки в **REFERENCES** для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация),
- название статьи в транслитерированном варианте
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [***]
- название источника (транслитерация),
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые,
- язык, необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи. В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (*например, [ru; en]* ; (in Russian); (in English) (in Italy) (in Arabic) ит д.

Для транслитерации текста можно воспользоваться ссылкой http://ru.translit.ru/?account=bgn

Пример ссылки на статью из российского журнала:

- Mescheryakov A. V., Levushkin S. P. Perekrestnye jeffekty adaptacii k stressornym situacijam. [Cross-effects of adaptation to stress situations]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas*. 2015. V. 7. No. 3. Pp. 122-125. Doi: 10.17748/2075-9908.2015.7.3.122-125 (in Russ.).

- Kalahanova (Borlakova) Z. M. Istoricheskiy ocherk razvitiya i ustroystva Kavkazskih mineralnyih vod .[The revival of the culture of deported peoples of the North Caucasus in the ethnocultural space Russia]. Stavropol, 2015 y., p. 1 (in press).

Пример описания статей из SCOPUS, имеющих DOI:

- Zhang, Z., Zhu, D. Experimental research on the localized electrochemical micromachining (2008) Russian Journal of Electrochemistry, 44 (8), pp. 926-930. Cited 2 times. Doi: 10.1134/S1023193508080077 (in English)

Ссылка на Интернет-ресурс:
APA Style (2011), Available at: http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx (accessed 5 February 2011).
PravilaTsitirovaniyaIstochnikov (Rules for the Citing of Sources) Available at: http://www.scribd.com/doc/1034528/ (accessed 7 February 2011)

Материалы конференций:
Главное в описаниях конференций – название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет ее английского названия), выделенное курсивом. В скобках дается перевод названия на английский язык. Выходные данные (место проведения конференции, место издания, страницы) должны быть представлены на английском языке.

Примеры ссылок на публикации в материалах конференций:

UsmanovT.S., GusmanovA.A., MullagalinI.Z., MuhametshinaR.Ju., ChervyakovaA.N., SveshnikovA.V. Features ofthe design of field development with the use of hydraulic fracturing [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta].Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma “Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi” (Proc. 6th Int. Technol. Symp.“New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact”). Moscow, 2007, pp. 267-272.((in English)

Antina, E.V., Berezin, M.B., Semeikin, A.S., Dudina, N.A., Yutanova, S.L., and Guseva, G.B., Abstracts of Papers, XII Molodezhnaya konferentsiya po organicheskoi khimii (XII Youth Conference on Organic Chemistry), Suzdal, 2009, p. 248. (in Russian)

8) Таблицы и иллюстрации

- Количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 10. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия.
- Заголовки графиков должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения
- Заголовки к таблицам и рисункам должны быть **на русском и английском языке**
- Цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются.
- Иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты), либо отдельными файлами с расширением .TIFF и .JPG с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название.
- Фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и другие не рисованные иллюстрации необходимо загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx - в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» через Агентство «Роспечать» (подписной индекс 26187), а также через редакцию журнала.

Адрес редакции:
350080, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар,
мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301. akademus07@rambler.ru ,
сайт журнала: **http://www.hist-edu.ru**
телефон 8(861)2376219; 8(905)4713194

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей.
Идеи и выводы, высказываемые в публикуемых материалах, не обязательно отражают позицию редколлегии.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!
Вы можете оформить подписку на журнал
«Историческая и социально-образовательная мысль»
по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ»
Тел:/007 495/921-25-50 Факс: /007 495/785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: http://www.rosp.ru

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!
You can subscribe to «*Historical and Social Educational Ideas»*
through the «ROSPECHAT»
agency catalogue. **«**Russian Newspapers & Magazines -2016»
Phone: /007 495/921-25-50 Fax: /007 495/ 785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: http://www.rosp.ru

Уважаемые читатели!
Мы рады сообщить вам, что журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» доступен во Всемирной сети Интернет. Вы можете найти материалы вышедших в 2009 - 2016 гг. номеров журнала на: http://www.hist-edu.ru
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

Историческая
и социально-образовательная мысль
2016. Том 8 № 6/1

Подписной индекс **26187**
В объединенном каталоге
«Пресса России»

Подписано в печать 29.11.2016
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать RISO. Уч.-изд. 265 ст.
Тираж 550 экз.

Тираж изготовлен на полиграфической базе
Кубанской многопрофильной Академии подготовки, переподготовки
и повышения квалификации специалистов

г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32/301

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»